

**БЕЛКООПСОЮЗ
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БЕЛОРУССКИЙ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ»**

МОЛОДЕЖЬ И НАУКА

**СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ
XV МЕЖДУНАРОДНОГО ФОРУМА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ,
ПОСВЯЩЕННОГО 20-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ
СОВЕТА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ УНИВЕРСИТЕТА**

Гомель, 14–15 мая 2026 г.

Научное электронное текстовое издание

1 электронный оптический диск (CD-ROM)

Под научной редакцией
кандидата технических наук, доцента Е. П. Багрянцевой

**Гомель
Белорусский торгово-экономический
университет потребительской кооперации
2026**

ISBN 978-985-540-701-1

© УО «Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации», 2026

МОЛОДЕЖЬ И НАУКА

Научное электронное текстовое издание

Редакционная коллегия:

С. Н. Лебедева, д-р экон. наук, профессор;
Е. П. Багрянцева, канд. техн. наук, доцент;
Т. С. Алексеенко, канд. экон. наук, доцент;
А. Н. Аксёнов, канд. ист. наук, доцент;
В. Н. Дорошко, канд. экон. наук, доцент;
Ж. Ч. Коновалова, канд. юрид. наук, доцент;
В. Л. Кузьменко, канд. экон. наук, доцент;
Е. В. Лебедева, канд. физ.-мат. наук, доцент;
Д. В. Малахов, канд. филос. наук;
В. И. Маргунова, канд. экон. наук, доцент;
А. В. Медведев, канд. экон. наук, доцент;
М. В. Тимошенко, канд. экон. наук, доцент;
Е. Г. Федорцова, канд. филол. наук, доцент;
Е. Е. Нилова, начальник научно-исследовательского отдела

Председатель Совета молодых ученых
А. А. Житкевич

Рецензенты:

Н. В. Кузнецов, и. о. директора Гомельского филиала УО Федерации профсоюзов Беларуси
Международного университета «МИТСО», канд. экон. наук, доцент;
А. И. Капштык, д-р экон. наук, профессор Белорусского торгово-экономического
университета потребительской кооперации

Молодежь и наука [Электронный ресурс] : сборник научных статей XV Международного форума молодых ученых, посвященного 20-летию создания Совета молодых ученых университета, Гомель, 14–15 мая 2026 г. / редкол.: С. Н. Лебедева [и др.] ; под науч. ред. Е. П. Багрянцевой. – Гомель : Бел. торгово-экон. ун-т потреб. кооп., 2026. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Загл. с экрана.
ISBN 978-985-540-701-1

Сборник содержит теоретические и практические исследования в области мировой и национальной экономики, современных информационных технологий в экономике, современных тенденций развития экономики и права, бухгалтерского учета, анализа и аудита в условиях цифровизации экономики, финансов, денежного обращения и кредита, товароведения, экспертизы, качества и конкурентоспособности товаров, коммерческой деятельности и логистики, создания устойчивой экосистемы маркетинга в условиях перманентных изменений, социокультурных проблем и тенденций развития современного общества. Молодые ученые представили авторские разработки по решению целого ряда вопросов, затрагивающих интересы общества и государства.

Издание не требует установки на жесткий диск компьютера. На диске расположен файл издания в формате pdf.

МОЛОДЕЖЬ И НАУКА

Сборник научных статей
XV Международного форума молодых ученых,
посвященного 20-летию создания
Совета молодых ученых университета

Гомель, 14–15 мая 2026 г.

Научное электронное текстовое издание

Сведения о программном обеспечении:

программы просмотра веб-страниц (браузеры) Opera, Internet Explorer 11 и выше,
Mozilla Firefox, Google Chrome v. 65;
Adobe Reader 9 и выше, Adobe Acrobat Pro; DVD-ROM оптический привод

Минимальные системные требования:

Процессор: 2.33 GHz, Intel® Atom 1.6 GHz.
ОС: Windows 7 и выше.
Оперативная память: 1 GB и более.

За содержание и достоверность информации в материалах сборника отвечают авторы.

Редакторы: Е. А. Семченко, Ю. Г. Старовойтова
Компьютерная верстка Л. Г. Макарова

Учреждение образования «Белорусский торгово-экономический
университет потребительской кооперации».
Просп. Октября, 50, 246029, Гомель.
<http://bteu.by>

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/138 от 06.08.2024.
Просп. Октября, 50, 246029, Гомель.

Дата подписания к использованию: 10.07.26.
Тираж 10 экз. Объем 4,80 Мб. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

СОДЕРЖАНИЕ

I. МИРОВАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА	12
<i>Алексеев Т. С., Левков Д. В.</i> Роль кредитного рынка в экономике Республики Беларусь: анализ состояния и направления развития	12
<i>Алякритский Е. Р., Кудрявицкая Т. С.</i> Маркетплейсы и совершенствование таможенного администрирования трансграничной электронной торговли	16
<i>Депрессова И. И., Жилина Н. Н.</i> Факторы обеспечения устойчивого развития топливно-энергетического комплекса Республики Татарстан в современных условиях	19
<i>Дорошко В. Н., Асумани Д. К.</i> Формирование регуляторной среды для реализации зеленых финансов: опыт мира	22
<i>Ибятков Л. Р., Коростелкина И. А.</i> Теоретические основы исследования влияния миграционных процессов на экономическую безопасность региона	26
<i>Копылова Е. В., Монич С. Н.</i> Маркетинговые коммуникации как инструмент реализации стратегии организации	29
<i>Мищенко В. А., Мищенко Л. В., Петров-Рудаковский А. П., Крутикова В. Л.</i> Платежный баланс и его влияние на состояние валютной системы страны	32
<i>Наимов Д. М.</i> Развитие аграрного сотрудничества между Республикой Таджикистан и Республикой Беларусь	36
<i>Силкова А. М., Венгер С. О.</i> Участие Республики Беларусь в БРИКС и развитие национальной экономики	38
<i>Тимошенко М. В., Романова В. В.</i> Основные направления повышения уровня и качества жизни населения Добрушского района Гомельской области	42
<i>Чернявский М. Р., Бинько М. А., Ивко М. В.</i> Эволюция форм собственности в Республике Беларусь и смена экономической модели	45
II. СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЭКОНОМИКЕ	49
<i>Байбардина Т. Н., Гвоздь С. Г., Пальцева А. Д.</i> Использование больших данных (Big Data) для персонализации маркетинговых коммуникаций в электронной коммерции	49
<i>Бобонин П. В.</i> Экономическая устойчивость региональных компаний в условиях цифровизации: развитие методологических подходов к управлению рисками	52
<i>Тишкова Т. М., Жуковец М. А.</i> Экономическая эффективность внедрения IT-решений в жилищно-коммунальное хозяйство Республики Беларусь	55
<i>Уточкина Л. А.</i> Современные информационные технологии в экономике: трансформация инструментария и образовательных подходов	58
<i>Хайруллина Л. И., Мулюкова М. Б.</i> Совершенствование системы торгово-сбытовой деятельности предприятия в условиях цифровизации экономики	62
<i>Чернявский М. Р., Аксёнов В. А.</i> Экономические эффекты миграции ИТ-инфраструктуры бизнеса в облачные среды: анализ модели CAPEX vs OPEX	65
III. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И ПРАВА	68
<i>Абдульмянова Т. В., Глухов Н. С.</i> Перспективы развития уголовного права в контексте цифровых технологий	68
<i>Алексеев Т. С., Лапкин А. Г.</i> Правовая основа монетарного регулирования инвестиционного процесса в условиях интеграционных союзов	72
<i>Анисимова В. Н.</i> Алгоритмическое управление трудом: правовые риски использования искусственного интеллекта работодателями в России и Китае	75
<i>Артюхин А. А., Ямбушев Ф. Ш.</i> Цифровой суверенитет государства: концептуальные основания и особенности формирования	77
<i>Болохонов Б. С.</i> Правовое регулирование процедуры выдачи защитного предписания жертвам домашнего насилия в странах Евразийского экономического союза	81
<i>Бордакова А. Г., Васильева У. В.</i> Сравнительный анализ моделей нотариата в Республике Беларусь и Российской Федерации: поиск баланса между традициями, цифровизацией и административным контролем	84
<i>Волос С. В., Нилова Е. Е.</i> Пути совершенствования гарантий социально-экономических прав молодежи в Беларуси	88
<i>Герасимова Д. В., Лемтюгов Д. Н.</i> Акты прокурорского реагирования на выявленные нарушения законодательства и порядок их реализации в Республике Беларусь	90

<i>Герасимова Д. В., Савчик Е. В.</i> Доктрина эстоппель в праве Беларуси и России: теоретические подходы, законодательное закрепление и проблемы правоприменения	93
<i>Жданова Е. В., Губанова А. С.</i> Обзор тенденций в финансировании образовательных услуг высшего образования в России	96
<i>Кузнецов Н. В., Гужова О. А., Князькина Е. В.</i> Технологии, этапы, перспективы и сложности цифровизации в жилищно-коммунальном хозяйстве	99
<i>Куркина С. А., Макарова Е. С.</i> Сущность, цели и задачи рекламной деятельности в современных условиях рынка	104
<i>Кучерова М. А., Уманец В. А., Житкевич А. А.</i> Правовое регулирование защиты информации, относящейся к сфере частной жизни граждан, в гражданском законодательстве и законодательстве о персональных данных	108
<i>Лемтюгов Д. Н.</i> Информационная безопасность и кибербезопасность: соотношение понятий и закрепление в законодательстве Республики Беларусь	111
<i>Лемтюгов Д. Н., Приходько П. В.</i> Криминалистически значимая информация цифрового пространства как источник доказательств в расследовании киберпреступлений....	115
<i>Муженинина Е. А., Батура С. П.</i> Правовые аспекты регулирования дистанционной торговли и электронных торгов	118
<i>Никитенко Е. С., Рябченко М. Н., Домасевич Е. В., Житкевич А. А.</i> Репродуктивная услуга как объект гражданских прав.....	122
<i>Номоконов З. Л., Горбунова В. Б.</i> Современный инструментарий оценки рисков и управления ими на предприятии	125
<i>Осадчая У. А., Нилов Д. Г.</i> Самозащита трудовых прав работников в Республике Беларусь: понятие и формы	128
<i>Потапенко Ю. Д., Турчин К. А., Домасевич Е. В., Житкевич А. А.</i> Регулирование отношений, возникающих при применении вспомогательных репродуктивных технологий, в гражданском праве Республики Беларусь	131
<i>Потешкин М. А., Иванов П. Ю.</i> Тенденции развития надзора в сфере импортзамещения Прокуратурой Российской Федерации в 2026 г.	135
<i>Соловьева Д. В.</i> Использование искусственного интеллекта работодателями в России и Китае: правовые аспекты алгоритмического управления трудом	138
<i>Сотникова О. О., Курленкова Т. В.</i> Цифровой белорусский рубль: преимущества, влияние на денежно-кредитную политику и финансовую стабильность	142
<i>Трошин Н. А., Юрова Е. С.</i> Типологизация регионов Российской Федерации как основа дифференцированной экономической политики	145
<i>Хуббатуллин Н. А., Галанцева И. В.</i> Трудовые ресурсы: современные подходы к определению, классификации и управлению в условиях цифровизации	148
<i>Чернявский М. Р., Дзюбенко В. А.</i> Правовые проблемы защиты персональных данных на маркетплейсах	152
<i>Чистяков М. С., Шумилина М. А.</i> К вопросу о системности синергии взаимодействия: экосистемный подход	154
IV. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА, АНАЛИЗА, КОНТРОЛЯ И ФИНАНСОВ.....	158
<i>Езерская Т. А.</i> Становление и развитие национальной системы бухгалтерского учета в Республике Беларусь.....	158
<i>Зайцев Д. Е., Бабичева Н. Э.</i> Адаптивная эффективность организаций: разработка методики оценки.....	161
<i>Катайкина К. О., Захаркина Р. А.</i> Оценка финансовой устойчивости предприятия	165
<i>Комов А. М.</i> Оценка существующих подходов к анализу технико-технологической устойчивости экономического субъекта	168
<i>Романов А. А.</i> Комплексный анализ рисков привлечения заемного финансирования как интегрирующее звено в системе экономического анализа вертикально-интегрированных холдингов.....	172
<i>Толкачёва Е. Г., Брель А. А.</i> Совершенствование анализа финансовой устойчивости субъекта хозяйствования.....	175
<i>Хоменкова А. А., Новикова И. Н., Якубенко Г. А.</i> Трансформация инфраструктуры банковского обслуживания в условиях цифровизации экономики.....	179

V. ОРГАНИЗАЦИЯ ТОРГОВЛИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	183
<i>Байбардина Т. Н., Бурцева О. А., Романюк А. А.</i> Современные подходы к семиотическому анализу рекламного сообщения.....	183
<i>Байбардина Т. Н., Гвоздь С. Г., Буткевич М. А.</i> Особенности построения эффективной стратегии сбытовой политики	187
<i>Байбардина Т. Н., Гвоздь С. Г., Позднякова Ю. А.</i> Современные аспекты решения проблем в организации сбытовой деятельности.....	190
<i>Борищёва Т. И., Капштык А. И., Савостенко Н. А.</i> Актуальные аспекты изучения и прогнозирования покупательского спроса в розничной торговле	193
<i>Григорчикова Е. С., Кулик А. Д., Рассказова Н. Д.</i> Портрет пользователей маркетплейсов среди поколения Z.....	197
<i>Гурская С. П., Нерус Н. Г.</i> Оптимизация ассортимента «от хорошего к великому».....	200
<i>Мигун Т. М., Чумакова И. П., Капштык А. И.</i> Особенности мировых тенденций развития розничной торговли.....	203
<i>Пастушок М. А., Шеметова Е. Г.</i> К вопросу обеспечения безопасности в торговле.....	207
<i>Романюк А. А., Маньшина А. А.</i> Теоретико-методологические аспекты управления качеством и конкурентоспособностью потребительских товаров в условиях цифровизации экономики.....	211
<i>Стребкова Л. Н., Максименко А. М.</i> Анализ розничной торговли Новосибирской области.....	215
VI. ТОВАРОВЕДЕНИЕ, ЭКСПЕРТИЗА, КАЧЕСТВО И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ТОВАРОВ	219
<i>Антонова Е. Л., Сыцко В. Е.</i> Перспективные технологии повторного использования полимерных отходов.....	219
<i>Багрянцева Е. П., Нилова Е. Е.</i> Роль искусственного интеллекта в цифровой трансформации потребительской упаковки.....	222
<i>Иванова В. А., Сыцко В. Е.</i> Оценка конкурентоспособности обуви из полимерных материалов	227
<i>Рощина Е. В., Поздеева А. А.</i> Идентификационная экспертиза меда	229
<i>Рощина Е. В., Сморищук Н. А.</i> Идентификационная экспертиза муки.....	233
<i>Фёдорова С. С., Миллер Ю. Ю.</i> Анализ ассортимента винодельческой продукции на основе плодового сырья торговых предприятий г. Новосибирска.....	236
<i>Целикова Л. В., Дощечко А. А., Трубиш А. Е.</i> Качество воздуха и микроклимата среды закрытых помещений и их влияние на жизнедеятельность человека	239
VII. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА.....	243
<i>Домасевич К. А., Ефименко Т. Д., Федорцова Е. Г.</i> Социокультурные аспекты формирования национальной идентичности через проект «Кожная пятница – родное, своё» (на примере студенческой инициативы Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации).....	243
<i>Ергеши Е., Мусаев Е., Дарибаева А. А.</i> Будущее лингвистики через призму технологий распознавания речи	246
<i>Котов И. С., Саутина В. С.</i> Антиалкогольные кампании в СССР (1950–1980-е гг.).....	249
<i>Мистюк К. С.</i> Способы и средства создания образа межгосударственного интеграционного объединения в медиадискурсе.....	253
<i>Мусир А., Дарибаева А. А.</i> Гармоничная интеграция искусственного интеллекта и человеческого языка	256
<i>Шадиметов Э., Умурзакова М. А.</i> Язык интернет-коммуникации: лингвистические особенности и тенденции.....	258
VIII. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ЛОГИСТИКИ	260
<i>Граница Д. С., Марданов М. В.</i> Современные проблемы применения беспилотных автоматизированных систем в логистике	260
<i>Навичёнок Н. А., Капштык А. И., Савостенко Н. А.</i> Особенности операций современных логистических систем производственных организаций	263

<i>Потапенко М. С., Бондарева Т. В.</i> Комплексное исследование рынка молочной продукции как основа принятия решений в закупочной и сбытовой логистике отраслевых производственных организаций Беларуси	267
<i>Соколовская И. Е., Капштык А. И., Савостенко Н. А.</i> Использование современных логистических методов и подходов в деятельности торговых организаций	270
IX. ВТОРАЯ МИРОВАЯ И ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДА	274
<i>Беркимбаева А. Б., Гиззатуллин И. Г.</i> Татарстанцы в боях за Беларусь	274
<i>Солдатенко Е. Э., Зубович Д. Н., Барауля М. С.</i> Память без срока давности: взгляд современной молодежи на проблему фальсификации истории Великой Отечественной войны	277
X. ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	280
<i>Горбунов Н. А., Номоконова О. А.</i> Теоретические основы бизнес-модели	280
<i>Кузьменко В. Л., Кузьменко А. В.</i> Обучение персонала как основа успешной работы организации в современных условиях Республики Беларусь	283
<i>Романюк А. А.</i> Цифровая трансформация образовательной системы Республики Беларусь: организационно-административные и инфраструктурные аспекты	287
<i>Романюк А. А., Мужчинина Е. А.</i> Интернет-брендинг: инструменты и стратегии продвижения в цифровой среде	290
XI. ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ: ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, ПРАКТИКА	294
<i>Аксёнаў У. А., Аксёнаў А. М.</i> Першыя саюзы спажывецкіх таварыстваў на этнічнай тэрыторыі Беларусі: час і асаблівасці стварэння	294

CONTENTS

I. GLOBAL AND NATIONAL ECONOMY	12
<i>Alekseenko T., Levkov D.</i> The role of the credit market in the economy of the Republic of Belarus: analysis of the state and directions of development	12
<i>Alyakritskiy E., Kudryavitskaya T.</i> Marketplaces and improving customs administration of cross-border e-commerce	16
<i>Depresova I., Zhilina N.</i> Factors of ensuring sustainable development of the fuel and energy complex of the Republic of Tatarstan in modern conditions	19
<i>Doroshko V., Asumani D.</i> Formation of a regulatory environment for the implementation of green finance: world experience	22
<i>Ibyatov L., Korostelkina I.</i> Theoretical foundations for studying the impact of migration processes on the economic security of the region	26
<i>Kopylova E., Monich S.</i> Marketing communications as a tool for implementing an organization's strategy	29
<i>Mishchenko V., Mishchenko L., Petrov-Rudakovskiy A., Krutikova V.</i> Balance of payments and its impact on the state of the country's monetary system	32
<i>Naimov D.</i> Development of agricultural cooperation between the Republic of Tajikistan and the Republic of Belarus	36
<i>Silkova A., Venger S.</i> Participation of the Republic of Belarus in BRICS and the development of the national economy	38
<i>Timoshenko M., Romanova V.</i> Main directions for improving the standard and quality of life of the population of the Dobrush district, Gomel region	42
<i>Chernyavskiy M., Binko M., Ivko M.</i> Evolution of forms of ownership in the Republic of Belarus and the change of the economic model	45
II. MODERN INFORMATION TECHNOLOGIES IN ECONOMICS	49
<i>Baybardina T., Gvozd S., Paltseva A.</i> Using Big Data (Big Data) for personalization of marketing communications in e-commerce	49
<i>Bobonin P.</i> Economic sustainability of regional companies in the context of digitalization: development of methodological approaches to risk management	52
<i>Tishkovskaya T., Zhukovets M.</i> Economic efficiency of implementing IT solutions in the housing and communal services of the Republic of Belarus	55
<i>Utochkina L.</i> Modern information technologies in economics: transformation of tools and educational approaches	58
<i>Khairullina L., Mulyukova M.</i> Improving the system of trade and sales activities of the enterprise in the context of digitalization of the economy	62
<i>Chernyavskiy M., Aksyonov V.</i> Economic effects of migrating business IT infrastructure to cloud environments: analysis of the CAPEX vs. OPEX model	65
III. MODERN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF ECONOMICS AND LAW	68
<i>Abdulmyanova T., Glukhov N.</i> Prospects for the development of criminal law in the context of digital technologies	68
<i>Alekseenko T., Lapkin A.</i> Legal basis for monetary regulation of the investment process in the context of integration unions	72
<i>Anisimova V.</i> Algorithmic labor management: legal risks of use of Artificial Intelligence by employers in Russia and China	75
<i>Artyukhin A., Yambushev F.</i> Digital sovereignty of the state: conceptual foundations and features of formation	77
<i>Bolokhonov B.</i> Legal regulation of the procedure for issuing protective orders to victims of domestic violence in the EAEU countries	81
<i>Bordakova A., Vasilyeva U.</i> Comparative analysis of notary models in the Republic of Belarus and the Russian Federation: finding a balance between traditions, digitalization and administrative control	84
<i>Volos S., Nilova E.</i> Ways to improve guarantees of socio-economic rights of youth in Belarus	88
<i>Gerasimova D., Lemtyugov D.</i> Acts of prosecutorial response to identified violations of legislation and the procedure for their implementation in the Republic of Belarus	90

Gerasimova D., Savchik E. The doctrine of estoppel in the law of Belarus and Russia: theoretical approaches, legislative consolidation and problems of law enforcement	93
Zhdanova E., Gubanova A. Review of trends in the financing of educational services of higher education in Russia	96
Kuznetsov N., Guzhova O., Knyazkina E. Technologies, stages, prospects and difficulties of digitalization in housing and communal services	99
Kurkina S., Makarova E. The essence, goals and objectives of advertising activities in modern market conditions	104
Kucherova M., Umanets V., Zhitkevich A. Legal regulation of the protection of information related to the private life of citizens in civil legislation and legislation of personal data.....	108
Lemtyugov D. Information security and cybersecurity: the relationship of concepts and their consolidation in the legislation of the Republic of Belarus	111
Lemtyugov D., Prikhodko P. Forensically significant information in the digital space as a source of evidence in the investigation of cybercrimes.....	115
Muzhchinina E., Batura S. Legal aspects of regulation of distance selling and electronic trading	118
Nikitenko E., Ryabchenko M., Domasevich E., Zhitkevich A. Reproductive service as an object of civil rights	122
Nomokonov Z., Gorbunova V. Modern tools for risk assessment and management at the enterprise.....	125
Osadchaya U., Nilov D. Self-defense of labor rights of workers in the Republic of Belarus: concept and forms.....	128
Potapenko Yu., Turchin K., Domasevich E., Zhitkevich A. Regulation of relations arising from the use of assisted reproductive technologies in the civil law of the Republic of Belarus	131
Poteskin M., Ivanov P. Trends in the development of supervision in the sphere of import substitution by the Prosecutor's Office of the Russian Federation in 2026	135
Solovieva D. Use of Artificial Intelligence by employers in Russia and China: legal aspects of algorithmic labor management	138
Sotnikova O., Kurlenkova T. Digital Belarusian ruble: advantages, impact on monetary policy and financial stability	142
Troshin N., Yurova E. Typology of regions of the Russian Federation as a basis for differentiated economic policy.....	145
Khubbatullin N., Galantseva I. Labor resources: modern approaches to definition, classification and management in the context of digitalization.....	148
Chernyavsky M., Dzyubenko V. Legal issues of personal data protection on marketplaces	152
Chistyakov M., Shumilina M. On the issue of the systematic nature of interaction synergy: an ecosystem approach.....	154
IV. CURRENT ISSUES IN THE DEVELOPMENT OF ACCOUNTING, ANALYSIS, CONTROL AND FINANCE	158
Ezerskaya T. Formation and development of the national accounting system in the Republic of Belarus.....	158
Zaitcev D., Babicheva N. Adaptive efficiency of organizations: development of assessment methodology	161
Kataikina K., Zakharkina R. Assessing the financial stability of an enterprise.....	165
Komov A. Assessment of existing approaches to the analysis of technical and technological sustainability of an economic entity	168
Romanov A. Comprehensive risk analysis of debt financing as an integrating element in the economic analysis of vertically integrated holding companies.....	172
Tolkacheva E., Brel A. Improving the analysis of financial stability of a business entity	175
Khamiankova H., Novikava I., Yakubenko G. Transformation of banking infrastructure in the context of digitalization of the economy	179
V. ORGANIZATION OF TRADE AT THE PRESENT STAGE	183
Baybardina T., Burtseva O., Romanyuk A. Modern approaches to semiotic analysis of advertising messages	183
Baybardina T., Gvozd S., Butkevich M. Features of building an effective sales policy strategy	187

<i>Baybardina T., Gvozd S., Pozdnyakova Yu.</i> Modern aspects of solving problems in organizing sales activities.....	190
<i>Barshchova T., Kapshtyk A., Savostenko N.</i> Current aspects of consumer research and forecasting demand in retail.....	193
<i>Grigorchikova E., Kulik A., Rasskazova N.</i> A portrait of marketplace users among generation Z	197
<i>Hurskaya S., Nerus N.</i> Optimization of the assortment “from good to great”	200
<i>Mihun T., Chumakova I., Kapshtyk A.</i> Features of global trends in the development of retail trade	203
<i>Pastushok M., Shemetova E.</i> Towards the issue of security in commerce	207
<i>Romanyuk A., Manshina A.</i> Theoretical and methodological aspects of managing the quality and competitiveness of consumer goods in the context of digitalization of the economy	211
<i>Strebkova L., Maksimenko A.</i> Retail analysis of the Novosibirsk region	215

VI. COMMODITY SCIENCE, EXPERTISE, QUALITY AND COMPETITIVENESS OF GOODS..... 219

<i>Antonova E., Sytsko V.</i> Prospective technologies for reusing polymer waste.....	219
<i>Bahrantsava K., Nilava A.</i> The role of artificial intelligence in the digital transformation of consumer packaging	222
<i>Ivanova V., Sytsko V.</i> Evaluation of the competitiveness of footwear made of polymeric materials	227
<i>Roschchyna A., Pozdeeva A.</i> Identification examination of honey	229
<i>Roschchina A., Smarshchok M.</i> Identification examination of flour	233
<i>Fedorova S., Miller Yu.</i> Analysis of the range of wine products based on fruit raw materials of trading enterprises in Novosibirsk	236
<i>Tselikava L., Doschechko A., Trubish A.</i> Air quality and microclimate of indoor environments and their impact on human life	239

VII. SOCIOCULTURAL PROBLEMS AND DEVELOPMENT TRENDS OF MODERN SOCIETY 243

<i>Domasevich K., Efimenko T., Fedortsova E.</i> Sociocultural aspects of the formation of national identity through the project “Every friday – native, yours” (based on the example of the student initiative of the Belarusian Trade and Economics University of Consumer Cooperatives).....	243
<i>Ergesh E., Musaev E., Daribaeva A.</i> The future of linguistics through the prism of speech recognition technologies.....	246
<i>Kotov I., Sautina V.</i> Anti-alcoholic campaigns in the USSR (1950–1980-th)	249
<i>Mistsiyuk K.</i> Methods and means of creating the image of an interstate integration association in media discourse	253
<i>Musir A., Daribaeva A.</i> Harmonious integration of artificial intelligence and human language	256
<i>Shadimetov E., Umurzakova M.</i> The language of internet communication: linguistic features and trends	258

VIII. CURRENT ISSUES IN LOGISTICS DEVELOPMENT 260

<i>Granitsa D., Mardanov M.</i> Modern problems of using unmanned automated systems in logistics	260
<i>Navichonak N., Kapshtyk A., Savostenko N.</i> Peculiarities of operations of modern logistics systems of production organizations	263
<i>Potapenko M., Bondareva T.</i> Complex dairy market research as a basis for decision-making in purchasing and sales logistics of industrial manufacturing organizations in Belarus.....	267
<i>Sakalouskaya I., Kapshtyk A., Savostenko N.</i> Use of modern logistic methods and approaches in the activities of trade organizations.....	270

IX. THE SECOND WORLD WAR AND THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE HISTORICAL MEMORY OF THE PEOPLE.....	274
<i>Berkimbaeva A., Gizzatullin I.</i> Tatarstan citizens in the battles for Belarus.....	274
<i>Soldatenko E., Zubovich D., Baraulya M.</i> Memory without expiration: the view of today's youth on the problem of falsifying of the history of the Great Patriotic War	277
X. INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN ENTREPRENEURSHIP.....	280
<i>Gorbunov N., Nomokonova O.</i> Theoretical basis of the business model.....	280
<i>Kuzmenko V., Kuzmenko A.</i> Personnel training as the basis for successful operation of an organization in the modern conditions of the Republic of Belarus.....	283
<i>Romanyuk A.</i> Digital transformation of the educational system of the Republic of Belarus: organizational, administrative and infrastructural aspects	287
<i>Romanyuk A., Muzhchinina E.</i> Internet branding: tools and strategies for digital promotion	290
XI. CONSUMER COOPERATIVES: THEORY, HISTORY, AND PRACTICE.....	294
<i>Aksyonov V., Aksyonov A.</i> The first unions of consumer societies in ethnic territory of Belarus: time and features of creation	294

I. МИРОВАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

УДК 338.001.36

Т. С. Алексеенко (atcpetr@mail.ru),

канд. экон. наук, доцент

Д. В. Левков (dan_leva123@mail.ru),

студент

Белорусский торгово-экономический
университет потребительской кооперации
г. Гомель, Республика Беларусь

РОЛЬ КРЕДИТНОГО РЫНКА В ЭКОНОМИКЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

В статье проведен анализ состояния кредитного рынка Республики Беларусь, рассмотрены объем кредитного портфеля, структура кредитования, уровень просроченной задолженности. Исследованы тенденции смягчения условий кредитования и цифровизации банковских услуг, выявлены системные проблемы. Определены перспективные направления развития кредитного рынка на 2026 г. в контексте реализации денежно-кредитной политики.

The article analyzes the state of the credit market in the Republic of Belarus, examines the volume of the loan portfolio, the structure of lending, and the level of overdue debt. Trends in easing lending conditions and digitalization of banking services are studied, systemic problems are identified. Promising directions for the development of the credit market in 2026 are determined in the context of the implementation of monetary policy.

Ключевые слова: кредитный рынок; банковское кредитование; денежно-кредитная политика; кредитный портфель; инвестиционное кредитование.

Key words: credit market; bank lending; monetary policy; loan portfolio; investment lending.

Актуальность исследования кредитного рынка Республики Беларусь обусловлена его ключевой ролью в обеспечении экономического роста, трансформацией структуры заемных средств в условиях изменяющейся денежно-кредитной политики, необходимостью поддержания финансовой стабильности и развитием цифровых каналов кредитования. Кредитный рынок выступает важнейшим элементом финансовой системы, обеспечивающим перераспределение капитала между секторами экономики, стимулирование потребительского спроса и инвестиционную активность субъектов хозяйствования.

Как отмечают исследователи, кредитный рынок представляет собой сложную систему финансовых отношений, связанных с аккумуляцией временно свободных денежных средств и их размещением на условиях возвратности, срочности и платности [1]. В условиях геополитической нестабильности возрастает значение эффективного функционирования денежно-кредитной сферы для обеспечения устойчивого экономического развития страны.

Правовая природа кредитного рынка обусловлена исключительным правом банков на осуществление банковских операций, включая размещение привлеченных денежных средств от своего имени и за свой счет. Данная исключительность предопределяет необходимость особого регулирования кредитных отношений и контроля за деятельностью участников кредитного рынка.

Кредитный рынок Республики Беларусь демонстрирует устойчивую динамику развития. По данным официальной статистики, кредитный портфель банков (задолженность клиентов и банков по кредитам и иным активным операциям) на 1 января 2026 г. составил 112,3 млрд бел. р., увеличившись за 2025 г. на 12,8% [2]. При этом объем предоставленных банками рублевых ресурсов вырос за январь–декабрь 2025 г. на 17,1% до 81,6 млрд бел. р., тогда как объем валютной задолженности в долларовом эквиваленте увеличился на 23% до 10,6 млрд долл. США [2].

В структуре кредитования экономики задолженность по кредитам, выданным секторам экономики, на 1 января 2026 г. составила 95,9 млрд бел. р., увеличившись за год на 12,6% [2]. Анализ распределения кредитных ресурсов показывает, что организациям государственной формы собственности на указанную дату были предоставлены кредиты на сумму 32,4 млрд бел. р. (+15,2% к 1 января 2025 г.), организациям частного сектора – 28,2 млрд бел. р. (+7,2%), физическим лицам – 29,8 млрд бел. р. (+13,9%), небанковским финансовым организациям – 5,5 млрд бел. р. (+19,6%) [2].

Важной характеристикой кредитного рынка является структура кредитов по срокам погашения. На 1 января 2026 г. доля краткосрочных кредитов в общем объеме кредитов экономики составила 30% против 34,1% годом ранее, тогда как доля долгосрочных кредитов увеличилась с 65,9 до 70% [2]. Данная тенденция свидетельствует о постепенном смещении структуры кредитования в сторону долгосрочных вложений, что создает предпосылки для реализации инвестиционных проектов.

Качество кредитного портфеля остается на приемлемом уровне. Доля просроченной задолженности в общей сумме задолженности по кредитам и иным активным операциям составила на 1 января 2026 г. 0,81% против 0,79% на 1 января 2025 г. При этом общая сумма просроченной задолженности выросла на 15% до 907,1 млн бел. р. [2].

В 2025 г. рост кредитования в национальной валюте демонстрировал положительную динамику. По данным Евразийского банка развития, в сентябре 2025 г. рост кредитования в национальной валюте ускорился до 1,2% после 0,3% в августе. Ключевым фактором стало увеличение кредитного портфеля юридических лиц (+1,3% в сентябре) [3].

В июне 2025 г. рост кредитования в национальной валюте составлял 2%, что также было обусловлено увеличением корпоративного кредитования [4].

В IV квартале 2025 г. на кредитном рынке сложилась тенденция значительного смягчения условий кредитования в национальной валюте. Согласно данным Национального банка, опубликованным в аналитическом обзоре «Мониторинг условий банковского кредитования», участники обследования отметили общее смягчение условий кредитования в бел. р., тогда как в сегменте иностранной валюты изменения носили менее выраженный характер [1; 5; 6].

Основное влияние на смягчение условий кредитования оказало планомерное снижение уровня процентных ставок по кредитам в национальной валюте, что стимулировало активный интерес к кредитным продуктам со стороны всех категорий заемщиков [1]. В начале 2026 г. банки прогнозируют дальнейшее смягчение условий кредитования в бел. р., в то время как в валютном кредитовании значительных изменений не ожидается [1; 5].

В корпоративном сегменте в октябре–декабре 2025 г. условия кредитования смягчились в одинаковой степени для всех категорий бизнеса – от малого до крупного. При кредитовании в иностранной валюте смягчение затронуло только представителей малого и среднего бизнеса [5; 6]. В I квартале 2026 г. банки ожидают дальнейшее смягчение условий кредитования как крупных, так и малых и средних организаций в бел. р. [1].

Существенной тенденцией развития кредитного рынка является цифровизация кредитных процессов. Доля кредитных договоров, заключенных посредством систем дистанционного обслуживания, в IV квартале 2025 г. составила 38% [1; 5]. Данный показатель свидетельствует о растущем доверии населения к дистанционным каналам взаимодействия с банками и готовности финансовых институтов развивать цифровые сервисы.

Несмотря на позитивную динамику, кредитный рынок Республики Беларусь сталкивается с рядом системных проблем. В условиях внешнеторгового дисбаланса сохраняется противоречие между стимулированием внутреннего спроса через потребительское кредитование и ростом импорта. Стимулирование внутреннего спроса способствует развитию розничной торговли и производства, однако одновременно может увеличивать импорт потребительских товаров.

Важной проблемой остается диспропорция в структуре кредитования по формам собственности. Как показывают данные, темпы роста кредитования предприятий государственной формы собственности (+15,2%) существенно опережают аналогичный показатель для частного сектора (+7,2%) [2]. Данная дифференциация отражает сохраняющиеся структурные особенности распределения кредитных ресурсов.

Кроме того, сохраняется определенный структурный перекос в сторону потребительского кредитования в ущерб инвестиционному. Несмотря на заявленные приоритеты, фактическая структура выданных кредитов свидетельствует о высоком спросе населения на потребитель-

ские цели. Вместе с тем, Национальный банк проводит политику, направленную на стимулирование инвестиционного кредитования [4].

Важным вызовом является поддержание качества кредитного портфеля. При общем росте кредитования на 12,8% просроченная задолженность увеличилась на 15%, что требует повышенного внимания со стороны банков к управлению кредитными рисками [2].

Основные направления развития кредитного рынка Республики Беларусь на 2026 г. определены в Указе Президента Республики Беларусь от 3 ноября 2025 г. № 386 «О целевых показателях денежно-кредитной политики Республики Беларусь на 2026 год» и утвержденных Правлением Национального банка Основных направлениях денежно-кредитной политики на 2026 г. [7; 8].

Согласно данным документам, в 2026 г. требования банков к экономике вырастут, по оценке, на 9–11%, в том числе требования к юридическим лицам – на 10–12%. Общий объем кредитования банками юридических и физических лиц в национальной и иностранной валютах в 2026 г. составит 235–240 млрд р. [5].

В числе приоритетов остается поддержка инвестиционной активности в стране. Объем инвестиционного финансирования, по прогнозу, вырастет на 13–15%, что соответствует целевому показателю, установленному Указом № 386, – прирост объема инвестиционного финансирования не менее 13% [7; 8].

Одновременно продолжится увеличение объема кредитов, выдаваемых банками на приобретение товаров отечественного производства, – их доля составит не менее 12% от общего объема потребительского кредитования [7].

Доступности кредитных ресурсов будет способствовать сохранение привлекательных ценовых условий. Процентная ставка по новым кредитам банков юридическим и физическим лицам в национальной валюте (без учета ставок по межбанковским кредитам) оценивается на уровне 11,5–14% годовых в среднем в 2026 г., при этом процентная ставка по новым инвестиционным кредитам банков составит, по оценке, 10–12% годовых [7].

Для обеспечения кредитной поддержки реального сектора экономики продолжится формирование устойчивой и сбалансированной ресурсной базы банков. Приоритет будет отдаваться привлечению ресурсов с длительным сроком хранения. По оценке, доля остатков срочных безотзывных банковских вкладов (депозитов) физических лиц в белорусских рублях со сроком возврата, превышающим один год, в общем остатке срочных вкладов (депозитов) физических лиц в национальной валюте будет на уровне не менее 72% на конец 2026 г. [7].

В сфере цифровизации установлены целевые показатели: доля договоров потребительского кредита, заключенных с использованием систем дистанционного банковского обслуживания, должна составить не менее 42% [7].

Достижению целевых показателей денежно-кредитной политики будет способствовать сохранение контроля за динамикой денежного предложения. Оценивается, что в 2026 г. прирост средней широкой денежной массы составит 10–12%, прирост рублевой денежной массы – 13–15%, прирост рублевой денежной базы – 9–11% [7]. Прирост потребительских цен установлен на уровне не более 7%, международные резервные активы – не менее 9,2 млрд долл. США, доля необслуживаемых активов банков в активах, подверженных кредитному риску, – не более 10% [8].

Кредитный рынок Республики Беларусь демонстрирует устойчивый рост, характеризующийся увеличением объемов кредитования, смягчением условий предоставления заемных средств и активной цифровизацией кредитных процессов. По состоянию на начало 2026 г. кредитный портфель банков достиг 112,3 млрд бел. р., увеличившись за 2025 г. на 12,8%. Ключевыми тенденциями развития кредитного рынка являются увеличение доли долгосрочного кредитования, рост доли дистанционно оформленных кредитов до 38%, а также сохранение высокого качества кредитного портфеля при незначительном росте просроченной задолженности.

Дальнейшее развитие кредитного рынка связано с реализацией приоритета инвестиционного кредитования, для которого установлен целевой ориентир роста не менее 13% в 2026 г. Перспективы рынка определяются макроэкономической динамикой и эффективностью мер денежно-кредитной политики, направленных на поддержание баланса между стимулированием внутреннего спроса и обеспечением финансовой стабильности.

Список использованной литературы

1. **Банки** прогнозируют дальнейшее смягчение условий кредитования в 2026 году // GB.BY. – 2026. – URL: <https://www.gb.by/novosti/banki-prognoziryut-dalneisee-smyagchenie> (дата обращения: 24.03.2026).
2. **Кредитный** портфель белорусских банков вырос на 12,8% за 2025 год // Primepress. – 2026. – URL: https://primepress.by/news/finansy/kreditnyy_portfel_belorusskikh_bankov_vyros_na_12_8_za_2025_god_-53643/ (дата обращения: 24.03.2026).
3. **ЕАБР:** рост кредитования в нацвалюте в Беларуси ускорился в сентябре // Neg.by. – 2025. – URL: <https://neg.by/novosti/otkrytiy/eabr-rost-kreditovaniya-v-natsvalyute-v-belarusi-uskorilsya-v-sentyabre/> (дата обращения: 24.03.2026).
4. **ЕАБР:** в Беларуси ускорился рост кредитования в национальной валюте // EXPORT.BY. – 2025. – URL: <https://export.by/news/eabr-v-belarusi-uskorilsya-rost-kreditovaniya-v-natsionalnoy-valyute> (дата обращения: 24.03.2026).
5. **Белорусские** банки прогнозируют дальнейшее смягчение условий кредитования в национальной валюте // СБ. Беларусь сегодня. – 2026. – URL: <https://www.sb.by/articles/belorusskie-banki-prognoziryut-dalneyshee-smyagchenie-usloviy-kreditovaniya-v-natsionalnoy-valyute.html> (дата обращения: 24.03.2026).
6. **Белорусские** банки прогнозируют дальнейшее смягчение условий кредитования в белорусских рублях // Горецкий райисполком. – 2026. – URL: <https://gorki.gov.by/print/16880> (дата обращения: 24.03.2026).
7. **Утверждены** Основные направления денежно-кредитной политики Республики Беларусь на 2026 год // Национальный банк Республики Беларусь. – 2025. – URL: <https://www.nbrb.by/press/21764> (дата обращения: 24.03.2026).
8. **О целевых** показателях денежно-кредитной политики Республики Беларусь на 2026 год : Указ Президента Респ. Беларусь от 3 нояб. 2025 г. № 386 // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/special/ru/documents/ukaz-no-386-ot-3-noabra-2025-g> (дата обращения: 24.03.2026).
9. **Резанович, К. А.** Кредитный рынок Республики Беларусь: устройство, состояние и перспективы развития / К. А. Резанович ; науч. рук. А. М. Шутова // Национальная экономика Республики Беларусь: проблемы и перспективы развития : материалы XVIII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, апрель 2025 года. – Мн. : БГЭУ, 2025. – С. 105–107.

МАРКЕТПЛЕЙСЫ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ТАМОЖЕННОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ ТРАНСГРАНИЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ

В статье рассматриваются современные тенденции развития глобальной и российской электронной коммерции. Анализируется динамика индекса Конференции Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД) и рост трансграничного сегмента торговли. Особое внимание уделяется трансформации роли маркетплейсов под влиянием изменений в законодательстве Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Описывается процесс адаптации таможенного администрирования к новым реалиям, включая разработку Соглашения об электронной торговле и введение института операторов электронной торговли. Делается вывод о неизбежности углубления интеграции цифровых платформ в систему государственного контроля для эффективного регулирования товарных потоков.

The article examines current trends in the development of global and Russian e-commerce. It analyzes the dynamics of the United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD) index and the growth of the cross-border trade segment. Particular attention is paid to the transformation of the role of marketplaces under the influence of changes in the legislation of the Eurasian Economic Union (EAEU). The process of adapting customs administration to new realities is described, including the development of the Agreement on Electronic Trade and the introduction of the institution of e-commerce operators. The article concludes that deeper integration of digital platforms into the state control system is inevitable for the effective regulation of goods flows.

Ключевые слова: ЕАЭС; маркетплейсы; таможенное регулирование; трансграничная торговля; электронная коммерция.

Key words: EAEU; marketplaces; customs regulation; cross-border trade; e-commerce.

В последние годы электронная коммерция демонстрирует устойчивую тенденцию к росту, что обусловлено ускоренной цифровизацией экономики, распространением интернет-инфраструктуры и трансформацией потребительских моделей поведения. Особенно заметным катализатором этих процессов стал пандемийный период, когда ограничения на офлайн-торговлю стимулировали массовый переход покупателей и бизнеса в онлайн-пространство [1, с. 29]. В результате электронная коммерция превратилась из дополнительного канала продаж в один из ключевых элементов современной глобальной торговой системы.

Данные статистики подтверждают устойчивость данной тенденции: согласно индексу электронной коммерции ЮНКТАД (таблица 1), базовое значение которого в 2016 г. составляло 100 пунктов, к 2023 г. показатель увеличился до 214,13 пункта. Важно отметить, что за рассматриваемый период объем индекса фактически вырос более чем в два раза, что свидетельствует о системном расширении цифровых торговых платформ и увеличении объема онлайн-продаж. Особенно значительный рост наблюдается в период 2021–2023 гг., когда после COVID-19 онлайн-каналы окончательно закрепились в структуре потребительского спроса.

Таблица 1 – Индекс ЮНКТАД в секторе продаж e-commerce

Год	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Значение индекса	100,00	114,15	128,96	137,12	142,70	161,99	183,85	214,13
Примечание – Основано на данных из источника [2].								

Следует сказать, что рост электронной коммерции сопровождается активным развитием ее трансграничного сегмента, который становится одним из наиболее динамичных направлений международной торговли. Трансграничная электронная коммерция позволяет компаниям выходить на зарубежные рынки без значительных инвестиций в физическую инфраструктуру, что существенно снижает барьеры для интернационализации бизнеса. Кроме того, цифровые платформы, интеграция глобальных платежных систем и совершенствование логистических цепей способствуют ускорению международного обмена товарами через онлайн-каналы. В этой связи

особый интерес представляет динамика мирового рынка трансграничной электронной торговли, представленная в таблице 2. Согласно имеющимся оценкам и прогнозам, объем данного рынка увеличился с 0,97 трлн долл. США в 2022 г. до 1,02 трлн долл. США в 2023 г. При этом в 2024 г. показатель достиг 1,14 трлн долл. США, а к 2030 г., по прогнозу экспертов, приблизится к отметке 1,84 трлн долл. США.

Таблица 2 – Объем рынка трансграничной электронной торговли

Год	2022	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030
Объем рынка, трлн долл. США	0,97	1,02	1,14	1,21	1,31	1,43	1,55	1,69	1,84
Примечание – Основано на данных из источника [3].									

Совокупный анализ статистики ЮНКТАД и прогнозных данных по мировому рынку трансграничной электронной коммерции (таблицы 1 и 2) позволяет сделать вывод о формировании устойчивого тренда расширения цифровой торговли. Внутренний рост электронной коммерции, отраженный в индексе ЮНКТАД, формирует базу для масштабирования онлайн-бизнеса, тогда как трансграничный сегмент открывает дополнительные возможности для международной экспансии компаний. В результате на современном этапе формируется комплексная глобальная экосистема электронной коммерции, в которой трансграничные операции играют все более значимую роль. Именно эта тенденция предопределяет необходимость совершенствования механизмов государственного регулирования [4, с. 309] и таможенного администрирования трансграничной электронной торговли.

Продemonстрированные выше глобальные тенденции развития электронной коммерции находят свое отражение и в национальных экономиках, в том числе в Российской Федерации [5, с. 34]. Важно обратить внимание на тот факт, что в России одним из наиболее показательных примеров организации трансграничной электронной торговли является именно деятельность маркетплейса Ozon [6, с. 79]. В структуре данной платформы функционирует специализированное подразделение Ozon Global, ориентированное на развитие международной торговли и взаимодействие с иностранными продавцами [3]. Посредством данного сервиса российские потребители получают доступ к широкому ассортименту товаров, поставляемых из различных государств, включая Китай, Турцию, Объединенные Арабские Эмираты, страны СНГ и ряд европейских государств.

В данном контексте необходимо отметить, что с точки зрения правового регулирования товары, перемещаемые через каналы электронной торговли, в большинстве случаев оформляются как международные почтовые отправления либо экспресс-грузы, соответственно, их оборот подчиняется нормам, установленным на уровне Евразийского экономического союза. Основным нормативным актом в данной сфере является Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 20 декабря 2017 г. № 107 «Об отдельных вопросах, связанных с товарами для личного пользования». Указанный документ устанавливает единые нормы ввоза товаров для физических лиц, приобретаемых на зарубежных интернет-площадках. В настоящее время действующие правила предусматривают возможность беспоплатного ввоза товаров стоимостью до 200 евро и весом до 31 кг в рамках одного отправления. В случае превышения указанных параметров возникает обязанность уплаты таможенных платежей, размер которых составляет 15% от стоимости товара, но не менее 2 евро за каждый килограмм веса в части превышения установленных лимитов.

Исходя из вышесказанного, трансграничная электронная торговля неизбежно вовлекает маркетплейсы в процессы таможенного администрирования. Хотя формально они не выступают участниками внешнеэкономической деятельности в традиционном понимании, фактически платформы выполняют функции посредника между участниками сделки и государственными органами контроля. В частности, маркетплейсы обеспечивают сбор и передачу предварительной информации о товарах, их стоимости, отправителе и получателе, что существенно облегчает совершение таможенных формальностей. Кроме того, цифровые инструменты платформ позволяют автоматически информировать покупателей о действующих таможенных ограничениях, возможных пошлинах и правилах ввоза товаров. В результате этого формируется новая модель взаимодействия бизнеса и государства в сфере трансграничной электронной торговли.

Дальнейшее развитие трансграничной электронной торговли ведет к трансформации роли маркетплейсов в системе международного товарооборота. Одним из ключевых этапов данной

работы на текущий момент является подготовка отдельного Соглашения об электронной торговле товарами в рамках ЕАЭС. Согласно информации, размещенной в официальных источниках Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), в январе 2026 г. Совет ЕЭК одобрил проект указанного Соглашения и направил его государствам-членам для проведения внутригосударственных процедур, необходимых для последующего подписания и вступления документа в силу.

Параллельно с этим осуществляется масштабная модернизация таможенного законодательства Союза, например, 25 декабря 2023 г. был подписан Протокол о внесении изменений в Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза [7, с. 27–28]. Предполагается, что соответствующие изменения вступят в силу ориентировочно до 1 июля 2026 г. Указанные реформы направлены на адаптацию таможенного регулирования к реалиям стремительно растущего сектора электронной торговли и к специфике трансграничных поставок товаров, приобретаемых через интернет-площадки.

В рамках разрабатываемых изменений существенным образом пересматривается правовой статус маркетплейсов в системе трансграничной торговли. В частности, обсуждается закрепление в таможенном законодательстве Союза новой категории участников правоотношений – операторов электронной торговли. Введение данного института направлено на формирование более четкой правовой конструкции взаимодействия между государственными органами, участниками электронной торговли и логистическими посредниками. Согласно анализу разрабатываемых нормативных решений, операторы электронной торговли будут наделены рядом новых полномочий и обязанностей, к которым относятся обеспечение функционирования специализированных складских объектов, предназначенных для хранения товаров электронной торговли до момента совершения таможенных операций, а также подача таможенной декларации на данную категорию товаров и дальнейшее помещение под таможенные процедуры, сопряженное с уплатой таможенных платежей.

В этой связи маркетплейсы постепенно трансформируются в полноценных участников таможенных правоотношений. Подобная модель взаимодействия между самими площадками, покупателями и таможенными органами позволяет существенно повысить прозрачность трансграничных товарных потоков и снизить административную нагрузку на государственные органы.

Подводя итог проведенному анализу, также стоит сказать, что электронная коммерция как на глобальном, так и на национальном уровне вступила в стадию устойчивого институционального развития. Так, мировой тренд цифровизации торговли находит прямое отражение в трансформации инфраструктуры электронной торговли и в эволюции механизмов правового регулирования. В свою очередь, законодательство ЕАЭС постепенно адаптируется к данным изменениям, вводя новые правовые конструкции, в частности институт операторов электронной торговли, и расширяя их функциональные возможности в сфере таможенного администрирования.

Таким образом, дальнейшее развитие трансграничной электронной торговли неизбежно будет сопровождаться углублением взаимодействия между государственными органами и цифровыми платформами. В условиях, когда через онлайн-площадки перемещаются значительные объемы международных отправок, эффективное регулирование возможно лишь при тесной интеграции технологических решений бизнеса и административных механизмов государственного контроля.

Список использованной литературы

1. **Александрова, Е. Н.** Драйверы роста электронной торговли в мировой экономике / Е. Н. Александрова // Экономика: теория и практика. – 2022. – № 4 (68). – С. 29–35. – DOI: 10.31429/2224042X_2022_68_29. – EDN BGJNAA.
2. **Stronger** statistics to measure e-commerce and the digital economy // UNCTAD. – URL: <https://unctad.org/news/stronger-statistics-measure-e-commerce-and-digital-economy> (дата обращения: 06.03.2026).
3. **Ozon** из-за рубежа // Ozon. – URL: <https://docs.ozon.ru/common/ozon-global/?country=RU> (дата обращения: 09.03.2026).
4. **Головенчик, Г. Г.** Трансграничная электронная торговля как проявление цифровой глобализации / Г. Г. Головенчик // Беларусь в современном мире : Материалы XXII Междунар. науч. конф., посвященной 102-й годовщине образования Белорусского государственного университета, Минск, 26 октября 2023 года. – Мн. : Белорусский государственный университет, 2023. – С. 305–310. – EDN JGENCL.

5. **Татаева, И. Ю.** Международные инструменты регулирования трансграничной электронной торговли / И. Ю. Татаева // Вестник Российской таможенной академии. – 2023. – № 1 (62). – С. 32–42. – DOI 10.54048/20727240_2023_01_32. – EDN UYREXM.

6. **Бондаренко, А. А.** Современное состояние и тенденции развития международной электронной торговли в странах ЕАЭС / А. А. Бондаренко // Материалы Ивановских чтений. – 2025. – № 2 (49). – С. 78–81. – EDN UTQBUK.

7. **Основные** направления развития трансграничной торговли в ЕАЭС / В. Д. Ануфриева, Р. И. Астапович, Д. П. Минин [и др.] // Наука и технологии – 2024 : сб. статей III Международного научно-исследовательского конкурса, Петрозаводск, 26 августа 2024 года. – Петрозаводск : Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И. И.), 2024. – С. 23–30. – EDN WWMUZQ.

8. **Cross-Border** Online Shopping Statistics // Capital One Shopping. – URL: <https://capitaloneshopping.com/research/cross-border-online-shopping-statistics/> (дата обращения: 06.03.2026).

УДК 338.45:620.9(470.41)

И. И. Депресова (depresova.i@yandex.ru),
магистр

Н. Н. Жулина (znadnik@inbox.ru),
канд. экон. наук, доцент

Казанский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации
г. Казань, Республика Татарстан

ФАКТОРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В статье рассматриваются ключевые факторы, определяющие устойчивое развитие топливно-энергетического комплекса (ТЭК) Республики Татарстан в условиях технологических ограничений и необходимости импортозамещения. Проведен анализ текущего состояния нефтедобывающей, нефтеперерабатывающей и электроэнергетической отраслей региона. Выявлены и систематизированы основные направления обеспечения устойчивости: технологическая модернизация, экологизация производства, программно-целевое регулирование и развитие нефтехимической переработки. Сформулированы выводы о перспективах ТЭК Татарстана как стратегического фундамента экономики региона.

This article examines the key factors that determine the sustainable development of the fuel and energy complex (FEC) of the Republic of Tatarstan under conditions of technological constraints and the need for import substitution. The analysis of the current state of the oil production, oil refining and electric power industries of the region is carried out. The main directions for ensuring sustainability are identified and systematized: technological modernization, greening of production, program-targeted regulation and development of petrochemical processing. Conclusions are drawn about the prospects of the FEC of Tatarstan as the strategic foundation of the region's economy.

Ключевые слова: топливно-энергетический комплекс; устойчивое развитие; Татарстан; нефтедобыча; нефтепереработка; модернизация; импортозамещение; экологическая безопасность.

Key words: fuel and energy complex; sustainable development; Tatarstan; oil production; oil refining; modernization; import substitution; environmental safety.

Топливо-энергетический сектор служит стратегической опорой экономики Татарстана, генерируя приблизительно пятую часть ее бюджетных поступлений. В контексте международных санкций, технологических барьеров и мировой перестройки энергорынков проблема поддержания стабильного роста отраслевого комплекса республики становится особенно актуальной. Цель данного исследования – определить и классифицировать ключевые условия, которые обуславливают сбалансированное развитие топливно-энергетического комплекса (ТЭК) Татарстана в текущей реальности.

Нефтегазохимическая отрасль республики в период с 2025 по 2029 гг. сосредоточится на формировании производства функциональных материалов, продуктов средне- и малотоннажной химии, а также на диверсификации ассортимента производимых пластмасс и резинотехнических изделий. Все это будет сопровождаться ростом эффективности добычи и переработки углеводородов.

По результатам 2024 г. на территории Татарстана было извлечено 33,8 млн т нефти. Примерно две трети этого объема, а именно 24,3 млн т, перерабатываются на двух ключевых предприятиях – ТАНЕКО и ТАИФ-НК. Уровень передела сырья на этих заводах достигает до 99,4–99,5%, что относится к числу высочайших результатов в России. В 2025 г. была введена в эксплуатацию вторая установка гидрокрекинга, созданная на отечественном оборудовании и с применением российских катализаторов. Это нововведение повысило долю светлых нефтепродуктов до 90%.

Электроэнергетический сегмент региона также показывает стабильную положительную динамику. Суммарная мощность энергосистемы Татарстана приближается к 9 ГВт, которые обеспечиваются восемью крупными станциями, входящими в Единую энергосистему страны. Начиная с 2021 г., производство электроэнергии в регионе увеличилось более чем на 30%, достигнув показателя в 31,3 млрд кВт·ч. За предыдущие пять лет объем капиталовложений в эту сферу составил около 170 млрд р.

Правительством Российской Федерации была одобрена программа модернизации пяти татарстанских теплоэлектроцентралей, которая должна быть реализована до 2030 г. В рамках этого проекта, оценивающегося более чем в 127 млрд р., планируется монтаж современных парогазовых агрегатов. Это повысит коэффициент полезного действия станций и усилит стабильность энергоснабжения.

В топливно-энергетическом комплексе республики отмечаются положительные сдвиги в сфере экологии. В теплоэнергетике на протяжении нескольких лет сокращается масса выбросов вредных веществ в атмосферу. Это стало возможным благодаря замещению традиционных видов топлива альтернативными, а также сокращению использования мазута и угля. АО «ТГК-16» изучает возможность внедрения бессточной системы водооборота на Казанской ТЭЦ-3, что полностью устранил сброс загрязненных стоков. В 2025 г. Татарстан приступил к исполнению нового национального проекта «Экологическое благополучие», в рамках которого уже начаты работы на сумму 318,1 млн р.

Устойчивость топливно-энергетического комплекса Татарстана строится на нескольких основополагающих элементах:

- глубокая переработка углеводородного сырья как фундамент для роста его стоимости;
- всестороннее обновление генерирующих и сетевых объектов; комплексная поддержка со стороны региональных и федеральных властей;
- внедрение экологических стандартов в производство как ответ на современные требования;
- прогресс в нефтехимии как фактор обеспечения технологической независимости.

Взаимодействие этих элементов формирует базу для перспективного и устойчивого развития ТЭК Республики Татарстан, являющегося краеугольным камнем ее экономики.

Долгосрочное и устойчивое функционирование топливно-энергетического комплекса Татарстана требует активного участия государства. На федеральном уровне применяются налоговые преференции по налогу на добычу полезных ископаемых для месторождений с высокой степенью истощения и для запасов, относящихся к трудноизвлекаемым (бажендовская и доманиковская свиты). В 2025 г. Президент Республики Рустам Минниханов выдвинул предложение о расширении списка скважин, подпадающих под льготные условия, что стимулирует освоение запасов с низкой экономической эффективностью.

В регионе осуществляется Стратегия развития топливно-энергетического и нефтехимического комплекса Республики Татарстан до 2030 г., содержащая 12 целевых показателей. К ним относятся:

- увеличение использования российского оборудования в нефтепереработке до 75%;
- сокращение энергоемкости валового регионального продукта на 20%;
- достижение уровня глубины переработки нефти до 99,7%.

Также в связи с запуском национального проекта «Экологическое благополучие» в 2025 г., Татарстану был выделен 318,1 млн р. на выполнение работ по устранению исторического экологического ущерба от деятельности ТЭК, восстановлению нарушенных земель и установке на предприятиях автоматических систем контроля за эмиссией загрязняющих веществ.

На основе приведенного анализа можно сформулировать пять ключевых групп факторов, способствующих устойчивому развитию регионального ТЭК:

- технологические – применение методов повышения нефтеотдачи, переход к глубокой переработке сырья, использование парогазовых циклов в энергетике, внедрение цифровых инструментов управления;

– экологические – сокращение объема вредных выбросов, полная утилизация попутного нефтяного газа, внедрение замкнутых систем водопользования, поддержка возобновляемых источников энергии;

– экономические – расширение ассортимента продукции через нефтехимию, рост энергоэффективности, мобилизация инвестиционных ресурсов (свыше 170 млрд р. в течение пяти лет);

– институциональные – специальные налоговые режимы, применение программно-целевых методов планирования, развитие механизмов государственно-частного партнерства;

– социальные – гарантирование стабильного энергоснабжения жителей, повышение экологической безопасности населенных пунктов.

Комплекс обозначенных факторов – технологических, экологических, экономических, институциональных и социальных – формирует надежный фундамент для перспективного устойчивого роста ТЭК Республики Татарстан. Ключевыми ориентирами дальнейшей работы являются:

- интенсификация процессов глубокой переработки углеводородного сырья;
 - комплексное обновление энергогенерирующих объектов с внедрением парогазовых технологий и ВИЭ;
 - минимизация негативного воздействия на окружающую среду;
 - корректировка налоговой политики с учетом специфики истощенных месторождений.
- Выполнение этих задач позволит Татарстану укрепить свою роль как одного из ведущих энергетических регионов России и обеспечить энергетическую независимость на долгосрочную перспективу.

Список использованной литературы

1. **Ермолаев, Е. Е.** Совершенствование механизмов защиты персональных данных / Е. Е. Ермолаев // Правовые науки. – 2018. – № 45. – С. 294–298.
2. **О развитии** нефтегазохимического комплекса Республики Татарстан : распоряжение Кабинета Министров Респ. Татарстан от 30 июля 2025 г. № 1714-р // ГАРАНТ. – URL: <https://base.garant.ru/412416674/> (дата обращения: 18.04.2026).
3. **Минниханов, Р. Н.** Oil and gas complex is a strategic foundation of the republic's economy / Р. Н. Минниханов // Официальный сайт Раиса Республики Татарстан. – URL: <https://tatarstan.ru/eng/index.htm/news/2448275.htm> (дата обращения: 18.04.2026).
4. **Премьер-министр** РТ Алексей Песошин провел заседание Кабинета Министров Республики Татарстан по вопросам энергоресурсоэффективности // Лента новостей Татарстана. – 2026. – URL: <https://kazan-news.net/society/2026/04/01/625299.html> (дата обращения: 18.04.2026).
5. **Инвестиции** в электроэнергетику Татарстана за 5 лет составили 170 млрд руб. – Минниханов // Nangs.org. – 2025. – URL: <https://nangs.org/news/economics/infra/energy/investitsii-v-elektroenergetiku-tatarstana-za-5-let-sostavili-170-mlrd-rub-minnikhanov> (дата обращения: 18.04.2026).
6. **В Татарстане** модернизируют пять ТЭЦ: сроки, мощности и инвестиции // Челны-ТВ. – 2026. – URL: <https://tvchelny.ru/news/obshchestvo/v-tatarstane-moderniziruiut-piat-tec-sroki-moshhnosti-i-investicii> (дата обращения: 18.04.2026).
7. **Акцент** на экологичность и отечественные технологии // Официальный сайт АО «ТГК-16». – 2025. – URL: http://tgc16.com/press-center/news.php?ELEMENT_ID=7814 (дата обращения: 18.04.2026).
8. **Шадриков** назвал трех основных вкладчиков в загрязнение воздуха в Татарстане // Республика Татарстан. – 2025. – URL: <https://rt-online.ru/news/shadrikov-nazval-treh-osnovnyh-vkladchikov-v-zagryaznenie-atmosfery-v-tatarstane> (дата обращения: 18.04.2026).
9. **Tatarstan** is actively implementing the new national project “Environmental well-being” // eco.tatarstan.ru. – 2026. – URL: <https://eco.tatarstan.ru> (дата обращения: 18.04.2026).

ФОРМИРОВАНИЕ РЕГУЛЯТОРНОЙ СРЕДЫ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ЗЕЛЕННЫХ ФИНАНСОВ: ОПЫТ МИРА

Научная статья посвящена систематизации информации о мировой практике формирования регуляторной среды для реализации зеленых финансов и критической оценке сильных и слабых сторон различных моделей.

This scientific article focuses on systematizing information about global practices for creating a regulatory environment for implementing green finance and critically evaluating the strengths and weaknesses of various models.

Ключевые слова: зеленые финансы; устойчивое развитие; регуляторная среда; потенциал.

Key words: green finance; sustainable development; regulatory environment; potential.

Развитие экономики различных стран от года к году наращивает свой потенциал, растет уровень вовлеченности в экономический оборот природных ресурсов, увеличиваются производственные мощности, быстрее выстраивается логистика, добыча полезных ископаемых постоянно технологически модернизируется. Как следствие, от года к году увеличивается нагрузка на национальные и глобальную экологические системы, актуализируются вопросы экологической безопасности. Именно поэтому в 2007 г. в мировой практике начинает развиваться такое экономическое новшество, как зеленые финансы. Именно в июне 2007 г. Европейский инвестиционный банк разместил первый выпуск зеленых облигаций, средства от продажи которых направлялись на финансирование проектов в области возобновляемых источников энергии и энергоэффективности. Базовыми документами, создавшими основу нового финансового инструмента, стали План действий Европейского союза в области энергетики, нацеленный на снижение зависимости от традиционных источников энергии и сокращение выбросов парниковых газов, разработанные в 2006 г. при поддержке Программы Организации Объединенных Наций (ООН) по окружающей среде Принципы ответственного инвестирования (PRI), принятые в 2015 г. Парижское климатическое соглашение («COP 21») и «Повестка дня ООН и Цели устойчивого развития на период до 2030 года» («UN SDGs») [1; 2].

Развитие финансирования экологически значимых и направленных на внедрение ресурсосберегающих технологий и реализацию проектов устойчивого развития не является исключительно достижением XXI столетия. Вопросы, связанные с ответственностью инвесторов и полезностью инвестиций в целом для общества, начали обсуждаться и внедряться в практическую деятельность во второй половине XX в. Значимые этапы формирования и реализации международной повестки зеленых финансов отражены в таблице ниже.

Основные этапы формирования и реализации международной повестки зеленых финансов

Период	Специфика институциональных основ зеленого финансирования
1950–1970-е	Проведение первых международных конференций в области экологической устойчивости. Включение экологических проблем в повестку Генеральной Ассамблеи ООН. Институционализация традиций «исламского» финансирования ответственного развития, прозрачности, использования инвестиций для сфер, важных обществу
1980–1990-е	Начало экологических реформ в Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), направленных на интеграцию экономической и природоохранной политики. Развитие современных форм социально ответственного инвестирования. «Саммит Земли» – конференция ООН по окружающей среде и развитию (ЮНСЕД): принятие Декларации по окружающей среде и развитию, разработка программы действий, направленных на реализацию принципами концепции глобального устойчивого развития («Повестка дня на 21 век»). Проведение первого саммита ООН по климату в Берлине. Впоследствии стали регулярными и проводятся ежегодно
2000–2010-е	Принятие Декларации тысячелетия ООН: приняты обязательства по достижению мира и безопасности; развития, охраны окружающей среды; прав человека, демократии и управления. Разработка и внедрение системы мер по регламентации торговли квотами на выбросы парниковых газов (ETS). Внедрение принципов ответственного инвестирования (PRI), ориентированных на крупных институциональных инвесторов. Размещение Европейским инвестиционным банком первых Climate Awareness Bonds (климатических облигаций), средства от продажи которых направлялись на финансирование проектов по развитию альтернативных источников энергии

Окончание

Период	Специфика институциональных основ зеленого финансирования
	Утверждение Международным банком реконструкции и развития официального термина зеленые облигации (Green Bonds). Первые прецеденты выпуска корпоративных и муниципальных зеленых облигаций. Разработка Международной ассоциацией рынков капитала принципов зеленых облигаций (ICMA) Утверждение Целей устойчивого развития на период до 2030 г. («UN SDGs»). Совет по финансовой стабильности G20 создал Рабочую группу по финансовому климатическому раскрытию – Task Force on Climate Related Financial Disclosures (TCFD). Цель: создание стандартов климатической отчетности. Публикация рекомендаций по выпуску зеленых облигаций в Китае. Разработка стандартов зеленых облигаций Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Расширение внедрения странами принципов зеленых и социальных облигаций. С 2018 г. в рамках Всемирного экономического форума глобальные стейкхолдеры (главы стран, крупнейшие институциональные инвесторы) приняли новую систему оценки экономического развития стран, основанную на определении Inclusive Development Index, который имеет 3 столба: рост и развитие; включение и справедливость между поколениями – устойчивое управление природными и финансовыми ресурсами. Разработка Ассоциацией кредитного рынка (LMA) принципов зеленых кредитов (Green Loan Principles)
2020-е	Зеленый пакт Европейского союза – таксономия устойчивого развития Европейского союза к 2050 г. Разработка национального законодательства и таксономий устойчивого развития различных стран
Примечание – Составлено авторами по данным из источника [1].	

Анализ этапов развития институциональных основ зеленого финансирования, представленный в таблице, свидетельствует, что данная система финансовых отношений развивается в результате последовательно проводимой политики устойчивого социо- экологического и экономического развития как на международном уровне, так и на уровне отдельных государств, направленной на сбережение окружающей среды, улучшение экологической обстановки, социально ответственное ведение бизнеса. Значительное влияние оказывает внедрение в финансовую практику принципов ответственного инвестирования, социально ответственных принципов ведения бизнеса и подтверждение данных фактов в нефинансовых отчетах корпораций, а также собственно развитие инструментария и технологий финансового рынка, поскольку одним из ключевых инструментов зеленого финансирования являются ценные бумаги фондового рынка.

Структурные составляющие системы зеленых финансов представлены ниже (рисунок 1).

Рисунок 1 – Структурные составляющие системы зеленых финансов

Примечание – Составлено авторами по данным источников [2; 3].

Зеленые финансы как финансовый механизм целевой направленности реализуются на макро- и микроуровне. На макроуровне данный механизм осуществляется в рамках экономики замкнутого цикла, основанной на многократном использовании ресурсов посредством их регенерации, восстановления и оптимизации в целях сохранения природных условий. Микроуровень механизма зеленых финансов представлен экологически ориентированными инвестициями и низкоуглеродными технологиями, проектами и производствами, учитывающими экологические риски, системами климатического менеджмента, управлением энергопотреблением,

безопасными технологиями хранения отходов и т. п. Структурно система зеленых финансов представлена совокупностью элементов, отличающихся спецификой механизма осуществления финансирования. Отнесение каждого из перечисленных элементов к системе зеленых финансов сопряжено с применением ряда принципов (критериев). В частности, принципы зеленых облигаций были разработаны Международной ассоциацией рынка ценных бумаг (2014) и включают следующие позиции требований к эмитентам таких облигаций:

- целевую направленность инвестиций в результате размещения зеленых облигаций;
- процесс оценки и выбора зеленого проекта;
- привлекаемые эмитентом средства имеют исключительно целевой характер;
- информация о расходовании средств является прозрачной и должна ежегодно публиковаться [1; 4].

Исходя из результатов изучения эволюции подходов, автором была поставлена задача определения особенностей основных моделей практической реализации политики ESG в масштабах региона или страны (рисунок 2).

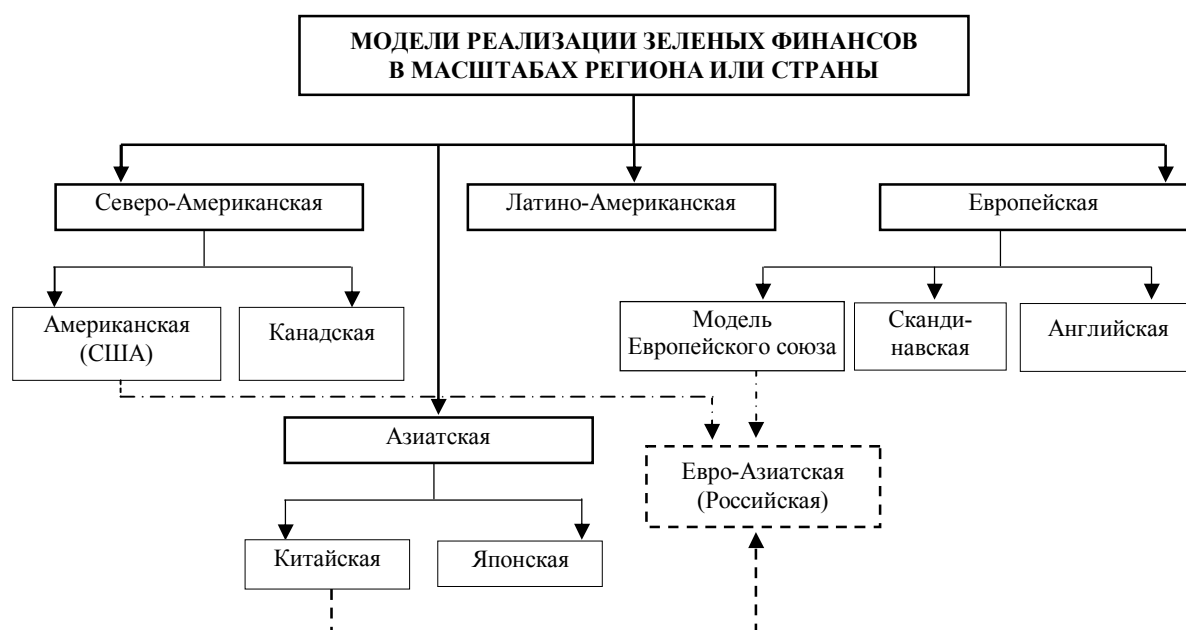

Рисунок 2 – Основные модели реализации зеленых финансов в масштабах региона или страны

Примечание – Составлено авторами по данным источника [2, с. 74].

Американская (США) модель инициируется самими компаниями и предусматривает максимальную самостоятельность корпораций в определении своего общественного вклада, но государственные регуляторы законодательно поощряют социальные инвестиции в выгодные для общества сферы через соответствующие налоговые льготы и зачеты. Уровень участия государства в формировании модельной политики ESG преимущественно проявляется на фондовом рынке при формировании рейтингов «ответственных компаний», работе специальных фондов зеленых инвестиций.

Хедлайнером Канадской модели ESG-повестки выступает Национальный институт качества Канады. Государственные регуляторы Канады во главу угла ставят требование придерживаться принципов социальной и экологической ответственности компаний, в том числе работающих за рубежом, а также придерживаться местных и международных законов, соблюдая при этом национальные ценности и международные обязательства. ESG-повестка рассматривается как зона деятельности бизнеса, которая выходит за рамки определенного законом минимума ответственности бизнеса перед обществом.

Латино-Американская – пример региональной модели формирования ответственности бизнеса на развивающихся рынках. Ее важнейшее отличие – государство не играет активной роли в регулировании целей и приоритетов корпоративных ESG-повесток. Кроме этого, для этой модели характерны слабое влияние рынков (финансового, товарного, рынка труда) и гражданского общества на социально-ответственное поведение компаний, высокий уровень кор-

рупции, неформальный характер взаимоотношений власти и бизнеса, отсутствие налаженного и прозрачного механизма партнерства между компаниями, властью и местными сообществами.

Модель Европейского союза – на наднациональном уровне началом формирования обще-европейской ESG-политики стал 2001 г.: Европейская Комиссия опубликовала Зеленую книгу Европейского союза «Создание европейской системы КСО», которая сформировала почву для принятия в 2016 г. Парижского соглашения по климату, а в 2021 г. – пакет предложений European Green Deal («Европейский зеленый курс»). Европейские компании предпочитают солидарную ответственность, во всех странах степень вовлеченности государства и значимость государственного регулирования в сфере декларирования корпоративной ESG-политики традиционно выше, чем в других развитых регионах, однако при этом именно европейские компании являются традиционными лидерами в данной сфере. При сохранении ведущей роли государства как института, задающего векторы устойчивого развития, в каждой стране важную роль играют национальные отраслевые ассоциации и предпринимательские союзы.

Китайская модель представляет государственный инструмент делегирования обязанностей по развитию регионов, в которых базируется бизнес. Стейкхолдеры ESG-политики тесно увязываются с приоритетами государственных регуляторов и фактически базируются на программах развития провинций Китая. Развитие ESG-политики в Китае проходит при активной финансовой поддержке Народного банка Китая (НБК) и Министерства охраны окружающей среды Китая. Особенностью реализации S-компонента ESG-политики является стремление политической элиты сформировать мощную систему негосударственного социального обеспечения для широкой общественности за счет популяризации практики частных пенсионных фондов и финансирования благотворительных программ со стороны крупнейших бизнесов. Важным элементом развития G-компонента китайской модели ESG-повестки являются долгосрочные государственные программы инновационного развития, формирования инновационной инфраструктуры и привлечения высококвалифицированных кадров (программы «Искра», «Факел», 1000 талантов; Проект 211) [2; 3].

Японская модель формируется преимущественно под влиянием японских ассоциаций бизнеса: Nippon Keidanren и Keizai Doyukai, а также Торгово-промышленной палаты. Аудитором и институциональным противовесом для корпораций выступают многочисленные некоммерческие организации, образованные активистами с достаточно выраженными крайними взглядами, и в рамках диалогов с ними формируется повестка ESG и ее целевые установки. В малом и среднем бизнесе социальная ответственность понимается неформально, и при отсутствии социальной отчетности предприниматели осуществляют непосредственный вклад в развитие общества, начиная со своих работников, их семей, объектов социальной инфраструктуры.

Исходя из приведенных примеров развития зеленых финансов, можно констатировать, что его инструменты получили глобальное распространение. В разных странах появилось отдельное, зеленое бюджетирование деятельности корпораций. Кроме того, развитие экологического состояния стран повлияло и на их экономику – все участники не только создали новую, экологически чистую инфраструктуру, но и диверсифицировали как внутреннюю, так и внешнюю экономику. Основным трендом развития зеленого финансирования на среднесрочную перспективу будет развитие его инструментов, инфраструктуры, внедрение вопросов устойчивого развития и учета ESG-факторов в корпоративное управление, что в целом должно сформировать и развить национальную культуру зеленого финансирования.

Список использованной литературы

1. **Зеленая экономика и зеленые финансы** : учеб. пособие / Б. Н. Порфирьев, М. В. Сигова, И. К. Ключников [и др.] / под ред. акад. Б. Н. Порфирьева. – СПб. : Изд-во «МБИ», 2018. – 327 с.
2. **«Зеленые финансы» в мире и России** : моногр. / под. ред. Б. Б. Рубцова. – М. : РУСАЙНС, 2016. – 387 с.
3. **Олейникова, И. Н.** «Зеленые» финансы: сущность и опыт «зеленого» финансирования различных стран / И. Н. Олейникова, Н. А. Роменский // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2023. – № 3. – С. 31–39.
4. **Архипова, В. В.** «Зеленые финансы» как средство для решения глобальных проблем / В. В. Архипова // Экономический журнал ВШЭ. – 2017. – Т. 21. – № 2. – С. 312–332.
5. **Каримова, С. А.** Корпоративная социальная ответственность как источник социального капитала организации : моногр. / С. А. Каримова. – М. : Креативная экономика, 2020. – 208 с.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЛИЯНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕГИОНА

В статье рассматриваются теоретические подходы к исследованию миграционных процессов. Анализируются классические теории (Э. Равенштейн, Э. Ли), вклад отечественных ученых (Ж. А. Зайончковская, Л. Л. Рыбаковский), а также современные социологические концепции (теория сегментированного рынка труда М. Пиоре, теория кумулятивной причинности Д. Мэсси). Предлагается классификация миграционных процессов по направлениям, временному признаку и причинам. Обосновывается вывод о двойственной природе миграции: она может быть как фактором экономического роста, так и источником системных рисков для экономической безопасности региона.

The article examines theoretical approaches to the study of migration processes. Classical theories (E. Ravenstein, E. Lee), the contribution of Russian scientists (Zh. A. Zayonchkovskaya, L. L. Rybakovsky), as well as modern sociological concepts (M. Piore's segmented labor market theory, D. Massey's theory of cumulative causation) are analyzed. A classification of migration processes by direction, time and reasons is proposed. The conclusion about the dual nature of migration is substantiated: it can act as a factor of economic growth and as a source of systemic risks for the economic security of the region.

Ключевые слова: миграция; экономическая безопасность региона; миграционные риски; теории миграции; классификация миграции; рынок труда.

Key words: migration; economic security of the region; migration risks; migration theories; classification of migration; labor market.

Миграционные процессы в современном мире представляют собой сложный социально-экономический феномен, оказывающий системное влияние на развитие регионов. Двойственная природа миграции, сочетающая потенциал экономического роста и серьезные риски для стабильности, требует глубокого осмысления в контексте обеспечения экономической безопасности. Актуальность темы подчеркивается и на государственном уровне: Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 гг. определяет приоритетом обеспечение экономической безопасности и национальных интересов страны при реализации миграционных процессов [1].

Фундаментальные основы изучения миграции были заложены в работах Э. Равенштейна, сформулировавшего в 1885 г. «Законы миграции», которые раскрывают зависимость миграционных потоков от расстояния, экономических факторов и социальных условий [2]. Дальнейшее развитие теория получила в работе Э. Ли, предложившего концепцию «выталкивающих-притягивающих» факторов, детерминирующих миграционное поведение [3].

В отечественной науке значительный вклад внесли Ж. А. Зайончковская, разработавшая концепцию «трех стадий миграционного процесса» и исследовавшая взаимосвязь миграции с рынком труда [4], а также Л. Л. Рыбаковский, предложивший структурно-фазовую модель миграционного процесса [5].

Для понимания современных миграционных процессов важное значение имеют социологические теории. Теория сегментированного рынка труда М. Пиоре постулирует, что мигранты структурно заполняют низкостатусные ниши в экономике, формируя устойчивую зависимость отдельных отраслей от иностранной рабочей силы [6]. Теория кумулятивной причинности Д. Мэсси утверждает, что миграционный опыт индивида становится источником «миграционного социального капитала», способствующего вовлечению в миграционные потоки новых участников [7].

Критический анализ рассмотренных теоретических подходов выявляет их ограниченность для целей комплексной оценки влияния миграции на экономическую безопасность региона. Классические экономические теории (неоклассическая, человеческого капитала) дают

инструментарий для анализа количественных параметров миграционных потоков, но не учитывают институциональные и сетевые факторы. Институциональные и миросистемные подходы объясняют глубинные причины миграции, но сфокусированы преимущественно на странах выхода. Современные социологические теории наиболее ценны для понимания механизмов воспроизводства миграции и отраслевых рисков, однако сложно операционализируемы в системе количественных индикаторов экономической безопасности. Это обуславливает необходимость синтеза элементов различных теоретических подходов с акцентом на качественные характеристики миграционных потоков и региональную специфику.

Для целей анализа экономической безопасности миграционные процессы целесообразно классифицировать по ряду критериев. В таблице представлена авторская классификация, разработанная с учетом задач оценки рисков и потенциала миграции для региональной экономики.

Классификация миграционных процессов применительно к исследованию экономической безопасности региона

Критерий классификации	Виды миграции	Влияние на экономическую безопасность
По направлению	Внутренняя	Влияет на перераспределение трудовых ресурсов внутри страны
	Внешняя (иммиграция, эмиграция)	Создает риски и возможности для региональной экономики
По временному признаку	Постоянная	Оказывает долгосрочное воздействие на демографическую и экономическую структуру региона
	Временная (сезонная, маятниковая)	Создает краткосрочные эффекты и риски для рынка труда
По причинам	Экономическая	Непосредственно влияет на ключевые показатели экономической безопасности
	Социальная	Оказывает косвенное влияние через социальную сферу
	Вынужденная	Создает дополнительные риски и требует специальных мер регулирования

Представленная классификация позволяет системно оценить различные аспекты влияния миграции на региональную экономику и может быть использована в качестве методологического инструмента для оценки рисков и потенциала миграции.

Понимание причин миграции имеет ключевое значение для оценки ее влияния на экономическую безопасность региона. Классическая теория «выталкивания-притяжения» (push-pull), развитая Э. Ли, предполагает, что решение о миграции формируется под воздействием комплекса факторов как в регионах выхода (выталкивающих), так и в регионах въезда (притягивающих) [2].

К числу основных экономических детерминант относятся:

- межрегиональные и межстрановые различия в оплате труда;
- уровень безработицы и наличие свободных рабочих мест;
- отраслевая структура спроса на рабочую силу;
- инвестиционная активность и уровень развития реального сектора экономики;
- доступность и стоимость жилья;
- качество социальной инфраструктуры (образование, здравоохранение, транспорт).

Систематизация экономических детерминант позволяет перейти к анализу современных миграционных тенденций и оценке генерируемых ими рисков.

Миграция оказывает существенное влияние на демографическую безопасность региона. Приток населения, особенно лиц трудоспособного возраста, способствует омоложению возрастной структуры, снижению демографической нагрузки на пенсионную систему и компенсации естественной убыли населения. В условиях депопуляции ряда российских регионов миграция становится ключевым источником восполнения трудовых ресурсов. С теоретической точки зрения, здесь наблюдается эмпирическое подтверждение теории кумулятивной причинности (Д. Мэсси): миграция воспроизводит саму себя, формируя устойчивый канал поставки молодых кадров, которые становятся источником «миграционного социального капитала» для новых прибывающих [6].

Наряду с позитивными эффектами, миграционные процессы генерируют системные риски для экономической безопасности региона. На рынке труда массовый приток низкоквалифицированной рабочей силы может создавать давление на уровень заработной платы в соответст-

вующих секторах и усиливать неформальную занятость. В социальной сфере концентрация мигрантов в крупных городах приводит к превышению нормативной нагрузки на объекты социальной инфраструктуры (детские сады, школы, поликлиники). В бюджетной сфере нелегальная миграция приводит к недополучению налоговых доходов. В отраслевой сфере формируется устойчивая зависимость ключевых секторов экономики (строительство, ЖКХ, транспорт) от иностранной рабочей силы. Согласно теории сегментированного рынка труда М. Пиоре, мигранты структурно «закреплены» во вторичном сегменте рынка, что создает риск при изменении миграционной политики или внешнеэкономической конъюнктуры [5].

Проведенный теоретический анализ позволяет сформулировать следующие положения. Итоговое влияние миграции на экономическую безопасность региона зависит не от ее наличия или отсутствия, а от управляемых параметров: качественной структуры миграционных потоков, эффективности регулирования и интеграции, а также адаптационного потенциала региональной экономики.

Ни одна из рассмотренных теоретических парадигм в отдельности не предоставляет полноценного инструментария для комплексной оценки влияния миграции на экономическую безопасность региона. Это обуславливает необходимость синтеза элементов различных подходов: инструментария классических теорий для анализа количественных параметров потоков, положений теории сегментированного рынка труда для оценки отраслевой зависимости, концепций сетевого подхода и кумулятивной причинности для понимания устойчивости миграционных каналов, а также учета качественных характеристик миграционных потоков (уровень квалификации, правовой статус, интеграционный потенциал) и региональной специфики.

Особую значимость теоретическое осмысление миграционных процессов приобретает для полицентричных регионов-реципиентов, где эффекты миграции распределены неравномерно между агломерациями и периферией. Учет пространственной дифференциации является необходимым условием разработки эффективной региональной миграционной политики.

Таким образом, миграция рассматривается как комплексный фактор, одновременно формирующий дополнительный потенциал развития (через восполнение трудовых ресурсов и модернизацию демографической структуры) и генерирующий системные риски для экономической безопасности региона, связанные с нагрузкой на социальную инфраструктуру, сегментацией рынка труда и усилением социально-экономических дисбалансов.

Список использованной литературы

1. **Концепция** государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы : утв. Указом Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202510150055> (дата обращения: 16.04.2026).
2. **Ravenstein, E. G.** The Laws of Migration / E. G. Ravenstein // Journal of the Statistical Society of London. – 1885. – Vol. 48, No 2. – P. 167–235.
3. **Lee, E. S.** A Theory of Migration / E. S. Lee // Demography. – 1966. – Vol. 3, No 1. – P. 47–57.
4. **Зайончковская, Ж. А.** Миграция и рынок труда в России / Ж. А. Зайончковская // Проблемы прогнозирования. – 2010. – № 5. – С. 23–38.
5. **Рыбаковский, Л. Л.** Миграция населения: вопросы теории / Л. Л. Рыбаковский. – М. : ИСПИ РАН, 2003. – 238 с.
6. **Piore, M. J.** Birds of Passage: Migrant Labor and Industrial Societies / M. J. Piore. – Cambridge : Cambridge University Press, 1979. – 229 p.
7. **Massey, D. S.** Social Structure, Household Strategies, and the Cumulative Causation of Migration / D. S. Massey // Population Index. – 1990. – Vol. 56, No 1. – P. 3–26.

МАРКЕТИНГОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ОРГАНИЗАЦИИ

В данной статье представлена роль маркетинговых коммуникаций как стратегического актива организации. Раскрыто, как через коммуникации происходит переход от продажи товара к продаже бренда, показано, что коммуникации формируют психологическое различие, обосновано понятие «репутационной подушки безопасности», раскрыта важность синхронизации сообщений.

This article presents the role of marketing communications as a strategic asset for an organization. It explores how communications facilitate the transition from selling a product to selling a brand, demonstrates how communications create psychological differentiation, substantiates the concept of a “reputational safety net,” and highlights the importance of synchronizing messages.

Ключевые слова: маркетинговые коммуникации; стратегическое управление; позиционирование бренда; сообщения; лояльность потребителей; обратная связь; стимулирование продаж.

Key words: marketing communications; strategic management; brand positioning; messages; consumer loyalty; feedback; sales promotion.

Маркетинговые коммуникации для современных организаций перестали выступать как совокупность методов и инструментов, с помощью которых они передавали информацию о своих товарах, услугах или бренде целевой аудитории. Сейчас они «голос» бренда, который помогает наладить диалог с покупателем, убедить его в ценности продукта и, в конечном итоге, стимулировать продажи.

В современном стратегическом менеджменте маркетинговые коммуникации занимают место активного транслятора ценностей. Они превращают сухие цифры бизнес-плана в эмоциональную связь с клиентом, без которой долгосрочное лидерство невозможно [1].

Роль маркетинговых коммуникаций в стратегическом управлении заключается в том, что они являются главным транслятором стратегии во внешнюю среду. Без них самые гениальные бизнес-планы остаются «запертыми» внутри компании.

В стратегическом менеджменте маркетинговые коммуникации выполняют пять критических ролей:

1. Капитализация бренда. В современной экономике стоимость компании часто на 70–80% состоит из нематериальных активов. Коммуникации превращают товар в Бренд. Это создает добавочную стоимость (люди переплачивают за имя) и делает компанию более привлекательной для инвесторов. Классический пример того, как коммуникации превращают физический объект в мощный культурный символ и бренд с высокой добавленной стоимостью – это Apple и их кампания «Think Different» (1997 г.) [2]. В середине 90-х Apple была на грани банкротства. В глазах массового потребителя их компьютеры были просто «дорогими коробками с проводами», которые проигрывали по характеристикам и цене более дешевым персональным компьютерам (ПК) на Windows. Вместо того чтобы рекламировать мегагерцы, объем памяти или дисковод, Стив Джобс запустил коммуникационную стратегию, которая не говорила о продукте ни слова. Коммуникация выстроила логическую цепочку используя слоган «Если ты пользуешься Apple – ты такой же гений и бунтарь, как эти люди», после которого люди начали покупать не «процессор», а принадлежность к сообществу. Это позволило компании устанавливать цену на 30–50% выше рынка (Brand Premium), которую люди были готовы платить за статус и идеологию.

2. Формирование конкурентных преимуществ. На многих рынках товары почти идентичны (бензин, молоко, банковские карты). Именно маркетинговые коммуникации создают психологическое различие. Стратегическая роль коммуникаций здесь – найти и закрепить в сознании клиента уникальный образ («самый безопасный», «самый престижный»), который конкурентам сложно скопировать. Создание психологического различия – это высший пилотаж маркетинго-

вых коммуникаций. Это ситуация, когда два продукта физически почти идентичны (или даже одинаковы), но в голове потребителя они занимают абсолютно разные ниши [3]. Самый яркий и хрестоматийный пример – водка Absolut vs. Smirnoff vs. Grey Goose. С точки зрения химии, водка – это смесь ректифицированного этилового спирта и воды. В слепых тестах даже эксперты не всегда могут отличить премиальный бренд от качественного масс-маркета. Через многолетнюю рекламу с силуэтом бутылки (коллаборации с Энди Уорхолом и др.) бренд Absolut внушил: «Это водка для творческой элиты, ценителей искусства и интеллектуалов». Коммуникации строятся на массовости, вечеринках и «наследии поставщиков царского двора». Психологический посыл Smirnoff «Это понятный, качественный стандарт для каждого». Бренд Grey Goose был создан «с нуля» как ультра-премиальный. Коммуникации транслируют французское происхождение, подачу в дорогих клубах и элитарность. Психологический посыл: «Я успешен и могу себе позволить лучшее».

3. Управление рыночными рисками. Стратегическое управление направлено на выживание компании в долгосрочной перспективе. Правильно выстроенные коммуникации создают «подушку безопасности». В стратегическом управлении «подушка безопасности» – это кредит доверия (репутационный капитал), который компания накапливает годами через коммуникации. Когда случается кризис, лояльные потребители и партнеры не уходят к конкурентам, а защищают бренд или дают ему шанс на ошибку. Лучший пример в истории бизнеса – кейс компании Johnson & Johnson и препарата «Тайленол» (1982 г.). До кризиса J&J годами выстраивала коммуникации, основанные на своем «Кredo» (своде принципов). Их главной ценностью всегда декларировалась забота о здоровье людей, а не прибыль. Клиенты верили бренду как самим себе. В Чикаго злоумышленник подменил капсулы «Тайленола» на полках аптек капсулами с цианидом, в результате чего погибло 7 человек. Паника была колоссальной, продажи упали до нуля, а эксперты предрекали смерть бренду (доля рынка рухнула с 37 до 7%). Благодаря тому, что коммуникации с обществом всегда были честными и открытыми, компания смогла эффективно использовать этот ресурс в момент катастрофы: J&J не оправдывались, а первыми призвали людей не покупать их продукт; генеральный директор лично выступал в СМИ, отвечая на все вопросы. В итоге компания отозвала 31 млн упаковок (убыток 100 млн долл. США) и разработала первую в мире защитную упаковку с контролем вскрытия. Поскольку люди «слышали» бренд и доверяли его ценностям, они восприняли J&J не как виновника, а как жертву и защитника. Всего через год «Тайленол» вернул себе 30% рынка. Если бы у компании не было накопленного репутационного капитала, этот инцидент уничтожил бы ее навсегда [4].

4. Обеспечение синергии. Синхронизация сообщений – это стратегия, при которой потребитель получает один и тот же «сигнал» через разные каналы. Все инструменты (реклама, PR, упаковка, соцсети) работают как единый оркестр, создавая монолитный образ бренда [5]. Классический современный пример идеальной синхронизации – выход фильма «Барби» (Barbie, 2023). Маркетологи не просто рекламировали фильм, они создали единую экосистему сообщений, где каждый канал подтверждал другой: были установлены пустые розовые щиты без текста, только с датой; было заключено более 100 сделок (Airbnb, Burger King, Zara, Crocs). Везде использовался тот же оттенок розового (Pantone 219C) и тот же шрифт. Вы заходите в Zara – там розовый, Вы заказываете бургер – там розовый соус. Был запущен фильтр «AI Selfie Generator», который превращал любого пользователя в куклу. Синхронизация заключалась в массовом подтверждении ключевого посыла – «Каждый может быть Барби/Кеном», стиралась грань между вымышленным миром кино и реальностью. У потребителя при этом не возникало когнитивного диссонанса. Все сообщения слились в одно мощное ощущение: «Мир становится розовым, и это глобальное событие, которое нельзя пропустить».

5. Обратная связь для стратегической коррекции. Коммуникации – это не только «вещание», но и «слушание». Через SMM, опросы и анализ реакции на рекламу руководство получает данные о том, как рынок воспринимает их решения. Это позволяет вовремя скорректировать общую стратегию бизнеса [6]. Классический пример такой синхронизации и коррекции стратегии – кейс компании LEGO и запуск серии LEGO Friends. Руководство LEGO решило масштабировать бизнес, завоевав аудиторию девочек (традиционно 90% покупателей были мальчиками). Они разработали новые фигурки и наборы в розовых тонах. После публикации первых анонсов в соцсетях компания столкнулась с волной критики от мам и активисток. Они писали: «Почему наборы для девочек – это только кафе и салоны красоты? Наши дочери тоже хотят приключений!» Данные показали, что стандартная «розовая» реклама имела низкий уровень вовлеченности (CTR) среди современной целевой аудитории. LEGO провела масштабное исследование (включая этнографические наблюдения за игрой детей), чтобы понять, в чем ошиб-

ка восприятия. Данные из каналов коммуникации показали руководству: рынок воспринимает их решение как стереотипное и устаревшее. Стратегия «просто добавить розового» не работала. На основе этих данных LEGO изменила подход: в линейку Friends добавили наборы с научными лабораториями, джунглями и инженерией. В рекламе сместили акцент с «красоты» на «дружбу и решение проблем». В итоге серия стала одной из самых продаваемых в истории компании, увеличив долю девочек среди фанатов LEGO в несколько раз.

Таким образом, рассмотренные примеры помогают объяснить, что эффективное стратегическое управление сегодня невозможно без интеграции коммуникационной политики в ядро бизнес-планирования. Маркетинговые коммуникации не просто сопровождают реализацию стратегии – они капитализируют ее, превращая рыночные намерения организации в устойчивую рыночную ценность.

Список использованной литературы

1. **Ламбен, Ж.-Ж.** Менеджмент, ориентированный на рынок. Стратегический и операционный маркетинг : учебник / Ж.-Ж. Ламбен. – СПб : Питер, 2011. – 720 с.
2. **Аакер, Д.** Создание сильных брендов : пер. с англ. / Д. Аакер. – М. : Издательский дом Гребенникова, 2011. – 440 с.
3. **Капферер, Ж.-Н.** Бренд навсегда: создание, развитие, поддержка ценности бренда : пер. с англ. / Ж.-Н. Капферер. – М. : Вершина, 2007. – 448 с.
4. **Даулинг, Г.** Репутация фирмы: создание, управление и оценка эффективности : пер. с англ. / Г. Даулинг. – М. : ИНФРА-М, 2003. – 368 с.
5. **Халилов, Д.** Маркетинг в социальных сетях / Д. Халилов. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 240 с.
6. **Бернет, Дж.** Маркетинговые коммуникации. Интегрированный подход : учеб. / Дж. Бернет, С. Мориарти. – СПб. : Питер, 2001. – 864 с.

ПЛАТЕЖНЫЙ БАЛАНС И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СОСТОЯНИЕ ВАЛЮТНОЙ СИСТЕМЫ СТРАНЫ

В статье отображена краткая характеристика платежного баланса Республики Беларусь, приведены и проанализированы статистические данные о его составляющих за период 2022–2024 гг., расположенные на официальном сайте Национального банка Республики Беларусь, а также определено его влияние на валютное регулирование страны.

The article provides a brief description of the balance of payments of the Republic of Belarus, provides and analyzes statistical data on its components for the period 2022–2024, located on the official website of the National Bank of the Republic of Belarus, and determines its impact on the country's currency regulation.

Ключевые слова: валютный курс; валютный рынок; внешнеэкономические операции; платежный баланс; положительное и отрицательное сальдо; счет.

Key words: exchange rate; exchange market; foreign economic transactions; balance of payments; positive and negative balance; bill.

На сегодняшний день довольно сложно участвовать в международной валютно-финансовой системе или спрогнозировать ее, если не в полной степени сбалансирован платежный баланс страны, который не только определяет фискальную и монетарную политику государства, но и регулирует валютный рынок, в том числе и валютный курс [1].

Платежный баланс отражает потоки благ между резидентами страны и заграницей, характеризуя влияние внешней торговли на экономику государства. Состояние платежного баланса для оценки экономической ситуации в целом значит не меньше, чем такие важные макроэкономические показатели, как валовой внутренний продукт, занятость, инфляция.

Под платежным балансом страны понимается статистический отчет, где в систематизированном виде приводятся суммарные данные обо всех внешнеэкономических операциях данной страны с другими странами мира (т. е. между резидентами и нерезидентами) за определенный период времени (как правило, за год).

Основными функциями платежного баланса Республики Беларусь являются следующие:

- оценка конкурентной позиции страны в разрезе основных международных экономических операций и определение места страны в мировой экономике;
- характеристика валютного положения страны посредством определения степени стабильности валютного курса национальной денежной единицы и оценки деятельности монетарных органов по управлению резервами страны;
- выявление тенденций, характеризующих финансовое положение страны;
- влияние на прогнозирование развития национальной экономики;
- воздействие на выбор страной форм, методов и направлений финансово-кредитной политики страны [2, с. 7–8].

Важно отметить, что составление и оценка платежного баланса производится на основе методологии Международного валютного фонда, соответственно, в Республике Беларусь такая обязанность возложена на Национальный банк Республики Беларусь.

Рассмотрим составляющие платежного баланса Республики Беларусь:

1. Счет текущих операций отражает потоки товаров, услуг, первичных доходов (например, оплата труда работников, доходы от инвестиций, проценты) и вторичных доходов между резидентами Республики Беларусь и нерезидентами (например, гранты, гуманитарная и техническая помощь).

2. Счет операций с капиталом включает капитальные трансферты (такие как страховые возмещения, наследства) к получению и к выплате между резидентами Республики Беларусь и нерезидентами, и приобретение и отчуждение произведенных нефинансовых активов между резидентами Республики Беларусь и нерезидентами, таких как патенты, авторские права, торговые знаки и т. д.

3. В финансовом счете отражаются операции с финансовыми активами и обязательствами между резидентами Республики Беларусь и нерезидентами, при этом под активами подразумевается дебет, а под обязательствами – кредит. Среди них можно выделить прямые и портфельные инвестиции, форварды, опционы, кредиты, специальные права заимствования.

4. Чистые ошибки и пропуски – балансирующая статья платежного баланса, позволяющая говорить о завышении или занижении величины кредитовых/дебетовых оборотов, в том числе активов и обязательств [3; 4].

В таблице ниже представлен платежный баланс Республики Беларусь за период 2022–2024 гг. по конкретным статьям: счет текущих операций, счет операций с капиталом, финансовый счет и чистые ошибки и пропуски.

Платежный баланс Республики Беларусь за период 2022–2024 гг., млн долл. США

Статья платежного баланса	Годы		
	2022	2023	2024
Счет текущих операций	2 627,7	–1 019,8	–1 944,6
Счет операций с капиталом	10,1	547,8	8,0
Чистое кредитование (+) / чистое заимствование (–) (сальдо по данным счета текущих операций и счета операций с капиталом)	2 637,8	–472,0	–1 936,5
Финансовый счет	3 013,3	25,5	–991,2
Чистые ошибки и пропуски	375,4	497,5	945,3
Примечание – Основано на данных из источника [5].			

Исходя из данных, представленных в таблице, можно сказать, что в 2023 и 2024 гг. наблюдается отрицательное сальдо платежного баланса, –472 млн долл. США и –1936,5 млн долл. США соответственно, т. е. дефицит, что нельзя сказать о 2022 г. – положительное сальдо платежного баланса, 2637,8 млн долл. США, т. е. профицит.

Стоит отметить, что профицит платежного баланса характеризует страну как кредитора, а дефицит – должника и заемщика. В целом, такая динамика наблюдается в виду увеличения в последние два года импорта как по товарам, так и по услугам, что говорит также об отрицательном сальдо внешнеторгового оборота. Первичные доходы с каждым годом отражают выплату доходов, а вторичные – получение трансфертов. Счет операций с капиталом по каждому году наблюдается положительным, т. е. получение капитальных трансфертов. Сальдо по финансовому счету в 2022 и 2023 гг. наблюдается положительным, хоть и с резким спадом, что говорит о преобладании чистого кредитования, в отличие от 2024 г., где ситуация складывается в противоположную сторону. Положительное значение финансовых активов свидетельствует об увеличении требований к нерезидентам, а отрицательное – их уменьшении, точно так же, как и с принятием обязательств.

На рисунке 1 представлена структура счета текущих операций платежного баланса Республики Беларусь по кварталам за 2023–2024 гг.

Таким образом, в 2024 г. сальдо счета текущих операций платежного баланса Республики Беларусь сложилось отрицательным в размере 1,9 млрд. долл. США (за 2023 г. – отрицательное сальдо в размере 1,1 млрд долл. США) за счет дефицита внешней торговли товарами и отрицательного сальдо первичных доходов.

За 2023 г. довольно высокие показатели наблюдались в 3-м квартале (июль – сентябрь), а за 2024 г. – во 2-м квартале (апрель – июнь); 1-й же квартал (январь – март) характеризовался в каждом анализируемом периоде спадом, соответственно, можно сделать вывод, что импорт товаров в значительной степени превышал их экспорт.

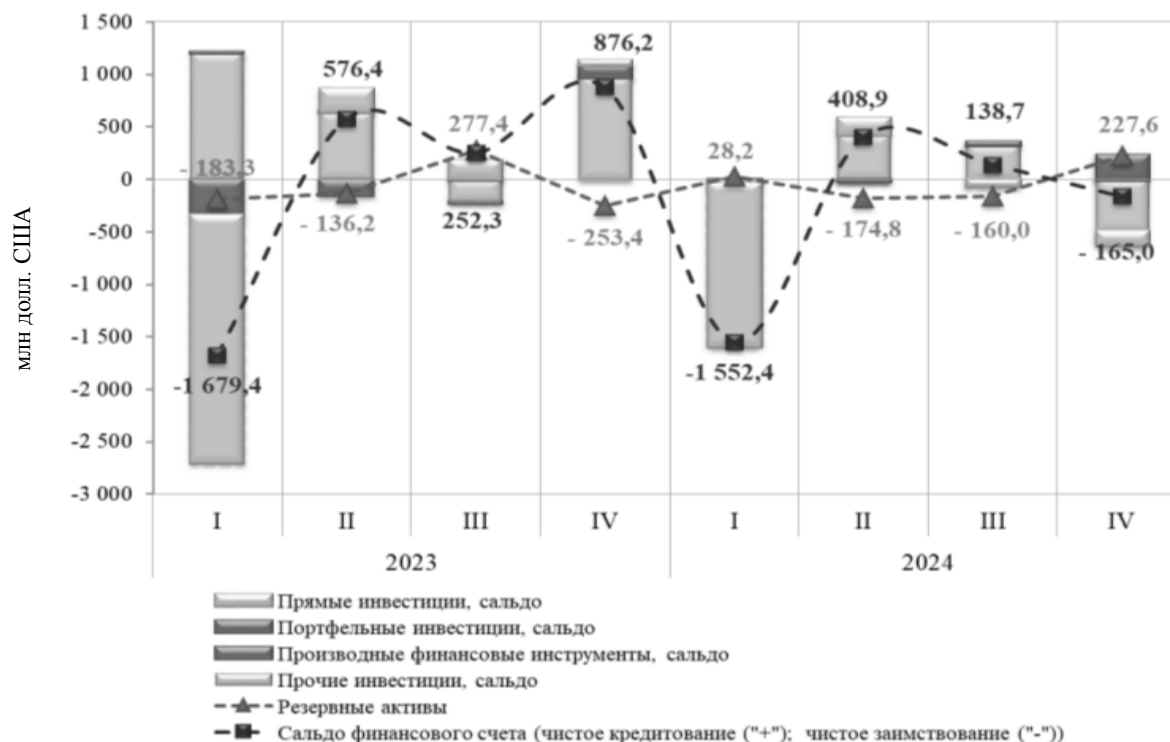

Рисунок 1 – Структура счета текущих операций платежного баланса Республики Беларусь по кварталам за 2023–2024 гг., млн долл. США

Примечание – Основано на данных из источника [6].

На рисунке 2 представлена структура финансового счета платежного баланса Республики Беларусь по кварталам за 2023–2024 гг. Таким образом, чистое иностранное заимствование финансовых средств резидентами Республики Беларусь осуществлялось преимущественно посредством привлечения прямых иностранных инвестиций на развитие секторов экономики.

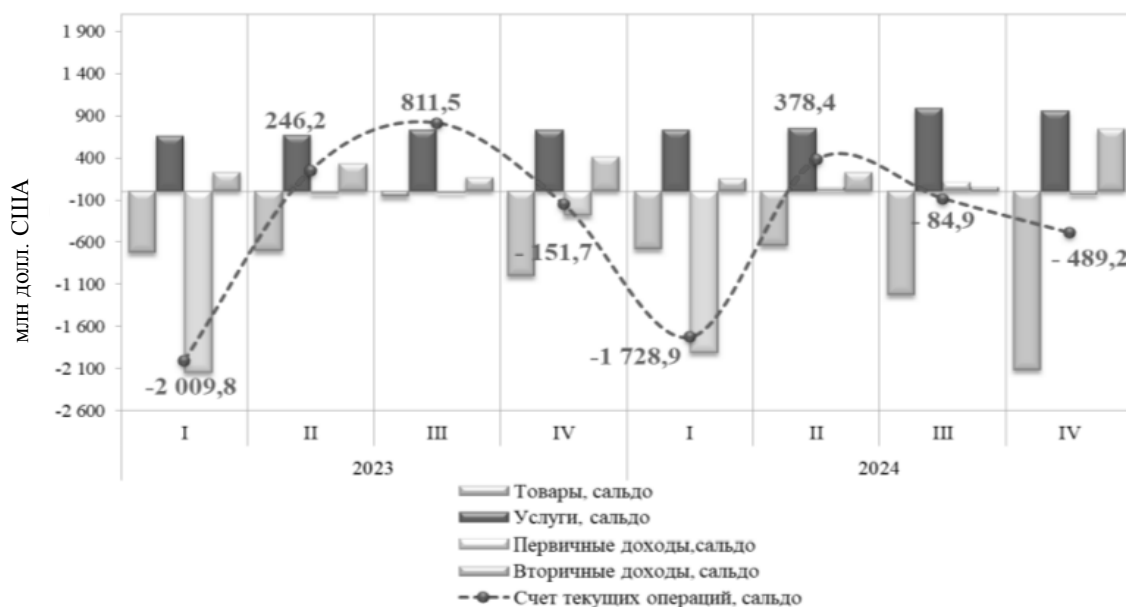

Рисунок 2 – Структура финансового счета платежного баланса Республики Беларусь по кварталам за 2023–2024 гг., млн долл. США

Примечание – Основано на данных из источника [6].

Что касается влияния платежного баланса на состояние валютной системы страны, то совокупность всех доходов (поступлений) приблизительно отражает предложение иностранной валюты (соответственно, спрос на отечественную валюту), а совокупность всех расходов (пла-

тежей) – спрос на иностранную валюту (соответственно, предложение отечественной валюты). Таким образом, движение валют из страны в страну образует валютный рынок, где спрос и предложение определяются платежным балансом, который регулируется посредством проведения уполномоченными органами валютного контроля. Взаимодействие спроса на иностранную валюту и предложения иностранной валюты устанавливает валютный курс, что способствует развитию валютных отношений [7].

Подводя итог всему вышесказанному, можно отметить, что в целях достижения равновесия платежного баланса страны и преодоления его дефицита, а также укрепление валютной системы страны уполномоченными государственными органами должны осуществляться следующие мероприятия:

- стимулирование и диверсификация экспорта товаров и услуг посредством ориентира на новые рынки сбыта и предоставления субсидий экспортерам для повышения конкурентоспособности их продукции на мировом рынке;

- сдерживание импорта товаров такими мерами нетарифного регулирования, как квотирование и лицензирование продукции, а также поддержка отечественных производителей;

- привлечение иностранного капитала благодаря улучшению инвестиционного климата в стране, т. е. существование преференциальных режимов (парк высоких технологий, свободные экономические зоны, малый и средний бизнес и др.) позволяет наиболее успешно вести бизнес зарубежным корпорациям с предоставлением им налоговых, таможенных и иных льгот и преимуществ;

- ограничение вывоза капитала вследствие проведения валютного контроля, заключающегося в мониторинге финансовых потоков и обеспечении стабильности национальной валюты.

Список использованной литературы

1. **Любякина, О. К.** Платежный баланс: понятие и роль в государственном регулировании экономики / О. К. Любякина, науч. рук. И. П. Чупина // Актуальные вопросы развития современного общества, экономики и профессионального образования : материалы XVII Междунар. молодежной науч.-практ. конф., г. Екатеринбург, 25 марта 2020 г. – Т. 1 / Рос. гос. проф.-пед. ун-т. – Екатеринбург : РГППУ, 2020. – С. 61–64.

2. **Бондаренко, Н. Н.** Платежный баланс : электронный учеб.-метод. комплекс для специальности: 1-26 02 02 «Менеджмент (по направлениям)», направление специальности: 1-26 02 02-01 «Менеджмент (финансовый и инвестиционный)» / Н. Н. Бондаренко. – Мн. : БГУ, 2019. – 143 с.

3. **Платежный баланс Республики Беларусь** / Национальный банк Республики Беларусь. – URL: <https://www.nbrb.by/statistics/balpay> (дата обращения: 03.02.2026).

4. **Методологические** пояснения к платежному балансу Республики Беларусь в соответствии с шестым изданием Руководства по платежному балансу и международной инвестиционной позиции (МВФ, 2009). – URL: <https://www.nbrb.by/statistics/balpay> (дата обращения: 03.02.2026).

5. **Платежный баланс Республики Беларусь за 2022-2024 гг.** // Национальный банк Республики Беларусь. – URL: <https://www.nbrb.by/statistics/balpay> (дата доступа: 03.02.2026).

6. **Платежный баланс, международная инвестиционная позиция и валовой внешний долг Республики Беларусь за 2024 год.** – URL: <https://www.nbrb.by/publications/balpay/balpay2024.pdf> (дата обращения: 07.02.2026).

7. **Платежный баланс страны. Валютный курс и международные системы валютных курсов** / Рязанский институт (филиал) Московского политехнического университета // Международные экономические отношения и экономическая теория. – URL: <http://sdo.rimsou.ru/mod/book> (дата обращения: 08.02.2026).

РАЗВИТИЕ АГРАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ РЕСПУБЛИКОЙ ТАДЖИКИСТАН И РЕСПУБЛИКОЙ БЕЛАРУСЬ

В данной статье рассматриваются вопросы сотрудничества между Республикой Таджикистан и Республикой Беларусь в сфере сельского хозяйства. Особое внимание уделяется основным направлениям взаимодействия, включая развитие сельскохозяйственного производства, использование современной техники и технологий, а также экономическое и научно-техническое сотрудничество. В статье также анализируется роль межправительственных соглашений и деятельности совместных предприятий, в частности «Агротехсервис», в развитии агропромышленного комплекса двух стран. Автор подчеркивает значение сотрудничества двух государств в области механизации сельского хозяйства, повышения урожайности и развития аграрного производства.

This article examines the issues of cooperation between the Republic of Tajikistan and the Republic of Belarus in the field of agriculture. Special attention is given to the main areas of interaction, including the development of agricultural production, the use of modern machinery and technologies, as well as economic and scientific-technical cooperation. The article also analyzes the role of intergovernmental agreements and the activities of joint enterprises, particularly “Agrotechservice,” in the development of the agro-industrial complex of the two countries. The author emphasizes the importance of cooperation between the two states in the field of agricultural mechanization, increasing crop yields, and the development of agrarian production.

Ключевые слова: сельское хозяйство; Республика Таджикистан; Республика Беларусь; международное сотрудничество; агропромышленный комплекс; сельскохозяйственная техника; механизация сельского хозяйства; экономическое сотрудничество; научно-техническое сотрудничество; аграрное развитие.

Key words: agriculture; Republic of Tajikistan; Republic of Belarus; international cooperation; agro-industrial complex; agricultural machinery; agricultural mechanization; economic cooperation; scientific and technical cooperation; agrarian development.

В условиях глобализации и развития международных экономических отношений сотрудничество государств в ключевых отраслях экономики приобретает большое значение. Одной из таких отраслей является сельское хозяйство, которое играет важную роль в обеспечении продовольственной безопасности и развитии национальной экономики. Сотрудничество между Республикой Таджикистан и Республикой Беларусь в сфере сельского хозяйства в последние годы постепенно расширяется, способствуя развитию аграрного производства, внедрению новых технологий и повышению эффективности производства.

С целью развития двусторонних отношений и укрепления сотрудничества в сфере сельского хозяйства между Республикой Таджикистан и Республикой Беларусь был подписан ряд важных документов. Одним из таких документов является «Соглашение между Министерством сельского хозяйства Республики Таджикистан и Министерством сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь об экономическом и научно-техническом сотрудничестве в агропромышленном комплексе» от 14 июня 2006 г. Это соглашение создает основу для расширения сотрудничества двух стран в области производства, переработки и развития аграрных технологий [1, с. 1].

Основная цель соглашения – укрепление сотрудничества в агропромышленном комплексе, обмен опытом и внедрение современных технологий в сельскохозяйственном производстве. В то же время соглашение способствует повышению эффективности производства и устойчивому развитию сельского хозяйства обеих стран. В рамках этого соглашения предусмотрено сотрудничество по следующим направлениям:

- развитие сельскохозяйственного производства и повышение урожайности культур;
- сотрудничество в области животноводства и селекции новых пород животных;
- обмен опытом в области агротехнологий и механизации сельского хозяйства;
- разработка совместных научных и исследовательских программ;
- развитие переработки сельскохозяйственной продукции и пищевой промышленности;
- проведение семинаров, конференций и профессиональных обучающих мероприятий для специалистов.

В этом контексте также следует отметить развитие совместных агропромышленных предприятий между Республикой Таджикистан и Республикой Беларусь. Совместное таджик-

ско-белорусское предприятие «Агротехсервис» является одним из ключевых предприятий аграрной и промышленной сферы в Республике Таджикистан, созданным в сотрудничестве с белорусскими промышленными партнерами. Основная деятельность компании направлена на производство, сборку и обслуживание сельскохозяйственной техники.

Соглашение между Министерством сельского хозяйства Республики Таджикистан и Министерством сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь об экономическом и научно-техническом сотрудничестве в агропромышленном комплексе создает прочную правовую и экономическую основу для развития сотрудничества двух стран в сфере сельского хозяйства. Это сотрудничество способствует устойчивому развитию агропромышленного комплекса и обеспечению продовольственной безопасности.

Предприятие «Агротехсервис», созданное в 2003 г., занимается импортом, продажей, сборкой и обслуживанием сельскохозяйственной техники и оборудования. Компания также производит некоторые виды отечественной техники и обеспечивает гарантийное и послегарантийное обслуживание. Создание предприятий осуществляется не только в столице, но и в городах и районах страны. Например, в 2018 г. в г. Хисор с участием Президента Республики Таджикистан, Лидера нации уважаемого Эмомали Рахмона, и Президента Республики Беларусь, уважаемого Александра Лукашенко, был открыт филиал предприятия «Агротехсервис», который занимается сборкой белорусской сельскохозяйственной техники [2].

Следует отметить, что на основе решения Межправительственной комиссии Таджикистана и Беларуси по Закону Республики Таджикистан «О Государственном бюджете» на 2019–2020 гг. и в 2021 г. АОЗТ «Агротехсервис» освобожден от уплаты налога на добавленную стоимость и таможенной пошлины при ввозе запасных частей и комплектующих, предназначенных для сборки сельхозтехники и оборудования.

Следует отметить, что совместное предприятие «Агротехсервис» является важным примером промышленного и экономического сотрудничества между Республикой Таджикистан и Республикой Беларусь в сфере агропромышленного комплекса и играет ключевую роль в развитии механизации сельского хозяйства страны.

В связи с этим, 9 июля 2025 г., в рамках 10-го совещания министров государств-членов Шанхайской организации сотрудничества, сопредседатели Межправительственной комиссии Таджикистан–Беларусь, Министр сельского хозяйства Республики Таджикистан и Министр сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь, обсудили ряд вопросов, включая строительство предприятий по переработке молока и мяса, импорт высокопродуктивного скота мясного и молочного направлений, увеличение экспорта сухофруктов на рынок Беларуси, укрепление потенциала Акционерного общества СП «Агротехсервис» в г. Хисор в части сборки и монтажа тракторов, сельскохозяйственных машин и зерноуборочных комбайнов марки GS-5, создание предприятий по переработке фруктов и овощей, выделение дополнительных стипендий для студентов из Таджикистана, привлечение большего числа таджикских стажеров на производственные предприятия Беларуси, развитие сотрудничества в области садоводства, виноградарства, семеноводства и птицеводства, вопросы изменения климата и борьбы с вредителями [3].

В частности, в рамках 16-го заседания МПК ОАО «Гомсельмаш» подписал меморандум о двустороннем сотрудничестве с ЗАО «Агротехсервис». В этом документе предусматривается поставка пяти зерноуборочных комбайнов GS5A на таджикский рынок в 2024 г. Дело в том, что «Гомсельмаш» уже не первый год тесно сотрудничает с компанией «Агротехсервис» для обеспечения аграриев Республики Таджикистан зерном и кормоуборочной техникой, а также проведения своевременного сервисного обслуживания» [4].

Также от 30 ноября 2017 г. № 563 одобрен проект соглашения между Министерством сельского хозяйства Республики Таджикистан и Министерством сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь о сотрудничестве в области сельского хозяйства, направленный на развитие животноводства, механизацию сельскохозяйственного производства, производства семян, внедрение инновационных технологий в сельском хозяйстве, мелиорацию земель, планирование землепользования, исследование почвы и оросительной системы, развитие научно-исследовательской деятельности в области сельского хозяйства, фитосанитарного и ветеринарного контроля.

Обсуждение этих направлений нацелено на углубление двустороннего сотрудничества между Таджикистаном и Беларусью в аграрной сфере и развитие совместных проектов в агропромышленном комплексе.

Таким образом, сотрудничество между Республикой Таджикистан и Республикой Беларусь в сфере сельского хозяйства имеет стратегическое и фундаментальное значение для ус-

тойчивого развития экономики и повышения эффективности аграрного производства. Это сотрудничество способствует не только повышению продуктивности сельскохозяйственного производства, но и внедрению передового опыта и современных технологий в аграрной сфере, сборке и обслуживанию сельскохозяйственной техники и оборудования, а также укреплению потенциала совместных предприятий, в частности компании «Агротехсервис».

Список использованной литературы

1. **Соглашение** между Министерством сельского хозяйства Республики Таджикистан и Министерством сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь об экономическом и научно-техническом сотрудничестве в агропромышленном комплексе : заключено в г. Минске 1 дек. 2017 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 26.03.2026).

2. **Закрытое** акционерное общество «Агротехсервис». – URL: <https://agserv.tj/> (дата обращения: 24.03.2026).

3. **Таджикистан** и Беларусь обсудили расширение торгового, экономического и сельскохозяйственного сотрудничества. – URL: <https://khovar.tj/2025/07/to-ikiston-va-belarus-gustarishi-amkorii-ti-oratiyu-i-tisod-va-kishovarziro-barras-namudand/> (дата обращения: 24.03.2026).

4. **Гомсельмаш** поставит партию зерноуборочных комбайнов в Таджикистан в 2024 году. – 2023. – URL: <https://www.belta.by/economics/view/gomselmash-postavit-partiiu-zemouborochnyh-kombainov-v-tadzhikistan-v-2024-godu-591373-2023/> (дата обращения: 24.03.2026).

УДК 338.22 (476)

А. М. Силкова (silkovalina85@mail.ru),
студент

С. О. Венгер (silkovalina85@mail.ru),
ст. преподаватель
Международный институт
управления и предпринимательства
г. Минск, Республика Беларусь

УЧАСТИЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В БРИКС И РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Данная статья посвящена анализу вопросов участия Республики Беларусь в объединении БРИКС, значению данного объединения для международной экономики, перспектив и преимуществ для социально-экономического развития национальной экономики от участия в нем.

This article is devoted to the analysis of the issues of participation of the Republic of Belarus in the BRICS association, the significance of this association for the international economy, the prospects and benefits for the socio-economic development of the national economy from participation in it.

Ключевые слова: БРИКС; геополитика; долгосрочное партнерство; торговля и инвестиции; диверсификация рынков; экономический суверенитет.

Key words: BRICS; geopolitics; long-term partnership; trade and investment; market diversification; economic sovereignty.

В современной геополитической ситуации, характеризующейся трансформацией системы международных отношений, особое значение приобретают новые интеграционные объединения, предлагающие альтернативные модели взаимодействия.

Одним из таких является объединение Бразилии, России, Индии, Китая и Южно-Африканской Республики (БРИКС), которое в последние годы привлекает все большее внимание государств, стремящихся к многовекторной внешней политике и устойчивому экономическому развитию. Республика Беларусь официально стала страной-партнером БРИКС 11 ноября 2024 г., что стало важным этапом в реализации внешнеполитической стратегии государства [1]. Данное событие открывает новые перспективы для национальной экономики и требует всестороннего анализа возможных последствий и выгод от участия в этом объединении.

Сегодня БРИКС представляет собой межгосударственное неформальное объединение наиболее динамично развивающихся стран, основанное в 2006 г. В настоящее время в него входят десять полноправных стран-участниц: Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка,

Иран, Объединенные Арабские Эмираты, Египет, Эфиопия и Саудовская Аравия [1]. Основной целью данного объединения является развитие экономического сотрудничества, укрепление политических связей между странами-участницами и содействие реформам в международных финансовых институтах. По мнению эксперта Ю. Абухович, БРИКС сегодня воспринимается как реальная альтернатива западноцентричному миру, при этом он не является антизападным, а образует пространство свободного развития, более открытое и справедливое [2]. После расширения объединения в 2024 г. его доля в мировом внутреннем валовом продукте (ВВП) по паритету покупательной способности по сравнению с 2023 г. выросла с 31,5 до 37%, а население стран-участниц составляет 46% от мирового [3; 4].

В отличие от многих других международных структур, БРИКС не имеет устава, а взаимодействие строится на основе невмешательства, равенства и взаимной выгоды [5].

Получение Беларусью статуса государства-партнера БРИКС подразумевает возможность участия в различных мероприятиях этой организации, обмена опытом и лучшими практиками, участие в совместных проектах, доступ к ресурсам и технологиям, а также открываются дополнительные возможности для торговли и инвестиций, что особенно важно для Беларуси, стремящейся диверсифицировать свои экономические связи [1]. Кроме того, Беларусь интересуется сотрудничеством с другими странами-участницами в области безопасности, культурного обмена и социального взаимодействия [4].

В январе 2025 г. Президент Республики Беларусь одобрил Стратегию действий в БРИКС, что закрепило цели и задачи страны на этой площадке, среди которых повышение международного авторитета и выход на новые рынки [6].

Как подчеркивает О. Лазоркина, для Беларуси важно не только получить мгновенные экономические выгоды, но и наработать политическую базу. Экономическая повестка саммита полностью отвечает целям национальной экономики Беларуси – ускорение экономического роста и устойчивое развитие [5].

Одним из ключевых преимуществ участия в БРИКС является возможность диверсификации рынков сбыта белорусской продукции. С большинством государств БРИКС у Беларуси уже налажены политические контакты, однако потенциал сотрудничества реализован не полностью по объективным причинам: географическая отдаленность, сложности с логистикой и расчетами, кризисные явления в мировой политической и экономической системе. Регулярные встречи в рамках БРИКС дополнительно подталкивают страны к поиску способов преодоления существующих препятствий для взаимовыгодного сотрудничества.

В тоже время, для Беларуси в отношениях со странами БРИКС нет нерешаемых проблем, а увеличение товарооборота и объемов торговли услугами – лишь вопрос времени. Так, по итогам первого полугодия 2025 г. экспорт белорусских товаров в Индию уже вырос в 5,6 раза по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, а товарооборот с Китаем достиг 8,9 млрд долл. США. Китай стал вторым после России торговым партнером Беларуси с долей 11% [7].

Важным направлением взаимодействия в рамках БРИКС является развитие альтернативных механизмов расчетов. В настоящее время более 60% взаиморасчетов между государствами-участниками осуществляется в национальных валютах. Это создает основу для формирования альтернативной финансово-расчетной реальности и снижения зависимости от долл. США. На саммите в Казани было предложено создать систему BRICS Bridge, основанную на технологии цифровых валют центральных банков [2].

Кроме того, разрабатывается децентрализованная биржа расчетов BRICS Pay, способная упорядочить проведение платежей между странами-участницами. Для Беларуси, сталкивающейся с проблемами в проведении международных расчетов из-за санкционного давления, развитие этих механизмов имеет критическое значение для сохранения и расширения внешнеэкономической деятельности [5]. Развитие единого биржевого пространства активно обсуждается и на законодательном уровне: в декабре 2025 г. в Палату представителей был внесен законопроект об изменении Закона «О товарных биржах», который предусматривает участие белорусской товарной биржи в реализации международных договоров для развития единого биржевого пространства стран Содружества Независимых Государств (СНГ), Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и БРИКС [8]. По данным белорусской универсальной товарной биржи в 2025 г. ряд стран-участниц, таких как Россия, Китай, и партнеров БРИКС, таких как Узбекистан и Казахстан, входят в пятерку лидеров по количеству сделок, и в 2025 г. впервые пришла Индонезия [9].

Особый интерес для Беларуси представляет сотрудничество в области экспорта продукции нефтехимического комплекса, деревообрабатывающего комплекса, легкой и пищевой промышленности [5; 9].

Участие Беларуси в БРИКС имеет не только экономическое, но и важное политическое значение, представляя собой политическую и экономическую страховку, которая действует уже сегодня. Двусторонние встречи главы белорусского государства на саммите в Казани с генеральным секретарем ООН, президентами Ирана, Венесуэлы, Лаоса, премьер-министрами Эфиопии, Вьетнама свидетельствуют о продолжающемся повышении международного статуса Беларуси [2]. В более узком кругу участников каждая встреча становится более заметной и важной. Это помогает Беларуси участвовать в формировании глобальной повестки и отстаивать свои национальные интересы.

В июне 2025 г. белорусская делегация уже во второй раз приняла участие в Парламентском форуме БРИКС в Бразилии, где председатель Постоянной комиссии по международным делам Сергей Рачков подтвердил готовность страны к получению полноправного членства в объединении [10].

Таким образом, получение Республикой Беларусь статуса партнера БРИКС открывает новые перспективы для развития национальной экономики и укрепления международных позиций страны. Партнерство позволяет диверсифицировать внешнеэкономические связи, получить доступ к альтернативным финансовым механизмам и новым рынкам сбыта. По словам министра иностранных дел Беларуси Максима Рыженкова, участие в Шанхайской организации сотрудничества и БРИКС уже привело к ощутимым торгово-экономическим результатам с основными партнерами – объем торговли с Китаем сегодня больше, чем с Европейским Союзом, и в ближайшее время он может превысить показатели торговли с Европейским Союзом в два раза [11]. Доля стран дальней дуги в белорусском экспорте выросла с 11% в 2021 г. до 20% в 2024 г., что демонстрирует эффективность курса на диверсификацию [12].

В долгосрочной перспективе участие в БРИКС будет способствовать укреплению экономического суверенитета Беларуси, снижению зависимости от традиционных рынков и формированию устойчивой модели развития в условиях формирования многополярного мира, что является главной целью для всех участников. Беларусь обладает всеми необходимыми компетенциями и опытом в различных областях для активного участия в этом процессе: от решения продовольственной проблемы до исследования и использования космического пространства и, по словам Президента Республики Беларусь, дружественные государства заинтересованы в отношениях с нами.

Подводя итог сформулируем следующие выводы:

1. На современном этапе развития глобального мирового хозяйства расширяющееся объединение стран БРИКС укрепляется в роли мощной геополитической силы, способствующей в своей реализации установлению многополярности в мире.

2. Национальная экономика Республики Беларусь, активно развивающая свой экспортный потенциал, нуждается в устойчивом присутствии на зарубежных рынках и устойчивых взаимовыгодных отношениях по привлечению импортных ресурсов в обрабатывающий сектор национального производства. Это позволяет поддерживать социально-экономическое развитие, в том числе за счет внешнеэкономической деятельности.

3. Участие Республики Беларусь в объединении стран БРИКС позволит расширить географию присутствия белорусской продукции на рынках стран объединения и других регионов. И данный процесс уже идет, решаются закономерные вопросы определения и согласования условий взаимовыгодной торговли, логистики, включения в системы расчетов.

4. Мощным конкурентным преимуществом для развития национальной экономики Республики Беларусь являются глубокая экономико-политическая интеграция с Российской Федерацией и тесное торгово-экономическое сотрудничество с Китаем, Бразилией и Индией, как основателями БРИКС. Это помогает легче входить в проекты объединения и реализовывать в них собственный потенциал, помогает пользоваться, своего рода, политической страховкой на международной арене.

5. Республика Беларусь видит обоюдную пользу от долговременного участия в объединении и не раз доказывала свою готовность и наличие потенциала к высокоэффективной реализации программы развития БРИКС.

Список использованной литературы

1. **11 ноября** 2024 года Беларусь официально стала страной – партнером БРИКС // Совет Республики Национального собрания Республики Беларусь. – URL: <https://sovrep.gov.by/special/ru/interview-ru/view/11-nojabrja-2024-goda-belarus-ofitsialno-stala-stranoj-partnerom-briks-2410/> (дата обращения: 28.02.2026).
2. **Абухович, Ю.** Каково будущее БРИКС и почему партнерство с этим объединением выгодно для Беларуси / Ю. Абухович // Belarus.by: официальный сайт Республики Беларусь. – URL: https://www.belarus.by/ru/press-center/speeches-and-interviews/kakovo-budushee-briks-i-pochemu-partnerstvo-s-etim-objedineniem-vygodno-dlja-belarusi_i_179934.html (дата обращения: 28.02.2026).
3. **Гайдук, М. Д.** Перспективы развития Республики Беларусь в составе БРИКС / М. Д. Гайдук. – URL: https://rep.polessu.by/bitstream/123456789/31351/1/Perspektivy_razvitiia.pdf (дата обращения: 02.03.2026).
4. **Тиссен, А. Я.** Республика Беларусь в БРИКС: перспективы сотрудничества / А. Я. Тиссен, А. А. Марков // International Journal of Humanities and Natural Sciences, vol /3-1 (102), 2025. – С. 142–145.
5. **Лазоркина, О.** В чем особенности БРИКС и насколько перспективно его дальнейшее развитие? / О. Лазоркина ; беседовала С. Сабило // Портал о нефтехимической отрасли. – URL: <https://belchemoil.by/news/analitika/v-chem-osobennosti-briks-i-naskolko-perspektivno-ego-dalnejshee-razvitie> (дата обращения: 28.02.2026).
6. **Как** Беларуси получить максимум от ШОС и БРИКС? О чем говорится в официальных стратегиях и что думают эксперты // Belarus.by: официальный сайт Республики Беларусь. – URL: https://www.belarus.by/ru/press-center/news/kak-belarusi-poluchit-maksimum-ot-shos-i-briks-o-chem-govoritsja-v-ofitsialnyx-strategijax-i-cto-dumajut-eksperty_i_0000185418.html (дата обращения: 02.03.2026).
7. **Снопков:** Беларусь за 10 лет увеличила втрое товарооборот с Китаем и вдвое экспорт // БелТА. – URL: <https://belta.by/economics/view/snopkov-belarus-za-10-let-uvelichila-vtroe-tovarooborot-s-kitaem-i-vdvoe-eksport-761180-2026/> (дата обращения: 02.03.2026).
8. **Законопроект** по вопросам биржевой деятельности внесен в Палату представителей // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2025/december/91635/> (дата обращения: 02.03.2026).
9. **Биржевые** торги на БУТБ: география, лидеры продаж // БелТА. – URL: <https://belta.by/infographica/view/birzhevye-torgi-na-butb-geografija-lidery-prodazh-45468/> (дата обращения: 02.03.2026).
10. **Белорусская** делегация принимает участие в Парламентском форуме БРИКС в Бразилии // Belarus-news.by. – URL: <https://belarus-news.by/news/beloruskaya-delegaciya-prinimaet-uchastie-v-parlamentskom-forume-briks-v-brazilii> (дата обращения: 02.03.2026).
11. **Рыженков:** объем торговли у Белоруссии с Китаем будет вдвое больше, чем с ЕС // Вести.Ru. – URL: <https://www.vesti.ru/article/4542277> (дата обращения: 02.03.2026).
12. **Бюллетень** БРИКС. Выпуск 52.2025 // Tufbrics. – URL: <https://tufbrics.org/tilda/ru/page107521546.html> (дата обращения: 02.03.2026).

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ И КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ДОБРУШСКОГО РАЙОНА ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Статья посвящена анализу уровня и качества жизни населения Добрушского района Гомельской области. Рассматриваются ключевые социально-экономические индикаторы благосостояния населения: доходы, занятость, жилищные условия, доступность социальных услуг. Выявлены основные проблемы, сдерживающие рост качества жизни. Предложены направления улучшения социально-экономической ситуации через развитие малого предпринимательства, модернизацию жилищно-коммунального хозяйства и расширение программ социальной поддержки. Результаты исследования могут быть использованы при формировании региональной политики повышения благосостояния населения сельских территорий.

The article analyzes the level and quality of life of the population in the Dobrush district of the Gomel region. Key socio-economic indicators of population welfare are examined: income, employment, housing conditions, and accessibility of social services. Special attention is paid to the specifics of peripheral areas located in the zone of radioactive contamination after the Chernobyl accident. Main problems limiting the growth of quality of life have been identified: demographic decline, youth outflow, underdeveloped infrastructure. Directions for improving the socio-economic situation are proposed through the development of small business, modernization of housing and communal services, and expansion of social support programs. Research results can be used in forming regional policies to improve the welfare of rural populations.

Ключевые слова: качество жизни; уровень жизни; социально-экономическое развитие; Добрушский район; региональная политика; сельские территории; демографические процессы.

Key words: quality of life; standard of living; socio-economic development; Dobrush district; regional policy; rural territories; demographic processes.

Добрушский район расположен на юго-востоке Гомельской области и относится к территориям, испытавшим последствия чернобыльской катастрофы. Это обстоятельство наложило отпечаток на всю траекторию развития региона за последние десятилетия [1]. Площадь района составляет около 1,4 тыс. км², численность населения по данным на начало 2024 г. составила порядка 32 тыс. чел. Из них в районном центре, г. Добруше, проживает около 18 тыс. жителей. Остальное население распределено по 89 сельским населенным пунктам. Экономический профиль территории определяется несколькими крупными организациями. В сельской местности традиционно доминирует аграрный сектор: картофелеводство, животноводство, зерновое хозяйство.

Рассмотрим ключевые факторы, определяющие качество жизни населения Добрушского района Гомельской области:

1. Демографическая ситуация – пожалуй, один из наиболее сложных аспектов темы. Отмечается естественная убыль населения, имеет место миграционный отток молодежи в более крупные города или столичный регион для продолжения образования или трудоустройства. Средний возраст жителей имеет тенденцию к увеличению.

2. Вторая группа факторов связана с состоянием рынка труда. Крупные организации (ЗАО «Добрушский фарфоровый завод», ОАО «Управляющая компания холдинга «Белорусские обои» филиал «Добрушская бумажная фабрика «Герой труда», Филиал «Гомельский ГОК» ОАО «Гомельстекло», Добрушский хлебозавод филиал РУППХП «Гомельхлебпром») сохраняют ключевые позиции в качестве нанимателей, но рост объемов деятельности недостаточно высокий, что не позволяет существенно наращивать спрос на рабочую силу. При этом организации района в последние годы осуществляли модернизацию производства, что весьма важно с позиции конкурентоспособности деятельности организаций и повышения производительности труда, но скорее является условием для сокращения потребности в работниках, чем к ее росту [2]. Сельское хозяйство является важной отраслью экономики района, демонстрируя высокий спрос на трудовые ресурсы. Однако труд в агросекторе тяжелый, зачастую носит сезонный характер. Механизация идет недостаточно быстрыми темпами. Отдельные хозяйства демонстрируют невысокие показатели эффективности экономической деятельности. Это не по-

звolyет сельскохозяйственным организациям предложить своим работникам более высокую заработную плату.

3. По официальной статистике, средняя заработная плата в районе в 2024 г. составила около 1450 р. [3]. Это на 15–18% ниже среднего уровня оплаты труда по Гомельской области. Разрыв с размером столичной заработной платы еще существеннее. При этом уровень регистрируемой безработицы низкий – менее 1%.

4. Средняя обеспеченность жильем в районе составляет около 26 м² на человека [3]. Город Добруш практически полностью газифицирован, сельская местность – частично. Коммунальное хозяйство сталкивается с проблемой изношенности коммунальной инфраструктуры.

5. Медицинское обслуживание сконцентрировано в районном центре. Функционирует УЗ «Добрушская центральная районная больница», в структуру которой входят стационар на 144 койки, поликлиника на 375 посещений в смену, отделение консультативной педиатрической помощи на 100 посещений в смену [4]. В малых населенных пунктах функционируют амбулатории общей практики, фельдшерские здравпункты и фельдшерско-акушерские пункты. Для получения качественной высокотехнологической диагностики и узкопрофильных медицинских услуг жителям района в отдельных случаях приходится ехать в областной центр.

6. Образовательная сеть района переживает реструктуризацию. За последние пятнадцать лет закрыт ряд сельских школ из-за малочисленности учащихся. Дети проходят обучение в базовых и средних школах, расположенных в более крупных населенных пунктах. Учреждений среднего специального и высшего образования в районе нет, что вынуждает молодежь уезжать для продолжения обучения.

7. Нельзя обойти вниманием и экологический аспект. Хотя острая фаза чернобыльского кризиса давно миновала, психологический фактор продолжает влиять на восприятие территории как неблагоприятной. Это может сказываться на привлекательности района для инвесторов и новых жителей.

Решение описанных выше проблем требует комплексного подхода:

1. Первое направление – стимулирование предпринимательства и диверсификация экономики. Малый бизнес может стать драйвером занятости, особенно в сфере услуг. Необходимы льготные кредиты для начинающих предпринимателей, упрощение административных процедур, создание бизнес-инкубаторов [5]. Перспективными видятся агроэкотуризм, переработка местной сельхозпродукции, развитие ремесленных промыслов. Уже есть успешные примеры: семейные фермы, мини-сыроварни, экологически чистые хозяйства.

2. Второе направление – поддержка сельского хозяйства и развитие кооперации. Развитие фермерских хозяйств, кооперативов по переработке и сбыту продукции может оживить сельскую экономику [2]. Государственная поддержка должна быть адресной: льготное кредитование, субсидирование закупки техники, консультационная помощь по агротехнологиям и маркетингу. Упрощение административных процедур, создание региональных продовольственных кластеров, развитие кооперативной торговли – все это может снизить издержки и повысить рентабельность малых сельхозпроизводителей.

3. Третье направление – развитие инфраструктуры. Приоритетными являются дорожное строительство и ремонт. Без качественных дорог невозможно успешное развитие туризма, затрудняется логистика для бизнеса, снижается доступность социальных объектов. Программы придорожного благоустройства должны охватывать не только магистральные трассы, но и внутрипоселковые дороги. Важным направлением является развитие социальной инфраструктуры. Необходимо развивать доступность медицинской помощи и социальных услуг. Здесь необходимо развитие мобильных медицинских бригад, телемедицины, выездных консультаций специалистов. Пилотные проекты дистанционного медицинского консультирования в ряде районов Беларуси показали обнадеживающие результаты [6]. Жилищно-коммунальное хозяйство требует капитальных вложений. Газификация отдаленных населенных пунктов экономически не всегда оправдана, но можно рассмотреть альтернативные источники энергии: твердотопливные котлы на местных видах топлива, солнечные батареи для автономного электроснабжения отдельных объектов. Водоснабжение остается проблемой для многих деревень района. Строительство локальных очистных сооружений, бурение скважин, ремонт водопроводных сетей должны стать частью целевых программ.

4. Четвертое направление – сдерживание оттока населения и привлечение специалистов. Без людей любые инвестиции в инфраструктуру теряют смысл. Важными здесь являются программы поддержки молодых специалистов: «подъемные» для приезжающих врачей и учителей, служебное жилье, льготные условия приобретения жилья. Практика показывает, что матери-

альное стимулирование работает, если дополняется комфортными условиями жизни и возможностями для профессионального роста. Развитие культурно-досуговой сферы – важный, хотя и часто недооцениваемый фактор. Для молодежи необходимо наличие спортивных секций, творческих кружков, современных библиотек с доступом к интернету. В районном центре функционирует ГУ «Добрушский районный Дворец культуры» (включает 16 филиалов) и является ведущим учреждением культуры в районе, при этом его материально-техническая база требует некоторого обновления. Культурно-досуговые учреждения – это не только место проведения досуга, но и центры социальной активности, площадки для коммуникации и самореализации.

5. Пятое направление – использование потенциала цифровизации. Развитие широкополосного интернета в сельской местности открывает возможности для дистанционной работы, онлайн-образования, электронной коммерции. Удаленная занятость может стать решением для людей, живущих в отдаленных деревнях, но не желающих переезжать в город. Реализация таких проектов требует инвестиций в телекоммуникационную инфраструктуру и обучения населения цифровым навыкам [6]. Картина здесь неоднородная. В районном центре и крупных агрогородках интернет доступен. В мелких сельских населенных пунктах покрытие зачастую является нестабильным.

Таким образом, повышение уровня и качества жизни населения Добрушского района – задача многоплановая, требующая скоординированных усилий государственных органов, местного самоуправления, бизнеса и общественных организаций. Ситуация в районе типична для многих периферийных сельских территорий постсоветского пространства: демографический спад, отток молодежи, старение населения, неразвитость инфраструктуры, ограниченность экономических возможностей.

Основные выводы исследования можно сформулировать следующим образом. Во-первых, экономические показатели – доходы, занятость – хотя и важны, но не исчерпывают понятие качества жизни. Доступность медицинских и образовательных услуг, состояние инфраструктуры, возможности социальной реализации играют не меньшую роль. Во-вторых, проблемы района носят системный характер и не могут быть решены точечными мерами. Требуется комплексные программы развития, включающие экономическую, социальную и инфраструктурную составляющие. В-третьих, демографический фактор становится все более критичным. Без удержания и привлечения молодого населения любые инвестиции окажутся малоэффективными.

Список использованной литературы

1. **Мартинкевич, Е. А.** Последствия чернобыльской катастрофы для социально-экономического развития Гомельской области / Е. А. Мартинкевич, Т. Ф. Манаева // Проблемы управления. – 2022. – № 3. – С. 78–89.
2. **Ковалева, И. В.** Качество жизни населения регионов: методология оценки и практика применения / И. В. Ковалева // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – 2024. – № 1 (77). – URL: <https://eee-region.ru/article/7701/> (дата обращения: 01.04.2026).
3. **Национальный** статистический комитет Республики Беларусь. Социально-экономическое положение Гомельской области в 2024 году. – Мн., 2025. – 234 с.
4. **Структура** // УЗ «Добрушская центральная районная больница». – URL: <https://dcrb.by/> (дата обращения: 01.04.2026).
5. **Гусаков, В. Г.** Устойчивое развитие сельских территорий: проблемы и пути решения / В. Г. Гусаков, З. М. Ильина // Экономика и управление. – 2023. – № 4. – С. 12–24.
6. **Шимова, О. С.** Инфраструктурное обеспечение развития сельских территорий Беларуси / О. С. Шимова, Д. Г. Решетников // Вестник Белорусского государственного экономического университета. – 2024. – № 2. – С. 65–74.

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ СОБСТВЕННОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И СМЕНА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

В статье анализируется уникальный опыт Беларуси как страны с «незавершенной» трансформацией от командно-административной к гибридной экономической модели. Показано, что после распада СССР республика пережила глубокий спад и непоследовательные реформы, а с середины 1990-х гг. выбрала путь социально-ориентированной рыночной экономики с сохранением государственного контроля. Автор демонстрирует, что, несмотря на доминирование частного сектора в торговле и услугах, ключевые отрасли остались под контролем государства. Делается вывод о формировании в Беларуси «транзитивной гибридной модели», сочетающей рыночные механизмы с чертами плановой экономики.

This article analyzes the unique experience of Belarus as a country with an “incomplete” transformation from a command-and-control to a hybrid economic model. It demonstrates that after the collapse of the USSR, the republic experienced a deep recession and inconsistent reforms, and since the mid-1990s, it has chosen the path of a socially oriented market economy while maintaining state control. The author demonstrates that, despite the dominance of the private sector in trade and services, key industries remained under state control. The author concludes that “a transitive hybrid model” is emerging in Belarus, combining market mechanisms with features of a planned economy.

Ключевые слова: трансформация; гибридная модель; собственность; социальная ориентированность; административное регулирование; «картофельный парадокс».

Key words: transformation; hybrid model; property; social orientation; administrative regulation; “potato paradox”.

Отношения собственности являются фундаментальной категорией экономической теории, определяющей характер хозяйственной системы любого государства. Трансформация форм собственности в постсоветских странах представляет собой уникальный исторический эксперимент по переходу от административно-командной системы к рыночной экономике. Беларусь занимает среди этих стран особое место, демонстрируя нелинейную траекторию развития: от радикальных рыночных реформ начала 1990-х гг. к консервации государственного сектора и возврату административных методов управления в 2000–2020-х гг.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью осмысления итогов тридцатилетней трансформации белорусской экономики. Особый интерес представляет противоречие между формальным провозглашением равноправия всех форм собственности и фактическим доминированием государственного регулирования, которое особенно ярко проявилось в кризисе ценовой политики 2022–2025 гг.

В экономической теории собственность понимается как система отношений между экономическими агентами по поводу присвоения ресурсов и результатов производства. Ключевыми формами собственности в современной экономике являются государственная (республиканская и коммунальная), частная (индивидуальная и корпоративная) и смешанные формы.

Переход от командно-административной системы к рыночной предполагает приватизацию государственной собственности, формирование частного сектора и создание конкурентной среды. В белорусской научной литературе процесс трансформации форм собственности рассматривается в несколько этапов. Как отмечается в исследовании по конституционно-правовому регулированию собственности, выделяются три ключевых периода приватизационного процесса:

- первый этап (1991–1993 гг.) – государство преследовало преимущественно фискальные цели, получая неналоговые доходы от приватизации;
- второй этап (1994–2008 гг.) – характеризовался переходом страны к рыночной экономике, увеличением доли частной собственности и ростом предпринимательской активности;

– третий этап (с 2008 г. по настоящее время) – характеризуется активным развитием инструментов фондового рынка, акций реформированных организаций [1, с. 124–128].

Однако, как показывает опыт Беларуси, этот процесс не является линейным и может сопровождаться как прогрессом в развитии рыночных институтов, так и реставрацией административных механизмов управления.

Экономика Белорусской ССР конца 1980-х гг. представляла собой классическую административно-командную систему с тотальным доминированием государственной и колхозно-кооперативной собственности. Республика выполняла роль «сборочного цеха» СССР, специализируясь на машиностроении (МАЗ, МТЗ, БелАЗ), химической промышленности и агропромышленном комплексе.

Первые ростки частной инициативы появились во второй половине 1980-х гг. в рамках политики перестройки. Принятие Закона СССР «О кооперации» (1988) легализовало частную деятельность в сфере торговли и услуг.

После распада СССР Беларусь столкнулась с глубоким трансформационным спадом. В этот период начались первые рыночные реформы: либерализация цен, введение ваучерной приватизации (чеки «Имущество») и формирование первого слоя предпринимателей. С середины 1990-х гг. в Беларуси утвердилась модель «социально-ориентированной рыночной экономики». В научной литературе эта модель характеризуется как особый путь постсоциалистической трансформации. В диссертационном исследовании В. Ярашевича отмечается, что белорусская модель «отдавала приоритет интересам непредпринимательских социальных групп и часто отклонялась от магистрального направления постсоциалистической трансформации, состоявшего из неоллиберализма и его социально-ориентированных альтернатив».

Ключевыми характеристиками этой модели стали:

- постепенный, эволюционный характер реформ;
- отказ от радикальной либерализации и приватизации;
- сохранение государственного контроля над стратегическими организациями;
- ориентация на поддержание занятости и социальной стабильности.

Конституционно было провозглашено равноправие всех форм собственности, однако на практике государство сохранило жесткий контроль над ключевыми организациями.

Важным индикатором трансформации является изменение нормативно-правовой базы, регулирующей отношения собственности. Современная классификация форм собственности в Беларуси закреплена в Общегосударственном классификаторе Республики Беларусь ОКРБ 002-2019 «Формы и виды собственности», актуальная редакция которого утверждена Постановлением Национального статистического комитета Республики Беларусь от 29 августа 2025 г. № 70 [2]. Ключевым документом, иллюстрирующим возврат к административным методам регулирования, является Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 19 октября 2022 г. № 713 «О системе регулирования цен» (в редакциях 2024–2025 гг.) [3]. Этот документ:

- вводит регулирование цен на потребительские товары, включенные в утвержденный перечень;
- требует от производителей согласовывать повышение отпускных цен с государственными органами;
- устанавливает предельные максимальные надбавки импортеров и торговых организаций;
- предусматривает основания для отказа в согласовании цен (недостаточное экономическое обоснование, неполные данные).

Как подчеркивается в разъяснениях Министерства антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь (МАРТ) от 4 апреля 2025 г., «несоблюдение единой предельной надбавки на импортируемые товары не допускается независимо от количества участников в цепочке товародвижения» [4].

Иллюстрирующим противоречия белорусской экономической модели стал кризис на рынке картофеля в первом полугодии 2025 г. Анализ этого случая позволяет выявить фундаментальные дисфункции системы государственного регулирования.

С начала марта 2025 г. белорусские потребители начали отмечать проблемы с наличием картофеля в магазинах: выбор сократился, цены выросли, качество продукции снизилось.

К причинам кризиса можно отнести:

- Низкие государственные закупочные цены. Закупочная цена картофеля в Беларуси составляла 0,76 р. за 1 кг, тогда как за границей его покупали за 1,3–1,4 р. Эта разница делала экспорт значительно более выгодным, чем продажи на внутреннем рынке.

– Массовый экспорт. По данным международной статистики, в 2024 г. Беларусь собрала 3,1 млн т картофеля – на млн т меньше, чем годом ранее. При этом страна экспортировала около 200 тыс. т в Россию, став ее крупнейшим поставщиком.

– Рост внутреннего спроса. В январе-феврале 2025 г. спрос на картофель в Беларуси вырос на 40% по сравнению с аналогичным периодом предыдущих трех лет.

– Проблемы с качеством стабфондов. По данным МАРТ, к концу февраля 2025 г. из стабилизационных фондов не поступило 3,8 тыс. т картофеля (13% от плана). Сети жаловались на испорченную продукцию – например, в хозяйстве «Полесские приправы АГРО» около 30% лука оказалось с грибком [4].

Ситуация рассматривалась на уровне правительства. 17 марта 2025 г. вице-премьер Юрий Шулейко получил докладную записку, в которой отмечалось, что улучшений не наблюдается. Комитет государственного контроля провел проверки и выявил: почти везде не выполняются графики поставок из стабфондов.

Были приняты следующие меры:

– ужесточение контроля за экспортом (перед согласованием экспорта требуется согласование с МАРТ);

– введение в оборот «мытых» овощей, цены на которые государством не регулируются (в Минске мытый картофель продавался по 2,72 р. за 1 кг);

– поручение премьер-министра о подготовке проекта закона, предусматривающего льготные кредиты для производителей и долгосрочную программу модернизации овощехранилищ.

Данный кейс иллюстрирует ключевое противоречие белорусской модели: государство пытается одновременно поддерживать низкие цены для населения и сохранять рыночные стимулы для производителей. Первый заместитель министра МАРТ Иван Вежновец заявлял в марте 2025 г., что «ценовое регулирование не вызвало никаких дисбалансов. Товаров на полках достаточно, цены приемлемы». Это расхождение между официальными заявлениями и реальной ситуацией на рынке также является характерной чертой административной системы.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что Беларусь не перешла к классической рыночной экономике, а сформировала «транзитивную гибридную модель». Как отмечается в исследовании В. Загорского (БрГТУ, 2024), «за годы независимости Республика Беларусь состоялась как суверенное государство с эффективно функционирующими институтами власти, устойчивой общественно-политической системой. Время подтверждает правильность выбранного курса на эволюционные преобразования».

Эта модель сочетает элементы рыночной и плановой систем.

К факторам рыночного прогресса можно отнести:

– появление и доминирование частного сектора (55,4% инвестиций);

– формирование национальной банковской системы;

– адаптация населения к рыночным механизмам.

Из черт плановой системы можно выделить:

– сохранение государственного сектора (38,4% инвестиций, контроль над стратегическими отраслями);

– практика директивного ценообразования (Постановление № 713);

– сохранение плановых показателей и стабилизационных фондов.

Эволюция форм собственности в Беларуси носила нелинейный характер. Если в 1990-е гг. наблюдался дрейф в сторону либерализации и зарождения частного сектора, то в 2000–2020-х гг. произошла консервация государственного сектора и реставрация административных методов управления.

Главным отличием белорусской модели от стран Восточной Европы остается сочетание формального равноправия форм собственности с фактическим доминированием государства в реальном секторе экономики через механизмы ценового регулирования и контроля над стратегическими организациями.

Кризис ценового регулирования 2025 г., кульминацией которого стал «картофельный парадокс», показывает фундаментальное противоречие между попытками административного сдерживания цен и сохранением рыночных стимулов для экспорта. Как показывают события весны 2025 г., это противоречие приводит к дефициту и требует дальнейшего ужесточения государственного контроля, что создает замкнутый круг административного регулирования.

Перспективы дальнейшей трансформации белорусской экономики остаются неопределенными. Дальнейшие исследования должны быть направлены на анализ динамики этих про-

цессов и выявление факторов, определяющих траекторию развития института собственности в Беларуси.

Список использованной литературы

1. **Гуторев, Т. О.** Эволюция конституционно-правового регулирования собственности в условиях белорусского государства / Т. О. Гуторев ; науч. рук. О. Н. Шупицкая // Взаимодействие правовых систем современности в целях устойчивого развития общества : сб. науч. ст. / Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы». – Гродно : ГрГУ им. Янки Купалы, 2021. – С. 124–128.

2. **Об утверждении** изменения № 1 общегосударственного классификатора Республики Беларусь ОКРБ 002-2019 «Формы и виды собственности» : постановление Нац. стат. комитета Респ. Беларусь от 29 августа 2025 г. № 70 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 26.03.2026).

3. **О системе** регулирования цен : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 19 октября 2022 г. № 713 : в ред. 2024 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 26.03.2026).

4. **О применении** постановления Совета Министров Республики Беларусь от 19 октября 2022 г. № 713 : Письмо М-ва антимонопол. регулирования и торговли Респ. Беларусь от 4 апр. 2025 г. № 03-02-11/317К // dribin.by. – URL: <https://dribin.gov.by/downloads/econom/trade/doc07501320250804143323.pdf> (дата обращения: 30.03.2026).

5. **Загорский, В. В.** Социально-экономическое развитие Республики Беларусь за период с 1994 по 2024 годы / В. В. Загорский ; научный руководитель Т. В. Филиппова // Экономика и управление: социальный, экономический и инженерный аспекты : сб. науч. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф., Брест, 28–29 ноября 2024 г. – Брест : БрГТУ, 2024. – Часть 2. – С. 118–122.

II. СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЭКОНОМИКЕ

УДК 339.138

Т. Н. Байбардина (bibardina@mail.ru),

канд. экон. наук, доцент

С. Г. Гвоздь (sunnypoppy93@gmail.com),

магистрант

А. Д. Пальцева (nastapalceva366@gmail.ru),

магистрант

*Белорусский торгово-экономический
университет потребительской кооперации
г. Гомель, Республика Беларусь*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БОЛЬШИХ ДАННЫХ (BIG DATA) ДЛЯ ПЕРСОНАЛИЗАЦИИ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ В ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ

В статье актуализировано использование больших данных (big data) для персонализации маркетинговых коммуникаций в электронной коммерции. Рассмотрены современные аспекты применения технологий персонализации данных, определяющих клиентоориентированный подход в деятельности организаций. Акцентируется внимание на актуальности использования интернет-ресурсов для современного бизнес-сообщества.

The article highlights the use of big data to personalize marketing communications in e-commerce. Modern aspects of the use of data personalization technologies that determine a customer-oriented approach in the activities of domestic organizations are considered. Attention is focused on the relevance of using internet resources for the modern business community.

Ключевые слова: большие данные; искусственный интеллект; электронная коммерция; персонализация данных; маркетинговые коммуникации; цифровые технологии; потребительское поведение.

Key words: big data; artificial intelligence; e-commerce; data personalization; marketing communications; digital technologies; consumer behavior.

В современном обществе, характеризующемся значительным проникновением цифровых технологий в повседневную жизнь человека, все большее значение имеет интернет. К его возможностям прибегают не только для работы или учебы, поиска необходимой информации, личного общения и досуга, но и для совершения покупок. Так, по данным исследования, большинство опрошенных респондентов (62,6%) совершали покупки товаров (услуг) в интернете [1]. Помимо обращения на официальные сайты производителей или специализированные интернет-магазины, современные потребители в последнее время используют и другие цифровые технологии коммуникации с компаниями, такие как агрегаторы, мобильные приложения и мессенджеры [2].

Современный этап развития электронной коммерции характеризуется фундаментальным сдвигом в логике взаимодействия между бизнесом и потребителем. Если еще десятилетие назад конкурентные преимущества отечественных организаций определялись широтой ассортимента или ценовой политикой, то сегодня на первый план выходит способность бизнеса понимать своего клиента и предвосхищать его желания. В условиях, когда каждый день генерируются колоссальные объемы цифровых следов – от истории поиска до геолокации и времени удержания взгляда на экране – данные превращаются в новый стратегический актив. В этой связи особую актуальность приобретает использование технологий больших данных (Big Data) для персонализации маркетинговых коммуникаций. Как показывает практика, современные организации и предприятия все чаще переходят от продуктово-ориентированных моделей к клиентоориентированным стратегиям, основанным на глубоком анализе потребительского поведения [3].

Технологическую основу персонализации сегодня составляют алгоритмы машинного обучения и искусственного интеллекта, которые обрабатывают структурированные и неструктурированные данные в режиме реального времени [4]. Механизм работы этих систем можно представить как непрерывный цикл: сбор данных о поведении пользователя (клики, просмотры, покупки), их анализ и сегментация, формирование персонализированного предложения и, наконец, оценка обратной связи для обучения модели. Классическим примером практической реализации такого подхода является использование нейросетевого коллаборативного фильтрации, которое, как показывают исследования, способно достигать точности рекомендаций более 93%. Это не просто вопрос удобства: результаты внедрения Big Data-аналитики демонстрируют прямую корреляцию с ключевыми метриками эффективности бизнеса. Так, применение технологий персонализации позволяет увеличить среднюю продолжительность времени нахождения на сайте на 50%, а конверсию – более чем на 70% [4].

Однако персонализация на основе больших данных не ограничивается только рекомендательными системами. Современные e-commerce платформы используют Big Data для динамического ценообразования – стратегии, при которой цена на товар может меняться в реальном времени в зависимости от спроса, времени суток, уровня запасов и даже индивидуальной готовности конкретного пользователя совершить покупку. Алгоритмы анализируют историю предыдущих транзакций пользователя, его чувствительность к скидкам и поведение на сайте, после чего формируют уникальное ценовое предложение. Исследования показывают, что такой подход может повысить маржинальность продаж на 5–10% без потери объема, однако он требует тонкой настройки, чтобы не вызвать негативной реакции потребителей, столкнувшихся с ценовой дискриминацией [4].

Отдельного внимания заслуживает использование Big Data в области клиентского сервиса и удержания потребителей. Системы на основе анализа больших данных способны прогнозировать отток клиентов (churn rate) задолго до того, как пользователь фактически перестанет взаимодействовать с платформой. Модели машинного обучения выявляют паттерны поведения, предшествующие уходу: снижение частоты заходов, игнорирование push-уведомлений, негативные эмоции в текстах обращений в поддержку. На основе этих сигналов организация может автоматически запускать триггерные стратегии по удержанию, предлагая клиенту специальные условия или персональные скидки еще до того, как он принял окончательное решение о прекращении сотрудничества.

В отечественном сегменте электронной коммерции также наблюдается активное внедрение data-продуктов. Например, платформы на базе экосистем СберБанка, Яндекса и Ozon используют сегментацию аудитории, сформированную на основе больших данных, что позволяет рекламодателям настраивать таргетинг с высокой точностью, вплоть до учета частоты переходов на тематические ресурсы для определения намерения пользователя совершить покупку. Эмпирические данные, полученные в ходе анализа транзакций крупнейших маркетплейсов, таких как Amazon, подтверждают, что поведенческие паттерны в среде, насыщенной алгоритмической персонализацией, характеризуются высокой эластичностью: потребители закономерно реагируют на изменение цен и персонализированные подборки товаров, что свидетельствует о формировании устойчивых моделей потребительского поведения под влиянием ИИ-алгоритмов [5].

Нельзя обойти стороной и инфраструктурный аспект работы с большими данными. Внедрение систем персонализации требует от организации серьезных инвестиций не только в программное обеспечение, но и в архитектуру хранения и обработки информации. Традиционные базы данных часто не справляются с объемами и скоростью поступления данных, характерными для современной электронной коммерции. В связи с этим организации переходят к использованию распределенных файловых систем и облачных платформ, которые позволяют хранить и обрабатывать петабайты данных. Переход на такую инфраструктуру, хотя и является затратным на начальном этапе, в долгосрочной перспективе обеспечивает масштабируемость и гибкость, необходимые для поддержки алгоритмов персонализации в реальном времени.

Таким образом, Big Data перестает быть просто инструментом таргетинга, превращаясь в комплексный драйвер формирования потребительской лояльности, оптимизации ценообразования и повышения пожизненной ценности клиента (CLV). Но чем глубже алгоритмы проникают в повседневный опыт потребителя, тем острее встает вопрос о границах допустимого в сборе и использовании персональной информации.

Подводя итог, можно утверждать, что использование больших данных для персонализации маркетинговых коммуникаций в электронной коммерции является не просто временным

трендом, а фундаментальным принципом функционирования современной цифровой экономики. Анализ показывает, что data-ориентированный подход обеспечивает значительный рост эффективности взаимодействия с клиентами, позволяя организациям выстраивать релевантную коммуникацию в нужное время и в нужном канале [6]. В настоящее время такие технологии, как технологии Big Data применяются не только в рекомендательных сервисах, но и в динамическом ценообразовании, прогнозировании оттока клиентов и построении масштабируемой ИТ-инфраструктуры, что свидетельствует о системном характере их внедрения.

Однако столь глубокая интеграция аналитических технологий порождает и ряд серьезных вызовов. Среди ключевых проблем исследователи выделяют вопросы конфиденциальности персональных данных, риски алгоритмической предвзятости и необходимость соблюдения ужесточающихся регуляторных норм. Кроме того, существует опасность создания так называемых «информационных пузырей», когда алгоритмы показывают пользователю только тот контент, который подтверждает его предпочтения, ограничивая свободу выбора и разнообразие потребительского опыта.

Таким образом, дальнейшее развитие персонализации будет связано с поиском баланса между экономической эффективностью и этичностью алгоритмов, а также с переходом к моделям так называемой «гиперперсонализации», где предложение формируется в режиме реального времени с учетом ситуационного контекста и даже эмоционального состояния пользователя. Для организаций, стремящихся сохранить конкурентоспособность в эпоху платформенной экономики, внедрение Big Data-аналитики становится обязательным условием выживания и роста. При этом ключевым фактором успеха будет не столько объем накопленных данных, сколько способность организации выстроить доверительные отношения с потребителем, прозрачно объясняя, как именно используются его персональные данные и какую выгоду он от этого получает.

Список использованной литературы

1. **Карпова, С. В.** Новые парадигмы развития маркетинговых инструментов в условиях трансформации современной экономики : монография / С. В. Карпова ; под общ. ред. С. В. Карповой ; отв. ред. И. В. Рожков. – 2-е изд., доп. – М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2021. – 352 с.
2. **Карпова, С. В.** Инновационный маркетинг : учебник для бакалавриата и магистратуры / С. В. Карпова ; под ред. С. В. Карповой. – М. : Юрайт, 2016. – С. 25–30.
3. **Умидова, Ф. И.** Цифровая трансформация маркетингового менеджмента: формирование клиентско-ориентированных стратегий в условиях платформенной экономики / Ф. И. Умидова. – URL: <https://zenodo.org/records/17442971> (дата обращения: 27.02.2026).
4. **Nandy, M.** Big Data-Driven Customer Experience in E-Commerce: Personalizing User Journeys with Advanced Analytics / M. Nandy, D. K. Dhablia // IEEE Conference Publication. – URL: <https://ieeexplore.ieee.org/document/10957405> (date of access: 03.03.2026).
5. **Hager, T.** AI-powered personalization in e-commerce: Governance, consumer behavior, and exploratory insights from big data analytics / T. Hager // ScienceDirect. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0160791X25002234> (date of access: 03.03.2026).
6. **Abdullah, R.** Personalized Shopping Experiences: Leveraging Big Data Analytics in E-commerce for Enhanced Customer Engagement / R. Abdullah // IEEE Conference Publication. – URL: <https://ieeexplore.ieee.org/abstract/document/10836440> (date of access: 03.03.2026).

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОМПАНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: РАЗВИТИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К УПРАВЛЕНИЮ РИСКАМИ

В статье рассматриваются теоретические и методологические аспекты обеспечения экономической устойчивости региональных компаний в условиях цифровизации. Обоснована необходимость интеграции методов учета, статистики и риск-менеджмента с современными аналитическими инструментами. Сделан вывод, что цифровизация не только порождает новые риски, но и расширяет возможности их выявления. Приведены аргументы о необходимости перехода к проактивной модели управления устойчивостью с применением цифровой аналитики.

This article examines the theoretical and methodological aspects of ensuring the economic sustainability of regional companies in the context of digitalization. It substantiates the need to integrate accounting, statistical, and risk-management methods with modern analytical tools. It concludes that digitalization not only generates new risks but also expands the possibilities for identifying them. Arguments are presented for the need to transition to a proactive sustainability management model using digital analytics.

Ключевые слова: экономическая устойчивость; региональные компании; цифровизация; риск-менеджмент; корпоративное управление; экономическая статистика; внутренний контроль.

Key words: economic sustainability; regional companies; digitalization; risk management; corporate governance; economic statistics; internal control.

Современный этап развития экономики характеризуется усилением нестабильности внешней среды, ускорением технологических изменений и ростом неопределенности хозяйственной деятельности [1]. В этих условиях обеспечение экономической устойчивости организаций становится ключевым фактором их долгосрочного функционирования и конкурентоспособности.

Для региональных компаний данная проблема приобретает особую значимость в связи с пространственной неоднородностью экономического развития, различиями в отраслевой структуре, доступе к финансовым ресурсам и уровнем цифровой зрелости территорий [2]. Это обуславливает необходимость разработки адаптированных механизмов обеспечения устойчивости, учитывающих региональную специфику.

Традиционные подходы к обеспечению экономической устойчивости предприятий основываются преимущественно на анализе финансовых показателей и использовании инструментов управления рисками. Однако в условиях цифровизации экономики существенно изменяются как источники информации, так и характер возникающих рисков [3]. Наряду с классическими финансовыми угрозами возрастают риски, связанные с качеством данных, функционированием информационных систем и кибербезопасностью.

В то же время цифровизация создает новые возможности для повышения устойчивости компаний. Использование аналитических инструментов обработки данных, систем мониторинга и прогнозирования позволяет повысить точность оценки рисков и оперативность управленческих решений [4].

Несмотря на значительное количество исследований в области устойчивости и риск-менеджмента, недостаточно разработаны методологические подходы к совершенствованию механизма обеспечения экономической устойчивости компаний в условиях цифровизации [5].

Целью статьи является развитие методологических подходов к совершенствованию механизма обеспечения экономической устойчивости региональных компаний в условиях цифровизации.

Экономическая устойчивость компаний в современной экономике рассматривается как комплексная характеристика, отражающая способность предприятия сохранять стабильность функционирования и обеспечивать развитие в условиях изменяющейся внешней среды [6].

В рамках финансового подхода устойчивость традиционно связывается с платежеспособностью, ликвидностью и финансовой независимостью предприятия. Однако в современных условиях данная трактовка является недостаточной, поскольку не учитывает влияние технологических и информационных факторов [7].

Более широкий подход предполагает рассмотрение экономической устойчивости как системной категории, включающей финансовые, производственные, организационные и информационные аспекты деятельности предприятия. В этом контексте устойчивость определяется способностью компании адаптироваться к изменениям внешней среды и эффективно управлять возникающими рисками [8].

Особое значение приобретает динамический аспект устойчивости. В условиях высокой волатильности рынков и цифровой трансформации устойчивость должна рассматриваться как способность системы сохранять ключевые характеристики при воздействии внешних шоков [9].

Важную роль в обеспечении экономической устойчивости играет система корпоративного управления рисками (ERM), обеспечивающая идентификацию, оценку и мониторинг факторов неопределенности [10]. Интеграция риск-менеджмента в систему корпоративного управления позволяет повысить адаптивность компаний и снизить вероятность критических потерь.

В динамичных условиях цифровой трансформации для обеспечения экономической устойчивости компаний требуется формировать комплексный механизм, который объединит в себе элементы корпоративного управления рисками, учетно-аналитические системы и цифровые инструменты для обработки массивов данных.

Традиционные подходы в основном ориентированы на финансовый анализ, в то время как современный механизм устойчивости имеет интегрированный характер, включая в себя тесно связанные управленческие, информационные и аналитические компоненты.

Такой механизм можно условно подразделить на несколько последовательных уровней:

1. Стартовый верхний уровень формирует влияние со стороны внешней среды, которая определяет перечень факторов риска. Далее система корпоративного управления рисками мониторит риски, идентифицирует их и оценивает их влияние.

2. Далее идет информационно-аналитический контур, который выступает основой для обработки данных, в том числе показателей учета, статистики и данных внутреннего контроля.

3. Применение цифровых аналитических инструментов повышает показатели точности анализа и прогнозирования, обеспечивая тем самым формирование и принятие обоснованных управленческих решений.

4. Итогом функционирования механизма является достижение экономической устойчивости компании, выражающейся в финансовой стабильности, устойчивости денежных потоков и способности к адаптации.

В условиях цифровизации экономики система управления рисками претерпевает существенные изменения. Рост объемов данных и развитие информационных технологий формируют предпосылки для перехода от реактивной модели управления к проактивной, основанной на непрерывном мониторинге и прогнозировании рисков [11].

Цифровая трансформация хозяйственной деятельности сопровождается интеграцией информационных систем управления, автоматизацией бизнес-процессов и использованием аналитических инструментов обработки данных. Это приводит к расширению возможностей анализа деятельности предприятий и повышению точности оценки экономических показателей [12].

Одновременно цифровизация выступает источником новых рисков. К ним относятся технологические риски, риски утраты и искажения данных, а также киберриски. В этих условиях возрастает значение процедур внутреннего контроля и аудита, направленных на обеспечение достоверности информации и надежности принимаемых управленческих решений [13].

Современные подходы к обеспечению экономической устойчивости предполагают формирование комплексного механизма, включающего несколько взаимосвязанных элементов:

- систему идентификации и оценки рисков;
- информационно-аналитическую базу, основанную на данных бухгалтерского учета, статистики и управленческой отчетности;
- инструменты мониторинга и прогнозирования;
- процедуры внутреннего контроля и аудита;
- систему управленческих решений, направленных на минимизацию рисков.

Важнейшим элементом данного механизма является информационно-аналитический контур, обеспечивающий обработку и интерпретацию данных о деятельности компании. Использование методов экономической статистики позволяет формировать систему показателей устойчивости и проводить их сопоставительный анализ [14].

Применение цифровых аналитических инструментов существенно расширяет возможности управления устойчивостью. Благодаря современным методам анализа данных появляется

возможность выявить скрытые закономерности, прогнозировать динамику финансовых показателей и вероятность возникновения рисков ситуаций [15].

Наиболее важным и ключевым аспектом становится технологическое развитие инструментов, применяемых для прогнозного анализа, которые дадут возможность моделировать разнообразные сценарии развития хозяйственной деятельности организации. Подобный подход оставляет пространство для своевременного изменения управленческих решений и повышения устойчивости компании [16].

Не менее важным является развитие систем мониторинга, благодаря им, за счет постоянного контроля за ключевыми показателями, становится возможным своевременно выявить и устранить появившиеся отклонения.

Наибольший эффект на уровень эффективности цифровых инструментов оказывают вводные данные. Чем выше их качество, тем точнее результаты анализа, в то время как неполнота и недостоверность информации может привести к снижению качества принимаемых управленческих решений. Данные необходимо подвергать тщательному контролю и аудиту, прежде чем отдавать системам на анализ.

Таким образом, в условиях цифровизации экономики необходимо осуществлять комплексный подход к обеспечению экономической устойчивости, в частности региональных компаний. Улучшение механизма обеспечения экономической устойчивости необходимо основывать на внедрении методов экономического анализа, риск-менеджмента и в особенности передовых цифровых технологий.

В проведенном исследовании были рассмотрены методологические и теоретические аспекты для обеспечения экономической устойчивости в рамках цифровизации экономики.

Экономическая устойчивость является комплексной характеристикой деятельности компаний, которая отражает способность предприятия сохранить свое стабильное функционирование и развитие при условиях неопределенности внешней среды.

Ключевым моментом в обеспечении экономической устойчивости является система корпоративного управления рисками, которая обеспечивает мониторинг, выявление и оценку факторов неопределенности. Интегрирование риск-менеджмента в систему управления способствует повышению адаптивности компаний, а также снижению вероятности критических ситуаций.

Цифровизация оказывает существенное влияние на механизмы обеспечения устойчивости, формируя новые риски, но при этом создавая дополнительные возможности для их минимизации. При использовании цифровых аналитических инструментов возможно добиться повышения точности оценки экономических показателей и эффективности управленческих решений.

Совершенствования механизма обеспечения экономической устойчивости актуальнее всего сейчас добиться за счет интеграции методов экономической статистики, внутреннего контроля и, самое главное, современных информационно-аналитических инструментов.

Представленные выводы могут быть использованы как основа для разработки систем управления устойчивостью предприятия, а также для формирования методических подходов к оценке и мониторингу экономической устойчивости региональных компаний.

Список использованной литературы

1. **OECD Digital Economy Outlook 2024** // OECD : Organisation for Economic Co-operation and Development. – URL: <https://www.oecd.org/digital/digital-economy-outlook/> (дата обращения: 10.03.2026).
2. **Kudryavtsev, A.** Risk management in modern organizations : учеб. – London : Palgrave Macmillan, 2020. – 350 с.
3. **Международные** основы профессиональной практики внутреннего аудита (IPPF) : рук. // Институт внутренних аудиторов. – 2020.
4. **Provost, F.** Data science for business : учеб. / F. Provost, T. Fawcett. – 2021. – 400 с.
5. **Kshetri, N.** Blockchain and AI in risk management / N. Kshetri // IT Professional. – 2021. – Vol. 23. – No. 2. – P. 8–12.
6. **Цифровая экономика Российской Федерации 2023** // Росстат : Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 10.03.2026).

7. **Brynjolfsson, E.** Artificial intelligence and the modern productivity paradox / E. Brynjolfsson, D. Rock, C. Syverson // Journal of Economic Perspectives. – 2021. – Vol. 35. – No. 1. – P. 3–30.
8. **Lessmann, S.** Benchmarking machine learning models for financial risk / S. Lessmann, B. Baensens // European Journal of Operational Research. – 2022. – Vol. 296. – No. 2. – P. 379–395.
9. **Global Risk Survey 2024** // PwC : PricewaterhouseCoopers. – URL : <https://www.pwc.com> (дата обращения: 10.03.2026).
10. **Минаков, В. Ф.** Цифровая экономика и управление рисками / В. Ф. Минаков, И. Я. Лукасевич // Экономика региона. – 2022. – № 18 (3). – С. 845–858.
11. **Davenport, T. H.** Artificial intelligence for the real world / T. H. Davenport, R. Ronanki // Harvard Business Review. – 2020. – Vol. 98. – No. 1. – P. 108–116.
12. **Hopkin, P.** Fundamentals of risk management : учеб. – 5th ed. – London : Kogan Page, 2022. – 480 с.
13. **Акуленко, Н. Б.** Трансформация корпоративного управления в условиях цифровизации / Н. Б. Акуленко, О. А. Жданова // Менеджмент в России и за рубежом. – 2023. – № 4. – С. 12–20.
14. **Гоглев, Н. Н.** Применение технологий искусственного интеллекта в управлении рисками / Н. Н. Гоглев, Е. В. Касаткина // Цифровая экономика. – 2022. – № 2. – С. 45–56.
15. **Enterprise risk management : integrating with strategy and performance : updated framework** / Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission. – 2020.
16. **Стратегия цифровой трансформации 2022–2025** // Минэкономразвития РФ : Министерство экономического развития Российской Федерации. – URL : <https://economy.gov.ru> (дата обращения: 10.03.2026).

УДК 338.45:004.9

Т. М. Тишковская (tatyana.tishckovs@yandex.by),
ст. преподаватель

М. А. Жуковец (zhukovets.maria@mail.ru),
студент

Белорусский торгово-экономический
университет потребительской кооперации
г. Гомель, Республика Беларусь

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВНЕДРЕНИЯ ИТ-РЕШЕНИЙ В ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье исследуется экономическая эффективность цифровой трансформации городского хозяйства Республики Беларусь. Анализируются ключевые направления внедрения ИТ-решений, включая автоматизацию жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ), внедрение государственной платформы «Умный город» и развитие экосистемы мобильных сервисов для граждан. На основе анализа научных публикаций и открытых данных профильных ведомств рассматриваются прямые и косвенные экономические эффекты от цифровизации. Особое внимание уделяется проблеме окупаемости инвестиций в «интеллектуализацию» на фоне государственного регулирования тарифов. Делается вывод, что помимо финансовой отдачи, ключевыми драйверами цифровизации выступают повышение качества услуг, оптимизация бизнес-процессов и рост комфортности городской среды.

The article examines the economic efficiency of digital transformation of urban economy in the Republic of Belarus. The key areas of IT solutions implementation are analyzed, including automation of housing and communal services (HCS), introduction of the state platform “Smart City”, and the development of mobile service ecosystems for citizens. Based on the analysis of scientific publications and open data from relevant departments, direct and indirect economic effects of digitalization are considered. Special attention is paid to the problem of investment payback in “intellectualization” against the backdrop of state tariff regulation. It is concluded that besides financial returns, the key drivers of digitalization are improving service quality, optimizing business processes, and increasing the comfort of the urban environment.

Ключевые слова: цифровая трансформация; городское хозяйство; экономическая эффективность; умный город; жилищно-коммунальное хозяйство; Парк высоких технологий; окупаемость инвестиций.

Key words: digital transformation; urban economy; economic efficiency; smart city; housing and communal services; High-Tech Park; return on investment.

Современные тенденции развития городской инфраструктуры неразрывно связаны с процессами цифровизации. Для Республики Беларусь, где в городах проживает более 78% населения [1], вопросы повышения эффективности управления городским хозяйством приобретают

критическое значение. Цифровая трансформация ЖКХ, транспорта и взаимодействия власти с населением рассматривается как один из драйверов повышения качества жизни и оптимизации бюджетных расходов.

Внедрение IT-решений требует значительных капиталовложений, что ставит вопрос об их экономической эффективности. Являются ли такие проекты способом сокращения затрат или же они представляют собой инвестиции в «комфортность и экологичность», не имеющие быстрой финансовой отдачи [1]. Цель данной статьи – проанализировать текущее состояние цифровизации городского хозяйства в Беларуси и оценить экономические эффекты от внедрения ключевых IT-решений на базе доступных данных и научных исследований.

Институциональной основой для внедрения IT-решений в городское хозяйство стала утвержденная в 2019 г. Типовая концепция развития «умных городов». В 2025 г. была утверждена Стратегия развития жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь до 2035 г., где цифровая трансформация отрасли определена как один из приоритетов. Среди задач стратегии – создание единого информационного пространства ЖКХ и повышение экономической эффективности организаций отрасли [2].

Практическая реализация проектов осуществляется при тесном взаимодействии Министерства связи и информатизации Республики Беларусь, Министерства жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь и резидентов Парка высоких технологий (ПВТ). Как отмечала начальник Секретариата Наблюдательного совета ПВТ А. Рябова, сфера ЖКХ должна стать «драйвером внедрения инновационных решений» [3].

Экономическую эффективность IT-решений в городском хозяйстве можно рассматривать в двух плоскостях:

1. Прямая экономия. Одним из наиболее перспективных направлений является автоматизация учета энергоресурсов. Резидент ПВТ «Юник Лаб» разрабатывает «умные» приборы учета с функцией удаленного съема показаний. Экономический эффект здесь достигается за счет снижения потерь ресурсов, оперативного выявления аварийных ситуаций и исключения человеческого фактора при снятии показаний [4]. Тем не менее, исследование профессора О. С. Голубовой (БНТУ) показывает сложность прямой окупаемости таких систем. Ее расчеты свидетельствуют, что затраты на интеллектуализацию и повышение энергоэффективности как индивидуальных, так и многоквартирных домов «не окупаются в нормативный срок службы систем и оборудования» при текущих субсидируемых тарифах [2]. Это позволяет рассматривать такие вложения не как способ быстрой прибыли, а как инвестиции в долгосрочную устойчивость и комфорт.

2. Оптимизация процессов. Здесь экономический эффект более очевиден и достигается быстрее. Внедрение АИС «Расчет-ЖКУ» от компании «СофтКлуб» позволяет проводить оплату услуг одним платежом, автоматизируя расчеты и обеспечивая прозрачность финансовых потоков [4]. В августе 2025 г. в г. Бресте была запущена цифровая платформа «Умный город», которая в реальном времени контролирует очереди в поликлиниках, транспортные потоки и работу коммунальных служб. Это позволяет руководству города оперативно принимать управленческие решения, снижая неэффективные затраты времени и ресурсов [5].

Водоканалы ряда городов (Минск, Брест, Пинск) внедряют решения компании «АМИС-АйТи» для автоматизации очистных сооружений и подачи воды, что напрямую сокращает расход реагентов и электроэнергии [4]. Системы компьютерного зрения от компании «Айфортекс» для контроля загрязнения сточных вод позволяют минимизировать перерасход дорогостоящих химикатов и фиксировать несанкционированные сбросы, предотвращая экологический ущерб [4].

Показательным примером комплексного подхода является мобильное приложение «Мой город» (оператор РУП «Белтелеком»). Запущенное в 2021 г., к 2026 г. оно объединило 75 городов. Экономическая эффективность здесь выражается в росте производительности: более 6,7 тыс. организаций используют приложение как канал коммуникации, а количество успешных онлайн-заказов превысило 125 тыс. Сокращение времени на запись в исполком или секцию, обратная связь с властью – все это создает добавленную стоимость в масштабах экономики за счет экономии времени граждан и оптимизации работы администраций [6].

Анализ научной литературы и практических кейсов позволяет сделать вывод о синергетическом эффекте цифровизации. Экономическая эффективность складывается из:

- снижения операционных затрат организаций ЖКХ (водоканалы, теплосети);
- повышения собираемости платежей и прозрачности расчетов;
- оптимизации инвестиций в инфраструктуру на базе точных данных о ее состоянии;
- роста удовлетворенности граждан, что косвенно влияет на социальную стабильность [7].

Экономическая эффективность внедрения IT-решений в городское хозяйство Беларуси не всегда может быть выражена исключительно в показателях прямой окупаемости инвестиций. Как показал анализ, системы энергосбережения и интеллектуализации зданий могут не окупаться в краткосрочном периоде из-за специфики тарифной политики, однако они создают фундамент для комфортной среды и будущей модернизации [1].

Основной экономический эффект сегодня достигается в сфере оптимизации управленческих процессов, автоматизации расчетов и повышения качества сервисов для населения. Проекты «Мой город» и платформа «Умный город» в г. Бресте демонстрируют, как цифровизация снижает транзакционные затраты и повышает эффективность коммуникации между властью, бизнесом и гражданами [6].

Перспективы дальнейшего роста связаны с углублением интеграции разработок резидентов ПВТ в реальный сектор экономики и реализацией задач, заложенных в Стратегии развития жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь до 2035 г. Ключевым условием остается создание единых стандартов оценки эффективности таких проектов, что позволит более точно определять их вклад в экономику страны.

Список использованной литературы

1. **Голубова, О. С.** Умные города и умные здания: современное состояние и экономическая эффективность / О. С. Голубова // Вестник БНТУ. – 2022. – № 3. – С. 75–85.
2. **Стратегия** развития жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь до 2035 года утверждена в Беларуси // Могилевский городской исполнительный комитет. – URL: <https://mogilev.gov.by/news/ofitsialno/strategiya-razvitiya-zhkhkh-do-2035-goda-utverzhdjena-v-belarusi/> (дата обращения: 15.03.2026).
3. **Резиденты** Парка высоких технологий представили свои разработки организациям жилищно-коммунального хозяйства Беларуси // БелТА. – URL: <https://belta.by/special/economics/view/rezidenty-pvt-predstavili-svoi-razrabotki-organizatsijam-zhkh-belarusi-726778-2025/> (дата обращения: 15.03.2026).
4. **Крыжевич, А.** Цифровой комфорт: Разработки резидентов Парка высоких технологий способны существенно повысить эффективность сферы ЖКХ / А. Крыжевич // СБ. Беларусь сегодня. – URL: <https://www.sb.by/articles/tsifrovoy-komfort.html> (дата обращения: 15.03.2026).
5. **Олейник, М.** Сфера ЖКХ, транспорт, образование и здравоохранение в Бресте теперь под контролем цифровой платформы «Умный город» / М. Олейник // Вечерний Брест. – URL: <https://vb.by/society/millennium/segodnya-v-brestskom-gorispolkome-prezentovali-tsifrovuyu-informaczionnuyu-platformu-umny-gorod.html> (дата обращения: 15.03.2026).
6. **Экосистема** в смартфоне: мобильному приложению «Мой город» – 5 лет // РУП «Белтелеком». – URL: <https://beltelecom.by/news/main/ekosistema-v-smartfone-mobilnomu-prilozheniyu-moy-gorod-5-let> (дата обращения: 15.03.2026).
7. **Губченко, В. А.** Реализация проекта «Умный город» в Республике Беларусь / В. А. Губченко, Д. А. Соколов // Беларусь в современном мире: материалы XVII Междунар. науч. конф. – Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого, 2024. – С. 72–74.

СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЭКОНОМИКЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТРУМЕНТАРИЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПОДХОДОВ

В статье анализируется влияние современных информационных технологий на экономические процессы, методы управления и профессиональную подготовку экономистов. Рассматриваются ключевые технологические тренды: большие данные, искусственный интеллект, распределенные реестры, облачные вычисления. Особое внимание уделяется изменению роли экономиста в цифровой среде, необходимости формирования гибридных компетенций на стыке экономики и ИТ. Предлагаются направления модернизации образовательных программ экономического факультета с учетом требований цифровой экономики. Материалы статьи могут быть интересны преподавателям экономических дисциплин, разработчикам образовательных программ и исследователям в области цифровой экономики.

This article analyzes the impact of modern information technologies on economic processes, management methods, and the professional training of economists. Key technological trends are discussed: big data, artificial intelligence, distributed ledgers, and cloud computing. Particular attention is paid to the changing role of economists in the digital environment and the need to develop hybrid competencies at the intersection of economics and IT. It also proposes areas for modernizing the Faculty of Economics's educational programs to meet the requirements of the digital economy. This article may be of interest to teachers of economic disciplines, educational program developers, and researchers in the field of digital economics.

Ключевые слова: информационные технологии; цифровая экономика; искусственный интеллект; большие данные; экономическое образование; цифровые компетенции.

Key words: information technology; digital economy; artificial intelligence; big data; economic education; digital competencies.

Современная экономика все чаще определяется не столько доступом к традиционным ресурсам (капитал, земля, труд), сколько способностью генерировать, обрабатывать и эффективно использовать информацию.

Этот сдвиг, обозначаемый термином «цифровая экономика», кардинально меняет и объект управления, и инструментарий экономиста. Если два десятилетия назад информационные технологии в экономике воспринимались преимущественно как средство автоматизации учетных операций, то сегодня они становятся ядром бизнес-моделей, механизмом принятия решений и источником конкурентных преимуществ. Для преподавателя экономического факультета это означает необходимость пересмотра содержания практически всех дисциплин: от микроэкономики до финансового менеджмента. Студент, покидающий вуз, должен не просто знать теоретические модели, но и уметь работать с большими массивами данных, интерпретировать результаты машинного обучения, понимать архитектуру цифровых платформ и осознавать риски, связанные с алгоритмическими системами [1; 2].

Цель данной статьи – систематизировать ключевые векторы влияния современных информационных технологий на экономику и предложить пути адаптации образовательного процесса к этим изменениям.

Эволюцию внедрения информационных технологий в экономику можно представить как последовательное прохождение трех этапов:

– Первый этап – автоматизация (1980–2000-е гг.). Внедрение ERP-систем, бухгалтерских программ, электронного документооборота. Основная цель – снижение трудоемкости рутинных операций, повышение точности учета.

– Второй этап – интеграция и аналитика (2000–2015 гг.). Распространение систем бизнес-аналитики (BI), корпоративных хранилищ данных, появление концепции «управление, управляемое данными» (data-driven management). Экономист начинает выступать не только как пользователь системы, но и как интерпретатор сложных аналитических отчетов.

– Третий этап, в котором мы находимся сегодня, – когнитивная экономика (с 2015 г. по настоящее время). Его суть – переход от описательной и диагностической аналитики (что произошло и почему) к предиктивной (что произойдет) и прескриптивной (что делать) на основе технологий искусственного интеллекта. Нейросети, машинное обучение, генеративные модели начинают выполнять функции, ранее считавшиеся исключительной прерогативой человека: написание аналитических обзоров, прогнозирование временных рядов, оптимизация цепочек поставок в реальном времени [3].

Для экономиста это означает, что его ценность теперь определяется не умением строить простые модели в Excel, а способностью ставить корректные задачи для ИИ-систем, критически оценивать качество их работы и принимать финальные решения в зонах неопределенности. Как справедливо отмечают эксперты СберБанка и Яндекса, искусственный интеллект не заменяет экономиста, но экономист, владеющий ИИ, вытесняет того, кто им не владеет.

В рамках подготовки специалистов экономического профиля необходимо выделить пять технологических направлений, которые в ближайшие годы будут определять профессиональный ландшафт:

1. Большие данные (Big Data) и продвинутая аналитика. Экономист сегодня имеет дело с данными, которые не вписываются в традиционные реляционные таблицы: это данные сенсоров (интернет вещей), транзакционные логи, тексты договоров, данные геолокации, медиапотoki. Владение инструментами обработки таких данных (Spark, Hadoop, NoSQL-базы) становится не опцией, а необходимостью для специалистов по финансовому мониторингу, риск-менеджменту и маркетинговой аналитике. На лекциях требуется знакомство с методами машинного обучения, такими как случайный лес, градиентный бустинг и нейросетевые архитектуры.

2. Искусственный интеллект и генеративные модели. Внедрение ChatGPT, GigaChat и других больших языковых моделей меняет экономику знаний. Экономист-аналитик может использовать эти инструменты для первичного сбора данных, составления обзоров рынка, генерации гипотез. Однако одновременно возникают новые риски: «галлюцинации» нейросетей, некорректные расчеты, проблемы с защитой коммерческой тайны. Задача экономического образования – научить студентов не только использовать ИИ, но и подвергать его результаты критическому анализу, проверять на непротиворечивость экономической теории и нормам права.

3. Технологии распределенного реестра (блокчейн). Хотя первоначальный ажиотаж вокруг криптовалют спал, технология блокчейн нашла применение в логистике (прозрачность цепочек поставок), децентрализованных финансах (DeFi), системах идентификации и «умных контрактах». Экономист должен понимать принципы работы распределенных реестров, чтобы оценивать эффективность их внедрения в корпоративные процессы и управлять связанными с ними рисками.

4. Облачные вычисления и сервисные модели. Переход бизнеса в облака (IaaS, PaaS, SaaS) меняет структуру IT-затрат и подходы к управлению. Экономист, отвечающий за бюджетирование и инвестиционный анализ, должен уметь рассчитывать ТСО (совокупную стоимость владения) облачных решений в сравнении с традиционной IT-инфраструктурой, а также учитывать операционные риски, связанные с зависимостью от внешних провайдеров.

5. Интернет вещей (IoT) в отраслевой экономике. В промышленности, сельском хозяйстве, энергетике и городском хозяйстве IoT-сенсоры генерируют колоссальные объемы данных, требующих экономической интерпретации. Специалист по управленческому учету или логистике должен уметь проектировать системы сбора данных, обеспечивать их достоверность и интегрировать в общую аналитическую архитектуру предприятия.

Традиционная дифференциация экономистов на бухгалтеров, финансистов, аналитиков и менеджеров размывается. На рынке труда появляются новые гибридные роли, которые требуют комбинации экономического мышления и IT-компетенций. Среди наиболее востребованных:

- data-экономист – специалист, который не просто строит модели, но и интерпретирует их с точки зрения экономической теории, выявляет причинно-следственные связи в данных;
- цифровой финансовый контролер – управляет финансовыми потоками с использованием API-интеграций, роботизированной автоматизации процессов (RPA) и блокчейн-платформ;
- экономист по цифровой трансформации – оценивает экономическую эффективность внедрения новых технологий, формирует бизнес-кейсы для цифровых проектов, управляет организационными изменениями;
- специалист по управлению алгоритмическими системами – обеспечивает прозрачность, справедливость и соответствие нормативным требованиям алгоритмов, используемых в кредитовании, ценообразовании, найме персонала.

Для экономического факультета это означает необходимость пересмотра перечня формируемых компетенций. Помимо традиционных знаний в области макро- и микроэкономики, финансов, учета, выпускник должен владеть:

- основами программирования (Python или R) для анализа данных;
- технологиями работы с базами данных (SQL);
- принципами построения информационных систем (знание архитектуры ERP, CRM, BI);

– навыками использования инструментов искусственного интеллекта для решения экономических задач.

Реализация компетентностной модели, отвечающей требованиям цифровой экономики, сталкивается с рядом институциональных и методических барьеров:

1. Разрыв между содержанием учебных курсов и реальной практикой. ФГОС и рабочие программы по экономическим направлениям часто обновляются медленнее, чем меняются технологии. Студенты изучают устаревшие версии программных продуктов или теоретические концепции, не подкрепленные практикой работы с реальными данными. Решение: внедрение в учебный процесс проектного подхода с использованием актуальных платформ и открытых данных. Например, на курсах по анализу данных студенты могут работать с дата-сетями Центрального банка Российской Федерации, Росстата, агрегаторами вакансий, решая реальные аналитические задачи. Важно также привлекать к преподаванию практиков из IT-отрасли и цифровых подразделений крупных компаний.

2. Недостаточная математическая и алгоритмическая подготовка. Экономисты традиционно имеют гуманитарно-математический профиль, однако для глубокого освоения методов машинного обучения и статистического моделирования требуется более серьезная база по линейной алгебре, теории вероятностей и алгоритмизации, чем та, что заложена в стандартных курсах «Математики для экономистов». Решение: выделение специализированных траекторий (например, «Экономика и анализ данных», «Цифровые финансы»), где математические дисциплины изучаются в расширенном объеме, а программирование входит в обязательное ядро с первого курса.

3. Кадровое обеспечение. Преподаватели экономических дисциплин зачастую сами не владеют современными IT-инструментами в той степени, чтобы обучать им студентов. Курсы повышения квалификации не всегда дают достаточный уровень погружения. Решение: формирование междисциплинарных кафедр или проектных групп, объединяющих экономистов и IT-специалистов. Целесообразно развивать институт тьюторов из числа студентов старших курсов и магистрантов, владеющих цифровыми навыками, для поддержки младших курсов.

4. Инфраструктурные ограничения. Для работы с большими данными и нейросетевыми моделями необходимы вычислительные мощности, лицензионное программное обеспечение, доступ к облачным платформам. Не все вузы имеют такую инфраструктуру. Решение: использование бесплатных академических лицензий (Google Colab, Kaggle, Anaconda), партнерство с IT-компаниями, предоставляющими облачные ресурсы для образовательных целей, создание собственных лабораторий цифровой экономики при поддержке промышленных партнеров.

Преподавание информационных технологий в экономике не может ограничиваться только техническими аспектами. Будущие экономисты должны осознавать системные риски, порождаемые цифровизацией.

К таким рискам можно отнести:

1. Цифровое неравенство. Ускоренная цифровизация может усиливать разрыв между крупными корпорациями, имеющими доступ к передовым технологиям, и малым бизнесом, а также между различными социальными группами. Экономист должен учитывать этот фактор при разработке корпоративных стратегий.

2. Алгоритмическая дискриминация. Модели машинного обучения, обученные на исторических данных, могут воспроизводить и усиливать существующие предубеждения (например, в кредитовании или отборе персонала). В дисциплинах, связанных с риск-менеджментом и этикой бизнеса, необходимо обсуждать вопросы прозрачности алгоритмов и справедливости решений.

3. Кибербезопасность и устойчивость. Рост зависимости экономики от информационных систем делает ее уязвимой к кибератакам, сбоям инфраструктуры. Экономист, управляющий финансовыми потоками или цепочками поставок, должен понимать основы информационной безопасности и уметь оценивать соответствующие риски.

4. Правовые и регуляторные вызовы. Цифровая экономика опережает законодательство. Вопросы регулирования криптовалют, оборота персональных данных, ответственности за ошибки ИИ находятся в стадии становления. Экономическое образование должно формировать у студентов понимание формирующейся нормативной базы (Федеральный Закон «О персональных данных», «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» и др.).

Таким образом, современные информационные технологии не просто добавляют новые инструменты в арсенал экономиста – они меняют саму природу экономической деятельности.

Для высшего экономического образования наступает момент выбора: либо оставаться в парадигме «экономика плюс IT как факультатив», либо переходить к модели «цифровая экономика как интегральное качество подготовки».

На взгляд авторов, стратегическими направлениями развития экономического факультета должны стать:

- обновление содержания базовых дисциплин с включением модулей по цифровым технологиям (например, «Цифровая микроэкономика», «Машинное обучение в эконометрике», «Управление цифровыми активами» и т. д.);

- создание цифровой образовательной среды, обеспечивающей студентам доступ к современным аналитическим платформам, базам данных и облачным ресурсам на протяжении всего периода обучения;

- формирование гибридных компетенций у преподавателей через систему стажировок в высокотехнологичных компаниях, реализацию совместных исследовательских проектов с IT-подразделениями;

- развитие проектной деятельности в партнерстве с реальным сектором, чтобы студенты уже в процессе обучения решали задачи цифровой трансформации конкретных предприятий.

Цифровая экономика – это не просто технологический уклад, это среда обитания современного экономиста. И от того, насколько успешно преподаватели смогут интегрировать информационные технологии в образовательный процесс, зависит конкурентоспособность выпускников и их способность управлять экономикой будущего.

Список использованной литературы

1. **Уточкина, Л. А.** Проблемы использования искусственного интеллекта в работе преподавателя / Л. А. Уточкина // Инновационные подходы к подготовке экономистов : Материалы Всероссийской науч.-методич. конф., Воронеж, 19 апреля 2024 г. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2024. – С. 93–96.

2. **Уточкина, Л. А.** Использование возможностей искусственного интеллекта при формировании преподавателем комплекса методических материалов по дисциплине / Л.А. Уточкина // Инновационные подходы к подготовке экономистов : сб. науч. статей VI Всероссийской науч.-методич. конф., Воронеж, 25 апреля 2025 г. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2025. – С. 128–135.

3. **Искусственный** интеллект и его роль в преподавании экономических дисциплин в ВУЗе / А. Р. Ягудина, В. С. Цилицкий, И. В. Виноградова [и др.] // Московский экономический журнал. – 2022. – № 2. – С. 634–642.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ТОРГОВО-СБЫТОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

В статье анализируется трансформация инструментов реализации товаров и услуг в условиях цифровизации экономики. На основе систематизации современных каналов сбыта и маркетинговых инструментов проводится оценка их эффективности. Авторы обосновывают необходимость перехода от разрозненного использования цифровых каналов к стратегии омниканальности, как ключевому фактору обеспечения бесшовного клиентского опыта и повышения конкурентоспособности предприятия.

The article analyzes the transformation of goods and services sales tools in the context of the digitalization of the economy. Based on the systematization of modern sales channels and marketing instruments, an assessment of their effectiveness is conducted. The authors substantiate the necessity of transitioning from the disparate use of digital channels to an omnichannel strategy as a key factor in ensuring a seamless customer experience and enhancing the enterprise's competitiveness.

Ключевые слова: цифровая экономика; электронная коммерция; интернет-сбыт; каналы реализации; инструменты маркетинга; омниканальность; SEO; контекстная реклама; CRM-системы.

Key words: digital economy; e-commerce; online sales; sales channels; marketing tools; omnichannel; SEO; contextual advertising; CRM systems.

В условиях усиления конкуренции и динамичного развития рынка современных товаров организация эффективной системы торгово-сбытовой деятельности становится одним из определяющих факторов успешности предприятия. Особую актуальность приобретает внедрение интернет-технологий, позволяющих оптимизировать процессы взаимодействия с клиентами и каналы сбыта, повысить оперативность продаж и аналитики, а также усилить позиции бренда на рынке.

Рост электронной коммерции, формирование новых моделей потребительского поведения, цифровизация логистических и маркетинговых процессов неизбежно требуют внедрения современных методов организации торгово-сбытовой деятельности. Предприятия сталкиваются с необходимостью гибко реагировать на изменения рыночной конъюнктуры, эффективно управлять ассортиментом и запасами, анализировать предпочтения покупателей и использовать инструменты интернет-маркетинга для повышения лояльности и удержания клиентов. Внедрение инновационных подходов к организации онлайн-продаж способствует не только росту доходов, но и формированию устойчивых конкурентных преимуществ.

В экономической литературе не существует единого подхода к определению понятия «торгово-сбытовая деятельность». Различные авторы трактуют его по-разному в зависимости от того, какой аспект (маркетинговый, логистический или коммерческий) берется за основу. Можно сказать, что торгово-сбытовая деятельность представляет собой комплексную, системно организованную функцию предприятия, включающую коммерческие, логистические и маркетинговые процессы, целью которых является эффективное доведение товара от производителя до конечного потребителя с одновременным обеспечением стабильной прибыли организации [1, с. 134].

К основным задачам торгово-сбытовой деятельности предприятия относятся:

1. Обеспечение эффективного движения товаров. Включает выбор оптимальных каналов распределения в соответствии со спецификой реализуемой продукции и особенностями целевых сегментов рынка. Предприятие определяет, будет ли доводить товар до потребителя самостоятельно, через посреднические структуры либо сочетать различные схемы реализации, что позволяет снизить издержки, минимизировать логистические риски и расширить географию сбыта.

2. Формирование и развитие сбытовой сети. Осуществляется путем выстраивания системы взаимодействия с дистрибьюторами, оптовыми и розничными посредниками. Ключевой

задачей выступает организация эффективного партнерства для устойчивого функционирования сбытовой сети, что содействует стабильности и росту объемов реализации.

3. Организация процессов товародвижения. Предполагает эффективное управление логистическими операциями – транспортировкой, складированием и контролем товарных запасов. Качественно отлаженная логистика позволяет выполнять заказы в срок, минимизируя издержки и риски нарушения поставок.

4. Планирование объемов продаж и формирование ассортимента. Предприятие осуществляет прогнозирование спроса, определяет оптимальные объемы и структуру ассортимента в целях максимального удовлетворения потребностей клиентов и обеспечения устойчивости финансовых результатов. Адекватное управление ассортиментной политикой обеспечивает конкурентоспособность и адаптивность предприятия к рыночным изменениям.

Таким образом, торгово-сбытовая деятельность является неотъемлемой частью стратегического управления предприятием, интегрируя в себе элементы маркетинга, коммерции и логистики с целью достижения эффективного функционирования всего хозяйственного механизма [2, с. 88; 3, с. 102; 4, с. 74; 1, с. 134].

В настоящее время в условиях стремительной цифровизации экономики интернет-среда эволюционировала из вспомогательного канала коммуникации в основную площадку торгово-сбытовой деятельности. Как справедливо отмечает Л. П. Гаврилов, переход коммерческих процессов в цифровую среду требует от предприятий фундаментального пересмотра классических дистрибутивных моделей и внедрения новых технологических решений [5, с. 54]. Эффективность сбыта сегодня напрямую зависит от того, насколько грамотно компания комбинирует инструменты интернет-реализации и генерирует целевой трафик.

Инструменты интернет-реализации товаров и услуг можно разделить на две ключевые категории: площадки для осуществления транзакций (точки продаж) и маркетинговые инструменты, обеспечивающие привлечение аудитории и стимулирование спроса [6, с. 112].

Развитие электронной коммерции привело к формированию многообразия каналов сбыта. В. А. Алексунин выделяет следующие базовые модели организации продаж в сети интернет [7, с. 88]:

1. Корпоративный сайт и собственный интернет-магазин. Это классический инструмент интернет-продаж, обеспечивающий предприятию полный контроль над ассортиментом, ценообразованием, политикой бренда и пользовательским опытом (UI/UX). Для сегмента B2B корпоративный сайт часто интегрируется с ERP-системами (например, 1C) для управления оптовыми заказами и отображения индивидуальных цен. Ф. Котлер подчеркивает, что собственный веб-ресурс является фундаментом цифровой идентичности компании [8, с. 415].

2. Маркетплейсы и электронные торговые площадки. В последние годы наблюдается значительный рост платформ (Wildberries, Ozon, Яндекс.Маркет). Для B2B-сегмента существуют специализированные электронные торговые площадки (например, B2B-Center), где проводятся тендеры. По мнению Г. А. Васильева, маркетплейсы берут на себя значительную часть операционной нагрузки: первичный трафик, эквайринг и, зачастую, логистику [9, с. 94]. Однако работа на таких площадках сопряжена с высокой конкуренцией и комиссионными издержками.

3. Социальная коммерция (Social Commerce). Продажа товаров и услуг через социальные сети (ВКонтакте, Telegram и др.) становится самостоятельным сбытовым каналом. Д. Халилов отмечает, что социальные сети эволюционировали из коммуникационных площадок в полноценные экосистемы с собственными витринами, платежными системами и каталогами [10, с. 142]. Для сложного технического продукта этот канал чаще используется для подогрева аудитории, демонстрации экспертности (контент-маркетинг) и сбора лидов.

4. Агрегаторы товарных предложений и доски объявлений. Платформы Авито или Пульс Цен служат эффективным каналом выхода на рынок для малого и среднего бизнеса без существенных затрат на разработку собственных IT-решений [11, с. 201].

Наличие торговой площадки для продаж не гарантирует коммерческого успеха без стабильного потока целевых посетителей. И. В. Успенский указывает, что в интернет-маркетинге сбытовая деятельность неразрывно связана с рекламной активностью [12, с. 115]. Ключевыми инструментами здесь выступают:

1. Поисковая оптимизация (SEO). Комплекс мер по улучшению видимости сайта в результатах выдачи поисковых систем (Яндекс, Google). Этот инструмент имеет отложенный эффект, но в долгосрочной перспективе обеспечивает компанию наиболее дешевым и качественным трафиком [13, с. 58].

2. Контекстная реклама. Показ рекламных объявлений пользователям в соответствии с их поисковыми запросами. Данный способ позволяет получить продажи в кратчайшие сроки. Для оценки эффективности этого и других рекламных инструментов в интернет-коммерции используется показатель конверсии.

Базовым индикатором результативности любого инструмента интернет-реализации является коэффициент конверсии (CR – Conversion Rate). Согласно С. В. Мхитаряну, конверсия показывает долю посетителей, совершивших целевое действие (покупку, заявку), что позволяет объективно оценивать рентабельность каналов [14, с. 180].

3. Инструменты автоматизации и CRM-системы. Сбыт в интернет-среде требует высокой скорости обработки информации. Внедрение CRM-систем (Customer Relationship Management) позволяет автоматизировать воронку продаж и выстраивать персонализированные коммуникации на основе отслеживания пути клиента [15, с. 205]. Интеграция CRM с интернет-магазином и IP-телефонией сводит к минимуму влияние «человеческого фактора» на процесс реализации.

4. Email- и мессенджер-маркетинг. О. А. Третьяк акцентирует внимание на важности перехода от транзакционного маркетинга к маркетингу отношений [16, с. 188]. Рассылки электронных писем и сообщений в мессенджерах (информирование клиентов о новых поступлениях, акциях и «брошенных» корзинах) являются мощным инструментом удержания клиентов и стимулирования повторных продаж при минимальных затратах.

Подводя итог анализу инструментов интернет-реализации, необходимо отметить, что современные потребители (включая закупщиков в B2B-секторе) редко совершают покупку, взаимодействуя лишь с одним каналом. Передовым методом организации торгово-сбытовой деятельности в настоящее время является омниканальность – бесшовное объединение всех офлайн и онлайн каналов сбыта в единую систему с общими ценами, ассортиментом и историей взаимодействия с клиентом [17, с. 270].

Например, клиент может найти товар в поисковой системе (SEO), изучить его характеристики на корпоративном сайте предприятия, сравнить цены на маркетплейсе, задать вопрос менеджеру в социальной сети, а итоговый заказ оформить через личный кабинет с последующим самовывозом со склада.

Таким образом, для эффективной организации торгово-сбытовой деятельности в условиях интернет-среды предприятию необходимо формировать комплексную сбытовую архитектуру, а не использовать инструменты разрозненно – создать сайт или запустить рекламу. Выбор стратегии реализации (прямые продажи через сайт или косвенные через дилеров и электронных торговых площадок) должен базироваться на отраслевой специфике предприятия, особенностях продукта и поведенческих паттернах целевой аудитории.

Список использованной литературы

1. Завьялов, П. С. Маркетинг в схемах, рисунках, таблицах : учеб. пособие / П. С. Завьялов. – М. : ИНФРА-М, 2019. – 496 с.
2. Божук, С. Г. Маркетинговые исследования : учеб. для вузов / С. Г. Божук. – М. : Юрайт, 2023. – 280 с.
3. Галицкий, Е. Б. Маркетинговые исследования: теория и практика / Е. Б. Галицкий. – М. : Юрайт, 2021. – 570 с.
4. Дихтль, Е. Практический маркетинг / Е. Дихтль, Х. Хершген. – М. : Высшая школа, 2018. – 255 с.
5. Гаврилов, Л. П. Электронная коммерция : учеб. и практикум для вузов / Л. П. Гаврилов. – М. : Юрайт, 2022. – 440 с.
6. Кобелев, О. А. Электронная коммерция : учеб. пособие / О. А. Кобелев. – М. : Дашков и К, 2020. – 684 с.
7. Алексунин, В. А. Электронная коммерция и маркетинг в Интернете / В. А. Алексунин, В. В. Родигина. – М. : Дашков и К°, 2021. – 214 с.
8. Котлер, Ф. Маркетинг менеджмент / Ф. Котлер, К. Л. Келлер. – СПб. : Питер, 2022. – 848 с.
9. Васильев, Г. А. Электронный бизнес и реклама в Интернете / Г. А. Васильев. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2020. – 183 с.
10. Халилов, Д. Маркетинг в социальных сетях / Д. Халилов. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2023. – 240 с.

11. **Юрасов, А. В.** Основы электронной коммерции : учеб. для вузов / А. В. Юрасов. – М. : Горячая линия-Телеком, 2020. – 480 с.
12. **Успенский, И. В.** Интернет-маркетинг : учеб. / И. В. Успенский. – СПб. : Изд-во СПбГУЭиФ, 2018. – 197 с.
13. **Вирин, Ф. Ю.** Интернет-маркетинг: полный сб. практ. инструментов / Ф. Ю. Вирин. – М. : Эксмо, 2019. – 224 с.
14. **Мхитарян, С. В.** Маркетинговая аналитика / С. В. Мхитарян. – М. : Юрайт, 2023. – 322 с.
15. **Жильцова, О. Н.** Интернет-маркетинг : учеб. для вузов / О. Н. Жильцова. – М. : Юрайт, 2023. – 301 с.
16. **Третьяк, О. А.** Маркетинг: новые ориентиры модели управления / О. А. Третьяк. – М. : ИНФРА-М, 2020. – 403 с.
17. **Синяева, И. М.** Маркетинг торговли : учеб. для бакалавров / И. М. Синяева. – М. : Дашков и К°, 2021. – 412 с.

УДК 338.001.36

М. Р. Чернявский (michaelnet@rambler.ru),
ст. преподаватель

В. А. Аксёнов (akcenov392@gmail.com),
студент

Белорусский торгово-экономический
университет потребительской кооперации
г. Гомель, Республика Беларусь

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ МИГРАЦИИ ИТ-ИНФРАСТРУКТУРЫ БИЗНЕСА В ОБЛАЧНЫЕ СРЕДЫ: АНАЛИЗ МОДЕЛИ CAPEX VS OPEX

В статье сравниваются две модели финансирования ИТ-инфраструктуры – традиционная (CAPEX) и облачная (OPEX). На примере организаций г. Гомеля и Республики Беларусь в целом показано, как переход на облачные сервисы влияет на структуру затрат, ликвидность и инвестиционные возможности. Рассмотрены региональные особенности (наличие дата-центров, налоговые аспекты, кадровый потенциал). Обосновано, что гибридный подход часто оказывается более прагматичным, чем полный отказ от собственного оборудования.

The article compares two models of IT infrastructure financing – traditional (CAPEX) and cloud (OPEX). Using the example of enterprises in Gomel and the Republic of Belarus, it is shown how the transition to cloud services affects the cost structure, liquidity and investment opportunities. Regional specifics (availability of data centers, tax aspects, human resources) are considered. It is substantiated that a hybrid approach is often more pragmatic than a complete abandonment of own equipment.

Ключевые слова: облачные вычисления; ИТ-инфраструктура; совокупная стоимость владения; парк высоких технологий; гибридная модель.

Key words: cloud computing; IT infrastructure; total cost of ownership; High-Tech Park; hybrid model.

При цифровизации бизнеса в Беларуси возникает дилемма: приобретать собственное оборудование и строить свой data-центр (модель CAPEX) либо переходить на облачные сервисы (модель OPEX). На первый взгляд, выбор очевиден в пользу облаков, однако практика показывает, что он осложняется налоговыми особенностями, требованиями регуляторов, региональной инфраструктурой и спецификой работы поставщиков услуг.

Модель CAPEX предполагает капитальные вложения в серверное оборудование, системы хранения данных, лицензионное программное обеспечение и создание (или аренду) дата-центров. Преимуществом будет полный контроль над инфраструктурой. Обратная сторона – значительные единовременные затраты, замораживающие финансовые ресурсы на годы. Оборудование морально устаревает быстрее, чем успевает окупиться, а содержание квалифицированного штата инженеров требует дополнительных расходов. Показательный случай – один из минских ретейлеров, заложивший при проектировании 40%-ный резерв мощностей «на вырост», который так и не был востребован; простаивающие стойки в дата-центре продолжали генерировать издержки на электроэнергию и амортизацию.

Облачная модель (IAAS, PAAS, SAAS) предлагает принципиально другую логику: оплата только за фактически потребляемые ресурсы. Это позволяет заменить капитальные затраты на

операционные, равномерно распределяя их в течение отчетного периода. Пропадает необходимость содержать избыточный штат администраторов – достаточно только нескольких специалистов, управляющих облачной инфраструктурой.

В Гомеле, одном из крупнейших промышленных и логистических центров страны, вопрос выбора модели финансирования ИТ-инфраструктуры стоит особенно остро. Местные предприятия машиностроения (ОАО «Гомсельмаш», ОАО «Мозырьский НПЗ»), логистические операторы (например, ОАО «Гомельоблавтотранс») и растущий сектор ИТ-резидентов ПВТ в Гомеле сталкиваются с необходимостью модернизировать ИТ-ландшафт при ограниченных инвестиционных бюджетах.

У промышленных гигантов консервативный подход: долгое время предпочтение отдавалось CAPEX. Собственные вычислительные мощности воспринимались как элемент производственной безопасности. Но в последнее время, под влиянием программ цифровизации государственных предприятий, начался переход к гибридным схемам. Так, на одном из гомельских машиностроительных заводов была внедрена облачная система управления инженерными данными (PDM), при этом критическая ERP-система осталась на собственных серверах. По оценкам технических служб предприятия, такой подход позволил уменьшить капитальные затраты на развертывание новой системы на 30% за счет отказа от закупки дополнительного серверного оборудования.

В логистическом секторе Гомельщины, где сезонность нагрузки выражена ярко (пиковые периоды перед посевной и уборочной), несколько компаний перешли на облачные решения для управления автопарком и складской аналитики. Экономический эффект проявился не только в снижении ТСО, но и в сокращении времени внедрения – вместо 6–8 мес. при покупке оборудования новые сервисы запускались за 2–3 недели.

На пути к облакам встречаются типовые барьеры, которые в регионах ощущаются острее. Бухгалтерские службы предприятий ориентированы на жесткие годовые сметы и с трудом адаптируются к «плавающему» характеру расходов. Также, в Гомеле, как и в других областных центрах, наблюдается нехватка специалистов по облачным архитектурам, что приводит к тому, что компаниям приходится либо нанимать удаленные команды, либо пользоваться услугами системных интеграторов.

Пользование зарубежными облачными платформами (AWS, Google Cloud, Microsoft Azure) часто связано с проблемами валютного контроля и оформления первичных документов. Поэтому значительная часть белорусских компаний, включая гомельские, отдает предпочтение локальным провайдерам – таким, как beCloud (биКлауд), ActiveCloud (АктивКлауд), а также ресурсам, размещенным в Парке высоких технологий (ПВТ). Наличие в Гомеле дата-центров ряда операторов (например, «Белтелеком» с центром обработки данных в Гомеле) позволяет обеспечивать приемлемую задержку (latency) для критичных приложений, что особенно важно для промышленных систем реального времени.

Экономическая оценка показывает: для типичного предприятия с численностью 50–200 сотрудников переход на облачную модель снижает совокупную стоимость владения (ТСО) на 20–35% за трехлетний горизонт. Однако для гомельских предприятий добавлены специфические факторы:

- налог на прибыль – затраты на облачные сервисы в составе операционных расходов уменьшают налогооблагаемую базу текущего периода, в отличие от CAPEX, где амортизация распределяется на годы;

- курсовая разница – при работе с зарубежными облаками возникает дополнительный валютный риск, который локальные поставщики позволяют минимизировать;

- кадровый фактор – экономия на фонде оплаты труда за счет сокращения штата системных администраторов (в среднем на 1–2 ставки) в гомельских условиях дает около 20–30 тыс. р. экономии в год.

Для компаний с равномерной, предсказуемой нагрузкой и высокими требованиями к безопасности CAPEX может оказаться экономически оправданным. Для предприятий с сезонными колебаниями (e-commerce, стартапы, периодическая отчетность) OPEX дает безусловное преимущество благодаря масштабируемости и отсутствию избыточных мощностей.

На практике в Гомеле, как и в целом по стране, все чаще применяется гибридная схема. Критически важные учетные системы, бухгалтерию и серверы с чувствительными данными оставляют в собственной инфраструктуре (это упрощает прохождение аудита и соблюдение отраслевых нормативов). Разработку, тестовые стенды, системы аналитики и резервное копиро-

вание выводят в облако. Такой подход позволяет не инвестировать в резервные мощности и при этом сохранить необходимый уровень контроля.

Характерный пример – гомельский ИТ-резидент ПВТ, разрабатывающий программные продукты для логистики. Компания оставила на своих серверах только среду непрерывной интеграции (CI/CD) с доступом к коммерческой тайне, а все тестирование, демонстрационные стенды и инфраструктуру для клиентов разместила в облаке местного провайдера. Это позволило сократить инвестиции в оборудование на 50% и гибко масштабировать ресурсы при росте числа клиентов.

Выбор между CAPEX и OPEX – это не технологическая, а финансово-управленческая задача, которая в регионах Беларуси приобретает дополнительные измерения: доступность квалифицированных кадров, развитость локальной облачной инфраструктуры, валютные риски и сложившиеся практики бюджетирования. Если в глобальной практике OPEX уже стал доминирующей моделью, то в Беларуси наблюдается этап активного смешивания подходов с устойчивым трендом в сторону гибридных архитектур.

Перспективным направлением дальнейших исследований видится разработка адаптированной к местным налоговым и правовым условиям методики расчета совокупной стоимости владения – инструмента, который позволил бы предприятиям (в том числе в Гомельской области) принимать более обоснованные решения при планировании ИТ-инфраструктуры.

Список использованной литературы

1. **Козырев, А. Н.** Экономика облачных вычислений: модели ценообразования и оценки эффективности / А. Н. Козырев // Финансы и бизнес. – 2024. – № 3. – С. 52–64.
2. **Смирнов, Е. В.** Трансформация ИТ-бюджета при переходе на облачные сервисы: от CAPEX к OPEX / Е. В. Смирнов // Экономика информационных технологий. – 2023. – № 4. – С. 18–25.
3. **Грибов, А. А.** Сравнительный анализ совокупной стоимости владения (ТСО) традиционной и облачной инфраструктуры / А. А. Грибов, М. В. Соколова // Инновации и инвестиции. – 2024. – № 2. – С. 87–93.
4. **Петрова, Е. С.** Финансовые аспекты цифровой трансформации бизнеса / Е. С. Петрова // Финансовый менеджмент. – 2023. – № 6. – С. 41–48.
5. **Цифровая экономика в регионах Беларуси: состояние и перспективы** / под ред. В. Н. Кузнецова. – Мн. : НИЭИ, 2024. – 128 с.
6. **Отчет о развитии информационно-коммуникационных технологий в Гомельской области за 2024 год** // Гомельский облисполком. – Гомель, 2025. – 45 с.

III. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И ПРАВА

УДК 343

Т. В. Абдульмянова (abdulmyanova.tanya@mail.ru),

канд. ист. наук, доцент

Н. С. Глухов (abdulmyanova.tanya@mail.ru),

магистр

*Саранский кооперативный институт
г. Саранск, Республика Мордовия*

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В настоящей статье анализируются ключевые направления развития уголовного права под влиянием цифровых технологий, выявляются системные проблемы правового регулирования и предлагаются пути их решения. Авторы исходят из того, что цифровизация уголовного права – это не механическое дополнение кодексов новыми терминами, а глубокая трансформация методологических основ отрасли.

This article analyzes key areas of criminal law development under the influence of digital technologies, identifies systemic problems in legal regulation, and proposes solutions. The authors believe that the digitalization of criminal law does not simply involve the mechanical addition of new terminology to codes, but rather a profound transformation of the field's methodological foundations.

Ключевые слова: уголовное право; цифровизация; искусственный интеллект; блокчейн; криптовалюта.

Key words: criminal law; digitalization; artificial intelligence; blockchain; cryptocurrency.

Цифровая трансформация всех сфер общественной жизни неизбежно влечет за собой необходимость адаптации правовой системы, и уголовное право в этом процессе занимает особое место. Информационно-телекоммуникационные технологии, искусственный интеллект (ИИ), блокчейн, криптовалюты – эти явления создают как новые объекты правовой охраны, так и новые способы совершения преступных посягательств. По данным МВД России, количество киберпреступлений на территории страны демонстрирует устойчивый рост: в 2024 г. зарегистрировано 765,4 тыс. таких преступлений против 677 тыс. в 2023 г. и 517,7 тыс. в 2021 г. Этот тренд актуализирует вопрос о способности уголовного законодательства эффективно реагировать на современные вызовы.

Одной из центральных проблем современного уголовного правотворчества является поиск баланса между необходимостью оперативного реагирования на новые виды преступных посягательств и сохранением стабильности уголовного закона как фундаментального регулятора общественных отношений. Цифровой способ совершения преступления далеко не всегда свидетельствует об увеличении общественной опасности деяния. Неоправданная цифровая казуализация уголовного закона, по его мнению, приводит к нарушению сложившихся моделей законодательного определения отдельных преступлений и вступает в противоречие с доктринальными положениями, характеризующими содержание и пределы объективной стороны конкретных составов [1].

Представляется, что ключевая задача законодателя заключается не в создании параллельного «цифрового» уголовного права, а в органичной интеграции технологических реалий в существующую систему норм. Это требует отказа от фрагментарного подхода, при котором каждая новая технология порождает очередной специальный состав, и перехода к системному пересмотру понятийного аппарата уголовного права с учетом цифровой реальности.

Отсутствие законодательно закреплённого понятия «киберпреступление» остается одной из наиболее острых проблем уголовно-правовой квалификации. Действующая гл. 28 УК Российской Федерации «Преступления в сфере компьютерной информации» не охватывает всего многообразия деяний, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Это порождает трудности квалификации и неоднозначность правоприменительной практики, особенно в случаях совершения преступных деяний организованными группами.

Наиболее сложной проблемой является квалификация преступлений в сфере компьютерной информации по совокупности с другими преступлениями. Действия, связанные с неправомерным доступом к компьютерной информации, должны квалифицироваться по совокупности с другими преступлениями в случаях, когда они влекут дополнительные последствия, не входящие в объективную сторону таких преступлений. Однако единообразный подход к таким ситуациям в судебной практике до сих пор не выработан [2].

Перспективным направлением представляется не столько расширение перечня составов, сколько совершенствование методик квалификации и развитие судебного толкования. Анализ приговоров судов выявляет типичные ошибки в квалификации преступных деяний в сфере компьютерной информации, что свидетельствует о необходимости разъяснений Верховного Суда Российской Федерации по данной категории дел.

Искусственный интеллект занимает особое место среди цифровых феноменов, требующих уголовно-правового осмысления. В 2025 г. Минцифры России разработало законопроект, предлагающий ввести уголовную ответственность за использование ИИ в преступных целях, дополнив соответствующие ст. УК Российской Федерации (158, 159, 163, 272 и 274) указанием на совершение преступления с применением технологий искусственного интеллекта. В законопроекте ИИ определяется как «комплекс технологических решений», способный имитировать когнитивные функции человека.

Предлагаемые санкции варьируются от штрафов до 15 лет лишения свободы в особо тяжких случаях. Использование ИИ предполагается рассматривать как отягчающее обстоятельство – по аналогии с применением оружия или служебного положения [3].

Однако предложенный подход вызывает обоснованную критику. Как справедливо отмечают эксперты, «назвать технологию – это одно. А вот юридически обосновать, что именно перед судом ИИ, а не просто алгоритм, – задача куда сложнее. Без этого появляется риск расширительного толкования норм». Кроме того, остается открытым вопрос о возможности привлечения к ответственности за деяния, совершенные автономными системами ИИ, действующими без прямого вмешательства человека.

Представляется, что уголовно-правовое регулирование ИИ должно развиваться по двум направлениям:

- квалификация использования ИИ как способа совершения традиционных преступлений (с соответствующим отягчением ответственности);
- выработка критериев ответственности за создание и распространение ИИ-систем, заведомо предназначенных для совершения противоправных действий. При этом необходимо избегать как недооценки общественной опасности таких деяний, так и избыточной криминализации, способной затормозить технологическое развитие [4].

Вопрос о правовой природе криптовалюты долгое время оставался одним из наиболее дискуссионных в уголовно-правовой науке. Ситуация начала меняться с принятием Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте...», который дал легальное определение цифровой валюты. Отсутствие в уголовном законе необходимых понятийных определений существенно затрудняло как квалификацию криптовалютных преступлений, так и реализацию имущественных притязаний в рамках уголовного судопроизводства.

Ситуация кардинально изменилась в 2026 г. 24 апреля 2025 г. в Госдуму был внесен соответствующий законопроект, а уже 20 февраля 2026 г. Президентом Российской Федерации подписан Федеральный закон № 38-ФЗ. Согласно документу, в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы вводится понятие «криптовалюта» (цифровая валюта), которая признается имуществом и, следовательно, может быть предметом конфискации. В частности, Уголовно-процессуальный кодекс (УПК) Российской Федерации дополнен новой ст. 164.2, регламентирующей особенности изъятия цифровой валюты в ходе следственных действий. Закон вступил в силу 3 марта 2026 г.

Очевидный прогресс в регулировании не привел к полному решению существующих проблем. Как констатируется в научной литературе, признание криптовалюты предметом

хищения лишь частично снимает правоприменительные трудности. В числе системных недостатков сохраняются: отсутствие легального определения «цифрового кошелька» для целей ареста, неопределенность требований к допустимости цифровых доказательств и отсутствие унифицированной методологии их изъятия. Кроме того, волатильность криптовалютного рынка порождает проблему определения размера ущерба в рублях, что требует разработки специальных методик его исчисления.

Также сохраняется техническая проблема принуждения к раскрытию приватных ключей: обвиняемого нельзя принудить к раскрытию кодов доступа, что создает риск недоступности криптоактивов для изъятия.

Криптовалюты активно используются в преступных целях: вымогательстве, взяточничестве, мошенничестве, отмывании денег, финансировании терроризма. Поэтому дальнейшее совершенствование правового регулирования в этой сфере является одной из приоритетных задач. Перспективным направлением представляется разработка унифицированной методики криминалистического анализа блокчейн-транзакций и правового механизма взаимодействия с операторами криптовалютных бирж.

Цифровая трансформация уголовного права неразрывно связана с развитием процессуальных механизмов собирания, проверки и оценки доказательств в цифровой среде. Видео-конференц-связь, электронный документооборот, автоматизированные информационные системы постепенно становятся привычными элементами уголовного судопроизводства [5].

Вместе с тем системные проблемы сохраняются. Как отмечает А. Л. Осипов, российская модель нормативного регулирования применения цифровых технологий дистанционной коммуникации, несмотря на соответствие международным стандартам, отличается недостаточной системностью. Отсутствует единый перечень судебных процедур, где допустимо применение видео-конференц-связи, что создает пробелы в регулировании некоторых судебно-контрольных процедур.

Внедрение блокчейн-технологий обостряет проблему использования распределенных реестров в качестве источников доказательств. Как подчеркивают исследователи, растущая популярность децентрализованных инфраструктур порождает три ключевые правовые сложности:

- высокую степень анонимности (конфиденциальности) операций;
- объективные трудности идентификации субъектов противоправных деяний;
- явную недостаточность и фрагментарность действующего нормативного регулирования в этой сфере.

Значимым вектором развития уголовно-процессуального права выступает внедрение концепции электронного уголовного дела. В научной литературе данная идея рассматривается не просто как отдаленная перспектива, а как формирование принципиально новой формы (модели) уголовного судопроизводства. Реализация этой концепции предполагает не ограничиваться переводом традиционного документооборота в электронный формат – речь идет о кардинальном пересмотре подходов к фиксации, хранению и передаче доказательственной информации [6].

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы о перспективах развития уголовного права в контексте цифровых технологий:

1. Во-первых, цифровая трансформация уголовного права требует системного, а не фрагментарного подхода. Внесение в Уголовный кодекс (УК) Российской Федерации отдельных составов, учитывающих цифровой способ совершения преступления, без пересмотра базовых понятий и принципов приводит к нарушению внутренней логики уголовного закона и создает риски необоснованного усиления или, напротив, смягчения ответственности. Необходима выработка единой концепции цифровизации уголовного законодательства, включающей пересмотр понятийного аппарата, системы признаков составов преступлений и принципов дифференциации ответственности.

2. Во-вторых, законодательное регулирование новых цифровых феноменов (искусственный интеллект, криптовалюта, блокчейн) должно основываться на междисциплинарном подходе, объединяющем правовые, технические и экономические знания. Только такой подход позволит создать эффективные механизмы уголовно-правового противодействия без создания избыточных барьеров для технологического развития.

3. В-третьих, приоритетным направлением должно стать совершенствование не столько материального, сколько процессуального законодательства в части собирания, проверки и оценки цифровых доказательств. Без надежных процессуальных механизмов любые изменения УК Российской Федерации останутся декларативными.

4. В-четвертых, активная адаптация уголовного процесса к реалиям цифровой экономики, включая закрепление понятия «места совершения преступления» применительно к облачным сервисам, модернизацию следственных действий и корректировку определения «места производства следственных действий» для интернет-пространства, является необходимой для обеспечения эффективности правосудия в цифровую эпоху.

5. В-пятых, международное сотрудничество в сфере противодействия киберпреступности приобретает стратегическое значение. Подписание Россией в октябре 2025 г. Конвенции (ООН) против киберпреступности создает правовую основу для такого сотрудничества, однако требует разработки конкретных механизмов взаимодействия на уровне национальных правовых систем.

Таким образом, будущее уголовного права в цифровую эпоху зависит от способности правовой системы сохранять баланс между стабильностью и адаптивностью, между защитой прав личности и эффективностью противодействия преступности, между национальными правовыми традициями и международными стандартами. Цифровизация – это не угроза для уголовного права, а вызов, отвечая на который, уголовное право может выйти на новый уровень своего развития.

Список использованной литературы

1. **Анализ** проблем раскрытия IT-преступлений и направления их преодоления / О. В. Виноградов, А. Е. Нахова, Е. С. Соколова [и др.] // Вестник экономической безопасности. – 2025. – № 4. – С. 215–221.
2. **Головенчик, М. Г.** Экономические преступления в условиях цифровизации: уголовно-правовая оценка и противодействие : моногр. / М. Г. Головенчик. – Мн. : ИВЦ Минфина, 2025. – 227 с.
3. **Гришин, Д. А.** Цифровая трансформация российского общества и ее влияние на уголовное судопроизводство / Д. А. Гришин // Экономика. Право. Общество. – 2024. – Т. 9. – № 2. – С. 64–68.
4. **Лебедев, С. Я.** Цифровое уголовное право : моногр. / С. Я. Лебедев. – М. : Проспект, 2025. – 392 с.
5. **Тенденции** уголовной политики по экономическим преступлениям: от либерализации к ужесточению // Universum: экономика и юриспруденция. – 2026. – № 1 (111). – С. 24–29.
6. **Шереметьев, И. И.** Электронное уголовное дело: что это такое и пути его создания / И. И. Шереметьев // Lex Russica. – 2025. – № 3. – С. 112–120.

ПРАВОВАЯ ОСНОВА МОНЕТАРНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРОЦЕССА В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ СОЮЗОВ

В данной статье раскрываются вопросы правового регулирования инвестиций в Республике Беларусь. Актуальность исследования в данном направлении подтверждается ролью финансовых рынков в обеспечении национальной и региональной стабильности через механизм монетарного регулирования внешних инвестиций.

This article examines the legal regulation of investment in the Republic of Belarus. The relevance of this research is confirmed by the role of financial markets in ensuring national and regional stability through the monetary regulation of foreign investment.

Ключевые слова: персональные данные; информация; сведения; обработка; неприкосновенность частной жизни; личная и семейная тайна.

Key words: personal data; information; information; processing; privacy; personal and family secrets.

Важнейшей современной тенденцией развития интеграционных союзов является взаимное проникновение инвестиций и взаимозависимость методов монетарного регулирования. Одной из главных составляющих экономического развития является привлечение инвестиций.

Формирование инвестиционного законодательства показало, что инвестиционные отношения – отношения, объективный характер возникновения которых обусловлен определенным уровнем развития экономических отношений. Современные инвестиции невозможны без рыночной экономики, где инвестиционная сфера не может функционировать и развиваться без определенных правовых условий в стране. При этом, применяя инструменты правового регулирования на каждом историческом отрезке времени, осуществлялись попытки находить оптимальные уровень и направления осуществления инвестиций без ущерба для выполнения государством своих социальных обязательств.

Основным источником в системе континентального права (к которой относится и правовая система Беларуси) выступает нормативный правовой акт. Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» закрепляет их систему (ст. 2) и дает определение нормативного правового акта. В частности, согласно указанному Закону нормативный правовой акт – это официальный документ установленной формы, принятый (изданный) нормотворческим органом (должностным лицом) в пределах его компетенции или референдумом с соблюдением предусмотренной законодательством процедуры, который направлен на установление, изменение, официальное толкование, приостановление, возобновление, продление и прекращение действия норм права как общеобязательных правил поведения постоянного или временного характера, рассчитанных на индивидуально не определенный круг лиц и неоднократное применение.

Республика Беларусь выступает как реципиент инвестиций – государство, на территории которого осуществляются инвестиции инвесторами других государств (прил. 16 к Договору о ЕАЭС от 29 мая 2014 г.).

Гл. 2 Закона об инвестициях определяет государственное регулирование в сфере инвестиций через установление полномочий Президента, Правительства Беларуси, органов государственного управления в данной сфере и организаций [2].

Как субъект частного права Республика Беларусь выступает стороной в инвестиционном договоре с Республикой Беларусь (ст. 17 Закона об инвестициях).

От ее имени могут своими действиями приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права и обязанности, выступать в суде государственные органы в рамках их компетенции, установленной актами, определяющими статус этих органов. Республика Беларусь, ее административно-территориальные единицы отвечают по своим обязательствам, принадлежащим им на праве собственности имуществом, кроме имущества, которое может находиться только в республиканской или коммунальной собственности.

Институциональных инвесторов выделяют в группы инвесторов с точки зрения источника поступления финансовых ресурсов на рынок ценных бумаг:

- население (индивидуумы, т. е. физические лица);
- корпоративные инвесторы;
- институциональные инвесторы.

Будучи финансовыми посредниками, институциональные инвесторы выполняют следующие важные функции:

- эффективное распределение финансовых ресурсов;
- аккумулирование сбережений;
- снижение информационных издержек;
- уменьшение издержек контроля за инвестициями;
- диверсификация рисков.

Перечень финансовых посредников достаточно широк.

На сегодняшний день нет единого мнения среди ученых относительно того, какие именно финансовые посредники являются институциональными инвесторами. Институциональные инвесторы совершают операции с ценными бумагами (банки, страховые организации, пенсионные фонды). Данный подход основан на том, что многие из указанных организаций объединяют средства различных инвесторов (юридических и физических лиц) и ищут возможности их вложения в доходные ценные бумаги. Когда индивидуальные инвесторы объединяют свои финансовые средства для квалифицированного управления ими с целью получения дохода на вложенные средства, такое объединение индивидуальных вкладчиков называется институциональным инвестором.

Однако в международной практике используется более узкое понимание этого термина. Под институциональными инвесторами понимаются схемы коллективного инвестирования (collective investment vehicles), пенсионные фонды (pension funds) и страховые компании (insurance companies).

Общими признаками институциональных инвесторов являются:

- объединение средств многих как индивидуальных (население), так и корпоративных инвесторов;
- управление аккумулированными ресурсами как единым портфелем;
- осуществление долгосрочных портфельных инвестиций в ценные бумаги;
- непривлечение депозитов.

Термин «институциональный инвестор» большей частью характеризует финансовых посредников недепозитного рода, хотя все сложнее классифицировать финансовые институты по функциональному признаку.

Например, многие банки могут оказывать услуги доверительного управления коллективными фондами, что справедливо и в отношении страховых компаний.

А услуги, предлагаемые страховыми компаниями и частными пенсионными фондами, например пенсионное страхование, дублируют друг друга.

Юридические лица и трастовые структуры, у которых по характеру деятельности возникают долговременные крупные остатки денежных средств, на профессиональной основе вкладывают их в ценные бумаги, другие финансовые активы, недвижимость.

Неразвитость отечественного финансового рынка ограничивает возможность их привлечения рамками рынка ссудных капиталов, который с учетом дефицита долгосрочных депозитов также ограничен в инвестиционных финансовых ресурсах. В указанной ситуации достаточно перспективным средством привлечения финансовых ресурсов частных инвесторов на финансовый рынок является коллективное инвестирование. Организации коллективного инвестирования позволяют привлечь в данный процесс наряду с крупными инвесторами, и население, трансформировав их сбережения в инвестиции. На отечественном финансовом рынке данная форма коллективного инвестирования находится в стадии становления.

Также для защиты прав иностранных инвесторов в Республике Беларусь принят Закон «О концессиях» от 12 июля 2013 г. № 63-З, устанавливающий правовые основы осуществления инвестиций на основе концессий на территории Республики Беларусь, направлен на обеспечение прав и законных интересов инвесторов, Республики Беларусь и ее административно-территориальных единиц.

Ст. 4 данного закона определяет условия осуществления деятельности концессионеров, в частности концессионерам предоставляются гарантии, предусмотренные законодательством для инвесторов.

Не допускается вмешательство в деятельность концессионеров, за исключением случаев, предусмотренных концессионным договором и (или) когда такое вмешательство осуществляется на основании законодательных актов в интересах национальной безопасности (в том числе охраны окружающей среды, историко-культурных ценностей), общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц.

Концессионным договором в соответствии с законодательными актами либо по решению Президента Республики Беларусь могут быть предусмотрены льготы и преференции для концессионеров и (или) организаций, в установленном порядке созданных в Республике Беларусь концессионером либо с его участием.

В случае, если в течение срока действия концессионного договора законодательство изменилось таким образом, что концессионер в значительной степени лишается того, на что был вправе рассчитывать при заключении концессионного договора, если это предусмотрено концессионным договором, стороны концессионного договора изменяют условия концессионного договора в части обеспечения прав концессионера [2].

Ст. 5 вышеупомянутого закона регламентирует полномочия Президента Республики Беларусь в сфере концессий, в частности, Президент Республики Беларусь в сфере концессий:

- определяет единую государственную политику;
- утверждает перечень объектов, предлагаемых для передачи в концессию (далее – перечень), по объектам концессии Республики Беларусь, определяет по ним вид концессионного договора и способ выбора концессионера;
- определяет порядок формирования и утверждает перечни по объектам концессии, сведения о которых составляют государственные секреты, и по объектам концессии, имеющим стратегически важное значение для Республики Беларусь, определяет по ним концедента, концессионный орган, вид концессионного договора, способ выбора концессионера и порядок определения стартового размера разового платежа;
- осуществляет иные полномочия в соответствии с Конституцией Республики Беларусь, Законом «О концессиях» и иными законодательными актами.

Президентом Республики Беларусь могут устанавливаться иные порядок и способ предоставления объектов концессии в концессию, чем те, которые установлены Законом «О концессиях» [2].

Ст. 6 Закона «О концессиях» регламентирует полномочия Правительства Республики Беларусь в сфере концессий, в частности, Правительство Республики Беларусь в сфере концессий:

- обеспечивает проведение единой государственной политики;
- определяет в соответствии с Законом «О концессиях» и иными законодательными актами порядок организации и проведения конкурсов (аукционов);
- определяет в соответствии с Законом «О концессиях» концессионные органы по объектам концессии Республики Беларусь;
- определяет, если иное не установлено Президентом Республики Беларусь, порядок определения стартового размера разового платежа по объектам концессии Республики Беларусь;
- вносит на рассмотрение Президента Республики Беларусь проекты нормативных правовых актов об утверждении перечня по объектам концессии Республики Беларусь, о внесении в него изменений и (или) дополнений;
- определяет порядок ведения государственного реестра концессионных договоров;
- осуществляет иные полномочия в соответствии с Конституцией Республики Беларусь, Законом «О концессиях», иными законами и актами Президента Республики Беларусь [2].

Список использованной литературы

1. **Об инвестициях** : Закон Респ. Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-3 № 350-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11300053> (дата обращения: 19.03.2026).

2. **О концессиях** : Закон Респ. Беларусь от 12 июля 2013 г. № 63-3 // КонсультантПлюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Мн., 2025.

АЛГОРИТМИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ТРУДОМ: ПРАВОВЫЕ РИСКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА РАБОТОДАТЕЛЯМИ В РОССИИ И КИТАЕ

В статье рассматриваются особенности правового регулирования алгоритмического управления трудом в России и Китае. Проводится сравнительно-правовой анализ подходов к регулированию цифровых технологий в сфере трудовых отношений, выявляются ключевые различия и общие проблемы. Особое внимание уделяется вопросам прозрачности алгоритмических решений, ответственности работодателя и защите прав работников в условиях цифровизации.

The article examines the legal regulation of algorithmic labor management in Russia and China. A comparative legal analysis of approaches to regulating digital technologies in labor relations is conducted, identifying key differences and common challenges. Particular attention is paid to the transparency of algorithmic decisions, employer responsibility, and the protection of workers' rights in the digital environment.

Ключевые слова: алгоритмическое управление; трудовое право; цифровизация труда; Россия; Китай; алгоритмы; защита прав работников.

Key words: algorithmic management; labor law; digital labor; Russia; China; algorithms; workers' rights.

Правовое регулирование в России и Китае развивается в условиях активной цифровизации экономики, но при этом оно характеризуется различной степенью нормативной проработки.

В России не существует специальных норм для прямого регулирования использования алгоритмов в сфере трудовых отношений. Подобные вопросы решаются именно в рамках общих положений Трудового кодекса Российской Федерации [1], а также Федерального закона «О персональных данных» [2]. При этом данные акты не учитывают специфику алгоритмического управления, включая как автоматизированное принятие решений, так и использование цифровых профилей работников.

В Китае формирование общей правовой базы носит системный характер. Например, в Personal Information Protection Law закреплены положения, которые регулируют обработку персональной информации и принятие решений на основе автоматизированной обработки данных, охватывая также право субъекта на получение разъяснений [3]. Остальные вопросы, касающиеся функционирования алгоритмов, регулируются Provisions on the Administration of Algorithmic Recommendation for Internet information Services [4]. Они устанавливают требования как к прозрачности алгоритмических механизмов, так и к недопустимости злоупотреблений со стороны платформ.

Ключевым различием между правовыми системами будет выступать степень институционализации регулирования алгоритмических технологий. Китайское государство известно своим активным вмешательством в деятельность цифровых платформ. Ссылаясь на указанные нормативные акты, можно сделать вывод, что контроль за алгоритмами, в частности требования к их функционированию, направленные на обеспечение справедливости и предотвращение дискриминации, прямо предусматриваются законодательством [3; 4]. В России же, напротив, регулирование сохраняет общий характер: использование алгоритмов в трудовых отношениях прямо не регулируется, фактически оставляя его на усмотрения работодателя при условии соблюдения базовых трудовых гарантий, закрепленных в Трудовом кодексе Российской Федерации [1].

Несмотря на различия, правовое регулирование в обеих странах сталкивается со схожими проблемами. Во-первых, отсутствует законодательно закрепленное понятие алгоритмического управления трудом, без которого трудно квалифицировать соответствующие отношения. Также сохраняется проблема алгоритмической непрозрачности, даже при наличии норм, предусматривающих определенный уровень раскрытия информации (как, например, в Personal Information Protection Law), работники не обладают достаточными возможностями для понимания логики принятия решений [3]. Поскольку доказательство неправомерности алгоритмического решения требует доступа к данным и механизмам их обработки, усложняется реализация права на защиту. Несмотря на то, что в рамках трудового законодательства (в частности, Labor Contract

Law of the People's Republic of China и Трудовой кодекс Российской Федерации) мы можем наблюдать размывание границ ответственности работодателя, именно он сохраняет статус обязанного субъекта [1; 5].

Несмотря на различные подходы России и Китая к регулированию алгоритмических процессов, правовые механизмы в нынешних реалиях не обеспечивают эффективную защиту работников в полной мере именно в условиях цифровизации труда, что показывает необходимость разработки и внедрения новых моделей правового регулирования.

Алгоритмическое управление трудом создает новые вызовы для правового регулирования. Традиционные нормы Трудового кодекса Российской Федерации (ТК) и Закон о персональных данных не учитывают:

- автоматизированную оценку эффективности работников;
- принятие решений о распределении задач и рабочем времени;
- использование цифровых профилей и метрик производительности [1; 2].

На данный момент без четкого регулирования есть риски незаконных увольнений по результатам работы алгоритма, дискриминации работников по косвенным цифровым признакам, а также непрозрачность систем мотивации и премирования.

Опыт Китая (Personal Information Protection Law, Provisions on the Administration of Algorithmic Recommendation for internet information Services) демонстрирует, что проблемы можно минимизировать, если начать контролировать принятие автоматизированных решений человеком, при этом нужно сохранить прозрачность алгоритмов и обязать работодателя объяснять те или иные решения [3; 4].

Собрав информацию, возможно предложить несколько реализуемых кейсов (идей), которые, основываясь на опыте Китая, могут показать практическую применимость, а не быть абстрактными рассуждениями. Среди них можно выделить:

1. Прозрачная оценка сотрудников через алгоритмы. В Китае уже реализуется обязанность алгоритма раскрывать, по каким именно критериям оценивается сотрудник. В Российской Федерации же такой практики нет, поэтому предложение включает в себя обязательное внедрение работодателем прозрачных систем КРП и раскрытие формулы расчета оценок, которые система формирует автоматически. Таким образом, исключается «черный ящик» при увольнениях или лишениях бонусов. Черным ящиком называют систему, внутреннее устройство и механизм которой очень сложны, неизвестны или неважны в рамках определенной задачи.

2. Гибридное принятие решений. Для сохранности работника и эффективности алгоритма необходимо ввести норму, благодаря которой алгоритм сможет лишь рекомендовать действия, а не быть единственным основанием для увольнения или дисциплинарных мер – окончательное решение должен принимать человек.

3. Права работников на данные и оспаривание решений. Для того чтобы персональные права работников были защищены, необходимо ввести в ТК Российской Федерации отдельный подзаконный акт – право работника на то, чтобы видеть, какие данные были использованы для его оценки, а также дать возможность оспаривать некорректные выводы алгоритма и требовать исправления ошибок в цифровом профиле. Такое решение позволит не только пресечь нарушение принципа справедливости и состязательности, но и позволят снизить судебные споры [2].

4. Лимитирование алгоритмических решений. Также необходимо создать юридические гарантии для сотрудников при цифровизации управления. По опыту Китая алгоритмы не могут полностью заменить человека в критических решениях, поэтому для Российской Федерации можно предложить внедрить запрет на увольнение или перевод на другую должность исключительно по результатам алгоритма без участия HR или руководителя.

5. Стандартизация алгоритмов в компаниях. Естественно, для защиты прав работников необходимо аккуратно внедрять алгоритмы в компании, не нарушая права этих самых работников. Для того, чтобы организовать статическую систему, можно рекомендовать Министерству Труда Российской Федерации и Роскомнадзору разработать руководства по внедрению алгоритмов аналогично китайским положениям о прозрачности и регистрации алгоритмов [4].

Объединение опыта Китая и Российской Федерации позволяет предложить гибридную модель регулирования, которая сохранит инновационность и эффективность алгоритмов, повысит прозрачность и юридическую защиту работников, а также создаст платформу для постепенного развития законодательства в условиях цифровизации труда.

Список использованной литературы

1. **Трудовой** кодекс Российской Федерации : 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ : принят Гос. Думой 21 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г. : с изм. и доп. вступ. в силу с 1 февр. 2002 г. // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 05.04.2026).
2. **О персональных** данных : Федер. конституц. закон от 27 июня 2006 г. № 152-ФЗ // Консультант.Плюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 05.04.2026).
3. **Personal Information Protection Law** of the People's Republic of China : [site]. – URL: <https://personalinformationprotectionlaw.com> (date of access: 05.04.2026).
4. **Provisions** on the Administration of Algorithmic Recommendation for Internet Information Services : [site]. – URL: <https://www.chinalowtranslate.com> (date of access: 05.04.2026).
5. **Люттов, Н. Л.** Трудовое право в условиях цифровизации экономики / Н. Л. Люттов // Журнал российского права. – 2021. – № 6.
6. **World Employment and Social Outlook 2021: The role of digital labour platforms** : [site] // International Labour Organization. – Geneva, 2021. – URL: <https://www.ilo.org> (date of access: 05.04.2026).
7. **De Stefano, V.** The Rise of the «Just-in-Time Workforce»: On-Demand Work, Crowdswork and Labour Protection in the «Gig-Economy» / V. De Stefano // International Labour Office. – Geneva, 2016.

УДК 342.3

А. А. Артюхин (a.a.artyuhin@ruc.su),
магистр

Ф. Ш. Ямбушев (f.sh.yambushev@ruc.su),
канд. юрид. наук, доцент

Саранский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации
г. Саранск, Республика Мордовия

ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ ГОСУДАРСТВА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ

Статья посвящена анализу концепции цифрового суверенитета государства в условиях развития информационных технологий. Рассматриваются теоретические подходы к пониманию цифрового суверенитета и его поэтапное формирование. Проводится анализ нормативно-правовой базы России в области электронных технологий. Отдельное внимание уделяется международному опыту регулирования цифрового пространства.

This article analyzes the concept of state digital sovereignty in the context of developing information technology. It examines theoretical approaches to understanding digital sovereignty and its gradual development. It also analyzes Russia's regulatory framework for electronic technologies. Particular attention is paid to international experience in regulating the digital space.

Ключевые слова: цифровой суверенитет; информационная инфраструктура; электронные технологии; персональные данные; права человека.

Key words: digital sovereignty; information infrastructure; electronic technologies; personal data; human rights.

Цифровое преобразование общества и экономики поэтапно привели к формированию нового вида государственного суверенитета – «цифрового суверенитета». Это произошло в результате расширения применения информационных технологий, развития электронных платформ обработки, применения, сбора и систематизации информации, а также путем международного сотрудничества в области цифровизации и развития технологий. Массовая информатизация общества и перевод общественных отношений в цифровую плоскость создает новые вызовы для государства, связанные с обеспечением национальной безопасности и защитой персональных данных.

Независимость современного государства формируется не только по территориальному или политическому критерию, но и путем обеспечения функционирования самодостаточной национальной информационной системы, которой не страшны угрозы извне. В этой связи невозможно не согласиться с позицией Н. А. Троян, которая считает, что в новых геополитиче-

ских условиях глобальной технологической трансформации значимость цифрового суверенитета увеличивается в разы для обеспечения безопасности государства [1].

Актуальность исследования обозначенной темы заключается в стремительном развитии информационных технологий и увеличении их влияния на сферу государственного управления, экономические процессы и общественные отношения. В условиях глобальной цифровой трансформации многие государства сталкиваются с необходимостью формирования и укрепления технологической независимости, защиты электронных данных граждан, а также устойчивым функционированием собственного сегмента всемирной сети интернет.

Для того чтобы разобраться в проблематике исследуемой темы необходимо понять природу цифрового суверенитета, обозначить основные его элементы, рассмотреть подходы Российской Федерации и других стран мира к регулированию данной области общественных отношений.

В последние годы Россия реализует государственную политику, которая направлена на развитие национальной цифровой инфраструктуры, замещение иностранного программного обеспечения собственными разработками в этой области и формирование правовых механизмов, направленных на регулирование цифровой среды. Немаловажную роль в формировании подобного курса сыграло глобальное санкционное воздействие отдельных стран, конечной целью которых являлось технологическое ослабление страны.

Понятие «цифрового суверенитета» появилось в юридической науке относительно недавно и связано с цифровой трансформацией экономических процессов и общественной жизни. Данный вид суверенитета отражает способность государства самостоятельно регулировать цифровое пространство, обеспечивать функционирование информационной инфраструктуры, внутригосударственного электронного взаимодействия, защиту национальных интересов страны и персональных данных граждан.

Нам близка позиция С. А. Спартака, который сформулировал цифровой суверенитет как способность государства самостоятельно контролировать свое цифровое пространство, инфраструктуру и данные, обеспечивая их безопасность и независимость от внешнего вмешательства [2].

С юридической точки зрения цифровой суверенитет включает несколько элементов:

- государственный контроль за информационной инфраструктурой;
- сбор, обработку, хранение и систематизацию персональных граждан на территории собственной страны;
- обеспечение информационной безопасности и защиту национальных интересов в области цифровизации;
- создание и развитие собственных решений в сфере программного обеспечения.

С аналитической точки зрения прослеживается четкая взаимосвязь обозначенных аспектов цифровой независимости с вопросами национальной безопасности и экономического развития страны. И чтобы обеспечить эту самую безопасность, ряд исследователей предлагают создать автоматизированную машину для работы с информацией.

Например, В. А. Северин считает, что должна быть разработана система, функциональными задачами которой будут оперативное выявление, оценка, прогнозирование и выдача рекомендаций по предупреждению внутренних и внешних угроз информационной безопасности в наиболее важных сферах деятельности высокотехнологичных предприятий, где сосредоточена и обращается ценная информация [3].

Создание подобной системы действительно выведет безопасность критически важной инфраструктуры на качественно новый уровень, однако создаст риск утечки данных, что является серьезной угрозой для страны.

Важную часть построения цифровой независимости играет нормативно-правовая база. В России формирование цифрового суверенитета осуществляется путем принятия новых нормативных актов и реализации уже принятых стратегических документов в этой области.

Среди них можно выделить Указ президента России от 9 сентября 2017 г. № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». Указанный выше документ определил стратегические направления развития цифровой инфраструктуры государства и формирование условий развития цифровой экономики. В рамках реализации данного акта в стране были запущены программы цифрового развития, которые включали комплекс мероприятий по модернизации информационной инфраструктуры и внедрение электронных технологий в сферу государственного управления. Среди данных программ можно выделить цифровую экономику, электронное правительство и национальные информационные платформы.

Важно упомянуть ключевые изменения в действующем законодательстве, которые были осуществлены путем принятия Федерального закона от 1 мая 2019 г. № 90-ФЗ. Данный закон предусмотрел создание механизмов централизованного управления трафиком всемирной сети интернет в случае возникновения угроз безопасности. В Российском информационном поле рассматриваемый правовой акт прозвали законом «о суверенном интернете».

В дополнение к нему в последние годы в России все чаще говорят о создании собственной интернет-сети, которая будет действовать обособленно от глобальной и отвечать все чаще растущим требованиям обеспечения национальной безопасности, в том числе от угроз извне. Многие эксперты подчеркивают, что развитие законодательства в этой сфере является важным инструментом обеспечения цифровой независимости страны, но следует также отметить, что окончательное формирование подобных инициатив в значительной степени может изолировать страну от сферы международного общения, что в свою очередь пагубно повлияет на построение экономических и межличностных связей между гражданами и компаниями разных стран, что фактически ставит под сомнение политику международных организаций в сфере сотрудничества, которая многие годы была направлена на «стирание границ».

В продолжение вышеизложенных суждений следует отметить, что глобальные технологические корпорации оказывают значительное влияние на информационное пространство многих стран, что само по себе создает риски для национальной и экономической безопасности.

Зависимость от иностранных цифровых платформ может ограничивать возможности государства по регулированию цифрового пространства. В этой связи многие страны, в том числе Российская Федерация стремятся установить механизм правового контроля над подобными транснациональными компаниями.

В России вышеизложенные механизмы реализуются путем выдвижения требований к локализации персональных и иных данных граждан, регулирования деятельности интернет-площадок и возможности точечного или полного ограничения доступа к ресурсам, нарушающим требования национального законодательства. С одной стороны, данные меры направлены на защиту внутригосударственного информационного пространства, однако с другой, подобные действия могут оттолкнуть приток инвестиций в Российскую экономику со стороны этих самых компаний и посягнуть на международные нормы, регламентирующие право каждого человека на доступ к информации.

Всем государствам мира следует искать баланс между информационной безопасностью и международным сотрудничеством, ведь двигателем прогресса в области цифровизации являются не только собственные решения, но и обмен опытом, результатами внедрения инноваций и международная кооперация.

Во многих странах политика обеспечения цифровой независимости реализуется по-разному, в связи с чем был проведен сравнительный анализ основных моделей цифрового суверенитета крупных государств и объединений в целях выявления наиболее эффективной из них.

Европейский союз сформировал модель цифрового суверенитета, которая основана на защите персональных данных граждан, регулировании деятельности информационных платформ и развитии собственной электронной инфраструктуры. В 2018 г. на всей территории «еврозоны» начал действовать общий регламент по защите данных – GDPR, который установил единые требования обработки персональных данных на территории союза. Указанные в акте требования распространили свое влияние на любые организации, которые занимаются обработкой электронных данных граждан вне зависимости от места регистрации самой компании.

Помимо вышеуказанного акта европарламент также разработал ряд других нормативных документов, которые регулируют деятельность онлайн платформ и систем, где применяется искусственный интеллект. При этом европейская модель цифрового суверенитета основывается на сочетании мер строгого регулирования и развитии собственной инфраструктуры, не прибегая к массовым ограничениям иностранных ресурсов, что позволяет соблюсти баланс национальных интересов и развитие рынка информационных технологий.

В Соединенных Штатах Америки регулирование цифрового пространства имеет особый характер, поскольку государственная политика в данной сфере преимущественно основана на рыночных механизмах и доминировании транснациональных компаний, о которых мы упоминали выше.

Нормативно-правовое регулирование представлено рядом актов, направленных на регламентацию информационной среды. Самым ключевым из них является CLOUD act – это закон, который предоставляет местным правоохранительным органам право получать доступ к серверным данным американских компаний, даже если они расположены за пределами страны.

Однако важно отметить, что сама цифровизация является плодом американских технологий, который другие страны адаптировали под свои национальные интересы. В связи с этим властям США значительно проще взаимодействовать с крупными агрегаторами распространения информации, так как подавляющее большинство из них были разработаны и зарегистрированы внутри страны, а уже потом распространились исходя из капиталистической заинтересованности на рынки других стран.

Итог сравнительного анализа моделей цифрового суверенитета государств позволяет выделить два вида:

- регуляторная модель, функционирующая в Европейском союзе которая основана на развитии законодательной базы о защите персональных данных и регулировании цифровых сервисов;

- корпоративная модель, выстроенная в США, где осуществляется доминирование частных технологических компаний-гигантов при относительно ограниченном государственном вмешательстве.

В условиях глобальной цифровизации построение качественной модели цифрового суверенитета, является приоритетной задачей всех стран мира на ближайшую историческую перспективу.

И, как верно отметил А. А. Игнатов – реализация долгосрочной политики укрепления цифрового суверенитета государства непосредственным образом влияет на его жизнеспособность государств, чья безопасность находится под постоянной угрозой в связи с недобросовестным использованием новейших цифровых технологий [4].

В качестве вывода по проведенной исследовательской работе следует отметить, что цифровизация общественных отношений и стремительное развитие информационных технологий существенно трансформировало традиционное понимание государственного суверенитета, в связи с чем был выделен новый его вид – «цифровой суверенитет». Его обеспечение включает в себя не только инфраструктурную независимость, но и регулирование всех потоков данных, цифровые платформы и взаимодействие с технологическими системами.

Проведенный сравнительно-правовой анализ международного опыта показал, что обеспечение данного вида суверенитета основывается на различных подходах к регулированию, что позволило нам выделить конкретные модели суверенитетов с последующим выявлением качественных характеристик каждого из них.

По мнению авторов, Российская модель в определенной степени сочетает в себе элементы различных подходов. Наше государство стремится обеспечить устойчивость национальной инфраструктуры и контроль над информационными потоками, прибегая к различным мерам воздействия, в том числе к жесткому ограничению.

При этом, несмотря на санкционное давление, Россия все также участвует в международных процессах регулирования цифровых технологий и ищет новые возможности экономического сотрудничества в технологической сфере между другими государствами, в частности со странами Азии, Ближнего Востока и Латинской Америки, входящих в международную организацию БРИКС.

Обобщая вышеизложенное, стоит подчеркнуть, что обеспечение цифровой независимости является комплексной задачей, требующей задействование как правовых механизмов, так и использование технологических возможностей. А государственная политика в этой области должна быть направлена на формирование устойчивой цифровой инфраструктуры в условиях глобального информационного взаимодействия и сотрудничества.

Список использованной литературы

1. **Троян, Н. А.** Правовое обеспечение цифрового суверенитета России: актуальные проблемы и перспективные направления / Н. А. Троян // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 6. – С. 169–172.
2. **Спартак, С. А.** Правовые основы цифрового суверенитета в Российской Федерации / С. А. Спартак // Пробелы в российском законодательстве. – 2025. – Т. 18. – № 5. – С. 25–34.
3. **Северин, В. А.** Правовые аспекты обеспечения информационной безопасности цифровой экономики / В. А. Северин // Пробелы в российском законодательстве. – 2023. – Т. 16. – № 8. – С. 46–51.
4. **Игнатов, А. А.** Сравнительное исследование политики по реализации цифрового суверенитета государства странами-членами БРИКС / А. А. Игнатов // Вестник международных организаций. – 2025. – № 1. – С. 96–110.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕДУРЫ ВЫДАЧИ ЗАЩИТНОГО ПРЕДПИСАНИЯ ЖЕРТВАМ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В СТРАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

В статье анализируется правовое регулирование процедуры защиты пострадавших от домашнего насилия в государствах-участниках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), проведена сравнительная характеристика особенностей данной процедуры и сформулированы предложения по ее совершенствованию в Республике Беларусь.

The article analyzes the legal regulation of the procedure for the protection of victims of domestic violence in the EAEU member states, provides a comparative description of the features of this procedure and makes proposals for its improvement in the Republic of Belarus.

Ключевые слова: защитное предписание; временный охранный ордер; государства-участники ЕАЭС; домашнее насилие; семейное насилие.

Key words: protective order; temporary protective order; EAEU member States; domestic violence; family violence.

Домашнее насилие остается одной из наиболее острых социальных и правовых проблем современности, ставя под угрозу безопасность и достоинство тысяч людей, преимущественно женщин и детей. Особую значимость в системе противодействия этому явлению приобретает своевременное и эффективное применение мер защиты, одной из которых является защитное предписание. Механизмы его выдачи, направленные на предотвращение дальнейших актов насилия и обеспечение безопасности жертвы, различаются в зависимости от национальной правовой системы. В условиях возрастающей интеграции на постсоветском пространстве, в частности, в рамках Евразийского экономического союза, исследование правового регулирования процедуры выдачи защитного предписания жертвам домашнего насилия становится особенно актуальным.

Само защитное предписание (временный охранный ордер, решение о неотложном вмешательстве) представляет собой меру индивидуальной профилактики правонарушения, направленную «на установление для лица, совершившего акт домашнего насилия, временных запретов на совершение определенных действий и обязанностей, призванных защитить пострадавшего от домашнего насилия» [1, с. 216–217].

Анализ законодательства государств-членов ЕАЭС показывает, что на текущий момент практически во всех государствах-членах, за исключением Российской Федерации, законодательно установлена процедура выдачи защитного предписания, предназначенного для жертв домашнего насилия, однако подходы к формированию такого законодательства различаются. Так, в Республике Беларусь действует Закон от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» [2], который регламентирует особенности проведения профилактических мероприятий по предупреждению ряда правонарушений (создающих условия для коррупции, способствующих возникновению чрезвычайных ситуаций и гибели людей от них, против собственности и порядка осуществления экономической деятельности), в том числе по домашнему насилию и выдаче защитного предписания.

Аналогичный, более общий подход к регулированию мер профилактики, в том числе в сфере бытового (домашнего) насилия, теперь применяется и в Республике Казахстан, где с 2026 г. действует Закон Республики Казахстан от 30 декабря 2025 г. № 245-VIII ЗРК «О профилактике правонарушений» [3], отменивший Закон № 214-IV «О профилактике бытового насилия», принятый в 2009 г.

В то же время, Кыргызская Республика и Республика Армения выбрали путь принятия специальных законов (Закон Кыргызской Республики от 27 апреля 2017 г. № 63 «Об охране и защите от семейного насилия» [4] и Закон Республики Армения от 30 декабря 2017 г. № ЗР-320 «О предотвращении семейного и бытового насилия и защите лиц, подвергшихся семейному и бытовому насилию» [5]), сфокусированных именно на вопросах противодействия семейному и бытовому насилию и защите его жертв.

Можно предположить, что переход Казахстана от узкоспециализированного закона к более общему отражает стремление к унификации правового регулирования и оптимизации законодательного массива. Это направление развития, которое уже давно реализовано в белорусском законодательстве, подтверждает общую тенденцию к укрупнению и гармонизации нормативно-правовых актов в рамках ЕАЭС. Подобная реформа связана с желанием избежать дублирования функций различных законов и создать более целостную систему профилактики правонарушений в целом. В то же время, наличие специальных законов в Кыргызстане и Армении свидетельствует о приоритетности данной проблематики и стремлении к детальной регламентации специфических мер защиты, учитывающих все нюансы домашнего (бытового) насилия.

Важно подчеркнуть, что перечисленные выше национальные законы опираются на международные правовые акты, которые определяют ориентиры для развития национальных систем профилактики насилия в семье и устанавливают общие требования к эффективности этих мер.

Как отмечалось выше, в отличие от других стран ЕАЭС, в Российской Федерации отсутствует специальное законодательство, регулирующее выдачу защитных предписаний. В условиях отсутствия специального законодательства, направленного на профилактику домашнего (бытового) насилия, зачастую единственным доступным инструментом для дистанцирования агрессора от жертвы выступает мера пресечения, предусмотренная ст. 105.1 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) Российской Федерации – запрет определенных действий [6]. Однако анализ сущности данной нормы демонстрирует, что механизм запрета определенных действий не может служить адекватной заменой институту защитного предписания.

Так, применение «запрета определенных действий» в качестве меры пресечения, предусмотренной ст. 105.1 УПК Российской Федерации, возможно лишь по решению суда в отношении лица, уже имеющего статус подозреваемого или обвиняемого. Приобретение такого статуса, согласно нормам УПК Российской Федерации, происходит исключительно после возбуждения уголовного дела (либо вынесения соответствующего постановления, задержания). Это означает, что данная мера не может быть задействована до момента формальной уголовно-правовой квалификации ситуации, что исключает ее применение на этапе, предшествующем таковой. В то же время, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, устанавливая ответственность, например, за побои, не располагает механизмами, позволяющими оперативно дистанцировать агрессора от жертвы. Следовательно, пострадавшая сторона остается незащищенной перед возможными повторными актами насилия, поскольку применение «запрета определенных действий» на данном этапе недопустимо.

Такой подход резко контрастирует с подходами, принятыми в большинстве других стран ЕАЭС, где административно-правовой механизм превентивной защиты жертв домашнего насилия все же закреплен. Тем не менее, даже в государствах, законодательно предусматривающих возможность выдачи защитного предписания (или аналогов), отсутствует единообразие в отношении оснований его выдачи, содержания и объема защитных мер.

В Кыргызской Республике основанием для выдачи временного охрannого ордера служит любое сообщение о факте семейного насилия, поступившее в правоохранительные органы, что позволяет незамедлительно инициировать процедуру защиты. Сам ордер, призванный обеспечить безопасность пострадавшего, включает целый спектр ограничительных мер: запрет на любые контакты (прямые и косвенные) с жертвой и детьми, пребывание в общем жилье, розыск и преследование пострадавшего, если его местонахождение неизвестно. Важной составляющей является обязанность агрессора пройти коррекционную программу, а также запрет на владение оружием с его временным изъятием. Важной особенностью является оперативный характер выдачи ордера, сроком на 30 дней, без возможности продления, что предполагает необходимость повторного вынесения документа при сохранении оснований.

Республика Беларусь применяет более широкий спектр оснований для выдачи защитного предписания, включая подготовку к рассмотрению дел об административных правонарушениях (в том числе умышленное причинение телесных повреждений, иные насильственные действия или нарушение предыдущего предписания), проверку по уголовному делу, или возбуждение уголовного дела по преступлениям против жизни, здоровья, половой неприкосновенности, личной свободы, чести и достоинства. Содержание предписания в целом совпадает с кыргызской моделью: запрет на выяснение местонахождения пострадавшего, посещение мест его пребывания вне общего жилья, любые формы общения (включая телефон и интернет), а также запрет на распоряжение общей собственностью. Дополнительной мерой является обязанность

агрессора временно покинуть общее жилье. Предписание вступает в силу немедленно и действует 15 суток, с возможностью продления до 30 суток при согласовании с прокурором.

Казахстанский подход к вынесению защитного предписания фокусируется на обеспечении безопасности пострадавшего с учетом его мнения. Документ вручается агрессору под расписку и запрещает ему «совершать насилие, вопреки воле потерпевшего разыскивать, преследовать, посещать его, вести устные, телефонные переговоры и вступать с ним в контакты иными способами, включая несовершеннолетних и (или) недееспособных членов его семьи» [3]. Срок действия предписания составляет 30 суток, без возможности продления, что, как и в Кыргызстане, требует повторного вынесения при сохранении оснований.

Армянское законодательство предусматривает решение о немедленном вмешательстве при наличии обоснованного предположения о непосредственной угрозе повторения насилия. Оно включает незамедлительное выселение агрессора из общего жилья с запретом на возвращение, запрет на посещение пострадавшего и его близких вне общего дома, установление судом конкретного безопасного расстояния, изъятие оружия и запрет на любые формы общения. Решение действует 20–25 суток, вступает в силу немедленно и, при невозможности вручения лично, направляется по электронной почте или заказным письмом.

Таким образом, несмотря на общую цель защиты жертв домашнего насилия, страны ЕАЭС применяют различные подходы к основаниям, содержанию и срокам действия защитных предписаний. В то время как Кыргызстан и Казахстан делают ставку на оперативное реагирование и фиксированный срок действия, Беларусь и Армения предлагают более гибкие механизмы, позволяющие продлевать меры или адаптировать их к конкретной ситуации. Это подчеркивает вариативность национальных правовых решений и указывает на необходимость дальнейшего изучения их эффективности. Вместе с тем, представляется целесообразным продолжить сравнительное исследование правового регулирования процедуры выдачи охранных предписаний в дальнейшем, уделив внимание таким аспектам, как порядок продления и обжалования защитного предписания, правовое закрепление механизма контроля за его исполнением, а также ответственность за нарушение установленных мер а также закрепление обязательности прохождения коррекционных программ.

Список использованной литературы

1. **Болохонов, Б. С.** К вопросу о необходимости дополнительной защиты жертв домашнего насилия в Республике Беларусь: гражданско-правовой аспект / Б. С. Болохонов // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. / УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» ; редкол.: И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ им. Янки Купалы, 2025. – С. 215–223.

2. **Об основах** деятельности по профилактике правонарушений : Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2014 г. № 122-З : в ред. от 8 июля 2024 г. № 26-З // *ilex* : информ. правовая система (дата обращения: 20.03.2026).

3. **О профилактике** правонарушений : Закон Респ. Казахстан от 30 дек. 2025 г. № 245-VIII ЗРК // Законодательство стран СНГ. – URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=172402 (дата обращения: 01.02.2026).

4. **Об охране** и защите от семейного насилия : Закон Кыргызской Респ. от 27 апр. 2017 г. № 63 // Законодательство стран СНГ. – URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=96641 (дата обращения: 01.02.2026).

5. **О предотвращении** семейного и бытового насилия и защите лиц, подвергшихся семейному и бытовому насилию : Закон Респ. Армения от 30 дек. 2017 г. № ЗР-320 // Законодательство стран СНГ. – URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=113919 (дата обращения: 01.02.2026).

6. **Уголовно-процессуальный** кодекс Российской Федерации : 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 05 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 08 марта 2026 г. № 50-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 01.10.2025).

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ НОТАРИАТА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОИСК БАЛАНСА МЕЖДУ ТРАДИЦИЯМИ, ЦИФРОВИЗАЦИЕЙ И АДМИНИСТРАТИВНЫМ КОНТРОЛЕМ

В статье анализируются сходства и различия нотариата Беларуси и России на основе латинской модели. Рассмотрены современные тенденции, вопросы цифровизации и реформирования. Россия активно внедряет цифровые технологии и усиливает государственный контроль, а в Беларуси цифровизация идет постепенно при поиске баланса между самоуправлением и регулированием.

The article analyzes the similarities and differences between the notariat of Belarus and Russia on the basis of the Latin model. Current trends, issues of digitalization and reform are researched. Russia is actively introducing digital technologies and strengthening state control, while in Belarus, digitalization is going on gradually in search of a balance between self-government and regulation.

Ключевые слова: Латинский нотариат; цифровизация нотариата; электронный нотариат; реформа; государственный контроль; независимость; самоуправление.

Key words: Latin notary; digitalization of the notary system; electronic notary; reform; state control; independence; self-governance.

Появление нотариата исторически обусловлено эволюцией гражданских правоотношений: по мере усложнения хозяйственного оборота возникла потребность в юридически значимом подтверждении прав и обязанностей сторон сделок. В результате нотариат органично вошел в правовую систему государств, став ее неотъемлемым институциональным элементом. Нотариальное действие охватывает одновременно и процесс его совершения, и конечный правовой результат, что определяет уникальность нотариальной функции в правовой системе.

С распадом СССР в стране начали проводить реформы, которые затронули и нотариальную деятельность. Существующий на сегодняшний день нотариат в Российской Федерации содержит все признаки и черты, свойственные классическим формам нотариата латинского типа. Ключевая цель – верховенство права, законность сделок, защита прав каждого участника правоотношений. Организационная структура включает в себя как государственные, так и частные формы. Положение нотариуса, его права и обязанности, а также пределы ответственности закреплены в законе Российской Федерации от 11 февраля 1993 г. «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» [1].

Стоит отметить, что нотариус должен руководствоваться принципами беспристрастности и независимости, а также нотариальной тайны и не представлять интересы ни одной из сторон, в его компетенции проверка законности сделок по разным критериям: дееспособность участников, соответствие содержания документа требованиям закона. Указанные требования закреплены в законе Российской Федерации от 11 февраля 1993 г. «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» [1].

Система нотариата в Республике Беларусь регулируется законом «О нотариате и нотариальной деятельности» [2] и формируется в соответствии с принципами латинского типа нотариальных учреждений, что определяет ее структурно-функциональные особенности.

В отличие от полностью государственных моделей, белорусский нотариат функционирует на условиях самофинансирования. Это означает, что его деятельность не субсидируется из средств республиканского бюджета – основным источником дохода является нотариальный тариф, взимаемый за совершение юридически значимых действий. В Республике Беларусь осуществляет деятельность Белорусская нотариальная палата, которая координирует деятельность нотариусов [2].

Анализ Закона Республики Беларусь «О нотариате и нотариальной деятельности» № 305-З (в ред. последних изменений от 9 декабря 2025 г. № 110-З, далее – Закон) показывает, что белорусский нотариат находится в стадии активного реформирования. Законодатель последова-

тельно движется от модели, существовавшей после отказа от частного нотариата в 2000-х гг., к более гибкой, цифровизированной и структурно унифицированной системе.

Изменения, внесенные в закон (особенно в редакциях 2024–2025 гг.), сгруппированных по основным направлениям реформы, повлияли на структурную реорганизацию системы нотариата:

– Упразднение нотариальных бюро (закон от 9 декабря 2025 г. № 110-З) [3] является корректировкой организационной формы деятельности нотариусов. Ранее существовали две формы нотариальных учреждений: нотариальные конторы (коллективная работа) и нотариальные бюро (индивидуальная практика). Ст. 10 теперь устанавливает, что единственной организационной формой является нотариальная контора. Нотариальные бюро упраздняются [3]. Как следует из контекста (и обсуждений в Минюсте), это делается для оптимизации нагрузки, равномерного распределения дел между нотариусами и упрощения контроля. Все нотариусы теперь работают в единой системе контор (ст. 14 уточняет, что в конторе может работать как один, так и несколько нотариусов, что фактически заменяет собой бюро).

– Добавлены положения, раскрывающие более глубокое смысловое значение принципов независимости и беспристрастности, а также детализирует институт нотариальной тайны. Так в ст. 7 (Беспристрастность) в пункте 3 внесены уточнения относительно механизма замещения нотариуса. Если нотариус не может совершить действие в силу личной заинтересованности, теперь четко прописана роль главного управления юстиции и территориальной нотариальной палаты в определении нового места совершения действия. Это усиливает административный ресурс в решении конфликтных ситуаций. Ст. 8 (Независимость) сохраняет незыбленность приверженности принципам латинского нотариата о недопустимости противоправного воздействия.

Редакция 2025 г. существенно уточняет и расширяет понятие нотариальной тайны (ст. 9), балансируя между закрытостью информации и необходимостью интеграции с госорганами. Закон теперь четко определяет, что тайна распространяется на сведения по совершенному действию, а также на сам факт обращения к нотариусу. В любом правиле есть исключения, которые явились и здесь важным нововведением, а именно публичные реестры на сайте Белорусской нотариальной палаты (БНП), размещаемые сведения о доверенностях и открытии наследственных дел, что не составляет тайну. Это повышает прозрачность и позволяет гражданам проверять актуальность доверенностей.

Существенно расширен перечень лиц, имеющих право запрашивать нотариально заверенные сведения (пункт 3 ст. 9):

- добавлены органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность (пункты 3.7–1);
- добавлены адвокаты (пункт 3.10) – для подготовки к судебным разбирательствам;
- добавлены регистраторы недвижимости (пункт 3.11);
- уточнены требования к налоговым органам (пункт 3.7) и таможне (пункт 3.6), причем требования госорганов теперь могут оформляться не только на бумаге, но и в виде электронного документа;

- введено важное концептуальное положение о юридической силе нотариального акта (ст. 9–1) Закона гласит, что нотариальный акт является «законным и достоверным подтверждением» удостоверенных в нем прав и фактов, а его содержание считается истинным, пока не доказано обратное (презумпция истинности). Это повышает доказательственную силу нотариальных документов в судах и гражданском обороте, приближая белорусскую систему к классическим стандартам латинского нотариата.

Изменения последних лет (особенно 2024–2025 гг.) направлены на легализацию и расширение электронного нотариата путем введения Единой электронной системы (ЕЭС) (ст. 13). В нее вносятся все действия, что позволяет вести централизованный учет и осуществлять удаленный контроль со стороны Минюста (упоминается в ст. 9).

Изменения существенно затронули статус и требования к нотариусам. Так ст. 10 Закона подтверждает высокие требования к нотариусу (стаж 3 года, стажировка, экзамен). Важно, что предельная численность нотариусов теперь жестко привязана к решению Совмина, а распределение по округам – к решению Минюста (с учетом мнения палаты). Это инструмент государственного планирования рынка нотариальных услуг.

Интересны положения, регулирующие статус уполномоченных лиц (ст. 11), совершающих нотариальные действия в населенных пунктах без нотариусов. Нотариальные действия совершают не просто должностные лица, а именно руководитель, его заместитель или член исполкома. Это сужает круг возможных «заместителей».

Основной вектор изменений последних лет (2024–2025) – переход от дуализма «контора/бюро» к единому статусу нотариусов и системе нотариальных контор. Это усиливает управ-

ляемость системы со стороны Министерства юстиции и нотариальных палат, позволяя эффективнее перераспределять нагрузку.

Цифровая трансформация в Законе отразилась в адаптации его положений под реалии электронного взаимодействия через создание публичных реестров, через обмен данными с госорганами в электронной форме и введения понятия единой электронной системы (ЕЭС).

К тому же законодатель пытается найти баланс между строго охраняемой нотариальной тайной (с расширением ответственности за ее разглашение) и созданием публичных сервисов (проверка доверенностей, наследственных дел) для удобства граждан и бизнеса.

Введение презумпции достоверности нотариального акта (ст. 9–1) укрепляет позиции нотариата как органа превентивного правосудия.

Несмотря на общую основу латинского нотариата, современный этап развития двух систем характеризуется наличием ряда острых проблем, связанных с поиском баланса между независимостью нотариата и государственным контролем, а также с экономической основой его деятельности.

В России ключевой проблемной точкой является разработанный Минюстом России проект федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации». Анализ положений законопроекта вызывает серьезную обеспокоенность у профессионального сообщества относительно сохранения принципов независимости и самоуправления нотариата [7]. Суть проблемы заключается в значительном расширении полномочий органов юстиции за счет функций нотариальных палат. Предлагается передать Минюсту ряд ключевых полномочий: допуск к профессии (проведение квалификационных экзаменов, конкурсов на замещение должностей), утверждение состава апелляционных комиссий, основания и порядок привлечения нотариусов к ответственности. Критики законопроекта отмечают, что такое усиление государственного контроля, исключаящее нотариальные палаты из этих процессов, может нивелировать принципы самоуправления и независимости, превратив нотариуса из независимого юриста в агента государства. Это, в свою очередь, способно снизить эффективность нотариата как института бесспорной юрисдикции [7].

Еще одна проблема касается экономических основ деятельности. Действующее законодательство не предусматривает оплаты ряда обязательных действий нотариуса, таких как правовая экспертиза документов, направление запросов, консультирование в рамках подготовки к сделке, если сама сделка по объективным причинам не состоялась. Кроме того, остается открытым вопрос компенсации нотариусам недополученных доходов от предоставленных ими льгот отдельным категориям граждан, что создает финансовую нагрузку на нотариат как на институт [5].

В Беларуси проблемное поле также связано с реформированием, но имеет иную направленность. Здесь основная задача – оптимизировать систему, сделав ее более доступной и прозрачной, без кардинальной ломки принципов самоуправления.

Ключевой проблемой, признанной на официальном уровне, является неравномерная нагрузка на нотариусов и, как следствие, наличие очередей в отдельных населенных пунктах. Министр юстиции Республики Беларусь Евгений Коваленко прямо указал на недопустимость очередей, что требует «равномерного распределения нагрузки между нотариусами и внедрения удаленных механизмов работы» [8]. В связи с этим возникла необходимость структурной реформы, выраженной во внесении изменений в Закон в декабре 2025 г. [3]. Это делается для оптимизации нагрузки и улучшения качества обслуживания.

В обеих странах происходит активное внедрение цифровых технологий, однако темпы и охват этого процесса различаются. Если Россия уже несколько лет реализует масштабный проект по созданию Единой информационной системы (ЕИС), то Беларусь находится на этапе активного законодательного закрепления и внедрения удаленных форматов.

Российский нотариат демонстрирует высокие темпы цифровизации. Как отметил Президент Федеральной нотариальной палаты (ФНП) Константин Корсик, проекту «электронного нотариата» в 2025 г. исполнилось 11 лет, и он развивается исключительно за счет средств самого нотариата [7]. Его основные достижения заключаются в наличии Единой информационной системы (ЕИС) нотариата, на базе которой работают публичные реестры (залог движимого имущества, проверка доверенностей) и сервисы, обеспечивающие стабильность гражданского оборота; во возможности удостоверения сделок двумя и более нотариусами, находящимися в разных городах (дистанционные сделки), активно растет. По итогам 2024 г. число таких сделок увеличилось в 1,7 раза; нотариусы работают в режиме «одного окна», оперативно запрашивая сведения из госреестров. Благодаря интеграции с Росреестром, срок регистрации прав по нотариальным документам сократился в среднем до 4 ч; в интеграции сервиса записи к нота-

риусу через портал Госуслуг, к которому подключено более 90% нотариусов. Средняя оценка сервиса пользователями – 4,75 балла. В планах – распространить эту опцию на юридических лиц и расширить перечень доступных для записи действий [7].

Также рассматривается возможность использования искусственного интеллекта для решения рутинных задач (обработка данных, подготовка проектов документов), что позволит нотариусу сфокусироваться на главной задаче – проверке воли и волеизъявления человека [5].

Проведенный сравнительный анализ показывает, что нотариат Республики Беларусь и Российской Федерации, имея общие исторические корни и принадлежность к латинскому типу, в последние годы демонстрирует как сходные, так и существенно различающиеся тенденции развития.

В части цифровизации обе страны движутся в сторону расширения удаленных услуг и электронного документооборота. Однако Россия выступает в роли технологического лидера, уже несколько лет эксплуатируя развитую ЕИС и интегрируясь с порталом госуслуг [4], в то время как Беларусь находится на этапе активного законодательного закрепления аналогичных механизмов, совершая «догоняющий» рывок.

Ключевое различие прослеживается в векторе административного реформирования. В России разработанный Минюстом законопроект вызывает серьезную дискуссию из-за риска усиления государственного контроля и ослабления принципов самоуправления и независимости нотариата, что может подорвать саму природу латинского нотариата. В Беларуси реформа направлена на решение практических проблем доступности и нагрузки через структурную оптимизацию (упразднение бюро), но также сопровождается тенденцией к усилению роли Минюста в согласовании ключевых решений нотариальных палат.

Таким образом, перед обеими странами стоит общая задача – найти оптимальный баланс между публичными интересами государства, требующего контроля, и независимым статусом нотариуса как гаранта законности и предупредительного правосудия, особенно в условиях активной цифровой трансформации.

Список использованной литературы

1. **Основы** законодательства Российской Федерации о нотариате : Федерал. закон от 11 февр. 1993 г. № 4462-1 // Ведомости съезда Народных Депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 10. – С. 357.
2. **О нотариате** и нотариальной деятельности : Закон Респ. Беларусь от 18 июля 2004 г. № 305-3. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10400305> (дата обращения: 16.03.2026).
3. **Об изменении** законов по вопросам нотариальной деятельности : Закон Респ. Беларусь от 9 дек. 2025 г. № 110-3 // iLex : информ. правовая система (дата обращения: 05.04.2026).
4. **Летова, Н. В.** Реформа нотариата в России: состояние и перспективы / Н. В. Летова // Нотариус. – 2025. – № 3. – С. 13–19. – DOI 10.18572/1813–1204-2025-3-13-19.
5. **Технологии**, социальные проекты и перспективы развития нотариата обсудили на правовом конгрессе в Екатеринбурге // Нотариальная палата республики Марий Эл. – URL: <https://notariat12.ru/news/view/1339> (дата обращения: 16.03.2026).
6. **В БНП** состоялось выездное совещание Министерства юстиции по вопросам совершенствования деятельности нотариата // Белорусская нотариальная палата. – 2025. – URL: <https://grodno.belnotary.by/novosti/novosti-bnp/v-bnp-sostoyalos-vyezdnoe-soveshchanie-ministerstva-yustitsii-po-voprosam-sovershenstvovaniya-deyate/> (дата обращения: 16.03.2026).
7. **В Совете** Федерации обсудили развитие российского нотариата // notariat.ru. – 2025. – URL: <https://45.notariat.ru/ru-ru/news/v-sovete-federacii-obsudili-razvitie-rossijskogo-notariata-2507> (дата обращения: 16.03.2026).
8. **Евгений** Коваленко о развитии системы нотариата: оптимизация должна произойти максимально плавно // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 2025. – URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2025/october/90710/> (дата обращения: 16.03.2026).
9. **В многофункциональном** центре БНП обсудили новации по проекту закона «Об изменении законов по вопросам нотариальной деятельности» // Белорусская нотариальная палата. – 2025. – URL: <https://belnotary.by/novosti/novosti-bnp/v-mnogofunktsionalnom-tsentre-bnp-obsudili-novatsii-po-proektu-zakona-ob-izmenenii-zakonov-po-vopros/> (дата обращения: 16.03.2026).

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГАРАНТИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ МОЛОДЕЖИ В БЕЛАРУСИ

В данной статье подвергнут анализу институт гарантий социально-экономических прав молодежи в Республике Беларусь. Сделан вывод о необходимости более полного и комплексного регулирования правового статуса «молодого специалиста» и «молодого рабочего (служащего)».

This article analyzes the institution of guarantees of the socioeconomic rights of youth in the Republic of Belarus. It concludes that more comprehensive and comprehensive regulation of the legal status of “young professionals” and “young workers (employees)” is necessary.

Ключевые слова: социально-экономические права; конституционные гарантии; трудовое законодательство; социальное обеспечение; «молодой специалист»; «молодой рабочий (служащий)».

Key words: socio-economic rights; constitutional guarantees; labor legislation; social security; “young specialist”; “young worker (employee)”.

В соответствии со ст. 1 Конституции Республики Беларусь наша страна провозглашается социальным государством [1], т. е. государством, которое обязывается обеспечить достойный уровень жизни человеку, помогать тем, кто в силу разных обстоятельств не в состоянии обеспечить себя прожиточным минимумом.

Особую поддержку государство оказывает молодежи, что вытекает из положений ст. 32¹ Конституции Республики Беларусь, согласно которой государство способствует духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию молодежи, создает необходимые условия для ее свободного и эффективного участия в общественной жизни, реализации потенциала молодежи в интересах всего общества [1].

Указанные конституционные положения нашли свое дальнейшее развитие в нормах Закона Республики Беларусь от 7 декабря 2009 г. № 65-З «Об основах государственной молодежной политики» (далее – Закон), в котором определены цели, принципы и основные направления государственной молодежной политики. Под государственной молодежной политикой согласно ст. 1 Закона понимается система социальных, экономических, политических, организационных, правовых и иных мер, направленных на поддержку молодежи и осуществляемых государством в целях социального становления и развития молодежи, наиболее полной реализации ее потенциала в интересах всего общества [2].

Основные направления государственной молодежной политики перечислены в ст. 12 Закона [2]. Ключевым направлением является содействие реализации права молодежи на труд как наиболее достойного способа самоутверждения человека.

Меры по реализации данного направления закреплены в ст. 16 Закона. В частности, к ним относятся следующие:

- возможность осуществлять самостоятельную трудовую деятельность в порядке, предусмотренном трудовым законодательством;
- предоставление первого рабочего места и иные гарантии в области содействия занятости в соответствии с законодательством о труде, законодательством о занятости населения;
- возможность включения в коллективные договоры положений о предоставлении молодежи дополнительных гарантий в области охраны труда, рабочего времени, отпусков и других трудовых и социально-экономических условий в соответствии с законодательством о труде;
- организация временной трудовой занятости молодежи, обучающейся в учреждениях образования, в свободное от учебы время, для приобщения ее к общественно полезному труду и получения ею трудовых навыков [2].

В Трудовом кодексе Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 296-З (далее – ТК) содержится глава 20 «Особенности регулирования труда молодежи». В ней получили правовое регулирование такие вопросы, как возраст, с которого допускается заключение трудового дого-

вора, права несовершеннолетних в трудовых правоотношениях, гарантии, предоставляемые несовершеннолетним в трудовой сфере, и т. д. [3].

Анализ норм гл. 20 ТК показывает, что они регулируют, прежде всего, особенности правового статуса работников моложе восемнадцати лет. В то же время согласно ст. 1 Закона молодыми гражданами (молодежью) являются граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие в Республике Беларусь, в возрасте от четырнадцати до тридцати одного года. Следовательно, особенности правового статуса работников в возрасте от восемнадцати лет до тридцати одного года не получило должного правового регулирования, что представляется определенным правовым пробелом.

В этом плане следует обратить внимание на несколько фрагментарное и неполное закрепление в действующем законодательстве статуса «молодого рабочего (служащего)» и «молодого специалиста».

Так, согласно ч. 5 ст. 28 ТК запрещено устанавливать предварительное испытание при заключении трудового договора для молодых рабочих (служащих), получивших профессионально-техническое образование, и молодых специалистов, получивших среднее специальное, высшее или научно-ориентированное образование [3].

В силу абзаца 1 ч. 1 ст. 342 ТК лицам, уволенным с военной службы, альтернативной службы, гарантируется сохранение в течение трех месяцев со дня, следующего за днем окончания состояния на военной службе, прохождения альтернативной службы, права поступления на работу к тому же нанимателю на должность служащего (профессию рабочего), равноценную занимаемой до призыва на военную службу, направления на альтернативную службу, а лицам из числа молодых специалистов, молодых рабочих (служащих) – права на занятие прежней должности служащего (профессии рабочего) [3].

Следует отметить, что на практике правовой статус молодых специалистов, молодых рабочих (служащих) в социально-трудовой сфере, как правило, более детально регулируется в локальных правовых актах нанимателя и, прежде всего, в коллективных договорах. Такой подход заслуживает поддержки.

Вместе с тем, следует отметить, что в ст. 364 ТК, в которой перечисляются положения, которые могут содержаться в коллективном договоре организации нет упоминания о предоставлении дополнительных гарантий молодым специалистам, молодым рабочим (служащим).

В связи с этим полагаем необходимым дополнить ст. 364 ТК соответствующим положением о возможности включения в коллективные договоры положений о предоставлении указанным категориям работников дополнительных гарантий в области охраны труда, рабочего времени, отпусков и других трудовых и социально-экономических условий.

Список использованной литературы

1. **Конституция** Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. : с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 10.03.2026).

2. **Об основах** государственной молодежной политики : Закон Респ. Беларусь от 7 дек. 2009 г. № 65-З : с изм. и доп. от 11 октября 2004 г. № 36-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 10.03.2026).

3. **Трудовой** кодекс Республики Беларусь : 26 июля 1999 г. № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : с изм. от 29 июля 2023 г. № 273-З : по состоянию на 1 янв. 2024 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 10.03.2026).

АКТЫ ПРОКУРОРСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ НА ВЫЯВЛЕННЫЕ НАРУШЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПОРЯДОК ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье рассматриваются правовая природа, виды и порядок реализации актов прокурорского надзора как основного средства реагирования на выявленные нарушения законодательства в Республике Беларусь. На основе анализа норм главы 10 Закона «О прокуратуре Республики Беларусь», положений административного и процессуального законодательства, а также научных исследований раскрываются особенности применения протеста, представления, постановления, предписания и официального предупреждения. Выявляются проблемные аспекты правового регулирования и правоприменительной практики, связанные с реализацией данных актов, и предлагаются пути их совершенствования.

This article examines the legal nature, types, and procedures for implementing prosecutorial oversight as the primary means of responding to identified violations of the law in the Republic of Belarus. Based on an analysis of Chapter 10 of the Law “On the Prosecutor’s Office of the Republic of Belarus,” provisions of administrative and procedural legislation, and scientific research, the article explores the specifics of applying protests, petitions, resolutions, orders, and official warnings. It identifies problematic aspects of legal regulation and law enforcement practices related to the implementation of these regulations and proposes ways to improve them.

Ключевые слова: прокуратура; прокурорский надзор; акты прокурорского надзора; протест; представление; постановление; предписание; официальное предупреждение; законность.

Key words: prosecutor’s office; prosecutorial supervision; acts of prosecutorial supervision; protest; submission; resolution; order; official warning; legality.

Эффективность прокурорского надзора, являющегося важнейшим механизмом обеспечения законности в деятельности государственных органов, организаций и должностных лиц, напрямую зависит от своевременности и обоснованности применения мер прокурорского реагирования. Согласно ст. 22 Закона Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее – Закон о прокуратуре), при установлении нарушений закона прокурор обязан использовать предоставленные ему полномочия, которые реализуются посредством вынесения специальных правовых актов – актов прокурорского надзора. Как отмечается в научных исследованиях, именно акты прокурорского реагирования являются ключевым элементом механизма обеспечения законности в сфере государственного управления, выступая не только средством устранения нарушений, но и важным инструментом их предупреждения [1, с. 10].

Исследователь Т. И. Отческая считает, что акты прокурорского реагирования следует рассматривать как ответные действия должностных лиц органов прокуратуры на нарушения закона [2, с. 70].

По мнению М. В. Бызовой, под актом прокурорского реагирования понимается специфическое установленное законом правовое средство, применяемое указанными в законе должностными лицами органов прокуратуры в ходе осуществления своих надзорных и ненадзорных полномочий, а также внешняя форма реализации полномочий по выявлению нарушений закона, их причин и способствующих им условий [3].

Акты прокурорского реагирования имеют процессуальный характер. Они составляются в определенной форме, содержат соответствующие реквизиты. Закон определяет порядок вынесения и рассмотрения актов прокурорского реагирования, права и обязанности прокурора и лиц, рассматривающих эти акты. В актах прокурорского реагирования должны быть изложены сущность правонарушения, его последствия, причины и условия, способствовавшие его совершению [4, с. 97].

Специалисты выделяют следующие характерные признаки акта прокурорского реагирования:

- письменная форма выражения;
- вынесение акта единолично компетентным должностным лицом органа прокуратуры;
- соответствие акта прокурорского реагирования закону по форме и своему содержанию;

- императивный характер, предполагающий обязательность исполнения под угрозой ответственности;
- выступает основанием возникновения, изменения либо прекращения определенных правоотношений;
- имеет адресата – конкретное лицо или орган (организация).

Форма акта прокурорского реагирования должна соответствовать предъявляемым законодательством требованиям [2, с. 71].

Система актов прокурорского реагирования закреплена в гл. 10 Закона о прокуратуре [5]. Она включает в себя пять основных документов: представление, протест, постановление, предписание и официальное предупреждение. Каждый из этих актов имеет свою правовую природу, специфические основания применения и процедуру реализации, направленную на восстановление нарушенной законности и привлечение виновных лиц к ответственности [6, с. 235–284].

В соответствии со ст. 38 Закона о прокуратуре, представление – это акт прокурорского надзора, содержащий требование об устранении нарушений законодательства, а также причин и условий, способствующих этим нарушениям [5].

Представление носит, как правило, предупредительно-профилактический характер. Оно вносится прокурором или его заместителем в государственный орган, иную организацию или должностному лицу, которые правомочны устранить допущенные нарушения. Представление используется в случаях, когда прокурор, обобщая практику или проводя проверки, устанавливает факты, свидетельствующие об отсутствии порядка, дисциплины или организованности в деятельности тех или иных звеньев управления [6, с. 267].

Порядок реализации представления строго регламентирован. Оно подлежит безотлагательному рассмотрению. В месячный срок со дня поступления представления должны быть приняты меры по выполнению содержащихся в нем требований, о чем в письменной форме сообщается прокурору. Если представление рассматривается коллегиальным органом, прокурор заранее уведомляется о времени и месте заседания и вправе лично участвовать в его рассмотрении [5].

Протест (ст. 39 Закона о прокуратуре) является одним из наиболее действенных и востребованных актов прокурорского реагирования. Он приносится руководителем органа прокуратуры или его заместителем на противоречащие законодательству правовые акты и решения, действия (бездействие) республиканских органов государственного управления, местных представительных, исполнительных и распорядительных органов, иных организаций, должностных лиц и индивидуальных предпринимателей [5].

Протест представляет собой требование об устранении имеющихся в правовом акте положений, противоречащих закону, приведении его в соответствие с законодательством либо его отмене [1, с. 10]. Протест может быть принесен в орган, издавший акт, либо в вышестоящий орган, либо непосредственно в суд.

Ключевыми особенностями протеста являются:

- Сокращенный срок рассмотрения – не позднее 10 дней с момента поступления, а для местных представительных органов – на ближайшей сессии.
- Приостанавливающее действие – принесение протеста приостанавливает исполнение опротестованного акта или решения, а также совершение действия.
- Судебная защита – в случае отклонения протеста или его нерассмотрения в срок прокурор вправе обратиться в суд с заявлением об отмене (изменении) незаконного акта или о прекращении незаконного действия. Подача такого заявления также приостанавливает действие оспариваемого акта [5].

В научной литературе обращается внимание на то, что до настоящего времени процессуальным законодательством не в полной мере урегулирована процедура судебной защиты протеста. Отмечается необходимость унификации гражданского процессуального и хозяйственного процессуального законодательства в этой части, в частности, путем дополнения Гражданского процессуального кодекса главой, аналогичной гл. 25 Хозяйственного процессуального кодекса, регулирующей производство по делам о проверке законности ненормативных правовых актов [1, с. 10].

Ст. 40 Закона о прокуратуре определяет постановление как акт прокурорского надзора, содержащий мотивированное решение прокурора или его заместителя о возбуждении уголовного дела, дисциплинарного производства или о привлечении лица к материальной ответственности [5].

Постановление является специфическим актом, поскольку оно не просто констатирует нарушение, а непосредственно инициирует юридический процесс по привлечению виновного лица к установленной законом ответственности. Закон различает два вида постановлений в зависимости от порядка их исполнения:

Постановление о возбуждении дисциплинарного производства или о привлечении к материальной ответственности подлежит исполнению в десятидневный срок.

Иные постановления (например, об освобождении лица, незаконно подвергнутого административному задержанию) подлежат рассмотрению и исполнению в срок, установленный прокурором.

Постановление может быть отозвано вынесшим его прокурором или вышестоящим прокурором до его исполнения.

Специалист А. В. Гавриленко отмечает, что в абзаце 1 пункта 3 ст. 40 Закона о прокуратуре речь идет не об «исполнении» постановления о возбуждении дисциплинарного производства, а о его «рассмотрении» [1, с. 10]. Чтобы более точно отразить правовую природу данного акта и в целях совершенствования правового регулирования предлагаем изложить абзац 1 пункта 3 ст. 40 Закона о прокуратуре в следующей редакции: «Постановление о возбуждении дисциплинарного производства или о привлечении лица к материальной ответственности подлежит рассмотрению соответствующим государственным органом, иной организацией или должностным лицом в десятидневный срок со дня его поступления».

Предписание (ст. 41 Закона о прокуратуре) – это акт прокурорского надзора об устранении нарушений законодательства, выносимый в исключительных случаях, когда нарушение носит явный характер и может причинить существенный вред правам и законным интересам граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, и организаций, общественным и государственным интересам, если оно не будет немедленно устранено [5].

Особенностью предписания является его немедленная исполнимость. Оно подлежит исполнению не позднее пяти рабочих дней со дня его поступления или объявления. Данный акт может быть обжалован вышестоящему прокурору, однако обжалование не приостанавливает его исполнение. Это подчеркивает оперативный характер предписания как средства быстрого реагирования на грубые и очевидные нарушения закона [6, с. 281].

Ст. 42 Закона о прокуратуре вводит такой акт, как официальное предупреждение. Оно выносится руководителем органа прокуратуры или его заместителем в целях предупреждения правонарушений. Предупреждение объявляется должностному лицу или иному гражданину о недопустимости повторного совершения правонарушений, влекущих ответственность, либо о недопустимости подготовки к совершению противоправных действий [5].

Официальное предупреждение выносится при наличии сведений о готовящихся противоправных действиях. Данный акт носит ярко выраженный профилактический характер. В случае неисполнения требований, изложенных в официальном предупреждении, лицо, которому оно было объявлено, может быть привлечено к ответственности в установленном законом порядке. Предупреждение может быть обжаловано вышестоящему прокурору, а затем – в суд.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что институт актов прокурорского надзора в Республике Беларусь представляет собой стройную и эффективную систему правовых средств, позволяющую прокурору оперативно и адекватно реагировать на выявленные нарушения законодательства. Каждый из пяти актов – представление, протест, постановление, предписание и официальное предупреждение – занимает свое уникальное место в механизме прокурорского реагирования, обладая специфическими основаниями применения, процедурными особенностями и правовыми последствиями.

Вместе с тем, отдельные аспекты реализации этих актов, в частности судебная защита протеста, а также терминологическая точность законодательных формулировок (например, «исполнение» или «рассмотрение» постановления), требуют дальнейшего совершенствования. Решение этих вопросов позволит повысить эффективность прокурорской деятельности по защите прав и законных интересов граждан и юридических лиц, а также укрепить законность в деятельности органов государственного управления и иных субъектов.

Список использованной литературы

1. Гавриленко, А. В. Обеспечение законности в сфере государственного управления Республики Беларусь средствами прокурорского надзора: административно-правовой аспект / А. В. Гавриленко. – Мн., 2018. – 29 с.

Теоретические подходы к пониманию эстоппеля отличаются определенной сложностью, анализ научной литературы показывает отсутствие единого подхода к определению его правовой природы. Так, белорусские исследователи рассматривают эстоппель преимущественно через призму принципа добросовестности. Я. И. Функ и А. Я. Чигилейчик-Функ обосновывают, что эстоппель является прямой проекцией морально-этических норм в правовую систему, реализуемой через ст. 2 и ст. 9 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь). Они рассматривают его как эффективный механизм защиты от злоупотреблений, подчеркивая его оценочный характер и зависимость от судебного усмотрения [1, с. 339–340, 342].

В свою очередь, С. В. Садовников, анализируя применение эстоппеля в делах о банкротстве, предлагает четкое разграничение его видов. Он определяет материальный эстоппель как институт договорного права, защищающий интересы сторон сделки, и процессуальный эстоппель – как инструмент пресечения недобросовестного процессуального поведения (изменение позиции, немотивированные возражения), направленный на обеспечение стабильности судопроизводства [2, с. 80–81].

Л. В. Царёва и А. А. Купрейчик на основе сравнительно-правового анализа выделяют в моделях закрепления принципа добросовестности общегражданский принцип, принцип обязательственного (договорного) права, специальные нормы в рамках отдельных институтов договорного права и отсутствие закрепления в писаном источнике, отмечая при этом, что эффективность применения данного принципа зависит не от модели закрепления самой по себе, а от «судебного активизма» [3, с. 105–106].

Российская доктрина также неоднородна. С. Ю. Сычев критикует фрагментарную рецепцию английской модели, которая привела к появлению в Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК Российской Федерации) множества «частных эстоппелей» (пункт 5 ст. 166, пункт 2 ст. 431.1, пункт 3 ст. 432 и др.). Ученый указывает на возникающие в связи с этим коллизии и дублирование норм, призывая к осмысленной адаптации института, а не к механическому копированию [4, с. 335–336]. В противовес этому Е. П. Новикова приветствует внедрение эстоппеля как необходимого инструмента борьбы с процессуальными злоупотреблениями и подчеркивает его тесную связь с принципом добросовестности, закрепленным в пункте 3 ст. 1 ГК Российской Федерации [4, с. 48–49].

Можно заметить, если белорусские авторы видят в эстоппеле прежде всего инструмент для реализации принципа добросовестности в условиях его прямого нормативного закрепления, то российские исследователи сосредоточены на проблемах юридической техники и коллизионности воспринятых норм, отмечая их «лоскутный» характер.

Законодательное закрепление и нормативная основа в Беларуси и России также имеет различия. В Российской Федерации принцип эстоппель получил прямое нормативное закрепление в ГК Российской Федерации (в редакции 2013–2014 гг.). Ключевыми нормами являются: пункт 5 ст. 166 (недопустимость оспаривания сделки при недобросовестном поведении), пункт 3 ст. 432 (запрет требовать признания договора незаключенным при подтверждении его действия), пункт 2 ст. 431.1 (ограничения для оспаривания предпринимательских договоров), пункт 5 ст. 450.1 (утрата права на отказ от договора при подтверждении его действия). Кроме того, процессуальный аспект эстоппеля вытекает из принципа состязательности и добросовестности, закрепленных в ст. 9, ст. 41, ст. 65 (АПК) Российской Федерации, и сформулирован в судебной практике Верховного Суда Российской Федерации.

В законодательстве Республики Беларусь термин «эстоппель» отсутствует, а его роль выполняют нормы ГК и Кодекса гражданского судопроизводства (далее – КГС) (до 1 января 2026 г. – нормы Хозяйственного процессуального кодекса (далее – ХПК)), основанные на принципе добросовестности. К ним относятся: пункт 4 ст. 167, пункт 2 ст. 401¹, пункт 3 ст. 402 ГК Республики Беларусь, а также относились: ч. 7 ст. 14, ч. 1 ст. 16, ч. 3 ст. 186 ХПК, реализующие запрет противоречивого поведения в хозяйственном (арбитражном) процессе. В настоящее время в судах общей юрисдикции аналогичную функцию выполняют нормы КГС, в частности ст. 20 (принцип добросовестности лиц, участвующих в деле) и ст. 110 (обязанность доказывания), которые служат основой для пресечения недобросовестного процессуального поведения. Как отмечает С. В. Садовников, с вступлением в силу с 19 ноября 2024 г. новой редакции ГК Республики Беларусь принцип добросовестности и, как следствие, эстоппель, получили дополнительное развитие в нормах о переговорах (ст. 404¹), об отказе от договора (ст. 420¹) и др. [2, с. 80]. Таким образом, Беларусь идет по пути имплицитного закрепления эстоппеля через общие положения о добросовестности, тогда как Россия выбрала путь эксплицитного включения конкретных составов в текст закона.

Анализ судебной практики позволяет выявить ряд проблем:

1. Соотношение материального и процессуального эстоппеля в банкротстве. С. В. Садовников на примере российского дела (определение ВС Российской Федерации № 305-ЭС17-15339) и белорусской практики убедительно доказывает, что в делах о банкротстве правила материального эстоппеля не применяются к оспариванию сделок должника. Интересы кредиторов как третьих лиц имеют приоритет перед запретом на противоречивое поведение стороны сделки (должника). В то же время процессуальный эстоппель в банкротстве активно используется для пресечения непоследовательного поведения кредиторов (например, изменение позиции относительно наличия признаков банкротства или согласования с отчетом управляющего) [2, с. 80–81].

2. Коллизия и дублирование норм в ГК Российской Федерации. С. Ю. Сычев указывает на неопределенность в разграничении сфер действия пункта 2 и пункта 5 ст. 166 ГК Российской Федерации, которые во многом дублируют друг друга. Он также обращает внимание на то, что пункт 5 ст. 450.1 ГК Российской Федерации может трактоваться трояко: как эстоппель, как односторонняя сделка (отказ от права) и как срок для реализации права. Это создает почву для судебных ошибок и злоупотреблений [4, с. 335]. Российские суды, сталкиваясь с этими коллизиями, зачастую ссылаются на обе нормы сразу, чтобы минимизировать риск отмены решения.

3. «ИмPLICITное» применение эстоппеля в Беларуси. Как отмечают все белорусские авторы, суды Республики Беларусь применяют правила, аналогичные эстоппелю, но без прямой ссылки на доктрину. С. В. Садовников приводит примеры из практики Верховного Суда и экономических судов, где возражения кредиторов, заявленные только на финальной стадии процесса или противоречащие их предшествующему поведению (например, пассивное одобрение действий управляющего), отклонялись на основе принципа добросовестности [2, с. 83]. В практике судов общей юрисдикции аналогичный подход реализуется через применение ст. 20 КГС, которая обязывает лиц, участвующих в деле, добросовестно пользоваться принадлежащими им процессуальными правами. Проблема здесь заключается в отсутствии единообразия и предсказуемости: применение принципа сильно зависит от усмотрения конкретного судьи, что повышает риски для участников процесса.

Проведенный анализ демонстрирует, что, несмотря на разную степень формализации, доктрина эстоппеля активно внедряется в правовые системы Беларуси и России как необходимый инструмент поддержания добросовестности и стабильности гражданского оборота. Теоретические подходы затрагивают вопросы признания его проекцией морали, деления на виды, характеристики моделей закрепления и критику фрагментарной рецепции. Основные проблемы связаны с коллизией норм в российском праве и импlicitным, непредсказуемым характером применения в белорусском праве. Решение видится не в механическом заимствовании новых видов эстоппеля, а в выработке высшими судебными инстанциями четких критериев его применения, основанных на едином понимании принципа добросовестности, что будет способствовать унификации практики и повышению защищенности участников гражданского оборота.

Список использованной литературы

1. **Функ, Я. И.** Реализация принципа эстоппель в праве Республики Беларусь (о новых возможностях для защиты интересов физических и юридических лиц, в том числе в суде, через «применения норм морали», в рамках правовой системы Республики Беларусь) / Я. И. Функ, А. Я. Чигилейчик-Функ // Теоретико-прикладные перспективы правового обеспечения развития экономики : материалы Междунар. круглого стола, Минск, Беларусь, 24 окт. 2023 г. / БГУ, Юридический фак., Каф. хозяйственного права ; редкол.: Н. Л. Бондаренко (гл. ред.), А. В. Гавриленко, Т. М. Халецкая. – Мн. : БГУ, 2023. – С. 339–345.

2. **Садовников, С.** Эстоппель в ходе урегулирования неплатежеспособности / С. Садовников // Судовы веснік. – 2025. – № 1. – С. 79–84.

3. **Царёва, Л. В.** Добросовестность в договорном праве: от общего к частному и от частного к общему // Л. В. Царёва, А. А. Купрейчик // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2023. – С. 99–107.

4. **Сычев, С. Ю.** Проблемы внедрения в систему российского права эстоппеля / С. Ю. Сычев // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – Т. 10. – № 2. – С. 332–337.

5. **Новикова, Е. П.** Принцип «эстоппель» в российском праве: понятие, особенности использования в правоприменительной практике / Е. П. Новикова // Правовое регулирование экономической деятельности. – 2022. – № 1. – С. 45–51.

ОБЗОР ТЕНДЕНЦИЙ В ФИНАНСИРОВАНИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Статья посвящена обзору тенденций в финансировании высшего образования в России. Представлена динамика количества образовательных организаций, в том числе по форме собственности, оказывающих услуги высшего образования. Авторами определен основной источник финансирования обучения, а также роль государства в осуществлении приема на обучение по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры.

The article is devoted to an overview of trends in the financing of higher education in Russia. The dynamics of the number of educational organizations, including by form of ownership, providing higher education services is presented. The authors have identified the main source of funding for education, as well as the role of the state in the implementation of admission to bachelor's, specialist's and master's degree programs.

Ключевые слова: государственное финансирование; высшее образование; бюджетные места; стоимость обучения; платные образовательные услуги.

Key words: government financing; higher education; budget places; tuition fees; paid educational services.

В современной России возможность получения высшего образования формируется под влиянием множества факторов, среди которых ключевую роль играют государственные расходы и политика финансирования образовательных учреждений. В последние годы наблюдается тенденция к росту затрат на обучение, что связано как с инфляцией, так и с изменениями в структуре государственного финансирования и регулирования платного приема.

Высшее образование выступает ключевым элементом национальной системы образования и важнейшим фактором социально-экономического развития страны. Целью высшего образования, согласно Федеральному закону от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ, является «обеспечение подготовки высококвалифицированных кадров по всем основным направлениям общественно полезной деятельности в соответствии с потребностями общества и государства, удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии, углублении и расширении образования, научно-педагогической квалификации» [1].

На начало 2024/25 учеб. года, по данным краткого статистического сборника «Образование в цифрах», опубликованного Институтом статистических исследований и экономики знаний НИУ «Высшая школа экономики» [2], в системе высшего образования Российской Федерации действует 739 организаций (2023/24 учеб. год – 724 ед.; 2022/23 учеб. год – 722 ед.), осуществляющих образовательную деятельность по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры. В их числе 497 ед. государственных и муниципальных организаций и 242 ед. частных организаций (рисунок 1).

Рисунок 1 – Распределение количества вузов в 2024/25 учеб. году по форме собственности

Примечание – Составлено автором по данным источника [2].

Рассмотрим количество организаций, осуществляющих образовательную деятельность по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры (таблица 1).

Таблица 1 – Количество образовательных организаций по форме собственности, ед.

Форма собственности	2020–2021	2021–2022	2022–2023	2023–2024	2024–2025
Государственные и муниципальные	497	501	500	497	497
Частные	213	216	222	227	242
Итого	710	717	722	724	739

Примечание – Составлено автором на основе данных источника [2].

По представленным данным очевидно, что большая часть образовательных организаций высшего образования (67–70%) является государственными и муниципальными, остальные – частные. Количество частных образовательных организаций аналогично общему количеству образовательных организаций ежегодно возрастает, в общей сложности за 5 лет на 13% и 4% соответственно. Динамика государственных и муниципальных образовательных организаций имеет волнообразный характер: спад прошлого года сопровождается ростом в последующем году.

В современных экономических условиях главным источником финансирования обучения по программам высшего образования является государственный бюджет. Рассмотрим объемы государственных расходов на высшее образование (таблица 2).

Таблица 2 – Расходы на высшее образование, млрд р.

Категория	2020	2021	2022	2023
Высшее образование	1 061,7	1 130,2	1 238,1	1 372,3

Примечание – Составлено автором на основе данных источника [2].

Исходя из представленных данных, можно наблюдать планомерный рост расходов государства ежегодно с 6 до 10% на высшее образование. Вклад бюджетных средств в высшее образование обусловлен следующими факторами:

- стимулирование национальной экономики (чем выше квалификация специалистов, тем быстрее технологии обеспечивающие экономический рост);
- социальная миссия (формирование структуры кадров с ориентацией на реальные потребности);
- совершенствование научно-исследовательской составляющей (создание инфраструктуры для научной деятельности в образовательных организациях);
- развитие регионов (формирование доступной образовательной среды по всей стране).

За последние годы оплата за обучение в образовательных организациях вне зависимости от формы собственности демонстрирует устойчивый рост (рисунок 2).

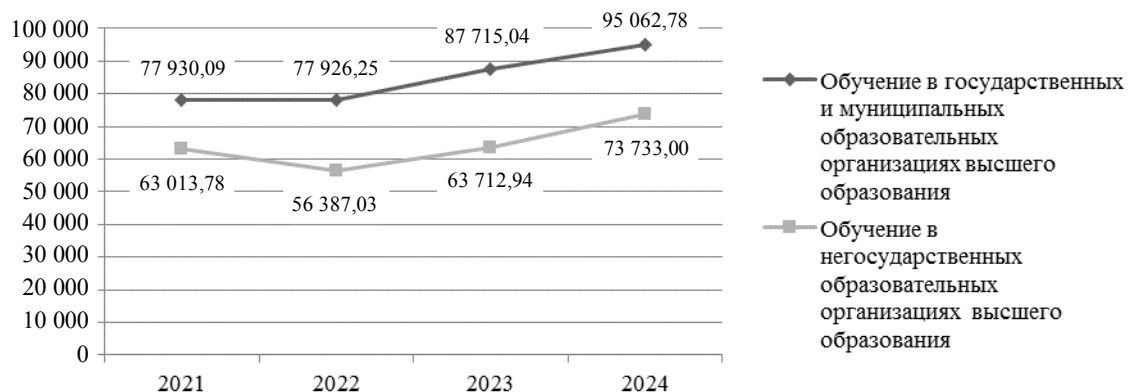

Рисунок 2 – Стоимость обучения (за семестр) в образовательных организациях разных форм собственности, р.

Примечание – Составлено автором по данным источника [2].

Обучение в государственных и муниципальных образовательных организациях за исследуемый период выше, чем в частных организациях. Ежегодно разрыв составляет от 15 до 21 тыс. р.

Рост величины стоимости образовательных услуг высшего образования обусловлен несколькими ключевыми причинами: инфляция, рост затрат на содержание образовательных учреждений, индексация оплаты труда профессорско-преподавательского состава и необходимость модернизации материально-технической базы. На стоимость также влияет государственная политика в сфере образования: уменьшение количества платных мест и перераспределение бюджетных квот.

По данным рейтинга RAEX, в ходе приемной кампании 2024 г., впервые, в топ-20 лучших вузов страны, обучающихся на платной основе было зачислено больше, чем на бюджетной – 51% против 49%. В целом, по всему рейтингу (топ-100), средняя доля обучающихся на платной основе составила 46%, однако наблюдался рост доли зачисленных на платной основе – за предыдущие периоды аналогичный показатель колебался в диапазоне 41–42% [3].

Популярность высшего образования на платной основе также зависит от области наук. По данным рейтинга RAEX-100, в образовательных организациях социально-гуманитарной направленности четверо из пяти обучающихся на первом курсе обучаются на платной основе (79%). В медицинских вузах – каждый второй студент (51%). В классических университетах, а также педагогических и аграрных вузах обучение на платной основе менее распространено: 45% обучающихся на первом курсе обучаются на возмездной основе, тогда как 55% – за счет бюджетных средств. В технических вузах только каждый третий платит за обучение (33%) [3].

Основная часть финансируемых государством мест – более 73% – распределена среди образовательных организаций высшего образования в регионах, включая новые субъекты страны [4].

Как отметил министр науки и высшего образования В. Н. Фальков «При планировании общего объема бюджетных мест на 2025/26 учеб. год учитывалась государственная гарантия из расчета не менее чем 800 студентов на каждые 10 тыс. чел. в возрасте 17–30 лет, а также необходимость обеспечения не менее 33% выпускников бакалавриата бюджетными местами в магистратуре» [5].

Отметим, что в текущих условиях структура приема в образовательные учреждения высшего образования претерпевает значительные изменения. С 1 сентября 2025 г. (согласно ФЗ № 114-ФЗ от 23 мая 2025 г.) в России введено государственное регулирование приема в вузы на платной основе. Правительство Российской Федерации получило право ограничивать количество платных мест, чтобы синхронизировать прием с потребностями рынка труда.

Проведенный анализ показал, что в России сохраняется ведущая роль государственного финансирования высшего образования, однако стоимость обучения для студентов на платной основе продолжает расти. За исследуемый период стоимость образовательных услуг увеличилась более чем на 20%, что связано с инфляцией и ростом расходов образовательных организаций.

Политика распределения бюджетных мест направлена на повышение доступности образования в регионах. Тем не менее, рост стоимости платного обучения, регулирование приема в образовательные организации создают риски снижения доступности высшего образования для населения. Таким образом, для формирования условий поступления на равных возможностях и получения качественного образования обучающимися, необходимо продолжать применять механизмы государственного регулирования и поддерживать прозрачность ценообразования образовательных услуг.

Список использованной литературы

1. **Об образовании** в Российской Федерации : Федеральный закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ // Консультант Плюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 26.03.2026).
2. **Образование** в цифрах: 2025 : краткий статистический сборник / Т. А. Варламова, Л. М. Гохберг, О. А. Зорина [и др.] ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. – 136 с.
3. **Аналитические материалы** «Рейтинги университетов 2025» / Рейтинговое агентство RAEX. – URL: https://raex-rr.com/files/analytics/Analytica_VUZ2025_Web.pdf (дата обращения: 30.03.2026).
4. **В 2024** году государство потратило 475 600 рублей на одного студента вуза / Институт образования Высшей школы экономики. – URL: <https://ioe.hse.ru/news/1082981136.html> (дата обращения: 29.03.2026).
5. **В 2025** году доступность высшего образования сохранится на высоком уровне / Минобрнауки России. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/announcements/91196/> (дата обращения 31.03.2026).

ТЕХНОЛОГИИ, ЭТАПЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ И СЛОЖНОСТИ ЦИФРОВИЗАЦИИ В ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОМ ХОЗЯЙСТВЕ

В данной статье рассмотрены ключевые технологии, основные этапы, ключевые направления и перспективы цифровизации, а также сложности и вызовы, которые могут затруднить успешную ее реализацию в жилищно-коммунальном хозяйстве.

This article examines key technologies, the main stages, key areas of digitalization and its prospects, as well as difficulties and challenges that may complicate the successful implementation of digitalization in the housing and communal services.

Ключевые слова: жилищно-коммунальное хозяйство; новые технологии; искусственный интеллект; цифровизация; управляющие компании; управление; обслуживание.

Key words: housing and communal services; new technologies; artificial intelligence; digitalization; management companies; management; maintenance.

Цифровизация жилищно-коммунального хозяйства (далее ЖКХ) – процесс внедрения современных технологий для улучшения качества услуг, повышения эффективности управления и оптимизации расходов. В условиях стремительного развития технологий и растущих ожиданий граждан от государственных услуг, цифровизация становится неотъемлемой частью реформирования ЖКХ.

Рассмотрим технологии, этапы, перспективы и сложности цифровизации в данной сфере.

Цифровизация в ЖКХ включает в себя внедрение современных технологий и решений, которые помогают улучшить управление, повысить эффективность работы и качество предоставляемых услуг [1]. Вот некоторые ключевые технологии и направления цифровизации в этой сфере:

– Умные счетчики – установка интеллектуальных счетчиков воды, газа и электроэнергии позволяет автоматически собирать данные о потреблении ресурсов, что упрощает процесс учета и выставления счетов.

– Системы мониторинга и управления – использование IoT (интернет вещей) для мониторинга состояния инженерных систем (отопление, водоснабжение, канализация) в реальном времени. Это позволяет оперативно выявлять неисправности и минимизировать потери.

– Платформы для управления многоквартирными домами – внедрение специализированных программных решений для управления домами, которые позволяют собственникам жилья отслеживать состояние общего имущества, вести финансовый учет и взаимодействовать с управляющими компаниями.

– Мобильные приложения – разработка мобильных приложений для жителей, которые позволяют оплачивать коммунальные услуги, подавать заявки на ремонт, получать уведомления и информацию о состоянии дома.

– Большие данные и аналитика – использование аналитических инструментов для обработки больших объемов данных, собранных от различных систем, что позволяет принимать более обоснованные решения по управлению ресурсами и их планированию.

– Электронные сервисы и порталы – создание единых порталов для жителей, где можно получить доступ к услугам ЖКХ, подать жалобы, просмотреть историю платежей и многое др.

– Автоматизация процессов – внедрение автоматизированных систем для обработки заявок, расчетов и других внутренних процессов управляющих компаний.

– Системы видеонаблюдения и безопасности – установка камер видеонаблюдения в общественных местах для повышения безопасности жителей и контроля за состоянием общего имущества.

– Экологические технологии – внедрение технологий для управления отходами, энергосбережения и использования альтернативных источников энергии.

– Облачные технологии – использование облачных решений для хранения данных и обеспечения доступа к ним из любой точки, что упрощает работу управляющих компаний и повышает прозрачность процессов.

Цифровизация ЖКХ способствует не только повышению качества услуг, но и улучшению взаимодействия между жителями и управляющими организациями, а также позволяет более эффективно использовать ресурсы [2].

Цифровизация в ЖКХ проходит несколько ключевых этапов. Каждый из них включает в себя определенные действия и цели, направленные на улучшение управления, повышение эффективности работы и качества предоставляемых услуг [3].

Основные этапы цифровизации в ЖКХ:

1. Анализ текущего состояния:

- оценка существующих процессов и технологий;
- выявление проблемных зон и потребностей жителей;
- сбор данных о текущих системах учета, управления и обслуживания.

2. Разработка стратегии цифровизации:

- определение целей и задач цифровизации;
- разработка плана внедрения технологий, включая временные рамки и бюджет;
- установление критериев успеха и методов оценки результатов.

3. Внедрение базовых технологий:

- установка умных счетчиков для автоматического учета ресурсов (вода, газ, электроэнергия);
- создание единого информационного портала для жителей с доступом к услугам ЖКХ;
- автоматизация процессов документооборота и расчетов.

4. Интеграция систем:

- объединение различных систем управления (например, учет ресурсов, управление заявками, финансовый учет) в единую платформу;
- обеспечение совместимости между новыми и существующими системами.

5. Обучение персонала и жителей:

- проведение обучающих программ для сотрудников управляющих компаний по новым технологиям и системам;
- информирование жителей о возможностях новых сервисов и приложений.

6. Разработка мобильных приложений:

- создание мобильных приложений для удобного доступа жителей к услугам ЖКХ, возможности оплаты, подачи заявок и получения уведомлений.

7. Мониторинг и аналитика:

- внедрение систем мониторинга для отслеживания состояния инженерных систем и потребления ресурсов в режиме реального времени;
- использование аналитики для обработки данных и принятия обоснованных решений на основе полученной информации.

8. Оптимизация процессов:

- анализ собранных данных для выявления узких мест и оптимизации работы управляющих компаний;
- внедрение новых технологий для повышения эффективности обслуживания и снижения затрат.

9. Обратная связь и улучшение услуг:

- сбор отзывов от жителей о качестве предоставляемых услуг;
- внесение изменений на основе полученной обратной связи для улучшения работы ЖКХ.

10. Расширение функционала:

- внедрение дополнительных сервисов, таких как системы видеонаблюдения, автоматизированные системы контроля за состоянием общего имущества и др.

- разработка новых функций на основе потребностей жителей и технологических возможностей.

11. Постоянное совершенствование:

- регулярный пересмотр стратегии цифровизации с учетом новых технологий и изменений в потребностях населения;

- поддержание актуальности систем и технологий через обновления и модернизацию.

Данные этапы могут варьироваться в зависимости от конкретных условий, особенностей региона и уровня готовности инфраструктуры. Однако следование данному плану может значительно повысить эффективность работы ЖКХ и улучшить качество жизни жителей многоквартирных домов [3].

Цифровизация в ЖКХ открывает множество перспектив, которые могут значительно улучшить качество услуг и повысить эффективность управления ими [4].

Ключевые направления и перспективы цифровизации в ЖКХ:

1. Умные технологии и IoT:

- умные счетчики – автоматизированный учет ресурсов (воды, электроэнергии, газа) позволяет сократить потери и повысить точность расчетов;

- системы мониторинга – установка датчиков для контроля состояния инженерных систем (водоснабжение, отопление, электричество) в режиме реального времени.

2. Аналитика больших данных:

- прогнозирование потребления – анализ данных о потреблении ресурсов позволяет предсказывать спрос и оптимизировать их распределение;

- управление активами – использование аналитики для оценки состояния объектов инфраструктуры и планирования их ремонта или замены.

3. Платформы для взаимодействия с жителями многоквартирных домов:

- единые информационные порталы – создание платформ, где жители могут получать информацию о своих услугах, подавать заявки и получать обратную связь;

- мобильные приложения – удобные инструменты для оплаты услуг, подачи жалоб и получения уведомлений о плановых работах или авариях.

4. Автоматизация процессов:

- электронный документооборот – сокращение времени на обработку заявок и жалоб, автоматизация расчетов и отчетности;

- системы управления – внедрение ERP-систем для комплексного управления ресурсами и процессами в ЖКХ.

5. Экологическая устойчивость:

- энергосбережение – использование цифровых технологий для мониторинга и управления потреблением энергии, что способствует снижению затрат и уменьшению углеродного следа;

- устойчивое управление отходами – внедрение технологий для оптимизации сбора и переработки отходов.

6. Интеграция с умными городами:

- комплексные решения – цифровизация ЖКХ станет частью более широких программ по созданию умных городов, где различные сферы (транспорт, здравоохранение, экология) будут интегрированы друг с другом;

- участие граждан – привлечение жителей к процессам управления через цифровые платформы, позволяющие им участвовать в принятии решений.

7. Повышение прозрачности и доверия:

- открытые данные – публикация данных о работе ЖКХ, расходах и качестве услуг способствует повышению прозрачности и доверия со стороны граждан;

- обратная связь – возможность для жителей легко сообщать о проблемах и получать оперативные ответы.

8. Кибербезопасность:

- защита данных – разработка эффективных мер по защите информации и систем от кибератак, что критично для обеспечения надежности работы ЖКХ.

9. Гибкость и адаптивность:

- адаптация к изменениям – цифровизация позволяет быстро реагировать на изменения в спросе на услуги или внешние факторы (например, изменение законодательства).

10. Обучение и развитие кадров:

– повышение квалификации – обучение сотрудников новым технологиям и методам работы, что способствует повышению общей эффективности работы организаций ЖКХ.

Цифровизация в ЖКХ помимо внедрения новых технологий, представляет собой комплексный подход к управлению, который учитывает интересы всех участников процесса. Реализация этих перспектив требует совместных усилий как со стороны государственных органов, так и со стороны частного сектора и самих граждан [5].

Цифровизация в ЖКХ сопряжена с рядом сложностей и вызовов, которые могут затруднить ее успешную реализацию [1].

Основные проблемы:

1. Финансовые затраты:

– высокие первоначальные инвестиции – внедрение новых технологий требует значительных вложений в оборудование, программное обеспечение и инфраструктуру;

– ограниченный бюджет – многие органы местного самоуправления и управляющие компании сталкиваются с нехваткой средств для финансирования цифровых инициатив.

2. Сопротивление изменениям:

– консерватизм организаций – сложившиеся традиции и устоявшиеся методы работы могут вызывать сопротивление со стороны сотрудников и руководства ЖКХ;

– недостаток мотивации – работники могут не видеть выгоды от изменений или бояться потерять свои рабочие места.

3. Необходимость квалифицированных кадров:

– нехватка специалистов – для успешной цифровизации требуются специалисты в области IT, аналитики данных и управления проектами, которых зачастую не хватает;

– обучение сотрудников – потребность в обучении персонала новым технологиям требует времени и финансовых ресурсов.

4. Технические проблемы:

– совместимость систем – интеграция новых технологий с существующими системами может быть сложной задачей, особенно если имеющиеся системы устарели;

– качество данных – наличие недостоверных или неполных данных может затруднить анализ и качественное принятие решений.

5. Кибербезопасность:

– уязвимость к атакам – увеличение числа цифровых решений может создать новые риски для кибербезопасности, что требует дополнительных мер защиты;

– защита персональных данных – необходимость соблюдения законодательства о защите данных и обеспечение конфиденциальности информации.

6. Отсутствие стандартов:

– разрозненность технологий – отсутствие единых стандартов и протоколов может привести к проблемам с интеграцией различных систем и решений;

– разные подходы к цифровизации – разные регионы и компании могут применять различные технологии, что затрудняет обмен данными и опытом.

7. Социальные аспекты:

– цифровое неравенство – не все жители имеют равный доступ к современным технологиям, что может создать барьеры для участия в цифровых инициативах;

– недостаток доверия – у граждан может быть недоверие к новым технологиям и опасения по поводу их безопасности и надежности.

8. Регуляторные барьеры:

– сложности с законодательством – необходимость адаптации существующих нормативных актов к новым условиям может замедлить процесс цифровизации;

– бюрократия – долгие согласования и разрешения могут тормозить внедрение новых технологий.

9. Проблемы с финансированием:

– неопределенность в финансировании – программы цифровизации могут зависеть от внешних источников финансирования (государственные гранты, частные инвестиции), что создает риски;

– необходимость долгосрочного планирования – цифровизация требует стратегического подхода, который не всегда учитывается в краткосрочных бюджетах.

10. Проблемы с управлением проектами:

- сложность реализации проектов: управление проектами по цифровизации может быть трудоемким и требовать координации между различными заинтересованными сторонами;
- изменение требований – потребности и ожидания пользователей могут меняться в процессе реализации проектов, что требует гибкости и адаптивности.

Данные сложности требуют комплексного подхода к планированию и реализации инициатив по цифровизации в ЖКХ, а также активного вовлечения всех заинтересованных сторон – от государственных органов до граждан.

Таким образом, цифровизация ЖКХ – сложный, но необходимый процесс, который требует комплексного подхода и активного вовлечения всех заинтересованных сторон. Применение современных технологий может значительно улучшить качество услуг, повысить эффективность управления и создать более комфортные условия жизни для граждан. Тем не менее, для успешной реализации этих инициатив необходимо преодолеть множество вызовов и сложностей, что требует совместных усилий государства, бизнеса и общества.

Список использованной литературы

1. **Цифровизация ЖКХ** как стратегическое направление его развития. – URL: <https://www.bsut.by/en/component/content/article/55-novosti-kafedr/11251-tsifrovizatsiya-zhkkh-kak-strategicheskoe-napravlenie-ego-razvitiya/> (дата обращения: 04.03.2026).
2. **Цифровизация ЖКХ: 5 способов изменить рынок.** – URL: <https://blog.skillbox.by/biznes/cifrovizacija-zhkh-5-sposobov-izmenit-rynok/> (дата обращения: 25.02.2026).
3. **Цифровизация ЖКХ.** – URL: <https://www.mjkh.gov.by/novosti/20240830-tsifrovizatsiya-zhkkh/> (дата обращения: 27.02.2026).
4. **Цифровая революция в ЖКХ.** – URL: <https://kachestvo.pro/innovatsii/tsifrovaya-revoljutsiya-v-zhkkh/> (дата обращения: 10.03.2026).
5. **Цифровизация ЖКХ: будущее в ваших руках.** – URL: <https://ymnoe-zhkh.pф/article/tcifrovaya-platforma-umnoe-zhkh-budushee-v-vashih-rukah/> (дата обращения: 13.03.2026).

СУЩНОСТЬ, ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ РЕКЛАМНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ РЫНКА

В статье рассматриваются сущность, цели и задачи рекламной деятельности в контексте современных рыночных трансформаций. Проведен анализ эволюции понятия «реклама», ключевых характеристик рекламной деятельности. Исследованы структурные изменения рекламного рынка, связанные с цифровизацией и ростом сегмента интернет-рекламы. Особое внимание уделяется целеполаганию: обосновывается необходимость согласования рекламных целей с общей маркетинговой стратегией предприятия, выделяются коммуникативные и экономические цели, а также конкретные задачи рекламной деятельности. В работе подчеркивается роль глубокого анализа целевой аудитории и использования больших данных для повышения эффективности рекламных кампаний.

The article examines the essence, goals and objectives of advertising activities in the context of modern market transformations. The analysis of the evolution of the concept of “advertising” and the key characteristics of advertising activities is carried out. The structural changes of the advertising market related to digitalization and the growth of the online advertising segment are investigated. Special attention is paid to goal setting: the necessity of coordinating advertising goals with the general marketing strategy of the enterprise is substantiated, communicative and economic goals are highlighted, as well as specific tasks of advertising activities. The paper highlights the role of deep analysis of the target audience and the use of big data to improve the effectiveness of advertising campaigns.

Ключевые слова: рекламная деятельность; цели рекламы; маркетинговые коммуникации; цифровая трансформация; целевая аудитория; большие данные; эффективность рекламы.

Key words: advertising activities; advertising goals; marketing communications; digital transformation; target audience; big data; advertising effectiveness.

В современных условиях рекламная деятельность приобретает качественно новое значение. Традиционное понимание рекламы как инструмента информирования о товаре и стимулирования сбыта уже не отражает всей глубины ее воздействия. Современная реклама становится неотъемлемым элементом стратегического маркетинга, участвуя в формировании имиджа бренда, управлении репутацией, создании долгосрочных отношений с потребителем и даже в социальной инженерии.

Цифровая среда, появление персонализированных форматов, рост значимости контента и вовлеченности требуют переосмысления целей и задач рекламной деятельности. Все это обуславливает необходимость уточнения ее сущности с учетом технологических, поведенческих и медийных трендов последних лет. Данная статья посвящена систематизации теоретических подходов к определению сущности рекламы, выделению ее стратегических и операционных целей, а также классификации задач, решаемых рекламной деятельностью на современном этапе развития рыночных отношений.

Рекламная деятельность в современном мире представляет собой сложный, многогранный феномен, занимающий особое место в системе функционирования предприятий различных масштабов и отраслей. В научной литературе реклама традиционно определяется как любая оплачиваемая форма неличного представления и продвижения идей, товаров и услуг от имени известного спонсора. Несмотря на то, что приведенное определение сохраняет свою базовую ценность, сегодня оно нуждается в серьезной корректировке и новом осмыслении – с учетом тех изменений, которые в последние годы происходят в экономической и социальной сферах.

Так, А. А. Карнаухов определял рекламу как «неличные формы коммуникации, реализуемые через платные каналы распространения информации с четко обозначенным источником финансирования» [1]. Более современный взгляд предлагает К. А. Дзотцоева, понимая под рекламой не только создание контента, но и сам процесс его передачи, что позволяет трактовать ее одновременно и как деятельность, и как сообщение, подчеркивая тем самым ее многоаспектность [2].

В российском законодательстве (Федеральный закон «О рекламе») реклама трактуется как информация, которая распространяется в любой форме и любым способом, призвана привлекать внимание к объекту рекламирования, формировать и поддерживать интерес к нему, а также способствовать его продвижению на рынке. Это могут быть сведения о товарах, работах, услугах, а также о деятельности компаний и индивидуальных предпринимателей. Закон также требует, чтобы реклама была достоверной, не вводила потребителей в заблуждение и соответствовала правовым нормам [3].

В качестве объектов рекламы могут выступать самые разные товары, услуги и даже мероприятия – все, на что рекламодаделец стремится обратить внимание. Субъектами рекламного процесса являются рекламодаделец, производитель рекламы и рекламораспространитель, причем у каждого из них своя, особая роль в создании и донесении рекламных сообщений [4].

Главная цель рекламы – донести до потребителей информацию о рекламируемом объекте, сформировать и укрепить их предпочтения, а в конечном счете – увеличить продажи. Реклама должна рассказывать аудитории о достоинствах продукта и тех выгодах, которые он дает.

Рекламная деятельность представляет собой комплекс мер по разработке, проведению и контролю рекламных кампаний, направленных на продвижение товаров, услуг или брендов.

С позиции экономики реклама, в первую очередь, рассматривается как механизм продвижения товара или услуги на рынок, как необходимый фактор или средство повышения уровня продаж. В экономическом ракурсе современная реклама изучается как мощная индустрия или – более узко – как составляющая маркетинга, как экономическая деятельность, в которой участвуют различные субъекты (рекламодатели, рекламные агентства, потребители рекламного контента и т. д.). В результате рекламная деятельность рассматривается как одна из составляющих деятельности экономической.

Эволюция рекламной деятельности неразрывно связана с изменением технологического ландшафта и моделей потребительского поведения. Если на начальных этапах развития рыночных отношений реклама выполняла преимущественно информационную функцию, уведомляя потребителя о наличии товара и его свойствах, то в современной реальности ее роль становится качественно иной. Сегодня реклама представляет собой комплексный механизм управления рыночным поведением, инструмент создания добавочной стоимости и формирования долгосрочных отношений с потребителем.

Для глубокого понимания сущности современной рекламной деятельности необходимо рассмотреть ключевые характеристики, отличающие ее от иных форм маркетинговых коммуникаций. Во-первых, реклама всегда носит неличный характер, т. е. обращена не к конкретному индивиду, а к широкой общественности или целевым группам. Во-вторых, реклама имеет четко идентифицируемого спонсора – компанию или организацию, оплачивающую размещение и несущую ответственность за содержание сообщения. В-третьих, реклама представляет собой оплаченную форму коммуникации, что отличает ее, например, от паблисити, возникающего в результате общественных связей [5, с. 753].

Однако в условиях цифровой трансформации данные характеристики приобретают новые оттенки. Развитие технологий программатик-закупок и таргетинга позволяет персонализировать рекламные сообщения до такой степени, что грань между личной и неличной коммуникацией становится размытой. Потребитель получает предложения, максимально адаптированные под его индивидуальные потребности и интересы, что создает иллюзию прямого диалога с брендом.

Анализ современных тенденций развития рекламного рынка показывает, что индустрия находится в состоянии фундаментальной структурной перестройки. По данным Ассоциации коммуникационных агентств России (АКАР), совокупный объем рекламного рынка в средствах ее распространения достиг 903,6 млрд р. в 2025 г., демонстрируя впечатляющую динамику роста по сравнению с 307 млрд р. в 2015 г. Однако более показательным является не столько абсолютный рост, сколько структурные изменения, происходящие внутри рынка.

Ключевым трендом последнего десятилетия стала неуклонная миграция рекламных бюджетов в цифровую среду. Если в 2015 г. доля интернет-сегмента была значительной, но не доминирующей, то к 2024 г. ситуация кардинально изменилась. Согласно данным АКАР, структура рекламного рынка в 2024 г. характеризуется следующими пропорциями, представленными в таблице 1.

Таблица 1 – Структура рекламного рынка России по каналам распространения в 2025 г.

Канал распространения	Доля рынка, %	Объем, млрд рублей
1	2	3
Интернет-сервисы	52,0	470,2
Видео (ТВ + OLV)	31,5	284,8
Наружная реклама	10,7	96,7
Издательский бизнес	3,0	27,1
Аудио (радио + digital)	2,7	24,4
Примечание – Составлено на основе данных из источника [6].		

Представленные данные наглядно демонстрируют, что интернет окончательно закрепил за собой статус центра гравитации рекламной вселенной, сконцентрировав более половины всех медийных бюджетов. Однако наиболее взрывной рост сегодня наблюдается не в традиционных цифровых сегментах, а в относительно новом направлении – Retail Media, т. е. рекламе на платформах электронной коммерции. По прогнозам экспертов, в 2026 г. на Retail Media может прийти до 46% всего рекламного рынка в широком его определении, что составит около 891 млрд р.

Данная тенденция имеет принципиальное значение для понимания сущности современной рекламной деятельности. Реклама все больше интегрируется непосредственно в процесс покупки, становясь неотъемлемой частью потребительского опыта.

Другим важнейшим трендом, определяющим трансформацию сущности рекламной деятельности, является изменение моделей потребительского поведения, особенно среди молодых поколений.

К рекламным целям относят: повышение осведомленности, формирование положительного отношения к продукту компании, стимулирование к пробной покупке, удержание клиентов и формирование лояльности покупателей.

Реализация поставленных целей требует решения конкретных задач, которые можно структурировать по функциональному признаку:

- аналитическая задача предполагает проведение исследований рынка, целевой аудитории, конкурентной среды, а также оценку эффективности рекламных мероприятий на всех этапах их реализации;
- стратегическая задача заключается в определении позиционирования бренда, разработке креативной концепции, выборе оптимальных каналов распространения рекламы и распределении бюджета;
- организационная задача охватывает вопросы взаимодействия с рекламными агентствами, медиаплощадками, контроль за ходом реализации рекламной кампании;
- коммуникационная задача связана с созданием и донесением до целевой аудитории рекламных сообщений, обеспечивающих достижение поставленных целей.

Ключевым фактором успешного решения перечисленных задач выступает правильное определение целевой аудитории рекламного воздействия. В условиях информационной перегрузки и растущего объема рекламных сообщений ориентация на всех потенциальных потребителей становится неэффективной. Необходимо выделение той части рынка, которая с наибольшей вероятностью откликнется на рекламное предложение и станет реальными покупателями.

Целевая аудитория характеризуется набором параметров, включающих демографические характеристики (возраст, пол, доход), географические (регион проживания), психографические (ценности, интересы, образ жизни) и поведенческие (паттерны потребления, медиапредпочтения). Комплексный анализ этих параметров позволяет создать многомерный портрет потребителя и на его основе разрабатывать рекламные сообщения, которые будут восприняты как релевантные и ценные.

Современные технологии открывают принципиально новые возможности для изучения и сегментирования целевой аудитории. Как отмечают эксперты, «данные – это как нефть, только в рекламе. От знаний об интересах и потребностях аудитории зависит, кто увидит рекламное сообщение и где, а также насколько эффективно потратится рекламный бюджет». Использование больших данных и технологий искусственного интеллекта позволяет не просто описывать целевую аудиторию, но и прогнозировать ее поведение, предвосхищать потребности и предлагать релевантные продукты в нужный момент.

Таким образом, сущность современной рекламной деятельности заключается в комплексном управлении коммуникациями бренда с целевой аудиторией на основе глубокого понимания потребительского поведения, использования передовых технологий сбора и анализа данных, а также интеграции различных каналов коммуникации в единую систему [7, с. 11]. Цели рекламной деятельности эволюционируют от простого информирования к формированию эмоциональной связи с потребителем, созданию добавленной стоимости и обеспечению устойчивого конкурентного преимущества в долгосрочной перспективе.

Список использованной литературы

1. **Карнаухова, А. А.** Рекламная деятельность в условиях цифровизации / А. А. Карнаухова // Научный аспект. – 2024. – Т. 6, № 1. – С. 720–727. – EDN RJHOGD.
2. **Дзотцоева, К. А.** Инновационная рекламная и PR-деятельность с использованием искусственного интеллекта / К. А. Дзотцоева // Креативная логистика: стратегии и технологии : материалы междунар. науч.-практ. конф. XX Южно-Российский логистический форум, Ростов-на-Дону, 25–26 октября 2024 года. – Ростов н/Д : Издательско-полиграфический комплекс Ростовского государственного экономического университета, 2024. – С. 241–246. – EDN IJMMPS.
3. **О рекламе** : Федер. закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ : в ред. от 27 окт. 2025 г. № 393-ФЗ // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 11.05.2026).
4. **Хабибуллина, И. И.** Инновации в управлении качеством в сфере услуг / И. И. Хабибуллина, Я. Ф. Наширванова // Направления развития организации в условиях нестабильности экономики России : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Казань, 23 апреля 2015 года. – Казань : Общество с ограниченной ответственностью «Печать-Сервис-XXI век», 2015. – С. 287. – EDN VXUSTN.
5. **Мотыгуллин, И. И.** Основные элементы маркетинговой деятельности организации и их содержание / И. И. Мотыгуллин, К. М. Курбанов, Е. С. Макарова // Актуальные проблемы и тенденции развития современной экономики : сборник материалов Междунар. науч.-практ. конф., Самара, 17–18 апреля 2025 года. – Самара : Самарский государственный технический университет, 2025. – С. 752–757. – EDN EOUNSW.
6. **Рекламный рынок России.** – URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/reklamnyj-rynok-rossii/> (дата обращения: 11.05.2026).
7. **Гусева, А. С.** Маркетинговые коммуникации как инструмент управления продажами в современной экономике / А. С. Гусева, Я. Ф. Наширванова // Анализ состояния и перспективы развития экономики России : Материалы VIII Всероссийской молодежной науч.-практ. конференции (с международным участием), Иваново, 30 апреля 2024 года. – Иваново : Ивановский государственный энергетический университет им. В. И. Ленина, 2024. – С. 11–13. – EDN JNMFCG.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ, ОТНОСЯЩЕЙСЯ К СФЕРЕ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ГРАЖДАН, В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

В данной статье рассматриваются актуальные вопросы правового регулирования защиты частной жизни в Республике Беларусь. Проводится сравнительный анализ механизмов защиты, заложенных в Гражданском кодексе и Законе «О защите персональных данных» в Республике Беларусь.

This article discusses the current issues of legal regulation of privacy protection in the Republic of Belarus. It provides a comparative analysis of the protection mechanisms provided for in the Civil Code and the Law on Personal Data Protection in the Republic of Belarus.

Ключевые слова: частная жизнь; персональные данные; гражданское законодательство Республики Беларусь; личные неимущественные права; защита информации.

Key words: privacy; personal data; civil legislation of the Republic of Belarus; personal non-property rights; information protection.

Развитие информационных технологий, а также повсеместная цифровизация социальных связей актуализировали вопрос о защите персональных данных и обеспечении неприкосновенности личности. В Республике Беларусь право на защиту от незаконного вмешательства в частную жизнь закреплено в ст. 28 Конституции: «Каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его частную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство» [1].

Однако реализация этого права распределена между различными отраслями права, где ключевую роль играет гражданское законодательство, в особенности Гражданский кодекс (ГК) Республики Беларусь и Закон Республики Беларусь № 99-З «О защите персональных данных».

Согласно ст. 151 Гражданского кодекса Республики Беларусь, личная и семейная тайна, право на честь и доброе имя являются неотчуждаемыми и непередаваемыми, частная жизнь — это нематериальное благо.

Информационная автономия человека базируется на комплексе этих взаимосвязанных благ. Среди фундаментальных составляющих этой системы, находящихся под защитой Гражданского кодекса Республики Беларусь, выделяются:

- конфиденциальность личной и семейной жизни;
- неприкосновенность чести и репутации;
- право на имя;
- гарантии неразглашения содержания переписки, телефонных разговоров и любых других видов коммуникаций.

Личная и семейная тайна ст. 151 ГК Республики Беларусь представляет собой наиболее конфиденциальную сферу жизнедеятельности гражданина, охватывающую сведения, распространение которых не соответствует его волеизъявлению. К таковым относятся данные о состоянии здоровья, происхождении, интимной жизни, а также внутрисемейные отношения, не имеющие публичного значения. Гражданский кодекс Республики Беларусь обеспечивает гарантии сохранения данной тайны, и любое неправомерное разглашение либо сбор такой информации без прямого согласия субъекта квалифицируется как правонарушение. Данная категория базируется на принципе абсолютного запрета на раскрытие, за исключением случаев, прямо предусмотренных законодательными актами.

Тайна корреспонденции, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений ст. 151 ГК Республики Беларусь гарантирует право на конфиденциальность коммуника-

ций. Несанкционированное получение, раскрытие или использование подобной информации признается незаконным и влечет за собой не только гражданско-правовую, но и уголовную ответственность в соответствии с действующим законодательством Республики Беларусь.

Честь и доброе имя ст. 151, ст. 153 ГК Республики Беларусь определяются как совокупность морально-этических качеств личности и ее положительной оценки в общественном сознании. Гражданское право обеспечивает защиту данных благ от посягательств, выражающихся в распространении сведений, не соответствующих действительности и носящих порочащий характер. Защита по ст. 153 ГК Республики Беларусь применяется преимущественно в случаях, когда информация уже приобрела публичный характер.

Основным способом материального воздействия на нарушителя является компенсация морального вреда; размер, способ и основания закреплены в ст. 968–970 ГК. Суды Республики Беларусь при определении размера компенсации ориентируются на степень физических и нравственных страданий, вызванных вмешательством в частную жизнь [2].

Классический подход к защите частной жизни опирается на фундаментальное право на неприкосновенность, реализуемое через инструменты гражданско-правовой ответственности ст. 152, ст. 153 ГК. Существенным ограничением этой модели является ее компенсационная природа – защита инициируется лишь в момент публичного разглашения сведений, данные меры носят характер «постфактум». В условиях стремительного развития систем Big Data, потребность в превентивных мерах возрастает и становится критической, что делает традиционные гражданско-правовые механизмы больше вспомогательными, но не самодостаточными в системе обеспечения информационной безопасности личности.

Институт персональных данных – это новый уровень защиты. Принятие Закона Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» ознаменовало переход от защиты «тайны» к защите «процесса обработки информации», персональные данные являются более широким понятием, чем личная тайна, так как включают в себя любую информацию, позволяющую идентифицировать лицо.

Согласно ст. 1 Закона, персональные данные определяются как любая информация, относящаяся к идентифицированному или идентифицируемому физическому лицу. Это включает не только сведения конфиденциального характера, но и весь спектр данных, способных прямо или косвенно идентифицировать индивида: от базовых анкетных данных (фамилия, имя, отчество, дата рождения) до биометрических, генетических данных, а также сетевых идентификаторов (IP-адреса, данные геолокации).

Закон, таким образом, распространяет свое действие не только на случаи неправомерного разглашения сведений, но и на все этапы жизненного цикла персональных данных: сбор, систематизацию, хранение, изменение, использование, обезличивание, блокирование, распространение, предоставление и удаление.

Ключевое отличие нового законодательного акта от гражданско-правового регулирования состоит в его превентивном и системном характере. В то время как Гражданский кодекс Республики Беларусь преимущественно фокусируется на устранении последствий уже совершенных правонарушений, Закон о защите персональных данных устанавливает строгие императивные требования, которые подлежат неукоснительному соблюдению до начала и на всех этапах обработки информации.

В рамках новой регуляторной модели центральное место занимает фигура оператора как основного субъекта, ответственного за реализацию прав граждан в цифровой среде. Системный анализ положений Закона позволяет утверждать, что обеспечение информационной автономии субъекта носит не декларативный, а строго императивный характер, перекладывая бремя доказывания законности действий на оператора, юридическое или физическое лицо, самостоятельно или совместно с иными лицами организующее и (или) осуществляющее обработку персональных данных. Реализация субъективного права гражданина на неприкосновенность частной жизни обеспечивается через корреспондирующие обязанности оператора, которые детально регламентированы Законом и включают в себя следующие ключевые направления:

1. Обеспечение легитимности первичного доступа к информации. В качестве фундаментального правового основания выступает обязанность оператора по получению свободного, однозначного и информированного согласия субъекта персональных данных как основного условия для начала любой обработки ст. 5 Закона. В этой связи важно подчеркнуть, что право на отзыв такого согласия ст. 10 является высшим проявлением контроля личности над своей информационной сферой [3].

2. Соблюдение этико-правового каркаса обработки через систему принципов. Особого внимания заслуживает требование о строгом соблюдении принципов обработки персональных данных ст. 4 Закона. Данные принципы не являются абстрактными пожеланиями, а служат критериями законности действий оператора. Среди них стратегическое значение имеют:

- законность, добросовестность и прозрачность;
- строгое целевое ограничение запрет на обработку данных для целей, несовместимых с первоначальными;
- минимизация объема обрабатываемых данных принцип «необходимости и достаточности»;
- точность и ограничение сроков хранения, а также комплексная подотчетность оператора перед регулятором [3].

3. Формирование многоуровневого контура безопасности. Практическая реализация защиты частной жизни невозможна без принятия комплекса правовых, организационных и технических мер ст. 17 и ст. 18 Закона. Законодатель устанавливает, что оператор обязан создать защищенную среду, исключая несанкционированный или случайный доступ, изменение, блокирование, копирование, распространение, а также иные неправомерные действия в отношении персональных данных. Это превращает юридическую норму в конкретный технический регламент безопасности.

4. Институционализация внутреннего контроля и взаимодействия с государственным регулятором. Важным аспектом подотчетности является обязанность оператора по уведомлению Национального центра защиты персональных данных о любых инцидентах, связанных с нарушением систем защиты ст. 22 Закона. Кроме того, в целях обеспечения непрерывного мониторинга, Закон вводит институт должностного лица, ответственного за осуществление внутреннего контроля за обработкой персональных данных ст. 17, ч. 3 Закона, что фактически создает внутри каждой организации механизм самоконтроля в интересах защиты прав граждан [3].

Таким образом, законодатель оптимизировал систему, в которой информационная автономия личности защищена не только возможностью обращения в суд за компенсацией, как в гражданском праве, но и ежедневной операционной деятельностью оператора, обязанного соблюдать установленные регламенты под угрозой административной ответственности.

Исследование взаимосвязи гражданского законодательства и Закона «О защите персональных данных» выявило проблему частичного несовпадения понятийного аппарата и правовых режимов, что создает определенные трудности для единообразного применения. Так, например, гражданско-правовые нормы, традиционно ориентированные на защиту различных аспектов личной сферы гражданина (таких как тайна корреспонденции или защита чести и достоинства), могут не полностью охватывать все нюансы обработки персональных данных.

Данное различие в подходах демонстрирует, что гражданско-правовые нормы, ориентированные на защиту «статичных» благ, не всегда полно охватывают динамику и сложность обработки данных в информационном обществе. Для формирования единой и эффективной системы защиты частной жизни граждан требуется дальнейшая гармонизация правовых институтов, унификация терминологии и, возможно, разработка рекомендаций по применению норм ГК Республики Беларусь в контексте требований Закона «О защите персональных данных».

Список использованной литературы

1. **Конституция** Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Мн. : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022.

2. **Гражданский** кодекс Республики Беларусь : 7 дек. 1998 г. № 218-З : в ред. от 31 дек. 2023 г. // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Мн., 2024.

3. **О защите** персональных данных : Закон Респ. Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Мн., 2024.

4. **Кодекс** Республики Беларусь об административных правонарушениях : 6 янв. 2021 г. № 91-З : в ред. от 4 янв. 2024 г. // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Мн., 2024.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ И ЗАКРЕПЛЕНИЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Статья посвящена рассмотрению соотношения понятий «информационная безопасность» и «кибербезопасность». Автор подчеркивает исключительную важность вопросов обеспечения информационной безопасности в эпоху повсеместной информатизации и цифровизации и возникающих на этом фоне новых правовых и технологических проблем. В статье сопоставляются мнения и взгляды на проблематику теоретиков и ученых в сфере права и технических наук, проводится анализ законодательства Республики Беларусь, регулирующего аспекты информационной безопасности и кибербезопасности.

This article examines the relationship between the concepts of “information security” and “cybersecurity.” The author emphasizes the critical importance of ensuring information security in the era of widespread computerization and digitalization, and the new legal and technological challenges that arise. The article compares the opinions and perspectives of legal and technical scholars and scientists, and analyzes Belarusian legislation regulating information security and cybersecurity.

Ключевые слова: информационная безопасность; информация; информационная инфраструктура; концепция; национальная безопасность; кибератака; кибербезопасность.

Key words: information security; information; information infrastructure; concept; national security; cyberattack; cybersecurity.

В современном мире понятие безопасности государства включает в себя все больше элементов: на первый план выходят аспекты комплексной правовой безопасности человека, его защищенности в многообразии изменяющихся под влиянием научно-технического прогресса общественных отношений. В новых условиях цифровой реальности государство должно гарантировать безопасность реализации прав и свобод человека и гражданина, стабильность и динамичное развитие при сохранении и укреплении национальных фундаментальных ценностей белорусского общества и государства. Сегодня наблюдается возрастающий объем информации любого вида во всех сферах жизни государства, и информация эта используется широко и распространяется в различных областях: от политики и экономики до культуры и бытовых социальных контактов. Во всех этих процессах основой становится повсеместное использование информационных и компьютерных технологий. В связи с этим особую значимость приобретают задачи укрепления и совершенствования системы защиты информационных ресурсов государства.

В настоящее время вопросы определения информационной безопасности и кибербезопасности являются для специалистов и ученых актуальными и дискуссионными. На сегодняшний день нет единых и общепризнанных определений данным элементам безопасных общественных отношений. Так, исследователь Ю. А. Баландин в концептуальном понимании национальной безопасности по «информационной безопасности» подразумевает способность системы противостоять наносимым извне угрозам технологического и психологического характера, сочетанию данных типов воздействия и восстанавливаться после реализации таковых [1, с. 263–264].

Специалист Ж. О. Кулжабаева, проанализировав законодательство различных государств, предлагает трактовку информационной безопасности как общего термина для создания и обслуживания систем и политик для защиты любой информации – электронной или физической, при этом, данный термин может включать в себя состояние защищенности личности, общества и государства [2, с. 185].

Профессор Ю. К. Язов обращает внимание на то, что спектр угроз информационной безопасности значительно шире спектра угроз безопасности информации [3, с. 4]. Доктор юридических наук В. С. Овчинский в книге «Криминология цифрового мира» приводит следующее определение информационной безопасности – безопасность программно-аппаратных комплексов и сетей, а также размещенных в сетях виртуальных платформ поиска, распознавания, передачи, обработки и хранения сигналов и данных. Информационная безопасность предполагает исключение помех, нарушений или разрушения программно-аппаратных средств, сетей и виртуаль-

ных платформ в результате использования различного рода вредоносного и разрушительного программного кода, а также кражу или нарушение целостности баз данных сведений и знаний [4, с. 223].

В Республике Беларусь систему официальных взглядов на сущность и содержание обеспечения национальной безопасности в информационной сфере представляет Концепция информационной безопасности Республики Беларусь, утвержденная Постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1. Именно в тексте Концепции определен термин «информационная безопасность», которая представляет собой состояние защищенности сбалансированных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз в информационной сфере [5]. Кроме того, информационная безопасность является важнейшей составляющей информационного суверенитета Республики Беларусь – неотъемлемое и исключительное верховенство права государства самостоятельно определять правила владения, пользования и распоряжения национальными информационными ресурсами, осуществлять независимую внешнюю и внутреннюю государственную информационную политику, формировать национальную информационную инфраструктуру, обеспечивать информационную безопасность [5].

Говоря о таких категориях общественной безопасности как информационная безопасность и кибербезопасность, нам представляется необходимым упомянуть, что предметом почти всех противоправных деяний в этом сегменте общественных отношений будет являться либо информация, либо компьютерная информация. В 2008 г. в Республике Беларусь был принят Закон «Об информации, информатизации и защите информации» от 10 ноября 2008 г. № 455-З. В данном нормативно-правовом акте информация в целом определена как сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления. Данным нормативно-правовым актом регулируются общественные отношения, возникающие при взаимодействии с информацией, информационными технологиями и обеспечением защиты информации. Целями защиты информации вышеназванный закон определяет:

- обеспечение национальной безопасности, суверенитета Республики Беларусь;
- сохранение и неразглашение информации о частной жизни физических лиц и персональных данных, содержащихся в информационных системах;
- обеспечение прав субъектов информационных отношений при создании, использовании и эксплуатации информационных систем и информационных сетей, использовании информационных технологий, а также формировании и использовании информационных ресурсов;
- недопущение неправомерного доступа, уничтожения, модификации (изменения), копирования, распространения и (или) предоставления информации, блокирования правомерного доступа к информации, а также иных неправомерных действий [6].

Анализируя цели защиты информации в целом, стоит обратить внимание на важный вопрос о соотносимости понятий «информационная безопасность» и «кибербезопасность». Среди ученых и теоретиков этот вопрос также является дискуссионным. Например, исследователь Ю. А. Баландин подчеркивает, что не представляется возможным выделить кибербезопасность как элемент системы информационной безопасности [1, с. 262]. Ученый считает, что кибербезопасность представляется комплексной категорией, сочетающей различные отрасли науки, и характеризующейся способностью системы противостоять угрозам, распространяющимся в цифровой среде [1, с. 266].

Кандидат технических наук А. Ю. Добродеев, проанализировав в своей статье различные подходы к определению данной категории общественной безопасности, утверждает, что кибербезопасность – это информационная безопасность компьютерной и инфо-телекоммуникационной инфо-сферы (в том числе в части процессов, контроллеров и «интернет вещей») в современных условиях информационного противоборства, реализующая дополнительно в системе защиты информации не только оборонительные функции, но и функции превентивного воздействия и подавления враждебных и опасных информационных сил и средств противника в угрожаемый период и в военное время [7, с. 67].

Специалист Ж. О. Кулжабаева считает, что необходимо выработать новый подход к законодательному разграничению понятий «кибербезопасность» и «информационная безопасность». Исследователь подчеркивает, что кибербезопасность направлена на защиту систем и содержащихся в них данных, хранящихся исключительно в электронном виде, в киберпространстве [2, с. 185].

Профессор Ю. К. Язов предлагает определение кибербезопасности как состояние защищенности цифровой информации и устройств ее обработки от киберугроз [3, с. 4].

Доктор юридических наук В. С. Овчинский считает, что в рамках цифровой безопасности кибербезопасность – это поддержание целостности и обеспечение бесперебойного функционирования телекоммуникационных сетей и программно-аппаратных средств или модулей управления физическими объектами любого типа, включая машины, механизмы, оборудование, инфраструктурные сети, робототехнику, системы вооружения, а также человека как биологического существа. Кибербезопасность в буквальном ее понимании означает безопасность управления [4, с. 223].

В Республике Беларусь кибербезопасность национального сегмента сети интернет обеспечивается главным образом за счет отражения основного объема кибератак на информационные системы и сети передачи данных путем блокирования вредоносных коммуникаций между субъектами и объектами воздействий. Концепцией информационной безопасности Республики Беларусь термин «кибербезопасность» определен как состояние защищенности информационной инфраструктуры и содержащейся в ней информации от внешних и внутренних угроз. Для более полного понимания данного термина раскроем и значение понятия информационная инфраструктура, под которой в соответствии с Концепцией понимают совокупность технических средств, систем и технологий создания, преобразования, передачи, использования и хранения информации [5].

Важным достижением правового сегмента белорусского государства стало принятие и вступление в силу Указа Президента Республики Беларусь «О кибербезопасности» от 14 февраля 2023 г. № 40. Данным нормативно-правовым актом предусматривается создание в целях повышения уровня защиты национальной информационной инфраструктуры от внешних и внутренних угроз национальной системы обеспечения кибербезопасности. Задачами национальной системы обеспечения кибербезопасности являются:

- достижение максимальной скоординированности действий государственных органов и иных организаций по обнаружению, предотвращению и минимизации последствий кибератак на объекты информационной инфраструктуры;
- постоянный поиск потенциальных уязвимостей национального сегмента глобальной компьютерной сети интернет;
- проведение анализа информации о кибератаках и вызванных ими киберинцидентах, установление причин киберинцидентов;
- оценка эффективности защищенности объектов информационной инфраструктуры от кибератак;
- прогнозирование ситуации в области обеспечения кибербезопасности [8].

Для более полного понимания задач национальной системы обеспечения кибербезопасности отметим, что в соответствующем Указе даны определения понятий «кибератака» и «киберинцидент». Так, под кибератакой понимается целенаправленное воздействие программных и (или) программно-аппаратных средств на объекты информационной инфраструктуры, сети электросвязи, используемые для организации взаимодействия таких объектов, в целях нарушения и (или) прекращения их функционирования и (или) создания угрозы безопасности обрабатываемой такими объектами информации. Киберинцидентом признается событие, которое фактически или потенциально угрожает конфиденциальности, целостности, подлинности, доступности и сохранности информации, а также представляет собой нарушение (угрозу нарушения) политики безопасности [8].

Говоря о соотношении понятий «информационная безопасность» и «кибербезопасность», необходимо отметить, что понятие информационная безопасность – это всеобъемлющее понятие, включающее в себя по логике обеспечение безопасности всей существующей информации как ресурса, обеспечивающего соответствующие потребности личности, общества и в целом государства. Кибербезопасность – понятие, неразрывно связанное с цифровыми технологиями, созданием, обработкой, приемом и передачей информации в цифровой среде. Именно поэтому кибербезопасность можно рассматривать как компонент информационной безопасности. Говоря же исключительно о информационно-коммуникационных технологиях, нужно отметить, что и информационная безопасность и кибербезопасность в совокупности с поведенческой безопасностью являются элементами цифровой безопасности, под которой понимают безопасность использования информационно-коммуникационных технологий во всех аспектах человеческой деятельности на уровне государств, международного сообщества, организаций негосударственного характера, социальных сообществ, групп и отдельных людей.

Вместе с тем представленное в Концепции информационной безопасности Республики Беларусь определение информационной безопасности нам представляется несколько статич-

ным. В условиях быстроразвивающихся технологий и эволюционирующей преступности важным становится не только умение «защищать информацию», но и умение «быстро восстанавливаться и работать» даже под целенаправленной и спланированной атакой. Поэтому мы предлагаем дополнить существующее определение информационной безопасности и изложить его в следующей редакции: «Информационная безопасность – состояние защищенности сбалансированных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз в информационной сфере, включающее технологическую независимость, целостность и непрерывность функционирования информационных систем в условиях целенаправленного деструктивного воздействия».

Список использованной литературы

1. **Баландин, Ю. А.** Кибербезопасность и информационная безопасность. Демаркация правовых категорий / Ю. А. Баландин // Правовая политика и правовая жизнь. – 2023. – № 3. – С. 260–270.
2. **Кулжабаева, Ж. О.** Законодательное разграничение понятий «кибербезопасность» и «информационная безопасность» / Ж. О. Кулжабаева // Вестник института законодательства и правовой информации РК. – 2024. – № 4 (79). – С. 178–186.
3. **Язов, Ю. К.** Об определении понятия «кибербезопасность» и связанных с ним терминов / Ю. К. Язов // Вопросы кибербезопасности. – 2025. – № 1 (65). – С. 2–6.
4. **Овчинский, В. С.** Криминология цифрового мира : учебник для магистратуры / В. С. Овчинский. – М. : Норма : ИНФРААМ, 2018. – 352 с.
5. **О Концепции** информационной безопасности Республики Беларусь : Постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1 // Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Мн., 2026.
6. **Об информации**, информатизации и защите информации : Закон Респ. Беларусь от 10 нояб. 2008 г. № 455-З : в ред. от 12 окт. 2022 г. №209-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 05.04.2026).
7. **Добродеев, А. Ю.** Кибербезопасность в Российской Федерации. Модный термин или приоритетное технологическое направление обеспечения национальной и международной безопасности XXI века / А. Ю. Добродеев // Вопросы кибербезопасности. – 2021. – № 4 (44). – С. 61–72.
8. **О кибербезопасности** : Указ Президента Респ. Беларусь от 14 февр. 2023 г. № 40 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 05.04.2026).

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМАЯ ИНФОРМАЦИЯ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА КАК ИСТОЧНИК ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В РАССЛЕДОВАНИИ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ

Статья исследует криминалистически значимую информацию из цифрового пространства как ключевой источник доказательств при расследовании киберпреступлений, отмечая отсутствие единого понятия «киберпреступления» и его важность для национальной безопасности. Рассматриваются вопросы процессуального оформления и применения электронных доказательств, а также необходимость их законодательного закрепления в Республике Беларусь, включая предложения по изменению уголовно-процессуального кодекса и введению новой статьи об «Электронных доказательствах» для повышения эффективности уголовного судопроизводства.

This article examines forensically significant information from the digital space as a key source of evidence in cybercrime investigations, noting the lack of a unified definition of “cybercrime” and its importance for national security. It examines the procedural registration and use of electronic evidence, as well as the need for its legislative codification in the Republic of Belarus, including proposals to amend the Criminal Procedure Code and introduce a new article on “Electronic Evidence” to improve the efficiency of criminal proceedings.

Ключевые слова: киберпреступность; информационная безопасность; судебная практика; доказательства; кибербезопасность.

Key words: cybercrime; information security; judicial practice; evidence; cybersecurity.

В настоящее время борьба с киберпреступлениями для каждого государства имеет приоритетное значение, поскольку последствия этого негативного социального явления сказываются не только на внутренней стабильности общества, но и на безопасности страны в целом. Киберпреступность сегодня признана глобальной международной проблемой, а одним из решений этой проблемы является обеспечение кибербезопасности – состояния защищенности информационной инфраструктуры и содержащейся в ней информации от внешних и внутренних угроз.

Борьба с киберпреступностью занимает особое место в государственной политике по укреплению национальной безопасности в цифровом пространстве.

На сегодняшний день нет единого подхода к определению такого явления, как киберпреступление. Специалисты и ученые предлагают различные трактовки понятия киберпреступность.

Исследователь С. И. Буз предлагает определение киберпреступности как любого преступления, совершенного с помощью информационных технологий, либо в информационном пространстве [1].

Специалисты В. Н. Цимбал и С. Г. Ключев под киберпреступлением понимают противоправное деяние в сфере информационных технологий, совершаемое при помощи таких технологий в глобальных и локальных распределенных вычислительных сетях [2].

Исследователь М. А. Алиасхаб предлагает определение киберпреступности как комплекса правонарушений, совершаемых в информационно-коммуникационном пространстве, вместе с поддержкой или при помощи компьютерных систем или компьютерных сетей, а также иных средств доступа к киберпространству [3].

Гл. 31 Уголовного кодекса Республики Беларусь посвящена преступлениям против информационной безопасности. Данную группу преступлений можно определить как виновные, общественно опасные и запрещенные нормами гл. 31 деяния (действия или бездействие), которые посягают на безопасность компьютерной информации [4, с. 770].

Президиум Верховного Суда Республики Беларусь отмечает, что противодействие преступлениям против информационной безопасности является одним из приоритетных направлений государственной политики обеспечения национальной безопасности в информационной сфере. Изучение судебной практики показывает, что судами в основном обеспечивается пра-

вильное и своевременное рассмотрение уголовных дел указанной категории. При назначении наказаний соблюдаются принципы уголовного закона и уголовной ответственности [5].

Важно акцентировать внимание на том, что понятие киберпреступлений значительно шире, чем преступления против информационной безопасности. Преступления против информационной безопасности зачастую входят в совокупность с такими преступлениями, как мошенничество, оборот наркотических средств, изготовление и распространение порнографии, нарушение авторских прав и др.

С появлением новых форм преступлений, импульс которым придали информационно-коммуникационные технологии, важнейшим стал и вопрос процессуального оформления доказательств, получаемых из электронных носителей информации, и особенностям их применения в уголовном процессе.

Как отмечает специалист в области уголовного процесса и криминалистики Н. А. Иванов, корректное определение понятия доказательства – необходимое условие решения задач и достижения целей, встающих в уголовном судопроизводстве, которое должно повлиять на весь круг деятельности правоприменительных органов по поиску, сбору, фиксации и использованию доказательств в ходе досудебного и судебного производств по уголовному делу [6, с. 48].

В соответствии со ст. 88 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) доказательствами являются любые фактические данные, полученные в предусмотренном законом порядке, на основе которых орган, ведущий уголовный процесс, устанавливает наличие или отсутствие общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, виновность лица, совершившего это деяние, либо его невиновность и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела [7].

В настоящее время информатизация и цифровизация затронули все направления судопроизводства: уголовное, гражданское и экономическое, – все это обусловило возможность представления сведений, имеющих значение для дела в новых формах. Это могут быть аудио- и видеозаписи, сообщения в мессенджерах, скриншоты и другая информация, полученная в информационно-коммуникационном пространстве.

В своей статье заместитель начальника отдела прокуратуры Минской области, советник юстиции Ю. А. Никитин отмечает: «информационная работа в ходе расследования преступлений – это собирание, хранение, систематизация доказательственной и ориентирующей информации в целях ее дальнейшего анализа и принятия оптимальных для данной следственной ситуации уголовно-правовых, процессуальных и тактических решений, а также в целях обеспечения должного взаимодействия следственных, экспертных подразделений и органов дознания» [8]. «Криминалистически значимая информация, – подчеркивает специалист, – может быть представлена в виде электронного сообщения, электронной страницы в сети интернет, сайта, скриншота переписки в различных мессенджерах, что ставит вопрос о том, к какому виду доказательств такую информацию необходимо отнести» [8].

В ч. 2 ст. 88 УПК указано, что источниками доказательств являются среди прочих и иные документы и другие носители информации, полученные в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом. К другим носителям информации относятся материалы фото- и киносъемки, звуко- и видеозаписи и иные носители информации, полученные, истребованные или представленные в порядке, предусмотренном ст. 103 УПК [7]. По мнению специалиста-практика Ю. А. Никитина, к ним можно отнести электронные документы, переписки в социальных сетях и мессенджерах. Кроме того, Ю. А. Никитин акцентирует внимание на том, что в ст. 224¹ УПК, которая регламентирует проведение допроса, очной ставки, предъявление для опознания с использованием систем видеоконференцсвязи, фигурирует дефиниция электронный носитель информации следственного действия, который наряду с протоколом соответствующего следственного действия относится к источникам доказательств и приобщается к материалам уголовного дела. Электронные документы, другие документы в электронном виде, файлы как непосредственные носители компьютерной информации, размещенные на том или ином материальном носителе, при определенных условиях могут признаваться вещественными доказательствами [8].

Отметим, что в параграфе 4 действующего Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь в ст. 199 дано определение электронных доказательств, применяемых в гражданском судопроизводстве. Так, электронными доказательствами являются сведения о фактах, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела, содержащиеся на электронных носителях информации, в том числе электронные документы, текстовые, мульти-

медийные и голосовые сообщения, базы данных и другие данные в электронной (цифровой) форме, а также информация, размещенная в глобальной компьютерной сети интернет [9].

Для того, чтобы информация, размещенная в сети интернет, приобрела статус процессуального доказательства, она должна быть представлена в какой-либо объективированной форме.

Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в их совокупности – с точки зрения достаточности для окончания предварительного расследования и разрешения уголовного дела в судебном разбирательстве. Допустимыми признаются доказательства, полученные органом, ведущим уголовный процесс, в установленном УПК порядке и из предусмотренных законом источников [7].

Стало быть, для того, чтобы можно было с уверенностью говорить о допустимости криминалистически значимой информации, полученной из цифрового пространства, именно в качестве электронных доказательств в уголовном судопроизводстве следует внести дополнения в действующую ч. 2 ст. 88 УПК и изложить ее в следующей редакции: «Источниками доказательств являются показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, в том числе их звуко- и видеозапись; заключения эксперта; вещественные доказательства; протоколы следственных действий, звуко- или видеозаписи хода судебных заседаний, протоколы судебных заседаний, материалы оперативно-розыскной деятельности, электронные доказательства, иные документы и другие носители информации, полученные в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом.»

Помимо этого, необходимо дополнить действующую редакцию УПК ст. 99¹ «Электронные доказательства» и изложить ее в следующей редакции: «электронным доказательством признается цифровая информация, содержащаяся на электронных носителях информации, в том числе при помощи облачных технологий, размещенная в глобальной компьютерной сети интернет, которая служила орудием или средством совершения преступления, или сохранила в себе цифровые следы преступления, или была объектом преступных действий, а также электронные деньги, цифровая валюта, добытые преступным путем, и любая другая цифровая информация, которая может служить средством по обнаружению преступления, установлению фактических обстоятельств уголовного дела, выявлению виновных либо опровержению обвинения или смягчению ответственности обвиняемого».

Список использованной литературы

1. Буз, С. И. Киберпреступления: понятие, сущность и общая характеристика. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberprestupleniya-ponyatie-suschnost-i-obschaya-harakteristika/viewer> (дата обращения :23.03.2026).
2. Цимбал, В. Н. Понятие киберпреступления и его содержательная часть / В. Н. Цимбал, С. Г. Ключев // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 1. – С. 129–132.
3. Алиасхаб, М. А. Киберпреступность и доказывание в уголовном процессе России. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberprestupnost-i-dokazyvanie-v-ugolovnom-protsesse-rossii/viewer> (дата обращения: 24.03.2026).
4. Уголовный кодекс Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. – Мн. : Нац. центр правовой информ., 2019. – 1000 с.
5. О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против информационной безопасности (глава 31 УК) : Постановление Президиума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 18 дек. 2019 г. № 4. – 2026. – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=s219p0176s> (дата обращения: 10.03.2026).
6. Иванов, Н. А. О понятии «доказательство» в уголовном процессе / Н. А. Иванов // Вестник Омского юридического института. – 2012. – № 1 (18). – С. 47–50.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 05.04.2026).
8. Никитин, Ю. А. Глобальная сеть интернет как источник информации, значимой для расследования уголовных дел. Часть 2 / Ю. А. Никитин // Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь. – 2026. – URL: <https://etalonline.by/novosti/mnenie/istochnik-informatsii-dlya-rassledovaniya-ugolovnykh-del-2/> (дата обращения: 30.03.2026).
9. Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь от 11 марта 2024 г. № 359-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 05.04.2026).

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДИСТАНЦИОННОЙ ТОРГОВЛИ И ЭЛЕКТРОННЫХ ТОРГОВ

В статье рассматриваются правовые аспекты регулирования дистанционной торговли и проведения электронных торгов в сфере государственных закупок. Анализируются основные нормативные правовые акты, выделяются отдельные проблемы реализации электронных торгов, предлагаются направления совершенствования механизма работы на электронных торгах.

The article examines the legal aspects of regulating distance trading and conducting electronic tenders in the field of public procurement. The main regulatory legal acts are analyzed, individual problems in the implementation of electronic trading are highlighted, and directions for improving the mechanism of work in electronic trading are proposed.

Ключевые слова: дистанционная торговля; интернет-магазин; права потребителя; электронные торги; государственные закупки.

Key words: distance trading; online store; consumer rights; electronic trading; government procurement.

Под дистанционной торговлей предложено понимать вид торговли, при которой купля-продажа осуществляется с использованием информационно-коммуникационных технологий без одновременного присутствия покупателя и продавца. Правила продажи товаров при осуществлении дистанционной торговли утверждены постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15 января 2009 г. № 31 «Об утверждении Правил продажи товаров при осуществлении дистанционной торговли» [1].

В. П. Мартынов и Г. С. Сорокин отмечают, что наиболее распространенной формой дистанционной торговли является торговля через интернет-магазины [2]. Интернет магазином признается сайт субъекта торговли в глобальной компьютерной сети интернет, предоставляющий возможность выбрать товары и заключить с этим субъектом торговли договор розничной купли-продажи на этом сайте (подпункт 1.7 пункта 1 ст. 1 Закона Республики Беларусь «О государственном регулировании торговли и общественного питания») [3].

По данным Торгового реестра Республики Беларусь, за период с 2021 по 2025 гг. количество интернет-магазинов увеличилось в 1,22 раза (на 5 567 ед.) и на 1 января 2025 г. составило 30 989 ед. Розничную торговлю через интернет-магазин осуществляет 19 522 субъектов хозяйствования, из которых 9 442 ед. (или 48,4%) – юридические лица, 10 110 ед. (или 51,6%) – индивидуальные предприниматели.

По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, за 2020–2024 гг. удельный вес розничного товарооборота интернет-магазинов в розничном товарообороте организаций торговли вырос в 2,2 раза и по итогам 2024 г. составил 11,7% в объеме розничного товарооборота [4].

При осуществлении дистанционной торговой деятельности информационные системы, ресурсы и сети используются в порядке, установленном Законом Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-3 «Об информации, информатизации и защите информации» [5].

Субъект дистанционной торговой деятельности имеет право осуществлять розничную торговлю с применением глобальной компьютерной сети интернет посредством интернет-магазина либо с применением других информационных ресурсов, сетей и систем, которые имеют подключение к глобальной компьютерной сети интернет и предоставляющих возможность выбора товаров и заключения с данным субъектом договора розничной купли-продажи.

Владельцы (собственники) таких информационных ресурсов, сетей и систем обязаны принимать меры, направленные на соблюдение продавцами законодательства о защите прав потребителей.

Согласно пункту 4 ст. 7 Закона Республики Беларусь «О защите прав потребителей» в случае реализации потребителю товара посредством глобальной компьютерной сети интернет продавец обязан до момента заключения договора предоставить покупателю (потребителю)

информацию о товаре, а также информацию о сроке его доставки, цене и об условиях оплаты доставки товара [6].

М. А. Марчук отмечает, что отечественное законодательство заимствовало одну из важнейших гарантий прав потребителя при дистанционной торговле – так называемый «период охлаждения», т. е. право покупателя отказаться от товара надлежащего качества и вернуть его продавцу в определенный срок, ничем не мотивируя такой отказ [7].

Так, согласно пункту 1 ст. 28 Закона Республики Беларусь «О защите прав потребителей» потребителю принадлежит право в течение 14 (четырнадцати) календарных дней, когда иной более длительный срок не установлен продавцом, с момента передачи ему недовольственного товара в месте приобретения либо других местах (например, в интернет-магазинах), вернуть товар надлежащего качества либо обменять его на такой же товар иных размеров, форм, габаритов, фасона, комплектации либо расцветки, осуществив, при наличии разницы в цене, необходимый перерасчет с продавцом.

Период охлаждения является важной гарантией защиты прав потребителя, в особенности, в рамках осуществления торговли через интернет-магазины, при которой у покупателя отсутствует фактическая возможность личного осмотра товара при его приобретении.

Дистанционные торговые отношения регулируются и другими нормативными правовыми актами, важнейшими из которых является Закон Республики Беларусь 13 июля 2012 г. № 419-З «О государственных закупках товаров (работ, услуг)» [8]. В нем дано определение электронной торговой площадки как информационной торговой системы, которая предназначена для организации и проведения процедур государственных закупок в электронном формате, доступ к которой осуществляется через сайт в глобальной компьютерной сети интернет.

Электронные торги, несомненно, являются важным средством обеспечения конкуренции и экономии бюджетных средств. Но у любого механизма, наряду с достоинствами, всегда имеются и недостатки. Самой важной проблемой аукционов на данный момент является слабая информационная поддержка торгов, которая включает сложный процесс регистрации на торгах, большое количество необходимых документов, недостаточное количество квалифицированных специалистов в этой области. Поэтому совершенствование и автоматизация механизма электронных торгов в экономике Республики Беларусь является приоритетным путем ее развития.

Основная проблематика обычных торгов в сфере государственных закупок коренилась в нерыночном сговоре между субъектами торгов и давлении на возможных конкурентов. Весьма часто требования и перечень необходимой документации для участников электронных торгов по закупкам определяются таким образом, чтобы заблокировать любую конкуренцию и допустить к такому участию только «свою» компанию. Поэтому можно констатировать о существенном влиянии человеческого фактора на условия доступа к торгам и на определение победителя.

Кроме того, в данной сфере имеют место и такие правонарушения как: отсутствие извещений о проведении торгов; отсутствие достоверной информации о лоте; установление незаконных критериев для отбора покупателя; не все виды торгов размещаются на сайте; нарушение условий определения победителя торгов и др. Зачастую осуществлялась продажа государственных активов «по старинке», через обычные аукционы и конкурсы, а денежные средства в полном объеме не поступали в соответствующий бюджет.

Одной из проблем системы закупок являлась проблема сговоров на торгах. В современной экономике не редко хозяйствующие субъекты объединяются и заключают между собой картельное соглашение, преследуя цель получения материально высокой прибыли и тем самым наносят значительный ущерб не только другим хозяйствующим субъектам, но и экономике государства в целом.

Довольно высоким сохраняется уровень закупок, признаваемых несостоявшимися, при этом преимущественным основанием является подача одной заявки на участие в закупке, где в случае, если на участие в закупке не поступило ни одной заявки или все поданные заявки участников закупки были отклонены заказчиком, положения Закона № 419-З не позволяют прервать цикличность закупок и заключить контракт с единственным поставщиком даже после однократного признания процедуры определения поставщика несостоявшейся.

В целях совершенствования и оптимизации порядка определения поставщика, а также повышения эффективности осуществления закупок необходимо рассмотреть вопрос об установлении возможности (в случае признания закупок несостоявшимися в связи с отсутствием заявок) заключать контракт с участником закупки, не подававшим заявку, но соответствующим требованиям документации о закупке и с разрешения контрольных органов в сфере закупок.

При этом положения Закона № 419 дают возможность участникам закупок в электронной форме предоставлять в качестве обеспечения своих заявок на участие в закупке банковскую гарантию в электронной форме. Данные меры должны и могут изменить в положительную сторону ситуацию с признанием закупок в электронной форме несостоявшимися.

На сегодняшний день еще одной проблемой является отсутствие конкретной помощи участникам процедур закупок для проведения взаимодействия с электронными торговыми площадками. Конечно же, существуют фирмы, которые могут оказать помощь и полностью подготовить для организаций и ИП все документы для подачи заявки на электронные торги, но при этом они не несут за них ответственности, а в случае, если и несут, то такие услуги дорогостоящие. Кроме того, пакетов документов, необходимых организациям и индивидуальным предприятиям, необходимо делать достаточно много, а гарантий получения результатов нет, что означает потерю времени и денег.

Поэтому следующий предлагаемый способ оптимизации действий агентов – создание унифицированных форм для аукционной документации. Для новичка подготовить такую аукционную документацию является сложным процессом, так как необходимо прочитать документацию к аукциону и требования, указанные там, и часто такая документация бывает очень объемной. В этой связи, было бы существенным облегчением утверждение унифицированных форм, например, 1 и 2 частей заявки, декларации соответствия. Тогда фирме надо было бы просто заполнить существующие формы. Это могло бы оптимальным способом автоматизировать деятельность агентов ЭТП, но пока единых форм нет, полезным является создание онлайн-сервиса помощи в формировании документации для участия в электронных торгах. Пошаговый онлайн-сервис может помочь любому заинтересованному лицу, не имеющему специальных знаний, и сможет составить необходимую электронную документацию, причем совершенно бесплатно.

Еще одним способом совершенствования механизма работы на электронных торгах является решение системной задачи администрирования и контроля на основе технологии «сквозного применения» структурированных юридически значимых электронных документов. Именно технология передачи структурированных юридически значимых электронных документов (а не образов с ЭЦП) открывает возможности для обработки больших массивов данных в целях контроля исполнения заказа:

- на первом этапе имеем исходные данные: планы закупок;
- на втором этапе имеем параметры государственных контрактов;
- на третьем этапе имеем параметры закрывающих первичных документов.

Фактически юридически значимый электронный документооборот открывает возможности оптимальным способом организовать многие процессы, основанные на необходимости сверки данных из планов-контрактов первичных документов.

Исходя из проведенной работы, выделим наиболее конкретные предложения, направленные на развитие и совершенствование методики и механизмов работы на электронных торгах:

- ужесточение ответственности за особо крупные и регулярные нарушения законодательства в сфере закупок;
- систематизация нормативно-правовой базы;
- создание унифицированных форм для аукционной документации (но пока единых форм как таковых нет), создание онлайн-сервиса помощи в формировании документации для участия в электронных торгах;
- проведение консультативной помощи на государственном уровне для участников закупок, разработка понятийного обучающего приложения для работы на электронных торгах;
- исключение участия в закупках недобросовестных поставщиков путем допуска к контракту только квалифицированных участников закупок, обладающих опытом исполнения контрактов.

Список использованной литературы

1. **Об утверждении** Правил продажи товаров при осуществлении дистанционной торговли : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 15 янв. 2009 г. № 31 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 16 мая 2025 г. № 268 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=c20900031> (дата обращения: 31.03.2026).

2. **Мартынов, В. П.** Правовое регулирование интернет-торговли в Республике Беларусь / В. П. Мартынов, Г. С. Соркин // Проблемы устойчивого развития регионов Республики Беларусь и сопредельных стран : сб. материалов X Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 13–14 мая 2021 г. – Могилев, 2021. – С. 156–159.

3. **О государственном** регулировании торговли и общественного питания в Республике Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 8 янв. 2014 г. № 128-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h11400128> (дата обращения: 31.03.2026).

4. **Удельный** вес розничного товарооборота интернет-магазинов в розничном товарообороте организаций торговли: Национальный статистический комитет Республики Беларусь // Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации. – URL: <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10211000045> (дата обращения: 31.03.2026).

5. **Об информации,** информатизации и защите информации : Закон Респ. Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 24 мая 2021 г. № 111-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800455> (дата обращения: 31.03.2026).

6. **О защите** прав потребителей : Закон Респ. Беларусь от 9 января 2002 г. № 90-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10200090> (дата обращения: 31.03.2026).

7. **Марчук, М. А.** Правовое регулирование дистанционной торговли в законодательстве России и Евросоюза / М. А. Марчук // Ленинградский юридический журнал. – 2007. – С. 191–197.

8. **О государственных** закупках товаров (работ, услуг) : Закон Респ. Беларусь от 13 июля 2012 г. № 419-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 31 янв. 2024 г. № 354-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h11200419> (дата обращения: 31.03.2026).

РЕПРОДУКТИВНАЯ УСЛУГА КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

В данной статье подвергнут анализу правовой природы репродуктивной услуги как объекта гражданских прав в Республике Беларусь, проведена сравнительная характеристика классификаций договора суррогатного материнства как возмездного оказания услуг, специфика объектов и субъектов.

This article analyzes the legal nature of reproductive services as an object of civil rights in the Republic of Belarus, provides a comparative analysis of the classifications of surrogacy contracts as paid services, and the specifics of objects and subjects.

Ключевые слова: вспомогательные репродуктивные технологии; суррогатное материнство; гражданско-правовой договор; экстракорпоральное оплодотворение; репродуктивная услуга.

Key words: assisted reproductive technologies; surrogacy; civil contract; in vitro fertilization; reproductive service.

Развитие медицинских технологий в Республике Беларусь позволило реализовать право стать родителями лицам, у которых отсутствует возможность самостоятельно зачать, выносить и (или) родить ребенка.

Сегодня современные вспомогательные репродуктивные технологии (далее – ВРТ) открывают перспективы, которые ранее не были доступны медицине. С их помощью возможно отсрочить родительство до позднего возраста, добиться беременности при патологиях репродуктивной системы или родить здорового ребенка даже при генетических заболеваниях. Эти технологии включают разнообразные методы, такие как искусственная инсеминация, экстракорпоральное оплодотворение и суррогатное материнство. Особый акцент делается на правовом регулировании репродуктивной медицины.

Согласно закону Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях», методы репродуктивной медицины применяются к лицам, у которых имеются показания (бесплодие и иные заболевания, делающие невозможным естественное зачатие и (или) рождение ребенка) и отсутствуют противопоказания к применению ВРТ. Таким образом, в национальном законодательстве ограничиваются медикализированным подходом. Число женщин, страдающих бесплодием, составляет около 750–780 на 100 тыс. женского населения 18–49 лет, мужчин – около 100–200 на 100 тыс. мужского населения в возрасте 18 лет и старше. Зачастую при применении ВРТ используются донорские половые клетки, которые могут быть получены как от донора, которого потенциальные родители знают, так и от анонимного донора.

Репродуктивная услуга – это медицинская процедура или комплекс мер, которые направлены на лечение бесплодия, лечения беременности и преодоление трудностей с зачатием. Основная цель репродуктивной услуги – это помочь парам стать родителями.

Вспомогательные репродуктивные технологии – это метод оказания медицинской помощи, при котором отдельные или все этапы зачатия и (или) раннего развития эмбриона (эмбрионов) до переноса его (их) в матку осуществляются в лабораторных условиях.

Согласно ст. 3 Закона Республики Беларусь от 7 января 2012 г. № 341-3 «О вспомогательных репродуктивных технологиях», к видам вспомогательных репродуктивных технологий относятся:

- экстракорпоральное оплодотворение;
- суррогатное материнство;
- искусственная инсеминация [1].

Экстракорпоральное оплодотворение – вид вспомогательных репродуктивных технологий, заключающийся в соединении сперматозоида и яйцеклетки вне организма женщины, развитии образовавшегося в результате этого соединения эмбриона и дальнейшем переносе данного эмбриона в матку.

Суррогатное материнство – вид вспомогательных репродуктивных технологий, заключающийся в соединении сперматозоида и яйцеклетки, изъятых из организма генетической матери, или донорской яйцеклетки вне организма женщины, развитии образовавшегося в результате этого соединения эмбриона, дальнейшем переносе данного эмбриона в матку суррогатной матери, вынашивании и рождении ею ребенка.

Искусственная инсеминация – вид вспомогательных репродуктивных технологий, заключающийся во введении мужских половых клеток в матку искусственным путем.

ВРТ определяются как методы медицинской помощи с лабораторными этапами зачатия и развития эмбриона вне организма женщины. Репродуктивная услуга может классифицироваться как самостоятельный объект гражданских прав, который представляет деятельность по реализации репродуктивного потенциала заказчика через возмездное оказание услуг.

Согласно ч. 1 ст. 733 Гражданского кодекса Республики Беларусь, по договору возмездного оказания услуг одна сторона (исполнитель) обязуется по заданию другой стороны (заказчика) оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги [2].

Ключевым является договор суррогатного материнства. Договор суррогатного материнства в Республике Беларусь – это нотариально удостоверенное соглашение между суррогатной матерью и генетическими родителями (или одинокой женщиной), регулирующее вынашивание и рождение ребенка. Требует письменной формы, обязательного согласия супругов сторон, наличия медицинских показаний, а также строго соответствует закону «О вспомогательных репродуктивных технологиях». Существенные условия данного договора являются следующие:

- количество эмбрионов;
- медицинское обслуживание;
- сроки передачи ребенка и возмещение расходов.

Договор суррогатного материнства устанавливает права для суррогатной матери на возмещение расходов, проживание и вознаграждение (возмездно или безвозмездно для родственников), обязанности – медицинский контроль и передача ребенка. Договор предусматривает ответственность сторон, порядок оплаты, условия содержания суррогатной матери и медицинской помощи.

Самостоятельной разновидностью современных медицинских технологий является суррогатное материнство, которое в соответствии с законодательством Республики Беларусь представляет собой вид ВРТ, заключающийся в соединении сперматозоида и яйцеклетки, изъятых из организма генетической матери, или донорской яйцеклетки вне организма женщины, развитии образовавшегося в результате этого соединения эмбриона, дальнейшем переносе данного эмбриона в матку суррогатной матери, вынашивании и рождении ею ребенка.

Таким образом, при суррогатном материнстве в Республике Беларусь может либо использоваться яйцеклетка, изъятая из организма генетической матери, либо донорская яйцеклетка. При этом, так как под суррогатной матерью понимается женщина, которая по договору суррогатного материнства вынашивает и рождает ребенка, не являющегося носителем ее генотипа, следовательно, донорская яйцеклетка не может быть изъята из организма суррогатной матери, т. е. суррогатная мать не может являться по белорусскому законодательству генетической матерью вынашиваемого ребенка, что является абсолютно правильным.

Согласно законодательству Республики Беларусь, репродуктивная услуга (в частности, договор суррогатного материнства) является разновидностью возмездных услуг. В отличие от обычных медицинских услуг, она направлена не только на лечение, но и на создание новой жизни, что порождает дополнительные права (на генетическое родительство, статус родителей).

Правовая природа репродуктивных услуг предопределяет сложный субъектный состав, характеризующийся сочетанием частноправовых интересов и жесткого государственного контроля:

1. Услугополучатели (Заказчики). Согласно ст. 4 Закона Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях», к ним относятся супружеские пары и одинокие

женщины. В контексте гражданского права они выступают в роли кредиторов в обязательстве. Важной правовой особенностью является ограничение дееспособности: закон устанавливает возрастную ценз и медицинские показания для реализации права на получение услуги.

3. Услугодатели (Исполнители). Исключительно организации здравоохранения, обладающие специальным разрешением (лицензией). Гражданско-правовой статус исполнителя осложнен его публично-правовой обязанностью соблюдать медицинские протоколы, что ограничивает принцип свободы договора.

4. Суррогатная мать. Выступает специальным субъектом. Несмотря на то, что она заключает договор, ее статус не сводится к классическому «подрядчику». Это лицо, реализующее право на распоряжение своим телом в рамках гражданско-правовой сделки, что требует особого механизма защиты ее личных неимущественных прав.

5. Объектом гражданских прав в данном случае выступает сама деятельность медицинского персонала (проведение манипуляций) и деятельность суррогатной матери (вынашивание), согласно закону это классифицируется как «работы и услуги».

6. Генетический материал (эмбрионы, половые клетки) в Республике Беларусь признается объектом с ограниченной оборотоспособностью. Они не могут быть предметом купли-продажи в чистом виде, но являются предметом договоров хранения или передачи.

7. Объектом выступает не ребенок, а достижение юридического результата – возникновение родительских прав у заказчиков.

В рамках института репродуктивных услуг как объекта гражданского права Республики Беларусь, закрепленного Законом № 341-З «О вспомогательных репродуктивных технологиях» (ст. 21), суррогатное материнство конструируется как нотариально удостоверенный договор, где суррогатная мать обязуется оказать услугу вынашивания и рождения ребенка генетической матери (или использовавшей донорскую яйцеклетку), фиксируя существенные условия:

- количество эмбрионов;
- клинику;
- обязанности по медицинским предписаниям и информированию о здоровье плода;
- место проживания;
- сроки передачи ребенка;
- стоимость услуги;
- порядок возмещения расходов.

Фундаментальная проблема заключается в нормативном дефиците защиты суррогатной матери: несмотря на формальное равенство сторон, диспозитивные условия подчиняют ее волю генетическим родителям, не предусматривая императивных гарантий при выявлении патологий плода – обязанность следовать предписаниям врача и передавать ребенка рискует трансформироваться в принуждение к прерыванию беременности, чреватое экономическими убытками, психоэмоциональной деструкцией и нарушением автономии тела (ст. 421 Гражданского кодекса Республики Беларусь).

Решение проблемы предполагает доктринальную эволюцию ст. 21: введение существенным условием полной компенсации гонорара с моральным вредом при медицинском прерывании, с неприкосновенным правом суррогатной матери на отказ (исключая угрозу ее жизни) и обязательным психологическим сопровождением за счет заказчиков.

Список использованной литературы

1. **О вспомогательных** репродуктивных технологиях : Закон Респ. Беларусь от 7 дек. 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 19 дек. 2011 г. : одобр. Советом Республики 20 дек. 2011 г. – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=h11200341> (дата обращения: 12.03.2026).

2. **Гражданский** кодекс Республики Беларусь : 7 декабря 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Республики 19 ноября 1998 г. – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk9800218> (дата обращения: 10.03.2026).

СОВРЕМЕННЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ОЦЕНКИ РИСКОВ И УПРАВЛЕНИЯ ИМИ НА ПРЕДПРИЯТИИ

В данной статье исследован современный инструментарий оценки рисков, приводятся основные методы управления ими на коммерческом предприятии. Особое внимание автором уделяется цифровым технологиям риск-менеджмента.

This article explores modern risk assessment tools and provides basic methods for managing risks in a commercial enterprise. The author pays special attention to digital risk management technologies.

Ключевые слова: риски; угрозы; инструментарий; оценка; управление; цифровые технологии; методы.

Key words: risks; threats; tools; assessment; management; digital technologies; methods.

В современных условиях турбулентной внешней среды осуществления предпринимательской деятельности проблемы оценки и управления рисками приобретают все большую актуальность [1]. Этот инструментарий, по мнению авторов, представляет собой интегрированный комплекс методов, технологий и систем, направленных на обнаружение, оценку и прогнозирование опасностей во всех сферах деятельности компании. Он выходит за рамки традиционного финансового анализа, опираясь на данные из разных источников и обеспечивая связь между стратегическим управлением, операционным контролем и IT-структурой. Современный инструментарий можно структурировать по нескольким ключевым направлениям:

1) Аналитические платформы и системы бизнес-аналитики (BI-системы) [2]. Эти технологические решения выступают ядром инструментария, обеспечивая сбор, консолидацию и визуализацию больших массивов структурированных данных из ERP-, CRM- и других внутренних систем. Они позволяют в режиме, близком к реальному времени, отслеживать ключевые индикаторы безопасности (KPI и KRI – Key Risk Indicators), строить интерактивные дашборды и выявлять аномалии или негативные тренды в финансовых потоках, закупках, продажах и производственных процессах. Интеллектуальные функции, такие как автоматическое оповещение о выходе показателей за пороговые значения, делают эти системы незаменимым инструментом для непрерывного мониторинга.

2) Методы стратегического анализа и прогнозирования. Данные методы позволяют анализировать макросреду и предвосхищать стратегические угрозы.

– PESTLE-анализ, в основе которого лежит оценка угроз и рисков внешней среды, сгруппированных по отдельным признакам;

– сценарное планирование подразумевает оценку различных возможных сценариев развития событий в аспекте уровня их рискованности;

– SWOT-анализ предназначен для комбинационного анализа угроз и рисков как внешней, так и внутренней среды предприятия.

3) Методы анализа внутренней среды и процессов – это направление инструментов на выявление уязвимостей в операционной деятельности.

– построение и аудит бизнес-процессов (нотация BPMN) с последующим анализом рисков (методология Risk Breakdown Structure – RBS) помогает идентифицировать критические точки сбоев, потерь информации или ресурсов;

– внутренний финансовый и управленческий анализ с использованием коэффициентов, трендового и факторного анализа (например, анализ деловой активности Дюпона) выявляет скрытые угрозы платежеспособности, ликвидности и финансовой устойчивости;

– методы экспертных оценок (мозговой штурм, метод Дельфи, опросы ключевых специалистов) позволяют выявить нематериальные и слабоформализуемые угрозы, связанные с человеческим фактором, репутацией или корпоративной культурой.

4) Информационно-аналитические системы и мониторинг цифрового следа. Современные угрозы часто зарождаются в информационном поле [3], а их анализ в основном осуществляется путем двух основных подходов (рисунок 1).

Рисунок 1 – Мониторинг рисков в цифровой среде

5) Интегрированные системы мониторинга рисков включают в себя набор вышеперечисленных методов и инструментов, благодаря чему возникает синергетический эффект, напрямую повышающий эффективности оценки и отслеживания как имеющихся, так и возможных рисков в деятельности предприятия (например GRC-платформы) [4].

Процесс оценки рисков представляет собой многогранный и разноректорный процесс, требующий различных подходов исходя из потребностей хозяйствующего субъекта и актуальных трендов изменения внешней среды их функционирования, среди которых большинство исследователей выделяют три группы: экспертно-аналитические, вероятностно-статистические и интегральные [5]. Инструментарий первых двух групп представлен на рисунке 2.

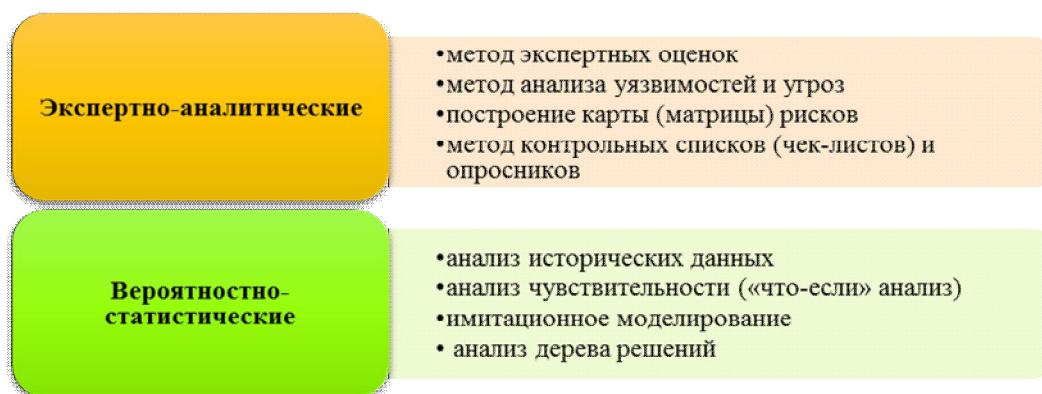

Рисунок 2 – Экспертно-аналитический и вероятностно-статистический инструментарий

Рассмотрим подробнее комбинированные (интегральные) подходы. На практике наиболее эффективным является последовательное или параллельное применение качественных и количественных методов. К комбинированным подходам можно отнести:

– Ранжирование рисков на основе интегральных балльных оценок. Качественным оценкам вероятности и последствий присваиваются баллы (например, по шкале от 1 до 5). Интегральный уровень риска рассчитывается как произведение или сумма этих баллов, что позволяет количественно упорядочить даже слабоформализуемые риски (например, репутационные).

– Построение системы ключевых индикаторов рисков (KRI). Качественный анализ используется для выявления потенциальных рисков, а количественный – для подбора и мониторинга конкретных индикаторов, которые служат «сигнальными лампочками» приближающейся реализации угрозы (например, рост просроченной дебиторской задолженности как KRI кредитного риска).

Комплексный подход к управлению рисками, основываясь на методах управления как внешними, так и внутренними рисками, позволяет хозяйствующим субъектами образовать комплексный подход, позволяющий предприятиям эффективно выявлять, оценивать и снижать риски.

Внутренние методы управления рисками включают в себя уклонение (избежание) риска, подразумевают полное исключение деятельности, связанной с высоким риском; лимитирование; трансфер (передача) риска и его хеджирование – это активная финансовая стратегия защиты от неблагоприятных изменений рыночных условий.

Особо стоит отметить такой метод, как принятие риска (удержание риска). Иногда компания сознательно принимает на себя риск, если его уровень приемлем и стоимость других методов управления слишком высока. Возможна организация самострахования – формирование резервов и фондов для покрытия возможных потерь.

Далее приведем основные внешние методы управления рисками и их характеристику:

1. Стресс-тестинг и анализ сценариев. Анализ наихудших сценариев позволяет оценить устойчивость бизнеса к экстремальному воздействию внешней среды (экономические кризисы, политические потрясения, природные катастрофы).

2. Партнерство и совместное распределение риска. Внешние риски можно снизить за счет заключения партнерств или консолидирования усилий с другими компаниями. Это позволяет поделить убытки и минимизировать последствия неблагоприятных изменений.

3. Использование страховых и государственных механизмов. Внешние риски часто страхуются через страховые компании или покрываются государственными гарантиями и программами поддержки.

4. Мониторинг внешней среды и информационное обеспечение. Постоянный мониторинг политической, экономической, технологической среды необходим для своевременного выявления угроз.

Вопросами управления рисками занимаются как отечественные, так и иностранные специалисты, так, например международный Институт внутренних аудиторов создал модель «Три линии защиты», которая поможет координировать процессы управления рисками и повышать его эффективность через разделение функционала и обязанностей (рисунок 3).

Рисунок 3 – Три линии защиты управления рисками

Выбор конкретного методического подхода к оценке рисков и управления ими зависит от характера риска, доступности информации, требуемой точности и ресурсов компании. Современная тенденция заключается в интеграции различных методов в единую информационную систему риск-менеджмента, где качественный анализ задает фокус, а количественный – предоставляет экономическое обоснование для принятия решений, формируя надежную основу для перехода к этапу выбора стратегии обработки рисков.

Список использованной литературы

1. **Проблемы** экономической безопасности: новые глобальные вызовы и тенденции / Л. М. Анохин, Н. В. Анохина, О. Г. Аркадьева [и др.]. – Челябинск : Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), 2021. – 715 с.

2. **Большенко, С. Ф.** Оптимизация бизнес-процессов предприятия: теоретический и практический аспекты / С. Ф. Большенко, В. Б. Горбунова // Проблемы межрегиональных связей. – 2023. – № 21. – С. 28–35. – DOI 10.54792/24145734_2023_21_28_35.

3. **Султанов, Г. С.** Цифровизация экономики и внедрения инновации как ключевые факторы обеспечения экономической безопасности в условиях глобализации / Г. С. Султанов, Н. Г. Султанов // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2024. – № 11 (169). – С. 420–428.

4. **Кириллос, А. Г.** Модели и инструменты цифровой трансформации бизнеса / А. Г. Кириллос, В. Б. Горбунова // Вестник молодежной науки. – 2022. – № 1 (33).

5. **Проблемы** экономической безопасности: вызовы новой реальности / Е. В. Алексеева, В. В. Бехер, Т. А. Вerezубова [и др.]. – Челябинск : Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), 2023. – 732 с.

УДК 349.222

У. А. Осадчая (ulyanaa310@gmail.com),
студент

Д. Г. Нилов (dima-nilov@rambler.ru),
ст. преподаватель

Белорусский торгово-экономический
университет потребительской кооперации
г. Гомель, Республика Беларусь

САМОЗАЩИТА ТРУДОВЫХ ПРАВ РАБОТНИКОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПОНЯТИЕ И ФОРМЫ

В работе проведен анализ системы защиты трудовых прав работников в Республике Беларусь, выявлены ее недостатки, в частности отсутствие в Трудовом кодексе понятия «самозащита» и формы самозащиты. Предложены пути оптимизации: закрепление в Трудовом кодексе понятия и форм самозащиты трудовых прав с учетом опыта Российской Федерации.

This paper analyzes the system for protecting workers' labor rights in the Republic of Belarus and identifies its shortcomings, particularly the absence of the concept of “self-defense” and its forms in the Labor Code. Optimization options are proposed, including enshrining the concept and forms of self-defense of labor rights in the Labor Code, taking into account the experience of the Russian Federation.

Ключевые слова: самозащита; формы самозащиты; трудовые права.

Key words: self-defense; forms of self-defense; labor rights.

В соответствии со ст. 2 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК) одной из его основных задач является: установление и защита взаимных прав и обязанностей работников и нанимателей.

Анализ существующей системы защиты трудовых прав выявляет направления для ее оптимизации. Одним из главных недостатков Трудового кодекса Республики Беларусь является то, что законодатель упустил из виду все многообразие существующих к настоящему моменту способов защиты прав в сфере наемного труда, причем как уже реально функционирующих, так и только потенциальных. Фактически основным источником информации о формах и способах защиты трудовых прав сейчас выступает гл. 17 Трудового кодекса Республики Беларусь. Термин «самозащита» Трудовой кодекс Республики Беларусь и вовсе не употребляет.

В законодательстве Республики Беларусь не содержится отдельных норм о способах и формах защиты трудовых прав работников. Е. А. Ковалева на основании анализа содержания ТК делает вывод, что формы защиты трудовых прав в Беларуси и России одинаковы: это судебная и иная защита трудовых прав работников, что предусмотрено ст. 11 ТК. К иным формам защиты указанный автор относит защиту прав профессиональными союзами (ст. 46 ТК), органами государственного надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде (ст. 462 и 463 ТК), органами по рассмотрению трудовых споров (ст. 233, 379 ТК), а также самозащита работниками своих трудовых прав [1, с. 31].

Наиболее спорной и наименее разработанной в теоретическом плане является такая форма защиты работниками своих трудовых прав как самозащита.

Понятие самозащиты трудовых прав является достаточно новым в теории трудового права.

В настоящий момент сложились два подхода к пониманию понятия самозащиты: широкий и узкий. Так, сторонники широкого подхода под самозащитой понимают любые действия лица по защите его прав от нарушения [2, с. 8]. Представляется, что такая широкая трактовка понятия самозащиты приводит к его отождествлению с понятием «защита трудовых прав». В связи с этим полагаем, что более точно отражает сущность самозащиты второй, узкий подход к определению данного понятия.

По мнению В. И. Миронова, самозащита трудовых прав – это совершаемые стороной трудового договора действия (бездействия) с целью устранения нарушения, допущенного другой стороной этого договора, с использованием форм (способов), не противоречащих законодательству [3, с. 830]. А. А. Андреев под самозащитой трудовых прав работника понимает «самостоятельную законную деятельность работника, направленную на восстановление нарушенного права и (или) устранении препятствий в его реализации, без обращения в органы, уполномоченные на защиту трудовых прав» [4, с. 493]. В свою очередь, О. Л. Нихайчик предлагает следующее определение рассматриваемой категории: «самозащита трудовых прав – это форма защиты трудовых прав, способами защиты которой являются самостоятельные действия работника, направленные на оперативное предупреждение или пресечение правонарушения с целью восстановления нарушенного права и (или) устранения препятствий в его реализации без обращения или наряду с обращением в специально уполномоченные органы по защите трудовых прав» [5].

Бесспорно, данные определения заслуживают внимания, однако, по мнению авторов, в них не отражены способы самозащиты трудовых прав работника, которые должны соответствовать способам, предусмотренным в законодательстве. Следует отметить, что субъектами права на самозащиту могут быть только работники. Таким образом, считаем возможным предложить следующее определение понятия самозащита трудовых прав:

Самозащита трудовых прав – это форма защиты работником своих трудовых прав самостоятельными действиями без обращения в государственные органы способами, предусмотренными в законодательстве.

В отличие от ТК в ст. 379 Трудового кодекса Российской Федерации закреплены формы самозащиты. Так, согласно указанной норме в целях самозащиты трудовых прав работник, известив работодателя или своего непосредственного руководителя либо иного представителя работодателя в письменной форме, может отказаться от выполнения работы, не предусмотренной трудовым договором, а также отказаться от выполнения работы, которая непосредственно угрожает его жизни и здоровью, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом и иными федеральными законами. На время отказа от указанной работы за работником сохраняются все права, предусмотренные трудовым законодательством и иными актами, содержащими нормы трудового права.

Несмотря на отсутствие в ТК термина «самозащита» трудовых прав, такие нормы в нем имеются.

На основе анализа действующего трудового законодательства Республики Беларусь, а также основываясь на способах защиты трудовых прав, нужно отметить в настоящий момент единственный возможный способ самозащиты трудовых прав – отказ от работы. В настоящее время обращение к такому способу самозащиты как отказ от работы возможно в следующих случаях:

- 1) в ч. 5 ст. 40 ТК: прекращение работы по истечении срока предупреждения об увольнении по желанию работника;
- 2) в ст. 39 ТК: прекращение работы по истечении срока действия срочного трудового договора;
- 3) в ст. 223 ТК: отказ от выполнения работы в случае возникновения непосредственной опасности для жизни и здоровья работника и окружающих.

Причем право на отказ предусмотрено как непосредственно ТК, так и может являться последствием неправомерных действий нанимателя. Например, в соответствии с пунктом 11 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2023 г. № 9 «О применении законодательства при рассмотрении гражданских дел о прекращении трудовых договоров» (далее – Постановление № 9), если вопреки достигнутой договоренности о прекращении трудовых отношений с согласованной даты, указанной в заявлении об увольнении, наниматель приказ об увольнении не издал, а работник работу прекратил, односторонний отказ нанимателя от прекращения трудового договора не может быть признан правомерным. Также не может быть признан прогулом отказ работника приступить к работе, на которую он был

переведен с нарушением закона. Данное нарушение закона может выражаться в отсутствии письменного согласия работника на перевод, когда такое согласие требуется (ч. 1 ст. 30 ТК). Соответственно судом признается право работника на такой способ защиты как отказ от выполнения работы, которая не была предусмотрена трудовым договором.

Отдельно хотелось бы подчеркнуть, что для достижения цели самозащиты работник должен уведомить нанимателя о том, что он собирается использовать незапрещенные законом способы самозащиты, в частности отказ от работы. По мнению авторов, данное предупреждение должно быть в письменной форме, в частности на это указывает абзац 8 ст. 11 Закона Республики Беларусь от 23 июня 2008 г. № 356-З «Об охране труда». Так, согласно указанной норме, при отказе от выполнения порученной работы по указанным основаниям работник обязан незамедлительно письменно сообщить работодателю, предоставляющему работу гражданам по трудовым договорам (далее – наниматель), либо уполномоченному должностному лицу нанимателя о мотивах такого отказа, подчиняться правилам внутреннего трудового распорядка, за исключением выполнения вышеуказанной работы.

Таким образом, поскольку в трудовом законодательстве Республике Беларусь отсутствует понятие самозащиты трудовых прав, то представляется необходимым закрепить определение понятия «самозащита трудовых прав работника» и ее формы в ТК.

Список использованной литературы

1. **Ковалева, Е. А.** Формы и способы защиты трудовых прав работников / Е. А. Ковалева // Трудовое и социальное право. – 2022. – № 4. – С. 29–33.
2. **Халиков, В. Р.** Самозащита в российском трудовом праве : автореф. дис. канд. юрид. наук / В. Р. Халиков. – Томск, 2006. – 26 с.
3. **Миронов, В. И.** Трудовое право : учеб. для вузов. / В. И. Миронов. – СПб. : Питер, 2009. – 864 с.
4. **Актуальные** проблемы трудового права : учеб. для магистрантов / отв. ред. Н. Л. Лютов. – М. : Проспект, 2017. – 688 с.
5. **Нихайчик, О. Л.** К вопросу о понятии самозащиты трудовых прав / О. Л. Нихайчик. – URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/240295/1/%D0%9D%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B9%D1%87%D0%B8%D0%BA_3.pdf (дата обращения: 25.03.2026).

РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ, В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье рассматривается гражданско-правовое регулирование отношений, возникающих при применении вспомогательных репродуктивных технологий в Республике Беларусь. Анализируется нормативная база, включающая специальный закон о ВРТ, положения гражданского и семейного законодательства, а также подзаконные акты Министерства здравоохранения. Особое внимание уделено правовой природе договора на применение ВРТ как договора возмездного оказания медицинских услуг, особенностям договоров суррогатного материнства и донорства половых клеток и эмбрионов, а также соотношению диспозитивных начал и императивных ограничений в данной сфере. Обосновывается вывод о том, что действующая модель ограниченной свободы договора обеспечивает базовый баланс интересов участников и приоритета прав ребенка, но нуждается в дальнейшей детализации договорных конструкций и усилении гарантий прав пациентов, доноров и суррогатных матерей.

The article examines the civil law regulation of relations arising from the use of assisted reproductive technologies in the Republic of Belarus. It analyzes the regulatory framework, which includes a special law on ART, provisions of civil and family legislation, as well as by-laws issued by the Ministry of Health. Special attention is paid to the legal nature of the agreement on the use of ART as a contract for the provision of medical services for a fee, the specifics of surrogacy agreements and agreements on the donation of reproductive cells and embryos, as well as the balance between discretionary principles and mandatory restrictions in this area. The article concludes that the current model of limited freedom of contract provides a basic balance of participants' interests and the priority of children's rights, but it needs further detailing of contractual structures and strengthening of guarantees for the rights of patients, donors, and surrogate mothers.

Ключевые слова: вспомогательные репродуктивные технологии; гражданско-правовые отношения; договор возмездного оказания медицинских услуг; суррогатное материнство; донорство половых клеток и эмбрионов; биоматериал; свобода договора; императивные ограничения.

Key words: assisted reproductive technologies; civil law relations; contract for the provision of medical services; surrogacy; donation of reproductive cells and embryos; biomaterial; freedom of contract; mandatory restrictions.

Вспомогательные репродуктивные технологии (далее – ВРТ) в Республике Беларусь становятся все более распространенным способом преодоления бесплодия и реализации права граждан на создание семьи. Их применение порождает комплекс гражданско-правовых отношений между пациентами, медицинскими организациями, донорами и суррогатными матерями, затрагивая вопросы договора, ответственности, статуса эмбриона и определения происхождения ребенка. В этих условиях анализ регулирования отношений, возникающих при применении ВРТ в гражданском праве Беларуси, необходим для выявления особенностей правового статуса участников, оценки эффективности действующих норм и формулирования предложений по их совершенствованию.

Нормативная база регулирования вспомогательных репродуктивных технологий в Республике Беларусь опирается, во-первых, на специальный Закон «О вспомогательных репродуктивных технологиях», который задает общий каркас правового режима данной сферы: закрепляет понятия ВРТ, суррогатного материнства, донорства половых клеток и эмбрионов, определяет цели и условия применения технологий, требования к субъектам, порядок использования, хранения и уничтожения биоматериала, а также основные гарантии прав пациентов, доноров

и суррогатных матерей [2]. Во-вторых, существенную роль играют нормы гражданского законодательства, прежде всего положения о договоре возмездного оказания услуг, через который оформляются отношения между пациентами и медицинскими организациями, оказывающими услуги по применению ВРТ; к этим отношениям применяются общие положения о сделках, ответственности за ненадлежащее оказание услуги, возмещении вреда, защите нематериальных благ и персональных данных. Особый блок составляют договоры, связанные с оборотом биоматериала (донорство половых клеток, эмбрионов), которые в доктрине трактуются как особые договорные конструкции с ограниченной оборотоспособностью объекта и жесткими требованиями к законности и нравственности условий. В-третьих, семейное законодательство обеспечивает оформление происхождения ребенка и статуса родителей: нормы о материнстве и отцовстве, приоритете интересов ребенка, порядке регистрации рождения и возможного оспаривания происхождения дополняются специальными положениями о детях, рожденных с применением ВРТ, что ограничивает свободу договора сторон в части условий, способных ущемить права ребенка. Существенное значение имеют и подзаконные акты Министерства здравоохранения, которые детализируют медицинские и организационные аспекты применения ВРТ: устанавливают порядок проведения процедур, требования к оборудованию и персоналу, регламенты информированного добровольного согласия, правила учета, хранения и транспортировки биоматериала; фактически они конкретизируют содержание обязанностей медицинских организаций и влияют на оценку надлежащего исполнения договоров [3].

Гражданско-правовые отношения, возникающие при применении вспомогательных репродуктивных технологий, в Республике Беларусь строятся прежде всего на договорных конструкциях, в рамках которых реализуется автономия воли участников, но одновременно действует значительный массив императивных ограничений медицинского, семейного и биоэтического характера. Центральное место занимает договор между пациентами и медицинской организацией, оказывающей услуги по применению ВРТ. По своей правовой природе он квалифицируется как договор возмездного оказания медицинских услуг: медицинская организация обязуется провести определенные репродуктивные процедуры с соблюдением стандартов качества и безопасности, а пациенты – оплатить оказанные услуги. К числу существенных условий такого договора относятся предмет (конкретные виды ВРТ, объем диагностических и лечебных вмешательств), порядок и размер оплаты, сроки оказания услуг, условия хранения и дальнейшего использования репродуктивного материала, а также информированное добровольное согласие пациентов, включающее разъяснение рисков, вероятности успеха и возможных осложнений. Ответственность исполнителя основана на общих положениях гражданского права: при ненадлежащем оказании услуги, нарушении медицинских стандартов, разглашении медицинской тайны или персональных данных клиника может нести обязанность по возмещению имущественного вреда и компенсации морального вреда; при этом, как правило, речь идет о обязанности обеспечить надлежащее качество и безопасность процедуры, а не гарантированный репродуктивный результат.

Особую группу гражданско-правовых договоров составляет договор суррогатного материнства, который по своей природе является сложным, комплексным соглашением, тесно связанным с семейным правом. Он сочетает элементы договора возмездного оказания услуг (выношение и рождение ребенка как предоставление репродуктивной функции), соглашения о возмещении расходов и компенсации возможного вреда, а также обязательств по передаче ребенка заказчикам после рождения. К таким договорам предъявляются повышенные требования к форме: как правило, требуется письменная форма с нотариальным удостоверением или иная усиленная процедура, а также обязательное предварительное медицинское и психологическое консультирование сторон. В договор включают условия о правах и обязанностях суррогатной матери (соблюдение медицинских рекомендаций, отказ от вредных привычек, прохождение обследований), обязанностях заказчиков (оплата медицинских услуг, возмещение расходов, предоставление содержания на период беременности и послеродового восстановления), порядке передачи ребенка и моменте перехода к ним фактического ухода и юридического статуса родителей. Проблемным в гражданско-правовом плане является вопрос принудительного исполнения такого договора и его расторжения: принудить женщину к вынашиванию или отказу от ребенка недопустимо, поэтому реальное исполнение во многом обеспечивается предварительным отбором и консультированием, а споры разрешаются с приоритетом интересов ребенка. Расторжение договора на разных стадиях (до имплантации эмбриона, во время беременности, после рождения) порождает разные последствия: от прекращения обязательств без значимых

последствий до сложных коллизий о происхождении ребенка и распределении обязанностей по его содержанию.

Третью группу составляют договоры донорства половых клеток и эмбрионов. Их объектом выступают половые клетки (сперматозоиды, яйцеклетки) и эмбрионы *in vitro*, которые в гражданско-правовой плоскости рассматриваются как особый объект прав, не подпадающий под классическую вещную модель, но допускающий ограниченный оборот в строго регламентированных целях. В таких договорах фиксируются условия предоставления донорского материала, порядок его использования, срок хранения, возможность или невозможность использования для других пар либо для научных целей. Важным элементом является анонимность донора либо, наоборот, использование неанонимной модели, что влияет на объем информации, доступной реципиентам и потенциально – ребенку. Как правило, донор в договоре прямо отказывается от каких-либо родительских прав и обязанностей в отношении будущих детей, зачатых с использованием его материала, а закон закрепляет, что сам по себе факт генетического родства не порождает семейно-правового статуса без соответствующей воли и юридического оформления. Вместе с тем допустимость отдельных условий (например, попыток ограничить право ребенка на информацию о своем происхождении, если такое право предусмотрено законом) оценивается через призму императивных норм о защите прав ребенка и личной жизни.

Во всех перечисленных договорах ключевым методологическим вопросом является соотношение диспозитивности и императивных ограничений. С одной стороны, участники ВРТ свободны в выборе медицинской организации, согласовании стоимости и порядка оплаты, распределении расходов и рисков, определении дополнительных гарантий и компенсаций, регулируют в договоре многие организационные и имущественные аспекты: режим посещений врачей, порядок взаимодействия с клиникой, детали взаимодействия с суррогатной матерью и донором, способы урегулирования возможных разногласий. С другой стороны, значительная часть условий предопределена императивными нормами: нельзя отказаться от требований к информированному добровольному согласию, от медицинских стандартов и критериев допуска к процедурам, от правового приоритета интересов ребенка, от установленного законом порядка определения происхождения ребенка и его регистрации. Императивно закрепляются также отдельные запреты (торговля детьми, использование ВРТ в целях, не связанных с лечением бесплодия, определенные формы коммерциализации), пределы оборотоспособности биоматериала, требования к защите персональных данных и медицинской тайны. В результате гражданско-правовые отношения при ВРТ представляют собой модель ограниченной договорной свободы: участники могут детально конструировать свои обязательства, но любое договорное условие, противоречащее публичным интересам, биоэтическим принципам и правам ребенка, будет ничтожным или подлежать приведению в соответствие с императивными предписаниями закона.

В гражданском праве Республики Беларусь договор на применение ВРТ квалифицируется как договор возмездного оказания медицинских услуг, хотя фактически он приводит к определенному результату (беременность, рождение ребенка), потому что для медицины в целом (и ВРТ в частности) законодатель и доктрина исходят из «обязательства по деятельности», а не «обязательства по гарантированному результату».

Во-первых, Гражданский кодекс Республики Беларусь в ст. 733 определяет договор возмездного оказания услуг через обязанность исполнителя совершить определенные действия (деятельность) в интересах заказчика, не связывая его сущность с достижением материального результата, в отличие от подряда, где результат – центральный элемент предмета. В научных и практических материалах прямо указывается, что к платным медицинским услугам применяются нормы гл. 39 Гражданского кодекса Республики Беларусь о возмездном оказании услуг, а положения о подряде используются лишь субсидиарно и постольку, поскольку не противоречат особенностям медицинской деятельности [1].

Во-вторых, медуслуги (в том числе ВРТ) носят рисковый характер: даже при надлежащем исполнении всех манипуляций врач не может гарантировать беременность и рождение здорового ребенка, что прямо отмечается в доктрине об ответственности за нарушение обязательств по оказанию медицинских услуг при ВРТ. Поэтому законодатель и практика исходят из того, что обязанность исполнителя – обеспечить надлежащую профессиональную деятельность и соблюдение стандартов, а не обеспечить определенный жизненный результат, который зависит от множества биологических факторов, не подконтрольных стороне-исполнителю.

В-третьих, наличие «результата» в медицинской сфере не тождественно подрядному пониманию: в пояснениях к различию подряда и возмездного оказания услуг подчеркивается, что

и при услуге может быть нематериальный или «идеальный» результат (например, заключение, диагноз, динамика состояния), но это не превращает договор в подряд; ключевым является то, что предметом является процессуальная деятельность, а не создание вещи или иного овеществленного результата. ВРТ как комплекс медицинских вмешательств как раз подпадает под такую модель: юридически значимым является надлежащее проведение процедур по установленным стандартам, а не гарантия рождения ребенка.

Таким образом, правовое регулирование вспомогательных репродуктивных технологий в Республике Беларусь формирует сложную, но в целом логически выстроенную модель гражданско-правовых отношений, основанную на договорной автономии сторон при жестком императивном ограничении в целях защиты публичных интересов и прав ребенка. Специальный закон о ВРТ, в сочетании с нормами гражданского и семейного законодательства, а также подзаконными актами Министерства здравоохранения, задает рамки допустимого поведения участников, определяя правовой статус пациентов, медицинских организаций, доноров и суррогатных матерей, режим биоматериала и особенности установления происхождения ребенка. Ключевой гражданско-правовой конструкцией выступает договор возмездного оказания медицинских услуг, на основе которого квалифицируются отношения по применению ВРТ, включая в себя и комплексные соглашения суррогатного материнства, и договоры донорства, что позволяет закрепить за исполнителем обязанность по надлежащей деятельности, а не по гарантированному репродуктивному результату. Одновременно именно в этой сфере наиболее отчетливо проявляются пределы свободы договора: любые условия, затрагивающие фундаментальные права ребенка, нарушающие биоэтические стандарты или допускающие недопустимую коммерциализацию репродуктивной функции, объявляются недействительными либо подлежат игнорированию при разрешении споров. Совокупность отмеченных обстоятельств свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования гражданско-правового регулирования ВРТ – прежде всего в части детализации договорных конструкций, конкретизации ответственности медицинских организаций и дополнительных гарантий для ребенка, доноров и суррогатных матерей, что позволит обеспечить более устойчивый баланс частных и публичных интересов в данной чувствительной сфере.

Список использованной литературы

1. **Гражданский** кодекс Республики Беларусь : 7 дек. 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Республики 19 нояб. 1998 г. – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk9800218> (дата обращения: 15.03.2026).
2. **О вспомогательных** репродуктивных технологиях : Закон Респ. Беларусь от 7 янв. 2012 г. № 341-З : принят Палатой представителей 19 дек. 2011 г. : одобр. Советом Республики 20 дек. 2011 г. – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=h11200341> (дата обращения: 15.03.2026).
3. **О вопросах** применения вспомогательных репродуктивных технологий : Постановление министерства здравоохранения Респ. Беларусь : 27 окт. 2025 г. № 170. – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=W22544277> (дата обращения: 16.03.2026).

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАДЗОРА В СФЕРЕ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ ПРОКУРАТУРОЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 2026 Г.

Статья посвящена анализу процесса импортозамещения в Российской Федерации как одного из ключевых направлений государственной политики. Рассматриваются изменения в законодательстве, касающиеся закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд, а также роль прокурорского надзора в обеспечении соблюдения новых норм и тенденции его развития.

This article analyzes import substitution in the Russian Federation as a key area of public policy. It examines legislative changes related to the procurement of goods, works, and services for state and municipal needs, as well as the role of prosecutorial oversight in ensuring compliance with new regulations and its development trends.

Ключевые слова: прокурорский надзор; тенденции; импортозамещение; закупки; национальный режим; стратегически значимые лекарственные препараты.

Key words: prosecutorial supervision; trends; import substitution; procurement; national regime; strategically important drugs.

На сегодняшний день процесс импортозамещения является одним из важнейших направлений государственной политики Российской Федерации. Курс, понимаемый как «экономическая стратегия, направленная на замену импортируемых товаров и услуг отечественными аналогами» [1, с. 27], находит свое отражение во множестве действующих нормативно-правовых актов, таких как, например, «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации», «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». В этой связи особенно значимую роль носит институт прокурорского надзора, как способ обеспечения государственного контроля за реализацией концептуальных экономических задач.

В Российской Федерации с 1 января 2026 г. введены в действие новые законодательные и подзаконные акты, направленные на усиление контроля за импортозамещением, в частности, в направлении государственных и муниципальных закупок товаров, работ и услуг. Тем не менее, до настоящего времени отсутствует научное осмысление воздействия данных правовых изменений на систему прокурорского надзора и потенциальные векторы его развития, в связи с чем считается необходимым дать подробную характеристику вышеуказанным поправкам, установить существующие меры прокурорского надзора в отношении государственных закупок, их обращенность и предложить новые направления развития.

Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (далее ФЗ «О закупках») претерпевает существенные изменения, ввиду поправок в ст. 14, введенной 1 января 2026 г., в которой предписывается обязательное применение понятия «национальный режим» при осуществлении закупок для государственных и муниципальных нужд. Согласно вышеуказанной статье, Правительство Российской Федерации вправе принимать меры, направленные на:

- запрет закупки товаров;
- ограничение закупки товаров;
- преимущество в отношении товаров российского происхождения [2].

По мнению Н. В. Рехтиной и Е. А. Линник, изменения при осуществлении закупок призваны служить мерой дополнительной поддержки российских производителей и обеспечить максимальную благоприятную возможность заключения договора с поставщиком из Российской Федерации или же из стран Евразийского Экономического Союза [3, с. 77].

Опираясь на меры, закрепленные в ФЗ «О закупках» [4] и Постановление Правительства Российской Федерации «О мерах по предоставлению национального режима при осуществле-

нии закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 23 декабря 2024 г. № 1875 [5] (далее Постановление Правительства «О мерах предоставления национального режима»), наибольший интерес для исследования представляет полный запрет закупки товаров, услуг иностранных производителей по определенным категориям. Так, например, в соответствии с приложениями № 1 и № 2 Постановления Правительства «О мерах национального режима», устанавливается полный запрет на приобретение специализированного автотранспорта, медицинских изделий, изделий текстильной промышленности, специализированного программного обеспечения, а также аудиторских услуг, консультирования и т. д.

Важно сказать, что для обеспечения исполняемости указанных запретов в соответствии с действующим законодательством, заказчиков обязывают проверять наличие Реестрового номера Российской промышленной продукции, подтверждающего происхождение товара от отечественного производителя.

Таким образом, существующие внесенные изменения, имея общую направленность импортозамещения, призваны обеспечить условия, касающиеся введения обязательного национального режима в закупочной системе России, которые направлены на защиту интересов российских производителей и поддержку отечественной экономики, путем формирования списка запрещенных товаров и услуг иностранных производителей для приобретения по строго указанным категориям в соответствии с Постановлением Правительства от 23 декабря 2024 г. № 1875 и обязательной проверкой заказчиком вышеуказанных товаров в Реестре российской промышленной продукции.

Обратим внимание и на то, что создаются новые правила для закупки стратегически значимых лекарственных препаратов. В соответствии с Постановлением Правительства «О мерах предоставления национального режима», стратегически значимые лекарственные препараты, включенные в специальный перечень (Распоряжение Правительства Российской Федерации «Об утверждении перечня стратегически значимых лекарственных средств» от 6 июля 2010 г. №1141-р), будут закупаться на основании приоритета продукции, производимой на территории стран Евразийского Экономического Союза. Препараты же, выпускаемые фармацевтической промышленностью в других государствах, должны быть отклонены.

Причиной указанных нововведений в области фармацевтики стало постепенное уменьшение степени зависимости от Американского и Европейского рынка лекарственных средств, в силу ранее введенных санкций против российского производства. Указанная сфера, впервые урегулированная Правительством Российской Федерации в 2016 и 2017 гг., с показателями в 70% иностранной продукции на национальном рынке, уже на момент 2021 г. приобрела значение в 50% отечественной продукции, что указывается в исследовательской работе исследования А. С. Алеканова [6, с. 9].

Согласно же работе Д. О. Пронузо, в рамках Стратегии развития фармацевтической промышленности до 2030 г. «Фарма 2030», доля лекарственных средств, выпускаемых и производимых отечественными производствами к 2030 г., достигнет показателей в 90% [7, с. 232].

Таким образом, можно сказать, что введенные поправки 1 января 2026 г. в ФЗ «О закупках», направлены на комплексный процесс импортозамещения и реализуются путем получения приоритета стратегических лекарственных средств, произведенных на территории России или же стран Евразийского Экономического Союза, что в том числе обуславливается ростом отечественной фармацевтической промышленности в соответствии с проводимой Стратегией развития фармацевтической промышленности года «Фарма 2030».

В силу введенных ключевых поправок, направленных на усиление режима импортозамещения в сфере государственных и муниципальных закупок, Прокуратура, осуществляя главенствующую функцию по обеспечению верховенства права, выявлению и пресечению нарушений законодательства Российской Федерации, особенно обязана брать во внимание изменения.

Так, прокурорский надзор по вопросу регулирования обращения к национальному режиму и ограничений правил закупок иностранных товаров, услуг и работ, а также приоритета при закупке стратегически значимых лекарственных препаратов будет основан на Приказе Генеральной прокуратуры Российской Федерации «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере закупок» от 14 января 2021 г. № 6 [8], а точнее положениях ст. 2.2, 2.3, 2.4, которые требуют от прокуроров субъектов России, приравненных к ним военных и специализированных прокуроров, прокурора комплекса «Байконур» соответственно:

– «... в обязательном порядке проверять законность и обоснованность закупок...», что значит осуществлять надзор за соблюдением запретов на приобретение товаров иностранных производителей;

– «Обеспечить действенный надзор за исполнением законодательства при размещении в единой информационной системе в сфере закупок обязательных сведений...», т. е. анализировать документацию и отчетности о закупках на предмет соответствия национальному режиму;

– «Проверять соблюдение заказчиками требований к ценообразованию, нормированию закупаемых товаров, работ и услуг...», а именно контролировать обоснованность отклонения заявок иностранных товаров, услуг и работ и не допускать дискриминацию российских производителей.

Обратим внимание, что введенные поправки не предусматривают принятия новых мер прокурорского реагирования. Тем не менее, на наш взгляд существуют два перспективных и актуальных предложения по эффективному выявлению нарушений национального режима и иных поправок, вступающих в силу с 1 января 2026 г., а именно:

– Совместный мониторинг и анализ Прокуратурой Российской Федерации и Росаккредитацией позволит оперативно выявлять нарушения, связанные с национальным режимом. Так Прокуратура, запрашивая у Росаккредитации экспертные заключения и результаты проверок по вопросам соответствия товаров критериям локализации, обретет возможность стремительного выявления случаев подмены импортных товаров российскими или недостоверного декларирования их происхождения.

– Создание и ведение реестра нарушений в сфере национального режима прокуратурой Российской Федерации может существенно повысить эффективность надзора. Реестр позволит централизованно собирать информацию о выявленных нарушениях, их характере, причинах и последствиях, что упростит анализ несоблюдения законодательства в сфере национального режима и выявление типовых нарушений. Единый реестр обеспечит обмен информацией между прокуратурами и иными правоохранительными органами.

Важно сказать и что поправки в ФЗ «О закупках» и ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» прямо направлены на увеличение работы органов прокуратуры с единой закупочной информационной системой, Реестром российской промышленной продукции. Это, на наш взгляд, является перспективной для перехода к проактивному мониторингу нарушений, который направлен на обеспечение доступа к документации о закупках еще на стадии формирования заявки, а также на более раннее выявление рисков и причин нарушений закона до подписания контрактов.

Таким образом, обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод, что введенные в 2026 г. изменения в законодательстве, касающиеся закупок для государственных и муниципальных нужд и закупок стратегически значимых лекарственных препаратов, подчеркивают важность национального режима и приоритет отечественных товаров и товаров стран Евразийского Экономического Союза, услуг, работ перед аналогами иностранных производителей. Прокурорский надзор же играет важнейшую роль в обеспечении соблюдения законодательства в сфере закупок, позволяя эффективно контролировать процесс импортозамещения. Хотя действующее законодательство не предусматривает введения новых форм прокурорского реагирования, можно увидеть значительный потенциал в таких инициативах, как совместный мониторинг и анализ Прокуратурой Российской Федерации и Росаккредитацией, создание и ведение реестра нарушений в сфере национального режима Прокуратурой Российской Федерации. Эти направления, по мнению авторов, будут способствовать укреплению законодательства в вопросах, связанных с ограничениями на импорт и поддержкой российских производителей. Более того, внесенные поправки создают предпосылки для перехода к проактивному выявлению нарушений путем анализа данных информационных систем.

Список использованной литературы

1. Шкляев Д. В. Импортозамещение в современной России: проблемы и перспективы / Д. В. Шкляев, Е. В. Кутяшова // Менеджмент: теория и практика. – 2024. – № 3-4. – С. 25–28.
2. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : Федер. закон от 5 апр. 2013 г. № 44-ФЗ : в ред. от 28 дек. 2025 г. // КонсультантПлюс. Россия: справочно-правовая система (дата обращения: 27.03.2026).
3. Рехтина, Н. В. Вопросы правового регулирования предоставления национального режима при осуществлении закупок // Н. В. Рехтина, Е. А. Линник // Экономика космоса. – 2024. – № 10. – С. 69–77.

4. **О закупках** товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ : Федер. закон в ред. от 8 августа 2024 г. // КонсультантПлюс. Россия: справочно-правовая система (дата обращения: 27.03.2026).

5. **О мерах** по предоставлению национального режима при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц : Постановление Правительства Рос. Федерации от 23 дек. 2024 г. № 1875 : в ред. от 11 февр. 2026 г. // КонсультантПлюс. Россия: справочно-правовая система (дата обращения: 27.03.2026).

6. **Алеканов, А. С.** Направления государственного финансового регулирования фармацевтического рынка за рубежом и практика России по импортозамещению / А. С. Алеканов // Финансовые рынки и банки. – 2021. – № 3. – С. 7–11.

7. **Пронузо, Д. О.** Исследование современных методов, механизмов и инструментов управления инновациями в фармацевтической отрасли / Д. О. Пронузо // Journal of Monetary Economics and Management. – 2023. – № 3. – С. 228–233.

8. **Об организации** прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере закупок : Приказ Генеральной прокуратуры Рос. Федерации от 14 янв. 2021 г. № 6 : в ред. от 5 мая 2023 г. // ГАРАНТ: справочно-правовая система (дата обращения: 27.03.2026).

УДК 349.2

Д. В. Соловьева (solovdasha02@mail.ru),

студент

Сибирский университет
потребительской кооперации

г. Новосибирск, Российская Федерация

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА РАБОТОДАТЕЛЯМИ В РОССИИ И КИТАЕ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ АЛГОРИТМИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ТРУДОМ

В статье рассматриваются правовые риски использования искусственного интеллекта работодателями, оценивается управление трудом в двух странах. В нынешних реалиях управленческие функции работодателя все чаще реализуются не через непосредственное взаимодействие с работником, а использованием алгоритмических систем, способных распределять задачи, контролировать производительность и принимать решения, затрагивающие ключевые элементы трудовых отношений.

The article examines the legal risks of the use of artificial intelligence by employers and assesses labor management in two states. In today's realities, the managerial functions of the employer are increasingly implemented not through direct interaction with the employee, but through the use of algorithmic systems capable of distributing tasks, monitoring productivity, and making decisions affecting key elements of labor relations.

Ключевые слова: цифровизация; правовые риски; искусственный интеллект; работодатель; платформы.

Key words: digitalization; legal risks; artificial intelligence; employer; platforms.

Активное развитие и цифровизация экономики, стремительное внедрение технологий искусственного интеллекта и само осовременивание структуры приводят к трансформации традиционных для нас моделей организации труда.

Сейчас создается новая реальность: работник фактически подчиняется не конкретному лицу, а цифровому механизму, существование и функционирование которого не обладает прозрачностью; недоступно для правовой оценки. Такого вида трансформация ставит под сомнение классические конструкции трудового права, основанные на категории работодателя как субъекта, наделенного управленческой волей и несущего юридическую ответственность за принимаемые решения.

Особая актуальность, на взгляд авторов, проявляется в контексте российско-китайского сотрудничества, где цифровые платформы и технологические решения развиваются максимально ускоренными темпами, формируя новые модели занятости и трансграничных взаимоотношений. Одновременно с этим, правовое регулирование в обеих странах не в полной мере адаптировано к возникающим вызовам, отсюда вырастают риски нарушения трудовых прав работников, дискриминации, непрозрачности принятия решений и ограничения возможностей их оспаривания.

В нынешних условиях возникает необходимость комплексного анализа алгоритмического управления трудом как нового феномена правовой действительности, также выявления связанных с ним правовых рисков, плюс ко всему разработки правовых альтернативных моделей регулирования, которые будут способны обеспечить баланс интересов работников и работодателей в цифровой экономике.

Алгоритмическое управление трудом – это опосредованная форма реализации управленческой воли работодателя, при которой регуляция поведения работника осуществляется через алгоритмические системы, принимающие решения на основе анализа данных без непосредственного участия человека. Определение вывелось из сущности: работодатель выступает субъектом – работодатель осуществляет управленческие полномочия в трудовых отношениях; а также функции переходят алгоритму – принятие значимых решений, связанных с организацией контролем и оценкой труда работника, осуществляется полностью или преимущественно посредством автоматизированных цифровых систем, функционирующих на основе алгоритмов обработки данных).

Благодаря тому, что происходит осовременивание базовых систем, мы также можем ввести новое понятие, такое как цифровая дисциплина труда. Цифровая дисциплина труда – это система соблюдения работником установленных правил и требований, обеспечиваемая посредством автоматизированного контроля и алгоритмической фиксации его действий. Вместо классической системы сейчас формируется современная версия, в которой, в момент управления, отсутствует человек, а алгоритм становится функциональной частью работодателя.

Алгоритмическое управление предполагает под собой, что решения, которые имеют юридическое значение для работника, а это распределение задач, оценка или, допустим, применение санкций, принимаются автоматизированными системами без непосредственного участия человека. Автоматизация принятия управленческих решений – ядро этого феномена. Без него нет алгоритмического управления вообще.

Управленческое воздействие работодателя реализуется через цифровую систему, которая выступает посредником между сторонами трудового отношения, заменяя прямое взаимодействие. Почему опосредованный характер управленческого воздействия важен? Здесь ломается классическая система трудового права – работник в данном случае подчиняется не субъекту, а системе.

Работник не имеет доступа к логике функционирования алгоритма и не может установить основания принятия в отношении него управленческих решений. Непрозрачность механизмов принятия решений напрямую ведет к рискам, поэтому это в том числе один из важных и сильных признаков.

Управленческие решения принимаются на основе анализа цифрового профиля работника и иных массивов данных, а не на основе субъективного усмотрения работодателя. Как раз ориентация на данные (data-driven управление) показывает отличие от традиционного управления и напрямую связывает тему с цифровизацией экономики [1].

В совокупности указанные признаки позволяют говорить о формировании качественно новой модели управления трудом, при которой по факту алгоритмические системы замещают традиционные формы управленческого воздействия работодателя. Эта трансформация как меняет характер трудовых отношений, так и порождает комплекс специфических правовых рисков, которые будут обусловлены утратой прозрачности управления, усилением цифровой асимметрии сторон и снижением уровня правовой защищенности работника.

В условиях внедрения алгоритмических систем в сферу трудовых отношений происходит трансформация традиционного понимания работодателя как субъекта, который непосредственно осуществляет управление трудом работников. Классическая, или традиционная модель, предполагает наличие управленческой воли, которая реализуется через действия конкретных должностных лиц, которые принимают решения в отношении организации контроля и оценки труда.

Тем не менее, при алгоритмическом управлении данные функции в значительной степени передаются автоматизированным цифровым системам, функционирующим основываясь на обработке массивов данных. В результате фактическое управленческое воздействие на работника осуществляется не человеком, а алгоритмом, который определяет содержание трудовой деятельности, ее интенсивность и результаты.

Основываясь на данной информации, мы можем говорить о формировании распределенной управленческой воли работодателя, при которой управленческие функции реализуются через совместное использование организационных и цифровых механизмов. Формальный статус

субъекта трудового отношения остается за работодателем, но при этом его роль трансформируется, и он теперь выступает не только управленцем, но и организатором и оператором алгоритмической системы [1].

Также, мы можем рассматривать алгоритмические системы как функциональный элемент работодателя, поскольку именно через них происходит реализация ключевых управленческих решений. Учитывая специфику цифрового управления, алгоритмические системы позволяют сохранить традиционную конструкцию ответственности работодателя.

Не может быть, что нововведения сразу дают положительный результат. Естественно, что такая трансформация порождает ряд проблемных аспектов. Во-первых, происходит размывание границ ответственности, так как решения принимаются системой, логику которой работодатель чаще всего понять не сможет. Во-вторых, уровень прозрачности управленческих процессов становится на порядок ниже, что затрудняет реализацию работником прав на свою защиту. И в конце концов усиливает подчиненность работника алгоритмическим решениям, что ставит его в зависимость от алгоритма.

Можно сделать вывод, что трансформация роли работодателя в условиях алгоритмического управления выражается в переходе от персонализированной модели управления к опосредованной алгоритмической системе, создавая условия для требования переосмысления традиционных подходов трудового права и создания предпосылок для возникновения новых правовых рисков.

Обращаясь к вопросу о правовых рисках, отметим, что под правовым риском алгоритмического управления трудом понимается вероятность наступления неблагоприятных правовых последствий – как для работника (нарушение его прав и законных интересов), так и для работодателя (привлечение к ответственности, признание решений незаконными) – вследствие применения автоматизированных систем принятия решений в процессе найма, оценки, управления, контроля и увольнения работников.

Виды рисков:

- Риски, связанные с прозрачностью и объяснимостью алгоритмов. Данная группа включает риски, обусловленные невозможностью или затруднительностью для работника понять логику принятия алгоритмического решения [1].

- Риски в сфере защиты персональных данных и приватности. Системы алгоритмического управления трудом предполагают масштабный сбор и обработку персональных данных работников: от традиционных кадровых данных до информации о геолокации, биометрических данных, данных о поведении в информационных системах, коммуникационных паттернов, показателей физического и психоэмоционального состояния.

- Риски, связанные с распределением ответственности. Цепочка принятия решений при алгоритмическом управлении включает множество субъектов: разработчик алгоритма (который может быть внешним по отношению к работодателю), провайдер данных для обучения модели, специалист по настройке системы, менеджер, формально утверждающий алгоритмическое решение, и юридическое лицо – работодатель.

- Риски, связанные с деформацией трудовых отношений и автономии работника. Алгоритмическое управление способно трансформировать баланс власти в трудовых отношениях, усиливая асимметрию между работодателем и работником [2, с. 100].

Ни российское, ни китайское трудовое законодательство в их нынешнем виде не содержат специальных норм, непосредственно адресующих алгоритмическое управление трудом, что порождает правовую неопределенность и создает риски как для работников, так и для работодателей.

Китай на настоящий момент демонстрирует более развитый нормативный аппарат регулирования алгоритмов и ИИ, что создает потенциально более высокий уровень правовой защиты работников, хотя практическая эффективность данного регулирования требует отдельного изучения.

Алгоритмическая дискриминация в трудовых отношениях может проявляться на всех этапах жизненного цикла трудового отношения. Систематизация ее механизмов имеет ключевое значение для оценки адекватности правовых средств противодействия.

Дискриминация при оценке производительности проявляется в ситуациях, когда алгоритмические системы мониторинга и оценки работников используют метрики, которые непропорционально негативно влияют на определенные группы. Например, алгоритм, оценивающий эффективность курьера по скорости доставки, может систематически занижать оценки работников с инвалидностью или пожилых работников, не учитывая объективные физические ограничения [3]. Система оценки производительности офисных работников по количеству нажатий

клавиш, движений мыши или времени, проведенного перед экраном, может негативно влиять на работников, чей труд предполагает значительную долю «невидимой» для алгоритма аналитической или творческой работы.

Дискриминация при увольнении может проявляться через использование алгоритмических систем «предиктивной аналитики персонала», определяющих работников «с высоким риском увольнения» или «с низким потенциалом» [4]. Если такие системы обучены на исторических данных, содержащих дискриминационные паттерны, они будут воспроизводить эти паттерны в своих предсказаниях, фактически предлагая работодателю «научно обоснованный» список кандидатов на увольнение, сформированный на основе дискриминационных критериев.

Сопоставление российского и китайского подходов к проблемам алгоритмической непрозрачности и дискриминации позволяет выявить ряд общих дефицитов, свойственных обоим правовым порядкам:

1. Дефицит специализации. Ни Россия, ни Китай не обладают правовыми нормами, непосредственно адресующими алгоритмическую дискриминацию в трудовых отношениях как самостоятельное правовое явление, качественно отличающееся от «традиционной» дискриминации. Существующие антидискриминационные нормы были сконструированы для ситуаций, в которых дискриминационное решение принимается конкретным лицом на основе идентифицируемого мотива, и плохо работают в контексте статистической дискриминации, воспроизводимой алгоритмом.

2. Дефицит процессуальных механизмов. Ни в одном из правовых порядков не решена проблема бремени доказывания алгоритмической дискриминации. Работник, не имеющий доступа к коду алгоритма, обучающим данным и параметрам модели, объективно не способен доказать дискриминационный характер решения.

3. Дефицит экспертизы. Оценка алгоритмических систем на предмет дискриминации требует специальных познаний, находящихся на пересечении информатики, статистики и права. Ни судебные, ни административные органы обоих государств в настоящее время не располагают адекватной экспертной базой для проведения такой оценки [4].

Таким образом, алгоритмическое управление трудом представляет собой качественно новый феномен, трансформирующий природу управленческой власти работодателя. Замена персонифицированного волеизъявления автоматизированным процессом принятия решений порождает комплекс правовых рисков – от алгоритмической непрозрачности и дискриминации до размывания ответственности и деформации автономии работника, – которые не укладываются в традиционные регуляторные рамки трудового законодательства.

Сравнительный анализ показал, что ни российское, ни китайское трудовое право не содержат специальных норм, непосредственно адресующих алгоритмическое управление трудом. Вместе с тем Китай демонстрирует более высокую нормативную активность: RPL, Положения об алгоритмических рекомендациях и Руководящие мнения 2021 г. формируют более развитую регуляторную инфраструктуру. Россия, напротив, пока придерживается стратегии «мягкого» регулирования, что оставляет значительные пробелы в защите прав работников.

Общими дефицитами обоих правовых порядков являются: отсутствие концепции косвенной алгоритмической дискриминации, неразвитость процессуальных механизмов доказывания, дефицит экспертизы для оценки алгоритмических систем и преобладание реактивной модели защиты над превентивной.

Перспективными направлениями совершенствования регулирования в обеих юрисдикциях представляются: прозрачная оценка сотрудников через алгоритмы; гибридное принятие решений; права работников на данные и оспаривание решений; лимитирование алгоритмических решений; стандартизация алгоритмов в компаниях.

Список использованной литературы

1. Жильцов, М. А. Применение искусственного интеллекта при регулировании трудовых отношений / М. А. Жильцов, Ю. В. Жильцова // Трудовое право в России и за рубежом. – 2023. – № 3. – С. 22–24.

2. Борисова Л. В. О понятии искусственного интеллекта и правовом режиме произведений, созданных им без творческого участия человека // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19, – № 8. – С. 100–113.

3. Новиков, Д. А. Использование искусственного интеллекта при найме работников: проблемы и перспективы правового регулирования / Д. А. Новиков // Journal of Digital Technologies

and Law. – 2024. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-iskusstvennogo-intellekta-pri-nayme-rabotnikov-problemy-i-perspektivy-pravovogo-regulirovaniya> (дата обращения: 27.03.2026).

4. Афанасьев, С. Ф. К проблеме материальной и процессуальной правосубъектности искусственного интеллекта / С. Ф. Афанасьев // Вестник гражданского процесса. – 2022. – Т. 12. – № 3. – С. 12–31.

УДК 336.71

О. О. Сотникова (tatyana.shpakova.1990@mail.ru),
студент

Т. В. Курленкова (tatyana.shpakova.1990@mail.ru),
преподаватель

Филиал учреждения образования
Белорусский торгово-экономический
университет потребительской кооперации
«Могилёвский торговый колледж»
г. Могилёв, Республика Беларусь

ЦИФРОВОЙ БЕЛОРУССКИЙ РУБЛЬ: ПРЕИМУЩЕСТВА, ВЛИЯНИЕ НА ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНУЮ ПОЛИТИКУ И ФИНАНСОВУЮ СТАБИЛЬНОСТЬ

В статье рассматривается понятие «цифровой рубль», его влияние на денежно-кредитную политику и финансовую стабильность, а также его преимущества.

The article examines the concept of the “digital ruble”, its impact on monetary policy and financial stability, as well as its advantages.

Ключевые слова: цифровой рубль; платежи; расчеты; ликвидность банка; денежно-кредитная политика; счета клиентов; финансовая устойчивость.

Key words: digital ruble; payments; settlements; bank liquidity; monetary policy; customer accounts; financial stability.

Интерес к данной теме усиливается в условиях возрастающей конкуренции со стороны финтех-компаний, не являющихся банками или небанковскими кредитно-финансовыми организациями, активной разработки глобальными технологическими компаниями частных валют, распространения криптовалют, которые не являются фиатными деньгами и несут определенные риски финансовой стабильности [1].

В условиях стремительных изменений, обусловленных активным и повсеместным внедрением цифровых технологий во все сферы экономики, финансовая система Республики Беларусь должна соответствовать изменяющимся запросам населения и субъектов хозяйствования в более быстрых, удобных, дешевых и безопасных средствах денежного обращения, содействовать внедрению инноваций в экономике. В этой связи целесообразно исследование Цифровой валюты центрального банка (ЦВЦБ). Анализ зарубежных исследований центральных банков (ЦБ) свидетельствует, что ЦВЦБ могут стать дополнительным инструментом, удовлетворяющим потребности населения в более быстрых, удобных, надежных, дешевых и безопасных платежных средствах, а следовательно, способствовать интересам развития экономики.

Цифровой белорусский рубль (ЦБР) – национальная валюта Республики Беларусь, которая эмитируется Национальным банком Республики Беларусь и учитывается на цифровых счетах участников платформы ЦБР путем отражения соответствующих записей в распределенном реестре платформы ЦБР.

По данным Банка международных расчетов, около 86% опрошиваемых центральных банков находятся на разных этапах изучения этого вопроса, от исследования до пилотирования и внедрения. В частности, в настоящее время крупнейшие регуляторы (в том числе Федеральная резервная система США, Банк Англии, Банк Швеции, Европейский центральный банк и др.) изучают возможности выпуска ЦВЦБ. Полноценно внедрили национальные ЦВЦБ порядка 11 стран.

Более 60 стран находятся на продвинутых этапах разработки своих ЦВЦБ (разработка, пилотирование, внедрение). Основные страны-партнеры Республики Беларусь также исследуют целесообразность и возможность внедрения цифровой формы национальной валюты, проводят

пилотные проекты. Так, Китай и Россия завершают тестирование своих цифровых валют, Казахстан реализует пилотный проект.

В таблице 1 представлены отдельные примеры проектов зарубежных центральных банков и их отдельные характеристики.

Таблица 1 – Характеристики проектов ЦВЦБ в отдельных странах

Страна	Цифровая валюта	Мотивы внедрения	Доступность	Статус
Россия	Цифровой рубль	Сокращение зависимости от доллара США, снижение издержек пользователей, внедрение инноваций	Розничная	Пилотирование
Казахстан	Цифровой тенге	Повышение финансовой вовлеченности, внедрение инноваций	Розничная	Пилотирование
Кыргызстан	Цифровой сом	Развитие платежного рынка, повышение доступности финансовых услуг	Розничная	Исследование
Китай	e-CNY	Повышение эффективности платежной системы, повышение финансовой вовлеченности	Розничная и оптовая	Пилотирование
Багамские Острова	Sand Dollar	Повышение эффективности проведения платежей, снижение издержек пользователей	Розничная	Внедрено в использование

Стоит отметить, что многие страны заинтересованы внедрить цифровой рубль в свою деятельность.

Далее рассмотрим преимущества применения цифрового рубля (таблица 2):

Таблица 2 – Преимущества применения цифрового рубля

Преимущества применения цифрового рубля		
Для населения и субъектов хозяйствования	Для финансовой системы	Для государства
Доступ клиентов к своему цифровому счету через любую финансовую организацию, в которой они обслуживаются	Снижение затрат на создание и обеспечение функционирования отдельных элементов платежной инфраструктуры	Расширение возможностей централизованного мониторинга осуществления платежей всеми участниками платформы, включая трансграничные расчеты
Прозрачная тарифная политика. Комиссии по операциям с ЦБР будут тарифицироваться по единым правилам	Снижение расходов на комиссионные платежи в пользу операторов платежных систем, включая международные платежные системы	Снижение издержек на администрирование бюджетных платежей за счет автоматизации данного процесса с использованием смарт-контрактов
Обеспечение большего уровня сохранности денежных средств	Снижение потребности во внутренней ликвидности субъектов экономики для проведения платежей между собой и с конечным потребителем	Повышение эффективности контроля целевого расходования бюджетных средств
Развитие новых инновационных платежных сервисов и финансовых инструментов, прежде всего благодаря использованию смарт-контрактов	Снижение потребности в иностранной валюте при осуществлении трансграничных расчетов	Способствует повышению устойчивости и конкурентоспособности национальной платежной системы
Снижение валютных рисков при осуществлении платежей по внешнеторговым договорам	Создание инновационных финансовых сервисов для клиентов с помощью смарт-контрактов	Повышение потенциала интеграции национальной платежной системы с платежными системами стран-партнеров
Повышение доступности трансграничных платежей с контрагентами из стран-партнеров путем интеграции платформы ЦБР с аналогичными системами иностранных государств	Повышение эффективности финансового рынка. Мгновенность передачи ценности при расчетах с ЦБР и использование смарт-контрактов позволит снизить возможные риски от переоценки стоимости активов	Расширение использования национальных валют государств – членов Евразийского экономического союза при осуществлении расчетов в рамках взаимной торговли
Сокращение числа посредников, снижение стоимости и увеличение скорости при осуществлении трансграничных платежей		

Цифровой белорусский рубль как форма безналичных денег на цифровых счетах частично заменит в расчетах как наличные деньги, так и безналичные деньги, находящиеся на счетах в банках. Вследствие внедрения ЦБР, возможно, произойдет отток денежных средств с текущих (расчетных) банковских счетов, однако банки сохраняют возможность привлечения достаточного объема фондирования в среднесрочной перспективе.

При этом Национальный банк не ожидает резкого единовременного снижения ликвидности банковской системы. Адаптация субъектов хозяйствования и физических лиц будет происходить постепенно, по мере освоения использования ЦБР в расчетах и платежах.

Национальный банк оценит целесообразность и возможные механизмы поддержки ликвидности банков для компенсации оттока денежных средств клиентов, связанного с пополнением цифровых счетов [2].

Со своей стороны банки могут предпринимать меры, ограничивающие переток денежных средств на цифровые счета. Эти меры могут быть направлены не только на повышение доходности для клиентов от размещения своих денежных средств на банковских счетах, но и на создание более благоприятных условий по обслуживанию своих клиентов, стимулирующих их держать средства в банке.

Предполагается, что распространение ЦБР усилит трансмиссию решений по денежно-кредитной политике через финансовый сектор в экономику. Усилению трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики будут способствовать повышение финансовой доступности и охват финансовыми услугами более широкого круга пользователей за счет использования ЦБР.

Кроме того, ожидается усиление влияния процентного канала трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики за счет увеличения срочной части структуры пассивов банков.

Также введение ЦБР может ограничить риски перераспределения денежных средств экономических субъектов в цифровые валюты других центральных банков и криптовалюты, таким образом способствуя привлекательности национальной валюты.

Влияние выпуска ЦБР на финансовую стабильность может быть разнонаправленным, а масштаб воздействия будет зависеть от степени распространения ЦБР.

Негативное влияние ЦБР на финансовую стабильность в основном связано с риском оттока ликвидности.

В случае, если будет обеспечена возможность конверсии (обмена) ЦБР в ЦВЦБ иных государств с низкими издержками, это может повысить волатильность на финансовом рынке Республики Беларусь. Одновременно с этим конкуренция между ЦВЦБ будет являться стимулом для повышения монетарной дисциплины, что послужит большей привлекательности ЦБР.

Основные положительные последствия выпуска ЦБР для финансовой системы и финансовой стабильности заключаются в создании дополнительной платежной инфраструктуры, уменьшении транзакционных издержек, а также в эффективности использования инновационных платежных инструментов для банков.

Вследствие внедрения ЦБР, возможно, произойдет некоторый отток денежных средств с текущих (расчетных) банковских счетов, однако банки сохраняют возможность привлечения достаточного объема фондирования в долгосрочной перспективе. Это будет достигаться путем привлечения денежных средств во вклады (депозиты) с установлением по ним конкурентных рыночных ставок.

Вместе с тем банки, чьи бизнес-модели ориентированы на формирование ресурсной базы в значительной степени за счет привлечения денежных средств на текущие (расчетные) банковские счета клиентов, могут столкнуться с проблемой нехватки ликвидности для наращивания кредитного портфеля, если не повысят процентные ставки по срочным вкладам (депозитам) до значимого для клиентов уровня.

Обладая достаточным количеством инструментов поддержки ликвидности банков, Национальный банк не допустит необоснованного разрыва в финансировании экономики при наличии платежеспособного спроса на кредит со стороны клиентов и роста процентных ставок по кредитам [2].

Таким образом, цифровой белорусский рубль (ЦБР) – это третья форма национальной валюты, выпускаемая Национальным банком Республики Беларусь. Опытно-промышленная эксплуатация платформы запланирована на 1 июля 2026 г.

Введение цифрового белорусского рубля (ЦБР) – это не просто смена носителя денег, а фундаментальная модернизация финансовой системы страны.

ЦБР позволит Республике Беларусь проводить трансграничные платежи (прежде всего с Россией и странами ЕАЭС) в обход традиционных систем типа SWIFT, что критически важно в текущих условиях. Национальный банк получит инструмент «программируемых денег». Это значит, что бюджетные средства, выделенные на конкретные цели (например, строительство дорог), нельзя будет потратить на другие нужды благодаря смарт-контрактам. Коммерческим банкам придется адаптироваться к конкуренции с цифровым кошельком Национального банка. Чтобы удержать клиентов, им придется повышать качество сервиса и, возможно, ставки по депозитам, так как ЦБР станет максимально безопасным «цифровым сейфом». Основной риск – резкий отток ликвидности из банков в ЦБР – регулятор планирует нивелировать отсутствием процентов на остатки и возможными лимитами на объемы операций.

ЦБР сделает платежи дешевле и быстрее, а денежно-кредитную политику – прозрачнее, но успех проекта будет зависеть от киберустойчивости платформы и готовности граждан доверять новой форме денег.

Список использованной литературы

1. Калечиц, Д. Л. Белорусский рубль может стать цифровым / Д. Л. Калечиц // Экономическая газета. – 2023. – № 58 (2654). – С. 2–3.

2. Концепция цифрового белорусского рубля : одобр. Правлением Национального банка Респ. Беларусь, прот. № 10 от 31 марта 2023 г. / Национальный банк Республики Беларусь. – Мн. : Нацбанк, 2023. – 24 с.

УДК 332.122.6

Н. А. Трошин (natroshin@mail.ru),
студент

Е. С. Юрова (natroshin@mail.ru),
ст. преподаватель

Воронежский государственный университет
г. Воронеж, Российская Федерация

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ОСНОВА ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В данной статье анализируется проблема региональной асимметрии в Российской Федерации и обосновывается необходимость дифференцированного подхода к государственной экономической политике.

This article analyzes the problem of regional asymmetry in the Russian Federation and substantiates the necessity of a differentiated approach to state economic policy.

Ключевые слова: региональная асимметрия; типологизация регионов; государственная экономическая политика; дифференцированный подход; ВРП; инвестиции; бюджетная зависимость; кластерный анализ.

Key words: regional asymmetry; regional typology; state economic policy; differentiated approach; GRP; investments; budget dependency; cluster analysis.

Переход к устойчивому экономическому росту в Российской Федерации невозможен без учета глубокой неоднородности ее территории. Россия характеризуется высоким уровнем межрегионального неравенства. Разрыв между регионами-лидерами и субъектами-аутсайдерами по уровню валового регионального продукта может достигать десятикратных значений. Такая поляризация создает не только социальные риски, но и выступает структурным барьером для развития единого экономического пространства страны, провоцируя отток квалифицированных специалистов и концентрацию капитала лишь в нескольких центрах.

Опыт последних десятилетий доказывает неэффективность унифицированной политики, одинаковые налоговые режимы или стандартные бюджетные дотации не дают ожидаемого эффекта во всех субъектах сразу. Методы, стимулирующие рост в промышленно развитых областях, могут оказаться совершенно нежизнеспособными в депрессивных регионах со слабой инфраструктурой. Вследствие чего возникает острая необходимость адаптации регуляторных и финансовых инструментов под специфику конкретных территорий.

Типологизация регионов является важнейшим инструментом для построения дифференцированной экономической политики [1]. Типология – это научно обоснованная система клас-

сификации объектов (в данном случае – регионов) на основе общих признаков, позволяющая выделить устойчивые группы со схожими характеристиками. Основными целями типологизации в экономике являются систематизация знаний, упорядочивание большого массива разнородной информации о регионах, выявление общих закономерностей и тенденций, и сравнительный анализ, создание базы для сравнения регионов, выявления лучших практик и причин отставания. Главной целью является разработка и применение различных, адекватных каждому типу региона, мер государственной поддержки и регулирования.

На практике существует множество подходов к классификации регионов, каждый из которых фокусируется на тех или иных аспектах их развития. Наиболее распространенные критерии включают: уровень ВРП, степень инвестиционной привлекательности, и уровень дотационности. Рассмотрим перечисленные критерии.

Подушевой ВРП – это классический показатель, который делит регионы на группы по уровню экономического развития (например, регионы с ВРП выше среднероссийского, на уровне среднего, ниже среднего). Часто используется для определения регионов-доноров и регионов-реципиентов. Динамика ВРП используется для оценки темпов роста или падения производства, что позволяет выделить регионы с быстрорастущей экономикой и стагнирующие.

По степени инвестиционной привлекательности оценивается объем инвестиций в основной капитал (в расчете на душу населения или в % от ВРП), показатель, характеризующий доверие бизнеса к региональной экономике и его ожидания роста. Индекс инвестиционной привлекательности представляет комплексные оценки, рассчитываемые различными агентствами, учитывающие административные барьеры, качество инфраструктуры и т. д.

Уровень дотационности показывает процент доходов регионального бюджета, формируемых за счет федеральных трансфертов. Высокий коэффициент указывает на низкую экономическую самостоятельность. Также важна структура налоговых поступлений, и оценка вклада крупных налогоплательщиков, доли промышленности, сельского хозяйства, услуг в общий налоговый потенциал.

Перейдем к типологизации регионов Российской Федерации, на основе кластерного анализа можно выделить четыре основных типа регионов [2]. Регионы-локомотивы – это субъекты, обладающие мощным инновационным и экспортным потенциалом, высокими темпами роста ВРП и инвестиций. Они задают тренды развития для всей национальной экономики и являются центрами притяжения талантов. Опорные регионы – это территории со сложившейся устойчивой индустриальной базой (например, регионы Урала и Сибири). Они обеспечивают стабильность производственного каркаса страны, но нуждаются в технологической модернизации и диверсификации экономики. Депрессивные регионы – это территории, которые в прошлом имели высокий уровень развития, но в силу структурных сдвигов (например, закрытия крупных заводов) утратили свои позиции. Для них характерны стагнация производства и высокий износ инфраструктуры. Отстающие (слаборазвитые) регионы – это территории, которые хронически имеют низкие показатели ВРП на душу населения, высокий уровень бедности и отсутствие значимой промышленной базы. Как правило, это аграрные республики или удаленные территории с суровым климатом. Рассмотрим значение типизации для ГРЭП. Использование данных типологий позволяет государству дифференцировать меры поддержки [3]. Для «локомотивов» приоритетом являются институциональные меры (ОЭЗ, поддержка экспорта), для «опорных регионов» – программы промышленной реновации, а для «отстающих» и «депрессивных» – прямые бюджетные инвестиции в социальную сферу и инфраструктуру. Бюджетная классификация (доноры/реципиенты) важна для текущего выживания территорий. Таким образом, типизация выступает промежуточным звеном между статистическим наблюдением и принятием управленческих решений, а типология Минэкономразвития определяет стратегическую миссию региона в будущем страны. Однако жесткие классификации часто не учитывают динамику изменений, что создает необходимость в применении более гибких методов, таких как кластерный анализ, который будет использован в практической части работы.

Не менее важным аспектом теоретического анализа является определение сложностей, возникающих при попытке измерить реальную отдачу от государственной региональной политики. Оценка эффективности ГРЭП не сводится к простому сопоставлению затраченных бюджетных средств и полученного прироста показателей, так как этот процесс сопряжен с рядом серьезных методологических проблем. Рассмотрим проблемы оценки эффективности региональной политики. Фактор временного лага, в региональной экономике практически отсутствует мгновенная реакция показателей на управленческие воздействия. Существует так называемый временной лаг – период времени между моментом реализации меры поддержки и момен-

том появления статистически значимого результата. Инфраструктурный лаг, строительство моста, дороги или инженерных сетей для индустриального парка может занимать 2–4 года, а выход производств-резидентов на полную мощность – еще 3–5 лет. Таким образом, краткосрочный анализ может ошибочно оценить проект как «затратный и неэффективный». Инвестиционный цикл, эффект от налоговых преференций (например, в рамках ОЭЗ) проявляется лишь тогда, когда инвестор завершит капитальные вложения и начнет генерировать выручку. Сложность планирования, наличие временного лага требует от государства перехода к долгосрочному мониторингу, однако часто управленческие решения принимаются на основе краткосрочных (годовых) отчетов, что искажает реальную картину [4].

Начиная с 2019 г., ключевым механизмом реализации региональной политики в России стали Национальные проекты. В отличие от узкоспециализированных преференциальных режимов (ОЭЗ, ТОР), нацпроекты охватывают все субъекты Российской Федерации, выступая мощным инструментом трансформации социально-экономического пространства. Центральный вопрос их реализации – способны ли они сократить разрыв между регионами-лидерами и аутсайдерами или, напротив, усиливают концентрацию ресурсов. Рассмотрим механизмы и распределение ресурсов в рамках национальных проектов. Национальные проекты представляют собой систему стратегических целей, финансируемых преимущественно через федеральные субсидии. В контексте регионального развития они выполняют роль «социального лифта» для депрессивных территорий и «ускорителя» для развитых. Главным инструментом выравнивания в рамках нацпроектов является дифференцированный уровень софинансирования. Для регионов-аутсайдеров (субъектов с низкой бюджетной обеспеченностью) федеральный центр берет на себя до 95–99% расходов на реализацию проектов (строительство школ, закупку медицинского оборудования, дорожные работы). Это позволяет бедным регионам участвовать в масштабной модернизации инфраструктуры, которую они никогда не смогли бы позволить себе за счет собственных средств. Для регионов-лидеров доля федерального участия значительно ниже, что заставляет их вкладывать больше собственных доходов. Таким образом, нацпроекты создают «гарантированный социальный стандарт»: качество первичной медицинской помощи или школьного образования должно подтягиваться к общероссийскому уровню даже в самых дотационных субъектах. Несмотря на выравнивающий характер правил софинансирования, анализ фактического распределения средств показывает иную тенденцию. В абсолютных цифрах значительная часть финансирования по нацпроектам концентрируется в регионах-лидерах. Лидеры (Москва, Санкт-Петербург, Московская область, Краснодарский край) обладают большей численностью населения и более сложной инфраструктурой. Проекты по экологии, цифровизации или экспорту услуг естественным образом находят большее применение там, где уже сформирована соответствующая база. Кроме того, реализация нацпроекта требует от региональной команды подготовки сложной проектно-сметной документации и строгого соблюдения графиков. Регионы-лидеры с сильным кадровым составом быстрее и качественнее готовят заявки, выигрывая в конкуренции за федеральные лимиты.

В ходе проведенного исследования была рассмотрена роль типологизации регионов как ключевого механизма формирования современной государственной экономической политики. Анализ подтвердил, что в условиях уникального экономического многообразия российских территорий учет их специфики ведет к повышению эффективности государственного управления, и правильному подбору инструментов государственной поддержки

Список использованной литературы

1. Глазьев С. Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса / С. Ю. Глазьев. – М. : Экономика, 2010. – 254 с.
2. Андреев, А. В. Основы региональной экономики : учеб. пособие для вузов / А. В. Андреев, Л. М. Борисова, Э. В. Плучевская. – 2-е изд., стереотип. – М. : КноРус, 2009. – 336 с.
3. Кистанов В. В. Региональная экономика России : учеб. для вузов / В. В. Кистанов, Н. В. Копылов. – М. : Финансы и статистика, 2009. – 584 с.

ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ, КЛАССИФИКАЦИИ И УПРАВЛЕНИЮ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Статья посвящена анализу современного понимания категории «трудовые ресурсы», раскрывая широкий и узкий подходы к трактовке данного термина. В статье приведены существующие классификации трудовых ресурсов по различным основаниям (демографическое деление, профессиональная принадлежность, образовательный уровень, стаж работы, экономическая активность), а также предложен синтетический подход, объединяющий макроэкономическое и микроэкономическое видение категории. Работа важна для исследователей и практиков сферы управления персоналом, стремящихся эффективно управлять трудовыми ресурсами в условиях цифровизации и трансформации рынка труда.

The article is devoted to analyzing the contemporary understanding of the category “labor resources,” revealing both broad and narrow approaches to its interpretation. The paper presents existing classifications of labor resources based on various criteria (demographic segmentation, professional affiliation, educational level, work experience, economic activity), as well as proposes a synthetic approach that integrates macroeconomic and microeconomic perspectives of the concept. This study is important for researchers and practitioners in human resource management who aim to effectively manage labor resources amidst digitalization and transformation of the labor market.

Ключевые слова: трудовые ресурсы; трудовой потенциал; цифровые компетенции; классификация персонала; экономическая активность; цифровизация; управление персоналом.

Key words: labor resources; labor potential; digital competencies; personnel classification; economic activity; digitalization; human resource management.

Центральным понятием исследования является термин «трудовые ресурсы», поэтому целесообразно начать с его трактовки. Право на труд и свобода труда гарантированы Конституцией Российской Федерации [1]. Рассмотрим, как современные авторы подходят к интерпретации данной дефиниции в своих исследованиях.

Л. Л. Гишкаева в статье «Трудовые ресурсы как экономическая категория и ее эволюция в науке» отмечает, что само понятие «трудовые ресурсы» очень широкое и давно уже выходит за рамки рабочей силы. На сегодняшний день его следует рассматривать «как совокупность характеристик личности, которые развиваются в ходе различных инвестиций – как материальных, так и духовных».

Согласно такому широкому подходу, трудовые ресурсы будут включать в себя «уровень интеллектуального развития, креативные способности, здоровье, образование, профессиональные навыки и морально-нравственные ценности». Данный подход хорош тем, что он предполагает рассматривать не только количественные показатели (например, такие как численность трудоспособных), но и качественные характеристики.

И. В. Царенко отмечает, что трудовой ресурс – это основная экономическая категория, в которой определены трудовые характеристики населения «занятого или готового заниматься производительным трудом в процессе общественного воспроизводства». В современном мире, по мнению исследовательницы, кроме таких характеристик, как здоровье, природные психофизические данные, знания, квалификация и опыт, необходимо также включить и цифровую технологическую компетентность, без которой невозможно соответствовать запросам общества в эпоху цифровизации.

Т. Н. Воробьева под трудовыми ресурсами понимает «часть производственных ресурсов – промышленно-производственный персонал с определенным уровнем образования и квалификации, взаимодействующий с основными фондами и материальными ресурсами для создания продукции и прибыли». Такое понимание термина наиболее практико-ориентировано, так как позволяет связать трудовые ресурсы с производственным процессом, прибылью и производительностью.

В контексте взаимодействия разных понятий, М. С. Токсанбаева показывает, что трудовые ресурсы являются частью трудового потенциала [2, с. 152]. И. В. Кочура трактует понятие

так: «совокупность работников определенных профессионально-квалификационных характеристик, входящих в списочный состав, от качества подбора и использования которых зависят результаты и эффективность всех сторон ее производственно-хозяйственной деятельности». В таком аспекте авторы рассматривают трудовые ресурсы через призму обеспеченности и инструментов их привлечения, которыми могут выступать собеседования, ярмарки вакансий, реферальные программы и т. д.

Анализ научной литературы, показал, что понятие трудовые ресурсы многоаспектное и может рассматриваться как с широкой, так и с узкой точки зрения. Широкий подход трактует трудовые ресурсы как совокупность количественных и качественных характеристик населения, включающую не только численность трудоспособных, но и уровень образования, здоровья, интеллектуального развития, морально-нравственных ценностей и трудового потенциала в целом. Узкий, практико-ориентированный подход рассматривает трудовые ресурсы как персонал организации, обладающий определенными профессионально-квалификационными характеристиками и непосредственно участвующий в производственном процессе для достижения экономического результата. В данном исследовании под трудовыми ресурсами мы будем понимать экономически активную часть населения, обладающую совокупностью физических, интеллектуальных, профессиональных и цифровых компетенций, необходимых для участия в процессе общественного воспроизводства, а также персонал организации, от качества подбора и эффективности использования которого зависят результаты ее производственно-хозяйственной деятельности [3].

Как и трактовки понятия, существует и ряд классификаций, в основу которых исследователи закладывают разные признаки и критерии. Так, например, С. А. Черникова и Ю. А. Исаков предлагают разделять трудовые ресурсы в зависимости от категории населения. Она делит трудовые ресурсы на экономически активное и экономически неактивное население [4, с. 17]. Как это понятно из названия, к первой группе относятся лица, занятые производственной деятельностью, а ко второй – все те, кто в силу причин временно или на постоянной основе не могут работать. Во вторую группу включены:

- учащиеся и студенты дневных учебных заведений; пенсионеры по старости, на льготных условиях, по инвалидности (I, II, III групп);
- лица, занятые ведением домашнего хозяйства, уходом за детьми или больными;
- лица, прекратившие поиск работы (отчаявшиеся найти работу);
- лица, не имеющие потребности в труде (независимо от источника дохода).

Следующая классификация, которая будет рассмотрена в рамках этой работы, принадлежит М. С. Токсанбаевой и Р. И. Поповой, оценивающих имеющиеся резервы авторы трудовые ресурсы по характеристикам экономической активности [2, с. 155]. Исследователи выделяют три категории в порядке убывания активности, для наглядности приведем их в виде таблицы.

Классификация трудовых ресурсов в зависимости от имеющихся резервов

Категория	Характеристика
Реальная рабочая сила	Занятые и безработные (активно участвующие или ищущие работу)
Потенциальная рабочая сила	Не занятые, но желающие работать (скрытый резерв)
Не входящие в рабочую силу	Не желающие работать

Авторы данной классификации в своей статье даже приводят статистику по каждой из категорий на 2021 г. По их данным реальная рабочая сила является доминирующей и занимает 85,6% имеющихся резервов. Следующая по численности категория – это нежелающие работать – 10%. Оставшаяся часть – это потенциальный контингент, на который приходится чуть больше 1%.

Данная классификация наглядно демонстрирует разницу между реальной и потенциальной рабочей силой, что позволяет оценить скрытые резервы рынка труда.

В соответствии с Законом Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» к безработным относятся трудоспособные граждане, не имеющие работы и заработка, зарегистрированные в органах службы занятости в целях поиска подходящей работы [5].

Следующая классификация основана на разделении смежных понятий. Согласно ей выделяют:

- трудовые ресурсы – население в трудоспособном возрасте, обладающее физическими и интеллектуальными способностями;

– трудовой потенциал – более широкая категория, которая кроме физических и когнитивных способностей включает в себя креативную и духовно-нравственную составляющую;

– человеческие ресурсы – интегрированное множество социокультурных и личностных характеристик индивидов.

– персонал – трудовые ресурсы организации [6, с. 68].

В зависимости от возраста трудовые ресурсы подразделяются на:

– лица, младше трудоспособного возраста (сюда входят граждане, до 14 лет включительно);

– лица, трудоспособного возраста (согласно законодательству Российской Федерации, с 1 января 2022 г. такими признаются женщины от 16 до 58 лет, мужчины с 16 до 63 лет включительно) [7];

– лица, старше трудоспособного возраста.

В зависимости от способности к труду нормативные законодательные акты выделяют:

– трудоспособные;

– нетрудоспособные.

Здесь важно учитывать, что нетрудоспособными могут быть и лица, достигшие трудоспособного возраста, но не способные к труду в силу ряда причин.

Относительно предприятия, с целью повышения эффективности управления персоналом, зачастую используют следующее разделение персонала на группы:

1. Классификация трудовых ресурсов по категориям:

– административные сотрудники (управляющие);

– основные сотрудники;

– вспомогательные сотрудники.

Данная классификация удобна тем, что она позволяет строго разграничить функциональные обязанности между сотрудниками организации, а также составлять для них план работы и контролировать его выполнение.

2. Классификация по профессиональным обязанностям и должностям:

– руководители;

– генеральный директор;

– заместители директора;

– специалистов высшего звена;

– инженеры;

– сотрудников отдела безопасности;

– HR-специалисты;

– лаборанты;

– клиринговый персонал и т. д.

Здесь могут быть включены различные профессии, которые необходимы для функционирования предприятия. Они определяются руководством в зависимости от того, какие навыки и знания нужны для обеспечения бесперебойной работы организации.

3. Классификация по уровню образования сотрудников:

– среднее общее;

– среднее профессиональное;

– незаконченное высшее;

– высшее.

Сюда же можно включить и сотрудников, прошедших повышение квалификации или получивших профессиональный разряд в зависимости от профессии.

4. Классификация по гендерному признаку и возрастному составу организации. Детальная классификация по возрасту помогает предприятию выстроить план работы с сотрудниками. Например, если сотрудники предпенсионного возраста, то своевременно начать искать им замену, или если работник является начинающим специалистом, то назначить ему наставника из более опытных работников.

5. Классификация по стажу работы на предприятии. В ней сотрудников принято делить, в зависимости от того, как долго они провели в организации. Принято считать, что чем дольше работник работает, тем выше у него лояльность к компании и ее целям, задачам, миссии. Согласно действующей практике учета предусматривается группировка работников предприятий со стажем работы по специальности:

– до 1 года;

– от 1 года до 3 лет;

- от 3 до 10 лет;
- свыше 10 лет [8, с. 148].

Таким образом, изучение научной литературы показало, что дефиниция «трудовые ресурсы» не имеет единого универсального толкования. Современные исследователи выходят за рамки классического понимания трудовых ресурсов как исключительно численности трудоспособного населения, включая в это понятие качественные характеристики: уровень интеллектуального развития, здоровье, профессиональные навыки, морально-нравственные ценности и, что особенно актуально в условиях цифровизации, технологическую компетентность. В теоретическом осмыслении категории выделяются два основных подхода:

1. Широкий (макроэкономический) подход трактует трудовые ресурсы как совокупность количественных и качественных характеристик всего населения, акцентируя внимание на трудовом потенциале страны или региона.

2. Узкий (практико-ориентированный, микроэкономический) подход рассматривает трудовые ресурсы в контексте конкретной организации – как персонал, обладающий необходимыми профессионально-квалификационными характеристиками и непосредственно влияющий на результаты производственно-хозяйственной деятельности. В рамках данного исследования было принято решение синтезировать оба подхода.

Под трудовыми ресурсами предлагается понимать, с одной стороны, экономически активную часть населения, обладающую необходимыми физическими, интеллектуальными и цифровыми компетенциями для участия в общественном воспроизводстве, а с другой стороны – персонал конкретной организации, от эффективности подбора и использования которого зависят конечные результаты ее деятельности.

Анализ классификационных признаков показал, что трудовые ресурсы могут быть структурированы по различным критериям в зависимости от целей исследования или управления: по отношению к экономической активности (реальная рабочая сила, потенциальная рабочая сила и лица, не входящие в рабочую силу); по демографическому и правовому признакам (деление по возрасту, по способности к труду, а также по гендерному признаку); по управленческому признаку (классификации по категориям персонала, по профессиональным обязанностям, по уровню образования, стажу работы и возрасту).

Список использованной литературы

1. **Конституция** Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с учетом поправок от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 1 июля 2020 г. № 11-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. **Токсанбаева, М. С.** Трудовые ресурсы как характеристика трудового потенциала и их структура / М. С. Токсанбаева, Р. И. Попова // Народонаселение. – 2022. – Т. 25, № 4. – С. 151–163.
3. **Черникова, С. А.** Трудовые ресурсы как фактор производства / С. А. Черникова, Ю. А. Исаков // КиберЛенинка. – 2022. – № 4. – С. 15–22.
4. **Наширванова, Я. Ф.** Человеческий капитал и трансформация в цифровой экономике / Я. Ф. Наширванова, И. В. Галанцева // Региональная экономика: проблемы и стратегия развития. – М. : РУСАЙНС, 2025. – 128 с.
5. **О занятости** населения в Российской Федерации : Закон Рос. Федерации от 19 апр. 1991 г. № 1032-1 : в ред. от 12 дек. 2023 г. // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 17. – Ст. 1915.
6. **Кочура, И. В.** Теоретические аспекты обеспечения организации трудовыми ресурсами: сущность, анализ, инструментарий / И. В. Кочура, Ю. И. Пелипас // Вести Автомобильно-дорожного института. – 2023. – № 2 (45). – С. 65–73.
7. **Трудовой кодекс** Российской Федерации : Федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ : в ред. от 6 апреля 2024 г. // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.
8. **Симонова, М. В.** Экономика труда / М. В. Симонова. – М. : Юрайт, 2024. – 259 с.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ НА МАРКЕТПЛЕЙСАХ

В статье рассматриваются правовые проблемы защиты персональных данных пользователей маркетплейсов. Анализируются три основные проблемы: формальный характер согласия на обработку данных, частые утечки информации и сложность доказывания вины оператора. Приводится практический пример из жизни. Предлагаются пять конкретных мер по совершенствованию законодательства: осознанное согласие, обязательное уведомление об утечках, презумпция вины маркетплейса, штрафы, привязанные к выручке, и право на простое удаление данных. Сделан вывод о необходимости точечной настройки правового регулирования в сфере защиты персональных данных.

The article examines legal issues of personal data protection on marketplaces. Three main problems are analyzed: the formal nature of consent to data processing, frequent data leaks, and the difficulty of proving the operator's fault. A practical example is provided. Five specific measures for improving legislation are proposed: informed consent, mandatory breach notification, presumption of marketplace guilt, revenue-based fines, and the right to easy data deletion. The conclusion highlights the need for targeted adjustments in personal data protection regulation.

Ключевые слова: персональные данные; маркетплейс; интернет-торговля; защита информации; утечка данных; согласие на обработку; цифровые права; законодательство Республики Беларусь.

Key words: personal data; marketplace; e-commerce; data protection; data breach; consent to processing; digital rights; legislation of the Republic of Belarus.

С каждым годом интернет-торговля в Беларуси занимает все более прочное место в жизни людей, и такие маркетплейсы, как Wildberries, Ozon и другие, стали привычной платформой для покупок благодаря своему удобству и доступности. Однако вместе с удобством возникает серьезная проблема, связанная с безопасностью личной информации, потому что при регистрации на подобных сайтах пользователь передает свои персональные данные, включая фамилию, имя, адрес, номер телефона, а нередко и данные банковской карты, при этом далеко не все задумываются о том, как эти данные хранятся, кто имеет к ним доступ и что произойдет в случае их утечки.

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» под персональными данными понимается любая информация, позволяющая идентифицировать физическое лицо, и это не только паспортные данные, но и адрес проживания, номер мобильного телефона, сведения о банковской карте, а в некоторых случаях даже фотография. На маркетплейсах покупатель вынужден предоставлять весь этот объем сведений, чтобы оформить заказ, и при этом он практически не контролирует дальнейшее использование своих данных.

Одна из главных проблем заключается в том, что согласие на обработку персональных данных, которое пользователь дает при регистрации, зачастую носит формальный характер, поскольку вместо того, чтобы четко и понятно информировать о том, какие данные собираются, с какой целью и кому они будут переданы, маркетплейсы прячут эту информацию в длинных пользовательских соглашениях на десятки страниц. Пользователь, желая быстро оформить заказ, ставит галочку «Я согласен», не читая условия, и в результате автоматически разрешает передачу своих данных службам доставки, партнерским организациям, рекламным сетям и другим третьим лицам, тогда как закон требует, чтобы согласие было информированным, но на практике это требование почти не выполняется.

Еще одной острой проблемой являются утечки персональных данных, и за последние несколько лет в средствах массовой информации неоднократно появлялись сообщения о том, что базы данных крупных маркетплейсов оказывались в открытом доступе, в результате чего в руки мошенников попадали номера телефонов, адреса, история заказов и даже данные банковских карт. После таких утечек злоумышленники начинали обзванивать людей, представляясь сотрудниками службы безопасности, и под различными предлогами выманивали деньги, и хотя

законодательство предусматривает ответственность операторов персональных данных за подобные инциденты, размеры штрафов зачастую несопоставимы масштабам бизнеса крупных маркетплейсов, и это не создает достаточного стимула для вложения средств в защиту информации.

Третья проблема связана с трудностью доказывания вины, потому что если после совершения покупки на маркетплейсе персональные данные покупателя оказываются у мошенников, установить, по чьей вине произошла утечка, крайне сложно: данные могли быть похищены у самого маркетплейса, у продавца, у курьерской службы или у самого покупателя. В соответствии с действующим законодательством бремя доказывания лежит на потерпевшем, т. е. на покупателе, однако обычный человек не обладает ресурсами для проведения технического расследования, и в результате маркетплейс всегда может заявить, что он не причастен к утечке, а виноват продавец, либо сослаться на отсутствие доказательств.

Ситуацию, описанную выше, хорошо иллюстрирует пример из практики, когда минчанка Елена (имя изменено по этическим соображениям) заказала на одном из маркетплейсов наушники в подарок, и через несколько дней ей позвонил мужчина, который представился сотрудником того же маркетплейса. Он назвал ее полное имя, адрес доставки и последние четыре цифры банковской карты, после чего сообщил, что заказ завис и для его подтверждения необходимо продиктовать код из смс-сообщения, и женщина продиктовала код, после чего с ее карты было списано 500 р. В милиции возбудили уголовное дело, однако установить личность мошенников не удалось, а на обращение к маркетплейсу был получен ответ, что площадка не передает данные третьим лицам, кроме продавца и службы доставки, и что проблема, вероятно, возникла по вине продавца, который оказался организацией, прекратившей деятельность сразу после совершения данной продажи.

Представляется, что сложившаяся ситуация требует изменений в подходе к правовому регулированию защиты персональных данных, и в первую очередь необходимо сделать согласие пользователя на обработку данных действительно осознанным, для чего вместо единого документа, содержащего все условия, целесообразно разбить согласие на несколько отдельных пунктов: на передачу данных службе доставки, на получение рекламных рассылок, на передачу данных партнерам, причем каждый из этих пунктов пользователь должен подтверждать отдельно, и отказ от одного из них не должен препятствовать совершению покупки.

Вторым важным направлением является введение обязательного уведомления об утечках данных, и если произошел инцидент, в результате которого персональные данные пользователей оказались скомпрометированы, маркетплейс должен в течение суток сообщить об этом каждому пострадавшему лицу, а также опубликовать информацию на своем сайте, причем уведомление должно содержать не общие фразы, а конкретные сведения: какие именно данные утекли, когда произошла утечка и какие меры приняты для предотвращения подобных ситуаций в будущем.

Третье направление связано с перераспределением бремени доказывания, потому что в настоящее время потерпевший должен доказывать вину оператора персональных данных, и предлагается установить презумпцию вины маркетплейса: если данные покупателя были использованы мошенниками после совершения покупки на данной площадке, именно маркетплейс должен доказать, что он принял все необходимые меры для их защиты и что утечка произошла не по его вине, и такой подход стимулировал бы операторов более ответственно относиться к безопасности.

Четвертое предложение касается размера штрафов за нарушения в сфере защиты персональных данных, поскольку действующие в Беларуси штрафы даже в максимальном размере для крупных маркетплейсов не являются существенными, и более эффективной мерой было бы установление штрафов, привязанных к выручке компании, например в размере от одного до трех процентов годового оборота, что создало бы реальный экономический стимул для вложения средств в информационную безопасность.

Наконец, пятое направление касается реализации права пользователя на удаление своих данных, и хотя действующее законодательство предусматривает такое право, на практике воспользоваться им непросто, потому что на многих маркетплейсах отсутствует кнопка «Удалить аккаунт» в личном кабинете, а для удаления данных требуется писать заявление в службу поддержки, ждать ответа и подтверждать личность, причем в некоторых случаях данные продолжают храниться даже после формального удаления аккаунта, поэтому представляется необходимым законодательно закрепить обязанность маркетплейсов предоставлять пользователю простой и понятный механизм полного удаления всех персональных данных в один клик.

Подводя итог, можно сказать, что маркетплейсы стали неотъемлемой частью современной жизни, предлагая удобство и широкий выбор товаров, однако удобство не должно достигаться ценой потери контроля над личной информацией. Законодательство Республики Беларусь, в частности Закон «О защите персональных данных», заложило необходимую правовую основу, но практика применения выявила пробелы, требующие устранения, и такие меры, как осознанное согласие, обязательное уведомление об утечках, презумпция вины оператора, соразмерные штрафы и реальная возможность удалить свои данные, позволят сделать защиту персональных данных на маркетплейсах более эффективной. Пока же каждый покупатель вынужден полагаться только на свою осторожность, что в условиях растущих цифровых рисков является недостаточным.

Список использованной литературы

1. **О защите персональных данных** : Закон Респ. Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 05.04.2026).
2. **Ковалёва, И. В.** Проблемы правового регулирования персональных данных в сети Интернет / И. В. Ковалёва // Журнал правовых исследований. – 2023. – № 2. – С. 45–52.
3. **Утечка** данных пользователей Wildberries: что известно и какие риски // CNews.ru. – 2023. – 12 окт. – URL: <https://www.cnews.ru> (дата обращения: 20.03.2026).
4. **Судебная** практика по спорам о защите персональных данных за 2023 год / Верховный Суд Республики Беларусь // Судовы веснік. – 2024. – № 2. – С. 33–38.

УДК 334.78

М. С. Чистяков (shreyamax@mail.ru),
студент

М. А. Шумилина (shreyamax@mail.ru),
канд. экон. наук, директор
Владимирский филиал
Российского университета кооперации
г. Владимир, Российская Федерация

К ВОПРОСУ О СИСТЕМНОСТИ СИНЕРГИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ЭКОСИСТЕМНЫЙ ПОДХОД

В работе рассматривается научная и экономическая категория «экосистема» во взаимосвязи проявлений синергии взаимодействия ее компонентов. Приводятся различные авторские подходы рассмотрения формирования и функционирования экосистем, а также синергетических эффектов в них.

The paper considers the scientific and economic category “ecosystem” in the interrelation of the manifestations of synergy of its interacting components. Various author’s approaches to the formation and functioning of ecosystems, as well as their synergetic effects, are presented.

Ключевые слова: экосистема; синергия; эффект; актор; коэволюция; кластерная архитектура; сетевая архитектура.

Key words: ecosystem; synergy; effect; actor; coevolution; cluster architecture; network architecture.

Теоретический и практический интерес к процессам построения эффективной экономической деятельности (активности) прослеживается в многочисленных научных трудах, опирающихся на различные гипотезы исследования. Так, часть представителей научного сообщества рассматривают функционирование и процесс эволюции организации, сопровождаемые изменениями, характеризуемыми различными подходами, среди которых системный, комплексный, ситуационный, инновационный, стратегический и т. д. [1]. Так, например, предлагается рассматривать систему как созданное из элементов целое для целенаправленной деятельности [2]. В данном контексте приведем универсальное высказывание А. А. Богданова: «...не систем не бывает. Все системно...» [3].

Частным случаем системного является экосистемный подход [4], который в последнее время все больше является объектом исследования ученых [5], изучающих не только его свойства, но и закономерности его формирования.

Среди частностей формирования экосистем выделяют закономерности эволюционного, институционального, кластерного, сетевого, холистического, интеграционного и иных подходов [6]. Холистский подход предполагает изучение экосистемности с точки зрения целостности ее рассмотрения, институциональный и эволюционный подходы объясняют закономерности формирования экосистемы, процессы, происходящие в ней. Однако общим является поиск целеполагания создания экосистемы, необходимых для этого ресурсов, мотивов привлечения участников, изыскание оптимальных механизмов их взаимоотношений.

Впервые термин «экосистема» был предложен в 1993 г. Дж. Муром [7] и опирался на позицию, что компании являются не только субъектами определенной отрасли, но и могут рассматриваться в качестве акторов бизнес-экосистемы, состоящей из предприятий различной отраслевой принадлежности. Приводилась аналогия с биологическими экосистемами, по которой бизнес-экосистемы развиваются. При этом данные изменения влияют и на самих резидентов данной системы. Идея Дж. Мура о бизнес-экосистеме претерпела множество трансформаций в процессе изучения данного явления.

Интерес исследователей к экосистемам обусловлен особенностями перехода от индивидуального (автономного) функционирования потенциальных участников данной системы к иному типу организационной архитектуры, например кластерному или сетевому, обуславливающему основные проявления экосистемных характеристик. При этом свойства экосистемы могут быть обусловлены механизмом «тройной спирали», дополняющим взаимодействие хозяйствующих субъектов и формируемым присутствием органов государственной власти, науки и бизнес-сообщества. Так происходит в кластерном подходе, который был сформулирован Майклом Портером в 80-е гг. XX столетия и впоследствии являвшийся объектом изучения научного сообщества.

Создается своего рода синергия, которая является частью проявляемых свойств экосистемы и обусловлена системностью взаимодействия. В данном случае проявление свойств совокупности элементов системы (потенциал системы) будет выше, чем простое арифметическое сложение их потенциалов. По мнению Ю. Н. Лапыгина и Д. Ю. Лапыгина [8], величина и характер эффекта синергии зависит от сочетания основных действующих сил в системе. Ученые выделяют не только положительный, но и отрицательный эффект, например от простоя оборудования на предприятии, закупленного для модернизации.

К факторам, определяющим развитие эффекта синергии, относят организационные, коммуникативно-культурные, деятельные, функциональные [9] и прочие, зависящие от специфики организации, от внешнего и внутреннего средового фона, от слагаемых процессов, протекающих в них, от реакции на эти процессы.

Касаемо идентификации самих синергетических эффектов выделяют синергию структурного и управленческого типа. Структурная за счет объединения составных элементов системы приводит к уменьшению ресурсных затрат, управленческая – посредством распределения функций и передачи компетенций способствует эффективному управлению, что, в свою очередь, приводит к более рациональному использованию потенциала системы, повышает результативность принимаемых и реализуемых решений.

Л. З. Абдакова [10] приводит классификацию синергии, основу которой составляют следующие критерии: экономический, функциональный, осязаемый и неосязаемый. Она же выделяет в качестве дополнительного классификатора механизм создания синергии, к которому относит репутацию, идентичность отраслей и т. д.

Формированию синергии предшествует этап верификации целеполагания объединения резидентов с их мотивами вступления в данную структуру, что и определяет успешность экосистемы и эффективность синергии. Представленный тезис подтверждается мнением О. В. Андруховой [11] и А. А. Стуглева [12] о взаимозависимости состава участников экосистемы с целью ее формирования.

Отметим, что эффект синергии прослеживается не только в совместной деятельности, но и в процесс созволюции (коэволюции) участников экосистемной группировки. Происходит совместное развитие, в том числе посредством генерации общих целей, ценностей и философии системы, что повышает совместный потенциал его участников, которые находят свое отражение в общих решениях.

Системные решения, направленные на достижение целей резидентов экосистемы, проявляются не только в совместном взаимодействии, но и во внутренней конкуренции в многочисленных аспектах функционирования хозяйствующих субъектов: обеспечение ресурсами, поиск креативных (инновационных) решений, трансфер информационных потоков и т. д. При этом

консенсус достигается через задействование спектра возможностей взаимодействующих участников системы, в поиске совместного оптимального решения заинтересованных, результативность которого возрастает при определенных факторах самой экосистемы.

К таковым необходимо отнести кластерную или сетевую архитектуру экосистемы, в которых эффективность коммуникаций выше по сравнению с линейным взаимодействием предприятий. Сетевая структура способствует разнообразию форм коммуникаций и генерирует предпосылки повышения потенциалов акторов системы, в том числе за счет специфической корпоративной культуры.

Помимо рассмотрения самой структуры экосистемы ряд исследователей предлагают учитывать ее функционирование во взаимосвязи с окружающей средой, по аналогии с биологическими экосистемами. Так, Н. А. Симченко и Н. А. Анисимова [13] идентифицируют экосистему как сверхсложную полиструктуру, объединяющую природный и антропогенный компонент в единое функционирующее целое. Г. Б. Клейнер [14] усложняет явление экосистемности, предлагая использовать природные механизмы для обеспечения сбалансированности экономических экосистем.

Однако Е. А. Третьякова и Е. Н. Фрейман [15] отмечают недостаточность теоретико-методологического инструментария применения экосистемного подхода в экономике, приводя необходимость проработки следующих аспектов:

- теоретические положения изучения специфики внутренних взаимосвязей резидентов экосистемы, их видовую принадлежность, что позволит выявлять синергетические эффекты взаимодействия, отличающиеся у экосистем различного вида на разных экономических уровнях;
- определение условий становления взаимодействий различных акторов на основе их взаимодополняемости, что позволит сформулировать механизмы формирования устойчивых экосистем, продуктивного совместного использования ресурсов, расширяющих эффект синергии сотрудничества;
- определение условий и механизмов конкурентного поведения резидентов экосистемы;
- совершенствование механизмов и инструментария социально-экономического развития регионов на основе эффективных управленческих решений, способствующих переходу к коэволюционному инновационному развитию территорий;
- проработка механизмов становления горизонтальных и вертикальных взаимосвязей резидентов экосистем для поддержания экономического, социального и экологического гомеостаза эффектов их деятельности;
- формирование методического инструментария и рекомендаций оценки функционирования экономических систем, в том числе синергетических эффектов от совместного использования ресурсов, информационного обмена, трансфера знаний и технологий на основе их совместного конкурентного развития и соблюдения баланса интересов;
- формулирование подходов определения контуров рациональности симбиотических взаимодействий резидентов внутри синергетической системы по отношению к границам самой системы.

В заключение отметим, что деятельная совокупность резидентов системы создает особую среду [16], которая, в свою очередь, способствует развитию и появлению новых свойств и качеств самих участников, формирующих эту систему. Происходит выстраивание эффективных коммуникаций, взаимодействие и партнерства при сохранении внутренней конкуренции по кластерному (сетевому) типу. Конкурентная борьба позволяет выявить лидера («якорное» предприятие), задающего направление развития. Вся совокупность проявлений взаимодействия и формирует синергию системы, из-за которой происходит расширение потенциала ее участников за счет проявлений системных свойств эмерджентности.

Список использованной литературы

1. Лапыгин, Ю. Н. Подходы к реализации этапов исследования / Ю. Н. Лапыгин, Д. Ю. Лапыгин // Ученые записки. – 2024. – № 3 (51). – С. 34–46.
2. Смирнов, Э. А. Основы теории организации : учеб. пособие / Э. А. Смирнов. – М. : Аудит, ЮНИТИ, 1998. – 375 с.
3. Данейкин, Ю. В. Кольцо политик университета, формирующего экосистему инноваций / Ю. В. Данейкин, В. А. Золотухин // Вестник Владимирского государственного универси-

тета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. – 2024. – № 4 (42). – С. 169–178.

4. **Богданов, А. А.** Всеобщая организационная наука (Теклогия) / А. А. Богданов. – Т. 1. – М. : Экономика, 1989.

5. **Лапыгин, Ю. Н.** Теория организации и организационное поведение : учеб. пособие / Ю. Н. Лапыгин. – М. : Инфра-М, 2017. – 360 с. – ISBN 978-5-16-012559-6.

6. **Системы стратегического развития** / К. С. Караман, Ю. Н. Лапыгин, Н. С. Мурлейкин [и др.]. – Владимир : Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2023. – 183 с. – ISBN 978-5-907389-91-5.

7. **Moore, J. F.** Business ecosystems and the view from the firm / J. F. Moore // *Antitrust Bulletin*. – 2006. – Vol. 51. – No 1. – P. 31–75.

8. **Лапыгин, Ю. Н.** Проявление синергии в экосистеме / Ю. Н. Лапыгин, Д. Ю. Лапыгин // *Муниципалитет: экономика и управление*. – 2025. – № 2 (51). – С. 58–67.

9. **Ефимочкина, Н. Б.** Концептуализация синергии в системе управления современными организациями / Н. Б. Ефимочкина, О. Ю. Мясникова // *Наука и искусство управления* / Вестник Института экономики, управления и права Российского государственного гуманитарного университета. 2022. – № 3. – С. 80–96. – DOI 10.28995/2782-2222-2022-3-80-96.

10. **Абдокова, Л. З.** Синергетический эффект как результат эффективного управления / Л. З. Абдокова // *Фундаментальные исследования*. – 2016. – № 10-3. – С. 581–584.

11. **Андрухова, О. В.** Важнейшие аспекты развития экосистемного подхода в бизнесе / О. В. Андрухова // *Проблемы современной экономики*. – 2023. – № 2 (86). – С. 85–92.

12. **Стуглев, А. А.** Синергия в макрокосмосе брендинга страны: теоретический аспект / А. А. Стуглев // *Бизнес. Образование. Право*. – 2023. – № 4 (65). – С. 171–179. – DOI 10.25683/VOLBI.2023.65.849.

13. **Симченко, Н. А.** Экосистема цифровых производственно трудовых отношений: теоретико-методологическое обоснование / Н. А. Симченко, Н. Ю. Анисимова // *Теория и практика общественного развития*. – 2021. – № 5 (159). – С. 61–66. – DOI: 10.24158/tipor.2021.5.10.

14. **Клейнер, Г. Б.** Социально-экономические экосистемы в свете системной парадигмы / Г. Б. Клейнер // *Системный анализ в экономике – 2018 : сборник трудов V Международ. науч.-практ. конф.-биеннале, Москва, 21–23 ноября 2018 года* / под общ. ред. Г. Б. Клейнера, С. Е. Щепетовой. – М. : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Прометей», 2018. – С. 4–14. – DOI 10.33278/SAE-2018.rus.005-014.

15. **Третьякова, Е. А.** Экосистемный подход в современных экономических исследованиях / Е. А. Третьякова, Е. Н. Фрейман // *Вопросы управления*. – 2022. – № 1 (74). – С. 6–20. – DOI 10.22394/2304-3369-2022-1-6-20.

16. **Управление реализацией целевых программ в сфере здравоохранения и его совершенствование** / В. А. Мирончук, А. Л. Золкин, А. В. Юмашев [и др.]. – Краснодар : Индивидуальный предприниматель Кабанов Виктор Болеславович (Издательство «Новация»), 2023. – 167 с. ISBN 978-5-00179-324-3.

IV. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА, АНАЛИЗА, КОНТРОЛЯ И ФИНАНСОВ

УДК 336.671

Т. А. Езерская (redsoxblr@gmail.com),
канд. экон. наук, доцент, докторант
Белорусский государственный
экономический университет
г. Минск, Республика Беларусь

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье рассматривается генезис и развитие национальной системы бухгалтерского учета. Раскрыты предпосылки трансформации национальной системы бухгалтерского учета и возникновения в Республике Беларусь управленческого учета. Рассмотрены роль и значение управленческого учета как бизнес-модели менеджмента субъекта предпринимательской деятельности. Автор определяет и рассматривает ключевые этапы формирования и развития управленческого учета в Республике Беларусь. В статье проанализированы и систематизированы трансформации системы бухгалтерского учета в Республике Беларусь и возникновение управленческого учета в Республике Беларусь.

The article examines the genesis and development of the national accounting system. It reveals the prerequisites for the transformation of the national accounting system and the emergence of management accounting in the Republic of Belarus. The article examines the role and significance of management accounting as a business model for the management of an entrepreneurial entity. The author identifies and analyzes the key stages of the formation and development of management accounting in the Republic of Belarus. The article analyzes and systematizes the transformations of the accounting system in the Republic of Belarus and the emergence of management accounting in the Republic of Belarus.

Ключевые слова: бухгалтерский учет; затраты; информация; себестоимость; управление; управленческий учет; финансовый учет; центр ответственности.

Key words: accounting; costs; information; cost of production; management; management accounting; financial accounting; center of responsibility.

Усиление внешнего давления на национальную экономику, появление новых инструментов, методов и средств управления бизнес-процессами вызвали необходимость в дополнительной экономической информации, обеспечивающей успешное функционирование организации. Субъекты хозяйствования, имеющие сложную производственную структуру, часто нуждаются в оперативной экономической и финансовой информации, помогающей оптимизировать затраты и расходы, принимать обоснованные управленческие решения в области управления себестоимостью произведенной продукции (работ, услуг). Традиционная система бухгалтерского учета и контроля производственных затрат ориентирована, прежде всего, на представление информации о финансово-хозяйственной деятельности внешним пользователям. Вместе с тем, перед бухгалтерским учетом стоит задача обеспечения необходимой информацией не только внешних пользователей, но и удовлетворение потребности менеджмента субъекта предпринимательской деятельности.

В середине XX в. глобализация существующих экономических отношений в индустриально развитых странах выявила необходимость трансформации традиционной системы бухгалтерского учета.

Развитие системы управленческого учета происходило на протяжении достаточно длительного периода. Предпосылки возникновения и развития управленческого учета происходили по мере трансформации и диверсификации бизнес-процессов, а также роста глобализации мировой экономики. Нами была проанализирована степень эволюционного развития системы управленческого учета, выделены основные стадии развития данной подсистемы бухгалтерского учета. Основные этапы развития системы управленческого учета представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Этапы генезиса системы управленческого учета

Наименование этапа развития	Характеристика этапа развития
Появление предпосылок возникновения управленческого учета (середина XIX в. – начало XX в.)	Происходит бурное развитие промышленности, что способствует возрастанию конкуренции между производителями и появлению свободного ценообразования на товары, на передний план выступает не просто регистрация и отражение информации о произведенных затратах и доходах предприятия, а информация, на основе которой можно оценить рентабельность каждого вида продукции и уровень выгодности устанавливаемых цен на продукт. Из бухгалтерского учета выделяется калькуляционный учет как более оперативный и детализированный, информация которого позволяет устанавливать предел снижения цены на продукцию, а также оценить выгодность производства и реализации определенного ассортимента продукции
Формирование системы производственного учета	Развитие калькуляционного учета как системы, обеспечивающей процесс управления оперативно-технической информацией о затратах в различных разрезах. С целью совершенствования процесса калькулирования разрабатываются новые методы калькулирования: стандарт-костинг, директ-костинг, управление по отклонениям, организация учета затрат по центрам ответственности. Появление различных методов калькулирования превращает калькуляционный учет в производственный учет, задачей которого становится управление процессом формирования себестоимости продукции (работ, услуг). Информация производственного учета приобретает статус коммерческой тайны
Управленческий учет как отдельная сфера учетно-аналитической деятельности (конец 40-х гг., начало 50-х гг. XX в.)	Развитие производственного учета и его трансформация в систему управленческого учета. Наряду с использованием методик калькулирования, действенными механизмами управления признаются процессы бюджетирования, стратегического анализа, прогнозирования затрат и доходов, а также иных объектов управления в организации. Данное обстоятельство привело к трансформации производственного учета в систему управленческого учета

В странах постсоветского пространства одним из первых проблему внедрения управленческого учета в систему менеджмента организации начал решать Н. Г. Чумаченко. Н. Г. Чумаченко определил существующую несостоятельность подходов к бухгалтерскому учету как к самостоятельной системе, оторванной от управления экономическими процессами субъекта хозяйствования [1].

В Республике Беларусь появилась закономерная необходимость организации учета, который являясь частью системы бухгалтерского учета, выполнял бы задачи, связанные с управлением организацией и ее структурными подразделениями. Реформированием национальной системы бухгалтерского учета и разработкой методологических, методических и организационных основ управленческого учета занимались такие ведущие ученые как Д. А. Панков [2; 3], П. Я. Папковская [4], А. П. Шевлюков [5].

На наш взгляд, для процесса развития и становления национальной системы бухгалтерского учета характерно объективное существование исторических предпосылок, обуславливающих трансформацию системы бухгалтерского учета и его разделение на финансовый учет и управленческий учет.

Так, в условиях функционирования новой экономической политики (1923–1929 гг.) характерным было существование в трестах двух бухгалтерий – финансовой и управленческой. В обязанности бухгалтера в то время входили не только собственно учет, но и руководство, координация работ по планированию, подготовке учетной информации, ее интерпретации при принятии управленческих решений, анализ полученных данных и выбор оптимального решения среди ряда альтернативных вариантов.

После образования Госплана, с 1928 г., на предприятиях началось создание плановых отделов, получившее широкое распространение в 30-х гг. XX в. Указанные управленческие структуры предприятия осуществляли планово-аналитические функции. Таким образом, по мере развития и укрепления в Республике Беларусь централизованного планирования функции бухгалтерии были сведены к контрольно-учетным, а прерогативой плановых отделов стало планирование и анализ деятельности предприятий.

В процессе изучения генезиса управленческого учета в Республике Беларусь нами были выявлены аналоги современного инструментария управленческого учета, которые в том или ином виде применялись в период плановой экономики: система планирования деятельности предприятия на основе техпромфинплана – аналог системы бюджетирования; управление затратами на основе нормативного метода учета затрат с анализом отклонений – аналог управления затратами на основе метода «стандарт-кост»; управление затратами с использованием

метода факторного анализа – аналог управления затратами на основе метода «директ-кост»; система хозяйственного расчета – аналог системы управления по центрам ответственности.

Генезису и развитию управленческого учета во многом способствовали использование инструментария метода учета затрат и калькулирования себестоимости «стандарт-кост», основанного на анализе отклонений, а также применение в системе управления финансово-хозяйственной деятельностью организации нормативного метода учета затрат и калькулирования себестоимости продукции (работ, услуг).

Нами проанализированы и систематизированы основные предпосылки трансформации системы бухгалтерского учета в Республике Беларусь и возникновения управленческого учета. Предпосылки трансформации национальной системы учета и выделения управленческого учета представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Предпосылки возникновения управленческого учета в Республике Беларусь

Предпосылки	Характеристика
Экономические	Глобализация мировой экономики; возросшая конкуренция субъектов предпринимательской деятельности; диверсификация бизнес-процессов; возросшая потребность в прогнозной информации
Технологические	Технологическая модернизация производства; развитие автоматизированных систем обработки экономической информации; интенсивное развитие IT-сектора; информатизация общества
Профессиональные	Трансформация системы финансового менеджмента; переход от традиционной модели управления к проектной; развитие аутсорсинга; возникновение бенчмаркинга
Теоретико-методологические	Адаптация и трансформация отечественных научных исследований с учетом существующей хозяйственной практики; цифровая трансформация системы бухгалтерского учета; интеграция учетно-аналитических дисциплин с методами и инструментарием смежных наук

На наш взгляд, следует выделить экономические, технологические, профессиональные и теоретико-методологические предпосылки возникновения управленческого учета в Республике Беларусь.

Анализируя национальное законодательство в области бухгалтерского учета и отчетности, необходимо отметить, что официальное признание разделения системы бухгалтерского учета на финансовый учет и управленческий учет в действующих нормативно-правовых актах Республики Беларусь отсутствует. Однако в отечественной научной литературе теоретические, методические и организационные аспекты изложены достаточно глубоко. Кроме того, следует отметить, что субъекты предпринимательской деятельности активно используют инструментальный системы управленческого учета в процессе осуществления финансово-хозяйственной деятельности.

Считаем, что финансовый и управленческий учет представляют собой взаимозависимые и взаимообусловленные компоненты единой системы бухгалтерского учета, что обуславливает их сходство и единообразие. Финансовый учет и управленческий учет, во-первых, используют данные единой учетной информационной системы. Во-вторых, информация обоих видов учета используется для принятия необходимых управленческих решений. Однако управленческий учет по информационному содержанию и кругу решаемых задач шире бизнес-менеджмента организации, использующего соответствующую информацию о затратах и доходах субъекта хозяйствования при принятии конкретных управленческих решений.

Следует отметить, что системы управленческого и финансового учета не могут существовать полностью обособленно. В то же время их объединение на уровне способов учета отдельных активов, капитала, обязательств, расходов, доходов, способов формирования и анализа показателей отчетности невозможно из-за определенных различий в принципах и методах ведения учета. Таким образом, можно сделать вывод о том, что системы финансового и управленческого учета едины на уровне первичного учета. Считаем, что управленческий учет следует признать отдельной научной дисциплиной, возникшей на стыке таких предметных областей как бухгалтерский учет и финансовый менеджмент.

Использование инструментария управленческого учета позволит повысить информационную емкость учета и отчетности, улучшит оперативный контроль материальных, трудовых и финансовых ресурсов субъектов хозяйствования, предоставит руководству организации точную, достоверную, релевантную и оперативную информацию о результатах деятельности центров ответственности за любой период времени, что даст возможность принятия эффективных

управленческих решений, обеспечивающих своевременную адаптацию системы менеджмента к воздействию внешних и внутренних факторов.

Список использованной литературы

1. **Чумаченко, Н. Г.** Учет затрат и анализ в промышленном производстве США / Н. Г. Чумаченко. – М. : Финансы, 1971. – 240 с.
2. **Панков, Д. А.** Бухгалтерский учет и анализ за рубежом : учеб. пособие для вузов / Д. А. Панков. – М. : Новое знание, 2005. – 251 с.
3. **Панков, Д. А.** Теория и методика управленческого бухгалтерского учета : учеб. пособие / Д. А. Панков. – Мн. : Профит, 1995. – 100 с.
4. **Папковская, П. Я.** Производственный учет в АПК: теория, методология, методики и организация : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.12 / П. Я. Папковская. – Мн. : БГЭУ, 2001. – 39 с.
5. **Шаўлюкоў, А. П.** Основы рахункаводства : вучэб. дапам. / А. П. Шаўлюкоў. – Гомель : Бел. гандлёва-экан. ун-т спажыв. каап., 2011. – 404 с.

УДК 338.1

Д. Е. Зайцев (zaycev.de@mail.ru),
аспирант

Н. Э. Бабичева (sigaeva@mail.ru),
д-р экон. наук, профессор кафедры международной
экономики и внешнеэкономической деятельности
Воронежский государственный университет
г. Воронеж, Российская Федерация

АДАПТИВНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИЙ: РАЗРАБОТКА МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ

В данной статье проанализированы проблемы оценки эффективности деятельности организаций в условиях высокой неопределенности, представлена авторская методика оценки адаптивной эффективности.

This article analyzes the problems of assessing the effectiveness of organizations in conditions of high uncertainty, presents the author's methodology for assessing adaptive effectiveness.

Ключевые слова: эффективность деятельности; адаптивная эффективность; методы оценки; рейтинговая оценка; интернет-ресурс.

Key words: performance efficiency; adaptive efficiency; evaluation methods; rating assessment; internet resource.

В современной экономической практике отсутствует общепризнанная методика комплексной оценки адаптивной эффективности деятельности, что обуславливает необходимость применения совокупности различных подходов при ее выполнении. Традиционно эффективность деятельности экономических субъектов характеризуется степенью достижения своих текущих целей при сохранении стратегических приоритетов. Основной проблемой является то, что распространенные подходы оценки статичны и не учитывают необходимость постоянной адаптации организаций к условиям высокой неопределенности внешней среды [1].

Фундаментальные положения теории адаптивной эффективности разработаны лауреатом Нобелевской премии по экономике Д. Нормом, который рассматривал адаптивную эффективность как готовность экономических субъектов своевременно и гибко реагировать на изменения внешней среды, непрерывно обучаясь и эффективно преодолевая препятствия на пути собственного развития [2].

Из российских исследователей, внесших вклад в развитие концепции адаптивной эффективности, можно выделить О. С. Сухарева и В. А. Рудякова [3; 4]. По мнению О. С. Сухарева, адаптивная эффективность экономической системы определяется комплексом характеристик: способностью к обучению и накоплению опыта, поддержкой инноваций, готовностью к риску, а также устойчивостью к каким-либо организационным трансформациям, например реструктуризации [3]. Автор подчеркивает прямую зависимость уровня адаптивной эффективности от объема ресурсов, затраченных на процесс адаптации. В качестве ключевого критерия для системы оценки адаптивной эффективности О. С. Сухарев предлагает рассматривать эффективность использования факторов производства.

В. А. Рудяков определяет адаптивную эффективность как долгосрочную способность экономической системы успешно адаптироваться к непредсказуемым изменениям внутренних и внешних условий функционирования с сохранением имеющихся возможностей, для достижения целей без ущерба или даже с получением дополнительных преимуществ [4]. Для оценки уровня адаптивной эффективности автор разработал комплексную модель-индикатор, включающую ряд взаимосвязанных переменных. В основе модели лежит понятие потенциального излишка блага, реализуемого через рост производства или экономию ресурсов вследствие оптимизации внутренних процессов организации [4].

Для количественной оценки адаптивной эффективности целесообразно учитывать понесенные затраты на адаптацию к постоянно меняющимся условиям внешней среды и обеспечение интересов ключевых стейкхолдеров [5]. Также в настоящее время не только в зарубежных, но и в отечественных исследованиях для оценки адаптивной эффективности предлагается применять подходы, основанные на анализе ключевых показателей эффективности (KPI); сильных и слабых сторон, возможностей и угроз (SWOT-анализ); политических, экономических, социальных и технологических факторов и их различных модификаций (PEST-анализ) [6; 7].

Несмотря на актуальность концепции адаптивной эффективности отсутствует единый методологический подход ее оценки. Существующие методы, обладая рядом достоинств, имеют критические недостатки: субъективность, статичность и трудность практического применения в постоянно меняющихся условиях функционирования экономических субъектов. В связи с этим приоритетной задачей становится разработка принципиально нового подхода, способного объективно отразить динамическую составляющую адаптивной эффективности и быть применимым в реальной экономической деятельности [8].

Разработанная авторская методика оценки адаптивной эффективности заключается в сравнительном анализе динамики (за несколько лет) эффективности деятельности экономических субъектов в структуре бизнес-экосистемы. Предлагается отслеживать изменение рейтинговой оценки, оценивая адаптивную эффективность конкретной организации в зависимости от динамики рейтингового места за изучаемый период. Система показателей для выполнения сравнительной динамической рейтинговой оценки, по результатам которой будет определяться адаптивная эффективность организаций, основана на показателях адаптивности и эффективности деятельности [8; 9].

Оценка по авторской методике включает в себя предварительный расчет следующих групп показателей:

- Ликвидность и платежеспособность – коэффициент текущей ликвидности; степень платежеспособности по текущим обязательствам.

- Финансовая устойчивость – коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами; коэффициент автономии.

- Рентабельность оборотных активов, собственного капитала, продаж, затрат.

При проведении рейтинговой оценки выполняются следующие действия:

1. Рассчитанные финансовые показатели представляются в виде матрицы (a_{ij}), т. е. таблицы, где по строкам записаны номера показателей ($i = 1, 2, 3, \dots, n$), а по столбцам – номера организаций ($j = 1, 2, 3, \dots, m$).

2. По каждому показателю находится максимальное значение, за исключением степени платежеспособности по текущим обязательствам и текущей ликвидности.

3. Исходные показатели матрицы a_{ij} стандартизируются относительно максимального значения по следующей формуле:

$$x_{ij} = 1 - a_{ij} : \max a_{ij},$$

где x_{ij} – стандартизированные показатели организации.

4. Для расчета рейтинга по степени платежеспособности по текущим обязательствам исходные показатели матрицы a_{ij} стандартизируются относительно минимального значения по следующей формуле:

$$x_{ij} = 1 - \min a_{ij} : a_{ij},$$

где x_{ij} – стандартизированные показатели организации.

5. Для расчета рейтинга по показателю текущей ликвидности используется референтное значение – 1,6. Далее выполняется нахождение модуля разницы (значение показателя минус 1,6). За наилучший результат принимается наименьшее отклонение от 1,6. Далее расчет выполняется по вышеуказанной формуле.

6. Для каждой анализируемой организации значение ее рейтинговой оценки определяется по следующей формуле:

$$p = \sqrt{\sum x_{ij}^2}.$$

7. Организации упорядочиваются (ранжируются) в соответствии с полученной рейтинговой оценкой. Наименьший результат соответствует лучшему рейтинговому месту (№ 1).

Предлагается следующая дифференциация адаптивной эффективности экономических субъектов:

– Высокая. Рейтинговое место организации в конце периода осталось на том же уровне или стало выше в сравнении с первым годом анализа. В течение анализируемого периода допустимо снижение не более чем на 10% от количества организаций (с округлением до целого числа).

– Неустойчивая. Рейтинговое место организации осталось на том же уровне или стало выше, при этом наблюдалось снижение более чем на 10% от количества организаций (с округлением до целого числа) в течение периода анализа.

– Низкая. Рейтинговое место организации в конце периода оказалось ниже исходного.

Данная дифференциация по группам обеспечивает возможность прогнозирования эффективности деятельности организаций в условиях нестабильной внешней среды и высокой неопределенности.

На основании представленной авторской методики были разработаны следующие программы для электронных вычислительных машин, внесенные в реестр Роспатента:

– «Калькулятор расчета адаптивной эффективности предприятий малого и среднего бизнеса» (№ 2025691844).

– «Интернет-ресурс оценки адаптивной эффективности организаций» (№ 2026612156). Интернет-ресурс находится в открытом доступе по ссылке <https://адаптивная-эффективность.рф> и может использоваться финансовыми консультантами, аналитиками и риск-менеджерами в дополнении к комплексной оценке эффективности деятельности для повышения обоснованности решений по инвестированию, кредитованию или предоставления мер государственной поддержки [10; 11].

Для определения уровня адаптивной эффективности пользователю интернет-ресурса необходимо выполнить следующее:

– Выбрать необходимое количество организаций и период анализа.

– Указать названия всех организаций.

– Заполнить необходимые данные бухгалтерской (финансовой) отчетности в таблице.

Присутствует возможность импорта данных из таблицы Excel.

– Нажать кнопку «Рассчитать адаптивную эффективность». Предусмотрена функция экспорта полученных результатов в виде файла Excel (рисунок).

Интерфейс интернет-ресурса

КАЛЬКУЛЯТОР РАСЧЕТА УРОВНЯ АДАПТИВНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ

Выберите необходимое количество организаций и период времени для анализа

Количество организаций (5–50) Количество лет анализа (3–10)

Задано 10 организаций, период анализа — 5 лет.

Для определения уровня адаптивной эффективности применяется сравнительная динамическая рейтинговая оценка, основанная на показателях ликвидности и пл

Порядок действий:

- Укажите названия всех анализируемых организаций.
- Введите данные бухгалтерской (финансовой) отчётности по каждому году.
- Нажмите кнопку «Рассчитать адаптивную эффективность».

Таким образом, представленная экономическая разработка по оценке адаптивной эффективности может применяться для комплексной оценки финансово-хозяйственной деятельности организаций в постоянно меняющихся условиях внешней среды. Авторская методика отличается от известных подходов возможностью выполнения сравнительного анализа в динамике, устраняет недостатки статичных методов, что способствует развитию практико-ориентированного подхода к оценке адаптивной эффективности. Создание интернет-ресурса обеспечивает доступ к методике всем заинтересованным пользователям, что позволяет внедрить ее в реальную экономическую практику без дополнительных затрат.

Список использованной литературы

1. **Гришунин, С.** Влияние человеческого капитала топ-менеджмента на эффективность адаптации российских IT-компаний к культуре отмены и структурному кризису / С. Гришунин, А. Гурина, А. Сюткина // Корпоративные финансы. – 2023. – Т. 17, № 3. – С. 43–54.
2. **Норт, Д.** Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт ; [пер. с англ. А. Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера]. – М. : Фонд экон. кн. «Начала», 1997. – 180 с.
3. **Сухарев, О. С.** Теория дисфункции институтов и экономических систем (к 15-летию разработки данной теории в России) / О. С. Сухарев // Журнал экономической теории. – 2014. – № 1. – С. 27–40.
4. **Рудяков, В. А.** Возможные пути оценки адаптивной эффективности фирмы / В. А. Рудяков // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2009. – № 1. – С. 15–18.
5. **Зайцев, Д. Е.** Эффективность деятельности организации на современном этапе: определения и подходы к оценке / Д. Е. Зайцев // Modern Economy Success. – 2025. – № 3. – С. 377–386.
6. **Ставицкая, О. С.** KPI – ключевые показатели эффективности, их виды и применение / О. С. Ставицкая // Проблемы современной науки и образования. – 2018. – № 7 (127). – С. 45–51.
7. **Ситникова, Ю. Е.** SWOT-анализ и PEST-анализ как наиболее эффективные инструменты стратегического планирования / Ю. Е. Ситникова // Аллея науки. – 2019. – Т. 1, № 1 (28). – С. 523–528.
8. **Любушин, Н. П.** Экономический анализ адаптивной эффективности на основе сравнительной динамической рейтинговой оценки / Н. П. Любушин, Д. Е. Зайцев // Экономический анализ: теория и практика. – 2025. – Т. 24, № 10. – С. 4–16.
9. **Миэринь, Л. А.** Количественный подход к оценке адаптивности экономических субъектов / Л. А. Миэринь, Е. И. Марковская // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2021. – № 1 (127). – С. 27–34.
10. **Свидетельство** о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2025691844. Калькулятор расчета адаптивной эффективности предприятий малого и среднего бизнеса : заявлено 09.11.2025 : опубл. 18.11.2025 / Зайцев Д. Е., Любушин Н. П. – URL: <https://адаптивная-эффективность.рф> (дата обращения: 02.03.2026).
11. **Свидетельство** о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2026612156. Интернет-ресурс оценки адаптивной эффективности организаций : заявлено 13.01.2026 : опубл. 26.01.2026 / Зайцев Д. Е., Любушин Н. П.

ОЦЕНКА ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ

В данной статье рассмотрена финансовая устойчивость предприятия, проведен анализ активов по степени ликвидности и пассивов по степени срочности, рассчитаны абсолютные и относительные показатели данной категории финансовой устойчивости, сделаны выводы, предложены направления по улучшению финансовой устойчивости хозяйствующего субъекта.

This article examines the financial stability of an enterprise, analyzes assets by degree of liquidity and passivity by degree of urgency, calculates absolute and relative indicators of this category of financial stability, draws conclusions, proposes directions for sustainable financial stability of an economic entity.

Ключевые слова: предприятие; оценка; финансовая устойчивость; коэффициент; прибыль; рентабельность.

Key words: enterprise; assessment; financial stability; coefficient; profit; profitability.

В процессе деятельности предприятия большая роль отводится вопросам оценки финансовой устойчивости предприятия, поиску проблемных статей в активах и пассивах хозяйствующего субъекта, а также разработки направлений по улучшению финансовой устойчивости на перспективу. Также большую роль играет процесс стратегического управления деятельностью предприятия, ориентированный на сохранение и повышение финансовой устойчивости компании. При рационализации уровня запасов предприятие выступает ключевым фактором, напрямую влияющим на финансовую стабильность, операционную гибкость и конкурентоспособность хозяйствующего субъекта. Недостаточный контроль над запасами приводит к возникновению двух диаметрально противоположных, но одинаково пагубных проблем: их избыток влечет за собой иммобилизацию оборотных средств, увеличение издержек на хранение и риск морального устаревания, тогда как дефицит провоцирует сбои в производственном цикле, невыполнение контрактных обязательств и, как следствие, потерю прибыли и лояльности клиентов [1].

Стратегическое управление в процессе финансово-экономической деятельности предприятия можно охарактеризовать как совокупность последовательных действий, связанных с разработкой и дальнейшей реализацией стратегии. Стратегия управления финансово-экономической деятельностью предприятия имеет определенные основы, например: потенциал предприятия учитывает имеющиеся ресурсы в начале разработки и в конце реализации стратегии. В начале руководство компании учитывает имеющиеся ресурсы (информационные, сырьевые, трудовые, финансовые), а в конце реализации стратегии учитываются готовая продукция, работы и услуги; влияние внутренних (качество продукции, производительность труда, наличие брака) и внешних факторов (конкуренция, санкции, инфляция).

На практике можно выделить несколько методов, выступающих основой для разработки стратегического управления и создания финансовой стратегии предприятия. Эти методы «связаны с обеспечением системы сбалансированных показателей, расчета эффективности, использованием различных систем и применением информационных технологий для дальнейшего финансово-экономического развития компании. Для разработки сбалансированной системы показателей можно выделить четыре сбалансированных показателя:

– Состояние и движение финансов, оценка финансовой устойчивости, ликвидности и платежеспособности предприятия» [2].

- Наличие договоров с клиентами, взаимоотношение с покупателями и заказчиками.
- Оценка внутренних бизнес-процессов, производительности труда, качества работ.
- Обучение и повышение квалификации персонала.

Именно эти 4 группы показателей позволяют проводить финансовый анализ предприятия, оценивать объемы финансово-экономической деятельности, а также разрабатывать предложения по развитию компании на перспективу.

С целью разработки предложений по повышению финансовой безопасности предприятия, а также для совершенствования стратегии управления финансами нужно оценить абсолютные и относительные показатели финансовой устойчивости хозяйствующего субъекта. Согласно расчетам, на протяжении 2020–2023 гг. у предприятия наблюдается неустойчивое финансовое состояние. Однако в 2024 г. ситуация меняется в лучшую сторону – нормальная финансовая устойчивость.

Далее рассчитаем относительные показатели финансовой устойчивости.

Значение коэффициента автономии увеличилось на 0,0852 пункта и составило в 2024 г. 0,5078. Предприятие стало независимо от внешних источников на 50,78% (рисунок 1).

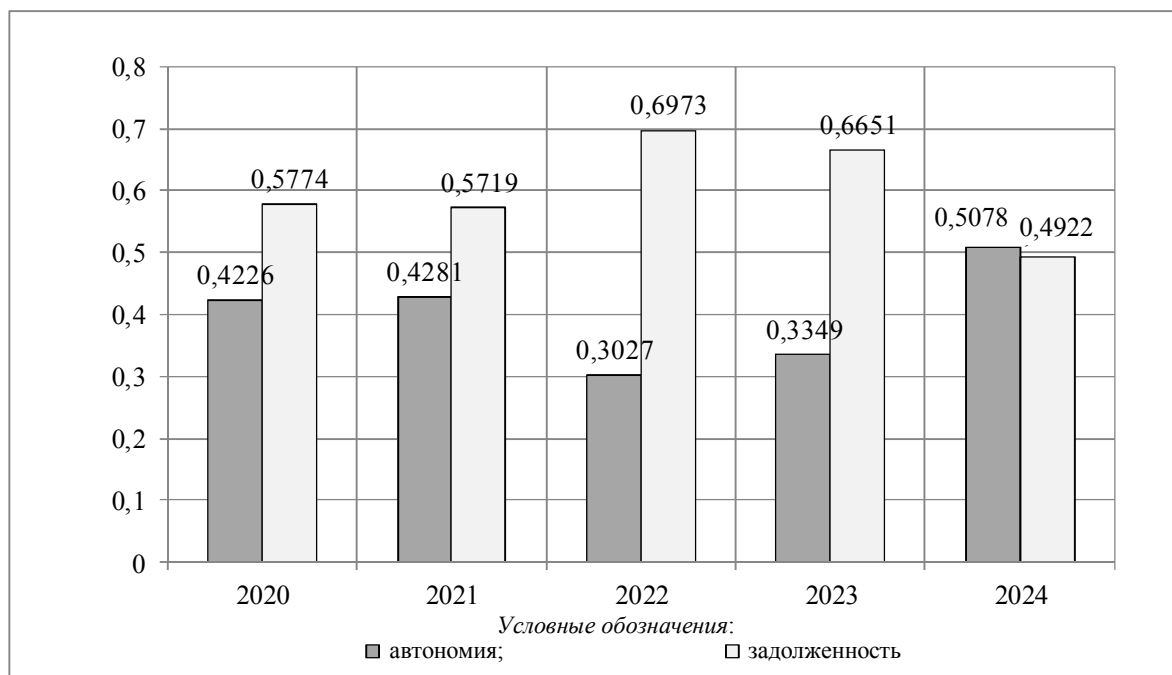

Рисунок 1 – Динамика коэффициента автономии и задолженности предприятия в 2020–2024 гг.

За 5 лет коэффициент задолженности сократился на 0,0852 пункта или до 0,4922, его значение стало в пределах нормы.

Коэффициент обеспеченности оборотных активов собственными оборотными средствами увеличился на 0,2008 до 0,1921, что положительно характеризует финансово-хозяйственную деятельность предприятия.

При разработке предложений по улучшению финансовой устойчивости предприятия, а также для совершенствования стратегического управления предприятием большой акцент делается на учете институциональных факторов, роли государства и специфики переходной экономики. Отечественные исследователи подчеркивают, что механическое заимствование зарубежных инструментов без адаптации снижает их практическую эффективность.

Значение коэффициента финансового рычага (при норме ≤ 1) сократилось на 0,3970 и составило в 2024 г. 0,9694.

За 2020–2024 гг. значение коэффициента финансовой устойчивости (норма $\geq 0,6$) увеличилось на 0,0545 и в 2024 г. составило 0,6689 (рисунок 2).

Инструменты стратегического управления в области повышения финансовой устойчивости представляют собой совокупность методов и моделей, используемых для анализа, планирования и контроля реализации стратегии. «К основным инструментам можно отнести следующие: стратегический анализ (SWOT, PESTEL, VRIO); стратегическое планирование и формирование корпоративной стратегии; сценарное планирование; система сбалансированных показателей (BSC); управление по целям и ключевым показателям эффективности (KPI)» [2].

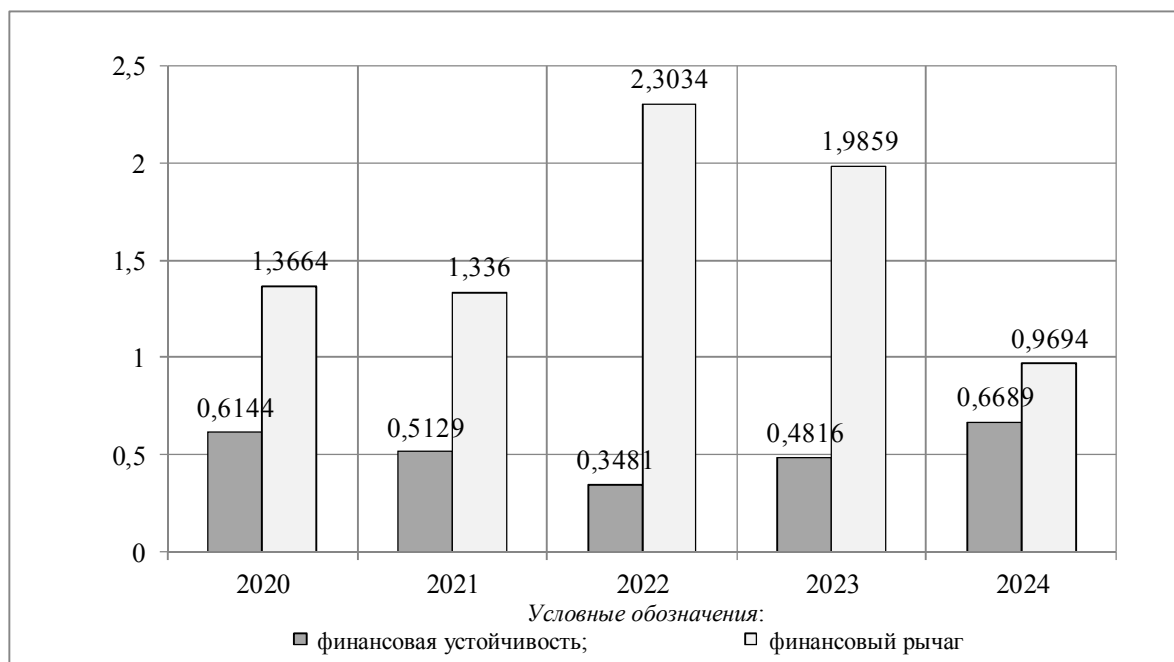

Рисунок 2 – Динамика коэффициента финансового рычага и финансовой устойчивости предприятия в 2020–2024 гг.

Так, стратегический анализ позволяет выявить сильные и слабые стороны предприятия, оценить возможности и угрозы внешней среды. Российские предприятия используют этот вид анализа для выявления слабых и сильных сторон, на этой основе разрабатывают направления по улучшению финансовой устойчивости и в целом финансово-экономической деятельности компании.

Далее сценарное планирование приобретает особое значение в условиях высокой неопределенности. Этот метод учитывает альтернативные траектории развития макроэкономической ситуации и позволяет сформировать адаптивные стратегии. На практике этот метод используется не часто, это связано с дефицитом аналитических компетенций и данных.

Российские предприятия в современных условиях получают от государства льготные кредиты, государство оказывает существенное влияние на развитие бизнеса как собственник и регулятор, определяет приоритеты стратегического развития компании. Также на крупных предприятиях доминирует иерархическая модель управления, следовательно, стратегическое планирование происходит сверху. Необходимо учитывать финансовое состояние предприятия, делать акцент на абсолютных и относительных показателях.

Современная финансово-экономическая деятельность предприятия свидетельствует о том, что внедрение четырех указанных выше методов способствует формированию стратегического управления финансами на перспективу. Для повышения финансовой устойчивости предприятия необходимо своевременно отслеживать соотношение активов по степени ликвидности и пассивов по степени срочности, сокращение дебиторской и кредиторской задолженности [3].

Современная хозяйственная практика свидетельствует о том, что внедрение принципов социально ориентированной и интегрированной логистики во все области финансовой и производственно-коммерческой деятельности является единственным способом организации безубыточного производства сложных и крайне дорогостоящих систем, таких как вооружение и военная техника, малыми сериями. Этому, в частности, способствует сбалансированная система показателей, позволяющая руководству оценить, насколько эффективно организация формирует ценность для потребителей товаров и услуг.

Улучшению финансовой устойчивости предприятия способствует сбалансированная система показателей, позволяющая руководству оценить, насколько эффективно предприятие формирует ценность для текущих и будущих потребителей, а также определить меры, необходимые для расширения внутренних возможностей и увеличения инвестиций в развитие компании, с целью повышения эффективности деятельности в перспективе. На данный момент российские предприятия функционируют в специфической институциональной среде, характеризующейся высокой степенью государственного участия, отраслевой концентрацией, ограни-

ченным доступом к международным финансовым и технологическим ресурсам, что обуславливает необходимость адаптации классических инструментов стратегического управления к национальным условиям хозяйствования.

Список использованной литературы

1. Бирюков, А. Н. Дифференцированное управление запасами по матрице ABC-XYZ: от сокращения издержек к устойчивой оптимизации / А. Н. Бирюков, М. Р. Ахибзянова, О. И. Глушенко // Управленческий учет. – 2026. – № 3. – С. 69–81.
2. Дудургов, И. А. Особенности применения инструментов стратегического управления в корпорациях России / И. А. Дудургов // Управленческий учет. – 2026. – № 3. – С. 143–148.
3. Финансовое планирование и риски : учеб. пособие / Л. А. Абелова, Р. А. Захаркина, Н. Н. Катайкина [и др.]. – Казань : Рос. ун-т кооп., 2026. – 242 с.

УДК 338.001.36

А. М. Комов (comow.1994@mail.ru),

аспирант

Воронежский государственный университет
г. Воронеж, Российская Федерация

ОЦЕНКА СУЩЕСТВУЮЩИХ ПОДХОДОВ К АНАЛИЗУ ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА

В данной статье рассматриваются различные подходы к оценке технико-технологической устойчивости экономического субъекта, а также определяются ограничения ресурсного, динамического, индикативного и других методов для оценки. В данной статье также рассматриваются обоснованность и необходимость интеграции различных факторов для установления технологического суверенитета, а также киберустойчивости в современные методики и модели диагностики и определения уровня экономической безопасности.

This article discusses various approaches to assessing the technical and technological resilience of an economic entity and identifies the limitations of resource-based, dynamic, indicative, and other assessment methods. It also discusses the validity and necessity of integrating various factors for establishing technological sovereignty and cyber resilience into modern methods and models for diagnosing and determining the level of economic security.

Ключевые слова: технико-технологическая устойчивость; экономическая безопасность; технологический суверенитет экономического субъекта; киберриски; адаптивные модели оценки устойчивости.

Key words: technical and technological sustainability; economic security; technological sovereignty of an economic entity; cyber risks; adaptive models for sustainability assessment.

В современном мире при изучении теории экономической безопасности экономических субъектов все большее внимание отдается понятию «технико-технологическая устойчивость». Это объясняется тем, что в экономических субъектах технико-технологический аспект деятельности определяется как фундаментальный, так как от данного аспекта зависят следующие факторы: операционная эффективность, долгосрочная конкурентоспособность, а также в целом существование экономического субъекта в рыночной среде экономической системы в Российской Федерации.

Традиционное понимание технико-технологической устойчивости как составляющей экономической безопасности экономического субъекта постепенно меняется. В привычном понимании данное понятие определяется как способность экономического субъекта поддерживать постоянное и бесперебойное функционирование всего оборудования внутри субъекта, а также воспроизводить весь заранее установленный объем продукции заданного качества. Данное понятие меняется благодаря более сложной интерпретации действий по данной деятельности внутри экономического субъекта, которая включает в себя такие аспекты как динамика технологических укладов, зависимость от импортных и экспортных компонентов и киберриски [1].

Благодаря данному изменению составляющих элементов понятия объясняется актуальность данной темы. Для экономических субъектов становится критически важным анализ существующих методических подходов для эффективной оценки уровня технико-технологической устойчивости экономических субъектов и своевременного выявления зон риска в данном аспекте.

При рассмотрении различных методик оценки уровня технико-технологической устойчивости можно сделать вывод, что долгое время доминирующим положением обладал ресурсный (затратный) подход. Данный подход сформировался в индустриальную эпоху, а также он был ориентирован на оценку физического состояния основных производственных фондов внутри экономического субъекта. Он определяет производственную мощность экономического субъекта в рыночной среде. Данный метод используется в большой степени в производственных организациях, которые занимаются созданием продукции и другими элементами производственной цепи [2].

Методологическая основа данного метода определяется расчетами коэффициентов износа годности оборудования, его обновления, а также выбытия оборудования и показателей фондоотдачи и энерговооруженности трудовых сил. Также существуют показатели «коэффициент механизации деятельности», «коэффициент активной части производственных фондов», которые определяют долю средств труда в общей структуре и долю производственного ядра в общей структуре фондов. Методики расчета коэффициентов ресурсного метода оценки технико-технологической устойчивости экономического субъекта представлены в нижеприведенной таблице [3].

Показатели ресурсного метода оценки технико-технологической устойчивости экономического субъекта

Показатели	Формула	Экономическое объяснение показателя
Коэффициент износа	$KИ = \text{Сумма износа} : \text{Первоначальная стоимость основных фондов}$	Характеризует долю стоимости основных фондов, которая была перенесена на готовую продукцию
Коэффициент годности	$КГ = \text{Остаточная стоимость} : \text{Первоначальная стоимость основных фондов}$	Показатель, который является обратным коэффициенту износа
Коэффициент обновления	$КО = \text{Стоимость введенных основных фондов} : \text{Стоимость основных фондов на конец периода}$	Показатель, который показывает интенсивность обновления всего производственного аппарата внутри организации
Коэффициент выбытия	$КВ = \text{Стоимость ликвидированных основных фондов} : \text{Стоимость основных фондов на начало периода}$	Характеризует степень выбытия производственных мощностей внутри экономического субъекта
Фондоотдача	$ФО = \text{Выручка} : \text{Среднегодовая стоимость основных фондов}$	Показатель, характеризующий отношение объема продукции на единицу стоимости основных фондов
Фондоемкость	$ФЕ = \text{Среднегодовая стоимость основных фондов} : \text{Выручка}$	Обратный коэффициент показателю фондоотдачи
Энерговооруженность	$ЭВ = \text{Общая мощность двигателей} : \text{Среднесписочная численность рабочих}$	Характеризует техническую оснащенность трудовых сил экономического субъекта
Коэффициент механизации	$КМ = \text{Стоимость механизированного оборудования} : \text{Общая стоимость оборудования}$	Показатель, характеризующий долю современных средств трудовых сил в общей структуре производственного оборудования
Коэффициент активной части фондов	$КАЧФ = \text{Стоимость машинного оборудования} : \text{Общая стоимость основных фондов}$	Показатель, отражающий долю производственного ядра в общей структуре основных фондов

Представленные показатели определяют основу ресурсного метода, который по своей структуре ориентирован на диагностику физического состояния всей производственной мощности экономического субъекта. Можно сделать вывод, что основным преимуществом данного метода является эффективность расчета данных методик для всех организаций, а также доступность анализа данного метода [4].

Далее стоит рассмотреть такой подход к оценке технико-технологической устойчивости экономического субъекта как индикативный метод. Данный подход наиболее распространен среди экономических школ, в которых участвовали Л. И. Абалкин, В. К. Сенчагов, Е. А. Олейников. Индикативный подход устанавливает пороговые значения технико-технологических индикаторов. Таким образом, суть данного метода заключается в отражении состояния технико-технологической сферы, например, коэффициента уровня износа активной части основных фондов, коэффициента отражения доли импортного оборудования в производственных процессах экономического субъекта, а также коэффициента определения эффектив-

ности инвестиционной деятельности по отношению к научно-исследовательской деятельности экономического субъекта.

Можно сделать вывод, что данный подход берет различные коэффициенты из других методик и с помощью системы нормативных значений устанавливает уровень технико-технологической устойчивости экономического субъекта. Данный показатель рассчитывается как отношение суммы накопленной амортизации активной части основных производственных фондов к первоначальной стоимости активной части, а также данный показатель рассчитывается в процентах [5].

Например, коэффициент износа активной части производственных основных фондов. В данном показателе могут быть различные пороговые значения для разных экономических субъектов. Если рассматривать машиностроительный комплекс организаций, то для данных организаций и экономических субъектов в целом пороговое значение может составлять 50%. Данное нормативное значение определяет уровень износа активной части основных производственных фондов. Если данный показатель находится на более высоком уровне, то это свидетельствует о превышении нормативного срока службы большей части производственного оборудования, которое используют в экономическом субъекте [6].

Стоит упомянуть также динамический и компетентностный подходы. Данные два подхода используются в различных ситуациях, которые определенным образом не зависят от самого экономического субъекта (от внешних факторов). Это объясняется тем, что динамический подход используется для определения и фокусировки анализа на способности экономического субъекта к технологической адаптации всего машинного оборудования и обновлению оборудования в различное время, а компетентностный подход раскрывается через переход экономической деятельности субъектов к новейшей экономике знаний и цифровизации всех экономических процессов.

Следовательно, данные два подхода напрямую зависят от научно-технического прогресса. В обособленности данные показатели не определяют уровень технико-технологической устойчивости, но если их рассматривать в рамках цифровизации экономики, а также если экономический субъект занимается разработкой или пользуется новейшими благами цифровизации, то данные подходы раскрываются более подробно [7].

К показателям динамического подхода можно отнести коэффициент анализа скорости обновления продуктового портфеля экономического субъекта, коэффициент длительности инновационного цикла, показатель специального «технологического разрыва» по отношению к другим организациям.

Преимущество данного подхода раскрывается через следующую особенность: данный подход учитывает фактор времени деятельности экономического субъекта, а также его способность к саморазвитию. Недостаток данного подхода раскрывается в сложности формализации, так как данный подход требует глубокого отраслевого экспертного мнения для эффективного определения уровня технико-технологической устойчивости.

Существуют различные показатели компетентностного подхода. Главный из них – показатель человеческого капитала. Данный показатель раскрывается через различные технологические компетенции сотрудников, которые работают на экономическом субъекте. Это объясняется тем, что нововведения в организации деятельности экономического субъекта, а также внедрение новых технологий в процессы деятельности всегда требует квалификации кадров по данному направлению.

Данный подход раскрывает показатель «управленческие способности к реинжинирингу бизнес-процессов». Этот показатель следует из предыдущего показателя, так как реинжиниринг объясняется через возможность кадров поменять состав и сущность бизнес-процессов для установления нового уровня цифровизации процессов.

К преимуществам данного подхода можно отнести объяснение множества ситуаций, где наблюдается высокая технико-технологическая устойчивость в простых компаниях по структуре при минимальном объеме продукции или основных фондов. К таким компаниям можно отнести различные организации IT-сектора или стартапы. Недостаток данного подхода раскрывается через такой риск как уход в абстракционную деятельность экономического субъекта. Такая деятельность начинается в процессе анализа, когда понятия, которые используются для анализа, различные категории или показатели теряют связь с измеряемыми единицами, фактами. Из-за такой деятельности возникают неэффективные выводы по деятельности экономических субъектов или данные выводы очень трудно подтвердить.

Практически все методики анализа уровня технико-технологической устойчивости деятельности экономического субъекта основываются на современных проблемах экономического сектора. К таким проблемам можно отнести санкции, ускоренную цифровизацию и т. д. Следовательно, к данным методикам следует добавить определенные аспекты, которые могут предотвращать возможные риски и угрозы из-за вышеупомянутых проблем.

Например, внедрение оценивания «технологического суверенитета» экономической деятельности экономического субъекта. Данный суверенитет необходимо рассчитывать через коэффициент критического импорта в технологических цепочках экономического субъекта. Следовательно, при анализе технико-технологической устойчивости следует оценивать не только долю импортного оборудования в процессах деятельности организаций, а также наличие альтернативных источников технического оборудования для деятельности организаций. Это создает некую опору при возможных угрозах дестабилизации деятельности из-за отсутствия импортного оборудования. В рамках различных подходов к анализу технологического суверенитета позволит проанализировать возможные риски организации и продумать более эффективную деятельность и меры предотвращения этих рисков.

К возможным действиям при возникновении проблем, а также к числу переменных в подходах к оценке уровня технико-технологической устойчивости экономического субъекта можно отнести параметр «цифровой прочности» или стойкости к киберрискам. Данный показатель сможет учитывать следующие аспекты: уровень амортизации, наличие резервных точек управления производственной деятельностью экономического субъекта, а также долю цифрового оборудования, которое переходит черту износа. Киберрискам подвержены такие производственные единицы, которые имеют уязвимость в прошивках или устаревшее программное обеспечение. Если эффективно определять подверженность оборудования к данным рискам, то можно глобально снизить данный риск [8].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что технико-технологическая устойчивость является одним из направлений экономической безопасности экономического субъекта, которая определяется через такие методологические подходы оценки уровня как ресурсный, динамический, индикаторный, а также компетентностный подходы.

Проведенный анализ различных подходов к оценке технико-технологической устойчивости экономического субъекта определил, что методологическая база данного вида устойчивости может отставать от динамики современных проблем, рисков и угроз. Вышеперечисленные подходы позволяют определить уровень технико-технологической устойчивости, но они не включают в себя более подробные цифровые факторы, которые смогут более эффективно определить уровень, а также предотвратить киберриски и риски потери технологического суверенитета.

Список использованной литературы

1. **Липовка, А. Ю.** Техническая и технологическая устойчивость / А. Ю. Липовка, Т. А. Курилина. – М. : Наука, 2019. – 96 с.
2. **Баранова, В. Е.** Экономическая устойчивость предприятия / В. Е. Баранова, Е. Ф. Николаева // Academy. – 2018. – № 10 (37). – С. 26–32.
3. **Повышение** технологической устойчивости функционирования промышленной системы / М. Б. Шмырева, Е. В. Шкарупета, М. А. Колодко, О. А. Логачев // Современные проблемы гражданской защиты. – 2018. – № 3. – С. 112–119.
4. **Ендовицкий, Д. А.** Экономический анализ расчетов корпораций : учеб. пособие / Д. А. Ендовицкий, И. В. Полухина, Л. С. Коробейникова. – Воронеж : ВГУ, 2018. – 154 с.
5. **Полозова, А. Н.** Методика управленческого анализа издержек промышленно-производственных организаций / А. Н. Полозова, Л. В. Брянцева, Д. Н. Хорохордин // Аудит и финансовый анализ. – 2008. – № 4. – С. 360–369.
6. **Веретехин, А. В.** Основные атрибуты механизма управления развитием промышленного предприятия / А. В. Веретехин // Вестник НГИИЭ. – 2018. – № 4 (83). – С. 44–51.
7. **Хоменко, Е. Б.** Введение в цифровую экономику: потребители, рынки, регионы, отрасли : учеб. пособие / Е. Б. Хоменко. – Ижевск : Удмурт. ун-т, 2022. – 114 с.
8. **Инновационное** развитие экономических систем в условиях цифровизации : моногр. / под науч. ред. д-ра экон. наук М. Я. Веселовского и канд. экон. наук Н. С. Хорошавиной. – М. : Мир науки, 2021. – URL: <https://izdmn.com/PDF/07MNNPM21.pdf> (дата обращения: 10.11.2025).

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ РИСКОВ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЗАЕМНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ КАК ИНТЕГРИРУЮЩЕЕ ЗВЕНО В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ВЕРТИКАЛЬНО-ИНТЕГРИРОВАННЫХ ХОЛДИНГОВ

В статье обосновывается необходимость выделения комплексного анализа рисков привлечения заемного финансирования в самостоятельное направление экономического анализа. Показана ограниченность традиционных подходов к оценке кредитоспособности применительно к сложным корпоративным структурам – вертикально-интегрированным холдингам. На основе критического анализа существующих методов выявлены ключевые теоретические и методологические пробелы, связанные с игнорированием синергетических эффектов и системных (каскадных) рисков. Предложено авторское определение комплексного анализа рисков привлечения заемного финансирования, его место в системе комплексного экономического анализа, а также раскрыта его роль как «аналитического моста», обеспечивающего интеграцию финансовой, операционной и стратегической информации для прогнозирования кредитоспособности вертикально-интегрированных холдингов.

This article substantiates the need to establish comprehensive debt risk analysis as a separate area of economic analysis. It demonstrates the limitations of traditional approaches to creditworthiness assessment for complex corporate structures – vertically integrated holding companies. A critical analysis of existing methods identifies key theoretical and methodological gaps associated with the neglect of synergies and systemic (cascading) risks. The author offers a definition of comprehensive debt risk analysis, its place within the framework of comprehensive economic analysis, and explains its role as an “analytical bridge” that integrates financial, operational, and strategic information to forecast vertically integrated holding companies credit worthiness.

Ключевые слова: комплексный анализ рисков привлечения заемного финансирования; вертикально-интегрированный холдинг; кредитный риск; операционный риск; системный риск; синергия; экономический анализ.

Key words: comprehensive debt risk analysis; vertically integrated holding company; credit risk; operational risk; systemic risk; synergy; economic analysis.

Современные экономические реалии характеризуются усложнением организационных структур бизнеса. Вертикально-интегрированные холдинги (ВИХ), объединяющие технологически взаимосвязанные стадии производства, становятся доминирующей формой организации в ряде отраслей, включая агропромышленный комплекс, металлургию и машиностроение. Данная форма интеграции позволяет извлекать значительные синергетические эффекты за счет снижения операционных издержек, экономии на масштабе и оптимизации логистических потоков. Однако углубление интеграции создает новые риски.

Парадокс заключается в том, что именно наличие синергии, являющейся целью создания холдинга, одновременно формирует его ключевую уязвимость. Сбой в одном звене технологической цепочки в условиях жесткой внутренней кооперации неизбежно приводит к каскадному распространению негативных последствий на смежные подразделения, что в итоге может сказаться на способности всего холдинга обслуживать долговые обязательства.

Классическая система экономического анализа, состоящая из относительно обособленных блоков (финансового, инвестиционного, стратегического, операционного анализа), не обладает инструментарием для формализации и количественной оценки этих сложных, нелинейных взаимосвязей. Традиционные методы оценки кредитоспособности заемщика, основанные на допущениях о линейной связи финансовых показателей с вероятностью дефолта и независимости рисков отдельных направлений деятельности, недостоверно отражают реальный риск-профиль ВИХ. Это приводит к занижению кредитных рисков как со стороны кредитных организаций, так и со стороны менеджмента холдинга, что чревато принятием неоптимальных решений о структуре и объеме заемного капитала.

Цель данной статьи – обосновать место и роль комплексного анализа рисков привлечения заемного финансирования (КАР ПЗФ) как специализированного и интегрирующего направления в системе экономического анализа, способного достоверно отражать специфику рисков ВИХ.

Сложившаяся система экономического анализа включает в себя ряд ключевых направлений. Финансовый анализ фокусируется на диагностике текущего состояния и результатов деятельности с помощью таких показателей, как ликвидность, рентабельность, финансовая устой-

чивость. Инвестиционный анализ оценивает эффективность капитальных вложений. Стратегический анализ определяет долгосрочные цели и рыночные позиции. Операционный анализ направлен на повышение эффективности производственных процессов и бизнес-процессов.

Критическим недостатком этой системы применительно к ВИХ является ее «горизонтальная» разобщенность. Каждое направление функционирует изолированно, результаты слабо интегрируются в единую картину. Более того, отсутствует блок, который бы учитывал «вертикальную» специфику: технологическую взаимозависимость подразделений, синергетические эффекты, создаваемые ими системные риски. Традиционный анализ ориентирован на ретроспективу, его прогнозный компонент слабо увязан с оценкой будущей кредитоспособности и финансовой устойчивости, особенно в условиях стрессовых сценариев. Таким образом, в системе комплексного экономического анализа существует проблема – отсутствие звена, способного преобразовать данные операционных KPI и бухгалтерской отчетности в прогноз кредитного риска с учетом архитектуры ВИХ.

На наш взгляд, КАР ПЗФ призван заполнить этот пробел. Определение данного направления можно сформулировать следующим образом: КАР ПЗФ – это метод идентификации, оценки и прогнозирования кредитного риска, основанный на преобразовании данных об операционных процессах, финансовом состоянии и внешней среде холдинга с учетом синергетических эффектов и каскадного распространения рисков по его технологической цепочке для обоснования решений по структуре и лимитам заемного капитала.

Предметом КАР ПЗФ выступают системные (каскадные) риски финансовой устойчивости, возникающие или усиливающиеся при привлечении заемного финансирования, специфичные для ВИХ. Целью является формирование прогноза кредитоспособности и финансовой устойчивости холдинга для обоснования управленческих решений.

Место КАР ПЗФ в системе экономического анализа можно определить как интегрирующий центр, в который попадают результаты анализа классических направлений, а затем перерабатываются, наглядно представим это в нижеприведенной таблице.

Взаимосвязь КАР ПЗФ с другими направлениями экономического анализа

Направление анализа	Что передает в КАР ПЗФ	Что получает от КАР ПЗФ
Финансовый анализ	Базовые метрики (ROA, Debt/EBITDA, DSCR, Cash Flow)	Скорректированные метрики, например, (DSCR _{корр}), синергетический ROE
Операционный анализ	Ключевые KPI (загрузка мощностей, грузооборот, себестоимость)	Количественная оценка влияния операционных KPI на кредитный риск, приоритеты управления рисками
Стратегический анализ	Сценарные условия (макрэкономические тренды), долгосрочные цели	Оценка устойчивости стратегии к рискам закрытых фондов, лимиты долговой нагрузки
Инвестиционный анализ	Оценки эффективности проектов (NPV, IRR), стоимость капитала	Интегральная оценка риска проекта с учетом его влияния на системную уязвимость холдинга

КАР ПЗФ в системе комплексного экономического анализа выполняет следующие функции:

– Интегратор данных (объединяет разнородную информацию из разных аналитических блоков в единую модель риска).

– Транслятор рисков (преобразует операционные и стратегические риски в финансовые и кредитные последствия, показывая, как сбой одного структурного подразделения трансформируется в увеличение вероятности дефолта по кредиту другого подразделения).

– Поставщик прогнозной информации (формирует сценарные прогнозы финансовой устойчивости, которые служат основой для принятия решений о привлечении заемного финансирования).

Введение КАР ПЗФ в систему комплексного экономического анализа влечет за собой не просто добавление нового блока, но и качественное развитие методик проведения анализа.

Во-первых, происходит переход от «горизонтальной комплексности» к «вертикально-системной комплексности». Анализ не просто рассматривает разные аспекты бизнеса, а фокусируется на взаимовлияниях и рисках по всей технологической цепочке, вводя в анализ динамический компонент.

Во-вторых, изменяется теоретический аппарат. Вводятся новые категории: системный (каскадный) риск, индекс каскадной уязвимости (ИКУ), синергетическая доходность (риск), коэффициент синергетической эффективности (КСЭ). Развиваются модели, интегрирующие

сетевые подходы (теория графов) и стохастические методы, позволяющие учитывать нелинейные зависимости.

В-третьих, формируются новые методические принципы, которые задают вектор развития аналитических процедур, в частности, следующие:

– Принцип «вложенности» рисков предполагает, что операционные риски, возникающие на уровне отдельных бизнес-единиц, не исчезают, а трансформируются в финансовые риски, которые, в свою очередь, при определенных условиях переходят в кредитные риски всего холдинга. Эта цепь трансформации многократно усиливается ИКУ, который выступает в роли «мультипликатора», показывающего, насколько сильно локальный операционный сбой отразится на способности холдинга обслуживать долг. Без учета этого принципа анализ рисков остается фрагментарным, а выводы о кредитоспособности – поверхностными.

– Принцип синергетической обусловленности, основанный на том, что выгоды синергии и вызываемые ею риски являются неразрывными. Любое решение, направленное на усиление интеграции (например, создание единого логистического центра или переход на внутривхолдинговые расчеты), должно сопровождаться одновременной оценкой как прироста операционной эффективности (ΔEBITDA), так и увеличения системной уязвимости (ΔИКУ). Традиционные подходы, фиксирующие синергию исключительно как положительный фактор, упускают из виду эту двойственность, что приводит к недооценке рисков, формированию избыточной долговой нагрузки.

– Принцип динамической достаточности капитала меняет представление о целевой структуре капитала. Согласно ему, оптимальная доля заемного финансирования определяется не только соотношением рентабельности активов и стоимости долга (как в классической модели Модильяни – Миллера), но и уровнем системной уязвимости холдинга, измеряемым ИКУ [1]. Для холдингов с высоким ИКУ характерна более высокая волатильность денежных потоков при реализации каскадных сценариев, поэтому их долговая емкость объективно ниже, чем у структур с низкой степенью интеграции. Этот принцип требует пересмотра традиционных ковенантов и подходов к лимитированию долга.

– Принцип опережающего индикативного управления следует из необходимости раннего обнаружения рисков. Поскольку каскадные эффекты развиваются нелинейно и могут приобретать лавинообразный характер, система мониторинга должна опираться не только на запаздывающие финансовые показатели (DSCR, Debt/EBITDA), но и на операционные индикаторы-предшественники (загрузка мощностей, уровень запасов, время простоя оборудования). КАР ПЗФ, аккумулируя данные операционного анализа, позволяет перейти от реактивного управления рисками к проактивному, когда корректирующие воздействия применяются еще до того, как ухудшение операционных параметров успеет сказаться на финансовой устойчивости.

Таким образом, предлагаемый подход направлен на развитие комплексного экономического анализа, обеспечивая системный, динамический и прогнозно-рисковый характер. КАР ПЗФ становится не просто очередным аналитическим блоком, а «ядром» интеграции, связывающим воедино операционный, финансовый и стратегический компоненты управления холдингом.

Список использованной литературы

1. Задорожная, А. Н. Порядок использования метода волатильности EBIT и модели анализа EBIT-EPS при принятии финансовых решений / А. Н. Задорожная // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2015. – № 36 (270). – С. 24–37.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ АНАЛИЗА ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СУБЪЕКТА ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

В статье обоснована методика анализа финансовой устойчивости организации, включающая изучение структуры и тенденций изменения собственного капитала, достаточности долгосрочных источников финансирования для формирования активов, динамики статических и динамических относительных показателей, позволяющая оценить эффективность управления капиталом.

The article substantiates the methodology for analyzing the financial stability of an organization, including the study of the structure and trends in equity capital, the adequacy of long-term sources of financing for the formation of assets, the dynamics of static and dynamic relative indicators, which makes it possible to assess the effectiveness of capital management.

Ключевые слова: финансовая устойчивость; собственный капитал; обязательства; активы; финансовый риск; коэффициент.

Key words: financial stability; equity; liabilities; assets; financial risk; ratio.

Важнейшим параметром финансового состояния организации является ее финансовая устойчивость, которая характеризует степень защищенности интересов кредиторов и инвесторов, имеющих долгосрочные вложения в организацию. Гарантом такой защиты выступает собственный капитал, который является основой и обеспечением для привлечения средств организации. Кредиторы при заключении договоров с организацией ориентируются не только на платежеспособность организации, но и на финансовую устойчивость, соотношение между собственным капиталом и обязательствами. Приращение собственного капитала, прежде всего за счет получаемой прибыли, обеспечивает финансовую устойчивость и снижение риска несостоятельности (банкротства).

Анализ финансовой устойчивости организации мы предлагаем проводить в следующей последовательности:

- изучение динамики, структуры и причин изменения собственного капитала;
- сравнение темпов роста собственного капитала, активов и обязательств организации;
- изучение степени участия собственного капитала в формировании активов, в том числе долгосрочных и краткосрочных;
- оценка типа финансовой устойчивости организации на основе баланса ликвидности;
- изучение относительных показателей финансовой устойчивости.

По данным бухгалтерского баланса оценивают структуру и динамику собственного капитала, определяют удельный вес его элементов; рассчитывают удельный вес нераспределенной прибыли и ее участие в приращении собственных средств. Изучают динамику коэффициентов наращивания собственного капитала (отношение прироста собственного капитала к его остатку на начало года) и устойчивости экономического роста капитала (отношение прироста нераспределенной прибыли к сумме прироста собственного капитала); положительная динамика показателей свидетельствует о приращении собственных источников финансирования за счет реинвестированной прибыли и эффективного управления ресурсами организации.

Определяют удельный вес собственного капитала в итоге бухгалтерского баланса, а также сравнивают темпы роста собственного капитала с обязательствами и активами организации. Для обеспечения финансовой устойчивости организации необходимо выполнение следующих неравенств:

$$Tr_{СК} \geq Tr_A \geq Tr_O \geq 100\%,$$

где $Tr_{СК}$ – темп роста собственного капитала, %;

Tr_A – темп роста активов, %;

Tr_O – темп роста обязательств, %.

Опережающий темп роста собственного капитала над темпом роста активов и обязательств характеризует увеличение финансовой независимости организации и рост доли собственных источников финансирования в формировании имущества.

$$Tr_{нп} \geq Tr_{ск} \geq Tr_{да} \geq 100\%,$$

где $Tr_{нп}$ – темп роста нераспределенной прибыли, %;

$Tr_{да}$ – темп роста долгосрочных активов, %.

Данное неравенство свидетельствует о том, что прирост собственного капитала обеспечивается за счет повышения накопленной прибыли, собственного капитала достаточно для формирования долгосрочных и краткосрочных активов.

В ходе анализа предлагаем на основе сравнения долгосрочных источников финансирования с различными элементами активов организации, сгруппированными по степени ликвидности, определять тип финансовой устойчивости организации. Сравнение долгосрочных источников финансирования с нефинансовыми и неликвидными активами позволяет ускорить процесс идентификации финансовой устойчивости (таблица 1).

Таблица 1 – Классификация типов финансовой устойчивости организации по направлениям вложения долгосрочных источников финансирования

Тип финансовой устойчивости организации	Направления вложения долгосрочных источников финансирования	Экономическая интерпретация
Финансовая прочность, высокая степень безопасности	$A3 + A4 < ДФ < A2 + A3 + A4$, где $A3$ – медленно реализуемые активы; $A4$ – труднореализуемые активы; $ДФ$ – долгосрочные источники финансирования (собственный капитал и долгосрочные обязательства); $A2$ – быстрореализуемые активы	За счет долгосрочных источников финансирования полностью формируются медленно реализуемые и труднореализуемые активы
Финансовая напряженность, относительная безопасность	$A4 < ДФ < A3 + A4$	Долгосрочных источников финансирования достаточно лишь для покрытия труднореализуемых (неликвидных) активов
Высокая финансовая зависимость от внешних источников финансирования, высокая степень риска	$0 < ДФ < A4$	Долгосрочных источников финансирования недостаточно для формирования труднореализуемых (неликвидных) активов

По данным таблицы 1 можно сделать вывод, что были выделены следующие три типа финансовой устойчивости субъекта хозяйствования: финансовая прочность, высокая степень безопасности; финансовая напряженность, относительная безопасность; высокая финансовая зависимость от внешних источников финансирования, высокая степень риска. Организацию, у которой долгосрочных источников финансирования достаточно для формирования медленно реализуемых и труднореализуемых активов, можно отнести к первому типу финансовой независимости и безопасности. Если у субъекта хозяйствования долгосрочных источников финансирования достаточно только для покрытия труднореализуемых активов, то его можно отнести ко второму типу. Ситуацию, когда долгосрочных источников финансирования не хватает даже для формирования труднореализуемых активов, можно идентифицировать как высокую степень зависимости от внешних источников финансирования и риск потери финансовой устойчивости.

Для оценки финансовой устойчивости организации также рассчитываются относительные показатели, состав и наименование которых в экономических публикациях разный. Так, В. В. Ковалёв полагал, что «финансовая устойчивость может оцениваться двояко: во-первых, с позиции структуры источников средств, во-вторых, с позиции расходов, связанных с обслуживанием внешних источников финансирования. Выделяют две группы показателей, называемых условно коэффициентами капитализации и коэффициентами покрытия» [1, с. 325].

В первую группу показателей автор включил коэффициенты концентрации собственного капитала, концентрации привлеченных средств, финансовой зависимости капитализированных источников, финансовой независимости капитализированных источников, уровень финансового левериджа. Данные показатели раскрывают степень участия собственного капитала и привлеченных ресурсов в активах организации. Во вторую группу входят коэффициенты обеспе-

ченности процентов к уплате (отношение прибыли до вычета процентов и налогов к уплаченным процентам) и покрытия постоянных финансовых расходов (отношение прибыли до вычета процентов и налогов к уплаченным процентам и расходам по финансовой аренде); показатели характеризуют достаточность чистого дохода для погашения процентов, уплачиваемых за привлечение кредитных ресурсов и лизинга [1, с. 326–329].

А. Д. Шеремет предлагал оценивать финансовую устойчивость субъекта хозяйствования на основе коэффициентов финансовой независимости, соотношения собственных и заемных средств, маневренности, обеспеченности собственными оборотными средствами, долгосрочного привлечения заемных средств, краткосрочной задолженности, автономии источников формирования запасов, кредиторской задолженности и прочих пассивов, долю просроченной кредиторской задолженности в пассивах, отношение дебиторской задолженности к совокупным активам и показатели рыночной активности акционерной компании (рыночной стоимости акции к чистой прибыли на акцию, доходность акции, балансовая стоимость акции, доля выплаченных дивидендов в чистой прибыли) [2, с. 299–301]. Считаем, что долю просроченной кредиторской задолженности в пассивах следует оценивать в рамках анализа платежеспособности, а отношение дебиторской задолженности к совокупным активам – в ходе анализа структуры активов.

Другие авторы считают, что анализировать финансовую устойчивость необходимо по следующим показателям: финансовой независимости, финансовой устойчивости, финансовой зависимости, финансового левериджа, обеспеченности оборотных активов собственными оборотными средствами, обеспеченности запасов собственными оборотными средствами, соотношения дебиторской и кредиторской задолженности, финансовой маневренности, финансирования, инвестирования [3, с. 100–101]. Недостатком данных коэффициентов является то, что многие из них дублируют друг друга и не несут новой смысловой нагрузки. Коэффициенты финансовой зависимости и финансовой независимости в сумме составляют единицу, поэтому если увеличивается финансовая зависимость организации, то снижается ее независимость. Коэффициенты финансового левериджа и финансирования – это обратные друг другу коэффициенты, следовательно, если повышается сумма заемных средств на 1 р. собственных средств, то уменьшается сумма собственных средств на 1 р. заемных средств, что свидетельствует о падении финансовой устойчивости субъекта хозяйствования.

В международной практике финансового анализа в состав показателей финансовой устойчивости помимо показателей ликвидационного типа (соотношения всей задолженности и собственных средств, долгосрочной задолженности и собственных средств) включают показатели операционного типа. Эти коэффициенты «показывают, в какой мере фиксированные выплаты по долговым обязательствам покрываются потоком средств от операций компании. Способность компании обеспечить уплату основной суммы долга и процентов – важнейший показатель финансового благополучия, имеющего первостепенное значение для кредиторов» [4, с. 287]. При расчете данных показателей сравнивают сумму чистой прибыли, амортизации и прочих начислений с выплатами по долгосрочным займам; сумму прибыли до уплаты налогов и уплаченных процентов с уплаченными процентами; дивиденды с прибылью после уплаты налогов; сумму прибыли после уплаты налогов, амортизации, процентных расходов и лизинговых платежей с текущими платежами по долгосрочным займам, процентными расходами и лизинговыми платежами.

Обобщая рассмотренные подходы к построению системы показателей оценки финансовой устойчивости, предлагаем использовать следующие показатели, представленные в таблице 2.

Таблица 2 – Показатели оценки финансовой устойчивости организации

Наименование показателей	Методика расчета	Экономическая характеристика
<i>Статические показатели оценки финансовой устойчивости</i>		
Коэффициент финансовой независимости	Отношение собственного капитала к активам	Характеризует удельный вес активов, сформулированных за счет собственного капитала (имущество собственников). Рост показателя свидетельствует об укреплении финансовой устойчивости организации и уменьшении финансового риска
Коэффициент финансового риска	Отношение обязательств к собственному капиталу	Характеризует сумму обязательств, приходящихся на 1 р. собственных средств. Рост показателя свидетельствует о повышении зависимости организации от внешних (привлеченных) источников финансирования, риске неисполнения обязательств перед кредиторами

Наименование показателей	Методика расчета	Экономическая характеристика
Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами	Отношение собственных оборотных средств к краткосрочным активам	Характеризует степень обеспеченности организации собственными оборотными средствами, необходимыми для ее финансовой устойчивости
Коэффициент маневренности собственного капитала	Отношение собственных оборотных средств к собственному капиталу	Характеризует удельный вес собственного капитала, размещенного в наиболее мобильной части имущества (краткосрочных активах)
<i>Динамические показатели оценки финансовой устойчивости</i>		
Коэффициент покрытия процентных выплат	Отношение ЕВІТ к сумме процентов к уплате	Характеризует, во сколько раз ЕВІТ (прибыль до налогообложения и начисления процентов) превышает расходы на уплату процентов. Значение коэффициента меньше 1 означает, что организация не способна рассчитаться по начисленным процентам
Коэффициент отношения процентных обязательств к ЕВІТDA	Отношение обязательств по кредитам, займам, лизинговым платежам к ЕВІТDA	Характеризует сумму долга на 1 р. ЕВІТDA (прибыли до налогообложения, начисления процентов и амортизации). Чем выше значение показателя, тем выше долговая нагрузка на бизнес
Долговая нагрузка	Отношение обязательных платежей к выручке от реализации продукции, товаров, работ, услуг	Характеризует удельный вес выручки от реализации продукции, товаров, работ, услуг, направляемой на погашение задолженности по кредитам, оплате труда, социальным обязательствам, налогам и сборам

К статическим показателям мы отнесли коэффициенты финансовой независимости, финансового риска, обеспеченности собственными оборотными средствами и маневренности собственного капитала. Данные показатели определяются по данным бухгалтерского баланса на отчетную дату и характеризуют участие собственного капитала и обязательств в формировании активов, соотношение между внешними и собственными источниками финансирования.

Динамические показатели раскрывают способность организации обеспечить погашение финансовых обязательств за счет доходов. Они используются для оценки закредитованности бизнеса, обоснования структуры капитала, возможности увеличения субъектом хозяйствования своих долгов. Так, если коэффициент покрытия процентных выплат меньше 1, то организация не в состоянии обслуживать уже имеющиеся кредиты; при такой высокой кредитной нагрузке привлечение новых кредитов приведет к ее банкротству. Помимо показателя долговой нагрузки могут быть рассчитаны частные показатели: кредитная, налоговая и социальная нагрузка на бизнес.

Предлагаемая методика анализа устойчивости финансового состояния организации дает возможность оценить эффективность финансовой политики организации, ее возможности по наращению собственного капитала, привлечению заемных источников финансирования и способности обслуживать процентные расходы. Рекомендованные показатели универсальны для всех субъектов хозяйствования, независимо от вида их экономической деятельности, не перегружают финансовые расчеты, позволяют получать объективную информацию о финансовой устойчивости и управлении структурой капитала.

Список использованной литературы

1. Ковалёв, В. В. Финансовый анализ: методы и процедуры / В. В. Ковалёв. – М. : Финансы и статистика, 2001. – 560 с.
2. Шеремет, А. Д. Анализ и диагностика финансово-хозяйственной деятельности предприятия : учеб. / А. Д. Шеремет. – М. : ИНФРА-М, 2020. – 374 с.
3. Анализ финансовой отчетности : учеб. для вузов / под ред. М. А. Вахрушиной. – М. : ИНФРА-М, 2019. – 367 с.
4. Карлин, Т. П. Анализ финансовых отчетов (на основе GAAP) : учеб. для вузов / Т. П. Карлин, А. Р. Макмин ; [пер. с англ.]. – М. : ИНФРА-М, 2000. – 448 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНФРАСТРУКТУРЫ БАНКОВСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

В данной статье исследуются процессы трансформации инфраструктуры банковского обслуживания под влиянием цифровизации экономики. Рассматривается эволюция каналов взаимодействия банков с клиентами и стратегические направления модернизации национального платежного рынка.

This article examines the transformation of banking infrastructure under the influence of economic digitalization. It examines the evolution of banks' customer interaction channels and strategic directions for modernizing the national payments market.

Ключевые слова: банковская инфраструктура; дистанционное обслуживание; цифровизация; мгновенные платежи; открытый банкинг; цифровой рубль.

Key words: banking infrastructure; remote banking; digitalization; instant payments; open banking; digital ruble.

Современный этап развития экономики Республики Беларусь характеризуется активным проникновением цифровых технологий во все сферы хозяйственной деятельности. Банковский сектор, являясь центром финансовой системы, первым столкнулся с необходимостью адаптации к новым технологическим условиям и начал развивать дистанционные каналы обслуживания клиентов. Цифровизация банковских услуг – это понятие, которое намного шире простой автоматизации. Она предполагает изменение самой природы банковской услуги и изменение способов взаимодействия с клиентами. Развитие инфраструктуры цифровых банковских услуг оказывает существенное влияние на денежный оборот.

В условиях стремительного развития информационных технологий банковская система постепенно переходит от традиционной модели обслуживания, основанной на физическом присутствии клиентов в отделениях банков, к модели повсеместного цифрового доступа к финансовым услугам. Если ранее основными каналами взаимодействия клиента и банка являлись отделения, банкоматы и терминалы самообслуживания, то в настоящее время все большую роль играют дистанционные цифровые сервисы. Такая трансформация приводит к тому, что значительная часть финансовых операций осуществляется в электронном формате, что способствует ускорению движения денежных средств и увеличению доли безналичных расчетов в экономике.

Складывающиеся тенденции изменения инфраструктуры банковских услуг характеризуются переходом от модели, основанной на физической инфраструктуре (отделения, банкоматы, платежные терминалы), к модели Ubiquitous Banking, предполагающей возможность получения банковских услуг в любое время и в любом месте с помощью цифровых технологий.

Одной из наиболее заметных тенденций развития банковской инфраструктуры является изменение каналов взаимодействия банков с клиентами. Если ранее банки использовали мультиканальную модель обслуживания, при которой различные каналы функционировали относительно независимо друг от друга, то в настоящее время происходит переход к омниканальной модели, обеспечивающей единое цифровое пространство обслуживания клиентов. В рамках данной модели клиент может начать выполнение операции в одном канале обслуживания и завершить ее в другом канале обслуживания без потери информации. Например, оформление заявки на кредит может быть начато в мобильном приложении, продолжено на сайте банка и завершено в отделении. Особую роль в данной трансформации играет развитие мобильного банкинга. Современные мобильные приложения банков постепенно становятся основным каналом взаимодействия клиента с финансовой организацией. Через мобильные приложения пользователи могут осуществлять широкий спектр операций: переводы денежных средств, оплату товаров и услуг, управление счетами и картами, оформление кредитов и депозитов, а также инвестиционные операции.

В отличие от традиционного интернет-банкинга мобильные сервисы активно используют технологические возможности смартфонов. К таким возможностям относятся биометрическая идентификация, геолокация, push-уведомления, встроенные камеры для сканирования документов и QR-кодов. Это позволяет создавать новые финансовые сервисы, значительно упрощающие взаимодействие клиента с банком.

Дополнительным направлением развития цифровых каналов обслуживания является внедрение чат-ботов и голосовых ассистентов, функционирующих на основе технологий искусственного интеллекта. Такие цифровые помощники интегрируются в мобильные приложения, мессенджеры (Telegram, Viber) или голосовые интерфейсы. Они позволяют клиентам получать консультации, совершать платежи или переводить средства. Одновременно происходит трансформация роли традиционных банковских отделений. Они постепенно утрачивают функцию проведения стандартных операций и превращаются в консультационные центры или зоны цифрового обслуживания, где клиенты могут получить помощь в использовании цифровых сервисов или консультации по сложным финансовым продуктам.

Другим важным направлением развития инфраструктуры цифровых банковских услуг является модернизация платежных систем и технологий проведения безналичных расчетов. Одной из наиболее заметных тенденций является распространение бесконтактных платежных технологий, основанных на использовании технологии NFC (Near Field Communication). Такие платежи могут осуществляться не только при помощи банковских карт, но и мобильных устройств, смарт-часов и других носимых гаджетов. Использование бесконтактных платежей значительно ускоряет проведение расчетов и повышает удобство для пользователей.

Дополнительным элементом повышения безопасности платежей является технология токенизации, при которой реальные данные банковской карты (номер карты, срок действия, CVV-код) заменяются специальным цифровым токеном, который используется для совершения платежа. Благодаря этому даже в случае перехвата информации злоумышленники не могут получить доступ к реальным реквизитам карты. Токенизация лежит в основе работы платежных сервисов Mir Pay, Samsung Pay, Apple Pay.

Значительное влияние на развитие денежного оборота оказывают системы быстрых платежей, позволяющие осуществлять переводы денежных средств в режиме реального времени. Такие системы функционируют круглосуточно и позволяют совершать платежи по простым идентификаторам, например по номеру телефона, QR-коду или ссылке на страницу. Внедрение подобных систем способствует ускорению движения денежных средств в экономике, поскольку расчеты между участниками платежной системы происходят практически мгновенно. Это стимулирует отказ от наличных расчетов.

Система мгновенных платежей для юридических лиц в Беларуси работает с 1 июля 2019 г. С апреля 2023 г. Национальный банк Республики Беларусь обеспечивает возможность осуществления мгновенных платежей между физическими лицами на территории Республики Беларусь с использованием идентификатора. В качестве идентификатора отправителя и получателя денежных средств используется номер мобильного телефона [1]. При этом на банки возложена обязанность доработки своих систем на предмет противодействия мошенничеству, а обязанность по соблюдению законодательства о предотвращении доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и распространения оружия массового поражения возложена на участников и пользователей системы мгновенных платежей.

Еще одной важной тенденцией является развитие концепции Open Banking – открытого банкинга. Это наиболее продвинутая форма цифровой трансформации организационных моделей. В рамках данной модели банки предоставляют доступ к своей инфраструктуре и данным (с согласия клиентов) через специальные открытые программные интерфейсы (API). Это позволяет сторонним компаниям – финтех-стартапам, технологическим платформам, маркетплейсам – создавать новые финансовые сервисы на базе банковских данных.

Это способствует формированию финансовых экосистем, в которых банковские услуги интегрируются с электронными торговыми площадками, государственными сервисами и другими цифровыми платформами.

В Республике Беларусь концепция открытого банкинга находится на начальной стадии развития. При этом «банки видят перспективным использование API для привлечения дополнительных клиентов, повышения уровня обслуживания имеющихся клиентов» [2].

Важным элементом инфраструктуры цифрового банкинга является развитие технологий удаленной идентификации клиентов. Ранее для открытия банковского счета или получения

кредита клиенту необходимо было лично посетить отделение банка. Однако современные цифровые технологии позволяют выполнять данные процедуры дистанционно.

Одним из ключевых инструментов удаленной идентификации является биометрическая аутентификация. Она основана на использовании уникальных биологических характеристик человека, таких как отпечатки пальцев, изображение лица или голос. Биометрия позволяет значительно повысить уровень безопасности финансовых операций и одновременно упростить процесс авторизации пользователей.

Другим важным направлением является внедрение технологий Digital Onboarding, которые позволяют клиенту полностью дистанционно открыть банковский счет или оформить финансовый продукт. Для этого используются видеоверификация личности, загрузка цифровых копий документов и биометрическая проверка.

Значительную роль также играет использование электронной цифровой подписи, которая обеспечивает юридическую значимость электронных документов. Благодаря применению электронной цифровой подписи становится возможным заключение договоров и проведение финансовых операций без использования бумажных документов.

Еще одним перспективным направлением развития цифровой банковской инфраструктуры является создание цифровых валют центральных банков (Central Bank Digital Currency, CBDC).

CBDC представляет собой цифровую форму национальной валюты, выпускаемую центральным банком и предназначенную для использования в безналичных расчетах. В отличие от криптовалют такие деньги имеют официальный статус и полностью обеспечиваются государством.

Разработка и внедрение цифровых валют может существенно изменить структуру денежного обращения. Использование CBDC позволяет повысить эффективность платежной системы, снизить транзакционные издержки и увеличить скорость проведения финансовых операций.

Многие страны уже проводят исследования и экспериментальные проекты в данной области. Например, European Central Bank рассматривает возможность внедрения Digital Euro, а People's Bank of China активно тестирует цифровой юань. В перспективе внедрение цифровых валют центральных банков может привести к формированию новой модели денежного обращения, в которой расчеты будут осуществляться напрямую через инфраструктуру центрального банка.

Анализ текущих тенденций и стратегических инициатив Национального банка Республики Беларусь позволяет выделить следующие направления развития безналичных расчетов:

- Развитие системы мгновенных платежей (СМП). Так, 16 января 2026 г. утверждена новая редакция правил СМП в связи с внедрением сервиса «КРОК». Сервис «КРОК» – это национальный сервис безналичных мгновенных QR-платежей физических лиц в пользу юридических лиц для оплаты товаров (работ, услуг), созданный на базе СМП и платежной системы в ЕРИП. К этой системе подключатся все банки Беларуси с 1 декабря 2026 г.

- Внедрение цифрового белорусского рубля. Одним из наиболее значимых и обсуждаемых направлений развития мировой и национальной платежной инфраструктуры является создание CBDC. Цифровой рубль представляет собой третью форму национальной валюты (наряду с наличной и безналичной), которая будет эмитироваться Национальным банком Республики Беларусь и иметь официальный статус законного платежного средства. Национальный банк Республики Беларусь активно прорабатывает вопрос внедрения цифровой формы белорусского рубля. Как отмечается в стратегических документах, создание CBDC рассматривается как долгосрочный проект, способный повысить эффективность платежной системы, снизить транзакционные издержки и укрепить финансовый суверенитет страны.

- Развитие открытого банкинга и API. В Республике Беларусь развитие открытого банкинга находится на начальном этапе. Как отмечается в Концепции развития открытых банковских API, утвержденной Национальным банком Республики Беларусь, банки видят перспективным использование API для привлечения дополнительных клиентов и повышения уровня обслуживания существующих клиентов [1]. В настоящее время ряд банков уже предоставляет отдельные API-интерфейсы для партнеров, однако полноценное внедрение открытого банкинга требует совершенствования нормативной базы, стандартизации API и создания доверенной среды взаимодействия участников. Внедрение открытого банкинга способно дать безналичному денежному обороту и экономике Республики Беларусь ряд существенных преимуществ: повышение удобства для клиентов и бесшовность финансовых сервисов, снижение транзакцион-

ных издержек, повышение прозрачности и управляемости денежных потоков, укрепление финансового суверенитета и снижение зависимости от зарубежных платежных платформ. Основными направлениями являются следующие:

- разработка и утверждение единых стандартов открытых API для различных видов банковских операций (переводы, платежи, получение информации о счетах, кредитные продукты);
- создание доверенной среды взаимодействия, включая требования к идентификации и аутентификации участников, защите данных и кибербезопасности;
- проведение пилотных проектов с участием банков и финтех-компаний для отработки технологических и организационных решений;
- поэтапное расширение перечня обязательных к предоставлению API (сначала базовые сервисы, затем более сложные продукты);
- информационно-просветительская работа с населением и бизнесом о возможностях и преимуществах открытого банкинга, а также о правилах безопасного использования новых сервисов.

Таким образом, трансформация инфраструктуры банковского обслуживания представляет собой сложный многоуровневый процесс. Сформирован фундамент для построения цифровой экономики и повышения доступности финансовых услуг для населения. В дальнейшем работа должна строиться в направлении повышения бесшовности использования любых каналов обслуживания клиентов. Это будет способствовать повышению эффективности денежного оборота и являться важным фактором развития современной экономики.

Список использованной литературы

1. **Ермолаев, Е. Е.** Совершенствование механизмов защиты персональных данных / Е. Е. Ермолаев // Правовые науки. – 2018. – № 45. – С. 294–298.
2. **Концепция** развития открытых банковских API Республики Беларусь // Национальный банк Республики Беларусь. – URL: https://www.nbrb.by/payment/koncepcija_razvitija_api_2021.pdf (дата обращения: 22.02.2026).

V. ОРГАНИЗАЦИЯ ТОРГОВЛИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

УДК 336.1:159.9

Т. Н. Байбардина (bibardina@mail.ru),

канд. экон. наук, доцент

О. А. Бурцева (oxana_burtsava@mail.ru),

ст. преподаватель

А. А. Романюк (nastya.romanyuk.02@bk.ru),

преподаватель-стажер

*Белорусский торгово-экономический
университет потребительской кооперации
г. Гомель, Республика Беларусь*

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К СЕМИОТИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ РЕКЛАМНОГО СООБЩЕНИЯ

В статье определены современные аспекты влияния эмоций и рассудка на поведение потребителя. Отражены особенности взаимодействия эмоций и рассудка, рассмотрена специфика мотивационной структуры человеческой психики.

This article identifies contemporary aspects of the influence of emotions and reason on consumer behavior. It explores the specifics of how emotions and reason interact, and examines the specifics of the motivational structure of the human psyche.

Ключевые слова: эмоции; рассудок; поведение человека; эмоциональные реакции; психология потребителя; восприятие.

Key words: emotions; reason; human behavior; emotional reactions; consumer psychology; perception.

Новейшие исследования мозга показали, что поведением человека руководит не разум, а эмоции. Вопрос влияния эмоций на поведение покупателей является определяющим в период перенасыщения рынка, а умение использовать знания в данной области является важным фактором в конкурентной борьбе. Зная биохимию эмоциональных реакций покупателей, продавцы могут эффективно воздействовать на все пять органов чувств человека, применяя позитивные раздражители в виде запахов, музыки, цвета, выкладки товара.

Товар становится реальностью только в тот момент, когда покупатель обращает на него внимание. В период перенасыщения рынка не товар как таковой, а восприятие товара является определяющим фактором в конкурентной борьбе.

Исследования показали, что процесс восприятия начинается на подсознательном уровне и не осмысливается человеком, пока не преобразуется в конкретную картину в сознании. Отбор и оценка входящих визуальных раздражителей происходит в лимбической системе, где «живут» наши эмоции. Таким образом, человек сознательно воспринимает только то, что вызывает у него эмоции, связанные с удовольствием или со страданием. Система эмоциональной оценки, которая решает, воспринимаем мы что-либо как нечто положительное или отрицательное, базируется на мотивационной структуре человеческой психики.

Именно специфика мотивационной структуры человеческой психики определяет, как эмоциональная система реагирует на раздражители внешнего мира. То, какая мотивация преобладает у человека, очень сильно влияет на его восприятие и эмоциональную оценку окружающего мира. Поэтому один человек, увидев товары, выложенные в магазине, заинтересованно подходит ближе, другой отворачивается со скучающим видом, а третий вообще ничего не замечает. Все трое были в одном месте.

То, как почувствует себя покупатель и как он поведет себя в магазине, зависит от того, насколько продумана инсценировка эмоционального воздействия на него. Важная предпосылка для этого – знание мотивационной структуры целевой группы. В последние годы специалисты в области психологии потребителей занимались изучением мотивационной структуры людей почти во всем мире. Мотивационная структура человека является глобальным генетическим наследством, результаты исследований на материале разных стран и континентов почти совпадают.

Доказано, что мотивационные системы глобальны. Именно этим объясняется тот факт, что глобальные бренды распространяются по всему миру очень быстро. Успех им сопутствует потому, что они передают ясное эмоциональное сообщение. Бренды, разработанные на «рациональной» базе, с трудом преодолевают культурные и языковые барьеры и всегда ограничены внутренним рынком.

Эмоции – это тот язык, который понимают все, независимо от места проживания. Эмблема компании Nike понятна всему миру. Несколько очаровательных белых медведей с логотипа компании Coca-Cola вызывают симпатии покупателей от Бермуд до Бангкока. Эмоции, высказанные посредством невербальных средств коммуникации, – язык всего человечества, сближающий нас.

Эмоции (от лат. *emovere* – возбуждать, волновать) – особый вид психических процессов или состояний человека, которые проявляются в переживании каких-либо значимых ситуаций (радость, страх, удовольствие), явлений и событий в течение жизни. Эмоции являются одним из главных регуляторов психической жизни и возникают в процессе практически любой активности человека [1].

Эмоции – это субъективные реакции человека на воздействия внешних и внутренних раздражителей, отражающие в форме переживаний их личную значимость для субъекта и проявляющиеся в виде удовольствия или неудовольствия. Человеческие эмоции совершенствовались в процессе эволюции миллионы лет.

Многие маркетинговые исследования показывают, что эмоции играют важнейшую роль при принятии решения о покупке товара. Не умаляя значения сознательных процессов, эмоции оказывают колоссальное воздействие на поведение людей.

Большинство людей, совершая покупки, думают, что это они делают в результате рационального анализа имеющихся альтернатив. В действительности эмоции сильно влияют, а во многих случаях даже определяют наши решения. Сначала потребители используют эмоции («ммм, какой милый шарфик»), а не информацию о товаре. Эмоции толкают потребителя к действию. В физическом противостоянии страх заставляет нас выбрать модель «ударить в ответ или убежать», так как сработал инстинкт самосохранения. В нашей повседневной жизни необеспеченность может заставить нас купить последнюю модель iPhone, чтобы поддержать нашу положительную самооценку личности. Поэтому предлагаются усилия по созданию благоприятной среды с целью вызвать в покупателе эмоциональный отклик, который может повысить вероятность покупки.

Доказано, что в основе формирования эмоций лежат оценки ощущений, которые на первом этапе вызывают первичные эмоции, которые, в свою очередь, вызывают последующие, вторичные эмоции. Первичные эмоции – это страхи и предвкушения оценки ощущений, вторичные эмоции – страхи и предвкушения первичных эмоций [2].

Эмоции проявляются как внешнее поведение и перестройка внутренней среды организма, имеющая своей целью адаптацию организма к среде обитания. Например, эмоция страха подготавливает организм к «поведению избегания»: активизируется ориентировочный рефлекс, усиливается работа органов чувств, в кровь выделяется адреналин, усиливается работа сердечной мышцы, дыхательной системы, напрягаются мышцы, замедляется работа органов пищеварения.

Такие эмоции, как радость и печаль, относятся к основным первичным мотивациям, влияющим на состояние человека, именно они оказывают огромное влияние на выбор товаров и услуг потребителями и на то, как они воспринимают коммерческие обращения, например рекламу. Эмоции можно воспринимать с разных точек зрения, с одной стороны, это некое эмоциональное поведение человека, где он при помощи мимики лица выражает свои переживания и жестами показывает свои душевные порывы. Также эмоциями можно назвать наше внутреннее состояние души, которая отражает все переживания, что испытывает человек. При этом внешне это не проявляется на лице (например, когда человеку грустно, но он улыбается окружающему миру). Можно сказать, что внешние аспекты не связаны с внутренним эмоциональным фоном

личности, что эмоции человека – одна из сложных систем, которую сложно изучать и анализировать [1].

Проявление эмоций через мимику, жесты внутреннего состояния человека, те переживания, что он испытывает, можно обобщить понятием «эмоциональная экспрессия». Эмоциональная экспрессия представляет собой поведение человека, которое он сформировал в течение всей жизни, проявляется в определенных случаях повседневной жизни. Когда у человека проявляются эмоции, так, по его мнению, он оценивает текущую ситуацию. Эмоции служат для фокуса внимания и мыслеобразования.

В результате исследований было доказано, что все люди на земле имеют схожие мимические проявления за счет их врожденности, присутствия рефлексов, управляющих мимикой, среды, в которой человек растет, отношений, которые присутствуют в любом обществе.

Поэтому в большинстве случаев происходят одинаковые эмоциональные реакции в схожих ситуациях (получение бонусов, скидок, выигрыш в акциях, потеря доверия к бренду). Вместе с тем, каждый потребитель по своей сути индивидуально воспринимает факт обладания чем-либо.

Р. Бэлк писал: «Мы никогда не сможем понять поведение потребителя, не поняв сначала хотя бы в определенной степени то значение, которое потребитель придает факту обладания чем-либо». Это «значение» является неотъемлемой частью первичных структур эмоции и рассудка (последние можно рассматривать как два автономных, но нередко дополняющих друг друга способов получения знаний об окружающем мире). Эмоции и рассудок допустимо определить как «познание посредством знакомства с предметом» и «познание посредством описания предмета». Познание посредством знакомства с предметом (эмоция) – это субъективный опыт, полученный безотлагательно и непосредственно при «знакомстве» индивида с предметом, оно «известно» как интуитивное, не требующее доказательств.

В отличие от эмоции, познание посредством описания (рассудок) происходит в результате интерпретирования полученной от органов восприятия информации; оно включает в себя суждения о тех явлениях, которые были восприняты органами чувств.

Познание посредством знакомства с предметом (эмоция) представляет собой целостную и синтетическую интеграцию данных, полученных органами чувств извне и от внутренних органов тела. В отличие от этого, познание посредством описания (рассудок) – это процесс последовательной и аналитической обработки полученной информации, основывающийся на оценке окружающей среды.

Рассудок – одна из высших познавательных сил. Он олицетворяет активность познавательных способностей, чувственность – пассивность. Однако человеческий рассудок, в отличие от гипотетического божественного рассудка, не является творческим. Он не может создавать содержание своих понятий, а получает его извне. Поэтому человеческий рассудок дискурсивен: он не созерцает, а лишь связывает при помощи общих понятий многообразное созерцание чувственности [3].

Кроме того, рассудок выступает как психическая деятельность, дающая материал для разума путем образования понятий, суждений, умозаключений (является «мыслящей душой»). Таким образом, рассудок – это тип мыслительной деятельности, связанный с выделением и четкой фиксацией абстракций и применением этих абстракций для освоения мышлением предмета.

Выступая как необходимое условие работы мышления, его нормативного характера, рассудок осуществляет, прежде всего, упорядочивающую, систематизирующую функцию по отношению к предмету познавательной деятельности. В то же время абсолютизация в рассудке определенности и устойчивости форм мысли и их упорядочивающей функции приводит к известной скованности рассудочного мышления, опасности его догматизации, необходимости коррекции этих недостатков в реальном, живом познании многообразия действительности. В философской традиции рассудок как начальная, низшая стадия мышления противопоставлялась разуму как более высокой познавательной способности.

Таким образом, эмоции и рассудок являются путями «познания» и понимания реальности, однако они функционируют по-разному. Доказано, что эмоции могут быть сообщены другому индивиду спонтанно, в то время как рациональные сообщения передаются посредством символов. Таким образом, коммуникация стимула имеет две составляющие: спонтанную и символическую. Спонтанная коммуникация происходит на биологическом уровне, она ненамеренная или автоматическая и непропозициональная. Для ее осуществления достаточно познать предмет или явление путем знакомства с ним; этот вид коммуникации выражается с помощью

различных признаков, позволяющих окружающим понять мотивационно-эмоциональное состояние индивида. Символическая коммуникация происходит на социальном уровне, она намеренная и пропозициональная. Для осуществления этой коммуникации необходимо познание путем описания, в ее основе лежат заученные индивидом символы, устойчиво и произвольно связанные с обозначаемым понятием. Эти виды коммуникации осуществляются одновременно, они взаимодействуют и влияют друг на друга. Необходимо подчеркнуть, что они не являются двумя аспектами одного явления, а представляют собой две независимые, но активно взаимодействующие величины. Однако, несмотря на то, что спонтанная коммуникация «в чистом виде» вполне возможна, символической коммуникации «в чистом виде» не существует. Символическая коммуникация всегда сопровождается спонтанной коммуникацией.

Музыкальное сопровождение рекламного ролика – это выражение спонтанного типа коммуникации. Если бы в рекламном ролике использовались музыкальные символы (как в оценочном листе), то это было бы выражением символического типа коммуникации [4].

Следовательно, в некоторых случаях в результате осуществления коммуникации символического типа может возникать эмоциональная реакция.

В некоторых случаях возможна спонтанная коммуникация «в чистом виде», без включения элементов-символов. Слова, например, иногда могут иметь невербальные значения, при помощи них можно передавать сообщение посредством интонации, высоты тона или ритма. В невербальной коммуникации они обозначаются как «вокалические». Слова иногда вызывают эмоциональный отклик, наиболее часто это явление встречается в литературных произведениях, ораторской речи или рекламном материале.

Таким образом, как показала практика, эмоции целесообразны и необходимы. Они являются древним механизмом приспособления человека к среде. Они мобилизуют организм на достижение желаемого или отражение угрозы.

Список использованной литературы

1. **Байбардина, Т. Н.** Психология потребителя : учеб. пособие / Т. Н. Байбардина, Л. В. Мищенко, О. А. Бурцева. – Гомель : Бел. торгово-экон. ун-т потреб. кооп., 2018. – 332 с.
2. **Резодубов, А.** Логика эмоций / А. Резодубов. – СПб. : Питер, 2013. – 302 с.
3. **Чаудхури, А.** Эмоции и рассудок. Их влияние на поведение потребителя / А. Чаудхури. – М. : Группа ИДТ. – 256 с.
4. **De Graaf, J.** Affluenza: The All Consuming Epidemic / J. de Graaf, D. Wann, T. H. Noylor. – SanFrancisco, CA : Berrett-Koehler Publishers, 2001.

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ СТРАТЕГИИ СБЫТОВОЙ ПОЛИТИКИ

В статье рассмотрены особенности построения эффективной стратегии сбытовой политики отечественных организаций. Определены внешние факторы, оказывающие влияние на сбытовую систему. Предложен алгоритм этапов модели эффективной стратегии сбытовой политики.

This article examines the specifics of developing an effective sales strategy for domestic organizations. External factors influencing the sales system are identified. An algorithm for the stages of an effective sales strategy model is proposed.

Ключевые слова: сбытовая политика; сбытовая деятельность; сбыт; сбытовая система; стратегия сбытовой политики; бизнес-процесс; системный подход.

Key words: sales policy; sales activities; sales; sales system; sales policy strategy; business process; systems approach.

Современные исследования показывают, что в условиях насыщенных рынков и высокой конкуренции успех организации зависит от ее способности формировать долгосрочные партнерские отношения, основанные на создании ценности для клиента. В этой связи сбытовая деятельность приобретает комплексный характер и требует применения системного подхода, охватывающего не только операционные, но и стратегические аспекты: выбор каналов сбыта, управление взаимоотношениями с партнерами, оценку привлекательности рынков, сегментацию клиентов и построение эффективной системы мотивации сбытового персонала [1].

Кроме того, важным фактором повышения эффективности сбыта становится внедрение информационных систем и цифровых технологий, позволяющих оптимизировать процессы планирования, контроля и анализа сбытовой деятельности. Интеграция информационных систем в процессы финансового планирования сбыта способствует повышению прозрачности, снижению издержек и оперативному реагированию на изменения спроса.

Сбыт выполняет стратегическую функцию в системе формирования стоимости, обеспечивая институциональную и экономическую интеграцию производственного и потребительского сегментов рыночной структуры. В рамках концепции цепочки создания стоимости сбытовой модуль выступает координирующим звеном, трансформирующим производственный выход в товарную массу, адекватную спросу, обеспечивающим завершение товарно-денежного цикла. Он обеспечивает следующее:

- доступность товара для конечного потребителя;
- реализация стратегии организации по продвижению продукции;
- получение выручки, без которой невозможно покрытие затрат и получение прибыли;
- обратная связь от рынка, что важно для корректировки производственных и маркетинговых решений [2].

Следовательно, сбытовая деятельность оказывает прямое воздействие как на уровень удовлетворенности потребителя (через обеспечение доступности товара, качества сервисного сопровождения и адекватности ценовых условий), так и на экономическую эффективность организации (через динамику объемов реализации и величину получаемой прибыли).

В настоящее время сбытовая деятельность выступает ключевым элементом бизнес-процесса, обеспечивающим институциональное и экономическое взаимодействие между производственным и потребительским сегментами. В отличие от маркетинга, ориентированного на формирование спроса и продвижение продукции, и логистики, фокусирующейся на управлении материальными потоками, сбыт концентрируется на завершающем этапе товарного цикла – непосредственной реализации продукции и трансформации товарной массы в денежную выручку [3].

Существуют внешние и внутренние факторы, влияющие на эффективность сбытовой системы. Внешние факторы, оказывающие влияние на сбытовую систему, группируются в три доминантные категории: конкурентную, поведенческую и макроэкономическую.

Конкурентная категория

Ценовые войны возникают при высокой конкуренции и слабой отличимости товаров. Это заставляет организации снижать цены и терять часть прибыли.

Появление организаций, которые продают товары напрямую потребителям с помощью цифровых технологий, меняет привычную систему продаж. При этом возникают новые пути выхода на рынок, сложившийся порядок распределения товаров нарушается.

Поведенческая категория

Омниканальный переход формирует ожидание бесшовного опыта: интеграция онлайн-заказа и офлайн-выдачи, что требует синхронизации цифровых и физических активов сбыта.

Эскалация сервисных требований проявляется в спросе на экспресс-доставку, гибкую политику возврата и персонализированные ценовые (товарные) предложения, повышая операционную сложность каналов.

Макроэкономическая категория

Экономическая нестабильность и проблемы с платежеспособностью приводят к тому, что спрос становится нестабильным и снижается. Потребители чаще откладывают покупки на потом, а организациям сложнее прогнозировать продажи.

Валютные колебания усложняют прогнозирование себестоимости импортных закупок и дестабилизируют модели ценообразования, создавая неопределенность маржи и риск трансфертных убытков.

Внутренние факторы, ограничивающие эффективность сбытовой системы, концентрируются в информационном, технологическом и организационно-процессуальном измерениях.

Информационный фактор

Разобщенность данных. Отсутствие единой системы учета приводит к децентрализованному хранению сведений о продажах в разнородных файлах и программных продуктах, что блокирует формирование целостной информационной модели.

Дефицит клиентской аналитики выражается в отсутствии сегментации по ценности покупателей, что снижает точность прогноза спроса и эффективность управления ассортиментом.

Технологический фактор

Недостаточная CRM-зрелость фиксируется в отсутствии накопления истории взаимодействия, в результате чего каждый новый менеджер воспроизводит информационный цикл «с нуля», повышая транзакционные издержки.

Отсутствие автоматизации продаж приводит к потере заявок на промежуточных этапах и утечке клиентов в пользу конкурентов с более высоким уровнем цифровой зрелости.

Организационно-процессуальный фактор

Проблема раздельных каналов продаж. Интернет-магазин и обычные магазины организации соперничают между собой вместо того, чтобы дополнять друг друга. В результате клиенты получают менее удобный сервис.

Несогласованность цен и акций в разных каналах продаж вызывает недовольство у клиентов и партнеров, им кажется, что условия несправедливы.

Размытие ответственности за сбыт и отсутствие единых показателей эффективности для всей цепочки сбыта определяет сложность контролировать процесс и понять, кто виноват в проблемах.

Как показывает практика, современные технологические подходы к нейтрализации сбытовых барьеров концентрируются в цифровой трансформации трех ключевых компонентов: клиентского взаимодействия, аналитического обеспечения и операционной автоматизации.

Эволюция CRM в AI-ориентированную систему принятия решений

Когнитивные CRM-платформы нового поколения изменяют традиционную функцию «клиентской базы» и определяют политику, связанную с искусственным интеллектом.

Машинные алгоритмы автоматически сегментируют потребительские сегменты по вероятностной оценке существующего потенциала, прогнозируют временную вероятность заключения сделки и формируют персонализированные рекомендации по тактике контакта. Это сокращает длину цикла продаж и ослабляет когнитивную перегрузку сотрудников, с которой, согласно эмпирическим данным, сталкиваются до 70% менеджеров ежедневно.

Большие данные и соответствующая аналитика как источник для принятия решений

Интеграция внутренних источников (история продаж, товарные остатки, логистические потоки) и внешних источников (тренды социальных сетей, макроэкономические индикаторы)

в единый центр данных обеспечивает генерацию моделей спроса с горизонтом точности, достаточным для динамического перераспределения запасов и оптимизации ассортиментного портфеля.

Благодаря роботизированной автоматизации сбытовых процессов рутинные задачи – триггерные коммуникации, построение воронок продаж, распределение лидов и напоминания – выполняются автоматически. В результате снижаются затраты на каждый контакт, сделки проходят быстрее, а общая пропускная способность сбытовой системы заметно растет.

Эффективная стратегия сбытовой политики реализуется через последовательную пяти-этапную модель.

Первый этап – сегментация. Синхронизация данных из CRM, электронной коммерции, маркетплейсов и офлайн торговых сетей через конвергентную идентификацию (детерминированное и вероятностное сопоставление) формирует единый клиентский идентификатор (единое клиентское представление). Это обеспечивает полноту пространства для последующей персонализации и снижает когнитивные искажения, вызванные фрагментацией источников.

Второй этап – прогрессивный профайлинг. Вместо статических анкет применяется пошаговое накопление атрибутов (микроконверсионные события – клик, чат, опрос, транзакция). Подход минимизирует входные барьеры и повышает объективность заполнения форм, сохраняя при этом маржинальную полезность информации.

Третий этап – сквозная персонализация. Искусственные рекомендательные системы, интегрированные в клиентскую платформу данных, реализуют последовательное принятие решений: кросс-продажа «товары в комплекте», динамический промокод в смс, актуализированный в момент прибытия клиента в пункт выдачи. Алгоритмический контроль времени и канала обеспечивает рост пожизненной ценности при ограниченном росте контактных издержек.

Четвертый этап – управление межканальными конфликтами. На этом этапе вводят единую систему, которая определяет размеры комиссий и очередность учета запасов, все участники работают по общим правилам. Кроме того, используют цифровые двойники запасов – виртуальные копии реальных складских остатков, которые обновляются в режиме реального времени. Благодаря этому исключаются ситуации двойных продаж, а потери из-за отсутствия товара на складе сводятся к минимуму. Правила распределения запасов оформляют в виде специальной математической модели, которая автоматически оптимизирует процессы и постоянно обновляет онлайн.

Пятый этап – циклы обратной связи. Здесь каждый канал продаж передает в общую клиентскую платформу расширенные данные о покупателях. Замыкается цикл непрерывного обучения: система получает новую информацию, анализирует ее. На основе обновленных данных модель точнее прогнозирует, какое предложение будет наиболее подходящим для клиента в следующий раз. В результате способность системы предсказывать потребности покупателей растет очень быстро, а сообщения и предложения, которые получают клиенты, становятся все более релевантными, т. е. лучше соответствуют их интересам и запросам.

Таким образом, современный сбыт перестает быть «отдельной функцией». CRM, большие данные, искусственный интеллект и многоканальные стратегии превращают сбыт в единую цифровую систему организации, где каждое взаимодействие с клиентом измеримо, спрос предсказывается с точностью до региона, каналы конкурируют не друг с другом, а с конкурентами. Те организации, которые успешно объединяют технологии, данные (Big Data) и клиентоориентированность, получают не только рост продаж, но и устойчивое преимущество в эпоху цифровой экономики.

Список использованной литературы

1. **Снабженческо-сбытовая** деятельность : учеб. пособие / Т. Н. Байбардина, И. А. Байбардин, И. И. Грищенко, Л. И. Старовойтова. – Мн. : Техноперспектива, 2004. – 319 с.
2. **Новые** парадигмы развития маркетинговых инструментов в условиях трансформации современной экономики : моногр. / под общ. ред. проф. С. В. Карповой ; отв. ред. И. В. Рожков. – 2-е изд., доп. – М. : Дашков и К°, 2021. – 352 с.
3. **Идилов, И. И.** Цифровой маркетинг : учеб. пособие / И. И. Идилов, Т. Н. Байбардина, О. А. Бурцева. – Грозный : Грознен. гос. нефтяной техн. ун-т им. акад. М. Д. Миллионщикова, 2024. – 466 с.

СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ В ОРГАНИЗАЦИИ СБЫТОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассмотрены современные аспекты решения проблем в организации сбытовой деятельности отечественных организаций. Определены тенденции, влияющие на качественную трансформацию сбытовой деятельности в современных условиях. Выявлены приоритеты в решении проблем сбыта и повышении эффективности механизма сбытовой политики.

The article considers modern aspects of problem solving in the organization of sales activities of domestic organizations. The trends affecting the qualitative transformation of sales activities in modern conditions are identified. Priorities have been identified in solving sales problems and improving the effectiveness of the sales policy mechanism.

Ключевые слова: цифровизация бизнеса; сбытовая политика; сбытовая деятельность; сбыт; логистика; ориентация на потребителя; мотивация; трансформация.

Key words: business digitalization; sales policy; sales activities; sales; logistics; consumer orientation; motivation; transformation.

В современных условиях цифровизации коммерческий успех бизнеса и организаций определяется не только производством, но и организацией эффективной системы управления сбытом продукции. Сфера бизнеса в целом и сбытовая часть деятельности организаций играют существенную роль в развитии экономики страны [1].

Экономическая трансформация и переход к рыночным отношениям требуют пересмотра подходов к организации сбытовой деятельности отечественных организаций. В условиях формирования новой экономической системы сбыт становится не просто завершающим этапом производственного цикла, а стратегическим инструментом обеспечения конкурентоспособности и устойчивого развития организации. Современная рыночная среда диктует необходимость переориентации с организационно-логистических аспектов сбыта к комплексному, системному и клиентоориентированному подходу, основанному на маркетинге взаимодействия и стратегическом маркетинге [2].

В контексте цифровой экономики и усиливающихся процессов глобализации сбытовая деятельность претерпела качественную трансформацию: цифровизация позволила организациям использовать онлайн-каналы продаж, автоматизировать взаимодействие с клиентами, анализировать поведение потребителей и оптимизировать логистику; глобализация расширила рынки сбыта, но одновременно усложнила логистику, повысила конкуренцию и требовательность к адаптации продуктов под региональные особенности; сбыт стал более интегрированным с другими функциями: маркетингом, логистикой и клиентским сервисом. Современные системы сбыта требуют гибкости, скорости реакции и ориентации на клиента.

Таким образом, в современных условиях сбытовая функция трансформировалась из тактической операции по реализации товара в стратегический механизм обеспечения устойчивой конкурентоспособности организации, функционирующей в среде высокой рыночной волатильности и цифровых трансформаций.

В условиях цифровой экономики и глобализации роль сбыта значительно усилилась, что обуславливает необходимость повышения его адаптивности, технологичности и клиентоориентированности как критических факторов устойчивого роста организации.

Типологизация проблем, возникающих при организации сбытовой деятельности, позволяет выделить три ключевых кластера: каналный, логистический и кадрово-управленческий.

Канальный кластер

Межканальный конфликт (конфликт каналов) возникает вследствие наложения полномочий и сегментов охвата между прямыми и опосредованными каналами распределения. Проявляется в форме конкуренции собственных торговых представительств с дилерскими сетями и цифровыми площадками (marketplace), что снижает мотивацию последних и дестабилизирует экосистему каналов.

Диспропорция канальной структуры характеризуется избыточным дублированием либо недостаточной плотностью покрытия, что ведет к росту издержек обращения или потере потенциального спроса.

Отсутствие единой стратегии управления каналами приводит к автономному функционированию каждого канала без синхронизации целей, политики и процессов, что снижает совокупную эффективность сбытовой системы.

Логистический кластер

Десинхронизация запасов – структурное несоответствие между фактическим наличием товарно-материальных ценностей в узлах распределения и потребностью конкретного канала или региона, что блокирует исполнение заказов.

Эксплуатационные издержки доставки особенно критичны при мелкопартионных отгрузках и работе с удаленными географическими сегментами, где рост логистического тарифа сводит к нулю маржу сбыта.

Недостаточная логистическая гибкость проявляется в неспособности оперативно масштабировать мощности и маршруты при сезонных флуктуациях спроса, что увеличивает разрыв в уровне обслуживания.

Управленческо-кадровый кластер

Институциональная недооценка роли сбытовых подразделений выражается в дефиците компенсационных и карьерных стимулов, формирующих низкий уровень организационной приверженности.

Неконгруэнтность KPI (несогласованные показатели производительности) – отсутствие прозрачной связи между измеряемыми показателями и премиальной логикой, что снижает мотивационную силу контракта.

Высокая текучесть кадров влечет утрату институциональной памяти (знание специфики работы с клиентами) и разрыв долгосрочных клиентских отношений, усиливая неопределенность доходов организации.

Важная роль в сбытовой политике отводится логистике, которая выполняет связующую функцию между производством и потребителем. Любые сбои в доставке, складской переработке или на этапе завершающего перемещения товара непосредственно влияют на способность организации реализовать продукцию в обозначенные сроки и в нужном объеме. Задержки транзита снижают лояльность клиентов и увеличивают издержки, связанные с компенсациями и повторными выездами. Недостаточная складская мощность или неэффективное размещение запасов увеличивают время отбора и вероятность дефицита товаров высокого спроса. Последней этап, завершающий логистическую цепь, определяет общее впечатление покупателя о скорости и надежности поставщика; ошибки на этом этапе приводят к возвратам и росту операционных расходов.

Современный потребитель характеризуется высокой степенью информированности и цифровой вовлеченности. Процесс принятия решения о покупке стал многоэтапным и включает в себя поиск информации, сравнение предложений, изучение отзывов и оценку альтернатив. Ожидания удобства, скорости и точности обслуживания выросли: клиенты предпочитают персонализированный подход. Снижается лояльность к отдельным брендам, возрастает готовность переключаться на более выгодные или удобные варианты. Для сбыта это означает необходимость постоянного присутствия в точках контакта, гибкой ценовой и логистической политики, а также способности оперативно реагировать на изменения спроса и предпочтений.

Персонализация достигается за счет систем рекомендаций, которые формируют индивидуальный набор товаров или услуг на основе исторических и контекстных данных. Динамическое ценообразование позволяет корректировать стоимость в режиме реального времени с учетом спроса, профиля клиента и уровня запасов. Триггерные коммуникации активируются при совершении конкретных действий пользователя и обеспечивают своевременное напоминание

о незавершенной покупке, поступлении товара или персональной акции. Геотаргетинг и контекстная реклама обеспечивают охват аудитории в нужное время и в нужном месте. Голосовые и чат-интерфейсы ускоряют получение информации и снижают барьеры оформления заказа. Все эти инструменты направлены на создание ощущения индивидуального подхода и повышения вероятности завершения сделки [3].

Особое значение в повышении эффективности сбытовой политики имеет материальная мотивация. Прозрачная формула «оклад + процент от результата + квартальный бонус за перевыполнение» превращает вознаграждение в предсказуемый инструмент влияния на поведение продавца. Важное условие – менеджер должен влиять на показатель, за который получает премию, в противном случае стимул теряет смысл.

Нематериальная мотивация дополняет денежные стимулы и включает три основные группы воздействий:

- социальное признание (публичное поощрение, рейтинги, звания);
- развитие карьеры и компетенций (обучение, наставничество, ротации);
- комфортные условия труда (гибкий график, современное оборудование, корпоративные мероприятия).

Таким образом, сбыт ориентирован на то, чтобы не просто больше «продать», а построить живую, этичную и технологичную систему, в которой каждый канал, алгоритм и сотрудник работают для одной цели: чтобы правильный товар в правильное время нашел своего клиента, а организация получила устойчивый рост и доверие.

Список использованной литературы

1. **Шукюрова, А. А.** Система управления сбытом продукции в условиях цифровой экономики / А. А. Шукюрова // Московский экономический журнал. – 2025. – № 5. – С. 239–259.
2. **Снабженческо-сбытовая** деятельность : учеб. пособие / Т. Н. Байбардина, И. А. Байбардин, И. И. Грищенко, Л. И. Старовойтова. – Мн. : Техноперспектива, 2004. – 319 с.
3. **Маркетинг:** проблемы, решения и перспективы : моногр. / под науч. ред. В. В. Нишкина. – М. : РУСАЙНС, 2022. – Т. 2. – 422 с.

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ПОКУПАТЕЛЬСКОГО СПРОСА В РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛЕ

В данной статье рассматриваются современные аспекты и методы изучения и прогнозирования платежеспособного спроса покупателей в организациях розничной торговли.

This article discusses modern aspects and methods of studying and predicting the effective demand of customers in retail organizations.

Ключевые слова: розничная торговля; покупательский спрос; методы изучения; методы прогнозирования; электронная коммерция; оплата покупок.

Key words: retail trade; demand of customers; methods of studying; methods of predicting; e-commerce; payment for purchases.

Покупательский спрос населения на потребительские товары непостоянен и изменяется под влиянием многих факторов: экономических, социальных, демографических, природно-климатических и др. При изучении спроса на эти товары в организациях торговли надо, в первую очередь, разграничивать его виды: реализованный (удовлетворенный), неудовлетворенный, формирующийся. Важное значение имеют также основные признаки классификации спроса: степень интенсивности, характер возникновения потребности в покупке товара, степень повторяемости, степень распространенности, частота предъявления, степень разнообразия ассортимента товаров, степень устойчивости во времени.

Информационная база изучения и оценки покупательского спроса обычно объединяет два основных вида информации: внешнюю и внутреннюю. Внешняя информация – информация, собираемая за пределами торговой фирмы, но используемая для ее целей: статистическая информация о товарном предложении и продаже товаров в регионе, уровне цен на них, уровне, составе денежных доходов, расходов населения и т. п. К внутренней будет относиться информация, данные которой можно получить из бухгалтерской, оперативной и статистической отчетности, первичного учета самой торговой фирмы. Это информация об объемах и структуре реализации товаров, изменении размера и состава товарных запасов, поступлении товаров, уровне цен и т. д.

Предварительный анализ информационной базы имеет большое значение для ее пользователей, поскольку позволяет избежать избыточности информационного массива, влекущей за собой сложность поиска необходимых данных и их высокую стоимость для пользователя.

В изучении и управлении спросом должны участвовать различные звенья: предприятия-изготовители товаров, оптовая торговля, розничная торговля.

Для промышленных предприятий нужна информация, позволяющая прогнозировать развитие спроса на сравнительно длительный период. Оптовая торговля должна иметь данные об остатках и объемах реализации товаров за ряд лет, степени удовлетворения спроса, факторах, вызывающих удовлетворение спроса. В то же время розничная торговля должна обладать самой разнообразной информацией о спросе, так как она непосредственно удовлетворяет спрос населения (розничных покупателей).

Служба изучения спроса в том или ином звене должна решать следующие задачи: организовывать и непосредственно осуществлять систематические наблюдения за развитием и удовлетворением спроса обслуживаемого контингента населения; разрабатывать прогнозные оценки спроса на предстоящий период; обеспечивать выполнение заданий по сбору необходимой информации о спросе.

Важнейшее значение во всем процессе изучения и прогнозирования спроса имеют сами методы изучения покупательского спроса. Рассмотрим их более подробно применительно к современным условиям функционирования всех звеньев экономики и прежде всего с учетом практических возможностей торговых организаций.

Традиционные методы сбора информации о спросе

Для учета реализованного спроса используются материалы инвентаризаций, товарные чеки, а также специально организованные наблюдения.

Учет продажи товаров по материалам инвентаризации проводят для определения фактической продажи отдельных товаров за большие периоды и выявления среднесуточных объемов реализации.

Учет продажи по оперативным данным о запасах и поступлении товаров проводят при изучении структуры реализованного спроса по товарным признакам, которые не отражаются в инвентаризационных ведомостях. Это требует оперативного определения на начало учитываемого периода размеров запасов товаров в магазине, по которым намечено проводить наблюдение. К этим запасам прибавляют поступление товаров и из полученного итога исключают запасы на конец учитываемого периода. Размеры продажи за период наблюдения дают возможность исчислять среднесуточную продажу товаров, а также удельный вес отдельных разновидностей, по которым проводился учет, в общем объеме продажи.

Учет продажи товаров путем ежедневной регистрации практикуют для изучения спроса на одноименные товары, различающиеся по фасону, цвету, размеру. При таком учете на рабочем месте продавца выкладывают определенное, достаточное для дневной продажи количество товаров всех разновидностей, намеченных для учета. В конце рабочего дня подсчитывают остатки и определяют продажу каждой разновидности товара за день.

Учет продажи по специальным карточкам проводят, отмечая в них остатки и поступления товаров в течение длительного периода. По таким карточкам, если учет ведется в течение года, можно судить не только о размерах продажи, но и о сезонных колебаниях спроса.

Для учета неудовлетворенного спроса продавцы или заведующие магазинами в особых журналах или на специальных бланках записывают наименования товаров, нужных покупателям, но отсутствующих в продаже. При записях указывают краткую характеристику товара и частоту их запросов (массовые, единичные).

В крупных магазинах неудовлетворенный спрос учитывают и на специальных карточках, которые покупатели заполняют и опускают в предназначенный для этого ящик.

Автоматизация процесса сбора информации о спросе покупателей

Внутригрупповую структуру спроса отражают данные о продаже и запасах товаров, а также сведения о неудовлетворенном спросе. Действующая статистическая отчетность этих сведений не содержит. Их должны собирать и анализировать работники службы изучения спроса, другие специалисты коммерческого аппарата торговых организаций.

Информация о внутригрупповой структуре спроса является основной для разработки заказов на поставку товаров и их ежеквартальной корректировки. На основе этой информации принимаются все коммерческие решения по завозу товаров в розничную торговую сеть.

Важно учитывать, что создание целостной системы сбора, обработки и анализа информации о внутригрупповой структуре продажи и запасов товаров по всему товарному ассортименту – довольно сложная и трудоемкая задача. Сказанное обусловлено тем, что во внутригрупповом ассортименте товаров по всему многообразию товарных признаков насчитывается более миллиона разновидностей. Эта задача может быть решена на основе использования соответствующей системы электронных вычислительных машин (ЭВМ) [1, с. 193].

При этом анализ основных направлений механизации и автоматизации сбора и обработки информации о внутригрупповой структуре спроса свидетельствует о том, что для успешного решения этих проблем необходимы не только ЭВМ и связанные с ними комплексы периферийных устройств. Нужны еще надежные и удобные для автоматического считывания первичные носители информации. Такими носителями информации должна быть снабжена каждая единица товара. Первичными носителями информации, характеризующими каждую единицу товара, являются ярлыки и этикетки, закрепленные на товаре, или надписи, сделанные непосредственно на нем.

Во многих странах по значительной части продовольственных товаров на каждой товарной единице нанесен единый универсальный товарный штриховой шифр (бар-код), служащий идентификатором товара.

По непродовольственным товарам ЭВМ со специальным этикетирующим устройством формирует специальные этикетки на все поступившие единицы товаров. На эти этикетки наносятся сведения о товаре: номер секции, отдела магазина или склада, группа товара в секции, цвет, размер, фасон, номер поставщика, розничная цена и тому подобные сведения. Записи на этикетке товара также приспособлены для автоматического считывания.

Информация, хранящаяся в банке данных, дает возможность в любое время получить сведения о запасах каждой разновидности товаров по отдельным складам и магазинам, а также о размерах дневных и недельных продаж в прошлом и настоящем периодах. Доступ к информации банка данных обеспечивают специальные видеотерминальные устройства. Объем информации, хранящейся в банке данных, позволяет покупателю торговой фирмы давать поставщикам товаров разовые заказы на поставку товаров в полном соответствии с объемами их продажи.

Первичными носителями информации, характеризующими каждую единицу товара, являются ярлыки и этикетки, закрепленные на товаре, или надписи, сделанные непосредственно на нем. При этом надо учитывать, что записанная на таких первичных носителях информация о товаре зачастую недостаточна полна. В ней отражены далеко не все характеристики товара, которые необходимо учитывать при изучении спроса (цвет, рисунок, фасон и т. п.).

Методы комплексного изучения информации о спросе

Обычно изучение спроса на отдельные группы товаров проводится комплексно, т. е. одновременно учитывают реализованный, неудовлетворенный и формирующийся спрос, а также анализируют товарные запасы и требования покупателей к качеству товаров.

К методам комплексного изучения информации о спросе на товары чаще всего относят выставки-продажи, выставки-просмотры, покупательские конференции.

Выставка-продажа имеет своей целью сбор информации о спросе и его целенаправленное формирование по определенным товарным группам, их видам и разновидностям.

Выставки-просмотры, в отличие от выставок-продаж, проводятся, как правило, по малоизвестным товарам, производство которых только налаживается. Они проводятся с целью учета и обобщения мнений покупателей, а также выявления тенденций в формировании спроса на товары-новинки.

Покупательские конференции обычно проводятся как самостоятельные мероприятия для выявления требований покупателей к ассортименту и качеству товаров, а также уровню торгового обслуживания в магазинах.

Экспертные оценки сбалансированности внутригрупповой структуры спроса и товарного предложения

Здесь экспертами выступают лица, обладающие соответствующими знаниями и способные высказать аргументированное мнение об изучаемом явлении или процессе.

Экспертный опрос требует осуществления необходимой работы: определение руководителя и состава лиц, обеспечивающих организацию проведения экспертных оценок; формирование представительных экспертных групп по основным видам товарного ассортимента; разработка и размножение анкет для опроса экспертов; определение порядка проведения опроса экспертов и подведение его итогов.

Прогнозирование покупательского спроса представляет собой определение возможного будущего спроса на те или иные товары и услуги в целях приспособления субъектов хозяйствования к складывающейся конъюнктуре рынка. Прогноз спроса – это теоретически обоснованная система показателей о еще неизвестном объеме и структуре спроса. Само прогнозирование связывает накопленную в прошлом информацию об объеме и структуре спроса с предсказанием будущего их состояния.

Прогнозирование спроса может осуществляться различными методами. Чаще всего выделяют следующие методы: методы экономико-математического моделирования, нормативные методы, методы экспертных оценок, балансовый метод и метод экстраполяции.

Конечная цель прогнозирования спроса – оценить то количество товаров и услуг, которые будут куплены (а не только то, которое могут и хотят приобрести потребители) [1, с. 45].

Методы простой (формальной) экстраполяции заключаются в перенесении на будущий период прошлых и настоящих тенденций в развитии товарно-групповой структуры спроса на базе анализа динамического ряда. Чтобы перенести сложившиеся в базисном периоде темпы роста или удельные значения той или иной товарной группы на прогнозируемый период, можно, в частности, использовать коэффициенты изменения спроса. К методам простой экстраполяции относятся расчеты эластичности спроса в зависимости от изменения какого-либо фактора.

Экономико-математические методы основаны на использовании корреляционного и регрессионного анализа, позволяющего устанавливать тесноту связи и вид зависимости среднего значения какой-либо величины от некоторой другой или от нескольких величин. В нашем случае – это установление зависимости развития спроса от влияния наиболее главных факторов, его определяющих. Экономико-математические методы эффективно используются при краткосрочном прогнозировании спроса.

Нормативные методы основаны на использовании показателей рекомендуемого уровня потребления материальных благ (товаров) и применяются как основной инструмент среднесрочного и долгосрочного прогнозирования товарно-групповой структуры спроса в целом по региону или стране. С помощью данных методов рассчитывают сроки достижения норм рационального потребления (исходя из фактически сложившихся среднегодовых темпов потребления этих товаров в базисном периоде) либо темпы роста производства и потребления товаров, необходимые для достижения к намеченному сроку нормативных показателей рационального потребления. Обычно расчеты проводятся параллельно. Первый вариант имеет большое значение для среднесрочных прогнозов, а второй – для долгосрочных прогнозов, являясь при этом целевой установкой для сфер производства и торговли.

Использование рассматриваемых методов сопряжено со сложностями разработки самих нормативов потребления. При этом рекомендуемые нормы потребления продуктов питания основаны на физиологических потребностях организма человека в белках, жирах, углеводах, витаминах. Рекомендуемые уровни потребления непродовольственных товаров могут разрабатываться, в частности, на основе опросов представительных групп потребителей.

При применении методов экспертных оценок ставится задача выяснить мнение специалистов торговли, промышленности или покупателей о тех или иных товарах и на этой основе выявить тенденции развития спроса на соответствующие товары. Важно при этом учитывать, что использование методов экспертных оценок позволяет осуществить расчеты объемов и структуры спроса по широкому кругу ассортиментных позиций товаров и в условиях, когда другие методы не могут быть применены из-за отсутствия необходимой информации.

Методы экспертных оценок – это комплекс логических и математико-статистических приемов и процедур, связанных с деятельностью экспертов по переработке необходимой для анализа и принятия решений информации.

Практика показывает, что в современных условиях важное значение имеют все рассмотренные выше методы изучения и прогнозирования покупательского спроса, без которых невозможно в полной мере удовлетворять спрос населения страны.

Список использованной литературы

1. **Методы** стимулирования продаж в торговле : учеб. / С. Б. Алексина, Г. Г. Иванов, В. К. Крышталёв [и др.]. – М. : Форум : Инфра-М, 2013. – 304 с.

ПОРТРЕТ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ МАРКЕТПЛЕЙСОВ СРЕДИ ПОКОЛЕНИЯ Z

В данной статье представлены результаты исследования по проведенному опросу среди обучающихся Сибирского университета потребительской кооперации, относящихся к поколению зумеров. Целью исследования являлось изучение основных характеристик пользователей маркетплейсов среди поколения Z и анализ их предпочтений при совершении покупок на онлайн-платформах. В своем исследовании авторы статьи использовали следующие методы: аналитический, эмпирический, статистического анализа и опрос.

This article presents the results of a survey conducted among Generation Z students at the Siberian University of Consumer Cooperation. The aim of the study was to examine the key characteristics of marketplace users among Generation Z and analyze their preferences when shopping on online platforms. The authors used the following methods: analytical, empirical, statistical analysis, and a survey.

Ключевые слова: зумеры; маркетплейсы; электронная коммерция; цифровизация.

Key words: zoomers; marketplaces; e-commerce; digitalization.

Современный мир характеризуется стремительным развитием цифровых технологий и электронной коммерции, что оказывает значительное влияние на поведение потребителей. Одним из ярких примеров является рост популярности маркетплейсов, которые стали неотъемлемой частью повседневной жизни многих людей, особенно среди молодого поколения.

Актуальность исследования обусловлена стремительным развитием электронной коммерции и увеличением доли онлайн-покупок среди населения. Для успешного позиционирования на рынке важно учитывать особенности поведения людей различных возрастов, их предпочтения в отношении товаров и услуг, а также методы взаимодействия с платформами.

К зумерам по разным классификациям относят людей, родившихся со второй половины 1990-х до начала 2010-х гг. Чаще выделяют период с 1997 по 2012 гг. Некоторые исследователи считают, что границы определяются 2000–2015 гг. Представители данного поколения с самых ранних лет пользуются гаджетами, разбираются в технике, хорошо ориентируются в потоках информации [1].

Авторы провели опрос среди зумеров в возрастной категории от 15 лет до 29 лет. В опросе приняли участие 109 обучающихся Сибирского университета потребительской кооперации, из них 39 человек получили высшее образование, 70 человек получили среднее профессиональное образование. Число респондентов по гендерному признаку и возрастной категории представлено в следующем соотношении: наибольшее количество участников опроса составили женщины (94 человека), 15 мужчин. Подростковая группа (15–18 лет) является самой многочисленной среди опрошенных (53 человека), что свидетельствует об их высокой активности. Самая малочисленная группа представлена респондентами в возрасте 26–29 лет – 9 человек. Возрастные категории 19–21 года и 22–25 лет представлены в количестве 21 человека и 26 человек.

В ходе проведенного опроса были собраны данные о расходах респондентов на приобретение товаров посредством онлайн-площадок, а также об источниках их доходов (рисунок 1).

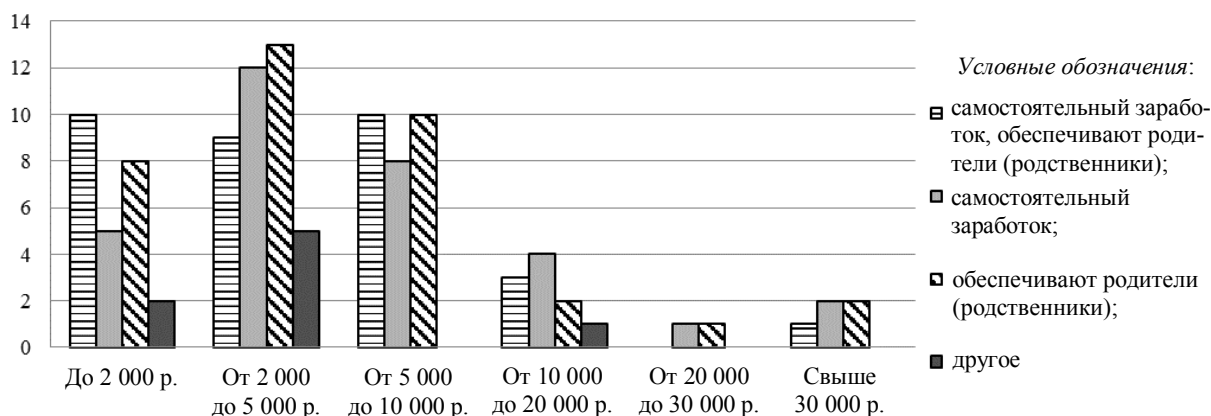

Рисунок 1 – Результаты опроса по вопросам анкеты «Сколько вы тратите в месяц на покупку товаров через маркетплейсы?», «Источник дохода»

Анализируя представленные данные, можно сделать вывод, что поколение Z активно участвует в онлайн-покупках через маркетплейсы, однако уровень расходов существенно зависит от источника дохода. Студенты с самостоятельным заработком представлены наиболее широко во всех диапазонах трат. Студенты, имеющие собственный доход, чаще всего тратят суммы до 5 000 р., что свидетельствует о разумном подходе к расходованию средств. Однако значительная доля таких студентов готова тратить больше на покупки через маркетплейсы, что отражает растущую финансовую независимость молодых людей. Следующая категория – студенты, которые находятся на обеспечении родителей, к ним относится 33% опрошенных, они тратят до 10 000 р. на маркетплейсах. Лишь небольшая часть студентов, живущих на средства родителей, совершает покупки на сумму выше 10 000 р., что связано скорее с редкими крупными приобретениями. Респонденты, совмещающие самостоятельный заработок и поддержку родителей, также как и остальные категории, кроме тех, кто указал «другое», тратят до 10 000 р. Небольшая доля респондентов относится к группе «другое». Их расходы преимущественно находятся в пределах до 5 000 р.

Согласно проведенному опросу, были выявлены ведущие интернет-платформы для совершения покупок (рисунок 2).

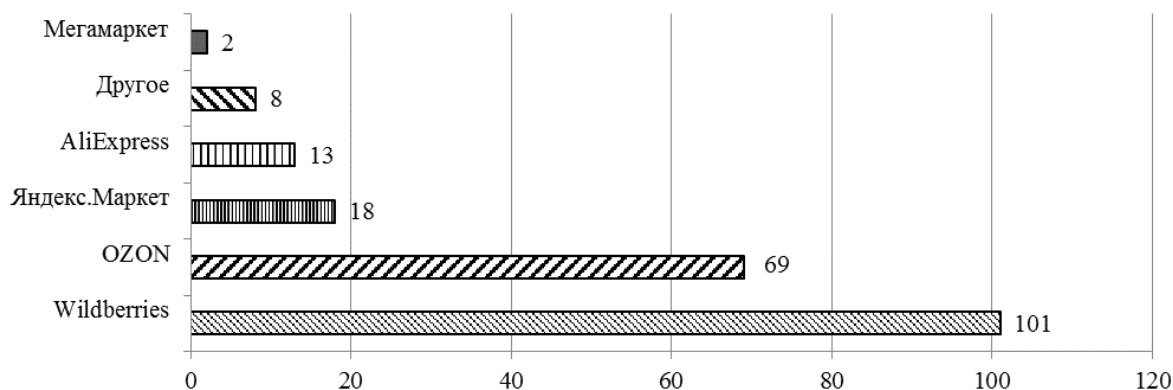

Рисунок 2 – Основные онлайн-площадки для покупок по результатам опроса

По данным рисунка 2 можно сделать вывод, что наиболее популярными платформами оказались Wildberries (101 респондент) и OZON (69 респондентов), значительно опережающие остальные площадки. Это свидетельствует о высоком уровне доверия и лояльности молодых потребителей к данным площадкам. Далее следует Яндекс.Маркет (18 респондентов) и AliExpress (13 респондентов), что подтверждает популярность российского агрегатора и международной торговой площадки среди молодежи. Наименьшей популярностью пользуется в данной категории пользователей маркетплейсов Мегамаркет (2 респондента). Также 8 респондентов отметили группу «другое», что демонстрирует наличие индивидуальных предпочтений отдельных участников исследования, использующих менее распространенные торговые площадки [2].

Результаты ответа на вопрос «Категории товаров, приобретаемые на маркетплейсах» представлены на рисунке 3.

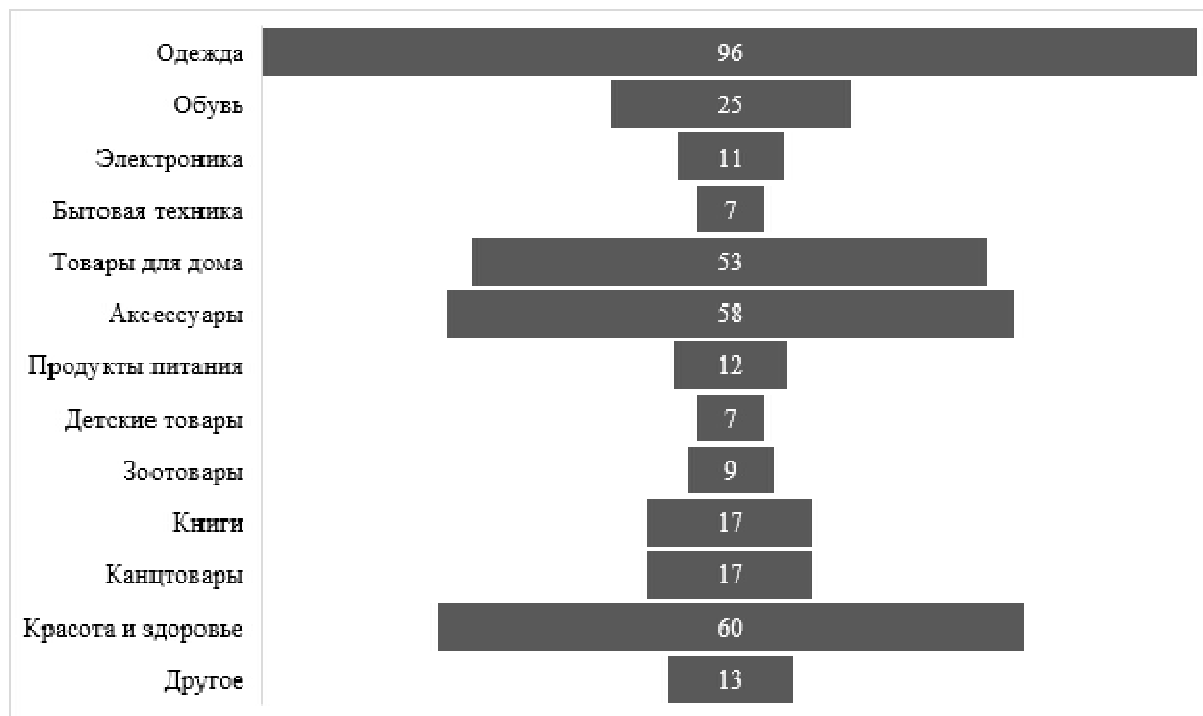

Рисунок 3 – Категории товаров, выбираемые респондентами

Результаты опроса, представленные на рисунке 3, показали, что основной категорией товаров, приобретаемых на маркетплейсах, является «одежда» (отметили 96 опрошенных). Покупатели поколения Z ценят удобство онлайн-шопинга, широкий ассортимент, возможность быстрого сравнения цен и отзывов, а также легкость возврата товара. Следующая популярная категория – «красота и здоровье» (60 опрошенных). Молодежь проявляет значительный интерес к уходу за собой, косметическим средствам, спортивному инвентарю и товарам для здоровья. Далее респонденты отмечают категории «аксессуары» и «товары для дома» – 58 и 53 опрошенных. Остальные категории товаров менее востребованы у зумеров.

По результатам данных исследования можно сделать вывод, что поколение Z становится одной из самых активных и значимых аудиторий на маркетплейсах. Для этой группы пользователей характерно следующее: разнообразие финансовых возможностей, но больше всего покупают студенты, которые находятся на обеспечении родителей и имеют собственный заработок; высокий спрос на недорогие товары (до 5 000 р.), что связано с ограниченным бюджетом и стремлением к частым обновлениям гардероба, аксессуаров, средств по уходу за собой и товаров для дома.

Глубокое понимание особенностей и мотиваций этой аудитории позволяет компаниям не только эффективно адаптироваться к изменениям потребительских привычек, но и успешно развиваться в условиях цифровой экономики.

Список использованной литературы

1. **Зумеры:** характеристика поколения Z // Комсомольская правда. – URL: <https://www.kp.ru/edu/molodezhnyj-slang/pokolenie-zumery/> (дата обращения: 04.03.2026).
2. **ТОП-10** популярных маркетплейсов России в 2025 г. // Harmex. – URL: <https://blog.harmex.ru/blog/top-10-populyarnyh-marketpleysov-rossii-v-2025-godu> (дата обращения: 04.03.2026).

ОПТИМИЗАЦИЯ АССОРТИМЕНТА «ОТ ХОРОШЕГО К ВЕЛИКОМУ»

В данной статье рассматриваются вопросы, раскрывающие сущность и подходы к оптимизации ассортимента «от хорошего к великому».

This article examines issues that reveal the essence and approaches to optimizing the product range “from good to great”.

Ключевые слова: ассортимент; товарная категория; оптимизация ассортимента «от хорошего к великому»; потребительские нужды; товарные типологии.

Key words: assortment; product category; optimization of the assortment “from good to great”; consumer needs; product typologies.

Главный фактор успеха успешных торговых компаний – глубокий и тщательный анализ ассортимента, позволяющий выстроить стратегический подход к его оптимизации.

Чем лучше проведена оптимизация, тем больше в структуре ассортимента популярных, быстро продаваемых товаров, тем более привлекательны магазины компании в глазах покупателей. Оптимизация позволяет увеличить продажи за счет удовлетворения уже известных и ранее неизвестных потребностей клиентов. Так, например, одна из продовольственных розничных сетей, лидер в своем сегменте рынка, организовала крупную программу по модернизации работы с покупателями, включая оптимизацию ассортимента. По итогам этой комплексной программы объемы продаж выросли на 6%, а операционная прибыль – на 15%.

Оптимизация ассортимента при разработке стратегии, на стадии ее осуществления сталкивается с определенными проблемами.

Чаще всего помехой для преобразований являются следующие факторы:

– Чрезмерная ориентация на поставщиков и их потребности. Ретейлер любой ценой стремится сохранить свою базу поставщиков и отношения с ними, полагается на их представления о рынке вместо того, чтобы глубже изучать потребности покупателей.

– Ориентация на текущие рекламные кампании. Типичные признаки этой проблемы: «засорение» ассортимента специальными предложениями и товарами со скидкой; слишком активное продвижение одних товаров в ущерб другим; необъективная оценка продаж тех или иных продуктов (на фоне успеха рекламных акций).

– Неспособность спланировать и провести оптимизацию в нужном масштабе, обеспечить преобразованиям достаточную организационную и информационную поддержку.

Как правило, подход к оптимизации ассортимента выстраивается последовательно: компания постепенно переходит от простого анализа к более комплексным решениям, т. е. движется «от хорошего к великому», как выражался известный специалист по менеджменту Джим Коллинз [1].

Оптимизация ассортимента «от хорошего к великому» – это переход от простого расширения к продуманному фокусу на высокомаржинальных товарах, соответствующих «концепции ежа» (лучшие в мире, экономика, страсть). Она требует удаления убыточных позиций, использования аналитики для прогнозирования спроса и создания культуры ответственности, а не жесткого контроля.

Рассмотрим подходы к оптимизации ассортимента «от хорошего к великому» (таблица).

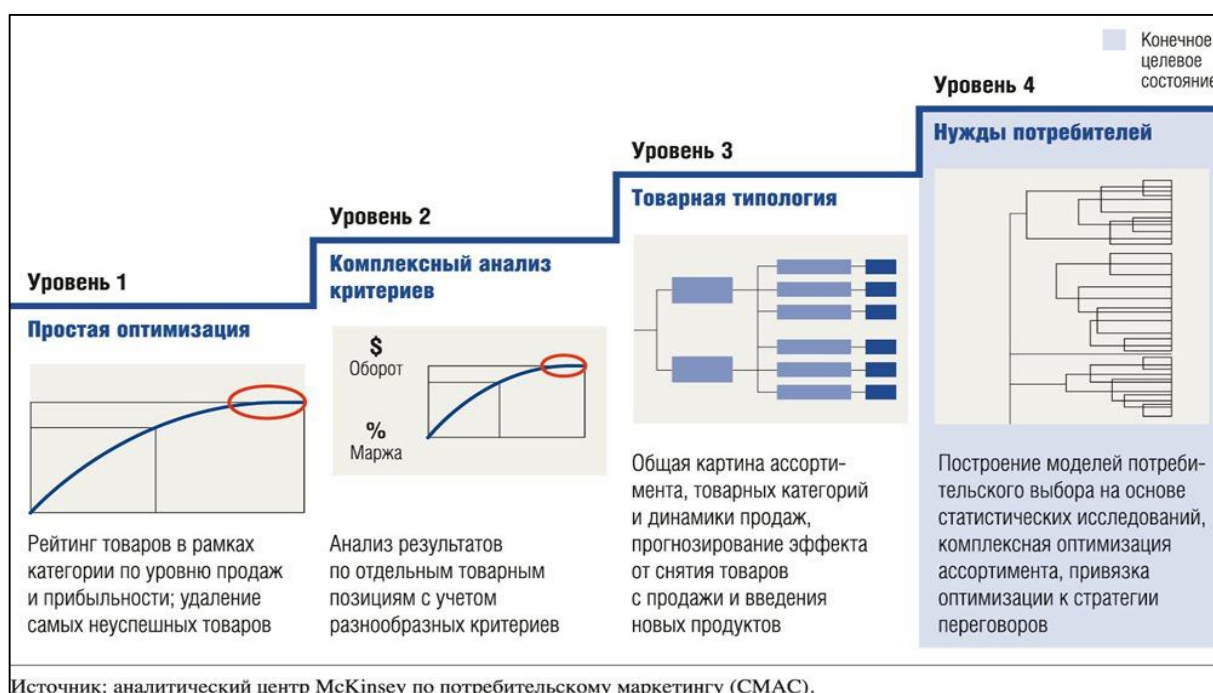
В процессе оптимизации ассортимента необходимо соблюдать стратегические принципы, которые позволяют всестороннее проанализировать и четко описать процесс данного перехода: интеграция с системой управления товарными категориями и стратегией их развития; ориентация на покупателя; продуманный и масштабируемый подход к реализации товаров.

Подходы к оптимизации ассортимента от «хорошего к великому»

Уровни	Подходы	Содержание
Первый	Простая оптимизация	Внутри каждой товарной категории торговая организация выстраивает рейтинг товаров по базовым критериям: объем продаж, прибыль или и то, и другое. С помощью этого рейтинга можно выявить «сильные» и «слабые» товары и исключить те, чьи продажи вносят наименьший вклад в общие продажи
Второй	Анализ с использованием сложных критериев	Рейтинг успешных и неуспешных товаров составляется на основе сразу нескольких параметров, среди которых могут быть как базовые (объем продаж и прибыль), так и дополнительные (наличие заменителей и т. д.)
Третий	Модели товарной типологии	Строятся более сложные аналитические модели, позволяющие сравнивать эффекты различных решений о снятии товаров с продажи и прогнозировать объемы продаж новых товаров
Четвертый	Анализ потребительских нужд	Опираясь на сложную систему критериев, торговая организация может прогнозировать показатели товаров и оценивать общий результат в их взаимодействии, параллельно исключать лишние позиции, добавлять новые

Схематично оптимизация ассортимента «от хорошего к великому» представлена на нижеприведенном рисунке.

Оптимизация ассортимента «от хорошего к великому»

Интеграция с системой управления товарными категориями и стратегией их развития означает, что ретейлерам нужна единая стратегия, увязывающая пересмотр товарных позиций и категорий с маркетинговой политикой, процессом закупки товара и переговоров с поставщиками.

Прежде чем строить такую стратегию, надо сформулировать следующие ключевые правила для анализа товарных категорий:

- Для этого надо определить следующее:
 - Какой целевой объем продаж для продуктов определенной категории? Какую долю он составляет в общем объеме продаж?
 - Какова желаемая и приемлемая прибыльность для этой категории?
 - Каковы ассортиментная стратегия и целевое количество товарных позиций в рамках категории?
 - Как управлять брендами в этой категории? Можно оптимизировать выбор брендов, оставив лишь по две торговые марки на каждую потребность покупателей, либо предложить более широкий выбор брендов и упростить линейку продуктов под каждым брендом.
 - Как будут представлены в каждой категории продукты под собственной маркой (private label)?
 - Какие стратегии стимулирования продаж можно использовать в рамках категории?

– Определиться с распределением торговых площадей магазина под каждую товарную категорию. Необходимо заранее планировать, сколько места в магазинах будут занимать продукты той или иной категории, как это пространство будет меняться, нужно ли дорабатывать ассортиментную стратегию с учетом формата магазинов.

– Маркетинговые соображения. Оптимизация не должна вредить работающим и приносящим пользу маркетинговым кампаниям. С другой стороны, нельзя допускать чрезмерного уклона в сторону действующих акций, если ответственные сотрудники воспринимают их как нечто непреложное. Комплексный подход позволяет занять сильную позицию на переговорах и вести их эффективнее.

Перед началом переговоров с поставщиками необходимо выделить следующее: товары или бренды, решение по которым не подлежит обсуждению; позиции или бренды, по которым возможны уступки.

Используется эта информация, разрабатывается сценарий переговорного процесса для каждого поставщика: что конкретно можно ему предложить, когда стоит обсуждать снятие товаров с продажи и внедрение новых.

Правильная организация процесса закупок и умение вести переговоры с поставщиками позволяют снизить себестоимость реализованной продукции на 0,5–1%.

Покупатели ищут товары и принимают решение о покупке по совершенно иным соображениям, чем поставщики. В основе оптимизации ассортимента должно лежать глубокое понимание потребительских нужд и взаимозаменяемости отдельных товаров с точки зрения потребителя.

Ориентация на покупателя. Набор потребительских инициатив – это группа товаров, которые при определенных обстоятельствах могут выступать для потребителя товарами-заменителями. Поэтому необходимо классифицировать товары внутри каждой товарной категории с учетом поведения покупателей и того, как они принимают решение об их выборе.

Если в ходе оптимизации использовать идею наборов потребительских инициатив, то понадобится классифицировать товары внутри категорий с учетом поведения покупателей и того, как они принимают решения. Для этого необходимо обеспечить систематический сбор и анализ данных из самых разных источников: от программ лояльности и потребительских корзин до изучения магазинов конкурирующих сетей; информации поставщиков и специальных маркетинговых исследований [2].

Продуманный и масштабируемый подход к реализации товаров. Для качественного управления товарными категориями необходимо развитие профессиональных навыков специалистов. Оно опирается на правильно выстроенные торговые процессы в рамках магазинов и по всей цепочке поставок; профессиональное развитие персонала; аналитические и IT-инструменты, облегчающие принятие решений и четкое выполнение принятой стратегии.

Серьезная ошибка, которую допускают при оптимизации ассортимента, – это недостаток внимания к обучению и инструктажу менеджеров по управлению категориями и других сотрудников. Непрерывное обучение должно обеспечивать уровень качества в процессе оптимизации и снижать риск ошибочных ассортиментных решений.

Грамотное управление товарным ассортиментом обеспечивает важное преимущество – сокращение затрат за счет оптимальных планировочных решений торгового зала, улучшения торгово-технологических процессов в магазинах.

Таким образом, оптимизация ассортимента – это непрерывный процесс анализа и корректировки товарного портфеля для увеличения прибыли, снижения издержек и удовлетворения спроса. Он включает удаление неходовых товарных позиций, включение в ассортимент востребованных новинок и поддержание баланса между разнообразием товаров и эффективностью их хранения и продаж. Это помогает сделать товарное предложение точным, прибыльным и конкурентоспособным.

Список использованной литературы

1. Коллинс, Д. От хорошего к великому. Почему одни компании совершают прорыв, а другие нет? / Д. Коллинс. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2025. – 48 с.
2. Бузукова, Е. А. Категорийный менеджмент. Теоретические основы : учеб. для вузов / Е. А. Бузукова. – М. : Юрайт, 2024. – 181 с.

ОСОБЕННОСТИ МИРОВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ

В данной статье на примере стран с развитой рыночной экономикой рассматриваются мировые тенденции развития розничной торговли, которые следует учитывать при разработке перспектив развития этой отрасли в потребительской кооперации Беларуси.

This article examines the global trends in the development of retail trade on the example of countries with developed market economies, which should be taken into account when developing prospects for the development of the trade industry of consumer cooperation in Belarus.

Ключевые слова: розничная торговля; торговая сеть; форматы магазинов; интернет-магазины; электронная коммерция; тенденции развития ретейла; оплата покупок.

Key words: retail trade; retail chain; store formats; online stores; e-commerce; retail development trends; payment for purchases.

Если говорить об экономических показателях эффективности работы розничной торговли потребительской кооперации по сравнению с аналогичными показателями других крупных торговых структур Беларуси, надо всегда учитывать основную причину низких показателей кооперативной торговли – высокую издержкоемкость содержания стационарных торговых организаций в малых сельских населенных пунктах и автомагазинов, обслуживающих жителей наиболее мелких деревень. Система потребительской кооперации несет постоянные убытки от содержания магазинов в малых населенных пунктах и автомагазинов. В силу различных обстоятельств не изжиты в кооперативной торговле факты низкой культуры обслуживания покупателей, нарушений правил торговли, перебоев в продаже отдельных товаров, наличия товаров с истекшим сроком реализации. Невысоким остается уровень технического и технологического оснащения многих кооперативных магазинов, а это прямо влияет на их конкурентоспособность.

По различным причинам потребительская кооперация пока серьезно не приступила к внедрению сетевых принципов организации торговли. Негативно сказываются на финансовом состоянии торговых организаций потребительской кооперации демографические процессы, связанные с постоянным сокращением численности обслуживаемого населения. Низкорентабельная работа организаций кооперативной торговли объясняется также указанной выше более высокой затратностью торгового обслуживания сельского населения. При этом валовые доходы от продажи товаров в малых населенных пунктах, в силу незначительных объемов товарооборота, не покрывают расходы на реализацию, что приводит к убыточности большинства кооперативных торговых объектов.

Рассматривая коммерческую деятельность в розничной торговле вообще и в розничной торговле потребительской кооперации в частности, следует всегда учитывать, что различные коммерческие функции прямо или косвенно влияют на получение доходов. Поэтому с данной точки зрения коммерческие функции торговых организаций можно условно разделить на две группы.

Первая группа включает коммерческие операции, непосредственно приносящие доходы: это сама продажа товаров, оказание торговых услуг, сервисное обслуживание, реклама товаров и услуг, деятельность по стимулированию продажи товаров, управление и маневрирование товарными ресурсами.

Ко второй группе коммерческих операций условно можно отнести те, которые косвенно влияют на получение доходов: комплексное изучение товарного рынка и требований потребителей, формирование товарных ресурсов и ассортимента товаров, определение потребности

в них, поиск поставщиков и закупка товаров. Эта группа включает достаточно широкий круг операций и направлена на то, чтобы достичь главной цели – продать товар с прибылью, увеличить объемы продаж, иметь стабильное, устойчивое положение на рынке.

Важнейшее значение для любой торговой системы имеет постоянное развитие и обновление розничной торговой сети, совершенствование ее структуры и рациональное размещение торговых объектов применительно к современным условиям торговой деятельности. К размещению торговой сети всегда предъявлялся ряд требований. Это размещение должно отвечать ряду принципов. К основным принципам рационального размещения розничных торговых объектов относятся равномерность и ступенчатость такого размещения. В настоящее время торговая отрасль потребительской кооперации, которая является целостной системой, должна приспосабливаться к новым демографическим, экономическим и другим условиям своего современного развития.

Если говорить о тенденциях развития розничной торговли Республики Беларусь в целом и розничной торговли потребительской кооперации в частности, следует всегда учитывать, что они в значительной мере обусловлены особенностями формирования и развития мирового рынка розничной торговли (ритейла). Эти особенности наиболее ярко проявляются в розничной торговле экономически развитых стран. В Республике Беларусь, как и в других соседних государствах, в последние десятилетия прежде всего наблюдается заметный рост количества розничных торговых объектов и сетей. Это во многом обусловлено соответствующими изменениями, происходящими на мировом рынке розничной торговли. Опыт развитых стран в области торговли свидетельствует об ускоренном процессе обновления и модернизации материально-технической базы торговой отрасли и совершенствования самих торговых процессов.

Рассмотрим более детально современные тенденции развития зарубежной розничной торговли, которые в последние годы в большинстве случаев являются весьма актуальными для отечественной розничной торговли, формируя общие перспективы будущих розничных продаж.

Прежде всего надо отметить растущее использование мобильных телефонов среди разных категорий покупателей. Эти телефоны прочно вошли в повседневную жизнь потребителей. По данным Pew Research, у 64% взрослых американцев сегодня есть смартфон по сравнению с 35% в 2012 г. 52% владельцев смартфонов заглядывают в свои телефоны несколько раз в час или чаще. В современных условиях с помощью этих устройств торговые компании видят своих основных покупателей на каждом этапе их торгового пути. В 2023 г. розничный ритейлер ModCloth обнаружил, что 60% его продаж осуществлено с помощью мобильных телефонов, а мировой гигант электронной коммерции Amazon имеет больше мобильных пользователей, чем Facebook. Более того, согласно данным InReality, 75% покупателей в розничных торговых объектах используют свои мобильные устройства. Они при этом проверяют, насколько выгодна покупка товара, сравнивая цены в данном магазине с ценами конкурентов, а также советуются с друзьями по переписке, стоя в очереди. Поэтому ритейлеры будут продолжать инвестировать в мобильные приложения, добавлять в приложения новые торговые возможности, совершенствовать мобильные платежи в торговых объектах и практиковать мобильные объявления.

Следует отметить тенденцию использования новых способов оплаты за покупки, которые становятся все более распространенными. Ритейлеры постепенно модернизируют POS-системы для того, чтобы обеспечить разные варианты оплаты, в том числе с помощью чип- и пин-карт, бесконтактных платежей NRF и давно известных безналичных платежей – карт с магнитной полосой. Торговые компании продолжают развиваться и внедрять новые мобильные платежные приложения, большинство из которых считаются более безопасными, чем карты с магнитной полосой, из-за их способности использовать уникальные коды для каждой сделки вместо номеров карт. Вопрос сейчас состоит в том, насколько быстро новые способы оплаты за покупки укоренятся в повседневной жизни покупателей и будут приняты общественностью как эффективные и надежные методы оплаты.

В настоящее время известные розничные торговые компании существенно инвестируют в свои трудовые коллективы, чтобы привлечь и удержать наиболее талантливых работников. Современная экономика постоянно совершенствуется, многие работники имеют больше возможностей для трудоустройства, чем раньше. Это оказывает давление на розничную торговлю и вынуждает менять саму рабочую среду, создавая одновременно конкурентоспособную заработную плату и занятость. Многие крупные ритейлеры осуществляют действия по улучшению условий труда и повышению заработной платы для своих сотрудников. Только в последние годы несколько известных зарубежных ритейлеров, в том числе Wal-Mart, Abercrombie и Gap,

увеличили минимальные заработные платы и решили ранее спорные вопросы по занятости за счет уменьшения своей прибыли. При этом ретейлеры понимают, что инвестиции в своих сотрудников окупятся: работники станут более удовлетворенными и заинтересованными в своей хорошей работе. Торговое обслуживание клиентов будет улучшаться, что приведет к увеличению продаж в магазинах.

Современная зарубежная розничная торговля сокращает дисконтные программы, акцентируя при этом внимание на самих товарах. При этом ретейлеры, как и ранее, настроены на основные потребности своих клиентов. Поскольку экономика постоянно совершенствуется, многие потребители придерживаются часть своих покупок до появления скидок и распродаж, заставляя многих продавцов конкурировать не только за счет более низкой цены, но и за счет более широкого использования мерчандайзинга, более высокого качества товаров и других способов. Так, известный ретейлер American Eagle достиг заметных успехов, используя эти подходы. Объем продаж в последнее время вырос во многом благодаря большей нацеленности на качество товаров, даже несмотря на уход от методов дисконтирования. Многие ретейлеры делают упор на ценности своих марок, не используют логотипы, переходят к более «вневременному» приему повышения заинтересованности покупателей, чтобы заинтересовать пожилую аудиторию, которая готова тратить больше.

Многие зарубежные ретейлеры продолжают вкладывать значительные средства в электронную и мобильную коммерцию, чтобы легко переключать покупателей магазинов с одних каналов приобретения товаров на другие. Онлайн-присутствие покупателей на розничном рынке товаров становится сегодня необходимым условием для многих розничных ретейлеров. Данные нескольких исследователей подтверждают, что около 65% приобретений покупателями товаров в магазинах сделаны под влиянием цифровых технологий. При этом цифровая коммерция зачастую влияет на покупателей еще до их действий в традиционных магазинах.

Крупные зарубежные ретейлеры и технологические компании разрушают традиционную модель доставки товаров покупателям. Последние все чаще хотят иметь возможность выбирать способ доставки и получения товаров как можно дешевле и быстрее. Так, 80% покупателей компании Harris Poll отметили, что бесплатная доставка позволит им покупать больше онлайн. Доля американских потребителей, покупающих товары в интернете и забирающих их в розничных магазинах, в последнее время резко возросла. При этом ретейлеры и службы доставки товаров принимают новые решения по удовлетворению потребительского спроса, в том числе внедряя новые и разнообразные способы доставки.

Розничная торговля меняет также форматы розничных торговых объектов под нужды городских клиентов. Так, в Соединенных Штатах Америки впервые за многолетний период рост населения в городах опередил его рост за пределами городов. Розничные торговцы в прошлом сосредотачивались на развертывании крупных магазинов в пригородных районах. Сейчас ретейлеры пересматривают свои стратегии развития розничных сетей для завоевания городских покупателей. Поскольку городские поселения растут, ретейлеры должны будут скорректировать свои форматы магазинов, чтобы вписаться в малые торговые площади большинства городов. Многие ретейлеры развивают сейчас небольшие форматы магазинов, пересматривая ассортимент товаров. Молодые покупатели в городах приобретают обычно только самое необходимое, что может понадобиться в ближайшие дни, а не запасаются товарами в больших супермаркетах, как это делают пригородные потребители. Это вынуждены учитывать розничные ретейлеры при развитии форматов своих магазинов.

В современных условиях важной задачей зарубежных ретейлеров является привлечение жителей городов-миллионников, чьи ежегодные расходы растут наиболее быстрыми темпами. Ретейлеры заманивают их более уникальными форматами магазинов и интерактивными возможностями при совершении покупок товаров. Движимые этими обстоятельствами и необходимостью конкуренции с крупнейшими интернет-магазинами, такими как Amazon, ретейлеры превращают свои магазины в открытые площадки. Открытая планировка магазинов компании Apple является одним из лучших примеров этого типа розничной торговли. Многие ретейлеры тестируют альтернативные вывески товаров и совершенствуют навигацию в мобильных приложениях для покупателей с целью помочь им быстро найти нужные товары. Одновременно в развитых странах набирает обороты тенденция открытия обычных розничных магазинов крупными интернет-продавцами.

Зарубежные розничные торговые фирмы начинают все чаще использовать возможности социальных сетей. Они понимают, что в современных условиях все больше покупателей тяготеют к возможностям социальных сетей, уделяя при этом большое значение мнению своих дру-

зей и авторитетных покупателей в интернете. Поэтому крупные ретейлеры начинают вести собственные блоги в социальных сетях, чтобы увеличить узнаваемость своего бренда и повысить покупательскую лояльность. Для ведения таких блогов ретейлеры используют как своих работников, так и нанимают соответствующих специалистов или обращаются к соответствующим агентствам.

Современные зарубежные розничные ретейлеры все больше инвестируют в электронную коммерцию. Сегодня основная цель для многих гигантов розничной торговли – продолжать инвестировать значительные средства в онлайн-операции. Повышения собственных возможностей электронной коммерции для некоторых ретейлеров недостаточно. Сейчас рынки, где розничные торговцы могут продавать свои товары через сайты третьих сторон, таких как Amazon и Alibaba, продолжают расти, так как многие розничные торговцы используют их для расширения аудитории. По данным отчета NRF State of Retailing Online, 32% участвовавших в опросе розничных торговых фирм планируют потратить больше на онлайн-площадки, чем в прошлые годы.

В соответствии с рассмотренными выше тенденциями в последние годы развивается сама коммерческая деятельность зарубежных розничных ретейлеров. При этом учитывается необходимость формирования у покупателей положительного отношения к магазинам конкретной торговой сети, больше внимания уделяется вопросам путей товародвижения и использованию следующих элементов товарного рынка: имидж магазинов, цены на товары. Как и прежде большое внимание уделяется изучению потребностей покупателей, в том числе их новых категорий и контингентов.

Если говорить о розничной торговле системы потребительской кооперации, то в настоящее время важно учитывать такой фактор, как базовый источник товароснабжения кооперативных торговых объектов, который, как показывает анализ, оказывает существенное влияние на основной результирующий показатель деятельности организаций розничной торговли – розничный товароборот. Районные потребительские общества, филиалы областных потребительских обществ продолжают сильно зависеть от сложившейся в системе потребительской кооперации практики закупок товаров, которая часто не отвечает в полной мере ни экономическим целям торговых организаций, ни запросам обслуживаемых покупателей. Неэффективная система товародвижения и товароснабжения розничной торговой сети приводит к снижению ответственности на уровне основного звена потребительской кооперации (районных потребительских обществ), филиалов областных потребительских обществ, а также служит причиной неэффективности кооперативной торговой отрасли и высокой текучести кадров.

К ВОПРОСУ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В ТОРГОВЛЕ

В условиях стремительного развития технологий и увеличения числа киберугроз обеспечение безопасности в организациях становится критически важным. Современные компании сталкиваются с рисками не только в области кибербезопасности, но и физической безопасности сотрудников, а также правовыми последствиями, связанными с защитой персональных данных. Учитывая высокую степень взаимосвязанности всех этих аспектов, разработка комплексной стратегии безопасности является необходимостью для защиты интересов как сотрудников, так и клиентов.

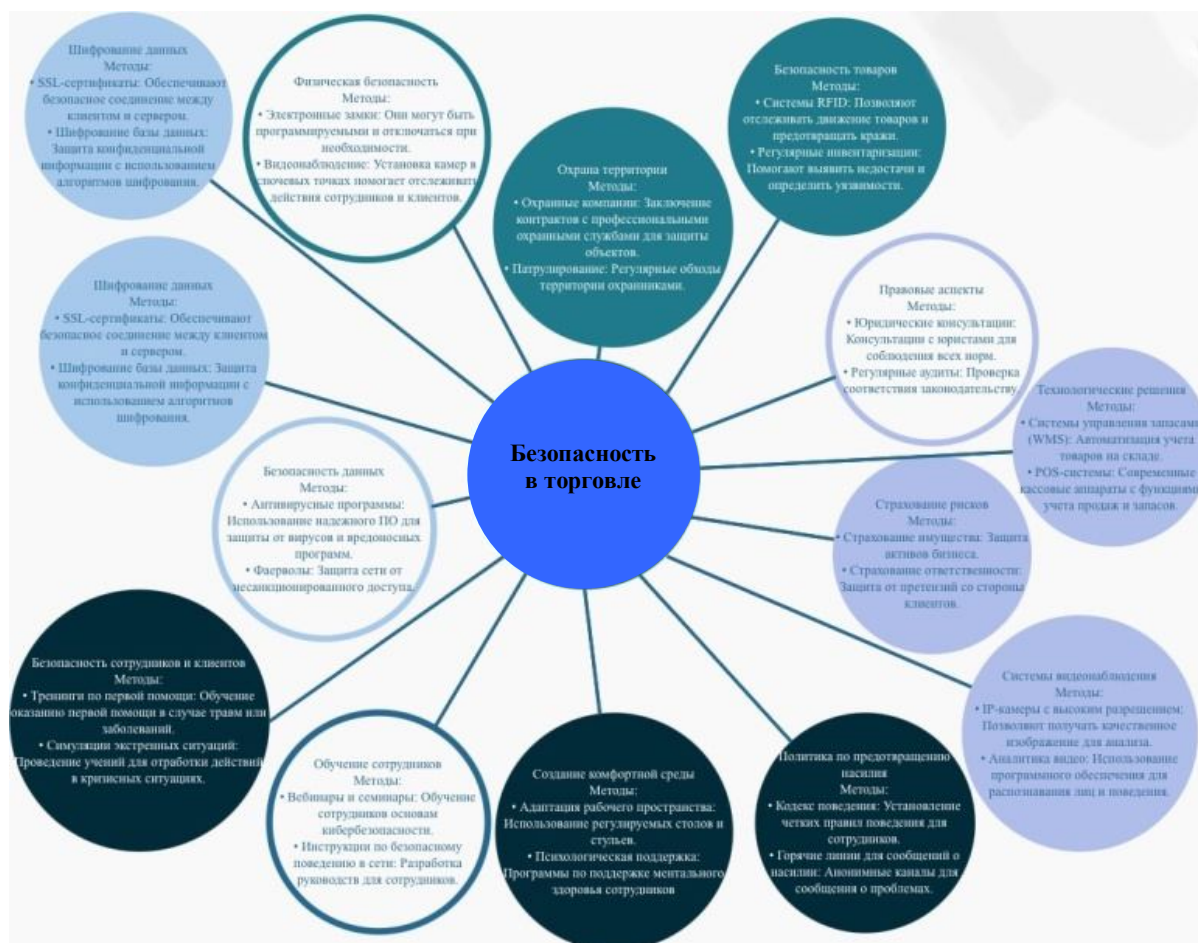
With the rapid development of technology and the increasing number of cyber threats ensuring security in organizations is becoming critical. Modern companies face risks not only in cybersecurity, but also in the physical safety of employees, as well as legal implications related to personal data protection. Given the high degree of interconnectedness of all these aspects, developing a comprehensive security strategy is a necessity to protect the interests of both employees and customers.

Ключевые слова: безопасность; торговля; стратегия безопасности; физическая защита.

Key words: security; trade; security strategy; physical protection.

Цель данного исследования заключается в разработке и внедрении комплексной модели стратегии безопасности, которая включает в себя основные меры по кибербезопасности, физической защите сотрудников, правовым аспектам и технологическим решениям, которые представлены на нижеприведенном рисунке [1].

Комплексная модель стратегии безопасности

Физическая безопасность

Контроль доступа

Контроль доступа является одним из основных методов физической безопасности. Установка систем контроля доступа, таких как электронные замки и системы видеонаблюдения, позволяет ограничить доступ к критически важным зонам (склады и офисы). Эти системы могут быть настроены так, чтобы разрешать доступ только определенным сотрудникам, что минимизирует риск несанкционированного доступа [2].

Пример. В крупных супермаркетах и торговых центрах устанавливаются системы контроля доступа, которые ограничивают доступ к служебным зонам. Например, использование карт доступа для сотрудников позволяет избежать несанкционированного входа посторонних лиц.

Охрана территории

Наличие охранников или патрулирование территории также является важным элементом физической безопасности. Охрана может предотвратить не только кражи, но и вандализм. Кроме того, присутствие охранников создает ощущение безопасности как для сотрудников, так и для клиентов, что может положительно сказаться на репутации компании [3].

Пример. В торговых центрах часто работают охранники, которые патрулируют территорию и следят за порядком. Это создает у клиентов чувство безопасности и предотвращает правонарушения.

Безопасность товаров

Использование систем против хищения, таких как метки на товарах и системы сигнализации, помогает снизить уровень краж. Эти технологии позволяют быстро реагировать на попытки кражи и обеспечивают дополнительную защиту для товаров. Также важно проводить регулярные инвентаризации для выявления возможных потерь [4].

Пример. Метки против хищения, используемые в одежде и электронике, активируют сигнализацию при попытке вывода товара из магазина без оплаты.

Безопасность данных

Кибербезопасность

В современном мире киберугрозы становятся все более актуальными. Защита информационных систем от кибератак и утечек данных – это важная задача для многих компаний. Использование антивирусных программ, фаерволов и регулярное обновление программного обеспечения помогают защитить данные от внешних угроз [5].

Пример. Розничная сеть может столкнуться с утечкой данных клиентов из-за недостаточной защиты своих систем. Например, в 2017 г. крупная сеть ресторанов потеряла данные о миллионах кредитных карт из-за кибератаки.

Шифрование данных

Шифрование конфиденциальной информации о клиентах, такой как персональные данные и платежная информация, является важным шагом в обеспечении безопасности данных. Даже в случае утечки данных шифрование может предотвратить доступ к информации злоумышленников [6].

Пример. Онлайн-магазины обязаны шифровать данные клиентов во время транзакций, чтобы предотвратить кражу личной информации.

Обучение сотрудников

Проведение тренингов по кибербезопасности для сотрудников помогает повысить осведомленность о рисках и методах защиты. Сотрудники должны понимать важность соблюдения паролей, использования безопасных сетей и распознавания фишинговых атак.

Пример. Проведение регулярных тренингов по кибербезопасности позволяет сотрудникам распознавать фишинговые атаки и другие угрозы.

Безопасность сотрудников и клиентов

Обучение персонала

Регулярные тренинги по технике безопасности, оказанию первой помощи и действиям в экстренных ситуациях являются обязательными для всех сотрудников. Знание того, как действовать в кризисной ситуации, может спасти жизнь и минимизировать ущерб [7].

Пример. Сотрудники магазинов проходят обучение по технике безопасности, что позволяет им быстро реагировать на нештатные ситуации.

Создание комфортной среды

Обеспечение безопасных условий труда для сотрудников включает в себя не только физическую безопасность, но и психологический комфорт. Эргономичное оборудование и меры

по предотвращению стресса способствуют созданию положительной атмосферы на рабочем месте [8].

Пример. Внедрение эргономичного оборудования на рабочих местах способствует снижению стресса и повышению производительности.

Политика по предотвращению насилия

Разработка и внедрение политики по предотвращению насилия в торговых точках очень важна. Обучение сотрудников распознаванию признаков агрессии и правилам поведения в конфликтных ситуациях может помочь избежать серьезных инцидентов [9].

Пример. Разработка политики против насилия на рабочем месте позволяет создать безопасную атмосферу для сотрудников и клиентов.

Правовые аспекты

Соблюдение законодательства

Компании должны следить за изменениями в законодательстве, касающемся безопасности, чтобы избежать юридических последствий. Это включает в себя соблюдение норм по охране труда, защите персональных данных и антидискриминационным законам.

Пример. Компании должны соблюдать законы о защите персональных данных (например, GDPR в Европе), чтобы избежать штрафов и репутационных потерь.

Страхование рисков

Заключение договоров страхования для защиты от возможных убытков в случае кражи или ущерба также является важным аспектом безопасности. Страхование позволяет минимизировать финансовые потери и обеспечивает дополнительную защиту для бизнеса.

Пример. Страхование от кражи и ущерба позволяет бизнесу минимизировать финансовые потери в случае инцидентов [10].

Технологические решения

Автоматизация процессов

Использование современных технологий для автоматизации учета товаров и мониторинга запасов помогает снизить риски ошибок и краж. Автоматизированные системы могут обеспечить точный учет товаров и помочь предотвратить недостачу.

Пример. Использование автоматизированных систем учета товаров позволяет сократить количество ошибок и повысить эффективность работы.

Системы видеонаблюдения

Установка камер видеонаблюдения не только для контроля за ситуацией в магазине, но и для анализа поведения покупателей может стать эффективным инструментом безопасности. Эти системы позволяют отслеживать подозрительное поведение и быстро реагировать на инциденты.

Пример. Установка камер видеонаблюдения в магазинах помогает отслеживать подозрительное поведение покупателей и сотрудников.

Обеспечение безопасности в торговле – это многогранный процесс, требующий комплексного подхода. Эффективные меры безопасности помогают не только защитить активы бизнеса, но и создать доверительную атмосферу для клиентов. В условиях постоянно меняющегося рынка важно адаптировать стратегии безопасности и быть готовыми к новым вызовам. Инвестиции в безопасность – это инвестиции в устойчивое развитие бизнеса.

Можно сделать вывод, что безопасность в торговле – это не только вопрос защиты от угроз, но и создание комфортной среды для работы сотрудников и приятного опыта для клиентов. Каждая компания должна разработать индивидуальную стратегию безопасности, учитывающую ее специфику и потребности рынка.

Можно предложить следующее:

- Разработка программы обучения. Внедрить регулярные тренинги по кибербезопасности и технике безопасности для всех сотрудников.

- Создание кодекса поведения. Разработать и внедрить внутренний кодекс поведения, который будет включать правила по предотвращению насилия и недопустимого поведения на рабочем месте.

- Мониторинг и анализ рисков. Использовать современные технологии для регулярного мониторинга угроз и анализа рисков, что позволит своевременно реагировать на изменения.

- Юридические консультации. Организовать регулярные юридические консультации для обеспечения соблюдения актуального законодательства в области защиты персональных данных и корпоративной безопасности.

– Инвестиции в технологии. Рассмотреть возможность внедрения автоматизированных систем управления, которые помогут оптимизировать процессы и снизить вероятность ошибок.

Эти предложения помогут создать более безопасную и эффективную рабочую среду, способствуя устойчивому развитию организации.

Список использованной литературы

1. **Мальгин, Е. Л.** Актуальные аспекты обеспечения безопасности и охраны труда на складских помещениях / Е. Л. Мальгин, Е. Г. Шеметова, А. С. Штейнбрехер // Молодежь и XXI век – 2021 : материалы XI Междунар. молодеж. науч. конф., г. Курск, 18–19 февр. 2021 г. ; отв. ред. М. С. Разумов. – Курск, 2021.

2. **Анализ** данных по использованию на предприятиях безопасных здоровьесберегающих технологий, нацеленных на охрану труда работников / Е. Г. Шеметова, Е. Л. Мальгин, Л. В. Бузова [и др.] // Молодежь в науке и предпринимательстве : сб. науч. ст. X междунар. форума молодых ученых, Гомель, 21 мая 2021 г. / Бел. торгово-экон. ун-т потреб. кооп. ; редкол.: С. Н. Лебедева [и др.]. – Гомель : Бел. торгово-экон. ун-т потреб. кооп., 2021. – С. 197–200. – 1 CD-ROM.

3. **Шеметова, Е. Г.** Система 5S как система управления безопасностью труда / Е. Г. Шеметова, Е. Л. Мальгин, А. В. Фукс // Безопасность жизнедеятельности. – 2019. – № 12 (228). – С. 17–23.

4. **Шеметова, Е. Г.** Проведение соут на предприятиях – залог обеспечения безопасности труда / Е. Г. Шеметова, А. В. Богатова, Н. А. Буракова // Юность и знания – гарантия успеха – 2019 : сб. науч. тр. 6-й Междунар. молодеж. науч. конф., Курск, 18–19 сент. 2019 г. / Юго-Запад. гос. ун-т. – Курск, 2019. – С. 144–147.

5. **Фролова, А. С.** Обеспечение безопасности на рабочем месте офисного сотрудника / А. С. Фролова, С. И. Трунов, Е. Г. Шеметова // Молодежь и XXI век – 2021 : материалы XI Междунар. молодеж. науч. конф., г. Курск, 18–19 февр. 2021 г. ; отв. ред. М. С. Разумов. – Курск, 2021.

6. **Аспекты** обеспечения безопасности физического и психического здоровья при работе на предприятиях / К. Д. Харченко, Е. А. Шеметов, Е. Г. Шеметова, С. И. Трунов // Молодежь и XXI век – 2021 : материалы XI Междунар. молодеж. науч. конф., г. Курск, 18–19 февр. 2021 г. ; отв. ред. М. С. Разумов. – Курск, 2021.

7. **Шеметова, Е. Г.** Исследование освещенности рабочих мест студентов университета / Е. Г. Шеметова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 2-5 (62). – С. 118–121.

8. **Морозов, Н. В.** К вопросу создания безопасной акустической среды гомосферы и техносферы / Н. В. Морозов, Е. А. Шеметов, Е. Г. Шеметова // Интеллектуальный потенциал Сибири : материалы 28-й Регион. науч. студенч. конф. ; под. ред. Д. О. Соколовой. – 2020.

9. **Шеметова, Е. Г.** О безопасных эффективных мерах минимизации акустических загрязнений в мегаполисе (будущее) / Е. Г. Шеметова, В. Е. Овчинникова // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – Т. 4. – С. 228.

10. **Безопасность** труда в агропромышленном комплексе и «регуляторная гильотина» / Е. Л. Мальгин, В. Ю. Листков, А. В. Деревянкин, Е. Г. Шеметова // Вестник аграрной науки Дона. – 2024. – Т. 17, № 3 (67). – С. 84–96.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬЮ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ТОВАРОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

В статье проведен комплексный анализ факторов, формирующих конкурентоспособность товаров на современном рынке. Рассмотрены теоретические основы товароведения, классификация потребительских свойств и методов оценки качества. Особое внимание уделено практическому анализу конкурентных характеристик молотого кофе. Обоснована значимость товарной экспертизы как инструмента защиты интересов участников рынка, предложены пути повышения рыночной устойчивости продукции.

The article provides a comprehensive analysis of the factors that shape the competitiveness of goods in the modern market. It examines the theoretical foundations of commodity science, the classification of consumer properties, and the methods of quality assessment. Special attention is given to the practical analysis of the competitive characteristics of ground coffee. The article substantiates the importance of commodity expertise as a tool for protecting the interests of market participants, suggests ways to enhance the market stability of products.

Ключевые слова: товароведение; экспертиза качества; конкурентоспособность; потребительские свойства; молотый кофе; управление качеством.

Key words: commodity science; quality control; competitiveness; consumer properties; ground coffee; quality management.

Трансформация современной мировой экономики в сторону социально ориентированной рыночной модели коренным образом меняет парадигму конкурентной борьбы. В условиях товарного перенасыщения и высокой степени технологической стандартизации производственных процессов обеспечение базовых качественных характеристик продукции перестает быть единственным и достаточным фактором рыночного успеха. В современной маркетинговой среде стратегическое преимущество получают организации, способные не просто произвести товар, соответствующий техническим регламентам, но и эффективно управлять процессом его восприятия в сознании конечного потребителя.

Переход от управления физическими свойствами продукта к управлению его комплексной потребительской ценностью требует глубокого междисциплинарного анализа на стыке классического товароведения и психологии рыночного поведения. В связи с этим возрастает значение изучения нематериальных стимулов, которые, не меняя объективных характеристик изделия, радикально трансформируют эмоциональный фон покупки. Использование подобных микромаркетинговых инструментов, включая создание эффектов дополнительной выгоды и «бонусной» удовлетворенности, подтверждает гипотезу о том, что современная конкурентоспособность является производной не только от технологического совершенства, но и от глубины понимания поведенческих драйверов лояльности.

В данном контексте научное осмысление факторов, формирующих качество, требует синтеза традиционных товароведческих подходов и современных стратегий позиционирования. Системное изучение потребительских свойств, нормативно-правового обеспечения экспертизы и методов оценки конкурентного потенциала позволяет выработать эффективные механизмы адаптации организаций к волатильному спросу. Исследование этих процессов на примере конкретных сегментов продовольственного рынка, в частности, молотого кофе, дает возможность апробировать теоретические выкладки и определить наиболее устойчивые модели развития торгового ассортимента в условиях цифровизации и глобализации рыночного пространства.

Товароведение как фундаментальная научная дисциплина в системе торгового образования обеспечивает методологическую базу для изучения потребительской ценности товаров и факторов ее сохранения на всех этапах жизненного цикла. Современная концепция товароведения трансформируется от простой классификации и описания свойств к управлению качеством как инструменту стратегического маркетинга. В основе этой трансформации лежит глубокое

понимание структуры потребительских свойств, которые определяют способность товара удовлетворять конкретные человеческие потребности.

Классификация потребительских свойств включает несколько иерархических уровней. К базовым относятся функциональные свойства, определяющие целевое назначение продукта. Однако в условиях рыночного перенасыщения на первый план выходят эргономические и эстетические свойства, формирующие удобство эксплуатации и визуальную привлекательность. Особое значение в последние годы приобретает группа свойств надежности, характеризующая безотказность и долговечность, что напрямую коррелирует с экономической эффективностью покупки для конечного потребителя [1].

Современный этап развития товароведения характеризуется интеграцией принципов устойчивого развития и экологической безопасности. Экологические свойства товара сегодня рассматриваются не как дополнительные, а как критически важные. Это включает в себя оценку «углеродного следа», возможность вторичной переработки упаковки и отсутствие вредных миграций химических веществ в процессе использования. Актуальным трендом является переход к экономике замкнутого цикла (*circular economy*), где товароведная оценка охватывает не только период эксплуатации, но и этап утилизации продукции.

Формирование качества происходит под воздействием комплекса факторов, которые принято разделять на формирующие и сохраняющие. К формирующим факторам относятся качество исходного сырья, совершенство проектных решений и строгость соблюдения технологических регламентов производства. Сохраняющие факторы – упаковка, условия транспортирования и режимы хранения – играют решающую роль в поддержании исходных свойств продукции до момента ее попадания к потребителю. Применение инновационных упаковочных материалов, таких как биоразлагаемые полимеры и умная упаковка с индикаторами свежести, позволяет существенно продлить сроки годности и минимизировать товарные потери.

Оценка качества в современной практике базируется на сочетании различных методов, выбор которых зависит от целей исследования и специфики объекта.

Органолептический метод остается незаменимым для оценки сенсорных характеристик (вкус, запах, консистенция), особенно в сегменте продовольственных товаров.

Инструментальные (лабораторные) методы обеспечивают высокую точность и объективность, позволяя выявлять скрытые дефекты и фальсификацию на молекулярном уровне.

Экспертный метод применяется при комплексной оценке сложных эстетических или эргономических показателей, где требуется профессиональный опыт и интуиция.

Инновационным направлением в оценке качества является внедрение систем цифровой прослеживаемости. Использование QR-кодирования и технологий блокчейн позволяет потребителю и эксперту в режиме реального времени получать доступ к «цифровому паспорту» товара, содержащему данные о происхождении сырья, результатах лабораторных испытаний и соблюдении температурного режима в логистической цепи. Такой подход не только повышает доверие к бренду, но и служит эффективным механизмом борьбы с контрафактной продукцией, обеспечивая прозрачность и безопасность рыночного оборота.

Следовательно, теоретический базис товароведения сегодня не ограничивается статичным изучением характеристик, а представляет собой динамическую систему мониторинга и управления ценностью товара, адаптированную к требованиям цифровой экономики и экологическим вызовам современности [2].

Эффективное функционирование потребительского рынка Республики Беларусь опирается на строго детерминированную систему нормативного регулирования, которая гармонизирована с принципами международного права и требованиями Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Данная система выступает гарантом качества продукции и инструментом защиты национальных интересов в сфере экономической безопасности.

Основополагающую роль в регулировании играют Технические регламенты Таможенного союза (ТР ТС) и Евразийского экономического союза (ТР ЕАЭС), имеющие прямое действие на территории республики. Для сегмента продовольственных товаров, рассматриваемых в данной работе, ключевое значение имеют следующие:

- ТР ТС 021/2011 «О безопасности пищевой продукции», устанавливающий обязательные требования к процессам производства, хранения и реализации.

- ТР ТС 022/2011 «Пищевая продукция в части ее маркировки», регламентирующий полноту и достоверность информации для потребителя.

- ТР ТС 029/2012 «Требования безопасности пищевых добавок, ароматизаторов и технологических вспомогательных средств», устанавливающий требования безопасности пищевых

добавок и ароматизаторов, что актуально для переработки кофе и производства кофейных напитков.

На национальном уровне система регулирования базируется на Законе Республики Беларусь «О техническом нормировании и стандартизации» от 5 января 2004 г. № 262-З. Ведущую роль в обеспечении качества играют государственные стандарты (СТБ) и межгосударственные стандарты (ГОСТ), принятые в республике. В частности, оценка качества молотого кофе осуществляется в соответствии с требованиями ГОСТ 32775-2014 «Кофе жареный. Общие технические условия», который устанавливает четкие органолептические и физико-химические параметры продукции.

Важнейшим институциональным инструментом в этой системе является товарная экспертиза. В Республике Беларусь она проводится аттестованными экспертами в соответствии с методологией, утвержденной Белорусской торгово-промышленной палатой и Государственным комитетом по стандартизации Республики Беларусь. Экспертиза в национальном контексте выполняет ряд критических функций:

- Идентификация и выявление фальсификата. В условиях открытости границ ЕАЭС экспертиза позволяет подтвердить подлинность происхождения товара (включая проверку сертификатов формы СТ-1) и соответствие его состава заявленному в маркировке.

- Контроль безопасности. Подтверждение отсутствия в продукции токсичных элементов, пестицидов и микотоксинов согласно гигиеническим нормативам, утвержденным Министерством здравоохранения Республики Беларусь.

- Оценка конкурентоспособности. Экспертное заключение о качестве товара служит основанием для его позиционирования в различных ценовых сегментах (от масс-маркета до премиум-класса).

Актуальным направлением совершенствования регулирования в Республике Беларусь является внедрение национальной системы маркировки и прослеживаемости товаров «Электронный знак». Применение средств идентификации (Data Matrix кодов) позволяет обеспечить прозрачность логистической цепи и дает экспертам и потребителям доступ к верифицированным данным о качестве каждой единицы продукции в режиме реального времени.

Таким образом, сформированная в Республике Беларусь нормативно-правовая база и институты товарной экспертизы создают объективный фундамент для оценки потребительских свойств продукции. Однако теоретическое соответствие стандартам является лишь необходимым минимумом, в то время как реальная конкурентоспособность товара на перенасыщенном рынке определяется более сложным синтезом качественных характеристик и маркетингового позиционирования. Для детального изучения этого механизма целесообразно перейти от общетеоретических положений к прикладному анализу конкретной товарной группы, обладающей высокой степенью потребительской лояльности и сложной структурой формирования качества, – молотому натуральному кофе.

Молотый кофе представляет собой объект с многофакторной моделью формирования потребительской ценности. Его конкурентоспособность на белорусском рынке определяется не только строгим соблюдением требований ГОСТ 32775-2014 «Кофе жареный. Общие технические условия», но и способностью производителя адаптировать органолептические профили продукта под меняющиеся предпочтения потребителей.

Оценка качества молотого кофе в рамках товароведной экспертизы базируется на комплексном анализе, включающем три ключевых блока показателей:

- Органолептический анализ является определяющим для потребителя. Оценивается интенсивность и чистота аромата, полнота вкуса, наличие специфических оттенков (кислинка, горчинка, сладость) и отсутствие посторонних привкусов. Согласно современным трендам, эксперты все чаще используют протоколы SCA (Specialty Coffee Association) для более тонкой дифференциации качества.

- Физико-химические показатели включают контроль массовой доли влаги (не более 4,5% по стандарту), экстрактивных веществ, кофеина и степени помола. Равномерность помола напрямую влияет на процесс экстракции, стабильность вкусовых характеристик продукта, что является критическим фактором для сегмента «HoReCa» и домашних условий заваривания.

- Микробиологическая и токсикологическая безопасность – проверка на содержание микотоксинов (в частности, охратоксина А) и тяжелых металлов в соответствии с требованиями ТР ТС 021/2011 «О безопасности пищевой продукции».

Конкурентный ландшафт рынка молотого кофе в Республике Беларусь характеризуется высокой интенсивностью. Продукция четко дифференцируется по сырьевому составу и глубине обжарки.

Сырьевой состав. Использование 100%-ной арабики обеспечивает продукту статус премиального за счет сложной ароматики. Включение робусты (от 10 до 50%) позволяет не только снизить себестоимость, но и повысить крепость напитка, что востребовано в масс-маркет сегменте. Конкурентоспособность здесь достигается за счет стабильности купажа (смеси).

Упаковочные решения. Важнейшим фактором сохранения конкурентоспособности после производства является барьерная защита. Применение многослойных вакуумных упаковок с дегазационным клапаном позволяет сохранить ароматические масла и предотвратить окисление, что продлевает «пик вкуса» товара и повышает его ценность в глазах покупателя.

В условиях цифровизации и избыточного предложения молотого кофе конкурентная борьба смещается в область эмоционального восприятия. Исследование показывает, что при схожих качественных показателях (согласно протоколам экспертизы) потребитель отдает предпочтение брендам, использующим инструменты «дополненной ценности».

Внедрение элементов геймификации, бонусных вложений (например, упомянутый ранее «эффект второго пакетика» или пробник нового сорта) и эстетически привлекательного дизайна упаковки в стиле минимализма формирует более высокий индекс лояльности. Таким образом, конкурентоспособность молотого кофе сегодня – это интегральный показатель, где техническое совершенство продукта, подтвержденное нормативной базой Республики Беларусь, усиливается грамотной коммуникационной стратегией и управлением потребительским опытом [3].

Подводя итоги, можно констатировать, что в условиях современного рынка Республики Беларусь управление конкурентоспособностью трансформируется из сугубо технического процесса в комплексную систему управления потребительской ценностью, где строгое соблюдение нормативно-правовой базы ЕАЭС и национальных стандартов (СТБ, ГОСТ) выступает лишь необходимым фундаментом. Проведенный анализ на примере сегмента молотого кофе наглядно подтверждает, что в период товарного перенасыщения рыночная устойчивость обеспечивается синергией объективного качества, подтвержденного товарной экспертизой и цифровыми системами прослеживаемости, эффективного использования нематериальных стимулов, воздействующих на психологические триггеры лояльности. Таким образом, повышение конкурентного потенциала отечественных товаров требует от производителей перехода к динамической модели контроля, сочетающей технологическое совершенство продукции с инновационными маркетинговыми инструментами и глубокой адаптацией к вызовам цифровой экономики.

Список использованной литературы

1. **Котлер, Ф.** Маркетинг менеджмент / Ф. Котлер, К. Л. Келлер ; [пер. с англ. С. Жильцова]. – 15-е изд. – СПб. : Питер, 2016. – 847 с.
2. **Системы** менеджмента качества. Основные положения и словарь = Quality management systems. Fundamentals and vocabulary : ISO 9000:2015. – 6-е изд. ; введ. 15.09.2015. – Женева : Междунар. орг. по стандартизации (ISO), 2015. – 51 с.
3. **Портер, М.** Конкурентное преимущество: как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость / М. Портер ; [пер. с англ. Е. Калининой]. – 4-е изд. – М. : Альпина Паблишер, 2017. – 715 с.

АНАЛИЗ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Розничная торговля является одним из ключевых индикаторов уровня жизни населения и драйвером экономического развития региона. В данной статье представлены результаты анализа эффективности функционирования розничной торговли г. Новосибирска и Новосибирской области за пятилетний период (2021–2025 гг.). Основная цель работы – оценить, насколько торговая отрасль региона отвечает интересам конечных потребителей и соответствует стратегическим задачам органов государственной и исполнительной власти.

Retail trade is one of the key indicators of the standard of living of the population and a driver of the economic development of the region. This article presents the results of the analysis of the efficiency of retail trade in Novosibirsk and the Novosibirsk region for a five-year period (2021–2025). The main goal of the work is to assess how the trade industry of the region meets the interests of end consumers and corresponds to the strategic tasks of state and executive authorities.

Ключевые слова: розничная торговля; динамика; торговый оборот; тенденции; эффективность.

Key words: retail; dynamics; trade volume; trends; efficiency.

Целью данной работы является проведение анализа эффективности функционирования розничной торговли на мезоуровне (на примере г. Новосибирска и Новосибирской области) с позиций потребителей и органов государственной и исполнительной власти.

Для потребителя главным критерием эффективности выступает целесообразность, т. е. физическая и ценовая доступность товаров, широта выбора и комфорт совершения покупок. Обеспеченность торговыми площадями является интегральным показателем доступности товаров. Анализ динамики за 5 лет позволяет выявить тренды развития инфраструктуры (таблица 1).

Таблица 1 – Динамика обеспеченности торговыми площадями в Новосибирской области

Год	Обеспеченность площадью стационарных торговых объектов, м ² / 1 000 человек	Средняя площадь вводимых торговых центров, тыс. м ²
2021	554,1	23,0
2022	554,1	20,0
2023	566,9	15,0
2024	566,9	12,0
2025	609,4	9,0
Изменение 2025 г. 2021 г., %	+10,0	–60,9

За пятилетний период обеспеченность населения торговыми площадями выросла на 10%, достигнув к 2025 г. планового показателя в 609,4 м² на 1 000 жителей. Это выше среднероссийского уровня и свидетельствует о насыщении рынка.

Качественно изменилась структура ввода новых площадей. По данным таблицы 1 можно сделать вывод, что средняя площадь вводимых торговых центров сократилась в 2,5 раза – с 23 тыс. м² в 2021 г. до 9 тыс. м² в 2025 г. [1]. Для потребителя это означает переход от стратегии «мегамоллов» к формату «торговых центров шаговой доступности» (районных и микро-районных), что повышает удобство повседневных покупок.

Количество хозяйствующих субъектов в торговле является маркером конкурентной среды. В таблице 2 показана динамика числа юридических лиц в регионе. Наблюдается устойчивое снижение количества юридических лиц (обществ с ограниченной ответственностью (ООО) в регионе (–10,7% за 5 лет) при относительной стабилизации числа индивидуальных предпринимателей [2]. С точки зрения потребителя, это означает консолидацию рынка: малый бизнес (ООО) либо уходит с рынка, либо поглощается более крупными сетями, либо переходит в статус индивидуальных предпринимателей. Это может приводить к унификации ассортимента, но одновременно повышает стандарты качества обслуживания и соблюдения санитарных норм, так как крупные сети работают в правовом поле более жестко.

Таблица 2 – Динамика количества коммерческих организаций в Новосибирской области

Год	2021	2022	2023	2024	2025
Всего коммерческих организаций	65 701	63 815	61 698	60 152	58 653
В том числе ООО	64 626	62 777	60 713	59 178	57 683
Индивидуальные предприниматели	66 540	67 210	67 890	66 540	66 260

Доля сетевой торговли в обороте розницы – важнейший индикатор цивилизованности рынка. Доля сетевых организаций в обороте розницы устойчиво превышает 60% и имеет тенденцию к росту (таблица 3). Доля розничных рынков при этом сократилась до минимальных значений (менее 1%). Это позитивный тренд для потребителя: снижаются риски приобретения контрафактной и несертифицированной продукции.

Таблица 3 – Доля оборота розничной торговли крупных и средних организаций (сетевой сегмент) в общем обороте, %

Год	2021	2022	2023	2024	2025
Доля крупных и средних организаций	58,8	59,3	60,7	61,1	62,5

Потребительский рынок г. Новосибирска характеризуется высокой плотностью игроков. По состоянию на 2024–2025 гг. в городе представлены все ключевые федеральные и локальные сети: X5 Group («Пятерочка», «Чижик», «Перекресток») – лидер с выручкой более 42 млрд р.; группа «Лента» («Лента», «Монетка»); «Магнит» и «Мария Ра»; Mercury Retail («Красное&Белое», «Бристоль»); локальный дискаунтер «Ярче!».

С позиций потребителя торговая отрасль Новосибирской области функционирует эффективно. За 5 лет выросла общая обеспеченность площадями, рынок консолидировался в пользу цивилизованных сетевых форматов, точечная настройка нестационарных торговых объектов обеспечивает сохранение шаговой доступности.

Для государства эффективность торговли измеряется ее вкладом в экономику и соответствием стратегическим целям развития территории. Ключевым показателем результативности отрасли является динамика оборота розничной торговли. Данные за 5 лет демонстрируют устойчивый рост, несмотря на макроэкономические вызовы 2022 г. (таблица 4).

Таблица 4 – Динамика оборота розничной торговли Новосибирской области

Год	Оборот розничной торговли, млрд р.	Темп роста (в сопоставимых ценах), % к предыдущему году
2021	780,0	105,5
2022	820,0	98,5
2023	968,0	106,2
2024	1 080,0	111,5
2025	1 180,0	103,5

2023–2024 гг. стали периодом восстановительного роста. В 2024 г. оборот впервые превысил 1 трлн р. (+11,5% в сопоставимых ценах), что вывело область в лидеры Сибирского федерального округа. В 2025 г. темпы роста замедлились до 3–4%, что связано с эффектом «высокой базы» и охлаждением потребительского кредитования, однако абсолютный показатель продолжает увеличиваться [3].

Новосибирская область стабильно занимает первое место в Сибирском федеральном округе по обороту на душу населения, опережая Красноярский край и другие промышленно развитые регионы [4]. Это свидетельствует о высокой деловой активности и развитой сфере услуг. Структура оборота показывает стабильное преобладание непродовольственного сектора (более 53%), что характерно для регионов с развитой экономикой. Рост доли продовольствия в 2025 г. до 46,9% может косвенно указывать на некоторое смещение потребительских предпочтений в сторону товаров первой необходимости (таблица 5).

Таблица 5 – Структура оборота розничной торговли продовольственными и непродовольственными товарами

Год	2021	2022	2023	2024	2025
Продовольственные товары	45,0	46,5	45,7	45,5	46,9
Непродовольственные товары	55,0	53,5	54,3	54,5	53,1

Торговля является одним из крупнейших доноров бюджетной системы региона, обеспечивая поступления по налогу на прибыль, налогу на доходы физических лиц и налогам на совокупный доход (упрощенная система налогообложения). Несмотря на то, что торговля пользуется мерами государственной поддержки (субсидии на развитие ярмарок, поддержка торговли в отдаленных селах – рост бюджета программы с 10,5 до 14,6 млн р.), фискальная отдача от отрасли многократно превышает эти вложения. Высокая доля крупных налогоплательщиков (X5, «Лента», «Магнит») обеспечивает стабильность поступлений в областной бюджет.

Следует отметить ключевые тенденции 2021–2025 гг. в области развития розничной торговли Новосибирской области:

- Цифровизация. Оборот онлайн-торговли вырос почти в 2 раза, превысив 100 млрд р. Это потребовало от властей адаптации нормативной базы и поддержки логистической инфраструктуры.

- Импортозамещение в ретейле. После ухода западных брендов в 2022 г. освободилось около 2,8 млн м² площадей по Российской Федерации. Рынок г. Новосибирска полностью адаптировался: площади были замещены новыми российскими брендами и маркетплейсами. К 2025 г. вакантность в торговых центрах снизилась до нормативных 5–6% [5].

- Поддержка локального производства. Проект «Сделано в Новосибирской области» увеличил количество позиций в 2 раза, что способствует импортозамещению и росту налоговой базы.

Розничная торговля региона демонстрирует высокую эффективность: достигнут триллионный рубеж оборота, отрасль адаптировалась к структурным изменениям рынка, обеспечен рост налоговых поступлений, модернизирована инфраструктура. Таким образом, анализ эффективности функционирования розничной торговли г. Новосибирска и Новосибирской области за период 2021–2025 гг. позволяет сделать следующие выводы:

- Потребительская среда. За пять лет регион прошел путь от стагнации к насыщению. Сокращение числа юридических лиц компенсируется ростом качества и стандартизации сервиса со стороны крупных сетей. Изменение форматов ввода торговых центров (от гипер- к районным) полностью отвечает запросу на комфорт и экономию времени.

- Экономическая устойчивость. Несмотря на шок 2022 г., отрасль не только восстановилась, но и вышла на рекордные показатели (1 трлн р. оборота). Структурные изменения (уход иностранных брендов) были успешно компенсированы ростом локальных и федеральных игроков.

- Государственное управление. Реализуемые программы («Сделано в Новосибирской области», регулирование, поддержка ярмарок) доказали свою эффективность. Высокая доля сетевой торговли обеспечивает предсказуемость налоговых поступлений, что позволяет планировать бюджет развития региона.

Учитывая результаты проведенного анализа, а также текущую социально-экономическую ситуацию в стране и регионе, можно обозначить следующие перспективы развития розничной торговли Новосибирской области на 2026–2030 гг.:

- Дальнейшее развитие мультиканальности (офлайн, онлайн) и интеграция маркетплейсов в физическое пространство города.

- Рост обеспеченности торговыми площадями до целевых 700 м² на 1 000 жителей.

- Усиление роли вендинга и автоматизированной торговли как элемента нестационарных торговых объектов.

- Цифровизация контрольно-надзорной деятельности для снижения административной нагрузки на добросовестный бизнес.

Список использованной литературы

1. Средняя площадь новых торговых центров продолжает уменьшаться // Bn.ru. – URL: <https://54.bn.ru/news/2025/10/29/283913.html> (дата обращения: 23.03.2026).

2. **Статистика** по компаниям Новосибирска // СПАРК-Интерфакс. – URL: <https://spark-interfax.ru/statistics/city/50401000000> (дата обращения: 23.03.2026).
3. **Оборот** розничной торговли в Новосибирской области превысил 1 трлн р. // Эксперт Сибирь и Дальний Восток. – URL: <https://expertsibdv.com/news/oborot-roznichnoy-torgovli-v-novosibirskoy-oblasti-prevysil-1-trln-rublej/?ysclid=mn622sy3n3172072591> (дата обращения: 23.03.2026).
4. **Новосибирская** область стала первой в СФО по обороту розничной торговли // РБК Новосибирск. – URL: <https://nsk.rbc.ru/nsk/13/11/2025/69156bde9a79478c3b5f36e6?ysclid=mn62054cj2655334407> (дата обращения: 23.03.2026).
5. **Мировым** брендам возвращаться некуда: аналитики посчитали торговые площади в Новосибирске // Федерал Пресс. – URL: <https://fedpress.ru/article/3367212> (дата обращения: 23.03.2026).

VI. ТОВАРОВЕДЕНИЕ, ЭКСПЕРТИЗА, КАЧЕСТВО И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ТОВАРОВ

УДК 66.022.38

Е. Л. Антонова (viramaina3@yandex.by),
магистр

В. Е. Сыцко (tovarovedenie123@gmail.com),
д-р техн. наук, профессор
Белорусский торгово-экономический
университет потребительской кооперации
г. Гомель, Республика Беларусь

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПОВТОРНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛИМЕРНЫХ ОТХОДОВ

В статье рассматривается экономическая проблема переработки и использования полимерных материалов.

The article discusses the economic problem of recycling and using polymer materials.

Ключевые слова: отходы; полимеры; переработка.

Key words: waste; polymers; recycling.

В настоящее время в мире наблюдается устойчивая тенденция увеличения исследований использования вторичных полимерных материалов в различных отраслях промышленности. В связи с увеличением объемов отходов производства, объектов общественного питания, учебных заведений, бытового сектора и т. д., имеет особое значение изучение новых технологий переработки. Процесс получения вторичных изделий представляет собой измельчение и дальнейшее смешивание переработанных материалов в различных пропорциях.

В Беларуси утверждена Национальная стратегия развития экономики замкнутого цикла до 2035 года. Базовый принцип циркулярной экономики следующий: добывай, производи, используй повторно. Одна из задач – увеличение уровня повторного использования твердых коммунальных отходов до 90%. Достичь такой высокой планки возможно только при условии внедрения прорывных технологий. Примером является завод по переработке вторичных ресурсов «Восточный». Здесь впервые в стране был использован искусственный интеллект для сортировки твердых бытовых отходов.

Производственные площадки завода по переработке вторичных ресурсов «Восточный» расположены в Могилёве и районном центре Круглое. Вторая – более масштабная: 17 тыс., 94 работника. Заводом ежегодно перерабатывается около 7 тыс. т полимерных отходов: ПЭТ-бутылки, отходы пластмасс, пленки. Сырье закупают у коммунальщиков со всей республики. Полимерных отходов около 200 видов, каждый из них требует особых условий переработки, поэтому качество конечного продукта во многом зависит от сортировки. К примеру, чтобы получать высокомаржинальную продукцию, ПЭТ-бутылки сортируют отдельно по цветам.

Главное преимущество нового аппаратного комплекса автоматической сортировки, созданного на основе искусственного интеллекта, видно невооруженным глазом. На старой линии работают 15 человек и сортируют отходы пластика вручную. На инновационном комплексе за всех работает робот. Нейросеть распознает объекты по заложенным в нее фотографиям с примерами образцов. Обучение искусственного интеллекта происходит постоянно путем аккумуляции миллионов фотографий потока отходов других заводов, в том числе российских. По прогнозам специалистов, срок окупаемости – год, а выпуск более качественной продукции повысит доходность по входящему сырью до 30%.

Инновационное предприятие – большое подспорье для небольшого районного центра с населением около 7 000 человек. В 2008 г. помещение под производство приобрели за одну базовую величину. Сегодня в объемах промышленного производства всего района доля предприятия – почти половина, в экспорте товаров – 28%. К примеру, из вторичного сырья создают пластиковые детали для белорусских тракторов, комбайнов, автомобилей. Данное предприятие единственное на постсоветском пространстве, которое производит мастербатч – концентраты красителей из вторичных полимеров. Здесь подготавливают сырье, смешивают с нужными добавками и присадками и получают качественный композит. Идет постоянное обновление оборудования. В рамках инициативы «Один район – один проект» была установлена новая линия гранулирования, которая дает вторую жизнь широкому спектру полимеров. На заводе «Восточный» впервые в стране был реализован инвестиционный проект по производству RDF-топлива из смеси полимеров. Отгружается продукция в открытое акционерное общество «Красносельскстройматериалы».

За рубежом большинство компаний используют свои технологии и практический опыт применения вторичных композиционных материалов для изделий гражданских отраслей. В Республике Беларусь в большей степени используется импортное и дорогостоящее полимерное сырье. Разработка новых методов рециклинга вторичных полимеров внесет определенный вклад для национальной экономики страны. Развитие новых технологий переработки и их дальнейшего использования позволит реализовать ряд новых преимуществ: снижение потребности промышленности в первичных ресурсах, снижение объемов выбросов и отходов производства, а также экономическая эффективность производства.

В нижеприведенной таблице показаны статистические данные отходов в Республике Беларусь за 2020–2024 гг.

Образование отходов

Источник образования отходов	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Сельское хозяйство, лесоводство и рыболовство, 1 000 т/год	997,1	702,4	702,8	681,2	715,6
Горнодобывающая промышленность, 1 000 т/год	455,9	1 670,8	1 675,6	630,3	528,1
Обрабатывающая промышленность, 1 000 т/год	50 016,6	50 506,8	27 890,6	40 046,2	43 978,9
Снабжение электричеством, газом, паром и кондиционированным воздухом, 1 000 т/год	499,3	511,3	561,0	618,8	668,3
Строительство, 1 000 т/год	1 857,0	1 756,9	1 713,2	2 088,9	2 338,2
Другие виды экономической деятельности, 1 000 т/год	7 357,7	7 101,8	6 617,3	6 338,6	7 119,0
Всего образовано отходов производства, 1 000 т/год	61 183,4	62 250,0	39 160,5	50 404,0	55 348,1
Образование твердых коммунальных отходов, 1 000 т/год	4 070,4	3 970,2	3 994,3	3 982,6	4 263,0
Население страны, млн человек	9,4	9,3	9,2	9,2	9,1
Отходы производства на душу населения, кг/человек	6 522,8	6 691,7	4 243,6	5 491,6	6 060,5
Твердые коммунальные отходы на душу населения, кг/человек	433,9	426,8	432,8	433,9	466,8
Валовой внутренний продукт в текущих ценах (ВВП), млрд р.	149,7	176,9	193,7	218,0	246,6
Отходы производства на единицу ВВП, кг/млн р.	0,41	0,35	0,20	0,23	0,22
Твердые коммунальные отходы на единицу ВВП, кг/млн р.	0,03	0,02	0,02	0,02	0,02
ВВП по паритету покупательной способности в сопоставимых ценах (2021 г.) по данным Всемирного банка на 1 июля 2025 г., млрд долл. США	250,7	256,9	244,9	255,0	265,2
Отходы производства на единицу ВВП, кг/тыс. долл. США	244,0	242,4	159,9	197,7	208,7
Твердые коммунальные отходы на единицу ВВП, кг/тыс. долл. США	16,2	15,5	16,3	15,6	16,1

Анализ таблицы со статистическими данными показывает, что общее количество отходов производства в 2020 г. составило 61 183,4 т/год, к концу 2024 г. составило 55 348,1 т/год. В 2020 г. было образовано 4 070,4 т/год твердых коммунальных отходов, к концу 2024 г. составило 4 263,0 т/год [1].

Авторами было проведено исследование, целью которого было изучение влияния недорогих и общедоступных антипиренов на свойства древесно-полимерных материалов. Была поставлена задача изготовления образцов из полипропилена с добавлением следующих антипиренов:

– гидроксид алюминия (ГОСТ 11841-76 «Реактивы. Алюминия гидроокись. Технические условия»);
– гидроксид магния (ГОСТ 34444-2018 «Наноматериалы. Магний гидроксид наноструктурированный. Технические требования и методы измерений (анализа)»);
– борат цинка (ТУ 11307-015-91);
– меламин (ГОСТ 7579-76 «Меламин. Технические условия»);
– полифосфат аммония (ГОСТ 12.1.007-76 «Система стандартов безопасности труда. Вредные вещества. Классификация и общие требования безопасности») [1].

При проведении эксперимента гранулы полипропилена были измельчены, затем смешены с антипиренами в различном процентном соотношении. Далее состав высыпали в формы 15×3,5 см, под горячим прессом, с температурой от 190 до 230 °С, проводилось формование образцов. Плотность менялась от 15 до 50 ед. (0,7–2,2 Мпа), время прессования составляло 3–5 минут. В дальнейшем над полученными образцами проводились физико-механические испытания.

Были проверены прочность на изгиб (Н/мм²), модуль упругости (Н/мм²). Прочность при изгибе является мерой, которая показывает, насколько гибок материал, какова жесткость материала. Характерными показателями материала, подверженного изгибающим нагрузкам, выступают значения максимального напряжения и деформации на наружной поверхности образца [2–4].

После проведенных физико-механических испытаний образцов сделан вывод, что наиболее прочными являются образцы с содержанием такого антипирена как меламин. Прочность образца ниже при большом количестве добавок в смеси. Можно сделать выводы о необходимости корректировки процентного соотношения компонентов. Для каждого состава необходимы определенные условия прессования (время, температура плавления и давление). Сделан вывод, что наличие в смеси двух и более веществ будет способствовать достижению большего эффекта.

Систему управления отходами в стране необходимо совершенствовать: переход к зеленой экономике требует значительных инвестиций в разработку новых технологий, в основные средства действующих предприятий для перехода на использование вторичного сырья, а также на поддержку предприятий переработчиков.

Список использованной литературы

1. **Халтуринский, Н. А.** Горение полимеров и механизмы действия антипиренов / Н. А. Халтуринский, Т. В. Попова, А. А. Берлин // Успехи химии. – 1984. – Т. 53. – Вып. 2. – С. 326–346.
2. **Физическая** химия полимерных композиций / под ред. Ю. С. Липатова. – Киев : Науч. мысль, 1974. – 184 с.
3. **Снегирёв, А. Ю.** Автокатализ при термическом разложении полимеров, деградация и стабильность полимера / А. Ю. Снегирёв. – 2017. – № 137. – С. 151–161.
4. **Макнил, И. К.** Полимерная наука / И. К. Макнил // Химическое издание. – 1978. – № 16. – С. 95.

РОЛЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ УПАКОВКИ

В статье рассматривается роль искусственного интеллекта в цифровой трансформации потребительской упаковки. Показано, как искусственный интеллект превращает упаковку из пассивной защитной оболочки в многофункциональный инструмент контроля, маркетинга, логистики и взаимодействия с потребителем. Проанализированы ключевые направления внедрения искусственного интеллекта: контроль качества и автоматизация на базе компьютерного зрения, оптимизация логистики и цепочек поставок, разработка умной упаковки с датчиками и системами отслеживания, создание экологичных материалов и оценка жизненного цикла продукции, а также генерация дизайна и персонализация упаковки под запросы потребителей. Отдельное внимание уделено преимуществам внедрения искусственного интеллекта – экономической выгоде, экологическому эффекту и операционной эффективности. Приведены данные о динамике роста рынка искусственного интеллекта, его сегментации по типам упаковки, технологиям, отраслям и регионам.

This article examines the role of artificial intelligence in the digital transformation of consumer packaging. It demonstrates how artificial intelligence is transforming packaging from a passive protective shell into a multifunctional tool for control, marketing, logistics, and consumer engagement. Key areas of artificial intelligence implementation are analyzed: quality control and automation based on computer vision, optimization of logistics and supply chains, development of smart packaging with sensors and tracking systems, creation of eco-friendly materials and product life cycle assessment, as well as design generation and personalization of packaging based on consumer needs. Special attention is given to the advantages of artificial intelligence implementation – economic benefits, environmental impact, and operational efficiency. Data on the growth dynamics of the artificial intelligence market, its segmentation by packaging type, technology, industry, and region are provided.

Ключевые слова: искусственный интеллект; умная упаковка; интерактивная упаковка; цифровая трансформация; компьютерное зрение; персонализация упаковки; датчики RFID; NFC; QR-коды; активная упаковка; интеллектуальная упаковка.

Key words: artificial intelligence; smart packaging; interactive packaging; digital transformation; computer vision; packaging personalization; RFID sensors; NFC; QR codes; active packaging; intelligent packaging.

В настоящее время упаковочная отрасль выходит за рамки традиционных задач пассивной защиты товара и придания ему эстетичной формы. Драйвером серьезных изменений выступают цифровые технологии, а в эпицентре этого процесса находятся интеллектуальные упаковочные решения, функционирующие на основе искусственного интеллекта (ИИ) [1].

Цифровая трансформация привела к возникновению умной и интерактивной упаковки, объединяющей датчики, электронные метки и аналитические модули, которые позволяют отслеживать состояние продукции, контролировать ее перемещение и выстраивать более тесное взаимодействие с конечным пользователем. Параллельно с этим алгоритмы ИИ становятся катализатором технологических инноваций: они дают компаниям возможность более точно прогнозировать покупательский спрос, сокращать материальные отходы и стабильно повышать качество выпускаемой продукции. Оперативно обрабатывая поступающие данные, системы ИИ помогают предприятиям гибко реагировать на конъюнктуру рынка, предотвращать перепроизводство и неукоснительно соблюдать высокие стандарты качества. К числу весомых преимуществ применения ИИ относится также автоматическое обнаружение дефектов. Подобные технологии выявляют даже самые незначительные производственные погрешности, гарантируя, что каждая единица упаковки соответствует строгим требованиям. Более того, ИИ вносит вклад в повестку устойчивого развития за счет рационального использования сырья и снижения энергозатрат, превращая упаковку в более эффективную и экологичную [2; 3].

В ситуации нарастающей рыночной конкуренции и меняющихся запросов аудитории интерактивная упаковка превращается в важнейший маркетинговый инструмент и действенный способ укрепления лояльности покупателей. Востребованность разработки и вывода на рынок таких упаковочных решений обусловлена острыми проблемами: нехваткой прозрачной информации о товаре, распространением контрафакта, слабой вовлеченностью потребителей и экологическими вызовами. Интерактивные технологии открывают новые горизонты для создания

упаковки, которая не просто содержит продукт, а полноценно взаимодействует с пользователем, предлагая ему дополнительную пользу. При этом интерактивная упаковка не сводится исключительно к цифровым интерфейсам, существуют классические форматы: адвент-календари, мультиупаковки с игровыми элементами, а также конструкции, трансформируемые в полезные бытовые предметы (например, коробки, становящиеся игрушками или органайзерами). Все они также успешно вовлекают потребителей, формируют эмоциональную привязанность к бренду и обогащают пользовательский опыт [4].

В 2025 г. объем рынка ИИ в упаковке достиг 2,4 млрд долл. США. К 2026 г. ожидалась выручка в размере около 3,1 млрд долл. США, а к 2036 г. – рост до 40,5 млрд долл. США. Такая траектория соответствует среднегодовому темпу роста в 29,30%, отражающему переход к автоматизированным системам обнаружения дефектов в сфере закупок. При распределении капитала приоритет отдается системам машинного зрения, а не традиционным методам ручной проверки.

Сегментацию рынка ИИ в упаковке можно представить по нескольким ключевым направлениям:

- *По типу упаковки.* Умная упаковка (активная и интеллектуальная упаковка с возможностью отслеживания качества), экологичная упаковка и др.; лидером рынка является интеллектуальная упаковка (38,4% в 2026 г.), чему способствуют потребность в отслеживании цепочки поставок в режиме реального времени, интеллектуальная интеграция датчиков и быстрая цифровизация, обусловленная нормативными требованиями, для мировых брендов.

- *По конечному применению.* Пищевая промышленность, здравоохранение и фармацевтика, косметика и средства личной гигиены, бытовая электроника, автомобилестроение и др.; доминирует пищевая промышленность (35,4% в 2026 г.), что отражает критически важные требования сектора к гигиене, контролю дефектов и точности высокоскоростного визуального контроля на линиях розлива и укупорки.

- *По разворачиванию.* Облачные технологии (Cloud-based) и локальное размещение (On-premise).

- *По регионам.* Северная Америка (лидер по внедрению), Европа, Азиатско-Тихоокеанский регион; рост в значительной степени распределен по ключевым регионам, Китай (среднегодовой темп роста 31,6%), Индия (30,2%), Канада (32,3%) и Япония (33,8%) становятся рынками с высокой динамикой развития, обусловленной быстрой цифровизацией, государственной поддержкой и расширением автоматизации.

- *По типу технологии ИИ.* Компьютерное зрение (для инспекции качества продукции и упаковки), генеративный ИИ (для быстрого создания эскизов, дизайна и рекламных баннеров), машинное обучение (для предиктивного обслуживания упаковочных машин и прогнозирования спроса) и др.

- *По услугам.* Контроль качества (автоматизированное выявление дефектов), оптимизация материалов и дизайна (снижение отходов и использование экологически чистых материалов), умное складирование (автоматизация процессов, ИИ в логистике), маркировка данных, отслеживание и др. [5].

Контроль качества и автоматизация (компьютерное зрение). ИИ активно применяется для автоматизации операционных процессов в производственной сфере. Современные роботизированные комплексы и интеллектуальные системы в автономном режиме выполняют сборку, сортировку и упаковку готовой продукции, параллельно контролируя ключевые параметры упаковки – от геометрических размеров до качества исполнения. Такой подход не только снижает частоту ошибок, но и существенно повышает скорость производственного цикла. Умные роботы проверяют корректность размещения товаров внутри коробок, обеспечивая соблюдение установленных нормативов и сводя к минимуму долю бракованной продукции.

Крупные игроки упаковочной индустрии внедряют системы технического зрения, работающие на базе ИИ, для диагностики дефектов печати, оценки целостности упаковки и проверки ее соответствия нормативным требованиям. Предприятия, выпускающие товары повседневного спроса, используют камеры с ИИ на линиях фасовки для выявления посторонних включений, мониторинга уровня наполнения и контроля правильности маркировки. Производители упаковки также применяют ИИ для прогнозирования отказов оборудования и оптимизации графиков планово-предупредительного ремонта. В числе перспективных направлений – использование ИИ для прочностных расчетов тары, автоматизации паллетирования и оптимизации раскроя картонных листов.

Оптимизация логистики и цепочек поставок. Крупные розничные сети используют ИИ для прогнозирования покупательского спроса и адаптации упаковки под задачи логистики,

в частности, для расчета наиболее эффективных форм и размеров коробок при доставке товаров.

Значимую роль ИИ играет в управлении складскими операциями: анализируя большие массивы данных в режиме реального времени, он помогает прогнозировать потребности в упаковочных материалах, минимизируя риски как их избыточных запасов, так и дефицита.

Кроме того, ИИ способствует оптимизации логистических процессов за счет построения наилучших маршрутов доставки. Это позволяет сократить транспортные издержки и ускорить доставку товаров конечным потребителям. ИИ-системы в режиме реального времени оценивают дорожную обстановку и предлагают оптимальные пути следования, что ведет к снижению расхода топлива и повышению оперативности доставки [6; 7].

Умная упаковка и отслеживание. В 2026 г. на долю умной упаковки придется 38,4% объема, что обусловлено жесткими требованиями брендов к отслеживанию цепочки поставок в режиме реального времени [5].

Умная упаковка включает в себя две основные категории, признанные международными регуляторами и органами стандартизации:

– **Активная упаковка.** Увеличивает срок хранения или безопасность продукта, взаимодействуя с окружающей средой (например, поглотители кислорода, антимикробные агенты, регуляторы CO₂).

– **Интеллектуальная упаковка.** Предоставляет информацию о состоянии упакованного продукта или его окружения (например, индикаторы времени-температуры, датчики свежести, метки отслеживания) [8].

В настоящее время в упаковку внедряются различные интеллектуальные датчики и системы (таблица).

Технологии умной (интерактивной) упаковки

Наименование технологии	Область применения	Преимущества	Недостатки
RFID-метки (радиочастотная идентификация)	Логистика (мониторинг перемещения грузов)	Мгновенное считывание информации	Выше стоимость по сравнению со штрихкодами
	Фармацевтика (борьба с подделками)	Одновременное сканирование множества товаров	Требуется установка специального считывающего оборудования
	Ретейл (инвентаризация, предотвращение краж)	Улучшенная защита от краж и подделок	
	Оптимизация логистики и отслеживание товаров		
QR-коды	Упаковка продуктов питания и напитков (состав, происхождение)	Простота и низкая стоимость (фактически только печать)	Требуется подключение к интернету для интерактива
	Фармацевтика (аутентификация лекарств)	Интерактивность (ссылки, видео, дополненная реальность)	Уязвимость к фальсификации (нужны дополнительные механизмы защиты)
	Маркетинг (программы лояльности, акции)	Сбор данных о поведении пользователей	
	Предоставление информации и проверка подлинности		
NFC-метки	Проверка подлинности товаров (косметика, фармацевтика)	Быстрое считывание при касании смартфоном	Более высокая стоимость по сравнению с QR-кодами
	Бесконтактное взаимодействие с потребителем	Высокая степень защиты от подделок	Требуется наличие NFC-модуля в смартфоне пользователя
	Программы лояльности	Возможность обновления данных	
Дополненная реальность (AR)	Повышение вовлеченности потребителей	Высокий уровень вовлеченности и эмоциональной связи с брендом	Требуется установка мобильного приложения
	Интерактивные инструкции (электроника, косметика)	Уникальный пользовательский опыт	Затраты на разработку AR-контента
	AR-примерочные (одежда)	Возможность визуализации продукта в среде	Зависимость от технических характеристик смартфона
	Игровые элементы на упаковке		
Сенсорные материалы (термочувствительные индикаторы, газовые сенсоры, pH-индикаторы)	Пищевая промышленность (молочная продукция, мясо, рыба – контроль свежести)	Сокращение потерь за счет своевременного выявления проблем	Высокая стоимость
	Фармацевтика (мониторинг температурного режима лекарств)	Повышение доверия потребителей к бренду	Требуется специальная калибровка и настройка
	Логистика (отслеживание условий транспортировки)	Улучшение безопасности продукции	
	Контроль качества продукции	Визуальное информирование о состоянии товара	

Окончание

Наименование технологии	Область применения	Преимущества	Недостатки
IoT-датчики (температура, влажность, вибрация, движение)	Бесперебойный мониторинг условий хранения и транспортировки	Передача данных в реальном времени через интернет (Wi-Fi, LoRaWAN, NB-IoT)	Высокая стоимость оборудования и развертывания
	Управление запасами в режиме реального времени	Интеграция с облачными системами аналитики	Требуется стабильное интернет-соединение
	Повышение прозрачности цепочки поставок	Автоматизация контроля и сокращение отходов	Необходимость в источниках питания

Крупные логистические операторы, обеспечивающие доставку посылок, тестируют системы отслеживания упаковки с датчиками и ИИ-аналитикой для контроля условий перевозки (температура, удары). Фармацевтические компании внедряют умную упаковку с QR-кодами и блокчейном для борьбы с контрафактом, где ИИ анализирует данные о перемещениях. Интеллектуальная интеграция датчиков позволяет дистрибьюторам отслеживать колебания температуры и физические воздействия во время транспортировки. Алгоритмическая обработка данных с датчиков прогнозирует риски порчи до того, как скоропортящиеся товары попадут на полки розничных магазинов. Владельцы брендов используют динамические QR-коды и метки ближней связи (NFC) для прямого взаимодействия с конечными потребителями [3; 5; 6].

Экология и переработка. ИИ вносит существенный вклад в решение экологических проблем упаковочной индустрии. В частности, ряд производителей полимеров применяет ИИ для разработки более экологичных материалов, анализа полного жизненного цикла упаковки, компьютерного моделирования полимерных структур и создания материалов с принципиально новыми заданными свойствами.

Одним из ключевых инструментов здесь выступает оценка жизненного цикла (LCA). ИИ существенно облегчает проведение LCA в упаковочной отрасли, позволяя комплексно оценивать воздействие на окружающую среду на каждом этапе – от добычи сырья до утилизации. Благодаря анализу больших объемов данных и оптимизации производственных процессов, LCA на базе ИИ дает компаниям возможность принимать экологически обоснованные решения, сокращать углеродный след и повышать общую устойчивость бизнеса.

Кроме того, ИИ способствует сокращению отходов в упаковочной индустрии за счет более эффективного использования материалов и разработки зеленых решений, включая биоразлагаемые виды упаковки. Конечная цель этих усилий – создание упаковки с минимальным негативным воздействием на окружающую среду, что напрямую способствует снижению углеродного следа компании [6; 7; 9].

Дизайн и персонализация. ИИ активно внедряется в сферу дизайна упаковки, где традиционно требовался творческий подход. При правильном использовании ИИ способен выполнять серьезные аналитические и генеративные функции: от персонализации характеристик товара до оптимизации производства и дистрибуции.

Алгоритмы машинного обучения анализируют потребительские предпочтения, выявляют актуальные рыночные тенденции и на этой основе создают инновационные упаковочные решения, повышающие как визуальную привлекательность, так и функциональность продукта. Рекламные агентства и производственные предприятия разрабатывают ИИ-инструменты для генерации дизайна упаковки под конкретные запросы брендов.

Ключевым направлением становится персонализация. ИИ позволяет создавать упаковку, адаптирующуюся под индивидуальные предпочтения клиентов, включая уникальные дизайны и подбор материалов с учетом вкусов покупателей, особенностей товаров и рыночных тенденций. Крупные ретейлеры запускают персонализированные упаковочные решения для промоакций, где ИИ анализирует историю покупок клиентов и предлагает соответствующие варианты дизайна.

Помимо творческих задач, ИИ решает утилитарные задачи: анализирует изображения, обнаруживает дефекты упаковочных материалов, а также использует статистические данные о продажах для оптимизации процессов производства и дистрибуции, что позволяет минимизировать затраты и точно рассчитывать необходимые запасы упаковочных материалов.

В результате упаковка перестает быть просто средством защиты товара и превращается в мощный маркетинговый инструмент, улучшающий пользовательский опыт и повышающий лояльность клиентов. Правильно задействуя технологии ИИ, бренды получают возможность создавать уникальные упаковочные решения, соответствующие разнообразным потребностям

целевой аудитории, что создает дополнительную ценность в дизайне и позволяет прогнозировать будущие рыночные тенденции [6–7; 9–10].

Можно выделить следующие преимущества интерактивной и интеллектуальной упаковки на базе ИИ:

– *Экономическая выгода.* ИИ способствует значительному снижению затрат на производство упаковки. Благодаря автоматизации и оптимизации производственных процессов компании могут повысить эффективность операций и добиться экономии за счет масштаба. Эта экономия может быть передана клиентам, что позволяет формировать более конкурентоспособные ценовые стратегии.

Конкретные механизмы экономии включают предиктивную аналитику и компьютерное зрение, которые сокращают до 15% потерь сырья, а также умный дизайн, минимизирующий расход материалов без ущерба для прочности. Дополнительный вклад вносит ИИ-оптимизация логистики, снижающая издержки на транспортировку и производство. В результате ресурсы переходят из категории затрат в категорию инвестиций [6; 9].

– *Экологический эффект.* С помощью ИИ экология перестает быть абстрактным трендом и превращается в измеримый результат. Алгоритмы позволяют просчитывать углеродный след уже на этапе проектирования упаковки, а системы сортировки на основе компьютерного зрения повышают процент сырья, пригодного для переработки.

Кроме того, ИИ помогает реализовывать принципы циклической экономики, предлагая эффективные решения по вторичному использованию материалов и сокращению объема одноразовой упаковки.

– *Операционная эффективность.* Эффективность выступает как синергия экономических и экологических аспектов. ИИ сокращает время вывода новых продуктов на рынок за счет генеративного дизайна, предотвращает многомиллионные потери от брака благодаря непрерывному автоматизированному контролю качества и обеспечивает бесперебойность производственных процессов за счет предиктивного обслуживания оборудования [6].

Таким образом, проведенный анализ показывает, что ИИ кардинально трансформирует упаковочную индустрию, превращая упаковку из пассивной защитной оболочки в многофункциональный инструмент контроля, маркетинга, логистики и взаимодействия с потребителем. Компании, внедряющие интеллектуальные решения на базе ИИ, получают значительные конкурентные преимущества: повышение операционной эффективности, сокращение издержек (включая до 15% потерь сырья), снижение брака, оптимизацию логистики и возможность персонализировать дизайн под запросы клиентов.

Кроме того, ИИ открывает новые возможности для устойчивого развития отрасли, позволяя на этапе проектирования просчитывать углеродный след, повышать процент перерабатываемого сырья и реализовывать принципы циклической экономики. Таким образом, цифровая трансформация на базе ИИ создает упаковку будущего – умную, экологичную и адаптированную под запросы потребителей, где эффективность, дизайн и устойчивость гармонично сосуществуют.

Список использованной литературы

1. **Упаковка** на базе ИИ: каким будет будущее индустрии упаковки и упаковочного оборудования? // Hipermak. – URL: <https://hipermak.com.tr/ru/%D1%83%D0%BF%D0%B0%D0%BA%/> (дата обращения: 15.05.2026).
2. **Пандей, Д.** Термоусадочная упаковка: более безопасные, умные и прочные решения / Д. Пандей // Тара и упаковка. – 2025. – № 4. – С. 10–11.
3. **Смарт-упаковка:** как цифровые технологии изменяют рынок упаковки // Росстип. – URL: <https://rosstip.ru/news/4927-smart-upakovka-kak-tsifrovye-tekhnologii-izmenyayut-rynok-upakovki> (дата обращения: 15.05.2026).
4. **Головина, Т. П.** Интерактивная упаковка товаров: взаимодействие пользователей с упаковкой / Т. П. Головина // Будущее экономики в эпоху технологических изменений: роль искусственного интеллекта и инноваций : сб. тезисов докл. Конгресса молодых ученых ИТМО, 7–11 апр. 2025 г., г. Санкт-Петербург. – СПб., 2025. – URL: <https://kmu.itmo.ru/digests/article/15360> (дата обращения: 15.05.2026).
5. **Sutaria, I.** AI in Packaging Market: Global Market Analysis Report – Forecast 2026 to 2036 / I. Sutaria // Future Market Insights. – URL: <https://www.futuremarketinsights.com/reports/artificial-intelligence-in-packaging-market> (date of access: 15.05.2026).

6. Кухарский, В. В. Цифровая трансформация упаковочной отрасли в России: роль искусственного интеллекта / В. В. Кухарский // UpakExpo. – URL: <https://upakexpo.ru/sites/default/files/2026-02/10%/20%DO%92%DO%68%> (дата обращения: 15.05.2026).

7. Цифровизация в упаковке: как искусственный интеллект меняет процесс упаковки // My-Pack.kz. – URL: <https://my-pack.kz/novosti/tsyfrovyzatsiya-v-upakovke-kak-yskusstvennyi-yntellekt-meniayet-protsess-upakovky-ru/> (дата обращения: 15.05.2026).

8. Bioleader. Тенденции инноваций в области умной упаковки на 2025 г. Научный прогресс, регулятивные факторы и практическое участие Bioleader // Bioleader Pack. – URL: <https://www.bioleaderpack.com/ru/%D0%B8%> (дата обращения: 15.05.2026).

9. Meijjs, J. AI in Packaging: Revolutionizing Design, Sustainability, and Efficiency / J. Meijjs // LinkedIn. – URL: <https://www.linkedin.com/in/joost-meijjs-7a00636/> (date of access: 15.05.2026).

10. От идеи до полки: как AI ускоряет цикл разработки дизайна упаковки? // Артпласт. – URL: <https://www.artplast.ru/stati/ot-idei-do-polki-kak-ii-uskoryaet-tsikl-razrabotki-dizayna-upakovki/> (дата обращения: 15.05.2026).

УДК 685.3:339.1/5

В. А. Иванова (veronikaklyukach@gmail.com),
магистрант

В. Е. Сыцко (tovarovedenie123@gmail.com),
д-р техн. наук, профессор
Белорусский торгово-экономический
университет потребительской кооперации
г. Гомель, Республика Беларусь

ОЦЕНКА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ОБУВИ ИЗ ПОЛИМЕРНЫХ МАТЕРИАЛОВ

В данной статье дан анализ уровня конкурентоспособности обуви из полимерных материалов отечественного и импортного производства.

This article provides an analysis of the level of competitiveness of footwear made from polymeric materials of domestic and imported production.

Ключевые слова: обувь; качество; конкурентоспособность.

Key words: shoes; quality; competitiveness.

Актуальность изучения конкурентоспособности обуви, в том числе, обуви из полимерных материалов – несомненная, розничный товарооборот в Республике Беларусь ежегодно увеличивается и в 2024 г. составил 1 277,6 млн р., увеличение к 2023 г. – 106,2% [1].

Обувная промышленность является одной из наиболее динамичных отраслей потребительского рынка, где вопросы конкурентоспособности продукции весьма актуальны. В последнее десятилетие наблюдается устойчивая тенденция к расширению использования полимерных материалов в качестве альтернативы традиционным коже и текстилю. Это связано с модернизацией химической промышленности. Кроме этого, большое влияние оказывают экономические факторы, а также изменяются потребительские предпочтения. Оценка конкурентоспособности обуви из полимерных материалов требует комплексного анализа.

Необходимо изучить рынок, определить факторы, влияющие на ее конкурентоспособность, что устанавливает комплекс потребительских и стоимостных характеристик товара, определяющих степень соответствия свойств товара потребностям рынка [2].

Методика оценки качества и конкурентоспособности предполагает подбор и описание образцов для оценки [3].

Для оценки конкурентоспособности обуви из полимерных материалов была сформирована экспертная группа в количестве пяти человек, состоящая из товароведов и менеджеров по закупке общества с ограниченной ответственностью (ООО) «Санта Ритейл» (г. Брест).

Цель – оценка уровня качества и конкурентоспособности обуви из полимерных материалов в сравнении с образцом-эталоном [3].

В качестве базового образца выбраны женские резиновые сапоги белорусского производителя совместного общества с ограниченной ответственностью (СООО) «ПластТрейд» (арти-

кул: 04(С)320). Для сравнения выбраны три образца, реализуемых предприятием: ООО «Обувная фабрика “Эра-Профи”» (Российская Федерация) (артикул: С-11ЧН); республиканское унитарное предприятие «Кричевский завод резиновых изделий» (Республика Беларусь) (артикул: 185л); ООО «Производственно-коммерческая фирма (ПКФ) “Дюна-АСТ”» (Российская Федерация) (артикул: 440У).

Базовый образец № 1 содержит следующую информацию: наименование изготовителя – «ПластТрейд»; наименование изделия – сапоги женские; артикул – 04(С)320; материал изготовления – ПВХ; цена изделия – 13,66 р.; страна изготовления – Республика Беларусь.

Образец № 2 содержит следующую информацию: наименование изготовителя – «ЭРА-ПРОФИ»; наименование изделия – сапоги женские; артикул – С-11ЧН; материал изготовления – ПВХ; цена изделия – 14,56 р.; страна изготовления – Российская Федерация. Образец № 3 содержит следующую информацию: наименование и товарный знак изготовителя – «Кричевский завод резиновых изделий»; наименование изделия – сапоги женские; артикул – 385 лСж; материал изготовления – ПВХ; цена изделия – 18,01 р.; страна изготовления – Республика Беларусь. Образец № 4 содержит следующую информацию: наименование и товарный знак изготовителя – «Дюна-АСТ»; наименование изделия – сапоги женские; цвет – темно-сливовый; артикул – 440У; материал изготовления – ЭВА; цена изделия – 16,12 р.; страна изготовления – Российская Федерация.

Нами проведен социологический опрос потребителей (100 человек) обуви из полимерных материалов в зоне деятельности ООО «Санта Ритейл» (г. Брест) для определения покупательских предпочтений показателей качества.

При оценке качества экспериментальных образцов сапог из полимерных материалов определяющими выступали следующие показатели: удобство пользования, гибкость подошвы, соответствие моде и стилю, материал изделия, цвет, отделка и товарный вид.

Далее был рассчитан коэффициент весомости выбранных показателей, который показал, что для потребителя наиболее важными показателями качества резиновых сапог являются следующие: товарный вид ($M_i = 0,259$), материал изделия ($M_i = 0,222$), удобство пользования ($M_i = 0,148$), гибкость подошвы ($M_i = 0,133$) и цвет ($M_i = 0,126$). Наименее значимыми показателями оказались соответствие моде и стилю (0,052) и отделка (0,059).

Далее определили комплексные обобщенные показатели качества по каждому исследуемому образцу и их уровень (K).

В ходе исследования было установлено, что резиновые сапоги базового образца ООО «ПластТрейд» и образца № 4 ООО ПКФ «Дюна-АСТ» имеют отличные показатели уровня качества ($K = 1,00, 0,96$). Свои оценки они получили за счет того, что образцы имеют высокие оценки по всем показателям, за исключением цвета и отделки у образца № 4. Образцы № 2 ООО «Обувная фабрика “Эра-Профи”», № 3 ООО «Томский завод резиновой обуви» ($K = 0,83$ и $0,95$) имеют хорошие оценки уровня качества, преимущественно по следующим показателям: цвет, отделка и товарный вид. Все образцы между собой имеют множество аналогичных характеристик, поэтому они удобны в использовании.

Характеристика уровня конкурентоспособности была определена при помощи четырех показателей – отличный, хороший, удовлетворительный, неудовлетворительный.

Установлено, что уровень конкурентоспособности «отлично» имеет только базовый образец № 1 ООО «ПластТрейд» (Республика Беларусь) за счет качества продукции, поэтому поставка обуви данного производителя на прилавки магазина более целесообразна. Характеристики уровня конкурентоспособности «хорошо» получили остальные образцы: образцы № 2 ООО «Обувная фабрика “Эра-Профи”», № 3 ООО «Томский завод резиновой обуви» и № 4 ООО ПКФ «Дюна-АСТ». На их оценки повлияли более низкие баллы по показателям качества и высокая цена у образца № 4 ООО ПКФ «Дюна-АСТ», цены у образцов № 2 ООО «Обувная фабрика “Эра-Профи”» и № 3 ООО «Томский завод резиновой обуви» выше базового образца. При данных результатах такая обувь находит своих покупателей, но продажа может быть замедлена из-за высокой цены и внешних особенностей (цвет, отделка).

Такие товары могут иметь более продолжительную товарооборачиваемость, что не совсем выгодно для торгового объекта в части его реализации и получении выручки от реализации и прибыли.

Следует отметить высокую конкурентоспособность женских сапог из полимерных материалов, соотношение цены и качества которых превзошло импортные, что позволяет сделать вывод о возможности успешного их импортозамещения обувью отечественного производства.

Список использованной литературы

1. Республика Беларусь : стат. ежегодник 2020–2025 гг. / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Мн., 2020–2025. – 225 с.
2. Методология товароведных экспертиз непродовольственных товаров : моногр. / В. Е. Сыцко [и др.] ; под общ. ред. д-ра техн. наук, проф. В. Е. Сыцко. – Гомель : Бел. торгово-экон. ун-т потреб. кооп., 2017. – 228 с.
3. Товароведная характеристика и идентификация обуви // Studbooks.net. – URL: <https://studbooks.net/1551081/marketing/vvedenie> (дата обращения: 03.03.2026).

УДК 620.2

Е. В. Рощина (oomoni2020@gmail.com),
канд. техн. наук, доцент

А. А. Поздеева (alya.kniga.16@mail.ru),
студентка
Белорусский торгово-экономический
университет потребительской кооперации
г. Гомель, Республика Беларусь

ИДЕНТИФИКАЦИОННАЯ ЭКСПЕРТИЗА МЕДА

В данной статье показаны подходы по проведению идентификационной экспертизы меда, основанной на комплексном применении различных методов, и полученные результаты.

This article shows approaches to conducting an identification examination of honey based on the complex application of various methods and the results obtained.

Ключевые слова: мед; идентификационная экспертиза; натуральность; люминесцентный анализ; квалиметрическая экспертиза.

Key words: honey; identification examination; naturalness; luminescent analysis; qualimetric examination.

Актуальность идентификационной экспертизы меда в Республике Беларусь обусловлена его высокой биологической ценностью, популярностью среди населения, легкостью фальсификации. Мед входит в число наиболее часто подделываемых продуктов питания наряду с оливковым маслом и молочной продукцией.

Высокая стоимость натурального меда делает его часто подделываемым продуктом питания. Производство натурального пчелиного меда связано с весьма существенными финансовыми затратами. Вопрос загрязнения меда посторонними веществами химического и биологического происхождения также является актуальным. Инфекционные и инвазионные болезни пчел могут распространиться через мед. Фальсифицированный мед утрачивает свои целительные свойства и может оказать вредное воздействие на организм человека.

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь «О пятилетке качества» от 17 января 2025 г. № 31 выполнение стратегических задач повышения качества, в том числе путем обеспечения соответствия характеристик товаров растущим запросам потребителей, совершенствования контроля качества является одним из стратегических направлений [1].

Проведение исследований, направленных на выявление фальсификации меда, позволяющих подтвердить подлинность меда и продуктов на его основе, является особо важным в рамках обеспечения населения продуктами питания надлежащего качества, а также защиты интересов добросовестных производителей продукции пчеловодства.

Недоброкачественный мед не только не обладает лечебными свойствами, но и может навредить здоровью человека [2]. Данный факт делает актуальным изучение вопросов, затрагивающих качество и безопасность меда. Вследствие этого растет ответственность работников торговли и представителей контролирующих органов в вопросах своевременного обнаружения некачественной продукции. Их выявление невозможно без проведения идентификационной экспертизы. Вышеприведенная информация подтверждает актуальность выбора темы исследований.

Целью настоящего исследования является освещение отличительных особенностей и специфики проведения идентификационной экспертизы меда.

В качестве объектов исследования были взяты пять образцов цветочного меда разных производителей, представленных в магазине «Евроопт» (г. Кличев).

Идентификационная экспертиза меда произведена с учетом ее видовых особенностей (информационная, ассортиментная, квалитетическая). Исследования выполнялись в рамках работы научного кружка в условиях студенческой научной лаборатории Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации.

В рамках информационной идентификационной экспертизы меда была проанализирована упаковка и маркировка исследуемых образцов меда в соответствии с ГОСТ 19792-2017 «Мед натуральный. Технические условия», СТБ 1100-2016 «Пищевая продукция. Информация для потребителя. Общие требования» [3; 4].

Результаты идентификации упаковки исследуемых образцов меда представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты идентификации упаковки меда

Наименование продукции	Производитель	Характеристика упаковки		
		по форме (виду)	по целостности	по дизайну, наличие информационных знаков
1. Мед натуральный «Дедушкина пасека», 250 г	Общество с ограниченной ответственностью «Беловежская медовая компания плюс» (Республика Беларусь, г. Береза)	Стеклянная банка герметично упакована крышкой	Не нарушена. Упаковка целая, без повреждений и сколов	На этикетке используется изображение медведей. Черный, красный цвета
2. Мед натуральный цветочный «Местное известное», 250 г	Крестьянское фермерское хозяйство «Звон-Гора», Республика Беларусь, Витебская область, Витебский район, деревня Гора	Стеклянная банка герметично упакована крышкой	Не нарушена. Упаковка целая, без повреждений и сколов	Этикетка типичного для бренда цвета с четким шрифтом. Логотип бренда хорошо узнаваем. Черный, зеленый цвета
3. Мед натуральный «Цветочное разнотравье», 250 г	Частное предприятие «Дом меда-М», 223040, Республика Беларусь, Минский район, деревня Лесковка	Стеклянная банка герметично упакована крышкой	Не нарушена. Упаковка целая, без повреждений и сколов	Крупное название «Мед» выполнено округлым шрифтом. Насыщенные красные и желтые цвета
4. Мед натуральный цветочный «Медок», 250 г	Частное предприятие «Дом меда-М», 223040, Республика Беларусь, Минский район, деревня Лесковка	Стеклянная банка герметично упакована крышкой	Не нарушена. Упаковка целая, без повреждений и сколов	Природная тематика. На этикетке изображены пчелы. Черный, красный цвета
5. Мед натуральный цветочный «Лесной», 350 г	Частное предприятие «Дом меда-М», 223040, Республика Беларусь, Минский район, деревня Лесковка	Стеклянная банка герметично упакована крышкой	Не нарушена. Упаковка целая, без повреждений и сколов	Природная тематика. На этикетке изображены пчелы. Черный, голубой цвета
Примечание – Источник: собственная разработка.				

Таким образом, упаковка всех образцов меда по цельности и прочности идентична требованиям. Дизайн маркировки образцов меда варьируется от прямолинейного (акцент на названии) до более тонкого (логотип бренда или природные образы). Выбор цветовой палитры и изображений существенно влияет на восприятие продукта потребителем, формируя ассоциации с натуральностью, качеством, традициями или свежестью. Варианты с изображениями пчел (образцы № 4 и № 5) наиболее прямо раскрывают идею происхождения меда, тогда как образец № 2 делает ставку на силу бренда, а образец № 3 – на прямолинейность и аппетитность. Дизайн маркировки образца № 1 немного другой, но тоже сильный образ.

На упаковке исследуемых образцов имеются все маркировочные реквизиты (на примере образца меда «Местное известное»), установленные СТБ 1100-2026 «Пищевая продукция. Информация для потребителя. Общие требования» (таблица 2) [4]. В качестве дополнительных маркировочных реквизитов присутствуют информационные знаки – упаковка для пищевых продуктов и возможность ее переработки.

Таблица 2 – Результаты информационной идентификационной экспертизы маркировки образца
«Мед натуральный цветочный “Местное известное”»

Требования по ГОСТ 19792-2017 «Мед натуральный. Технические условия»	Образец
Наименование продукта	Мед натуральный цветочный «Местное известное»
Масса нетто	250 г
Год сбора	2024 г.
Дата фасования (упаковки) при фасовании в потребительскую упаковку	8 ноября 2024 г.
Дата упаковывания	9 ноября 2024 г.
Срок годности	2 года с даты изготовления
Условия хранения	Хранить при температуре не выше 20 °С в помещениях, защищенных от прямых солнечных лучей. Не допускается хранение вместе с ядовитыми пылящими продуктами, которые могут придать меду несвойственный ему запах
Условия хранения после вскрытия упаковки	После вскрытия герметичной упаковки – 1 год, но не более срока годности, указанного на потребительской упаковке
Единый знак обращения продукции на рынке	 – знак соответствия требованиям Евразийского экономического союза. – упаковка для пищевых продуктов. – возможность переработки C/LDPE
Штриховой код	4810878001902
Примечание – Источник: собственная разработка на основании ГОСТ 19792-2017 «Мед натуральный. Технические условия» [3].	

Ассортиментная идентификационная экспертиза – установление соответствия товара его ассортиментной характеристике, обуславливающей предъявляемые требования к исследуемому товару [1].

По результатам ассортиментной идентификационной экспертизы установлено, что все исследуемые образцы идентичны меду, так как представляют собой закристаллизованную массу светло-желтого золотистого цвета с оранжевым и янтарным оттенком. На то, что все образцы меда относятся к цветочным, указывает преобладание цветочного аромата с фруктовыми нотками и включениями сладкого илипряного аромата. По вкусу цветочный мед очень нежный, с выраженной терпкостью. В меде чувствуется приятный травяной привкус.

В рамках квалитетической идентификационной экспертизы меда определялось следующее: механические примеси, наличие крахмала, признаков брожения, натуральность.

Механические примеси в меде не допускаются. К таким примесям относятся пчелы, части их тел, личинки, куски воска, соломы, деревьев, пыль и т. д. Для обнаружения механических примесей проба каждого образца меда растворялась в дистиллированной воде, затем была нагрета, полученный раствор был вылит в прозрачный стакан. Если присутствуют механические примеси в меде, то они при этом плавают в полученном растворе либо находятся на поверхности или дне.

Для подтверждения натуральности меда также было проведено люминесцентное исследование. Люминесцентный анализ меда позволяет оценить его качество и подлинность, так как натуральный мед имеет уникальное свечение под ультрафиолетом, подделки, содержащие примеси (например, сахарный сироп, крахмал), могут светиться иначе или не светиться вовсе. Если на предметном стекле сделать тонкий мазок из меда, то под микроскопом при малом увеличении в мазке из натурального цветочного пчелиного меда будут видны кристаллы обычно звездчатой или игольчатой формы, в то время как кристаллы свекловичного сахара имеют форму крупных глыбок, иногда правильной геометрической формы.

Для проведения люминесцентного исследования 5 г меда было помещено на нефлюоресцирующее предметное стекло так, чтобы толщина слоя была примерно 2–3 мм. Приготовленный мазок помещен под люминесцентную установку под углом 45° на расстоянии 4–5 см.

Натуральный цветочный мед высокого качества светится в основном желтым цветом с легким зеленоватым оттенком, в то время как мед низкого качества люминесцирует травянисто-зеленым и сине-зеленым цветом. Искусственный и фальсифицированный сахаром мед светится свинцово-серым цветом.

Для обнаружения крахмала в меде используют йод. Такое исследование основано на способности йода давать синее окрашивание при присутствии крахмала. Для обнаружения крахмала в пробы меда были добавлены 2–3 капли раствора йода. Появление синего окрашивания указывает на примесь крахмала или муки.

Обнаружение признаков брожения происходило визуально путем осмотра внешнего вида меда, а также с помощью органов обоняния. Наличие признаков брожения в меде не допускается.

Результаты исследований представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Результаты квалитетической идентификационной экспертизы по физико-химическим показателям, %

Образец	Массовая доля влаги	Натуральность меда (по люминисцентному анализу)
Мед натуральный «Дедушкина пасека»	18	Свечение желтого цвета с зеленоватым оттенком
Мед натуральный цветочный «Местное известное»	8	Зеленоватое свечение с легкой примесью синего
Мед натуральный «Цветочное разнотравье»	15	Свечение желтого цвета
Мед натуральный цветочный «Медок»	14	Свечение желтого цвета с легкой примесью голубого
Мед натуральный цветочный «Лесной»	10	Свечение желтого цвета
Примечание – Источник: собственная разработка на основании ГОСТ 19792-2017 «Мед натуральный. Технические условия» [3].		

Согласно результатам проведенных испытаний, можно сделать вывод, что образцы меда за исключением меда натурального цветочного «Местное известное», меда натурального цветочного «Медок», идентичны требованиям ГОСТ 19792-2017 «Мед натуральный. Технические условия» и признакам натуральности. У двух названных образцов под подозрением остается их натуральность, что требует более глубоких исследований.

По результатам идентификационной экспертизы меда можно отметить, что отличительные особенности видов идентификационной экспертизы меда заключаются в необходимости сочетания различных методов (аналитических, органолептических, физико-химических). Для обеспечения подлинности меда, поставляемого для реализации и защиты потребителей от фальсифицированной продукции, необходимо следующее: ввести мед в перечень товаров, подлежащих обязательной цифровой маркировке; создать единой базу сертифицированных пасек с указанием количества пчелиных семей; обязательная идентификационная экспертиза для подтверждения его натуральности.

Список использованной литературы

1. **Рощина, Е. В.** Идентификация в обеспечении качества и безопасности хлебобулочных изделий пониженной влажности / Е. В. Рощина, Д. В. Жакун // Потребительская кооперация. – 2025. – № 1 (88). – С. 38–43.
2. **Экспертиза** продуктов пчеловодства. Качество и безопасность : учеб. / Е. Б. Ивашевская, О. А. Рязанова, В. И. Лебедев [и др.]. – СПб. : Лань, 2017. – 384 с.
3. **Мед** натуральный. Технические условия : ГОСТ 19792-2017 ; введ. 01.01.2019 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200157439> (дата обращения: 17.03.2026).
4. **Пищевая** продукция. Информация для потребителя. Общие требования : СТБ 1100-2016 ; введ. 01.02.2017 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1100157439> (дата обращения: 17.03.2026).

ИДЕНТИФИКАЦИОННАЯ ЭКСПЕРТИЗА МУКИ

В данной статье показана методология и роль идентификационной экспертизы муки в установлении соответствия конкретной партии продукции ее наименованию, виду, марке и сорту, заявленным в сопроводительных документах и на маркировке, а также соответствия качества.

This article shows the methodology and role of flour identification testing in establishing the compliance of a specific batch of products with its name, type, brand, and variety as stated in the accompanying documents and on the label, as well as the compliance of the quality.

Ключевые слова: мука; идентификационный осмотр; бренд; разнообразие; качественное исследование; качество.

Key words: flour; identification examination; brand; variety; qualimetric examination; quality.

Мука является фундаментальным стратегическим сырьем для пищевой промышленности и продуктом первой необходимости в рационе человека. В условиях современного рынка, характеризующегося высокой конкуренцией и расширением ассортимента, вопросы подтверждения подлинности и качества муки приобретают особую актуальность [1].

Актуальность темы исследований обусловлена также возрастающими рисками ассортиментной и качественной фальсификации муки, что не только наносит экономический ущерб потребителям, но и ставит под угрозу продовольственную безопасность. Идентификация имеет большое значение в обеспечении безопасности пищевых продуктов, так как позволяет своевременно выявить фальсифицированную продукцию и принять соответствующие меры [2; 3]. Идентификационная экспертиза выступает ключевым инструментом контроля, позволяющим установить соответствие продукции заявленному сорту, виду и марке, а также выявить скрытые дефекты и посторонние примеси.

Цель идентификационной экспертизы муки – установление соответствия конкретной партии продукции ее наименованию, виду, марке и сорту, заявленным в сопроводительных документах или на маркировке, а также подтверждение подлинности товара и его соответствия требованиям действующих технических нормативных правовых актов.

Для проведения исследования было отобрано 5 образцов муки пшеничной высшего сорта марки М 54-28 разных изготовителей: образец муки № 1 «Лидская мука классическая» открытого акционерного общества (ОАО) «Лидахлебопродукт», образец муки № 2 «Столичная мельница» ОАО «Минский комбинат хлебопродуктов», образец муки № 3 «Суседскі маёнтак» ОАО «Минский комбинат хлебопродуктов», образец муки № 4 «МАКФА» акционерного общества (АО) «Макфа» (г. Москва), образец муки № 5 «Увелка» АО «Коммунальное хозяйственное предприятие (КХП) “Злак”» (Челябинская область, поселок Увельский).

Разработанные нами критерии, средства, показатели и методы идентификационной экспертизы представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Перечень критериев, средств, показателей и методов идентификационной экспертизы муки

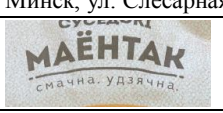
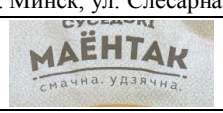
Критерии	Средства идентификационной экспертизы	Показатели идентификационной экспертизы	Методы
Наименование	Товаросопроводительные документы, технические нормативные правовые акты, образец	Внешний вид (форма и поверхность), цвет, запах, консистенция, вкус	Аналитический, измерительный
Количество	Маркировка, весы	Масса, количество	Измерительный
Предприятие-изготовитель	Товаросопроводительные документы, технические нормативные правовые акты, товарный знак, штрихкод	Контрольное число, органолептические показатели	Экспертный, аналитический, органолептический
Маркировка	Реквизиты маркировки	Полнота маркировки	Аналитический
Товаросопроводительные документы	Товаросопроводительные документы, товар (маркировка), положение о заполнении товаросопроводительной документации	Содержание маркировочных реквизитов, правильность оформления документации	Аналитический
Примечание – Источник: собственная разработка.			

Образцы муки, выбранные для проведения исследования, поступили по транспортной накладной с удостоверением о качестве и безопасности, в котором содержится наименование предприятия-изготовителя, его местонахождение, наименование продукции, дата выработки, подтверждение о соответствии качества продукции нормативной документации, а также обозначение нормативно-технической документации.

Партии отобранных образцов муки можно считать однородными, так как каждый образец характеризуется одним видом муки, сортом, поступили они в упаковке одного вида и размера, а также одной даты выработки, изготовлены одним заводом.

В рамках информационной экспертизы установлено, что информация на маркировке соответствует данным сопроводительной документации (таблица 2).

Таблица 2 – Результаты информационной идентификационной экспертизы муки

Критерии идентификации	Информация из товаросопроводительных документов	Информация, полученная в результате исследований	Идентично или не идентично
<i>Мука пшеничная «Лидская мука»</i>			
Наименование	Мука пшеничная «Лидская мука»	Мука пшеничная «Лидская мука»	Идентично
Группа	Мука злаковая	Мука злаковая	Идентично
Марка	М 54-28	М 54-28	Идентично
Сорт	Высший	Высший	Идентично
Вид	Мука пшеничная	Белый цвет с желтоватым оттенком соответствует пшеничной муке	Идентично
Изготовитель	ОАО «Лидхлебпродукт», 231300, Республика Беларусь, Гродненская область, г. Лида, ул. Булата, д. 1	ОАО «Лидхлебпродукт», 231300, Республика Беларусь, Гродненская область, г. Лида, ул. Булата, д. 1	Идентично
Товарный знак			Идентично
<i>Мука пшеничная «Столичная мельница»</i>			
Наименование	Мука пшеничная «Столичная мельница»	Мука пшеничная «Столичная мельница»	Идентично
Группа	Мука злаковая	Мука злаковая	Идентично
Марка	М 54-28	М 54-28	Идентично
Сорт	Высший	Высший	Идентично
Вид	Мука пшеничная	Белый цвет с желтоватым оттенком соответствует пшеничной муке	Идентично
Изготовитель	ОАО «Минский комбинат хлебопродуктов», 220088, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Слесарная, д. 48	ОАО «Минский комбинат хлебопродуктов», 220088, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Слесарная, д. 48	Идентично
Марка	М 54-28	М 54-28	Идентично
Сорт	Высший	Высший	Идентично
Товарный знак			Идентично
<i>Мука пшеничная «Суседскі маёнтак»</i>			
Наименование	Мука пшеничная «Суседскі маёнтак»	Мука пшеничная «Суседскі маёнтак»	Идентично
Группа	Мука злаковая	Мука злаковая	Идентично
Марка	М 54-28	М 54-28	Идентично
Сорт	Высший	Высший	Идентично
Вид	Мука пшеничная	Белый цвет с желтоватым оттенком соответствует пшеничной муке	Идентично
Изготовитель	ОАО «Минский комбинат хлебопродуктов», 220088, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Слесарная, д. 48	ОАО «Минский комбинат хлебопродуктов», 220088, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Слесарная, д. 48	Идентично
Товарный знак			Идентично

Окончание таблицы 2

Критерии идентификации	Информация из товаросопроводительных документов	Информация, полученная в результате исследований	Идентично или не идентично
<i>Мука пшеничная «Макфа»</i>			
Наименование	Мука пшеничная «Макфа»	Мука пшеничная «Макфа»	Идентично
Группа	Мука злаковая	Мука злаковая	Идентично
Марка	М 54-28	М 54-28	Идентично
Сорт	Высший	Высший	Идентично
Вид	Мука пшеничная	Белый цвет с желтоватым оттенком соответствует пшеничной муке	Идентично
Изготовитель	АО «Макфа», г. Москва, Вспольный переулок, д. 5, стр. 1, офис 1	АО «Макфа», г. Москва, Вспольный переулок, д. 5, стр. 1, офис 1	Идентично
Товарный знак			Идентично
<i>Мука пшеничная «Увелка»</i>			
Наименование	Мука пшеничная «Увелка»	Мука пшеничная «Увелка»	Идентично
Группа	Мука злаковая	Мука злаковая	Идентично
Марка	М 54-28	М 54-28	Идентично
Сорт	Высший	Высший	Идентично
Вид	Мука пшеничная	Белый цвет с желтоватым оттенком соответствует пшеничной муке	Идентично
Изготовитель	АО КХП «Злак», Челябинская область, поселок Увельский, ул. Элеваторная, д. 5	АО КХП «Злак», Челябинская область, поселок Увельский, ул. Элеваторная, д. 5	Идентично
Товарный знак			Идентично
Примечание – Источник: собственная разработка.			

Анализ полученных данных свидетельствует о том, что исследуемые образцы муки идентичны информации, представленной в сопроводительных документах и маркировке.

Ассортиментная идентификационная экспертиза способствовала подтверждению, что все образцы представляют собой муку – мелкий, однородный порошок, без грубых частиц и комков. Идентификация вида муки осуществлялась путем растирания в руке, ощущается нежная текстура, мягкость и шелковистость, отсутствуют грубые частицы, комочки. Белый цвет с легким кремовым или желтоватым оттенком указывает на муку пшеничную.

В результате квалитетической идентификационной экспертизы муки, путем оценки органолептических и физико-химических показателей установлена идентичность всех исследуемых образцов требованиям СТБ 1666 «Мука пшеничная. Технические условия» [1].

Результаты квалитетической идентификационной экспертизы представлены на примере муки пшеничной «Лидская мука» высшего сорта (таблица 3).

Таблица 3 – Результаты квалитетической идентификации муки пшеничной «Лидская мука» высшего сорта

Показатели качества	Требования по СТБ 1666-2006 «Мука пшеничная. Технические условия»	Результаты оценки фактически	Идентичность
Вкус	Свойственный пшеничной муке, без постороннего привкуса, не кислый, не горький	Без постороннего привкуса, не кислый, не горький	Идентично
Запах	Свойственный пшеничной муке, без постороннего запаха, незатхлый, неплесневелый	Без постороннего запаха, незатхлый, неплесневелый	Идентично
Хруст	При разжевывании муки не должно ощущаться хруста	Хруст отсутствует	Идентично
Цвет	Белый или белый с кремоватым оттенком	Белый	Идентично
Зараженность и загрязненность вредителями хлебных запасов	Не допускается	Отсутствуют	Идентично
Влажность, %	Не более 15	8,8	Идентично
Кислотность, град, не более	3,0	1,3	Идентично
Примечание – Источник: собственная разработка на основе [1].			

Таким образом, идентификационная экспертиза муки позволила установить соответствие конкретной партии продукции ее наименованию, виду, марке и сорту, заявленным в сопроводительных документах и на маркировке, а также определить соответствие качества требованиям действующих технических нормативных правовых актов, что в результате способствует обеспечению потребителей безопасной и качественной мукой, защите их прав, поддержанию добросовестной конкуренции между изготовителями.

Список использованной литературы

1. **Мука** пшеничная. Технические условия : СТБ 1666-2006 ; введ. 01.12.2006. – Мн. : Госстандарт, 2006. – 20 с.
2. **Рощина, Е. В.** Идентификация в обеспечении качества и безопасности хлебобулочных изделий пониженной влажности / Е. В. Рощина, Д. В. Жакун // Потребительская кооперация. – 2025. – № 1 (88). – С. 38–43.
3. **Арнаутов, О. В.** О необходимости совершенствования системы предупреждения фальсификации пищевых продуктов в Евразийском экономическом союзе / О. В. Арнаутов, О. В. Багрянцева, В. В. Бессонова // Вопросы питания. – 2016. – № 2. – С. 106–117.

УДК 663.2:339.138.2

С. С. Фёдорова (expertis@sibupk.nsk.su),
преподаватель

Ю. Ю. Миллер (dean_ttf@sibupk.nsk.su),
д-р техн. наук, доцент
Сибирский университет
потребительской кооперации
г. Новосибирск, Российская Федерация

АНАЛИЗ АССОРТИМЕНТА ВИНОДЕЛЬЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ НА ОСНОВЕ ПЛОДОВОГО СЫРЬЯ ТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ г. НОВОСИБИРСКА

Проведен анализ ассортимента винодельческой продукции, произведенной на основе плодового сырья торговых предприятий г. Новосибирска, по виду используемого сырья, странам-производителям, разнообразию торговых марок, стоимости продукции. По результатам можно сделать вывод, что на потребительском рынке Российской Федерации присутствуют различные невиноградные вина, произведенные в приоритете в странах ближнего зарубежья. Проведенный опрос респондентов г. Новосибирска показал положительное отношение потребителей к выбору винодельческой продукции из плодового сырья и готовности ее приобретения в различной ценовой категории.

The analysis of the range of wine-making products produced on the basis of fruit raw materials is carried out, trading enterprises of Novosibirsk, by type of raw materials used, producing countries, variety of trademarks, cost of products. Based on the results, a conclusion can be drawn that in the consumer market of the Russian Federation there are various non-grape wines produced in priority in neighboring countries. The conducted survey of Novosibirsk respondents showed a positive attitude of consumers towards the choice of wine-making products from fruit raw materials and their willingness to purchase them in various price categories.

Ключевые слова: винодельческая продукция; плодовое сырье; анализ ассортимента.

Key words: wine production; fruit raw materials; assortment analysis.

В настоящее время отечественный потребительский рынок является очень динамичным, и постоянно претерпевает ассортиментные изменения, обусловленные влиянием, прежде всего, санкционных действий относительно России. Это касается как непродовольственных товаров, так и продовольственных, в том числе группы вкусовых товаров. Заметные изменения наблюдаются на «полках» алкогольной продукции. Вино – популярный напиток у взрослого населения страны, при этом потребитель, имея свои предпочтения, заставляет торговые предприятия соответствовать запросам покупателей с разных сторон, например, предоставлять разнообразие по странам-производителям, ценовой палитре, различным классификационным признакам вина, в частности, по виду используемого сырья.

Очень популярными среди населения нашей страны становятся вина, произведенные на основе не виноградного сырья, а различного плодового, в том числе на основе ягод. Отечественными учеными проводятся исследования в области развития производства не только виноградного вина [1–5]. В связи с чем представляло интерес исследовать ассортимент винодельче-

ской продукции, произведенной на основе плодов (фруктов, ягод) и реализуемой на торговых предприятиях Новосибирской области Российской Федерации, а также изучить предпочтения потребителей данной продукции, что позволило бы оценить перспективы не только существующего разнообразия ассортимента винодельческой продукции на отечественном потребительском рынке, но и возможности развития перерабатывающих производств, прежде всего, Российской Федерации, в сторону производства винодельческой продукции на основе плодового сырья, как востребованной продукции среди российского населения.

Целью работы являлось проведение анализа ассортимента винодельческой продукции на основе плодового сырья на конкретных предприятиях г. Новосибирска и изучение мнения респондентов относительно потребительских предпочтений данной алкогольной продукции.

Для проведения исследования отобраны четыре торговых предприятия г. Новосибирска, реализующие различную винодельческую продукцию. Анализ ассортимента проводили по виду используемого сырья, разнообразию торговых марок, странам-производителям. Результаты исследования представлены в нижеприведенной таблице.

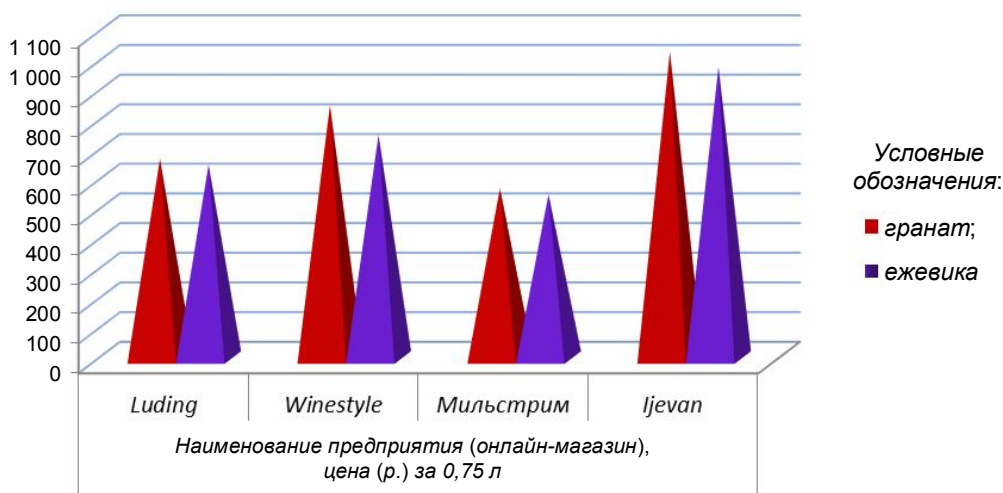
Ассортимент винодельческой продукции, представленный на торговых предприятиях г. Новосибирска

Торговое предприятие	Виды сырья, на основе которого произведена винодельческая продукция (по одному виду сырья в технологии)	Количество торговых марок, представленных на торговом предприятии	Страны-производители
Winestyle	Абрикос, айва, брусника, вишня, гранат, ежевика, жимолость, клубника, личи, малина, слива, черная смородина, кизил, ягодный микс*	60	Азербайджан, Армения, Казахстан, Китай, Россия, Япония
Luding	Вишня, гранат, ежевика	7	Армения
Мильстрим	Гранат, ежевика	3	Армения, Узбекистан
Ijevan	Брусника, вишня, гранат, ежевика, кизил	20	Армения
* Одно наименование (одной торговой марки) продукции из смеси ягод.			

По результатам анализа можно сделать вывод, что в целом на примере торговых предприятий г. Новосибирска можно отметить достаточно широкий ассортимент винодельческой продукции на основе плодового сырья, произведенной преимущественно в странах ближнего зарубежья, а также в Китае и Японии. Тем не менее, потребительская «полка» данной продукции не так широко представлена продукцией отечественного производства.

Если говорить о ценовой политике, то по результатам оценки продукции по стоимости на примере двух самых популярных продуктов (вино на основе граната и вино на основе ежевики), была отмечена заметная разница в ценах на эти вина, а также разница в ценах на вино на разных торговых предприятиях. На нижеприведенном рисунке представлены данные по стоимости этих двух видов вин, реализуемых на разных торговых предприятиях.

Средние цены на ключевые виды вина

С целью выявления потребительских предпочтений относительно употребления винодельческой продукции на основе плодового сырья проведено анкетирование жителей г. Новосибирска. Выборка респондентов для исследования проводилась исключительно с учетом возрастного ограничения – 150 жителей города, достигших совершеннолетия.

На основе анкетирования респондентов были получены следующие данные:

– 67% респондентов подтвердили, что хотя бы иногда употребляют вина, произведенные из плодового (ягодного, фруктового) сырья.

– Около 64% опрошенных отдают свое предпочтение винам, основным сырьем в которых является гранат. На втором месте у жителей г. Новосибирска находится ежевика.

– Армения является лидером среди стран-производителей, именно этой стране 62% опрошенных отдают свое предпочтение. Данный результат объясняет существенное доминирование армянских производителей и формирование бренда «армянское фруктовое вино».

– При осуществлении опроса (анкетирования) произошло четкое разделение респондентов на сегменты: доля эконом-сегмента составляет 17% опрошенных. Массовый (средний) сегмент охватывает 53% опрошенных, они выбирают вина в ценовом диапазоне от 800 до 1 500 р. Именно на такую аудиторию нацелены предприятия «Мильстрим» и «Luding». Рынок плодовых вин смещен в сторону среднего и выше среднего ценового сегмента: 30% респондентов отдают свое предпочтение винам с уникальным вкусом и премиальным статусом от 1 500 до 2 500 р. Потребители данного сегмента являются покупателями продукции предприятий «Winestyle» и «Ijevan».

– 47% респондентов предпочитают специализированные магазины, такие как «Winestyle» и «Ijevan», поскольку именно эти площадки играют важную роль в формировании мнения и доверия к продукту. Интернет-магазины с доставкой набирают популярность среди молодежи (16% опрошенных), лишь супермаркеты остаются значимым каналом для совершения спонтанных покупок (37% респондентов).

Таким образом, проведенные исследования позволяют сделать следующие выводы:

– Гранат и ежевика оказываются лидерами спроса среди сырья для винодельческой продукции на основе плодового сырья.

– Армения выступает ключевым регионом-производителем, а рынок четко сегментирован по ценовым категориям. Эффективность нишевой стратегии «Ijevan» путем специализирования на армянском происхождении вин и высоком качестве продукции позволяет предприятию удерживать аудиторию, готовую платить выше среднего уровня.

– Каждая из рассмотренных торговых площадок реализует собственную стратегию позиционирования: «Winestyle» ориентирован на максимальное разнообразие и премиальный сегмент, «Ijevan» – на узкоспециализированный, регионально обусловленный ассортимент среднего и выше среднего ценового уровня, «Мильстрим» и «Luding» сосредоточены на доступных, массовых предложениях.

Таким образом, современный рынок невиноградных вин в г. Новосибирске характеризуется выраженной сегментацией, что открывает широкие возможности для потребителей с разными предпочтениями и бюджетами, производителей – в плане развития своих производственных возможностей и расширения ассортимента выпускаемой продукции.

Список использованной литературы

1. **Воронцов, П. А.** Современные тенденции в совершенствовании производства вин в России и Калининградской области / П. А. Воронцов, С. А. Воронцов, О. Я. Мезенова // Вестник молодежной науки. – 2020. – № 2 (24). – С. 1–7.

2. **Хоконова, М. Б.** Корректировка производственного цикла сортовых плодово-ягодных вин / М. Б. Хоконова // Известия Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета имени В. М. Кокова. – 2020. – № 3 (29). – С. 75–79.

3. **Ноздрина, М. А.** Получение и оценка качества виноградного и плодово-ягодного вина / М. А. Ноздрина, Е. А. Ягольник // Известия Тульского государственного университета. Естественные науки. – 2020. – № 4. – С. 117–128.

4. **Кулагина, К. А.** Технология производства плодово-ягодных вин с применением растительного подсластителя / К. А. Кулагина, Н. Е. Назарова // Технологии пищевой и перерабатывающей промышленности АПК – продукты здорового питания. – 2020. – № 4. – С. 22–27.

5. **Воронцов, П. А.** Получение вина из ежевики Калининградской области и оценка его качества / П. А. Воронцов, О. Я. Мезенова // Вестник молодежной науки. – 2021. – № 3 (30).

КАЧЕСТВО ВОЗДУХА И МИКРОКЛИМАТА СРЕДЫ ЗАКРЫТЫХ ПОМЕЩЕНИЙ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

В статье исследуются вопросы качества воздуха и микроклимата в закрытых помещениях как наиболее важных составляющих среды проживания, рассматривается их влияние на жизнедеятельность человека.

The article examines the issues of air quality and microclimate in closed spaces as the most important components of the living environment, and examines their impact on human life.

Ключевые слова: исследование; воздушная среда; помещение; микроклимат; безопасность; влияние; человек; жизнедеятельность.

Key words: research; air environment; premises; microclimate; safety; influence; person; life activity.

Воздушная среда призвана решать основную задачу – обеспечение человека воздухом соответствующего качества. В настоящее время его химический состав примерно следующий: азот – 78%, кислород – 21, инертные газы – около 0,097, углекислый газ – 0,03, пары воды – до 4%, но чаще значительно меньше.

Большую часть своей жизни человек проводит в закрытых помещениях. Она связана с решением производственных и бытовых задач. Лишь небольшая часть – это работа или отдых на открытом воздухе. Структурно это соотношение в процентном соотношении составляет 70:30 [1]. Изменения физических и химических свойств воздуха могут оказывать негативное воздействие на организм, быть носителем токсического и инфекционного начала. В жилых помещениях формируется особая среда, зависящая от качества воздуха и мощности внутренних источников загрязнений. Без пищи можно прожить до 90 дней, без воды – 3–5 суток, а без воздуха – считанные секунды [1–3].

В отличие от наружного воздуха, воздух жилых помещений содержит значительно большее число химических веществ в концентрациях, в 2–10 раз превышающих концентрации веществ в атмосферном воздухе. В большинстве случаев загрязнители внутренней среды помещений не являются непосредственной причиной возникновения заболеваний, но способны ускорять течение уже имеющихся заболеваний.

Данная проблема сегодня находится в центре внимания многих исследований. Можно отметить труды А. Г. Малышевой, Н. В. Калининой, С. М. Юдина, Г. М. Черногаевой, А. В. Мацюка, Н. Г. Волковой, Г. Г. Онищенко, Н. В. Никифоровой, И. В. Май, В. К. Савина, Л. А. Дедковой и др. Они отмечали, что состояние внутренней среды закрытых жилых помещений особенно влияет на здоровье, активность производственной деятельности. Жилищная среда на постоянной основе является объектом контроля санитарно-эпидемиологических служб. Вместе с тем, есть ряд вопросов прикладного характера, которые выпадают из поля зрения научных исследований [1].

В воздушной среде закрытых помещений обычно содержатся загрязнители, поступающие с загрязненным атмосферным воздухом (от 20 до 40%), продуктами деструкции строительных и отделочных полимерных материалов (от 30 до 50%). К этой категории относятся продукты бытовой деятельности человека, загрязняющие внутреннюю среду (сгорание газа при приготовлении пищи, отоплении помещений, использование моющих и чистящих средств, курение – до 10%), биологические факторы загрязнений (от 10 до 30%).

Интересны исследования и данные технических нормативных правовых актов о взаимном влиянии внутренней среды жилых помещений и окружающей среды. На основании обобщения материала теоретических источников [3] установлено, что наиболее сильными загрязнителями атмосферы выступают сернистый ангидрид (SO₂), двуокись азота (NO₂), углекислый

газ (CO_2) и угарный газ (CO). Концентрации сернистого ангидрида характеризуются наличием определенных параллелей в наружных и внутренних концентрациях этого токсичного вещества. Концентрация второго опасного химического вещества (двуокиси азота) составляет около 60% содержания ее в атмосферном воздухе. Углекислый газ внутри жилого помещения находится в пределах 35% от его содержания в атмосферном воздухе, что объясняется сорбцией вещества на предметах ремонта, отделки и украшения интерьера жилого помещения (лаки, краски, штукатурка, шпатлевка, сухие строительные смеси, клеи, обои, ковры, напольные покрытия и пр.).

При сравнении внутренних и наружных концентраций окиси углерода подобной четкой закономерности не выявлено. В некоторых случаях ее концентрация внутри помещений при закрытых окнах достигала 75% и более от наружной, а в некоторых – была весьма незначительной [3].

Окись углерода может образовываться внутри помещений из-за неполного сгорания газов или попадать из атмосферного воздуха вследствие его загрязнения выхлопами автомобильного транспорта через вентиляционные устройства.

Жилые здания и помещения, в свою очередь, служат источником загрязнения окружающей среды такими химическими соединениями как аммиак, деметиламин, фенол, толуол, винилацетат, крезол, оксид азота, углерода, сероводорода и пр. Все они являются продуктами жизнедеятельности человека, деструкции строительных товаров на основе полимеров и др. [1].

Физические факторы воздушной среды формируют микроклимат помещений, обеспечивают жизнедеятельность и здоровье человека. В этой связи нельзя не учитывать продукты деструкции материалов, используемых для ремонта и украшения интерьера помещений, продукты неполного сгорания газов, продукты жизнедеятельности самого человека.

Микроклимат воздушной среды закрытых помещений включает температуру воздуха, его влажность и подвижность, неионизирующее солнечное излучение, барометрическое давление. Солнечная радиация и температура воздуха определяют тепловое состояние человека, его жизненные функции: рост, развитие, обменные процессы, здоровье.

Микроклимат помещений исследуют периодически планово и при росте заболеваемости острыми респираторными инфекциями и другими болезнями органов дыхания, а также иных органов и систем, связанных с действием на организм холода. Обследование может быть проведено при жалобах на неблагоприятный микроклимат в помещениях (холод, сырость и т. д.).

Для всесторонней оценки рекомендуется сочетать инструментальные обследования с опросом людей, проживающих в обследуемых помещениях, а также с обстоятельным анализом данных об их заболеваемости в целях установления корреляционной зависимости ее от микроклимата жилых помещений. Для оценки теплоизолирующих свойств зданий необходимо одновременно исследовать температуру, относительную влажность и скорость движения наружного воздуха. Это следует делать при обследовании систем отопления и вентиляции.

Системы отопления и вентиляции должны обеспечивать соответствие допустимых параметров микроклимата в жилых помещениях в течение всего отопительного периода следующим требованиям:

- температура воздуха – $+18 - +24$ °C;
- относительная влажность – в пределах 40–60%;
- скорость движения воздуха – не более 0,3 м/сек;
- температурный перепад между температурой воздуха помещений и стен – не более 6 °C;
- температурный перепад между температурой воздуха помещений и пола – 2 °C [1; 2].

Нормирование параметров микроклимата осуществляется в соответствии с действующими техническими нормативными правовыми актами в зависимости от периода года (холодный (среднесуточная температура наружного воздуха $+10$ °C и ниже), теплый (среднесуточная температура наружного воздуха выше $+10$ °C) и функционального назначения помещений).

Различают оптимальные и допустимые микроклиматические условия.

Первые условия – сочетания параметров микроклимата при длительном систематическом воздействии на человека, обеспечивающих сохранение нормального теплового состояния организма без напряжения механизмов терморегуляции, в то время как допустимые микроклиматические условия – это напряжение механизмов терморегуляции, не выходящее за пределы физиологической нормы.

Система отопления, конструкция зданий должны обеспечивать нормативы качества воздуха, уровней шума и вибрации, а также микроклимат в жилых комнатах студенческого обще-

жития. Система отопления должна обеспечивать равномерный прогрев воздуха конвекцией при температуре радиаторов не выше 70 °С, поскольку используется водяное отопление, на протяжении всего отопительного сезона, быть удобной в эксплуатации и регулировании.

Необходимо обратить внимание на превращения, которые происходят в воздушной среде закрытых помещений под действием солнечного излучения. Для воздушной фотохимии наибольший интерес представляют явления фотохимической диссоциации электронно-возбуждающих молекул, в результате которых возникают нежелательные соединения, особенно служащие основой фотохимического смога. Для его формирования достаточно присутствия в воздухе оксида азота (NO_2), наличия солнечного света и застоя воздуха (отсутствие проветривания помещения). Двоокись азота под влиянием УФ-лучей распадается на NO и атомарный кислород O, который соединяясь с молекулой атмосферного кислорода, образует озон O_3 – один из сильнейших окислителей, который является опасным для человека в помещении, особенно, если попадает в дыхательную систему при концентрации в пределах 0,004–0,2 мг/м³.

Опасные концентрации озона возникают у рентгеновских и копировальных аппаратов, МФУ, ламп УФ-излучения. Малые концентрации озона благотворно влияют на человека. Если в воздухе одновременно с озоном присутствуют некоторые углеводороды, запускается цепь сложных химических реакций. При этом могут образовываться вещества, которые по токсичности намного превосходят исходные продукты: альдегиды, кетоны, свободные радикалы, пероксиды.

На самочувствие человека могут оказывать влияние аэроионы воздушной среды плохо проветриваемых зданий. Их содержание там колоссально, что вызывает у обитателей таких помещений сильную сонливость, усталость, головную боль, сухость в горле, заложенность носа, сухость, раздражение глаз и прочие реакции.

Анализ теоретических источников, практических исследований показывает, что существенную роль в перспективном обеспечении безопасности жизнедеятельности человека играет система общегосударственных мероприятий. На оздоровление условий направлены планировочные, технические, санитарно-технические и организационные мероприятия. Используются приборы и средства автоматизации, позволяющие осуществлять контроль за уровнем загрязнения атмосферного воздуха, состоянием внутренней среды жилых помещений. Практическое внедрение системы автоматического контроля различных факторов внутренней среды закрытых жилых помещений, сбор и оценка информации об их состоянии позволяет более полно оценить влияние факторов внутренней среды жилых помещений на комфорт и безопасность жизнедеятельности людей в процессе выполнения ими хозяйственно-бытовых и образовательных функций.

Наиболее эффективным и современным средством создания благоприятных метеоусловий в закрытых помещениях являются вентиляция и кондиционирование воздуха.

Вентиляция предназначена для удаления вредных паров, пыли и газов, избыточного тепла и влаги из помещений, а также для подачи в них чистого воздуха. Общие требования по устройству вентиляции в помещениях изложены в СНиП 2.04.05 «Отопление, вентиляция и кондиционирование», СНБ 4.02.01 «Отопление, вентиляция и кондиционирование» и других технических нормативных правовых актах.

Вентиляция – это замена воздуха помещений наружным чистым воздухом в целях создания в них благоприятной для здоровья людей воздушной среды. В зависимости от способа перемещения воздуха целесообразно применять естественную, в том числе организованную (дефлекторную, бесканальную (аэрация) и неорганизованную вентиляцию; искусственную (механическую – вытяжную, приточную, приточно-вытяжную) вентиляцию; смешанную вентиляцию.

Естественная вентиляция позволяет подавать в помещения и удалять из помещений большие объемы воздуха без применения вентиляторов, но ее эффективность зависит от температуры наружного воздуха, силы и направления ветра.

Вытяжная вентиляция удаляет из помещений загрязненный или горячий воздух и не допускает его проникновения в соседние помещения (кухни, жилые комнаты и др.).

Приточную вентиляцию можно рекомендовать для подачи чистого воздуха внутрь зданий в тех случаях, когда в помещениях нет опасных, вредных или неприятно пахнущих загрязнений и предотвращения их проникновения из других помещений.

Приточно-вытяжная вентиляция (с преобладанием вытяжки над притоком или наоборот) устраивается в тех случаях, когда в помещении не может быть обеспечен расчетный воздухо-

обмен при помощи вытяжки или притока (невозможность полной герметизации кухонных приборов и пр.).

В помещениях должна быть организована общеобменная вентиляция, которая обеспечивает необходимые параметры микроклимата и снижение концентрации вредных веществ до допустимых значений во всем объеме помещения, а также местная вентиляция – для удаления воздуха непосредственно от мест выхода вредных загрязнителей.

Для оценки качества воздуха анализируют интенсивность общеобменной искусственной вентиляции помещений – кратность воздухообмена, которая показывает, сколько раз за 1 ч происходит полная замена воздуха в помещении.

Кондиционирование воздуха – это создание и автоматическое поддержание в помещениях постоянных или изменяющихся по определенной программе температуры, относительной влажности, скорости движения и чистоты (по содержанию пыли) воздуха.

Используют центральные системы кондиционирования (обслуживающие несколько помещений), и местные, обслуживающие одно помещение. По конструктивному исполнению целесообразно приобретать (в зависимости от условий эксплуатации) моноблочные (оконные и мобильные) кондиционеры и сплит-системы или мультисплит-системы, состоящие из двух и более блоков – одного наружного и внутренних. Наружный блок включает наиболее габаритные узлы и компрессор, вынесенные за пределы помещения. Внутренние блоки (подразделяются на настенные, напольные, потолочные, колонные и встраиваемые в подвесной потолок) имеют жалюзийные решетки, которые распределяют поток охлажденного воздуха в помещении, обеспечены пультами дистанционного управления.

Наряду с кондиционированием рекомендуется использовать ионизацию воздуха – пополнение его ионами отрицательного знака. Санитарными правилами и нормами установлена оптимальная ионизация воздуха в помещении: 3 000–5 000 ед. в 1 см³ воздуха (отрицательные ионы p⁻), 1 500–3 000 ед. в 1 см³ воздуха (положительные ионы p⁺).

Таким образом, интенсификация производственно-бытовых функций способствует попаданию вредных химических веществ в среду бытовых помещений и прямому или косвенному их воздействию на человека. Именно человек, являясь инициатором происходящих в ней различного рода преобразований, сам подвергается воздействию ее вредных факторов и вынужден активизировать свои компенсаторные возможности, резервы которых со временем могут иссякнуть. Оценка качества воздушной среды и микроклимата является базовой основой для прогнозирования состояния и работоспособности людей после отдыха в бытовых условиях. Навыки в определении состава воздушной среды и параметров микроклимата закрытых помещений и их комплексная оценка позволяют разрабатывать рекомендации по оптимизации условий жизнедеятельности человека, эффективные меры по профилактике холодовых и тепловых поражений.

Список использованной литературы

1. **Санитарно-эпидемиологические** требования к условиям проживания в жилых зданиях и помещениях : СанПин Респ. Беларусь от 19 июля 2023 г. № 112 ; введ. 08.01.2023. – Мн. : М-во здравоохранения Респ. Беларусь, 2023. – 19 с.
2. **Административные** и бытовые здания. Общие требования : СН 3.02.11-2020 ; введ. 01.01.2020. – Мн. : М-во архитектуры и стр-ва Респ. Беларусь, 2020. – 35 с.
3. **Бортновский, В. Н.** Эколого-гигиенические основы безопасности воздушной среды : учеб.-метод. пособие / В. Н. Бортновский. – Гомель : ГомГМУ, 2020. – 36 с.

VII. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

УДК 371.4:913:378.18

К. А. Домасевич (karinadomasevich@mail.ru),
студентка

Т. Д. Ефименко (efimenkotimofej8@gmail.com),
студент

Е. Г. Федорцова (krfedartsova@mail.ru),
канд. филол. наук, доцент
Белорусский торгово-экономический
университет потребительской кооперации
г. Гомель, Республика Беларусь

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕРЕЗ ПРОЕКТ «КОЖНАЯ ПЯТНИЦА – РОДНАЕ, СВАЁ» (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ БЕЛОРУССКОГО ТОРГОВО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ)

В статье рассматриваются социокультурные аспекты реализации республиканского проекта «Кожная пятница – роднае, сваё» в студенческой среде. На примере инициативы студентов Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации анализируются механизмы формирования национальной идентичности, сохранения культурного наследия и поддержки отечественного производителя.

The article examines the socio-cultural aspects of the implementation of the republican project “Every friday – native, yours” in the student environment. Using the example of the initiative of students from the Belarusian Trade and Economic University of Consumer Cooperation, the article analyzes the mechanisms of forming national identity, preserving cultural heritage, and supporting domestic producers.

Ключевые слова: социокультурные проекты; идентичность; национальные традиции; культурное наследие; молодежь; отечественные товары; творческий подход.

Key words: socio-cultural projects; identity; national traditions; cultural heritage; youth; domestic goods; creative approach.

Социокультурная идентичность представляет собой сложный феномен, включающий осознание человеком своей принадлежности к определенной культуре, языку, истории, традициям и ценностям. Она формируется под влиянием множества факторов: семейного воспитания, образовательной среды, информационного пространства, культурных практик и социальных институтов.

Идентичность не является статичной характеристикой, она постоянно развивается и трансформируется под воздействием как внутренних, так и внешних факторов. Особенно интенсивно этот процесс протекает в молодежной среде, где происходит активное формирование ценностных ориентаций и жизненных стратегий.

Культурные традиции выступают важнейшим механизмом передачи социокультурного опыта от поколения к поколению. Они обеспечивают преемственность развития, сохраняют накопленные знания, нормы и ценности, формируют чувство принадлежности к определенной общности.

В современном обществе вопросы сохранения национальной идентичности, культурного наследия и формирования ценностных ориентиров у молодого поколения приобретают особую значимость. С одной стороны, молодежь выступает группой, наиболее восприимчивой к инновациям, с другой – именно в молодежной среде происходит критическое переосмысление традиционных ценностей и их адаптация к современным условиям.

Глобализационные процессы, унификация культурных стандартов и экспансия массовой культуры создают риски размывания национальной самобытности, утраты связи с историческими корнями и традициями. В этих условиях особую роль приобретают социокультурные проекты, направленные на актуализацию национальных ценностей, популяризацию отечественной культуры и формирование устойчивого интереса к истории и традициям своего народа. Одним из таких проектов в Республике Беларусь стала масштабная республиканская акция «Кожная пятніца – роднае, сваё», инициированная в декабре 2025 г. Министерством антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь (далее – МАРТ) при поддержке Белтелерадиокомпаний и других заинтересованных организаций. Проект направлен на повышение культуры потребления, продвижение отечественных товаров, популяризацию их качества, разнообразия белорусских блюд и красоты родного языка [1].

Проект предлагает гибкие механизмы участия, что позволяет каждому выбрать наиболее комфортный для себя формат. Гражданам предлагается каждую пятницу (и не только) носить одежду и обувь белорусских производителей, готовить блюда из местных продуктов, слушать белорусскую музыку, читать и разговаривать на белорусском языке, а также делиться своими действиями в социальных сетях.

Для организаций и индивидуальных предпринимателей предусмотрена возможность регистрации на сайте МАРТ, после чего участник самостоятельно определяет формат своего участия: проведение выставок и дегустаций, предоставление скидок на белорусские товары, оформление витрин в национальном стиле, музыкальное оформление с трансляцией белорусских композиций [1].

Социокультурный потенциал проекта заключается в его способности интегрировать различные аспекты культурной жизни – от экономики до языка и искусства. Приобретение белорусского продукта становится не просто потребительским актом, а осознанным выбором в пользу своей культуры, страны.

Таким образом, «белорусская пятница» может превратиться в семейную традицию – накрыть стол с нашими продуктами, встретить гостей в одежде белорусских брендов и сопроводить вечер музыкой и стихами на родном языке. Именно это превращение разовых акций в устойчивые культурные практики составляет главный социокультурный смысл проекта.

Студенты Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации выступили инициаторами яркого мероприятия в поддержку отечественного производителя и национальных традиций, проведенного в рамках проекта «Кожная пятніца – роднае, сваё» [2]. Эта инициатива представляет особый интерес с социокультурной точки зрения, поскольку демонстрирует механизмы самоорганизации молодежи и ее вовлечения в процессы сохранения и трансляции культурного наследия (рисунок 1).

Рисунок 1 – Инициаторы мероприятия в Белорусском торгово-экономическом университете потребительской кооперации в рамках проекта «Кожная пятніца – роднае, сваё»

Центральной составляющей мероприятия стала серия интеллектуальных викторин на белорусском языке, посвященных знаковым местам Беларуси. Студенты соревновались в знаниях по истории, архитектуре и уникальным заповедным уголкам страны. Такой формат оказался особенно удачным для студенческой среды, поскольку он соответствует академическому характеру университета и одновременно позволяет участникам проявить творческий подход.

Интеллектуальные викторины, посвященные знаковым местам Беларуси, выполняют важную социокультурную функцию – они способствуют освоению культурного наследия через игровые формы, что особенно эффективно в молодежной среде. Участники не просто получают информацию, но и активно ее перерабатывают, запоминают, соотносят с уже имеющимися знаниями.

Особый интерес вызвали вопросы, касающиеся малоизвестных фактов из истории белорусских городов и местечек. Студенты не только демонстрировали свои знания, но и открывали для себя новую информацию о родной стране, что полностью соответствует духу проекта – каждый раз узнавать что-то новое о своем, родном (рисунок 2).

Рисунок 2 – Соавторы статьи проводят викторину

Важным элементом мероприятия стало поощрение участников, приятным бонусом стали сладкие призы для всех знатоков и победителей: в частности, товары белорусского бренда «СВАЁ» (соки, конфеты) и кондитерской фабрики «Коммунарка» (конфеты «са смакам роднай мовы» – с названиями белорусских слов «ветлівасць», «натхненне», «пяшчота», «удзячнасць», «ціхамірнасць») [2]. Этот незначительный элемент мероприятия имеет глубокий социокультурный смысл.

Во-первых, сладкие угощения от белорусских производителей стали символическим напоминанием о качестве и разнообразии продукции, выпускаемой в нашей стране. Это создает эмоциональную связь между позитивными впечатлениями от участия в мероприятии и отечественными товарами, а также способствует изучению белорусского языка.

Во-вторых, система поощрений формирует положительное подкрепление культурной активности, что способствует закреплению интереса к подобным мероприятиям и формированию устойчивых культурных паттернов поведения.

Опыт Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации показывает, что внеучебная деятельность предоставляет широкие возможности для реализации социокультурных проектов. В отличие от учебных занятий, которые имеют более формализованный характер, внеучебные мероприятия позволяют использовать разнообразные формы работы – от интеллектуальных игр до творческих конкурсов и экскурсий.

Именно в пространстве внеучебной деятельности студенты могут наиболее полно проявить свою инициативу, творческий подход, организаторские способности. Инициатива студентов Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации, которые сами выступили организаторами мероприятия в рамках республиканского проекта,

демонстрирует высокий уровень их социокультурной активности и заинтересованности в сохранении национальных традиций.

Список использованной литературы

1. **Республиканская** акция «Кожная пятница – родное, своё» // Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь. – URL: <https://mart.gov.by/activity/torgovlya-i-uslugi/proekt-kozhnaya-pyatnitsa-rodnae-svaye> (дата обращения: 17.03.2026).

2. «**Кожная** пятница – родное, своё»: студенты БТЭУ поддержали республиканский проект // Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации. – URL: <https://www.bteu.by/news/respublikanskaya-akczyya-kozhnaya-pyatnitsa-rodnaye-svayo> (дата обращения: 17.03.2026).

УДК 81:004.934

Е. Ергеш (anardaribaeva@mail.ru),
студент

Е. Мусаев (erasilm@gmail.com),
студент

А. А. Дарибаева (anardaribaeva@mail.ru),
ст. преподаватель

Южно-Казахстанский университет
имени М. Ауэзова
г. Шымкент, Республика Казахстан

БУДУЩЕЕ ЛИНГВИСТИКИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТЕХНОЛОГИЙ РАСПОЗНАВАНИЯ РЕЧИ

В статье рассматривается будущее лингвистики через призму технологий, в частности, анализируется роль и значение систем распознавания речи. В ходе исследования были описаны основные методы технологий автоматического распознавания речи, включая акустические и языковые модели, а также применение нейронных сетей. В экспериментальной части сравнивалась эффективность системы, построенной на основе речевых моделей на казахском и английском языках, в результате чего были определены показатели точности по каждому языку. В ходе анализа были выявлены причины снижения качества распознавания речи на казахском языке и предложены пути их совершенствования. По результатам исследования можно сделать вывод, что технологии распознавания речи являются важным инструментом в развитии лингвистической науки, в будущем сфера ее применения будет расширяться.

The paper examines the future of linguistics through the lens of technology, in particular, analyzes the role and importance of speech recognition systems. The study described the main methods of automatic speech recognition technologies, including acoustic and language models, as well as the use of neural networks. In the experimental part, the effectiveness of a system based on speech models in Kazakh and English was compared, as a result of which accuracy indicators for each language were determined. The analysis revealed the reasons for the decrease in the quality of speech recognition in the Kazakh language and suggested ways to improve them. Based on the results of the study, a conclusion can be drawn that speech recognition technologies are an important tool in the development of linguistic science, the scope of its application will expand in the future.

Ключевые слова: распознавание речи; лингвистика; нейронные сети; языковая модель; цифровые технологии; базы данных; машинное обучение.

Key words: speech recognition; linguistics; neural networks; language model; digital technologies; databases; machine learning.

В современную цифровую эпоху взаимосвязь языка и технологий вышла на новый уровень. В частности, технологии распознавания речи (speech recognition) вносят большой вклад в развитие лингвистики. Такие задачи, как автоматическое преобразование речи в текст, обработка языковых данных, перевод, сегодня реализуются с помощью искусственного интеллекта. Это явление открыло путь к развитию лингвистической науки не только в теоретическом, но и в прикладном направлении.

Технологии распознавания речи не только облегчили «общение» между человеком и компьютером, но и стали важным инструментом для сохранения, изучения и развития языков. Такие технологии имеют большое значение для языков с ограниченными ресурсами, таких как

казахский язык. В этой статье мы рассмотрим роль технологий распознавания речи в лингвистике, используемые методы и материалы, а также экспериментальные результаты и их анализ.

В ходе исследования были рассмотрены принципы функционирования систем распознавания речи и методы, используемые при их создании. Основные методы включают следующее: акустическое моделирование – обработка звуковых сигналов и их деление на фонемы; языковое моделирование – определение возможных комбинаций слов; использование нейронных сетей – повышение точности распознавания речи с помощью алгоритмов глубокого обучения (deep learning) [1].

В качестве материала использовались аудиозаписи из открытых источников, текстовый корпус и образцы речи. Также использовался язык программирования Python и специальные библиотеки (например, библиотеки speech recognition).

В экспериментальной части исследовательской работы была проведена комплексная работа, состоящая из нескольких этапов с целью экспериментальной проверки эффективности системы распознавания речи. Основной целью эксперимента было сравнение точности распознавания речи на казахском и английском языках и выявление факторов, влияющих на качество функционирования системы.

Для эксперимента были собраны аудиоданные общей продолжительностью около 5 ч. Данные были выбраны в соответствии со следующими требованиями: охвачено 20 говорящих разного возраста и пола; каждый говорящий прочитал 10–15 предложений; записи были сделаны в тихой обстановке и среде с небольшим шумом; тексты на казахском и английском языках получены в равных объемах.

Аудиофайлы сохранены в формате wav, на частоте 16 кГц. Записи прошли предварительную обработку: было проведено уменьшение фоновых шумов, выравнивание громкости (нормализация) и сокращение ненужных прерываний [2].

Одним из важнейших этапов системы распознавания речи является выделение важных признаков из звукового сигнала. Для этого использовался метод MFCC (Mel-Frequency Cepstral Coefficients). MFCC дает характеристики, близкие к человеческому слуху, широко используется для распознавания речи [3].

Каждый аудиофайл был разделен на 25-миллисекундные окна, из каждого окна было получено 13 основных коэффициентов. Кроме того, коэффициенты дельты и дельты были рассчитаны и переданы модели в качестве дополнительной информации.

В эксперименте использовалась нейронная сеть, основанная на глубоком обучении.

Входной слой (input layer) принимает метки MFCC.

Скрытые слои (hidden layers) – несколько полностью связанных (dense) и рекуррентных (LSTM) слоев.

Выходной слой (output layer) дает набор возможных слов или фонем.

Модель реализована на платформе TensorFlow/Keras. Процесс обучения проводился в течение 20 эпох, в каждой эпохе отслеживались показатели функции ошибок (loss) и точности (accuracy) [4].

Собранные данные были разделены на две части: 80% – обучающий набор (training set), 20% – это набор для тестирования (test set).

В процессе обучения модель изучала взаимосвязь между речевыми сигналами и соответствующими текстами. На этапе тестирования система преобразовала ранее невиданные аудиозаписи в текст, результаты сравнивались с фактическим текстом.

По результатам эксперимента были получены следующие данные: английский язык – 92%, 8%; казахский язык – 78%, 22%.

Точность звука, записанного в тихой среде, была в среднем на 5–7% выше.

Уровень ошибок значительно увеличился в шумной среде.

В казахском языке чаще отмечались ошибки в длинных и сложных предложениях.

В ходе эксперимента было выявлено влияние следующих факторов:

- Темп речи. При очень быстрой речи модель пропустила некоторые слова.
- Акцент и диалект. Различные региональные особенности повлияли на качество распознавания.
- Объем данных. Большая база данных на английском языке позволила модели работать лучше.

Кроме того, было замечено, что морфологическая сложность (много приложений) в казахском языке создает дополнительную сложность для модели.

Полученные результаты свидетельствуют об эффективности технологий распознавания речи, но также подчеркивают наличие некоторых проблем. Высокая точность английского языка обусловлена его широким распространением и наличием больших баз данных.

Снижение показателей на казахском языке обусловлено несколькими факторами: недостатком аудиоданных; множественность диалектов; недостаточное развитие языковых моделей.

Кроме того, можно сделать вывод, что такие факторы, как скорость речи, акцент, фоновый шум, влияют на работу системы. Хотя использование нейронных сетей значительно улучшило результаты, для полного улучшения требуются дополнительные данные и время.

У этих технологий большое будущее. В будущем они могут широко использоваться в образовании, медицине, переводе и инклюзивных технологиях [5].

Технологии распознавания речи стремительно развиваются как новое направление лингвистики. Они расширяют возможности изучения, сохранения и использования языков. Результаты исследования показывают, что эти технологии обладают высокой эффективностью, но для некоторых языков они нуждаются в улучшении.

Развитие систем распознавания речи для казахского языка – одна из важнейших задач. Для этого необходимо собирать большие объемы качественных данных, совершенствовать языковые модели и увеличивать количество научных исследований.

Таким образом, будущее лингвистики, рассматриваемое через призму технологий, представляет собой новое научное направление, основанное на гармоничной интеграции искусственного интеллекта и человеческого языка.

Список использованной литературы

1. **Гудфеллоу, И.** Глубокое обучение / И. Гудфеллоу, Й. Бенжио, А. Курвилль. – Cambridge : MIT Press, 2016.
2. **Graves, A.** Supervised Sequence Labelling with Recurrent Neural Networks / A. Graves. – Berlin : Springer, 2012.
3. **Deng, L.** Machine learning paradigms for speech recognition. An overview / L. Deng, X. Li // IEEE Transactions on Audio, Speech, and Language Processing. – 2013.
4. **Deep** Neural Networks for Acoustic Modeling in Speech Recognition / G. Hinton [et al.] // IEEE Signal Processing Magazine. – 2012.
5. **Jurafsky, D.** Speech and Language Processing / D. Jurafsky, J. H. Martin. – Stanford : Stanford University, 2023.

АНТИАЛКОГОЛЬНЫЕ КАМПАНИИ В СССР (1950–1980-е гг.)

В данной статье рассмотрены основные мероприятия по преодолению пьянства и алкоголизма, предпринятые партийным и государственным руководством Союза Советских Социалистических Республик в 1950–1980-е гг., дана их правовая оценка, сделаны выводы об эффективности антиалкогольной политики.

In this article the main measures for overcoming of drunkenness and alcoholism undertaken by the Union of Soviet Socialist Republics party and state authorities during 1950–1980-th are regarded, theirs law estimation is given, conclusions of anti-alcohol policy effectiveness has been made.

Ключевые слова: алкоголизм; антиалкогольная политика; партийное и государственное руководство; правовая оценка; антиалкогольные мероприятия; эффективность.

Key words: alcoholism; anti-alcohol policy; party and state authorities; law estimation; anti-alcohol measures; effectiveness.

Один из парадоксов советской эпохи заключался в том, что государство, провозглашая и пропагандируя борьбу за трезвость и здоровый образ жизни, являлось монополистом в производстве и реализации алкогольной продукции, использовало доходы от нее как существенный источник бюджетных средств.

Еще в 1914 г. с началом Первой мировой войны царское правительство ввело запрет на производство и продажу крепких спиртных напитков. Он продолжал действовать в первые годы советской власти. Однако в условиях внешнеэкономической изоляции, ограниченности зарубежных кредитов и инвестиций руководство Союза Советских Социалистических Республик (СССР) в поисках дополнительных поступлений в бюджет возобновляет производство крепких спиртных напитков. Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров СССР 28 августа 1924 г. приняли постановление «О введении в действие Положения о производстве спирта и спиртных напитков и торговле ими».

В Политическом отчете XIV съезду Всесоюзной коммунистической партии (большеви-ков) (ВКП(б) 18 декабря 1925 г. Сталин отмечал: «Ежели у нас нет займов, ежели мы бедны капиталами и если... мы не можем пойти в кабалу к западноевропейским капиталистам... остается одно: искать источников в других областях... Надо выбирать между кабалой и водкой, и люди, которые думают, что можно строить социализм в белых перчатках, жестоко ошибаются» [1, с. 340–341]. Вместе с тем руководитель СССР понимал пагубность «пьяного бюджета». Через 2 года, выступая на XV съезде партии, Сталин предложил: «... Можно было бы начать постепенное свертывание выпуска водки... вводя... такие источники дохода, как радио и кино...» [2, с. 312].

Несмотря на снятие запрета на продажу крепких напитков, душевое потребление алкоголя (в пересчете на чистый спирт) в СССР росло медленно: по официальным данным, до середины 1950-х гг. оно не превышало 2,2 л. Это был один из самых низких показателей в мире. Однако за пределами государственной статистики оставалось самогоноварение, получившее распространение не только в сельской местности, но и в городах. Нелегальные «самогонщики» активно торговали своим товаром. Для борьбы с ними 7 апреля 1948 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «Об уголовной ответственности за изготовление и продажу самогона». За изготовление с целью сбыта и сбыт самогона предусматривались санкции в виде лишения свободы от 6 до 7 лет с конфискацией имущества, за изготовление без цели сбыта – 1–2 года [3].

Однако по мнению ряда исследователей, данный указ не дал ожидаемых результатов. В условиях послевоенных трудностей, особенно в сельской местности, самогон был не только «продуктом для души», но и платежным средством [4, с. 108–118].

Начало первой крупномасштабной антиалкогольной кампании в СССР было положено выступлением Первого секретаря Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза (ЦК КПСС), Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущёва в Минске 22 ян-

варя 1958 г. на совещании передовиков сельского хозяйства. В эмоциональных выражениях он резко раскритиковал сельчан за переработку ценного зерна и сахара на самогон, отметил, что пьянство и алкоголизм являются одним из препятствий на пути строительства коммунизма.

ЦК КПСС и Совет Министров СССР 15 декабря 1958 г. приняли совместное постановление «О мерах по усилению борьбы с пьянством и по наведению порядка в торговле крепкими спиртными напитками» [5]. В соответствии с ним вводился ряд запретов: на продажу водки в предприятиях общественного питания (столовых, закусочных, чайных, кроме ресторанов), время торговли водкой в магазинах ограничивалось с 10 до 20 ч, запрещалось продавать водку вблизи промышленных предприятий, учебных заведений, детских учреждений, больниц, мест отдыха и зрелищных мероприятий. За повторное появление в нетрезвом состоянии в общественном месте могло последовать наказание в виде 15 суток административного ареста. Соответствующие указы были приняты Президиумами Верховных Советов союзных республик.

Статьей 4 был введен институт принудительного лечения алкоголизма по заключению врачебных комиссий. Это показывало, что государство признавало алкоголизм не только социальной, но и медицинской проблемой. Впервые предлагалось узаконить лишение родительских прав хронических алкоголиков.

Постановление Совета Министров СССР «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» от 16 мая 1972 г. стало началом очередного этапа борьбы с пьянством. Впервые в истории антиалкогольных кампаний постановление предусматривало снижение уровня потребления алкоголя через плановые меры, регулирование производства и торговли, сокращение производства водки и других ликеро-водочных изделий, одновременно увеличение выпуска виноградных вин, пива и безалкогольных напитков, запрет торговли крепкими напитками в мелкой розничной торговой сети.

Вводились ограничительные меры по времени продажи алкогольных напитков крепостью свыше 30% в розничной торговой сети с 11 до 19 ч; запрет продажи водки и других алкогольных напитков крепостью 30% и выше в торговых предприятиях, находящихся в районе расположения производственных предприятий и строек, учебных заведений, детских учреждений, больниц, санаториев и домов отдыха, вокзалов, пристаней и аэропортов, культурных и зрелищных мероприятий [6].

Вместе с тем, несмотря на принимаемые меры, уровень потребления алкоголя в СССР продолжал расти, достигнув по разным данным от 10 до 14,2 л чистого спирта на душу населения к середине 1980-х гг. В пересчете на 40% водку это означало, что на каждого гражданина СССР от грудного младенца до глубокого старика в год приходилось до 50 поллитровых бутылок. Проблема принимала характер национального бедствия.

Одним из первых шагов нового руководства СССР во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачёвым стал очередной, уже третий за прошедшие четверть века, комплекс мероприятий по преодолению пьянства и алкоголизма.

Первым шагом последней в истории СССР антиалкогольной кампании стало принятое 7 мая 1985 г. постановление ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма» [7]. В документе отмечалось, что пьянство проникло во все слои общества, а намечавшиеся ранее меры по решению этой проблемы осуществлялись неудовлетворительно. Производство и продажа спиртных напитков не только не сократились, но существенно возросли.

Постановлением предусматривались меры по созданию условий для улучшения организации досуга трудящихся, усилению общественного воздействия на лиц, злоупотребляющих спиртным (лишение премий, путевок в оздоровительные учреждения, других льгот), запрет на продажу спиртных напитков лицам, не достигшим 21 года, повышение эффективности антиалкогольной пропаганды в трудовых коллективах, учебных заведениях, по линии общества «Знание». Под эгидой профессиональных союзов создавалось Всесоюзное общество борьбы за трезвость и его печатный орган – журнал «Трезвость и культура».

В планах социально-экономического развития страны предусматривалось начиная с 1986 г. ежегодное сокращение объемов производства водки и ликеро-водочных изделий, низкосортных крепленых виноградных вин, плодово-ягодных вин, выпуск последних планировалось полностью прекратить к 1988 г., а также повышение розничных цен на винно-водочные изделия.

ЦК КПСС утвердил проект постановления Совета Министров СССР «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогонарения».

Правительство СССР в этот же день приняло постановление под указанным названием [7]. Этим документом намечались дополнительные мероприятия: повышение ответственности руководителей предприятий, организаций и учреждений за соблюдение антиалкогольного зако-

нодательства, в случае непринятия ими мер по пресечению выпивок в трудовых коллективах привлекать к строжайшей ответственности вплоть до отстранения от занимаемых должностей.

Указывалось на необходимость упрощения порядка направления в лечебно-трудовые профилактории лиц, страдающих алкоголизмом, в 1986–1990 гг. намечалось ввести в эксплуатацию лечебно-трудовые профилактории на 60 тыс. мест.

На предприятиях, в организациях и учреждениях, при местных советах народных депутатов создавались комиссии по борьбе с пьянством, которые должны были разработать планы антиалкогольных мероприятий, рассматривать конкретные случаи нарушения антиалкогольного законодательства, ставить вопросы о привлечении виновных к ответственности.

Государственным комитетам СССР по кинематографии, телевидению и радиовещанию вменялось в обязанность увеличение производства художественных, документальных и научно-популярных фильмов, радиопередач о вреде и профилактике пьянства.

Продажу алкогольных напитков в рабочие дни надлежало начинать с 14 ч, завершать в 19 ч и только в специализированных магазинах и отделах.

Ряд изменений в законодательство СССР и союзных республик вносил указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством» от 16 мая 1985 г. [8, с. 18–23].

Предусматривалось усиление ответственности за нарушение антиалкогольного законодательства. За распитие спиртных напитков в общественных местах, кроме предприятий торговли и общественного питания, где это разрешено, появление в общественных местах в пьяном виде полагалось предупреждение или штраф от 20 до 30 р., при повторном в течение года нарушении – штраф от 30 до 50 р. (среднемесячная зарплата в середине 1980-х гг. составляла 190 р.).

Заметно ужесточались санкции за самогонование: изготовление или хранение без цели сбыта крепких спиртных напитков домашней выработки – наложение административного взыскания в виде штрафа в размере от 100 до 300 р., в случае повторного в течение года совершения этих действий наступает уголовная ответственность с наказанием исправительными работами на срок до двух лет или штрафом в размере от 200 до 500 р. Приобретение крепких спиртных напитков домашней выработки влечет наложение административного взыскания в виде штрафа в размере от 30 до 100 р.

Первые два года активного проведения кампании дали положительные результаты: в 1985–1987 гг. в СССР родилось на 500 тыс. больше детей, чем за 1983–1984 гг., сократились смертность, количество отравлений алкоголем, алкогольных психозов, количество прогулов на 35%, производственный травматизм – на 20, преступность в состоянии алкогольного опьянения – на 70%, потребление алкогольных напитков, средняя продолжительность жизни мужчин возросла на 2,6 года до 64,2 лет, увеличилось потребление безалкогольных напитков.

Однако уже к концу 1987 г. проявились негативные последствия антиалкогольных мероприятий 1985 г.: дефицит товарооборота и бюджета (по оценкам Председателя Совета Министров СССР Н. И. Рыжкова, потери за 1985–1990 гг. составили 62 млрд р.), который было нечем заменить, рост самогонования (вызвал дефицит сахара, в Белорусской Советской Социалистической Республике с марта 1988 г. были введены талоны на этот продукт), распространение опасных суррогатов, токсикомании, начало волны наркомании, ажиотажный спрос на алкоголь, в связи с чем увеличилась спекуляция спиртным, коррупция в сфере торговли, уничтожение виноградников (только в Российской Советской Федеративной Социалистической Республике к 1987 г. их площадь сократилась на 30%), ликвидация многих предприятий элитного виноделия и др.

Все это вынудило руководство СССР пойти на свертывание многих мероприятий антиалкогольной кампании, начало которому было положено постановлением ЦК КПСС «О ходе выполнения постановления ЦК КПСС по вопросам усиления борьбы с пьянством и алкоголизмом» от 25 октября 1988 г. [9].

В документе отмечалось, что в борьбе с пьянством допущены серьезные просчеты, признаны ошибочными чрезмерное административное давление и резкое сокращение производства и продажи алкоголя. Все это привело к негативным последствиям: потери доходов в бюджет, разбалансирование денежного обращения, рост самогонования, наркомании и токсикомании. Совету Министров СССР поручалось увеличить производство алкогольных напитков в объемах, необходимых для ликвидации ажиотажного спроса.

Данное постановление означало завершение последней в истории СССР антиалкогольной кампании, которая, как и предыдущие, своих целей не достигла.

Неудачи в проведении послевоенных антиалкогольных кампаний в СССР были обусловлены системными факторами.

Во-первых, все они были инициированы «сверху», без широкого общественного обсуждения.

Во-вторых, в их основе заключалось фундаментальное противоречие: государство одновременно было главным борцом с алкоголизмом, производителем и продавцом алкоголя, который играл существенную роль в формировании государственного бюджета.

В-третьих, пьянство рассматривалось главным образом как вредная привычка, черта характера отдельных личностей. На самом деле алкоголизм являлся социальной патологией, следствием дефицита качественного досуга, повседневных стрессов, низкого качества товаров и услуг, недостаточного уровня благосостояния, недостатка возможностей самореализации в условиях административно-командной системы, а также веками укоренившихся традиций потребления алкоголя.

Список использованной литературы

1. **Сталин, И. В.** Сочинения / И. В. Сталин. – М. : ОГИЗ, 1947. – Т. 7.
2. **Сталин, И. В.** Сочинения / И. В. Сталин. – М. : ОГИЗ, 1949. – Т. 10.
3. **Ведомости** Верховного Совета СССР. – 1948. – № 14.
4. **Крушанова, Л. А.** Историко-правовой аспект становления антиалкогольного регулирования в СССР: от идеи до законодательства / Л. А. Крушанова // Lex russica. – 2022. – Т. 75, № 8.
5. **Собрание** постановлений Правительства СССР. – 1958. – № 20. – Ст. 158.
6. **Решения** партии и правительства по хозяйственным вопросам : сб. док. – Т. 9. Февраль 1972 г. – сентябрь 1973 г.
7. **Правда.** – 1985. – 17 мая.
8. **Решения** партии и правительства по хозяйственным вопросам : сб. док. – Т. 16. – Ч. 1. Май 1985 г. – февраль 1986 г. – М. : Политиздат, 1988.
9. **Правда.** – 1988. – 26 октября.

СПОСОБЫ И СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО ИНТЕГРАЦИОННОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ В МЕДИАДИСКУРСЕ

В данной статье рассмотрены способы и средства создания образа межгосударственного интеграционного объединения в медиадискурсе, которые обусловлены усилением роли медиа в формировании общественного восприятия интеграционных процессов на постсоветском пространстве, а также необходимостью изучения речевых механизмов репрезентации интеграционных объединений в интернет-СМИ.

This article examines the methods and means of creating the image of an interstate integration association in media discourse, which are due to the increasing role of media in shaping public perception of integration processes in the post-Soviet space, as well as the need to study the speech mechanisms of representing integration associations in online media.

Ключевые слова: медиадискурс; межгосударственная интеграция; Союзное государство Беларуси и России; медиаобраз; сетевые издания.

Key words: media discourse; interstate integration; Union State of Belarus and Russia; media image; online media.

В условиях развития цифрового медиапространства особую роль в формировании общественного мнения играют новые каналы распространения массовой информации. В системе средств массовой информации (СМИ) Беларуси сегодня важное место занимают сетевые издания, являющиеся зарегистрированными интернет-ресурсами и выступающие доступными и оперативными средствами распространения политической и социальной информации и формирования представлений аудитории о политических процессах и интеграционных объединениях. Исследователи отмечают, что «в современном быстро меняющемся мире одним из факторов, определяющих перспективы развития государства, является активная роль в выстраивании межгосударственных отношений» [1, с. 189], а одной из эффективных форм сотрудничества считается создание и развитие межгосударственных объединений. При этом все процессы межгосударственной интеграции нуждаются в целенаправленном информационном сопровождении, в том числе для создания имиджа таких союзов.

Беларусь сегодня входит в ключевые евразийские интеграционные объединения, включая Союзное государство с Российской Федерацией, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Организацию договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Содружество Независимых Государств (СНГ), является полноправным членом в Шанхайской организации сотрудничества и страной-партнером в БРИКС, развивает контакты с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии. «Тесное сотрудничество со странами на разных континентах дает Беларуси возможность успешно развивать национальную экономику и активно участвовать в формировании нового миропорядка, основанного на принципах справедливости и многовекторности» [2, с. 2].

Известна широко распространенная поговорка, отражающая специфику современного медиатизированного мира: «Если тебя нет в интернете, значит, тебя вообще нет». Однако важен не только сам присутствия в интернет-пространстве, но и качество разрабатываемого контента. Сегодня в полной мере следует использовать возможности информационной среды не только для укрепления внутреннего имиджа Союзного государства, т. е. для жителей Беларуси и России, но и для формирования его внешнего имиджа, т. е. представлений о союзе двух стран у жителей всего мира. По словам Е. С. Кубряковой и Л. В. Цуриковой, «дискурс СМИ отражает определенные структуры знания и оценок мира, ориентирующих адресата на определенное осмысление действительности и, главное, на последующие действия, поведение» [3, с. 187]. Медиаобраз интеграционного объединения представляет собой моделируемый средствами массовой информации, журналистами, блогерами целостный, устойчивый, символический, рационально-эмоциональный образ сотрудничества двух стран, транслируемый массовой аудитории через новостные сообщения, репортажи с совместных мероприятий, аналитические статьи. Как отмечает М. В. Берендеев, медиаобразы как особые концептуальные объекты медиадискурса часто «создаются ситуативно, без строгих привязок к объектам реальности, фактам и социальному содержанию» [4], что приводит к формированию виртуальных образов, не всегда соответствующих действительности или даже искажающих реальное положение дел.

Актуальность исследования обусловлена усилением роли медиа в формировании общественного восприятия интеграционных процессов на постсоветском пространстве и необходимостью изучения речевых механизмов репрезентации интеграционных объединений в интернет-СМИ. В качестве материала изучения выбраны тексты статей сетевого издания sb.by издательского дома «Беларусь сегодня». Основные методы исследования – лексико-семантический и функционально-стилистический.

Наличие в сетевом издании sb.by разных типов контента обуславливает широкую палитру речевых средств, с помощью которых формируется образ Союзного государства.

Информационные публикации направлены на передачу фактов и данных о развитии интеграционных процессов. Для них характерно использование нейтральной общественно-политической лексики, терминологии международных отношений и экономической интеграции: «*Вопросы реформирования и финансирования СМИ Союзного государства обсудят парламентарии Беларуси и России*» (sb.by, 25 декабря 2025 г.); «*Развитие кадрового потенциала туристической отрасли Союзного государства обсудят в Минске 8 декабря*» (sb.by, 28 ноября 2025 г.). Также используются общественно-политические термины «*интеграционные процессы, Союзное государство*», которые формируют официальный, институциональный образ объединения: «*Сегодня на постсоветском пространстве функционируют несколько интеграционных проектов. Это Содружество Независимых Государств, Евразийский экономический союз и Союзное государство Беларуси и России*» (sb.by, 23 декабря 2023 г.). В информационных материалах также востребована экономическая и политическая терминология: «*интеграционная повестка, союзный бюджет, единое экономическое пространство, межрегиональное сотрудничество, союзные программы*». Например, «*продвижение нашей союзнической интеграционной повестки в парламентском измерении*» (sb.by, 27 ноября 2025 г.); «*межрегиональное сотрудничество Союзного государства выходит на новый уровень*» (sb.by, 27 ноября 2025 г.). При формировании образа межгосударственного интеграционного объединения активно применяется репутационная лексика, обладающая позитивной оценочной окраской. К числу наиболее распространенных языковых средств относятся слова и выражения, подчеркивающие эффективность, успешность и стратегическую значимость интеграционных процессов: «*Союзное государство движется по пути укрепления взаимосвязей между двумя странами в различных сферах*» (sb.by, 6 марта 2026 г.).

Медиатексты о Союзном государстве насыщены лексикой из тематической группы «единство»: отмечается активное использование слов разных частей речи «*братский, братство, союзный, интегрироваться, интеграция, сотрудничать, сотрудничество, общий, единый, объединяться* и т. д.».

Значительную роль в медиадискурсе играют экспертные материалы, в которых используются оценочная лексика, цитаты политиков и специалистов, а также элементы публицистической образности. Например, оценочные суждения о работе Союзного государства: «*Результат, который мы имеем на сегодняшний день, довольно значим для обеих сторон, став хорошим импульсом для реализации совместных проектов*» (sb.by, 27 ноября 2025 г.); «*В союзном строительстве наши страны опираются на реальные запросы времени, приступая к более высокому уровню интеграции, созданию межгосударственных структур там, где это назрело*» (sb.by, 6 марта 2026 г.). Используемая в экспертном дискурсе оценочная лексика призвана подчеркнуть их уверенность в успешном будущем интеграционного объединения: «*результативный, продуктивный, эффективный, стратегический, перспективный*».

В некоторых материалах используется лексика, отражающая совместное движение и развитие: «*создание общего финансового рынка, создание единой цифровой платформы союза*» (sb.by, 21 ноября 2025 г.); «*Но мы с вами ищем то, что нас объединяет*» (sb.by, 21 ноября 2025 г.); «*Сегодня нами задан вектор новому этапу развития интеграции по всем направлениям*» (sb.by, 6 марта 2026 г.).

Отдельную группу материалов составляют публикации, направленные на формирование положительного имиджа интеграционного объединения. В подобных текстах активно используются позитивно окрашенные лексические единицы и метафорические конструкции: «*Бело-русско-российские отношения можно назвать образцом настоящего союзничества*» (sb.by, 26 февраля 2026 г.); «*В союзном строительстве мы идем “от жизни”*» (sb.by, 26 февраля 2026 г.). В политических материалах интеграция описывается как фактор стабильности: «*Россия и Беларусь обеспечат военную безопасность Союзного государства всеми силами и средствами*» (sb.by, 26 февраля 2026 г.). Словосочетания «*обеспечат безопасность*» и «*всеми силами и средствами*» усиливают образ интеграционного объединения как гаранта стабильности.

В отдельных публикациях интернет-издания используются элементы разговорной и публицистически-разговорной лексики, которые делают тексты более динамичными и приближают к живому обсуждению. Например: «Участники форума очертили видение интеграционных процессов на союзном треке» (sb.by, 20 июня 2025 г.). Живое обсуждение интеграционных процессов в медиадискурсе часто сопровождается экспрессивной и эмоционально-оценочной лексикой, направленной на критику политических оппонентов или внешних факторов, препятствующих интеграции: «На Западе много сил, мечтающих разорвать и Союзное государство, и Беларусь с Россией по отдельности» (sb.by, 22 февраля 2026 г.).

Вербальные средства создания образа государства в СМИ включают в себя использование метафор, оценочной лексики, стереотипов и образных синтаксических конструкций для формирования нужного восприятия.

Использование определенных лексико-семантических и функционально-стилистических средств в текстах статей сетевого издания sb.by издательского дома «Беларусь сегодня» имеет важное значение в формировании образа межгосударственного интеграционного объединения в медиадискурсе, поскольку позволяет передавать информацию о его деятельности и создавать определенное восприятие данного объединения у аудитории, формировать оценку происходящих процессов и поддерживать интерес читателей к теме интеграции Беларуси и России.

Список использованной литературы

1. **Апкаев, Д. М.** Межгосударственные объединения в мировой практике / Д. М. Апкаев, Д. А. Зыков // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 10 (226). – С. 189–192.
2. **Шамко, Д.** Полюса дружбы / Д. Шамко // Народная газета. – 2024. – 27 дек. – С. 2–3.
3. **Кубрякова, Е. С.** Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности / Е. С. Кубрякова, Л. В. Цурикова // Язык средств массовой информации. – М., 2008. – С. 183–209.
4. **Берендеев, М. В.** Медиадискурсы и образы стран в условиях политики постправды / М. В. Берендеев // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2017. – Вып. 13 (4). – С. 64–76.

ГАРМОНИЧНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА

В статье исследуется гармоничная интеграция искусственного интеллекта и человеческого языка. В исследовании использовались методы распознавания речи, генерации текста и семантического анализа. В экспериментальной части были обработаны тексты и аудиозаписи с использованием моделей искусственного интеллекта (GPT-4, LLaMA, Whisper, Google Speech API), проанализировано, насколько точно они могут поддерживать человеческий язык. По результатам исследования можно сделать вывод, что гармоничная интеграция искусственного интеллекта и человеческого языка открывает новые возможности для улучшения коммуникации, ускорения обработки информации и образования.

This article explores the harmonious integration of artificial intelligence and human language. The research used methods of speech recognition, text generation and semantic analysis. In the experimental part, texts and audio recordings were processed using artificial intelligence models (GPT-4, LLaMA, Whisper, Google Speech API), analyzed how accurately they can support human language. Based on the results of the study, a conclusion can be drawn that the harmonious integration of artificial intelligence and human language opens up new opportunities for improving communication, speeding up information processing and education.

Ключевые слова: искусственный интеллект; человеческий язык; интеграция; распознавание речи; генерация текста; семантический анализ.

Key words: artificial intelligence; human language; integration; speech recognition; text generation; semantic analysis.

В наше время сочетание искусственного интеллекта (ИИ) и языкознания становится одним из актуальных направлений в развитии науки и технологий. Человеческий язык представляет собой сложную символическую систему, ИИ используется в областях обработки текстов, перевода, распознавания речи и генерации текста с анализом структуры, семантики и контекста языка.

Гармоничная интеграция ИИ и человеческого языка – это использование технологий для дополнения и улучшения языковых способностей человека. Такая интеграция актуальна для образовательных, профессиональных коммуникаций, информационных систем и социальных платформ [1].

Цель статьи – изучить основные методы гармоничного сочетания ИИ и человеческого языка, проанализировать их эффективность с помощью экспериментов и показать тенденции будущего развития.

В исследовании использовались следующие методы:

– Аналитический метод – изучение применения и теоретических аспектов ИИ в языковых процессах.

– Экспериментальный метод – проверка возможностей генерации текста, перевода и распознавания речи систем ИИ.

– Сравнительный анализ – это сравнение созданного человеком текста и сгенерированного им текста.

– Текстовые корпуса на казахском и английском языках (литературные, публицистические тексты, тексты социальных сетей).

– Аудиозаписи (естественный разговор и прочитанные тексты).

– Платформы ИИ – GPT-4, LLaMA, Whisper, Google Speech API [2].

– Библиотеки NLP, такие как Python, NLTK, spaCy.

– Описание экспериментальных материалов – 60 текстовых документов (30 по каждому языку), 40 аудиофайлов (20 на каждом языке).

В каждом тексте сравнивались редактирование человеком и генерация ИИ.

Исследование проводилось по трем основным направлениям для анализа интеграции ИИ и человеческого языка: распознавание речи, генерация текста и семантический анализ.

Распознавание речи

40 аудиозаписей (на казахском и английском языках) были транскрибированы через Google Speech API и системы Whisper.

Результаты сравнения с ручной транскрипцией (таблица).

Результаты сравнения с ручной транскрипцией

Язык	Точность (Accuracy)	Уровень ошибки (WER)
Қазақ тілі	82	18
Ағылшын тілі	91	9

Генерация текста

Модели ИИ GPT-4 и LLaMA создали тексты по заданной теме.

Критерии оценки по инструментам (грамматическая правильность, логическая коммуникация, соответствие стилю).

Семантическая идентичность

Семантическое соответствие между текстом, написанным человеком, и текстом, написанным ИИ, оценивалось с помощью инструментов NLP [3].

Результаты: GPT-4 – 0,87; LLaMA – 0,82.

Особенности казахского языка. Морфологическая сложность и союзы приводят к ошибкам; транслитерация иногда искажает смысловое значение.

Передача эмоциональной ценности. Отсутствие смайликов и интонационных знаков снижает эмоциональный тон текста; в английских текстах GPT-4 иногда передает эмоции через словесные конструкции.

Эффективность комбинации. Распознавание речи, интеграция генерации текста ускоряют обработку информации; интеграция редактирования человеком и ИИ обеспечивает точность и стиль информации.

В англоязычных текстах точность выше, чем в казахском языке, так как имеется большой учебный корпус [4]. В казахском языке наблюдается транслитерация и морфологическая сложность, чтобы передать эмоциональную ценность, необходимо было добавить смайлики и контекст.

По результатам эксперимента можно сделать вывод, что системы распознавания речи эффективны при понимании человеческого языка, но морфологическая сложность в казахском языке увеличивает ошибки. Генерация текста позволяет сохранить стилистические особенности, но иногда не может правильно показать тонкие различия в значении [5]. Семантическое соответствие доказывает, что тексты ИИ не полностью заменяют человеческий язык, но эффективно выполняют роль информационно-поддерживающего инструмента.

Можно сделать вывод, что гармоническая интеграция дополняет языковые способности человека, ускоряет обработку информации и улучшает качество образования и общения.

Таким образом, гармоничная интеграция ИИ и человеческого языка играет важную роль в улучшении коммуникаций, образования и информационных систем. По результатам эксперимента можно сделать вывод, что ИИ очень эффективен в генерации текста и распознавании речи, но необходимы наблюдения человека. Для гармонической интеграции должны соблюдаться большие языковые корпуса, инструменты семантического анализа и этические нормы. В будущих исследованиях важно разработать большие наборы данных, включающие казахский язык, системы, учитывающие культурные особенности. ИИ и человеческий язык используются как дополнительные инструменты, открывая новые возможности в области коммуникации и образования.

Список использованной литературы

1. **Thurlow, C.** Digital Discourse: Language in the New Media / C. Thurlow, K. Mroczek. – Oxford : Oxford University Press, 2011.
2. **Androutsopoulos, J.** Linguistics and Digital Communication / J. Androutsopoulos. – Berlin : De Gruyter Mouton, 2014.
3. **Discourse** in Web 2.0: Familiar, Reconfigured, and Emergent / S. Herring, D. Tannen, A. M. Tester (Eds.) // Handbook of Discourse Analysis. – Wiley-Blackwell, 2013.
4. **Давыдова, Е. А.** Интернет-сленг и его лингвистические особенности / Е. А. Давыдова // Вестник филологии. – 2019. – № 3 (12). – С. 45–52.
5. **Национальный** корпус казахского языка : [сайт]. – URL: <https://qazcorpus.kz/indexru.php> (дата обращения: 02.03.2026).

ЯЗЫК ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ

В данной статье рассматриваются лингвистические особенности и тенденции развития языка интернет-коммуникации. В ходе исследования были проанализированы языковые особенности в социальных сетях и мессенджерах, выявлены основные черты языка интернета. В частности, было описано широкое использование сокращений, элементов иностранного языка, сленга, транслитерации и смайликов. В экспериментальной части на основе конкретных текстов определена частота языковых единиц и проанализирована их коммуникативная функция. По результатам исследования можно сделать вывод, что интернет-язык отличается компактностью, быстротой, эмоциональностью. Кроме того, было рассмотрено его влияние на нормы литературного языка и развитие языка. Язык интернет-коммуникации является одним из важнейших и актуальных направлений в современном языкознании.

This article examines the linguistic features and trends in the development of the Internet communication language. The study analyzed language features in social networks and messengers, and identified the main features of the Internet language. In particular, the widespread use of abbreviations, elements of a foreign language, slang, transliteration and emoticons was described. In the experimental part, the frequency of language units was determined based on specific texts, their communicative function was analyzed. Based on the results of the study, a conclusion can be drawn that Internet language is characterized by brevity, speed and emotionality. In addition, its influence on the norms of literary language and language development was considered. The language of Internet communication is one of the most important and relevant areas in modern linguistics.

Ключевые слова: интернет-коммуникация; интернет-язык; лингвистика; сленг; сокращения; смайлики; транслитерация; код-переход; социальные сети.

Key words: Internet communication; Internet language; linguistics; slang; abbreviations; emoticons; transliteration; code-switching; social networks.

В современном обществе интернет-коммуникации стали одним из основных средств общения между людьми. Социальные сети, мессенджеры и различные онлайн-платформы способствовали появлению новых форм языка. Интернет-язык формирует своеобразную лингвистическую систему, сочетающую в себе особенности традиционного письменного и разговорного языка.

Язык интернет-коммуникации характеризуется краткостью, быстротой и эмоциональностью. В этом языке широко используются сокращения, смайлики, заимствованные из английского языка слова и неформальный стиль [1]. Вопрос о том, как такие изменения влияют на развитие языка, является лингвистически актуальным.

В данной статье рассматриваются основные особенности языка интернет-коммуникации, тенденции его формирования и отражение в современном казахском языке.

В ходе исследования были использованы следующие методы: метод наблюдения – анализ языковых единиц в социальных сетях; сравнительный метод – сравнение традиционного языка и интернет-языка; контент-анализ – определение наиболее часто используемых слов и структур в текстах [2].

Использовались сообщения в социальных сетях (Instagram, TikTok, Telegram); сообщения чата; образцы интернет-сленга, используемые среди молодежи.

Изучено более ста текстовых фрагментов, проанализированы их языковые особенности.

В ходе эксперимента был проведен конкретный анализ с целью систематизации языковых единиц в интернет-коммуникации и определения частоты их применения.

Для исследования были выбраны сообщения пользователей в возрасте от 18 до 25 лет (50 сообщений чата; 30 постов в социальных сетях; проанализировано 20 комментариев).

Собранные материалы были разделены на следующие категории: сокращения – «споки» (спокойной ночи), «кз» (Казахстан), «нз» (не знаю); английские слова – ok, like, sorry, bro; смайлики – 😊 😊 🤔; транслитерация – «kalaysyn», «zhaksy»; сленг-слова – «краш», «хайп», «иззи».

В результате исследования были получены следующие данные: частота использования языкового элемента, сокращения – 35%, английские слова – 25, смайлики – 20, сленг – 15, транслитерация – 5%.

Сокращения часто используются для быстрого письма: смайлики стали основным средством передачи эмоций; английские слова считаются авторитетными и современными среди молодежи; транслитерация влияет на звуковую систему казахского языка [3].

По результатам эксперимента можно выделить несколько основных тенденций в языке интернет-коммуникации:

- Компактность и скорость. Сокращения и смайлики сокращают текст и ускоряют доставку информации.

- Код-переход (code-switching) – смешанное использование русского и английского языков.

- Эмоциональность. Смайлики и сленг приближают текст к разговорной речи [4].

- Влияние на языковые нормы. Некоторые орфографические и грамматические ошибки являются обычным явлением, но это рассматривается как эволюционная особенность языка интернета.

Проведенное исследование выявило несколько важных особенностей языка интернет-коммуникации.

Во-первых, наблюдается компактность языка. Пользователи пишут, сокращая слова, чтобы сэкономить время. Это явление меняет структуру языка.

Во-вторых, код-переход (code-switching) является обычным явлением. Смешанное использование казахского и английского языков формирует новую гибридную языковую форму [5].

В-третьих, наблюдается повышение эмоциональности. Смайлики и символы приближают письменное общение к разговорной речи.

Кроме того, интернет-язык в некоторой степени может привести к нарушению языковых норм. Чаще встречаются орфографические и грамматические ошибки, сужается сфера применения литературного языка.

Однако неправильно оценивать это явление только как отрицательное. Интернет-язык – одно из проявлений естественной эволюции языка.

Язык интернет-коммуникации – одна из важнейших исследовательских форм современной лингвистики. Он формирует новые формы языка и способствует его развитию.

По результатам исследования можно сделать вывод, что в интернет-языке широко используются сокращения, элементы иностранного языка, смайлики и сленг. Это влияет на то, насколько компактным, быстрым и эмоциональным является язык.

Для развития языка в интернет-пространстве важно следующее: соблюдение языковых норм; повышение качества контента; соблюдение национальных особенностей.

Язык интернет-коммуникации – важное явление, отражающее современное направление развития языка. Его изучение остается актуальным направлением для будущей лингвистики.

Список использованной литературы

1. **Thurlow, C.** Digital Discourse: Language in the New Media / C. Thurlow, K. Mroczek. – Oxford : Oxford University Press, 2011.
2. **Androutsopoulos, J.** Linguistics and Digital Communication / J. Androutsopoulos. – Berlin : De Gruyter Mouton, 2014.
3. **Discourse** in Web 2.0: Familiar, Reconfigured, and Emergent / S. Herring, D. Tannen, A. M. Tester (Eds.) // Handbook of Discourse Analysis. – Wiley-Blackwell, 2013.
4. **Давыдова, Е. А.** Интернет-сленг и его лингвистические особенности / Е. А. Давыдова // Вестник филологии. – 2019. – № 3 (12). – С. 45–52.
5. **Национальный корпус казахского языка** : [сайт]. – URL: <https://qazcorpus.kz/indexru.php> (дата обращения: 02.03.2026).

VIII. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ЛОГИСТИКИ

УДК 656.7.025

Д. С. Граница (Granitsa.D@yandex.ru),
студент

М. В. Марданов (m.v.mardanov@ruc.su),
канд. пед. наук, доцент
Казанский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации
г. Казань, Российская Федерация

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ СИСТЕМ В ЛОГИСТИКЕ

В статье рассматривается применение беспилотных автоматизированных систем в логистике, анализируются их возможности, проблемы и перспективы использования. Описывается широкий спектр применения беспилотных летательных аппаратов и автоматизированных систем, включая доставку грузов, инвентаризацию и автоматизацию перевозок. Уделяется внимание существующим проблемам, включая нормативные барьеры, технические ограничения, вопросы безопасности и высокие первоначальные затраты. В работе выделены перспективы внедрения беспилотных технологий в логистику, среди которых развитие технологий, интеграция с современными решениями в логистике и поддержка со стороны государства. По результатам исследования можно сделать вывод, что, несмотря на вызовы, будущее за применением беспилотных летательных аппаратов и беспилотных автоматизированных систем в логистической деятельности, оптимизацией с внедрением процессов доставки и повышением конкурентоспособности компаний.

The article examines the application of unmanned automated systems in logistics, analyzing their capabilities, challenges, and prospects. Describes the wide range of applications for unmanned aerial vehicles and automated systems, including cargo delivery, inventory management, and transportation automation. Focuses on the existing challenges, including regulatory barriers, technical limitations, safety concerns, and high initial costs. The article highlights the prospects for the adoption of unmanned technologies in logistics, including technological advancements, integration with modern logistics solutions, and government support. Based on the results of the study, a conclusion can be drawn that, despite the challenges, the future lies in the use of unmanned aerial vehicles and unmanned automated systems in logistics activities, the optimization of delivery processes through implementation, and the increase in companies' competitiveness.

Ключевые слова: беспилотные летательные аппараты; беспилотные автоматизированные системы; логистика; автоматизация доставки; технологии; регуляторные барьеры.

Key words: unmanned aerial vehicles; unmanned automated systems; logistics; delivery automation; technologies; regulatory barriers.

Беспилотные автоматизированные системы (БАС) становятся неотъемлемой частью современных логистических цепочек. Технологический прогресс и увеличивающаяся доступность соответствующих беспилотных технологий открывают новые горизонты для оптимизации процессов доставки и управления грузами [1]. Следует отметить, что, наряду с рядом преимуществ, использование беспилотников в логистике сталкивается с различными проблемами и вызовами. Целью работы выступает проведение обзора возможностей применения БАС в логистике, анализ существующих проблем и перспектив внедрения этих технологий в логистическую деятельность.

Возможности применения БАС в логистике с каждым годом расширяются [2]. Так, беспилотные летательные аппараты (БПЛА) наиболее часто встречаемых классов беспилотных систем находят широкое применение в логистике благодаря своей гибкости и возможностям. Выделим основные тенденции и сферы использования БАС.

Существуют следующие ключевые области применения в логистике беспилотных авиационных систем:

– *Доставка мелких грузов.* БПЛА идеально подходят для доставки посылок, медицинских препаратов и товаров первой необходимости в удаленные или труднодоступные районы.

– *Инвентаризация и мониторинг склада.* С помощью БПЛА можно эффективно проводить инвентаризацию складских запасов и отслеживать состояние товарных запасов без необходимости в ручной проверке.

– *Контроль за транспортировкой грузов.* БПЛА могут быть использованы для мониторинга доставки товаров в режиме реального времени, что позволяет минимизировать риски потерь и повреждений [3].

Новым направлением в применении БАС становятся беспилотные наземные системы, которые представляют собой внедряемый в крупных компаниях инструмент в логистике, обеспечивающий следующее:

– *Автоматизированные перевозки.* БАС могут использоваться для транспортировки грузов внутри складов, а также для доставки товаров на короткие расстояния от распределительных центров до конечного потребителя.

– *Работа в условиях ограниченного пространства.* Они могут успешно функционировать в узких проходах и на ограниченных площадках, где традиционные транспортные средства не могут маневрировать.

– *Снижение трудозатрат.* Использование БАС помогает сократить время на выполнения задач, связанных с перемещением грузов, снижая затраты на рабочую силу [1; 2].

– *Возможности взаимодействия с искусственным интеллектом (ИИ) и нейросетями.* ИИ и нейросети играют ключевую роль в оптимизации процессов, связанных с использованием БАС в логистике [4]. Так, их совместное использование позволяет улучшить навигацию и управление (ИИ может анализировать реальные данные в режиме реального времени, что помогает БАС более эффективно планировать маршруты, избегая препятствий и минимизируя время в пути), оптимизировать распознавание объектов (нейросети могут использоваться для распознавания и классификации объектов, что особенно полезно для автоматизированной инвентаризации на складах или при доставке товаров) [5].

Существуют широкие возможности применения аналитики данных при совместном использовании БАС и нейросетей. Сбор и анализ больших объемов данных, получаемых от беспилотников, могут существенно повысить эффективность логистических операций. Например, при прогнозировании потребностей ИИ может обрабатывать данные о прошлых поставках, трендах покупок и сезонности, чтобы предсказывать будущие потребности в логистике. При управлении запасами системы на основе ИИ могут автоматически рекомендовать оптимальные уровни запасов, что поможет избежать недостатков или переполненности складов [6].

Отдельно стоит отметить автоматизацию процессов через нейросети. Нейросети могут автоматизировать ряд логистических операций, от обработки заказов до управления движением грузов. При автоматизации систем обработки заказов ИИ может обрабатывать регулярные запросы и заказы, позволяя сократить время ожидания и повысить эффективность обслуживания клиентов [7]. При управлении флотом БАС использование ИИ для мониторинга и оптимизации позволяет снизить затраты и повысить продуктивность.

Перспективы применения ИИ и нейросетей в сочетании с БАС в логистике выглядят многообещающими. Это интеграция технологий, что повысит уровень автоматизации операций, снизит затраты и улучшит качество обслуживания, расширение применения ИИ в логистике, что позволит адаптироваться к изменяющимся условиям рынка и потребностям клиентов, создавая более гибкие и адаптивные логистические цепочки [8].

Таким образом, синергия между беспилотными системами и современными технологиями ИИ станет основой для формирования будущего логистики, открывая новые возможности для повышения ее эффективности и надежности.

Несмотря на множество преимуществ, внедрение БАС в логистику также сопряжено с рядом проблем. Проанализируем современные вызовы применению беспилотных систем.

Регуляторные и правовые вопросы. Отсутствие единых международных стандартов и правил для использования БАС создает правовые барьеры и задержки по их внедрению. Разные страны могут устанавливать свои нормативы и правила, что затрудняет международную интеграцию в логистике [9].

Технические ограничения. Современные БАС сталкиваются с ограничениями, связанными с емкостью аккумуляторов, автономностью и дальностью полета или работы. Также в настоящих условиях важным является уровень точности навигации и возможности автономного управления в рамках ограничений.

Безопасность и конфиденциальность. Работа беспилотников в населенных пунктах вызывает опасения по поводу безопасности людей и объектов на земле из-за технических неис-

правностей или потери управления. Неисправности БАС, сбои в работе интернета и геоинформационных систем, угрозы кибербезопасности выходят на первый план при оценке риска широкого использования БАС.

Высокие первоначальные затраты. Несмотря на потенциальную экономию, затраты на начальные инвестиции в оборудование, программное обеспечение и обучение персонала являются высокими, что также тормозит широкое внедрение технологий.

Анализ современных потребностей и развития технологий позволяет определить следующие перспективы применения БАС в логистической деятельности:

– *Развитие технологий.* Улучшение технологий, таких как системы навигации и управления, поможет преодолеть многие текущие ограничения. Быстрая эволюция аккумуляторов для увеличения дальности полета и срока службы устройств также снимет часть ограничений и даст новые возможности.

– *Интеграция с логистическими решениями.* Системы управления логистикой (TMS, WMS) могут интегрироваться с БПЛА и БАС для создания более эффективных и прозрачных процессов. Такой подход позволит оптимизировать управление шерингом (управление экономикой совместного потребления – это комплекс действий по организации, координации и контролю процессов совместного использования товаров и услуг через специальные платформы или сервисы) и мониторингом.

– *Участие государства.* Правительственная поддержка и создание правил для использования беспилотников могут способствовать более быстрому внедрению технологий в логистику. Это может включать в себя как субсидии, так и программы тестирования.

– *Увеличение спроса на беспилотные решения.* С учетом глобальных тенденций к автоматизации и цифровизации, все больше компаний будет обращаться к технологиям БАС в качестве стратегий для повышения своей конкурентоспособности и сокращения операционных затрат [10].

Таким образом, использование БАС может привести к глубокой трансформации логистической отрасли. Несмотря на существующие проблемы (регуляторные барьеры, технические ограничения и безопасность), развитие технологий и бурно развивающаяся экономика предоставляют множество перспектив для интеграции беспилотных систем в логистику. В будущем, с учетом постоянно меняющихся потребностей рынка и роста внедрения новых технологий, можно ожидать повсеместного распространения БАС и робототехнических систем, что позволит оптимизировать процессы снабжения и доставки, улучшить клиентский опыт и снизить затраты.

Список использованной литературы

1. **Михайленко, А. С.** Перспективы использования нейросетей в логистике / А. С. Михайленко // Вестник государственного морского университета имени адмирала Ф. Ф. Ушакова. – 2025. – № S2.1 (4). – С. 40–43. – EDN AOBGCI.
2. **Губанов, Д. А.** Цифровая трансформация транспорта и логистики в Санкт-Петербурге: внедрение беспилотных технологий и интеллектуальных систем управления / Д. А. Губанов // Служение Отечеству: традиции, ценности, инновации : материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 24 апр. 2025 г. – СПб. : Скифия-принт, 2025. – С. 165–170. – EDN CSEBTM.
3. **Кобзева, Л. А.** Беспилотные авиационные системы в логистике: архитектура автономных складских экосистем / Л. А. Кобзева // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. – 2025. – № 3. – С. 439–446. – EDN REZR UW.
4. **Марданов, М. В.** Разработка нечеткой модели управления товарными запасами в среде MATLAB / М. В. Марданов // Экономическая наука сегодня: теория и практика : сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф., г. Чебоксары, 21 сент. 2015 г. / Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова, Харьков. гос. пед. ун-т им. Г. С. Сковороды, Актюбин. регион. гос. ун-т им. К. Жубанова, Центр науч. сотрудничества «Интерактив плюс». – Чебоксары : Центр науч. сотрудничества «Интерактив плюс», 2015. – С. 251–252. – EDN UJQNYH.
5. **Костин, А. С.** Модели и методы автоматизации многоадресной доставки грузов для транспортных систем : дис. ... канд. техн. наук / Костин Антон Сергеевич, 2023. – 187 с. – EDN JLCRAQ.
6. **Головин, И. С.** Искусственный интеллект и нейросети в беспилотных авиационных системах: текущее состояние и перспективы использования в логистике / И. С. Головин, М. Н. Григорьев // Аэрокосмическое приборостроение и эксплуатационные технологии : мате-

риалы шестой Междунар. науч. конф., г. Санкт-Петербург, 8–25 апр. 2025 г. / Санкт-Петерб. гос. ун-т аэрокосм. приборостроения. – СПб., 2025. – С. 29–32. – EDN CNAPLA.

7. **Конев, А. А.** Беспилотные транспортные системы и искусственный интеллект в логистике будущего / А. А. Конев, П. К. Постников // Современные системы и технологии на транспорте: проблемы и перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию ВГЛУ им. Г. Ф. Морозова, г. Воронеж, 24–25 апр. 2025 г. / Воронеж. гос. лесотехн. ун-т им. Г. Ф. Морозова. – Воронеж, 2025. – С. 25–28. – DOI 10.58168/MSTT2025_25-28. – EDN NIAWKY.

8. **Шкор, О. Н.** Использование нейросетей в торговле и логистике / О. Н. Шкор // Инженерная экономика : материалы междунар. науч.-техн. конф., г. Минск, 27–28 нояб. 2024 г. / Бел. нац. техн. ун-т. – Мн., 2024. – С. 576–584. – EDN CPJTHU.

9. **Борисов, И. А.** Особенности внедрения систем беспилотного транспорта в международной логистике / И. А. Борисов, Т. Рахметов // Логистика: форсайт-исследования, профессия, практика : материалы II Нац. науч.-образоват. конф., г. Санкт-Петербург, 21 окт. 2021 г. / Санкт-Петербург. гос. экон. ун-т. – СПб., 2021. – С. 331–337. – EDN GKDDXA.

10. **Шайдуллин, Р. И.** Оптимизация логистики в сфере туризма средствами информационных технологий / Р. И. Шайдуллин, М. В. Марданов // Дни студенческой науки : сб. материалов V Междунар. студен. конф., г. Казань, 15 дек. 2023 г. / Рос. ун-т кооп. – Казань, 2023. – С. 327–330. – EDN QCSJLI.

УДК 658.187

Н. А. Навичёнок (novichonok20@mail.ru),

магистрант

А. И. Капштык (aikapshtyk@mail.ru),

д-р экон. наук, профессор

Н. А. Савостенко (natalex2103@rambler.ru),

ст. преподаватель

*Белорусский торгово-экономический
университет потребительской кооперации
г. Гомель, Республика Беларусь*

ОСОБЕННОСТИ ОПЕРАЦИЙ СОВРЕМЕННЫХ ЛОГИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В данной статье рассматриваются особенности современных производственных логистических систем и основных операций производственной логистики.

This article discusses the features of modern production logistics systems and the main operations of production logistics.

Ключевые слова: производственная организация; материальный поток; управление потоками; логистическая концепция; логистическая система; организация производства; производственная логистика; логистическая операция.

Key words: production organization; material flow; flow management; logistics concept; logistics system; production organization; production logistics; logistics operation.

Рациональное использование и экономия сырья, материалов, топлива и энергии являются одними из важнейших условий дальнейшего перехода экономики на интенсивный путь развития.

В современном бизнесе по объективным причинам существенно увеличилось время прохождения продукции по различным каналам материально-технического обеспечения (это свыше 90% общих временных затрат). Поэтому возросла роль последовательного логистического подхода к управлению материальными потоками. Этот подход позволяет значительно (на 35%) сократить все виды запасов материальных ресурсов, уменьшить затраты на производство, наиболее полно удовлетворить запросы потребителей в отношении качества продукции и сервиса [1, с. 43].

Надо всегда учитывать, что издержки отдельных логистических операций диалектически и тесно связаны между собой: экономия на транспортных расходах может привести к значительному увеличению затрат, вызываемых ростом складских запасов; плохая координация перемещения материальных ресурсов в производстве может привести к увеличению затрат, свя-

занных с простым оборудованием. Поэтому необходимо интегрировать в потоке различные функции товародвижения, устанавливая оптимальное соотношение интересов отдельных звеньев логистической цепочки.

На современном этапе развития сложились новые условия производства, которые вышли за рамки традиционных методов его организации, сдерживающих не только развитие производства, но и транспортных, снабженческих и сбытовых структур. Коренные изменения во многие представления об организации производственного процесса на предприятии внесла логистика. Актуальность рассмотрения производственной логистики как отдельной функциональной подсистемы состоит в том, что в последние годы стала наблюдаться тенденция к сокращению сферы массового и крупносерийного производства (это обстоятельство пока не всегда учитывается в теории и на практике). Стало расширяться применение универсального оборудования, гибких переналаживаемых производственных систем. Зарубежные и отечественные производители получают все больше заказов на производство небольших партий и даже единичных изделий. При этом со стороны покупателей все чаще выдвигается требование удовлетворить потребность за минимально короткий срок (сутки, час) с высокой степенью гарантии. Другой аспект актуальности современной производственной логистики – производство в рамках кооперации по выпуску сложных изделий. Такое производство является одной из основных сфер логистики, занимающей центральное место в крупных компаниях.

Материальный поток на своем пути от первичного источника сырья до конечного потребителя проходит ряд производственных звеньев. Управление материальным потоком на этом этапе имеет свою специфику и носит название производственной логистики. Производственная логистика – это управление материальными и информационными потоками на пути от склада материальных ресурсов – комплекса разнообразных вещественных элементов, которыми располагает предприятие, до склада готовой продукции [2, с. 46].

Надо всегда учитывать, что материальные услуги по транспортировке грузов могут являться объектом как производственной логистики, в случае использования собственного транспорта для внутрипроизводственного перемещения грузов, так и объектом транспортной логистики, если используется транспорт общего пользования.

Логистические организации, рассматриваемые производственной логистикой, носят название внутрипроизводственных логистических систем. К ним можно отнести следующие: промышленное предприятие; оптовое предприятие, имеющее складские сооружения; узловая грузовая станция; узловой морской порт и др.

Многие современные производственные логистические системы характеризуются количественной гибкостью. Количественная гибкость обеспечивается различными способами. Например, на некоторых предприятиях Японии основной персонал составляет не более 20% от максимальной численности работающих. Остальные 80% – это временные работники. 50% от числа временных работников составляют женщины и пенсионеры. Таким образом, при численности основного персонала в 200 человек предприятие в любой момент может поставить на выполнение заказа до 1 000 человек. Резерв рабочей силы дополняется соответствующим резервом оборудования [2, с. 47].

На микроуровне внутрипроизводственные логистические системы представляют собой ряд подсистем, находящихся в отношениях и связях друг с другом, образующих определенную целостность, единство. Эти подсистемы (закупка, склады, запасы, обслуживание производства, транспорт, информация, сбыт и кадры) обеспечивают вхождение материального потока в систему, потом прохождение внутри нее и выход из системы. В соответствии с концепцией логистики, построение внутрипроизводственных логистических систем должно обеспечивать возможность постоянного согласия и взаимной корректировки планов и действий снабженческих, производственных и сбытовых звеньев внутри предприятия [3, с. 36].

Очень важно учитывать, что современная логистическая концепция организации производства включает в себя следующие основные положения:

- отказ от избыточных запасов;
- отказ от завышенного времени на выполнение основных и транспортно-складских операций;
- отказ от изготовления серии деталей, на которые нет заказа покупателей;
- устранение простоев оборудования;
- обязательное устранение брака;
- устранение нерациональных внутризаводских перевозок;
- превращение поставщиков из противостоящей стороны в доброжелательных партнеров.

Эти подходы существенно отличаются от традиционных концепций организации производства. Традиционная концепция организации производства наиболее приемлема для условий «рынка продавца», в то время как современная логистическая концепция – для условий «рынка покупателя». Когда спрос превышает предложение, можно с достаточной уверенностью полагать, что изготовленная с учетом конъюнктуры рынка партия изделий будет реализована. Поэтому приоритет получает цель максимальной загрузки оборудования. Чем крупнее будет изготовленная партия, тем ниже окажется себестоимость единицы изделия. При этом задача реализации изделий на первом плане не стоит.

Ситуация меняется с приходом на рынок «диктата покупателя». Задача реализации произведенного продукта в условиях конкуренции выходит на первое место. Непостоянство и непредсказуемость рыночного спроса делает нецелесообразным создание больших запасов. В то же время производитель уже не имеет права упустить ни одного заказа. Отсюда необходимость в гибких производственных мощностях, способных быстро отреагировать производством на возникающий спрос. При этом снижение себестоимости продукции в условиях конкуренции достигается не увеличением размеров выпускаемых партий и другими экстенсивными мерами, а логистической организацией, самого производства и всей товаропроводящей системы в целом.

Само управление материальными потоками в рамках внутрипроизводственных логистических систем может осуществляться двумя принципиально различными способами: путем «выталкивания» и путем «вытягивания» заказа.

«Выталкивающая» система управления материальными потоками основана на прогнозировании размера запасов сырья, материалов и деталей для каждого звена логистической цепи. Исходя из этого прогноза осуществляется управление всем многоэтапным процессом производства путем обеспечения оправданного объема материального запаса на каждой стадии производства. При данной системе управления материальными потоками предметы труда перемещаются с одного участка на другой (следующий по технологическому процессу) независимо от его готовности к обработке и потребности в этих деталях, т. е. без наличия соответствующего заказа. Материальный поток как бы «выталкивается» получателю по команде, поступающей из центральной системы управления производством.

Такой способ управления материальными потоками позволяет увязать сложный производственный механизм в единую систему и максимально задействовать рабочих и оборудование в производстве. Однако в случае резкого изменения спроса использование «выталкивающей» системы приводит к созданию избыточного запаса и затовариванию из-за отсутствия возможности перепланирования производства для каждой его стадии.

«Вытягивающая» система предполагает сохранение минимального уровня запасов на каждом этапе производства и движения заказа от предыдущего участка к последующему. Последующий участок заказывает материалы в соответствии с нормой и временем потребления своих изделий. План-график работы устанавливается только для участка-потребителя. Участок-производитель не имеет конкретного графика и плана и работает в соответствии с поступившим заказом. Таким образом, изготавливаются только те детали, которые реально нужны и только тогда, когда в этом возникает необходимость.

Увязка целей производственной логистики с результатами деятельности отдельных подразделений предприятия происходит в рамках программы управления материальными потоками путем планирования соответствующих работ во времени (определение календарного графика выполнения работ и распределения ресурсов между функциональными подразделениями, участвующими в выполнении производственных логистических задач).

Контроль как функция управления материальными потоками осуществляется по каналам, определяемым организационной структурой предприятия, состоит в непрерывном наблюдении за ходом процесса товародвижения по установленным параметрам. Для этого осуществляется сбор и обработка информации о состоянии материальных потоков, выявляются и анализируются отклонения от плановых заданий по выполнению производственных заказов, делаются выводы о степени соответствия проведенных работ поставленным задачам. Устранение выявленных отклонений обеспечивается путем регулирования.

Регулирование включает в себя анализ нарушений графика работ по выполнению производственных заказов и вызвавших их причин, а также разработку программы устранения отклонений и мер, обеспечивающих ее реализацию. Все такие операции осуществляются одновременно.

Важно учитывать то, что в настоящее время в передовых производственных организациях традиционные функциональные области логистики (транспортировка; управление запасами,

закупками и заказами; складирование; грузопереработка; упаковка) интегрировались на базе общей информационно-компьютерной платформы, образовав стратегическую инновационную систему предприятия.

В современных условиях высокая актуальность широкого внедрения производственной логистики в Беларуси связана с интенсификацией и постоянным расширением в нашей стране товарно-денежных отношений с одновременным увеличением хозяйственных связей между предприятиями, а также с развитием производственной инфраструктуры и расширением хозяйственной самостоятельности предприятий и организаций.

Бизнес в настоящее время характеризуется ростом объемов и расширением ассортимента товаров, повышением затрат на оплату труда персонала, ужесточением требований к сокращению общих расходов, ростом значимости оптимизации затрат, экономией ресурсов и повышением эффективности их использования, а также сокращением себестоимости самих логистических операций.

Надо учитывать следующее важное обстоятельство: сейчас в производственных отраслях отмечается нарастающая тенденция переноса зарубежных мощностей на территорию России и стран Содружества Независимых Государств с целью сокращения общих затрат, в том числе на логистику. При выборе месторасположения производственных предприятий ключевую роль играет степень развития в данном регионе транспортно-складской инфраструктуры. Этот факт подтверждается растущим спросом со стороны различных групп арендаторов на данную инфраструктуру.

Можно также отметить, что в развитии складского рынка основным препятствием зачастую является земельный фактор. Поэтому необходима разработка и реализация ясных, прозрачных процедур выделения земельных участков под строительство объектов логистической инфраструктуры. Необходимо сокращать сроки административного согласования решений о выделении земельных участков и строительства данных объектов, четко регламентировать сроки аренды земельных площадей под их строительство.

Важными факторами успеха сотрудничества предприятий в цепочке производственных поставок являются не только тщательный подбор партнеров, но и наличие взаимного доверия, прозрачности затрат при выполнении работ, четкое разграничение тех или иных задач, регулярные переговоры и согласования, интегрированное использование компьютерных сетей, понятное оформление договоров, взаимное дополнение сфер деятельности, создание системы соответствующего контроллинга, повышение квалификации сотрудников и т. д.

Главная современная задача производственной логистики состоит в создании и обеспечении эффективного функционирования интегрированной системы управления материальными потоками на предприятиях.

Список использованной литературы

1. **Логвин, А.** Тренд логистического рынка на повышение клиентского сервиса: управление временными окнами на складах / А. Логвин // Логистика. – 2019. – № 9. – С. 35–43.
2. **Дуболазов, В.** Оперативное управление поставкой материалов при динамичной интенсивности их потребления / В. Дуболазов // Логистика. – 2017. – № 4. – С. 46–49.
3. **Ерыгин, К.** Сравнительный анализ институциональных подходов к обеспечению устойчивости функционирования цепей поставок / К. Ерыгин // Логистика. – 2020. – № 1. – С. 36–40.

КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РЫНКА МОЛОЧНОЙ ПРОДУКЦИИ КАК ОСНОВА ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В ЗАКУПОЧНОЙ И СБЫТОВОЙ ЛОГИСТИКЕ ОТРАСЛЕВЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ БЕЛАРУСИ

В статье отражена роль комплексного исследования рынка, целесообразность его использования службами закупок и сбыта производственных организаций для повышения эффективности их производственной и логистической деятельности; представлен анализ состояния рынка молочной продукции Республики Беларусь за 2020–2023 гг., произведены расчеты прогноза объемов производства молочной продукции на период 2024–2030 гг. с использованием метода экстраполяции рядов динамики; определены перспективные направления развития молочной отрасли до 2030 г. на основе принятых государственных и ведомственных программ.

This article discusses the role of comprehensive market research and the feasibility of its use by purchasing and sales departments of manufacturing organizations to improve the efficiency of their production and logistics activities, an analysis of the Belarusian dairy market for 2020–2023 is presented, and forecasts for dairy production volumes for 2024–2030 are calculated using the time series extrapolation method, promising development directions for the dairy industry through 2030 are identified based on adopted state and departmental programs.

Ключевые слова: комплексное исследование рынка; емкость и конъюнктура рынка; конкурентная среда; экспортный потенциал; агропромышленный комплекс; цифровая трансформация отрасли.

Key words: comprehensive market research; market capacity and conditions; competitive environment; export potential; agro-industrial complex; digital transformation of the industry.

Комплексное исследование рынка является одной из основных функций закупочной, производственной и сбытовой логистики производственных организаций, позволяет дать оценку экономической макро- и микросреды путем систематического сбора, обработки и анализа информации о емкости и конъюнктуре рынка товаров в динамике временных периодов. Рынок молочной продукции Беларуси является одним из крупных сегментов республиканского продовольственного рынка по емкости, числу участников. Характеризуется ужесточением конкуренции на внутреннем и внешнем рынках между производителями и реализаторами молочной продукции с целью завоевания более высокой доли, обеспечения объемов запланированного экспортного потенциала.

Производство и переработка молока являются важнейшей составляющей агропромышленного комплекса Республики Беларусь, составляют 32,5% в общем объеме производства продукции сельского хозяйства в стране.

В 2023 г. всеми категориями хозяйств республики произведено 8 331 тыс. т молока, за исследуемый период данный показатель увеличился на 578 тыс. т [1].

Основную долю (97,5%) в республиканском объеме производства молока занимают сельскохозяйственные организации. Снизился удельный вес хозяйств населения республики на 1%, в 2023 г. составил 1,9%. Вклад в производство молока крестьянских (фермерских) хозяйств составил 0,6%.

В среднем ежегодно объем производства молока в Беларуси рос на 2%. Значительный удельный вес в структуре производства молока в Республике Беларусь в 2023 г. занимали Брестская (25,9%) и Минская (25,6%) области (рисунок 1).

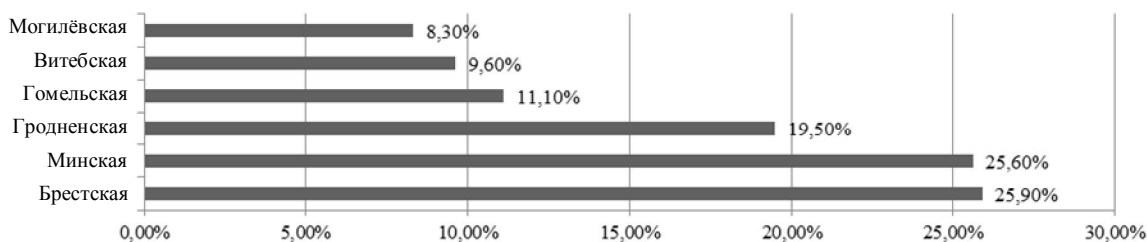

Рисунок 1 – Показатели удельного веса областей в объеме производства молока в Республике Беларусь за 2023 г., %

В структуре производства молочной отрасли республики питьевое молоко составляет 35%, сыры – 20, кисломолочная продукция – 25, сливочное масло – 10, другая продукция – 20%.

Уровень самообеспечения населения Беларуси молоком в 2023 г. составил 283% и увеличился на 49,9% по сравнению с 2020 г. Производство молока на душу населения выросло на 81 кг и в 2023 г. составляло 908 кг. Превышение объемов производства молока над его внутренним потреблением в целом по республике и в разрезе областей свидетельствует о наличии резервов наращивания экспортного потенциала производственными организациями Беларуси (рисунок 2).

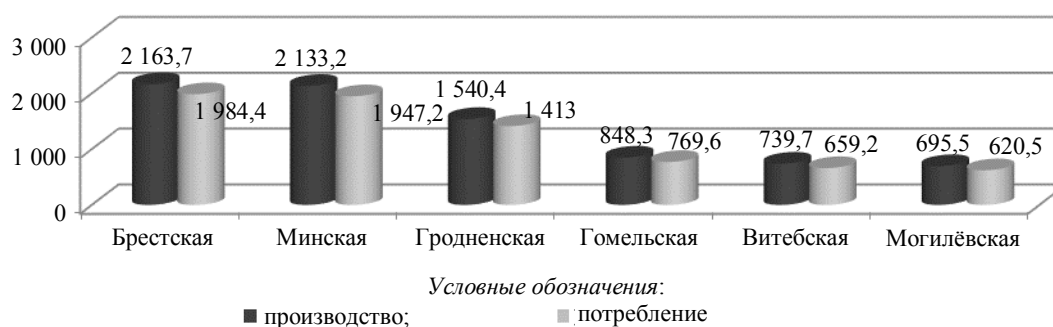

Рисунок 2 – Соотношение объемов производства и внутреннего потребления молока населением Республики Беларусь по областям за 2023 гг., тыс. т

Фактическое потребление молока в 2023 г. жителями Брестской области составляло 91,7%, Минской – 91,3, Гродненской – 91,7, Гомельской – 90,7, Витебской – 89,1, Могилёвской – 89,2%. Снижение потребления молочных продуктов связано с изменением потребительских предпочтений, включая рост популярности растительных альтернатив, а также с увеличением цен на молочную продукцию. Кроме того, часть потребителей переходит на более специализированные продукты, такие как безлактозное молоко, продукты с низким содержанием сахара и добавлением функциональных ингредиентов (пробиотики, витамины, минералы), сыры с уникальными вкусами (с травами, орехами, специями), сливочное масло с улучшенными характеристиками (пониженной жирности или с добавлением морской соли) и др.

Анализ показателей внутреннего спроса на отечественную молочную продукцию показал, что доля ее реализации в розничном товарообороте продовольственных товаров Беларуси за исследуемый период составляла 12% (таблица 1) [2].

Таблица 1 – Показатели розничного товарооборота молочной продукции в Республике Беларусь за 2020–2023 гг.

Показатели	Годы			Темп роста, %, или отклонение (+; –) по удельному весу, %, 2023 г. к (от)	
	2020	2022	2023	2020 г.	2022 г.
Молочная продукция, млн р.	3 166,4	3 988	4 483	141,6	112,4
Удельный вес в розничном товарообороте продовольственных товаров, %	12,0	11,8	11,9	–0,1	0,1
Сыры	577,4	767,3	864,9	149,8	112,7
Удельный вес в розничном товарообороте продовольственных товаров, %	2,2	2,2	2,3	0,1	0,1
Сливочное масло	427,8	625,4	573,6	134,0	91,7
Удельный вес в розничном товарообороте продовольственных товаров, %	1,6	1,8	1,5	–0,1	–0,3

В 2023 г. в розничной торговле Республики Беларусь реализовано молочной продукции на 4 483 млн р. За анализируемый период отмечается прирост ее реализации на 41,6%, сыров – на 49,8, сливочного масла – на 34%. Прослеживается уменьшение доли реализации сливочного масла на 0,1% по сравнению с 2020 г., на 0,3% – к 2022 г.

Внешняя торговля молочной продукцией в Республике Беларусь нацелена на увеличение доли ее экспорта, диверсификации поставок на новые рынки [3]. Основная часть республиканского экспорта молока и молочной продукции (более 80%) приходится на Российскую Федера-

цию. В другие государства реализовано 4,8 млн т молока и молочных продуктов, рост составил 109,5% к уровню 2022 г. Беларусь осуществляла поставки молока и молочной продукции в Казахстан, Китай, а также на новые рынки сбыта – Кувейт (сухое обезжиренное молоко), Замбия (сухое обезжиренное и цельное молоко), Антигуа (сыры) [4]. В целом, объемы международной торговли Беларуси молочной продукцией в 2023 г. выросли до 79 млн т в пересчете на молоко. Совокупный среднегодовой темп прироста объема экспорта за исследуемый период составил 2,6%.

В объеме импорта сельскохозяйственной продукции республики в 2023 г. доля молочной продукции составляла 1,3%, а в общем показателе импорта Беларуси – 0,2%. В натуральном выражении импорт молочной продукции был в 37 раз меньше объемов ее экспорта, что свидетельствует о значительном экспортном потенциале отечественных товаров и высоком уровне их конкурентоспособности на внешних рынках [1].

Таким образом, комплексные конъюнктурные исследования, связанные с изучением спроса и предложения на потребительском рынке, уровня эластичности цен, степени и условий рыночной конкуренции, необходимы субъектам рынка для принятия соответствующих решений на всех уровнях деятельности (стратегическом, тактическом и оперативном).

В условиях все более активного включения Республики Беларусь в мировое рыночное хозяйство усиливаются требования к перерабатывающим предприятиям молочной отрасли, которые определены государственными и отраслевыми программами в качестве основных целевых параметров развития отрасли до 2030 г. [3; 5; 6]. Одним из ключевых направлений определено доведение объемов производства молока до 9,2 млн т за счет роста в сельскохозяйственных организациях численности коров молочного стада до 1,45 млн голов и среднегодового удоя от коровы до 6,2 тыс. кг. При определении перспективной потребности в производстве молока и периодов достижения целевых параметров производителям целесообразно использование коммерческого расчета на основе научных методов и подходов, например, прогнозирование методом экстраполяции динамических рядов. В качестве динамических рядов определены период исследований – 4 года (2020–2023 гг.) и объемы производства молока в Республике Беларусь (тыс. т). Потребность в производстве молока определялась на перспективу до 2030 г. на основе расчета среднегодового темпа роста объемов производства (таблица 2).

Таблица 2 – Показатели объемов производства молока в Республике Беларусь за 2020–2023 гг. и прогнозных значений на 2024–2026 гг., тыс. т

Товарная номенклатура	Годы					Прогнозные показатели				
	2020	2021	2022	2023	2024	2025 г.	2026 г.	2027 г.	2028 г.	2030 г.
Молоко	7 753	7 810	7 869	8 331	8 406	8 481,6	8 557,9	8 635	8 712,6	8 870,2

Таким образом, проведенные расчеты показали, что среднегодовой темп роста производства молока за исследуемый период составил 100,9%.

При сложившейся тенденции среднегодового темпа роста Республика Беларусь в 2030 г. сможет обеспечить производство молока в объеме 8 870,2 тыс. т, что составляет 96,4% от установленного целевого параметра. Следовательно, при соответствующем развитии производственных мощностей белорусских производителей молочной отрасли с использованием современных технологий и инновационных подходов вполне реальным может являться увеличение среднегодового темпа роста производства молока и выполнение государственных целевых параметров развития молочной промышленности Беларуси.

Таким образом, выполнение субъектами хозяйствования заданных в государственных и отраслевых программах параметров развития молочной отрасли Республики Беларусь в перспективном периоде, а также активное использование комплексных исследований сложившейся конъюнктуры рынка, ее систематический анализ позволят эффективно решать логистические, коммерческие, управленческие и экономические задачи производственным и торговым организациям, послужат основой для разработки стратегии и тактики их деятельности.

Список использованной литературы

1. **Национальный** статистический комитет Республики Беларусь : [сайт]. – URL: <https://www.belstat.gov.by> (дата обращения: 15.03.2026).
2. **Савинкова, Е. А.** Состояние рынка молочной продукции и творога / Е. А. Савинкова, Г. Р. Сагидуллина // Актуальные исследования. – 2024. – № 2 (29). – С. 32–37.

3. **О Государственной** программе «Аграрный бизнес» на 2021–2025 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 1 февр. 2021 г. № 59 // Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь. – URL: <https://www.mshp.gov.by/documents/ab2025.pdf> (дата обращения: 12.03.2026).

4. **Карачевская, Е. В.** Рынок молока: современное состояние и перспективы развития / Е. В. Карачевская, Ю. А. Чепельников // Вестник Белорусской государственной сельскохозяйственной академии. – 2023. – № 2. – С. 10–14.

5. **О Доктрине** национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 15 дек. 2017 г. № 962 // Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь. – URL: <https://mshp.gov.by/documents/plant/dccea377014340f4.html> (дата обращения: 13.03.2026).

6. **Программа** социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы : утв. Указом Президента Респ. Беларусь от 29 июля 2021 г. № 292 // Национальный банк Республики Беларусь. – URL: https://www.nbrb.by/mp/target/pser/program_ek2021-2025.pdf (дата обращения: 12.03.2026).

УДК 339.178

И. Е. Соколовская (sokolovskayaira2001@gmail.com),
магистрант

А. И. Капштык (aikapshtyk@mail.ru),
д-р экон. наук, профессор

Н. А. Савостенко (natalex2103@rambler.ru),
ст. преподаватель
Белорусский торгово-экономический
университет потребительской кооперации
г. Гомель, Республика Беларусь

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ЛОГИСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ И ПОДХОДОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТОРГОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В данной статье рассматриваются наиболее распространенные современные логистические методы и подходы, которые целесообразно использовать в деятельности торговых организаций.

This article discusses the most common modern logistics methods and approaches that should be used in the activities of trade organizations.

Ключевые слова: торговая организация; логистические процессы; логистические подходы; логистические методы; прогнозирование; моделирование; оптимизация.

Key words: trade organization; logistics processes; logistics approaches; logistics methods; forecasting; modeling; optimization.

Эффективная деятельность современных торговых организаций и предприятий в значительной мере зависит от качества принимаемых решений и умения менеджеров применить подходящие модели и методы управления логистической деятельностью этих организаций. Под моделью понимают абстрактный или материальный объект, обладающий определенным объективным подобием с исследуемым объектом, несущий о нем определенную информацию. Моделирование – это процесс построения модели, исследование ее свойств и перенос полученных свойств на реальную моделируемую систему [1]. Под термином «методы управления» понимают совокупность способов и приемов воздействия на управляемый объект для достижения поставленных целей.

По направлениям исследования, содержанию и результатам методы, используемые в логистике, можно классифицировать по их группам на экономические, математические, эвристические, экономико-математические, организационно-экономические. Каждую группу методов составляют конкретные методы, которые представляют часть их многообразия, применяемого при решении логистических задач.

Классификацию методов логистической деятельности торговых организаций целесообразно осуществлять на основе отдельных целевых функций логистики, различающихся по классу логистических задач, а также на основе подсистем логистики. Для этого к целевым

функциям логистики необходимо отнестись к соблюдению сроков доставки грузов (товаров), минимизацию затрат в цепях поставок, ценообразование логистических услуг, управление логистическим персоналом.

Логистические подсистемы выделяются в качестве одного из базовых классификационных признаков методов, используемых в логистике, на том основании, что каждая ее подсистема имеет свои специфические особенности, которые заключаются в различии функционального назначения, а также применяемых технических устройств, процедур и операций.

Анализ показывает, что классификация конкретных моделей и методов логистики большинством исследователей производится в привязке к определенной функциональной области: снабжение, производство, распределение, транспорт, склад. Подробная классификация логистических методов приведена в работе под редакцией В. С. Лукинского [2]. В работах различных исследователей имеется следующая группировка методов логистики в основных сферах экономики:

- методы, модели и алгоритмы закупочной логистики (алгоритм выбора поставщика, методы прогнозирования потребностей, модели управления запасами сырья и материалов);
- модели и методы по управлению запасами (модель EOQ, модели контроля и управления запасами, ABC-анализ);
- методы и модели производственной логистики (концепции ЛТГ, методы статистической оценки и контроля производственных процессов, методы объемно-календарного и объемно-динамического методов планирования хода производства);
- модели и методы распределительной логистики (алгоритм выбора оптимального варианта распределения материального потока, модель решения задачи размещения распределительных складских центров при распределении материальных потоков, метод определения координат склада);
- модели и методы складской логистики (метод Парето, методика принятия решения об аренде или строительстве склада, модель выбора вариантов оптимального размещения складов);
- модели и методы транспортной логистики (модели выбора перевозчиков, методы маршрутизации перевозок, модель закрепления поставщиков за потребителями (покупателями), модель «Точно в срок»).

Как показывает анализ, такое деление является весьма относительным в связи с отсутствием четких границ между функциональными сферами логистики и возможностью применения одних и тех же логистических инструментов для решения разных задач.

Важным является то, что спектр стратегических задач логистики, решаемых с помощью различных методов, можно разделить на пять классов: планирование, прогнозирование, оптимизация, моделирование, решения, принимаемые в условиях неопределенности.

Планирование является исходным в управлении различными грузопотоками, его результаты проявляются в виде краткосрочных решений для отдельных подсистем логистики. Эти решения включают в себя определение плановых показателей и мер по их достижению. Надо учитывать, что при выполнении логистических функций важное значение имеет определение места и роли каждого из звеньев цепей поставок в общем процессе, которые регламентируются плановыми показателями.

Прогнозирование обеспечивает получение перспективных показателей на долгосрочные периоды деятельности каждого звена цепей поставок и состоит из следующих составляющих: тенденции рынка логистических услуг, потенциал трудовых ресурсов и возможности его использования, расчетная производительность труда, потребность в финансировании, необходимость обновления транспортных средств и оборудования, стоимость энергоносителей. Их оптимизация представляет собой определение приемлемого варианта из возможных в реализации логистических функций. Оптимальное решение при этом должно приниматься на основе определенного критерия оптимальности.

Моделирование основывается на формировании конкретных моделей логистических процессов. Изучение таких моделей позволяет оценить результаты моделирования на практике. При решении логистических задач с использованием моделирования применяется имитационное, динамическое, статистическое и математическое моделирование. В условиях неопределенности решения принимаются для задач, которые заранее не определены из-за воздействия факторов внешней среды. Такие задачи решаются в условиях недостаточности или отсутствия четких данных для принятия логистических решений. Поэтому такие данные заменяются вероятностью свершения ожидаемых событий.

Различные подходы к классификации применяемых методов и моделей при управлении логистическими процессами позволяют, с одной стороны, наиболее полно их охватить и систематизировать, а с другой стороны, практические подходы, основанные на анализе реальных целей и задач в логистике, позволяют создать прикладные модели для решения разных вопросов логистики.

Необходимо рассмотреть важнейшие методы и приемы теории и практики логистики. Таковыми являются методы анализа в логистике. При этом надо учитывать, что анализ выступает одной из важнейших функций управления любыми экономическими процессами, включая логистические процессы.

Наиболее известные методы анализа в теории логистики – это ABC- и XYZ-анализ, которые используются преимущественно для систематизации и группировки многономенклатурных запасов и ассортимента. Помимо этого, методики ABC- и XYZ-анализа находят применение в других функциональных областях логистики, где требуется систематизация разнородных объектов управления. Например, для группировки контрагентов бизнеса – поставщиков, клиентов, каналов сбыта и др. ABC-классификация, известная также как метод Парето, или правило 80/20, является уже хорошо развитым инструментом группировки объектов управления в логистике. Идея метода ABC состоит в том, чтобы из всего множества однотипных объектов выделить наиболее значимые с точки зрения выбранной цели. Таких объектов, как правило, немного, именно на них необходимо сосредоточить основное внимание.

Применительно к управлению запасами товаров основную идею ABC-анализа можно сформулировать следующим образом: надежный контроль 20% позиций запасов позволяет на 80% контролировать всю их систему.

Следующим важным инструментом являются методы оптимизации в логистике. При этом чаще всего основным критерием оптимизации в логистических системах являются совокупные логистические затраты.

Наиболее распространенными задачами оптимизации в логистике являются следующие:

- задача нахождения оптимального размера заказа;
- оптимизационные задачи транспортного типа (закрепление поставщиков за потребителями и т. д.);
- комбинаторные оптимизационные задачи (задача коммивояжера, задача о ранце).

Определение размера закупаемой партии товара – одна из основных задач торговой логистики.

В логистике важное значение имеют задачи оптимального распределения потоков от нескольких источников к нескольким потребителям. Они решаются методами линейного программирования и носят название «транспортная задача». Наиболее часто встречаются следующие транспортные задачи: прикрепление потребителей ресурсов к производителям; привязка пунктов отправления к пунктам назначения; взаимная привязка грузопотоков прямого и обратного направлений; оптимальное распределение объемов выпуска промышленной продукции между заводами-изготовителями.

Методы моделирования в логистике. Модель представляет собой упрощенное представление реального объекта и протекающих в нем процессов. Моделирование основывается на подобии систем или процессов, которое может быть полным или частичным. Основная цель моделирования – дать прогноз поведения процесса или системы. Ключевой вопрос моделирования: «Что будет, если ...?».

В логистике широко применяются методы математического моделирования. К нему относятся аналитическое и имитационное моделирование. Аналитическое моделирование предполагает изучение численно-математических моделей реального объекта в виде алгебраических, дифференциальных и других уравнений и предусматривает осуществление однозначной вычислительной процедуры, приводящей к их точному решению. Имитационное моделирование – это такое моделирование, при котором исследуются математические модели в виде алгоритмов, воспроизводящих функционирование исследуемой системы путем последовательного выполнения большого количества логически увязанных элементарных операций. Имитационное моделирование включает в себя два основных процесса: первый – конструирование модели реальной системы, второй – постановка экспериментов на этой модели. При этом преследуются следующие цели: понять поведение логистической системы; выбрать стратегию, обеспечивающую наиболее эффективное функционирование логистической системы.

В логистических исследованиях широкое распространение получили методы моделирования систем управления запасами. В силу целого ряда объективных причин особенно важным

является управление запасами товаров для торговых организаций. В настоящее время разработано и используется на практике множество систем управления запасами. Некоторые из них универсальные и используются для управления запасами широкой номенклатуры продукции и товаров, другие ориентированы на специфические характеристики запасов или особенные логистические операции в организациях. К четырем классическим подходам к моделированию систем управления запасами относятся следующие:

- система управления запасами с фиксированным размером заказа;
- система управления запасами с фиксированным интервалом времени между заказами;
- система управления запасами с установленной периодичностью пополнения запасов до их постоянного уровня;
- система «минимум-максимум».

Выбор конкретной системы управления запасами определяется главными для данной организации факторами.

В частности, система управления запасами с установленной периодичностью пополнения запасов до их постоянного уровня используется в условиях резкого колебания спроса при крайней нежелательности возникновения дефицита этого запаса. Для предотвращения дефицита заказы в данной системе производятся не только в фиксированные плановые моменты времени, но и при достижении пороговых уровней запаса.

Система «минимум-максимум» разработана для условий высокой стоимости оформления и выполнения заказа, допустимости дефицита и крайней нежелательности создания чрезмерного запаса. Заказы в данной системе оформляются не в каждый заданный интервал времени, как в системе с фиксированным интервалом времени между заказами, а только при условии, что уровень запаса в момент планового заказа равен или меньше некоторого постоянного минимального уровня запаса. Размер заказа рассчитывается так, чтобы поставка пополнила запасы до максимального желательного уровня. Таким образом, данная система работает с двумя уровнями запасов (минимальным и максимальным). Поэтому она так называется.

Методы выбора решения из нескольких альтернатив. Среди моделей и методов, применяемых в логистике, есть модели, позволяющие принять решение о выборе наилучшей альтернативы из нескольких имеющихся. К ним относятся алгоритмы и модели выбора логистических посредников, методы выбора вида транспорта, способа перевозки, маршрута, конкретного транспортного средства, выбора стратегии управления запасами и другие практические задачи. В каждом случае могут применяться специальные методы, позволяющие произвести выбор: в условиях определенности возможны оптимизация, упорядочение и произвольный выбор, а в условиях неопределенности – теория игр, теория полезности, модели, учитывающие стохастические решения, расплывчатые множества и др.

Совокупность рассмотренных и других методов и моделей позволяет эффективно использовать логистические концепции и подходы в современной практической деятельности торговых организаций и предприятий.

Список использованной литературы

1. **Божанов, П. В.** Методы исследования логистической деятельности / П. В. Божанов // Электронная библиотека Белорусского государственного университета. – URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/188918> (дата обращения: 12.11.2025).
2. **Модели и методы теории логистики** : учеб. пособие / под ред. В. С. Лукинского. – 2-е изд. – СПб. : Питер, 2008. – 448 с.

IX. ВТОРАЯ МИРОВАЯ И ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДА

УДК 355(94)

А. Б. Беркимбаева (berkimbaeva51@icloud.com),
студентка

И. Г. Гиззатуллин (ildar.giz@inbox.ru),
канд. пед. наук, доцент
Казанский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации
г. Казань, Российская Федерация

ТАТАРСТАНЦЫ В БОЯХ ЗА БЕЛАРУСЬ

В данной статье рассматривается участие уроженцев и жителей Советской Татарии в боях за Беларусь, участии в партизанском движении на территории республики и в подполье.

This article examines the participation of natives and residents of Soviet Tatarstan in the battles for Belarus, as well as their involvement in the partisan movement and underground activities in the republic.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Герой Советского Союза; Беларусь; Татария; белорусские партизаны; легионеры.

Key words: Great Patriotic War; Hero of the Soviet Union; Belarus; Tatarstan; belarusian partisans; legionnaires.

Память о прошедшей войне является единой для народов России и Беларуси. Территория Беларуси в годы Великой Отечественной войны стала ареной ожесточенных боев. Летом 1941 г. здесь шли сражения, которые помогли сорвать гитлеровские планы блицкрига. Это героическая оборона Брестской крепости, оборонительные бои у городов Витебска и Могилёва. Через три года (летом 1944 г.) на территории республики была проведена одна из крупнейших операций в истории – Белорусская (кодовое название операции – «Багратион»), в ходе которой была разгромлена немецкая группа армий «Центр», полностью освобождена территория Беларуси и часть Прибалтики. Эта операция стала одной из самых успешных наступательных операций во Второй мировой войне.

Во всех этих трагически печальных, героических событиях принимали активное участие и наши соотечественники – уроженцы и жители Татарии.

В памяти белорусского народа и россиян навечно сохранится память о легендарных защитниках Брестской крепости. Среди них был и отважный сын татарского народа П. М. Гаврилов. Уроженец крестьянской деревни Альвидино Казанской губернии (ныне Пестречинский район Татарстана) стал одним из руководителей героической обороны крепости и последним известным ее защитником [1, с. 93]. По завещанию П. М. Гаврилов был захоронен на гарнизонном кладбище в Бресте рядом со своими павшими боевыми товарищами.

На 48-й день войны звание Героя Советского Союза было присвоено командиру батальона 437-го стрелкового полка 154-й стрелковой дивизии Ф. А. Баталову, ставшему первым кавалером Золотой Звезды в Татарии в военные годы. Подвиг командира батальона Фёдора Баталова нашел отражение в песне неизвестных авторов «Слушают отряды песню фронтовую», созданной в первые месяцы войны. В ней есть такие строки:

«Но пока что пуля мимо пролетела,
И пока что подступ к смерти отдален,
И пока в атаку капитан Баталов
На геройский подвиг поднял батальон» [2].

Ф. А. Баталов получить награду не успел. В августе 1941 г. уроженец Казани, майор Ф. А. Баталов (на тот момент командир полка) был тяжело ранен на поле боя в районе села Скепня Гомельской области и там же скончался. Похоронен на месте гибели.

В оборонительных боях на территории Беларуси отличилась 18-я стрелковая дивизия, сформированная в Татарской Автономной Советской Социалистической Республике (ТАССР), бойцы которой в июле 1941 г. встали на пути танков Г. Гудериана. Они несколько дней удерживали фронт на расстоянии 40 км на днепровских рубежах от Орши до Шклова (хотя по воинскому уставу фронтовой дивизии норма составляла 12 км). Оказавшись в окружении без артиллерии, солдаты дивизии сражались до последнего. За беспримерный подвиг казанское воинское подразделение было представлено к награждению Орденом Боевого Красного Знамени [3].

Те из бойцов дивизии, кто не смог вырваться из окружения, позже создали в тылу врага партизанский отряд, называвший себя «восемнадцатым».

О подвиге воинов 18-й стрелковой дивизии позже был снят белорусский художественный фильм «Днепровский рубеж» (2009 г.).

Всего на белорусской земле сражались четыре из семи сформированных с начала войны в Татарии дивизий. Кроме 18-й стрелковой, это еще 86-я Краснознаменная имени Президиума Верховного Совета ТАССР дивизия, 352-я и 334-я дивизии. Последние две дивизии по итогам боев в Беларуси были удостоены почетных названий «Оршанская» и «Витебская». За участие в освобождении г. Гродно 352-я дивизия была награждена орденом Красного Знамени.

Татарстанцы храбро воевали в рядах белорусских партизан. В составе партизанского отряда «Победа» сражался с врагом в качестве подрывника, а затем командира разведки известный татарский поэт и публицист Заки Нури. После освобождения Беларуси от немецкой оккупации он был оставлен в г. Орше для работы заместителем председателя исполнительного комитета городского совета (1944–1945 гг.), позже за его заслуги ему присвоили звание Почетного гражданина города [4].

Вместе с белорусскими партизанами против фашистов сражались сотни татарстанцев. Среди них жительница Чистополя Рита Загирова, бугульминец Борис Пахомов, сабинец З. Валиуллин, один из комсомольских вожаков республики Иван Заикин и др. [5, с. 9]. Учитель из Татарии Павел Пронягин стал одним из руководителей партизанского движения на Брестчине. В боевой характеристике его отряда указывалось, что данным подразделением партизан были убиты и ранены более 2,5 тыс. вражеских солдат и офицеров, пущены под откос 33 поезда с техникой и войсками, взорвано 18 автомашин, уничтожено 15 фашистских гарнизонов. После окончания войны П. В. Пронягин вернулся в Беларусь и долгие годы работал здесь в системе образования. За весомый вклад в борьбу с немецкими оккупантами, последующее восстановление и развитие региона был признан почетным гражданином г. Бреста. Сейчас его имя носит одна из улиц города [6].

Напад на Советский Союз, нацисты рассчитывали на то, что Союз Советских Социалистических Республик развалится, распадется на отдельные части. Ощущая острую нехватку в живой силе, они начали создавать из числа пленных советских солдат национальные коллаборационистские соединения. Одним из них стал Волжско-татарский легион (легион «Идель-Урал»), подразделение вермахта, созданное из представителей народов Поволжья. Его фашисты хотели использовать для борьбы с партизанами. 825-й батальон легиона в феврале 1943 г. был направлен в район городов Витебска и Орши для участия в карательной экспедиции. 22 февраля легионеры (более 500 человек) подняли восстание, перебив немецких офицеров, перешли на сторону партизан [7]. Восстание легионеров и последующий их переход на сторону партизан стал результатом подрывной работы в тылу врага, которую проводила группа Курмаша – Джалиля.

Выходцы из Татарстана были активными участниками белорусского подполья. Талантливым организатором диверсий против оккупантов проявил себя бывший водитель казанского трамвая И. К. Кабушкин, руководитель оперативной группы Минского подпольного городского комитета. Иван Константинович Кабушкин занимался выявлением агентурной сети немцев, организацией побега военнопленных, лично уничтожил более 20 оккупантов.

В феврале 1943 г. легендарный Жан (в целях конспирации под таким именем он скрывался) был схвачен фашистами. В застенках гестапо его подвергли чудовищным пыткам, но сломать его волю палачам не удалось. Никого из товарищей И. К. Кабушкин не выдал. В переданной на волю из тюрьмы прощальной записке он писал товарищам: «Умру, а подлецом не буду!» [8, с. 144].

Мужественный патриот был казнен нацистами. В год юбилея Победы (в 1965 г.) офицера Красной армии И. К. Кабушкина удостоили высокого звания Героя Советского Союза. Память о нем бережно хранят жители Татарстана и Беларуси. В его честь названы школы, улицы, поставлены памятники в Беларуси и Татарстане. Подвигам легендарного подпольщика И. К. Кабушкина посвящена повесть татарского писателя Шамиля Ракипова «Откуда ты, Жан?».

В апреле 2023 г. в г. Минске прошла Международная научно-практическая, историко-краеведческая конференция «Татары Республики Беларусь: история и современность», на которой белорусским музейщикам были переданы имена 12 729 уроженцев и жителей Татарии, которые погибли или пропали без вести во время сражений на территории Республики Беларусь [7]. Среди тех, кто захоронен на белорусской земле, выдающийся татарский композитор, автор балета «Шурале» Фарид Яруллин. Он погиб в октябре 1943 г. и похоронен в братской могиле «Рыленки». Сейчас его имя носит Школа искусств в г. Дубровно Витебской области. Здесь же находится памятник композитору.

Из 161 татарина, удостоившихся во время Великой Отечественной войны высокого звания Герой Советского Союза, 27 получили его за участие в освобождении Беларуси [9]. Среди них бесстрашная летчица М. Г. Сыртланова, советский и российский военачальник, военный теоретик и историк, генерал армии М. А. Гареев и др.

Память о татарстанцах – участниках боев на территории Беларуси хранят на белорусской земле. Так, в 2009 г. в Витебской области, недалеко от деревни Копти, где зимой 1943 г. состоялся переход legionеров на сторону белорусских партизан, был установлен памятный знак нашим соотечественникам – татарам, погибшим во время Великой Отечественной войны. На нем высечены следующие слова: «Воинам 18-й Казанской, 334-й Витебской, 352-й Оршанской, 86-й имени Президиума Верховного Совета ТАССР стрелковых дивизий, сражавшихся на территории Беларуси против немецко-фашистских захватчиков, и бойцам-татарам, воевавшим в отрядах белорусских партизан в годы Великой Отечественной войны» [10].

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. стала героическим периодом в истории нашей Родины. Вместе со всем советским народом, плечом к плечу на фронтах сражались уроженцы Татарстана. Единство народов нашей многонациональной страны стало главным источником Победы. Эту историческую память мы должны сохранить!

Список использованной литературы

1. **Ханин, Л. И.** Герои Советского Союза – сыны Татарии / Л. И. Ханин. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1963. – 680 с.
2. «**Враг** полагает, что разгромил Красную армию, а мы покажем, что это не так». Подвиг комбата Баталова // Бизнес online. – URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/480811> (дата обращения: 02.03.2026).
3. **Татарстанские** дивизии: признание Гудериана, гибель в Белостокском выступе и освобождение Белоруссии // Миллиард татар. – URL: <https://milliard.tatar/news/tatarstanskii-divizii-priznanie-guderiana-gibel-v-belostokskom-vystupe-i-osvobozhdenie-belorussii-2985> (дата обращения: 02.03.2026).
4. **Подрывник**, начальник разведки, поэт // 100tatarstan.ru. – URL: <https://100tatarstan.100tatarstan.ru/news/etot-den-v-istorii/podryvnik-nachalnik-razvedki-poet> (дата обращения: 02.03.2026).
5. **Провал** операции «Шаровая молния». Татары в партизанских отрядах Белоруссии в годы Великой Отечественной войны : сб. ст. / сост. Р. А. Мустафин. – Казань : Татар. кн. изд-во, 2010. – 159 с.
6. **Война** и мир Павла Пронягина // Партизаны Беларуси. – URL: <https://partizany.by/battles/voyna-i-mir-pavla-pronyagina/> (дата обращения: 02.03.2026).
7. **Герои** Великой Отечественной войны: десять историй татар, воевавших в Беларуси // Миллиард татар. – URL: <https://milliard.tatar/news/geroi-velikoi-otechestvennoi-voiny-desyat-istorii-tatar-voevavsix-v-belarusi-3307> (дата обращения: 02.03.2026).
8. **Кабилова, А. Ш.** Татары и уроженцы Татарстана на фронтах Великой Отечественной войны / А. Ш. Кабилова // Научный Татарстан. – 2010. – № 2. – С. 136–147.
9. **Канапацкая, З. И.** Татары – герои Советского Союза, отличившиеся в боях за освобождение Беларуси / З. И. Канапацкая // Репозиторий Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка. – URL: <https://elib.bspu.by/server/api/core/bitstreams/8128d786-c837-4bb3-93d7-eee365497d13/content> (дата обращения: 02.03.2026).

10. **Открытие** мемориального памятника в честь татар, погибших за освобождение Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), в деревне Копти Витебского района Витебской области // Автономная некоммерческая организация «Татарский центр содействия развитию академической науки». – URL: <https://tat.center/history/otkrytie-memorialnogo-pamyatnika-v-cest-tatar-pogibsix-za-osvobozhdenie-belarusi-v-gody-velikoi-otecestvennoi-voiny-1941-1945-gg-derevnya-kopti-vitebskii-raion-vitebskaya-oblast-belarus> (дата обращения: 02.03.2026).

УДК 94(476.2)

Е. Э. Солдатенко (baraulia.mary@gmail.com),
учащаяся

Д. Н. Зубович (dianazubovichnn@gmail.com),
учащаяся

М. С. Барауля (mogtk@bteu.by),
преподаватель

Филиал Белорусского торгово-экономического
университета потребительской кооперации
«Могилёвский торговый колледж»
г. Могилёв, Республика Беларусь

ПАМЯТЬ БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ: ВЗГЛЯД СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ НА ПРОБЛЕМУ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена проблеме подмены исторической правды о событиях периода оккупации Беларуси в годы Великой Отечественной войны и отношению молодежи к такому вызову современности.

The article is devoted to the problem of the substitution of historical truth about the events of the period of occupation of Belarus during the Great Patriotic War and the attitude of young people to this modern challenge.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; оккупация; поколение; фальсификация; народ.

Key words: Great Patriotic War; occupation; generation; falsification; people.

Белорусская земля – это край, богатый историей страданий и героизма. На протяжении многих поколений наши предки проявляли глубокую любовь к Родине и верность патриотическим идеалам, смело противостояли захватчикам и мужественно защищали свой дом, убеждения и веру до самого конца. При этом Беларусь никогда не начинала войн и не выступала агрессором в конфликтах. Опыт, героические традиции и духовная сила оказались как никогда нужными в годы Великой Отечественной войны.

Перед каждым новым поколением возникают одни и те же вопросы: «Что такое Родина, свобода, милый сердцу край, родная с пеленок речь?», «Как и с чем в сердце жить и умирать, как сражаться и побеждать?» Время добавило нам еще одну непростую задачу: отличать историческую правду об истории своей Родины от той фальши, которую нам пытаются навязать недоброжелатели, главным образом через различные социальные сети.

Период оккупации Беларуси не стал исключением в попытке исказить историю и представить ее в выгодном для фальсификаторов свете. Вот уже более восьмидесяти лет отделяет нас от тех дней, когда на нашу землю пришли фашисты. Все дальше, год за годом, уходят в прошлое суровые, огненные годы войны. Давно уже осыпались блиндажи, заросли травой и мхом старые окопы, выросли в деревья осколки мин и снарядов. Кажется, что все уже давно забыто, никогда больше никто не вспомнит те тревожные военные годы. Время не властно предать их забвению. Пока бьются наши сердца, мы не имеем права в повседневных радостях и хлопотах забыть о подвиге советского народа. Находятся те, кто пытается предать забвению героические страницы нашего прошлого, сфальсифицировать историю Великой Отечественной войны, внушить современной молодежи, что если бы отцы и деды сдались на милость фашистским оккупантам, то все мы жили бы сейчас так, как живут немцы, при этом забыв упомянуть про план «Ост», согласно которому предусматривалось сделать рабами только 25% населения нашей страны, а остальных уничтожить. Офицерам фашистской армии вменялось в обязанность уничтожать мирное население по своему усмотрению. В Беларуси был уничтожен каждый третий ее житель. Большинство населения погибло не на полях сражения они уничтожались в концентрационных лагерях, таких, к примеру, как Луполовский лагерь (шталаг № 341)

в Могилёве, где погибло более 40 тыс. советских военнопленных и мирных жителей, заживо горели в родных избах, подвергались бесчеловечным экспериментам нацистских эскулапов, и много других преступлений, о которых больно вспоминать. Для чего нас пытаются обмануть, представив фашистов в человеческом облике?

Это делается с одной простой целью: стереть память и дать истории возможность повториться на новом витке спирали. Замысел фальсификаций можно выразить словами романа Юлиана Семёнова. Вспомним, как наставлял Штирлица шеф гестапо Мюллер в романе «Семнадцать мгновений весны»: «Тем, кому сейчас десять, не нужны ни мы, ни наши идеи; они не простят нам голода и бомбежек. А вот те, кто сейчас еще ничего не смыслит, будут рассказывать о нас легенды, а легенду надо подкармливать, надо создавать сказочников, которые переложат наши слова на иной лад, доступный людям через двадцать лет. Как только где-нибудь вместо слова “здравствуйте” произнесут “хайль” в чей-то персональный адрес – знайте, там нас ждут, оттуда мы начнем свое великое возрождение!» [1, с. 38] Читая эти строки романа, прошлое поколение не могло себе представить, что такое вообще возможно, после того глобального горя и разрушений, которые принес миру фашизм. Сразу после распада Союза Советских Социалистических Республик переписывание истории стало популярным идеологическим направлением в ряде стран Восточной и Западной Европы. Были попытки реабилитации местных коллаборационистов в Беларуси, но здесь они никогда не имели системного характера, а после прихода к власти А. Г. Лукашенко жестко пресекались.

Мы, современные молодые люди, должны знать правду о трагических событиях Великой Отечественной войны, чтобы никто и никогда не смог навязать нам сфальсифицированную историю. Наша задача – уметь отличать историческую правду от фальсификаций, опираясь на факты.

Как отметил наш Президент А. Г. Лукашенко: «У каждого народа есть свои особенности, свои яркие черты, по которым его узнают в мире. Есть определенные ценности, достоинства и свершения, которые его делают тем, кто он есть. Какое самое великое достояние нашего народа, за которое просто в ноги ему надо поклониться? Это Победа над фашизмом. Мы вместе с русским народом и другими народами пострадали больше, чем кто-либо иной. Мы выстояли. Мы не только отстояли свою независимость, но мы спасли человечество от нацизма и коричневой чумы» [2, с. 35].

В своем ежегодном обращении к белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь от 28 января 2022 г. наш лидер подчеркнул, что насаждаемые взгляды и версии не должны закрывать нашу память о прошлом. «Посмотрите, как искажается история у ближайших соседей. На улицах европейских столиц, освобожденных Красной армией, проходят марши молодчиков с фашистской свастикой, нацистов почитают как героев, устраивают факельные шествия в их честь, сносят памятники советским воинам-освободителям», – отметил А. Г. Лукашенко [3, с. 4].

Примеров реабилитации нацизма и фальсификации истории Великой Отечественной войны сотни. Очень мягко и постепенно людям пытаются навязать другое видение событий тех лет. Опять перед нами возникают вопросы: «Для чего это нужно?», «Зачем из преступников пытаются сделать героев?», «Зачем нацизму рисуют человеческое лицо?», «Зачем искажают героическое прошлое наших прадедов?» Причин множество, у каждого такого фальсификатора они свои. Может потомки виновных в той войне, в геноциде белорусского народа хотят убедить самих себя и нас в том, что их деды и прадеды были не такими уж и плохими?

Чтобы разобраться в огромном потоке информации, часто недостоверной, современные молодые люди должны обладать не только определенными знаниями, но и развитым критическим мышлением, умением принимать самостоятельные решения и эффективно работать с информацией: критически анализировать, выявлять, выделять главное, наблюдать, различать, делать правильные выводы.

Рассмотрим ситуацию на нашем личном примере. Недавно пролистывая страницы одной из социальных сетей, случайно попался видеоролик, в котором некий псевдоисторик рассказывал о том, каким «неплохим» человеком для Беларуси был гауляйтер В. Кубе. В своем рассказе «историк» утверждает: «Генеральный комиссар округа “Беларусь”, гауляйтер национал-социалистической партии Германии В. Кубе являлся искренним защитником белорусского народа, лишь благодаря его личной позиции, которую он отстаивал, вступая в споры даже с такой влиятельной организацией, как СС, на территории Генерального округа стало возможным появление белорусских националистических организаций (Белорусская народная самопомощь (БНС), Белорусский корпус самообороны (БКС), Союз белорусской молодежи (СБМ). В период его управления начал укореняться белорусский язык, распахнули свои двери театры и выстав-

ки, открылись белорусские школы, “расцвела” белорусская культура. По улицам Минска пошли первые трамваи».

К подобного рода информации всегда стоит относиться максимально критично, но в данной работе мы решили опровергнуть вышесказанное, опираясь на конкретные факты.

Формирования БНС, БКС, СБМ действительно появились под покровительством немецких властей, но кем они были, какую «пользу» несли белорусскому народу?

В. Кубе стремился привлечь к сотрудничеству с оккупационным режимом местных жителей в рамках вспомогательных органов и полиции. Ставка делалась на белорусский национализм. В белорусском национальном движении переплелись нереализованные мечты бывших сторонников Белорусской Народной Республики о независимом белорусском государстве, возрождении белорусской нации и культуры с патологической ненавистью всего советского, что привело к сотрудничеству с оккупантами якобы из благих побуждений, под знаком реализации национальной идеи. На деле это обернулось пособничеством фашистам в осуществлении политики геноцида белорусского народа [4, с. 215].

Генеральной прокуратурой Республики Беларусь установлены факты, которые убедительно свидетельствуют об осведомленности руководства и идеологов белорусских национальных органов самоуправления и военно-полицейских формирований о реальном характере действий оккупационных властей. Кроме того, носители коллаборационистской символики разделяли взгляды своих хозяев и активно участвовали в организации на территории Белорусской Советской Социалистической Республики (БССР) расовых чисток; эксплуатации и казней военнопленных, мирного населения; грабежей в пользу нацистской Германии; уничтожении жилья и иного имущества, без которого население обрекалось на долгую и мучительную смерть; убийствах партизан, подпольщиков, а также их родственников [5, с. 134–135].

Как насчет культурной жизни белорусов? Когда на самом деле был запущен этот процесс на государственном уровне? Ответ на эти вопросы можно найти в любом официальном источнике.

В июле 1924 г. Вторая сессия Центрального исполнительного комитета БССР положила начало белорусизации как официальной политики. В результате уже в 1926–1927 учебном году в Беларуси действовало 4 576 школ с 4–7-летним сроком обучения. В 1920-е гг. происходит расцвет литературы и искусства. Именно в это время создаются белорусские государственные театры в Минске и Витебске, снят первый белорусский художественный фильм «Лесная быль». Открываются Государственная библиотека и Центральный архив, Институт белорусской науки и многое другое. 13 октября 1929 г. в Минске состоялось открытие трамвайного движения [4, с. 194–196].

Таким образом, опираясь на факты, развеиваются все мифы и фальсификации о событиях Великой Отечественной войны, оставляя после себя лишь истинную правду и незабвенную память в сердцах о тех людях, которые прошли непростой путь к освобождению, отдав свою жизнь и приблизив Великую Победу.

Для каждого из нас история Великой Отечественной войны – это еще и личная история своей семьи, которая бережно хранится в памяти четвертого поколения. Через горечи войны прошли наши прадедушки, воевавшие на фронтах, и прабабушки, вынужденные испытать на себе все тяготы оккупации.

Период Великой Отечественной войны сыграл значимую роль для формирования национальной идеи Республики Беларусь как суверенного независимого государства.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что только через уважение к себе, своей истории, умение искать достоверные источники можно узнать правду и верить только ей.

Список использованной литературы

1. Семёнов, Ю. Семнадцать мгновений весны : романы / Ю. Семёнов. – СПб. : Азбука, 2014.
2. Лукашенко, А. Г. Исторический выбор Беларуси. Лекция Президента Республики Беларусь в Белорусском государственном университете, Минск, 14 марта 2003 г. / А. Г. Лукашенко. – Мн. : БГУ, 2003.
3. Лукашенко, А. Г. Ключевые аспекты послания Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь, Минск, 28 января 2022 г. / А. Г. Лукашенко // Материалы для членов информационно-пропагандистских групп. – Мн., 2022.
4. Аргучинцев, Г. К. История белорусской государственности : учеб. пособие / Г. К. Аргучинцев. – Мн. : Амалфея, 2023. – 340 с.
5. Геноцид белорусского народа = Genocide of the belarusian people : информ.-аналит. материалы и док. / Генерал. прокуратура Респ. Беларусь ; под общ. ред. А. И. Шведа. – Мн. : Беларусь, 2023. – 175 с.

Х. ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 338.001.36

Н. А. Горбунов (v.b.gorbunova@ruc.su),
магистрант

О. А. Номоконова (o.a.nomokonova@ruc.su),
канд. экон. наук, доцент
Калининградский филиал
Российского университета кооперации
г. Калининград, Российская Федерация

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ БИЗНЕС-МОДЕЛИ

В статье раскрывается основная сущность термина «бизнес-модель», рассматриваются предложенные разными авторами определения данного термина.

This article reveals the basic essence of the term “business-model” and examines definitions of this term proposed by various authors.

Ключевые слова: бизнес-модель; автор; бизнес; моделирование; конкурентоспособность.

Key words: business-model; author; business; modeling; competitiveness.

Термин «бизнес-модель» находит свое применение в ходе изучения деятельности различных компаний в контексте оценочных факторов по основанию разделения на эффективные (хорошие) и неэффективные (слабые) бизнес-модели.

В рамках оценочно-описательного метода исследования основой понимания рассматриваемого термина являются его составляющие – бизнес и модель. В общем смысле, бизнес – это экономическая деятельность, направленная на извлечение прибыли. Модель – это система или объект, повторяющий в определенной степени параметры, свойства, характеристики реального объекта, процесса, явления. Модель – это не точная копия оригинала, а его упрощение, позволяющее понять, как устроен объект, какова его сущность и основные свойства, как объект развивается и взаимодействует с окружающим миром. Модель позволяет научиться оптимально управлять объектом для достижения поставленных целей в определенных условиях. На основании изложенного можно сделать вывод, что бизнес-модель – это инструмент для анализа механизма получения прибыли компании в заданных критериях и поиска оптимального пути развития.

При таком подходе прослеживается взаимосвязь с часто встречающимся в научной литературе понятием «бизнес-моделирование», которое более глобально, поскольку в сравнении с бизнес-моделью располагает в большей степени размерами практик, явлений, процессов.

«Бизнес-моделирование трактуется как концептуальный подход, система взглядов, владеющих предметной областью междисциплинарного характера и обладающих огромным креативным наполнением» [1].

На настоящий момент не существует однозначного определения понятия бизнес-модели.

Адриан Сливотски в своей работе «Миграция ценности. Что будет с вашим бизнесом после завтра» трактует это понятие следующим образом [2].

Бизнес-модель – это комплексная система действий и взаимоотношений предприятия, которая состоит из четырех взаимосвязанных элементов (рисунок 1).

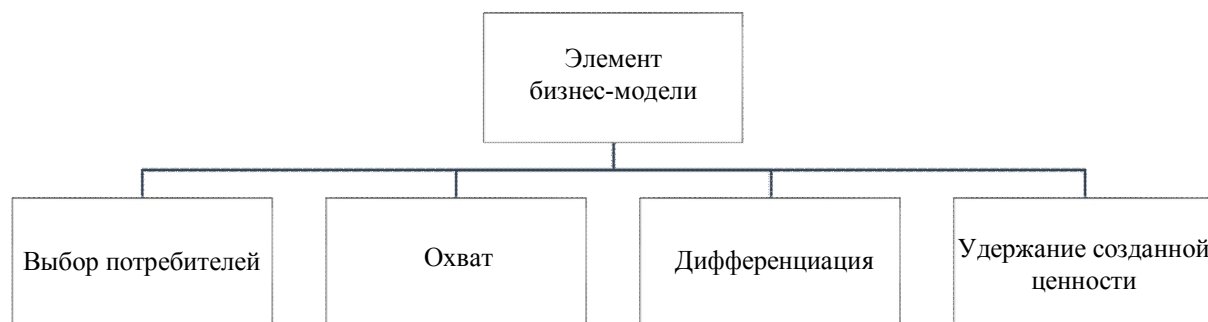

Рисунок 1 – Элементы бизнес-модели

Г. Чесбро в своих трудах делит бизнес-модели на открытые и закрытые. Основным признаком данной классификации является создание или использование инновации [3].

Закрытые бизнес-модели – это модели, в которых компания производит генерацию, разработку, создание новаций при минимальном взаимодействии с внешними партнерами, осуществляет апробацию в соответствующей сфере деятельности, превращая свою идею в инновацию. В таких моделях осуществляется строгий контроль защиты интеллектуальной собственности от копирования.

Открытая бизнес-модель – это стратегия развития, ориентированная на сотрудничество, а не на изоляцию. По данной бизнес-модели компания вовлекает внешних партнеров, задействует внешние знания, ресурсы и технологии для создания инноваций, тем самым выигрывая от ускорения, снижения затрат и расширения рынков.

Александр Остервальдер и Ив Пинье в работе «Построение бизнес-моделей. Настольная книга стратега и новатора» считают, что бизнес-модель представляет собой описание основных принципов создания, развития и успешного функционирования предприятия [4]. Схематично бизнес-модель включает в себя девять структурных блоков, где четыре левых блока отвечают за деятельность и издержки, а четыре правых блока отражают деловую активность предприятия, проявляющуюся во взаимодействии с клиентами, развитии каналов сбыта и потребительских сегментов (рисунок 2).

Рисунок 2 – Схема бизнес-модели

Объединяют блоки – «ценностное предложение», т. е. набор позиций, привлекающих клиентов (новизна, производительность, дизайн, бренд, доступность, снижение риска, цена, удобство, изготовление на заказ и др.). Блоки «структура затрат», «поток доходов» (нижняя часть) в сравнении позволяют оценивать результативность деятельности компании, судить о величине прибыли.

Можно сделать вывод, что основными элементами результативности бизнес-модели предприятия являются ценность для клиентов и затраты компании, понесенные для создания ценностного предложения клиенту. Положительная результативность построенной бизнес-модели – это шаг к усилению конкурентных позиций предприятия на рынке.

Успешный выбор бизнес-модели отразится на эффективности предприятия.

Бизнес-модель – это не просто набор процессов, а их осмысленная система, создающая ценность для клиентов и прибыль для компании. Именно поэтому выбор правильной бизнес-модели критически важен для успеха любого предприятия [5–6].

Существуют инструменты, помогающие разобраться в этом вопросе.

Один из самых простых способов выбрать бизнес-модель – принцип подобия. Он не требует изобретать что-то принципиально новое, а предлагает взять за основу уже проверенные решения и адаптировать их под свои нужды.

Сначала нужно разобраться, какие бизнес-шаблоны уже использует ваша компания. Затем нужно посмотреть, какие еще похожие (или непохожие) модели существуют и могут быть полезны. Самое важное – честно оценить свои сильные и слабые стороны, понять, какие ресурсы у вас есть. Только после этого можно выбирать смежные шаблоны, которые помогут усовершенствовать текущую модель.

Принцип подобия представляет собой метод проектирования бизнес-моделей, основанный на адаптации успешных решений из смежных отраслей к специфике конкретного предприятия. Реализация данного метода предполагает последовательное выполнение четырех взаимосвязанных этапов.

На начальной стадии осуществляется разработка системы критериев, служащих основанием для поиска релевантных шаблонов бизнес-моделей в смежных отраслях. Критерии должны отражать ключевые ресурсные и операционные характеристики предприятия.

На втором этапе производится отбор конкретных шаблонов, соответствующих сформированной системе критериев. Рекомендуется ориентироваться на практики компаний из смежных секторов экономики. Оптимальное количество отобранных шаблонов составляет 5–7 ед., что обеспечивает баланс между широтой охвата альтернатив и управляемостью процесса анализа.

Третий этап предполагает интеграцию отобранных шаблонов в действующую бизнес-модель предприятия с последующей разработкой усовершенствованных версий.

Альтернативой принципа подобия является принцип конфронтации, который для выбора бизнес-модели подразумевает стратегический подход, основанный на методе мозгового штурма.

В отличие от принципа подобия, нацеленного на поиск и адаптацию уже работающих успешных решений, принцип конфронтации подразумевает прямое сопоставление имеющейся бизнес-модели предприятия с моделями из принципиально иных, несвязанных сфер деятельности. Применение принципа конфронтации позволяет выявить скрытые ограничения и неэффективные элементы на основе контрастирования через призму сравнения применяемой модели с другими вариантами.

Таким образом, проработанная бизнес-модель может стать новым звеном на пути повышения конкурентоспособности и эффективности предприятия.

Список использованной литературы

1. **Гассман, О.** Бизнес-модели: 55 лучших шаблонов / О. Гассман, К. Франкербергер, М. Шик. – М. : Альпина Паблишер, 2016. – 288 с.
2. **Сливотски, А.** Миграция ценности. Что будет с вашим бизнесом послезавтра / А. Сливотски. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2015. – 175 с.
3. **Чесбро, Г.** Открытые бизнес-модели. IP-менеджмент / Г. Чесбро. – М. : Альпина Паблишер, 2015. – 450.
4. **Остервальдер, А.** Построение бизнес-моделей. Настольная книга стратега и новатора / А. Остервальдер, И. Пинье ; [пер. с англ.]. – М. : Альпина Паблишер, 2018.
5. **Третьяк, О. А.** Новый подход к анализу бизнес-моделей / О. А. Третьяк, Д. Е. Климанов // Российский журнал менеджмента. – 2016. – Т. 14, № 1. – С. 115–130.
6. **Войцеховская, И. А.** Потенциал организации как основа конкурентоспособности / И. А. Войцеховская // Проблемы современной экономики. – 2016. – № 1 (17).

ОБУЧЕНИЕ ПЕРСОНАЛА КАК ОСНОВА УСПЕШНОЙ РАБОТЫ ОРГАНИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье авторы рассматривают необходимость постоянного обучения персонала организаций как приоритетного и необходимого направления для успешного функционирования на рынке. Приводятся факторы, влияющие на возрастание роли обучения в процессах повышения конкурентоспособности организации. Акцентируется внимание на современных подходах к управлению организациями, основанных на том, что персонал рассматривается в качестве ключевого фактора, определяющего эффективность использования всех остальных ресурсов.

In this article, the authors examine the need for continuous personnel training as a priority and essential for successful market performance. They outline factors influencing the increasing role of training in enhancing an organization's competitiveness. They also highlight modern approaches to organizational management based on the principle that personnel is viewed as a key factor determining the effective use of all other resources.

Ключевые слова: обучение; управление персоналом; экономическое здоровье организации; инвестиции в персонал.

Key words: training; human resource management; economic health of the organization; investments in personnel.

В условиях цифровой трансформации экономики и реализации Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2025–2030 годы человеческий капитал становится ключевым ресурсом. Для белорусских организаций – от промышленных гигантов до IT-сектора – непрерывное обучение персонала (Life-long learning) перестает быть дополнительным бонусом и становится условием выживания на рынке, глобальной целью которого является формирование компетентной личности, способной к самоопределению и продуктивной деятельности в меняющемся мире.

Вхождение Республики Беларусь в мировую экономическую систему и устранение искусственно созданных торгово-экономических барьеров не только открыло новые горизонты и возможности для отечественных организаций, но и привели к жесточайшей конкуренции.

Сегодня очень быстро изменяются как внешние условия (экономическая политика государства, законодательство и система налогообложения, появляются новые конкуренты и т. п.), так и внутренние условия функционирования организаций (реструктуризация организаций, стратегии и организационная структура многих организаций, технологические изменения, появление новых рабочих мест и др.), что ставит большинство отечественных организаций перед необходимостью подготовки персонала к работе в новых условиях.

Меняются принципы, на основе которых реализуется управление персоналом. Новые организационные стратегии требуют внесения существенных коррективов в систему кадрового менеджмента, обучение персонала в этих условиях становится ключевым элементом процесса управления персоналом. Многие организации столкнулись с необходимостью искать наиболее действенные пути повышения производительности и эффективности труда.

В настоящее время работодатели значительно больше заинтересованы в том, чтобы иметь высококвалифицированный и компетентный персонал, способный создавать товары и услуги, которые могли бы успешно конкурировать с товарами и услугами, которые пришли в нашу страну с Запада и Востока. Обучение призвано подготовить персонал к правильному решению более широкого круга задач и обеспечить высокий уровень эффективности в работе. При этом оно позволяет не только повышать уровень знаний работников и вырабатывать требуемые профессиональные навыки, но и формировать у них такую систему ценностей и установок, которая соответствует современным реалиям и поддерживает рыночную организационную стратегию.

Достижение долгосрочных и краткосрочных целей, необходимость повышения конкурентоспособности и проведение организационных изменений требуют более высокого уровня профессиональной подготовки персонала и хорошо спланированной, четко организованной ра-

боты по обучению персонала. При этом обучение не должно ограничиваться лишь передачей работникам тех или иных знаний и развитием у них необходимых навыков.

В идеале обучение призвано передавать работникам также информацию о текущем состоянии дел в организации и способствовать развитию у них понимания перспектив развития организации и основных направлений ее стратегии, повышать уровень трудовой мотивации, приверженности работников своей организации и включенности в ее дела.

Знания, полученные работниками в учреждениях высшего образования, стремительно устаревают, нарастает необходимость их существенного обновления. В Соединенных Штатах Америки существует понятие «период полураспада компетентности». Это промежуток времени, за который половина приобретенных знаний устаревает. Поэтому все большее распространение в отечественных организациях получает идея создания системы непрерывного образования сотрудников (концепция «обучающейся организации»).

Сегодня для успешной работы нужно достаточно хорошо разбираться как в специальных, так и в общих вопросах, касающихся сферы общего менеджмента, управления финансами, логистики, маркетинга и др. Недостаток у работника знаний и навыков, необходимых для успешного выполнения порученных ему задач, не только приводит к неэффективной работе, но и снижает его удовлетворенность работой. Чем хуже работник профессионально подготовлен к выполнению своих рабочих функций, тем выше у него уровень энергетических затрат и стрессов, связанных с работой.

Определяющим условием экономического здоровья организации является ее способность адаптироваться к изменяющимся условиям внутренней и внешней среды. Поэтому, несмотря на достаточно сложное финансовое положение большинства организаций, расходы, связанные с обучением персонала, начинают рассматриваться как приоритетные и необходимые. Все больше организаций проводит широкомасштабное обучение персонала и руководителей разных уровней, понимая, что только обученный, высококвалифицированный и высокомотивированный персонал будет решающим фактором развития организации и победы над конкурентами.

Обучение руководящего состава имеет особое значение для любой организации. Работа руководителя оказывает решающее влияние на результаты труда его подчиненных, число которых может быть очень значительным. Как плохой полководец не сможет добиться победы над врагом даже превосходящими силами, так ответственный и добросовестный руководитель, который не обладает знаниями и навыками, отвечающими современным требованиям, будет влиять на организацию.

Возрастание роли обучения в процессах повышения конкурентоспособности организации и организационного развития обусловлено следующими факторами:

- обучение персонала является важнейшим средством достижения стратегических целей организации;
- обучение является важнейшим средством повышения ценности человеческих ресурсов организации;
- без своевременного обучения персонала проведение организационных изменений сильно затрудняется или становится невозможным [1–9].

Успех на пути достижения важнейших стратегических целей организации во многом зависит от того, в какой степени персонал осведомлен о стратегических целях, насколько он заинтересован и подготовлен к работе по их достижению. Необходимость быстрых организационных изменений и смены принципов управления в условиях нарастания конкурентной борьбы – все это предполагает рост производительности труда персонала, повышение качества товаров, улучшение обслуживания потребителей, творческое и новаторское отношение к делу. Обучение персонала лишь тогда входит в число приоритетных направлений кадрового менеджмента, когда высшее руководство осознает, что реализация рыночных стратегий требует более высокого уровня профессиональной подготовки всех категорий работников.

Обучение работников организации отличается от школьного обучения. В школе дети могут учиться лучше или хуже, они могут ненавидеть школу, прогуливать уроки с ущербом только для самих себя. Школа от этого не страдает. Обучение персонала организации оказывает влияние на результаты деятельности всей организации. Логика развития бизнеса неумолимо требует более тесной связи процессов обучения персонала и организационного развития. Практика показывает, что за последние 2–3 года наблюдается значительное изменение отношения высшего руководства многих организаций к обучению работников. Все чаще обучение начинается рассматриваться как инструмент поддержки корпоративной стратегии [10].

Эффективная работа организации в условиях постоянно возрастающей конкуренции невозможна без повышения эффективности работы на всех уровнях организации. Главными препятствиями, мешающими достижению более высоких рабочих результатов, являются не только недостаточный уровень профессиональной подготовки персонала, но также старые подходы к работе на разных уровнях организации. Эти препятствия можно преодолеть лишь при условии разработки и практической реализации новой политики в сфере внутрифирменного обучения, включающей разнообразные формы обучения и учебные программы для всех категорий работников [11].

Некоторые организации не уделяют должного внимания обучению своего персонала, так как не рассматривают эту статью расходов как необходимую, считая, что без обучения можно с легкостью обойтись, если принимать на работу специалистов, уже обладающих необходимой квалификацией. Однако рано или поздно руководству любой организации неизбежно придется сталкиваться с тем, что если не инвестировать деньги в повышение уровня знаний и развитие профессиональных навыков своих работников, то отдача от человеческих ресурсов организации с каждым годом становится все меньше.

Обучение персонала является важнейшим инструментом, с помощью которого руководство получает возможность повышать потенциал человеческих ресурсов и оказывать влияние на формирование организационной культуры.

В условиях стремительных изменений рыночной ситуации нужны яркие таланты и свежие идеи, способные обеспечить высокий уровень конкурентоспособности. Организации, готовые инвестировать деньги в обучение своих сотрудников, могут рассчитывать на то, что работники, повысившие уровень своей профессиональной подготовки, смогут легче и быстрее решать более сложные задачи, будут настойчивее искать и чаще находить наилучшие ответы на возникающие вопросы, быстрее справляться с трудностями в работе, у них будет выше уровень приверженности своей организации, выше готовность работать с полной отдачей сил.

Современные подходы к управлению организациями основываются на том, что персонал рассматривается в качестве ключевого фактора, определяющего эффективность использования всех остальных ресурсов. Как показывает опыт наиболее успешных отечественных и зарубежных компаний, инвестиции в персонал, создание условий для роста работников и повышения их профессионального потенциала дают в 2–3 раза более высокую отдачу, чем средства, направленные на решение производственных задач.

Серьезной проблемой для многих организаций является удержание работников, прошедших обучение. Инвестируя деньги в обучение персонала, организация тем самым увеличивает стоимость самого важного своего капитала – людей. При этом некоторые организации сталкиваются с тем, что потратив большие деньги на обучение, они через какое-то время могут не досчитаться значительной части обученных работников, их переманивают другие более «находчивые» организации. Экономя на обучении персонала, эти компании готовы платить более высокую зарплату, предоставлять более широкий набор льгот, лучшие условия работы или большие возможности для профессионального роста и продвижения работников. Организации готовят кадры для своих конкурентов, так считает ряд руководителей, столкнувшихся с данной проблемой. Винить следует не конкурентов, переманивающих обученный персонал, а самих себя за то, что результаты обучения не были востребованы, обученный персонал не поощрялся за достижение более высокого уровня квалификации.

Широкое распространение в работе многих организаций получила такая практика, когда работников направляют на обучение или повышение квалификации, не предпринимая никаких усилий для того, чтобы их работа после прохождения учебы стала более содержательной, ответственной, чтобы повысился уровень оплаты их труда, открылись новые перспективы карьерного роста, продвижения по служебной лестнице, расширилась сфера их рабочей ответственности. Это снижает не только отдачу, которую организация может получить от своего персонала в результате обучения, но и мотивацию работников к обучению.

Для того чтобы снизить риск потери работников, обучающихся либо повышающих свою квалификацию за счет организации, многие организации разрабатывают и внедряют систему юридических, организационных и морально-психологических мероприятий, направленных на закрепление и удержание этой категории работников. Разработка и реализация специальных программ, обеспечивающих работникам более широкие возможности развития карьеры после прохождения обучения, востребованность полученных знаний и навыков – это меры, которые помогают закрепить в организации обученный персонал.

Сегодня все успешные организации реального сектора экономики понимают, что обучение персонала является одним из основных факторов, позволяющих победить в жесткой конкурентной борьбе. Так, к примеру, в Канаде расходы на обучение и развитие одного работника в среднем составляют более 500 долл. США в год [12].

Изучив опыт зарубежных организаций в проведении обучения персонала, для успешной работы отечественных организаций можно предложить сочетать несколько подходов к обучению персонала, более всего адаптированных под современные реалии отечественного рынка:

- Внутреннее обучение (On-the-job training). Наставничество и ротация кадров. Это особенно эффективно для производственных предприятий (например, МТЗ, БЕЛАЗ), где передача уникального опыта от старшего поколения младшему является критичной.

- Внешнее обучение. Привлечение бизнес-школ, участие в семинарах и конференциях.

- Дистанционное обучение и микрообучение. Использование белорусских и международных образовательных платформ, что позволяет сократить расходы на командировки и не отрывать сотрудников от производства.

Список использованной литературы

1. **Авдеев, В. В.** Управление персоналом: технология формирования команды : учеб. пособие / В. В. Авдеев. – М. : Финансы и статистика, 2021. – 544 с.
2. **Беляцкий, Н. П.** Управление персоналом : учеб. / Н. П. Беляцкий. – Мн. : Выш. шк., 2023. – 463 с.
3. **Зорина, О. О.** Управление персоналом: право и экономика : моногр. / О. О. Зорина, А. А. Линец. – М. : Юстицинформ, 2021. – 181 с.
4. **Инновационный менеджмент** в управлении человеческими ресурсами : учеб. для вузов / А. П. Панфилова [и др.] ; под общ. ред. А. П. Панфиловой, Л. С. Киселёвой. – М. : Юрайт, 2024. – 313 с.
5. **Кибанов, А. Я.** Управление персоналом: конкурентоспособность выпускников вузов на рынке труда : моногр. / А. Я. Кибанов, Ю. А. Дмитриева. – М. : ИНФРА-М, 2023. – 228 с.
6. **Управление персоналом в России: история и современность. Книга 1** : моногр. / под ред. А. Я. Кибанова. – М. : ИНФРА-М, 2024. – 240 с.
7. **Управление персоналом в России: новые функции и новое в функциях. Книга 4** : моногр. / под ред. проф. И. Б. Дураковой. – М. : ИНФРА-М, 2023. – 242 с.
8. **Управление персоналом в России: парадигмы и практика. Книга 3** : моногр. / под ред. А. Я. Кибанова. – М. : ИНФРА-М, 2024. – 174 с.
9. **Чуланова, О. Л.** Управление персоналом на основе компетенций : моногр. / О. Л. Чуланова. – М. : ИНФРА-М, 2024. – 122 с.
10. **Управление персоналом в России: от эго- к экосистеме. Книга 9** : моногр. / под ред. проф. И. Б. Дураковой. – М. : ИНФРА-М, 2024. – 281 с.
11. **Управление персоналом** : учеб. пособие / под общ. ред. Г. И. Михайлиной. – 6-е изд., стер. – М. : Дашков и К^о, 2022. – 278 с.
12. **Водопьянова, Н. Е.** Психология управления персоналом. Психическое выгорание : учеб. пособие для вузов / Н. Е. Водопьянова, Е. С. Старченкова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Юрайт, 2024. – 299 с.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ОРГАНИЗАЦИОННО-АДМИНИСТРАТИВНЫЕ И ИНФРАСТРУКТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

В статье проведен комплексный анализ влияния цифровых технологий на организационно-административные процессы и инфраструктуру образовательного сектора Республики Беларусь. Рассмотрены теоретические основы цифровизации, практические аспекты внедрения информационно-коммуникативных технологий в управление учреждениями высшего образования, а также представлен прогноз развития данной сферы в условиях перехода к информационному обществу.

This article provides a comprehensive analysis of the impact of digital technologies on organizational and administrative processes and the infrastructure of the educational sector in the Republic of Belarus. It examines the theoretical foundations of digitalization and the practical aspects of implementing information and communication technologies in the management of higher education institutions, and also presents a forecast for the development of this sector in the context of the transition to an information society.

Ключевые слова: цифровая трансформация; высшее образование; Республика Беларусь; организационное управление; образовательная инфраструктура; электронный документооборот.

Key words: digital transformation; higher education; Republic of Belarus; organizational management; educational infrastructure; electronic document management.

В последние десятилетия цифровизация стала ключевым фактором модернизации образования во всем мире. Республика Беларусь активно участвует в этом процессе: в период с 2015 по 2025 гг. наблюдается системное внедрение цифровых технологий в административное управление, техническую инфраструктуру учреждений. Цифровая трансформация охватывает широкий спектр вопросов: от модернизации документооборота до интеграции дистанционных технологий и обновления оборудования.

Цифровизация образовательного процесса представляет собой фундаментальное изменение структуры и принципов деятельности учебных заведений. Теоретически это явление рассматривается как синтез управленческих, технологических и культурных процессов, направленных на формирование прозрачного и доступного образовательного пространства. Ключевым принципом является открытость данных и взаимодействие информационных потоков.

В Беларуси выделяют три основных направления теоретического анализа цифровизации:

- Инфраструктурная цифровая трансформация (модернизация базы, создание платформ).
- Организационно-административная (электронный документооборот, автоматизированные системы управления).
- Социально-педагогическая (дистанционные технологии, онлайн-образование) [1].

Организационные процессы в учреждениях высшего образования (УВО) переживают глубокую трансформацию, направленную на повышение прозрачности управления и оптимизацию затрат. Внедрение автоматизированных систем управления (АСУ) позволяет объединить данные о студентах, преподавателях и ресурсах в единую базу, что значительно ускоряет принятие решений. Важным этапом является переход к электронному документообороту, что минимизирует бюрократические барьеры и повышает оперативность взаимодействия между подразделениями.

Инфраструктурная трансформация системы образования Республики Беларусь в современных условиях переросла рамки простого обновления материально-технической базы, превратившись в процесс создания комплексной цифровой среды жизнедеятельности университета. Анализ текущего состояния и перспектив позволяет выделить три стратегических уровня развития инфраструктуры.

Первый уровень – аппаратно-коммуникационный. На данном этапе происходит переход от локальных компьютерных классов к созданию объединенных сетей и бесшовного Wi-Fi покрытия всей территории учебных заведений. Ключевым элементом становится внедрение систем BYOD (Bring Your Own Device), что требует от инфраструктуры высокой пропускной способности и повышенных стандартов кибербезопасности. Модернизация аппаратного обес-

печения смещается в сторону виртуализации рабочих мест (VDI), что позволяет централизованно управлять вычислительными мощностями и обеспечивать студентам доступ к специализированному программному обеспечению с любого устройства.

Второй уровень – платформенно-сервисный. Центральным звеном инфраструктуры становятся интегрированные экосистемы, объединяющие системы управления обучением (LMS Moodle и др.), хранилища открытых образовательных ресурсов и личные кабинеты пользователей. Анализ показывает, что эффективность инфраструктуры сегодня измеряется степенью связанности этих сервисов. Важным аспектом является формирование «единого окна» доступа к административным и академическим услугам, что трансформирует УВО в сервисную организацию, функционирующую круглосуточно. Особое внимание уделяется развитию облачных решений, которые позволяют масштабировать образовательные проекты без существенных затрат на локальные серверные мощности.

Третий уровень – пространственно-технологический. Происходит переосмысление физического пространства учебных заведений. Традиционные аудитории трансформируются в мультимедийные гибридные пространства (Smart Classrooms), оснащенные системами автоматического трекинга лектора, интерактивными панелями и оборудованием для синхронного обучения удаленных групп. Инфраструктура начинает включать в себя элементы дополненной (AR) и виртуальной (VR) реальности, которые становятся необходимыми для имитации сложных технологических процессов в инженерном и медицинском образовании.

Трансформация инфраструктуры в 2015–2025 гг. продемонстрировала, что технологическая готовность УВО является основой для внедрения инновационных образовательных методик [2]. Однако эффективность этих изменений напрямую зависит от гибкости управления инфраструктурой. Основным вызовом остается необходимость обеспечения отказоустойчивости систем и защиты персональных данных в условиях растущей интенсивности информационных потоков. Таким образом, современная инфраструктура образования – это динамическая система, сочетающая в себе физическую надежность и цифровую адаптивность.

Перспективный анализ развития образовательной системы Республики Беларусь до 2030 г. позволяет выделить несколько доминирующих трендов, которые определяют переход от фрагментарной цифровизации к созданию целостной цифровой экосистемы.

Во-первых, ожидается переход к персонализированным образовательным технологиям на основе интеллектуального анализа данных (Learning Analytics). Внедрение алгоритмов машинного обучения позволит адаптировать образовательные траектории под индивидуальные когнитивные особенности обучающихся. Аналитическая обработка «цифрового следа» студента станет инструментом предиктивного управления, позволяющим на ранних стадиях выявлять риски академической неуспеваемости и корректировать контент в режиме реального времени.

Во-вторых, прогнозируется качественная трансформация инфраструктуры через концепцию «Smart University» («Умный университет»). Это подразумевает не только техническое оснащение, но и внедрение умных устройств и датчиков для автоматического управления зданиями, создание высокотехнологичных гибридных аудиторий и виртуальных лабораторий (VR/AR) [3]. Подобная инфраструктурная сложность потребует создания единых национальных облачных платформ, что обеспечит бесшовный доступ к образовательным ресурсам для всех региональных УВО, минимизируя «цифровой разрыв».

В-третьих, система управления образованием пройдет стадию полной децентрализации и автоматизации. Ожидается масштабирование технологий распределенных реестров (блокчейн) для верификации образовательных достижений и выдачи цифровых дипломов, что повысит доверие со стороны работодателей и упростит процедуры академической мобильности. Бюрократическая нагрузка на профессорско-преподавательский состав будет минимизирована за счет внедрения интеллектуальных агентов, автоматизирующих рутинную отчетность.

Однако реализация данного прогноза сопряжена с необходимостью минимизации ряда системных рисков. Ключевым вызовом остается недостаточная цифровая грамотность части педагогических кадров и психологическая неготовность к смене традиционной парадигмы обучения. Следовательно, стратегическим приоритетом станет не столько закупка оборудования, сколько инвестиции в непрерывное развитие цифровых компетенций (Life-long learning) самих преподавателей.

Будущее образования в Республике Беларусь видится в создании гибкой, открытой и конкурентоспособной среды, способной оперативно реагировать на динамичные запросы цифровой экономики.

Процесс цифровой трансформации образовательной системы Республики Беларусь в период 2015–2025 гг. позволяет сделать ряд выводов. Цифровизация перестала быть исключительно техническим инструментом и перешла в разряд стратегического вектора развития, определяющего конкурентоспособность национального образования на международном рынке.

Во-первых, анализ влияния информационно-коммуникативных технологий на организационно-административные процессы показал, что автоматизация управления и внедрение электронного документооборота ведут к формированию принципиально новой, «прозрачной» модели управления. Это позволяет минимизировать транзакционные издержки и повысить оперативность принятия стратегических решений. Однако ключевым условием эффективности таких систем является их интеграция в единое информационное пространство страны.

Во-вторых, трансформация инфраструктуры образовательного сектора в рассматриваемый период характеризуется переходом от локального технического оснащения к созданию гибридных интеллектуальных сред (Smart-инфраструктуры). Как показывает практика, современная инфраструктура УВО – это не только высокоскоростной интернет и серверные мощности, но и адаптивные платформенные решения, обеспечивающие непрерывность и доступность образовательного процесса вне зависимости от внешних вызовов.

В-третьих, прогноз развития системы до 2030 г. указывает на неизбежность интеграции технологий искусственного интеллекта и предиктивной аналитики. Основным вектором станет персонализация обучения, где цифровая среда будет подстраиваться под запросы и способности каждого обучающегося. При этом критически важным остается решение вопроса опережающего развития цифровых компетенций профессорско-преподавательского состава.

Таким образом, можно констатировать, что цифровая трансформация – это комплексный, многоуровневый процесс, требующий синергии между государственным регулированием, инвестициями в технологии и готовностью академического сообщества к смене традиционных парадигм. Дальнейшие исследования в данной области должны быть сосредоточены на оценке социально-экономической эффективности внедряемых цифровых инноваций и разработке методик минимизации рисков цифрового разрыва. Реализация предложенных подходов позволит Республике Беларусь создать устойчивое и инновационное образовательное пространство, отвечающее требованиям цифровой экономики XXI в.

Список использованной литературы

1. **Психологические** факторы отношения студентов к цифровой образовательной среде (на примере российских и белорусских вузов) / Н. П. Радчикова, М. А. Одинцова, М. Г. Сорокова [и др.] // Интеграция образования. – 2023. – Т. 27, № 1. – С. 33–49.
2. **Стратегия** развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты и перспективы : сб. науч. ст. : в 3 т. / Нац. акад. наук Беларуси, Институт экономики НАН Беларуси ; редкол.: Д. В. Муха (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУИР, 2025. – Т. 2. – 514 с.
3. **Feng, X.** Thinking about the use of digital music equipment in Belarusian university classrooms and future development / X. Feng // Управление образованием: теория и практика. – 2025. – Т. 15, № 2-2. – С. 330–341.

ИНТЕРНЕТ-БРЕНДИНГ: ИНСТРУМЕНТЫ И СТРАТЕГИИ ПРОДВИЖЕНИЯ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

В статье рассматриваются основные инструменты и стратегии интернет-брендинга в условиях цифровой трансформации экономики. Проведен анализ современных подходов к формированию и продвижению бренда в онлайн-среде. Определены ключевые каналы и методы цифрового продвижения, обоснована их эффективность для построения устойчивого бренда. Предложена системная модель интернет-брендинга, учитывающая специфику цифрового потребительского поведения.

The article examines the main tools and strategies of online branding in the context of the digital transformation of the economy. An analysis of modern approaches to brand formation and promotion in the online environment was conducted. Key channels and methods of digital promotion were identified and their effectiveness for building a sustainable brand was substantiated. A systemic model of internet branding is proposed that takes into account the specifics of digital consumer behavior.

Ключевые слова: интернет-брендинг; цифровой маркетинг; стратегии продвижения; SEO; SMM; контент-маркетинг; цифровая среда.

Key words: internet branding; digital marketing; promotion strategies; SEO; SMM; content-marketing; digital environment.

Современный этап развития глобальной экономики характеризуется тотальной цифровой трансформацией, которая коренным образом изменила ландшафт рыночного взаимодействия. Стремительное распространение информационно-коммуникационных технологий и переход потребительской активности в онлайн-среду определили смену парадигмы классического маркетинга. В условиях гиперконкуренции и информационного перенасыщения традиционные методы трансляции ценностей бренда теряют свою эффективность, уступая место высокотехнологичным и интерактивным формам коммуникации.

Интернет-брендинг в текущих реалиях перестает рассматриваться как вспомогательная надстройка над традиционной маркетинговой стратегией. Он трансформируется в сложную, многоуровневую систему управления цифровой идентичностью организации, целью которой является не просто информирование аудитории, а формирование устойчивого эмоционального и интеллектуального капитала в сознании потребителя [1].

Особую значимость приобретает концепция «Маркетинга 5.0», где синергия человеческого интеллекта и передовых технологий (искусственный интеллект, большие данные, предиктивная аналитика) позволяет брендам обеспечивать беспрецедентный уровень персонализации клиентского опыта [2]. Высокая динамика изменений в алгоритмах поисковых систем и социальных платформ требует от субъектов хозяйствования постоянного совершенствования инструментария продвижения и адаптации стратегий к новым паттернам цифрового поведения.

Интернет-брендинг представляет собой совокупность целенаправленных действий по созданию, развитию и поддержанию образа бренда в цифровой среде. В эпоху «Маркетинга 5.0» технологии следующего поколения позволяют формировать устойчивые ассоциации и достигать конкурентных преимуществ за счет глубокой персонализации.

Ключевой особенностью процесса является двусторонняя коммуникация. Потребитель активно участвует в формировании образа бренда через отзывы и пользовательский контент. Это требует от компаний не только трансляции своих ценностей, но и строгого соблюдения правовых и этических норм коммуникационной деятельности в цифровом пространстве.

Современный инструментарий интернет-брендинга представляет собой конвергентную систему, в которой каждый элемент выполняет специфическую роль в процессе формирования цифровой лояльности. Систематизация данных инструментов позволяет выделить следующие наиболее эффективные каналы трансляции ценностей бренда:

– Поисковая оптимизация (SEO) как фундамент доверия. В контексте брендинга SEO следует рассматривать не просто как технический процесс привлечения трафика, а как инстру-

мент формирования авторитетности. Высокие позиции в органической выдаче по категорийным запросам на подсознательном уровне воспринимаются потребителем как подтверждение лидерства компании на рынке. Согласно исследованиям, более 70% кликов приходится на первые три результата выдачи, что делает SEO критическим фактором видимости идентичности бренда. Эффективная SEO-стратегия в брендинге подразумевает работу с «витальными» запросами и оптимизацию контента под интенеты пользователей, что позволяет бренду присутствовать на всех этапах пути клиента.

– Маркетинг в социальных сетях (SMM) и построение бренд-сообществ. SMM выступает основным каналом эмоциональной коммуникации. В отличие от традиционных медиа, социальные платформы позволяют бренду обрести «человеческое лицо». Ключевым аспектом здесь является переход от трансляционного маркетинга к реляционному маркетингу (маркетингу отношений). Инструментарий SMM позволяет сегментировать аудиторию с высокой точностью и создавать микроконтент, релевантный интересам узких групп. Важнейшим показателем эффективности бренда в социальных сетях становится коэффициент вовлеченности (ER), который отражает реальную степень интеграции бренда в повседневную жизнь потребителя.

– Контент-маркетинг и стратегия экспертного позиционирования. Контент-маркетинг является «интеллектуальным ядром» интернет-брендинга. Его задача – создание и дистрибуция ценной, релевантной информации для привлечения и удержания четко определенной аудитории. Как отмечает Дж. Пулицци, бренды, которые обучают или развлекают своего потребителя, формируют гораздо более высокий уровень привязанности, чем те, которые используют только прямую рекламу [3]. В научной и образовательной среде (например, для университетов) это проявляется через публикацию экспертных лонгридов, вебинары и интерактивные образовательные курсы, что напрямую работает на имидж организации как интеллектуального лидера.

– Инфлюенс-маркетинг и феномен социального доказательства. В условиях кризиса доверия к корпоративным сообщениям работа с лидерами мнений (блогерами, экспертами) становится инструментом легитимизации бренда. Перенос доверия от инфлюенсера к бренду основан на механизме идентификации: потребитель проецирует положительные качества личности лидера мнений на рекламируемый продукт. Особую значимость приобретают микроинфлюенсеры (с аудиторией до 10–50 тыс. человек), чьи рекомендации обладают наиболее высоким уровнем нативности и конверсии.

– Контекстная и таргетированная реклама в системе Brand Awareness (узнаваемость бренда). Несмотря на превалирование перформанс-задач, платные каналы трафика играют важную роль в кампаниях, связанных с охватом. Использование видеорекламы (YouTube) и медийных баннеров позволяет обеспечить необходимую частоту контактов с брендом, что способствует его запоминаемости. Современные алгоритмы позволяют использовать напоминание о бренде пользователям, которые уже взаимодействовали с его цифровыми активами, что минимизирует риск потери клиента в воронке продаж.

– Email-маркетинг как инструмент удержания и персонализации. Вопреки прогнозам, email-маркетинг остается одним из самых рентабельных инструментов брендинга. Он позволяет выстраивать персонализированную коммуникацию «один на один», минуя алгоритмические ленты социальных сетей. Для бренда это возможность формирования закрытых клубов лояльности и отправки эксклюзивного контента, что повышает LTV (Lifetime Value) клиента.

Интеграция перечисленных инструментов в единую систему позволяет достичь синергетического эффекта, при котором инструменты для охвата (Influencer, Ads) создают первичный интерес, а контентные и реляционные инструменты (SEO, SMM, Content) конвертируют его в долгосрочную лояльность и капитал бренда.

Выбор стратегии продвижения в цифровом пространстве детерминирован не только маркетинговыми целями организации, но и спецификой когнитивного восприятия информации современным потребителем. В условиях «экономики внимания» стратегии трансформируются из плоскости простого информирования в плоскость управления потребительским опытом и эмоциональным откликом. Можно выделить следующие доминирующие стратегические подходы:

– Стратегия омниканального присутствия (Omnichannel Strategy). Данная стратегия базируется на создании бесшовного коммуникационного пространства, где все каналы взаимодействия (сайт, социальные сети, мобильные приложения, маркетплейсы) интегрированы в единую экосистему. Научная значимость омниканальности заключается в обеспечении консистентности (целостности) образа бренда. Потребитель, переходя из одной цифровой точки касания в другую, должен идентифицировать единый визуальный код и ценностный посыл, что минимизирует когнитивный диссонанс и повышает уровень доверия к бренду.

– Семиотическая стратегия управления эмоциональным капиталом. Опираясь на современные исследования в области психологии потребителя, данная стратегия фокусируется на использовании символов, знаков и визуальных метафор для вызова спонтанных эмоциональных реакций. В цифровой среде, где время контакта с рекламным сообщением ограничено секундами, бренд должен использовать «эмоциональные триггеры», которые мобилизуют психику потребителя на подсознательном уровне. Как показывают нейромаркетинговые исследования, решение о взаимодействии с брендом часто принимается на основе иррационального импульса, вызванного качественным визуальным контентом или интонацией обращения (вокалические значения слов).

– Стратегия управления репутацией в режиме реального времени (ORM & SERM). В цифровой среде бренд перестает принадлежать исключительно компании, он становится объектом публичного обсуждения. Стратегия ORM (Online Reputation Management) подразумевает активное внедрение бренда в информационное поле через работу с отзывами, нейтрализацию негатива и стимулирование пользовательского контента (UGC). Научный подход к ORM требует мониторинга тональности упоминаний (Sentiment Analysis), что позволяет бренду оперативно корректировать свою позицию и сохранять лояльность аудитории даже в кризисных ситуациях [4].

– Вирусная (вирусная) стратегия и маркетинг влияния. Основана на использовании социальных связей для лавинообразного распространения информации. Эффективность данной стратегии обусловлена феноменом «социального доказательства»: информация, полученная от релевантного лидера мнений или знакомого, обладает кратно более высоким уровнем достоверности, чем прямая реклама. В рамках этой стратегии бренд создает контент-инфоповоды, обладающие высокой эмоциональной валентностью, что побуждает пользователей к добровольному распространению сообщения.

– Персонализированная стратегия на основе Big Data. Использование алгоритмов машинного обучения позволяет брендам переходить от массовых коммуникаций к индивидуальным. Предиктивная аналитика дает возможность предлагать потребителю продукт или контент именно в тот момент, когда его мотивационная структура наиболее восприимчива к воздействию. Это позволяет бренду выступать не в роли агрессивного продавца, а в роли «помощника», что коренным образом меняет качество отношений с клиентом [5].

Современные стратегии продвижения в цифровой среде эволюционируют в сторону усложнения психологических механизмов воздействия. Успех бренда сегодня зависит от способности синтезировать технологические возможности платформ с глубоким пониманием семиотики и психологии человеческого восприятия.

Таким образом, в условиях глобальной цифровизации интернет-брендинг трансформировался из прикладного набора маркетинговых инструментов в фундаментальную стратегическую систему управления нематериальными активами организации. В ходе анализа теоретических основ и практического инструментария продвижения были сформулированы следующие выводы.

Во-первых, современный интернет-брендинг базируется на междисциплинарном подходе, объединяющем классические маркетинговые коммуникации с достижениями семиотики и психологии потребителя. Установлено, что в цифровой среде эффективность бренда определяется не только технологическим совершенством платформ (SEO, SMM, Big Data), но и способностью компании транслировать аутентичные смыслы и вызывать глубокий эмоциональный отклик. Семиотический анализ рекламных сообщений и управление «вокалическими» значениями контента становятся критическими факторами выживания в условиях информационного пренасыщения.

Во-вторых, систематизация инструментов продвижения показала, что наибольшую эффективность демонстрирует интегративная модель, где инструменты для охвата (контекстная реклама, инфлюенс-маркетинг) создают первичный импульс, а контент-маркетинг и поисковая оптимизация формируют долгосрочный фундамент доверия и экспертизы. Переход от монологовой рекламы к построению бренд-сообществ в социальных сетях позволяет компаниям аккумулировать социальный капитал, преобразуя пассивных потребителей в активных адвокатов бренда [1; 3].

В-третьих, реализация стратегий продвижения (омниканальности, персонализации, виральности) требует от субъектов хозяйствования высокой степени цифровой гибкости. Доказано, что использование технологий «Маркетинга 5.0» и предиктивной аналитики позволяет брендам не просто следовать за спросом, а превентивно формировать потребительские предпочтения, минимизируя когнитивные барьеры на пути к покупке [2; 5].

Стремительная эволюция цифровой среды ставит перед академическим и бизнес-сообществом новые вызовы. Перспективы дальнейших исследований в данной области видятся в изучении влияния генеративного искусственного интеллекта на процесс создания брендированного контента, а также в разработке этических протоколов взаимодействия брендов с персональными данными пользователей.

Можно сделать вывод, что сильный интернет-бренд сегодня – это сложная экосистема, успех которой зависит от гармоничного сочетания аналитического расчета, технологических инноваций и глубокого понимания психоэмоциональной структуры человеческой личности. Реализация предложенных в статье подходов позволит организациям не только адаптироваться к текущим изменениям рынка, но и занять лидирующие позиции в формирующемся ландшафте цифровой экономики XXI в.

Список использованной литературы

1. **Chaffey, D.** Digital Marketing / D. Chaffey, F. Ellis-Chadwick. – 7th ed. – London : Pearson, 2019. – 560 p.
2. **Котлер, Ф.** Маркетинг 5.0: технологии следующего поколения / Ф. Котлер, Х. Картаджайя, А. Сетьяван. – М. : БОМБОРА, 2022. – 272 с.
3. **Pulizzi, J.** Content Inc.: How Entrepreneurs Use Content to Build Massive Audiences and Create Radically Successful Businesses / J. Pulizzi. – 2nd ed. – New York : McGraw-Hill Education, 2021. – 352 p.
4. **Шарков, Ф. И.** Правовое регулирование коммуникационной деятельности в рекламе, связях с общественностью, журналистике : учеб. пособие / Ф. И. Шарков. – М. : Дашков и К°, 2007. – 324 с.
5. **Ryan, D.** Understanding Digital Marketing: Marketing Strategies for Engaging the Digital Generation / D. Ryan. – 4th ed. – London : Kogan Page, 2020. – 352 p.

ХІ. ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ: ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, ПРАКТИКА

УДК 334.735(091)

У. А. Аксёнаў (Akcenov392@mail.com),

студэнт

А. М. Аксёнаў (bodnanv@mail.ru),

канд. гіст. навук, дацэнт

Беларускі гандлёва-эканамічны
ўніверсітэт спажывецкай кааперацыі
г. Гомель, Рэспубліка Беларусь

ПЕРШЫЯ САЮЗЫ СПАЖЫВЕЦКІХ ТАВАРЫСТВАЎ НА ЭТНІЧНАЙ ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ: ЧАС І АСАБЛІВАСЦІ СТВАРЭННЯ

У артыкуле разглядаюцца асаблівасці ўзнікнення першых саюзаў спажывецкіх таварыстваў на тэрыторыі Беларусі ва ўмовах Першай сусветнай вайны і рэвалюцыйных падзей першай чвэрці XX ст. Асабліва ўвага надаецца дыскусійным пытанням па ацэнцы развіцця кааператыўнага будаўніцтва ў згадваемы перыяд.

This article examines the emergence of the first cooperative associations in Belarus during the First World War and the revolutionary events of the first quarter of the 20th century. Particular attention is paid to controversial issues in assessing the development of cooperative development during this period.

Ключавыя словы: кааператыўнае таварыства; саюзы кааператараў; Першая сусветная вайна; рэвалюцыя; Цэнтралізацыя.

Key words: cooperative association; cooperative associations; First World War; revolution; Central Belarusian Union.

Пытанні актыўнага распаўсюджвання кааператыўнай ідэалогіі на этнічнай тэрыторыі Беларусі ў пачатку XX ст. і звязаны з гэтым працэсам хуткі рост колькасці кааператываў спажывецкіх і членаў-пайшчыкаў у іх дастаткова поўна разгледжаны ў беларускай гістарыяграфіі вучонымі-эканамістамі, гісторыкамі [1–8]. Даступныя даследчыкам крыніцы ў асноўным прааналізаваны, зроблены абагульненні і высновы. Агульная карціна кааператыўнага будаўніцтва на беларускай зямлі ў першай чвэрці XX ст. у цэлым адлюстравана. Белыя плямы, прабелы ў ёй таксама ў асноўным пазначаны [9]. Аднак застаюцца некаторыя аспекты гісторыі кааператыўнага будаўніцтва ў беларускім рэгіёне перыяду Першай сусветнай вайны і першых гадоў савецкай эпохі, прыкладна 1914–1920 гг., вакол якіх працягваецца навуковая дыскусія вучоных і кааператараў-практыкаў. Так, напрыклад, ветэран беларускай спажывецкай кааперацыі В. В. Кавальчук мяркуе, што першым самым буйным саюзам на тэрыторыі Беларусі быў не Мінскі саюз, створаны 22 чэрвеня 1917 г., ад даты стварэння якога прынята весці адлік існавання адзінага агульнабеларускага цэнтра кааператыўнага руху – Белкаапсаюза. У сваіх публікацыях В. В. Кавальчук прыводзіць довады, што крыху раней такі буйны цэнтр ужо ўзнік у Гомелі [10]. Тады было б лагічна перанесці дату ўзнікнення цэнтра саюзага кааператыўнага будаўніцтва на беларускай зямлі на ранейшы тэрмін і лічыць месцам яго “нараджэння” не Мінск, а Гомель.

У артыкуле аналізуецца, з пункту гледжання храналогіі, працэс стварэння саюзаў спажывецкіх на беларускай зямлі. Метадалагічна правільна будзе разглядаць падзеі кааператыўнага будаўніцтва, па-першае, на ўсёй тэрыторыі этнічнай Беларусі. Расія да рэвалюцыі 1917 г. была унітарнай шматнацыянальнай дзяржавай, у якой пражывалі і беларусы. Існуе прызнаная вучонай супольнасцю карта рассялення беларусаў на пачатак XX ст., складзеная акадэмікам Я. Ф. Карскім (1903 г.), прафесарам М. В. Доўнар-Запольскім (1919 г.), іншымі вядомымі этнографамі таго часу. У савецкі перыяд XX ст., пасля ўзнікнення беларускай нацыянальнай дзяржаўнасці (Савецкая Сацыялістычная Рэспубліка Беларусь, Беларуская Савецкая Сацыяліс-

тычная Рэспубліка (БССР), палітычныя і этнічныя межы беларусаў не будуць супадаць. На момант стварэння кааператыўных саюзаў на беларускай зямлі, у 1914–1918 гг., беларуская нацыя, якая завяршала сваё фармаванне, яшчэ не мела ўласнай дзяржаўнасці. Лагічна ў такіх умовах разглядаць працэс аб’яднання таварыстваў спажывцоў у кааператыўныя саюзы ў этнічных межах беларусаў перыяду Расійскай імперыі. Першыя саюзы кааператараў на беларускіх землях складаюцца ў гады Першай сусветнай вайны. У гэты час беларуская тэрыторыя Расіі была падзелена на дзве часткі расійска-германскім Заходнім фронтам – галоўным “шчытом” Расіі, самым магутным і насычаным войскамі – з паўтара мільёнамі салдат. Ён праходзіў з кастрычніка 1915 г. да завяршэння вайны па лініі Дзвінск – Паставы – Смаргонь – Баранавічы – Пінск.

Падзеі гэтага перыяду, звязаныя з аб’яднаннем кааператываў спажывцоў у саюзы, якія адбываліся на незанятай ворагам беларускай тэрыторыі, гісторыкамі дастаткова падрабязна вывучаны. Аднак поўнай карціны аналагічных працэсаў на беларускай тэрыторыі, занятай войскамі кайзераўскай Германіі перыяду 1914–1918 гг., пакуль няма. Можна меркаваць, што спробы аб’яднання асобных кааператыўных таварыстваў у саюзы там вялікага поспеху не мелі з улікам ваенна-палітычнага становішча. Праблему кааператыўнага будаўніцтва ў разглядаемы перыяд на этнічнай тэрыторыі беларусаў, якая не ўвайшла ў склад БССР (Смаленшчына, усходняя частка Браншчыны, беларускія раёны Пскоўшчыны), для беларускіх гісторыкаў можна назваць недаследаванай. Першыя кааператывы гэтага рэгіёна больш імкнуліся да агульнарасійскага кааператыўнага цэнтра ў Маскве (Маскоўскі саюз спажывецкіх таварыстваў створаны ў 1898 г.). З кааператарамі Гомельшчыны, Віцебшчыны, Магілёўшчыны яны наладжвалі не саюзныя адносіны, а пераважна партнёрскія, эканамічнага характару. Названая вышэй праблема яшчэ чакае сваіх даследчыкаў.

Пры аналізе працэсаў кааператыўнага будаўніцтва ў разглядаемы перыяд важна ўлічваць колькасныя і якасныя паказчыкі: на якой тэрыторыі фармаваўся кааператыўны саюз, колькі спажывецкіх таварыстваў уваходзіла ў яго склад, якая была колькасць яго членаў-пайшчыкаў, як выглядалі асноўныя фінансава-эканамічныя паказчыкі, наколькі эфектыўнай была арганізацыйна-кааперацыйная работа, а таксама шэраг іншых фактараў.

Звернемся да храналогіі падзей, звязаных з утварэннем кааператыўных саюзаў на тэрыторыі Беларусі ў яе этнічных межах. Першы ў Беларусі саюз “Гандлёва-прамысловае таварыства кааператараў Гомельскага раёна” ўзнік у 1915 г. У яго ўступіла 10 спажывецкіх таварыстваў. Быў устаноўлены паявы ўзнос у суме 60 р. Таварыства атрымала крэдыт Руска-Азіяцкага банка на суму 100 тыс. р.; акрамя таго, 13 тыс. р. – пазыкі прыватных асоб, 4,5 тыс. р. – з земскай касы. Такім чынам, агульная сума сродкаў, якая была ў распараджэнні Таварыства, склала 118 тыс. р. За 3,5 мес. яго абарот дасягнуў 71 тыс. р., чысты прыбытак – 2,2 тыс. р. Хаця фармальна было абрана праўленне Таварыства, фактычна яго справамі кіраваў земскі харчовы аддзел.

У 1916 г. утварыліся яшчэ тры саюзы: Сенненскі, Аршанскі і Магілёўскі. У тым жа годзе адбылося аб’яднанне спажывецкіх таварыстваў Віцебска. Такім чынам, саюзы спажывецкіх таварыстваў утварыліся амаль ва ўсіх беларускіх губернях, не занятых войскамі кайзераўскай Германіі. На Міншчыне да 1917 г. аб’яднанне спажывецкіх кааператываў у саюзы дакументальна не зафіксавана.

Як адзначаюць даследчыкі Л. М. Міхневіч, У. М. Басаў і інш., стыхійны рост кааператыўнага руху выклікаў незадаволенасць памешчыкаў, сельскай буржуазіі, гандляроў, якія бачылі ў кааперацыі сур’ёзнага канкурэнта. Пры знешне добразычлівым стаўленні да спажывецкіх кааператываў буржуазія, якая пракралася ў кааперацыю, усяляк імкнулася падпарадкаваць яе развіццё свайму ўплыву. Прадстаўнікі кіруючых колаў таксама імкнуліся ўзяць пад кантроль працэс кансалідацыі кааператываў у рэгіёнах і мець пры гэтым свае эканамічныя выгады. У Мінскай земскай управе быў створаны кааператыўны аддзел са штатам спецыяльных інструктараў. У Гомелі земства пасля працяглай барацьбы фактычна авалодала кіраваннем у кааператыўным саюзе. У Віцебску ў 1916 г. таксама была створана спецыяльная земская камісія па кааперацыі.

Як ішоў працэс фармавання Мінскага саюза кааператараў? Ці быў ён канкурэнтам саюза кааператараў Гомельшчыны, які ўзнік вясной 1915 г.? Ці магло Гандлёва-прамысловае таварыства кааператараў Гомельскага раёна прэтэндаваць на ролю агульнабеларускага цэнтра кааператыўнага руху? У артыкуле В. В. Кавальчука (пераклад аўтара) напісана наступнае: “У гады Першай сусветнай вайны становішча найбяднейшых пластоў насельніцтва значна пагоршылася. Нястрымны рост коштаў, інфляцыя, закрыццё прамысловых прадпрыемстваў, мабілізацыя ў войска большай часткі працаздольнага насельніцтва – усё гэта паставіла жыхароў

краіны на мяжу спусташэння і з'явілася заахвочвальным матывам да росту кааператыўнага руху. Не выпадкова толькі ў Гомельскім павеце ў 1915 г. дзейнічала ўжо 26 таварыстваў... Да гэтага часу спажывецкія таварыствы былі па сутнасці раз'яднаны. Частка кааператываў, якія функцыянавалі на Гомельшчыне, уваходзіла ў склад Маскоўскага саюза спажывецкіх таварыстваў, які адыгрываў у тыя гады ролю ўсерасійскага кааператыўнага цэнтра. Сярод іх Рэчыцкае таварыства, якое ўступіла ў гэты саюз у 1900 г., таварыства Гомельскіх чыгуначных майстэрняў (год уступлення 1909), Насовіцкае (1911 г.) – усё Гомельскага павета, Ленінскае таварыства Мазырскага павета, якое стала членам Маскоўскага саюза ў 1914 г. На тэрыторыі Беларускага краю такіх аб'яднанняў не было, першымі вырашылі стварыць саюз кааператары Гомельшчыны. На з'ездзе спажывецкай кааперацыі Гомельскага павета, які праходзіў 24–25 красавіка 1915 г., было створана Гандлёва-прамысловае таварыства кааператараў Гомельскага раёна. Больш за палову ўсіх кааператываў павета адразу ж уступіла ў аб'яднанне. Таварыству быў выдадзены крэдыт у аддзяленні Руска-Азіяцкага банка ў памеры 100 тыс. р., прыватныя асобы падалі 13 тыс. р. у выглядзе пазыкі, земская каса вылучыла 4,5 тыс. р. У першыя 3,5 мес. абарот таварыства склаў 71 тыс. р., чысты прыбытак – 2,2 тыс.» [10, с. 49]. Звернем увагу на аргумент В. В. Кавальчука на карысць таго, што першым на тэрыторыі Беларусі цэнтрам аб'яднання кааператараў стаў Гомель. Ён піша: «Хоць на тэрыторыі цяперашняй Беларусі неўзабаве пачалі з'яўляцца іншыя кааператыўныя аб'яднанні, Гомельскае таварыства і надалей заставалася самым буйным. На 1 студзеня 1917 г. у яго ўваходзіла 160 кааператываў Гомельскага павета, а таксама шэраг іншых з паветаў Магілёўскай губерні (да якой тады адносіўся і Гомельскі) і частка паветаў Мінскай і Чарнігаўскай губерняў» [10, с. 49].

У артыкуле В. В. Кавальчука адзначаецца, што Гомельскае таварыства развівалася хуткімі тэмпамі. Яно вяло закупкі тавараў па ўсёй Расіі і збывала іх праз разгалінаваную сетку сваіх крам. Так, завезены ў 1917 г. вагон алею адразу ж паступіў у продаж. Акрамя таго, таварыства займалася і іншымі відамі дзейнасці. Закуплялася гарбарная сыравіна, з якой вырабляўся шавецкі матэрыял. Кааператары Маркавіцкай воласці па ініцыятыве настаўніка Д. І. Кавалёва адкрылі на станцыі Церахаўка майстэрню па вытворчасці абаранкаў, выпякаючы за суткі каля 100 пудоў. Яны арандавалі крупадзёрку і закупленае зерне перапрацоўвалі ў крупы, якія рэалізавалі ў Гомелі. Таварыства таксама займалася закупкай сырых скур і вырабляла з іх шавецкі матэрыял. У таварыстве першымі ў Беларусі зразумелі неабходнасць кааператыўнай адукацыі і арганізавалі чытанне лекцый па рахункаводству, а ў 1917 г. там пачалі выпускаць газету “Кааператар”, якая прапагандавала ідэі кааперацыі. Не засталася без увагі культурна-асветніцкая работа. Так, таварыства вёскі Глыбоцкае Гомельскага павета накіравала 5 тыс. р. для будаўніцтва народнай хаты як цэнтра гэтай працы. Такім чынам, Гомельскае гандлёва-прамысловае таварыства да 1917 г. уяўляла сабой самавітае прадпрыемства, абарачэнне якога за 1916 г. перавышала адзін мільён рублёў, значны па тых часах паказчык» [10, с. 50].

Вышэйапісаны фактычны матэрыял дае даволі поўную карціну ўніверсальнай дзейнасці гандлёва-прамысловага таварыства кааператараў Гомельшчыны ў 1915–1917 гг. З гэтага вынікае, што па размаху арганізацыйнай-кааператыўнай працы, колькасці кааператыўных таварыстваў, што ўдзельнічалі ў кааператыўных таварыствах, членаў-пайшчыкаў больш моцных кааператыўных саюзаў у дакастрычніцкі перыяд на беларускай зямлі не было.

Што вядома пра Саюз спажывецкіх таварыстваў Мінскага раёна, ад стварэння якога 22 чэрвеня 1917 г. адлічваецца гісторыя Белкаапсаюза?

Да Лютаўскай рэвалюцыі 1917 г. на Міншчыне не было створаных саюзаў кааператараў. Аднак варта прызнаць, што Першая сусветная вайна, якая пачалася ў 1914 г., унесла значныя змены ў працэс кансалідацыі спажывецкіх таварыстваў у саюзы на беларускай зямлі, змяніла яго шлях. Беларусь стала арэнай ваенных дзеянняў. Лінія абароны Заходняга фронту, створаная ў 1915 г., падзяліла беларускі народ на дзве часткі на некалькі гадоў, унесла карэктуючую ў працэс кааператыўнага будаўніцтва ў Беларусі.

У новых гістарычных умовах, звязаных з падзеямі Першай сусветнай вайны, прыблізна з 1917 г. Мінск становіцца цэнтрам аб'яднання беларускіх спажывецкіх кааператываў. У маі 1917 г., неўзабаве пасля перамогі Лютаўскай рэвалюцыі і звяржэння расійскага самадзяржаўя, пры Мінскім губернскім земстве на аснове закона “Аб кааператыўных таварыствах і іх саюзах”, прынятага 20 сакавіка 1917 г. Часовым урадам, быў створаны кааператыўны аддзел. Ён сутыкнуўся з задачай па ўпарадкаванню і арганізацыі працы кааператыўных арганізацый на тэрыторыі Мінскай губерні ва ўмовах ваеннага часу. Кааператыўным аддзелам земства было падрыхтавана скліканне агульнагубернскага кааператыўнага з'езда, які адбыўся ў Мінску

20–22 чэрвеня 2017 г. На з’ездзе было 82 дэлегаты, з якіх яўная большасць (49) прадстаўляла спажывецкую кааперацыю [2, с. 6].

22 чэрвеня 1917 г. удзельнікі першага Агульнагубернскага (арганізацыйнага) з’езда прадстаўнікоў кааператывных таварыстваў прагаласавалі за стварэнне Саюза спажывецкіх таварыстваў Мінскага раёна, які заклаў аснову для стварэння ў будучым Белкаапсаюза. Зона дзейнасці Саюза ўключала ўсю Мінскую, частку Віленскай, Магілёўскай губерняў, Полацкі ўезд Віцебскай губерні. Кіруючымі органамі створанага Саюза спажывецкіх таварыстваў Мінскага раёна сталі Сход упаўнаважаных, Праўленне і Кантрольны савет. П. Т. Рудэнка быў абраны старшынёй Праўлення Саюза.

24 ліпеня 1918 г. па рашэнні Сходу ўпаўнаважаных спажывецкіх таварыстваў Саюз спажывецкіх таварыстваў Мінскага раёна быў перайменаваны ў Цэнтральны саюз спажывецкіх таварыстваў Беларускага краю (Цэнтрабелсаюз). Змена назвы звязана з вострай патрэбай Саюза ў атрыманні крэдытаў і неабходнасцю ўвайсці ў Цэнтральны саюз крэдытнай кааперацыі Беларускага краю, што было абавязковай умовай для перайменавання Саюза. Тэрыторыя Цэнтрабелсаюза, якая ахоплівала амаль увесь беларускі рэгіён, таксама значна пашырылася. На падставе рашэння Сходу ўпаўнаважаных Мінскі акруговы суд 19 верасня 1918 г. прыняў пастанову аб перайменаванні Саюза і яго рэгістрацыі пад новай назвай. К. Турчыновіч быў абраны Старшынёй Праўлення Саюза, а яго першым намеснікам стаў В. А. Пратас. 3 лістапада 1920 г. па верасень 1921 г. кіраўніком Цэнтрабелсаюза быў В. Бонк. На 1 студзеня 1919 г., да таго часу, калі нямецкая акупацыя тэрыторыі Беларусі была завершана, Цэнтрабелсаюз налічваў 156 кааператываў з 56 318 пайшчыкамі [1].

Аналіз найбольш важных падзей у гісторыі кааператывнага руху на беларускай зямлі дазваляе нам зрабіць наступныя высновы. 3 красавіка 1915 г. да лета 1917 г. найбуйнейшым і самым уплывовым цэнтрам аб’яднання спажывецкіх кааператываў у Беларусі было Гандлёва-прамысловае таварыства кааператараў Гомельскага раёна. Пазіцыя ветэрана беларускай спажывецкай кааперацыі В. В. Кавальчука ў гэтай частцы цалкам апраўданая і бясспрэчная. Менавіта Гандлёва-прамысловае таварыства кааператараў Гомельскага раёна, створанае ў красавіку 1915 г., стала першым буйным рэгіянальным саюзам на этнічнай тэрыторыі Беларусі. Гэтая дата цалкам можа быць выкарыстана ў якасці першапачатковай падзеі ў гісторыі стварэння Белкаапсаюза. Станоўчым у такім выпадку была б ранейшая на два гады дата стварэння Белкаапсаюза.

Прынятая ў цяперашні час афіцыйная дата стварэння Саюза спажывецкіх таварыстваў Мінскага раёна (22 чэрвеня 1917 г.) як дзень “нараджэння” Белкаапсаюза таксама апраўдана і законна выкарыстоўваецца ў краіне. Менавіта Мінскі саюз быў перайменаваны ў Цэнтральны саюз спажывецкіх таварыстваў Беларускага краю (Цэнтрабелсаюз), кааператывнае будаўніцтва на беларускай зямлі ў савецкі перыяд гісторыі разгарнулася вакол яго. Гэтыя падзеі разгарнуліся крыху пазней па часе.

Разгледжаныя факты пацвярджаюць толькі багаты вопыт кааператывнага будаўніцтва ў Беларусі. Абедзве згаданыя даты і падзеі, звязаныя з імі, можна ўрачыста адзначаць у сучаснай Рэспубліцы Беларусь.

25 красавіка 2025 г. споўнілася 110 гадоў з моманту стварэння першага, найбуйнейшага ў дакастрычніцкі перыяд на беларускай зямлі Саюза кааператараў у Гомелі. Аўтары артыкула мяркуюць, што ў гонар гэтай памятнай даты было б мэтазгодна ўрачыста адкрыць на будынку Гомельскага абласнога спажывецкага таварыства па вуліцы Гагарына спецыяльную мемарыяльную дошку.

22 чэрвеня 2027 г. будзе 110 гадоў з часу стварэння Саюза спажывецкіх таварыстваў Мінскага раёна і Белкаапсаюза. Кааператары краіны ўжо пачалі падрыхтоўку да гэтай важнай даты. Святкаванне яе не замянае таму, каб падчас урачыстасцяў згадаць пра пачатак нацыянальнага саюзнага кааператывнага будаўніцтва ў 1915 г. на Гомельшчыне.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. **Михневич, Л. М.** Торговля Белоруссии (1900–1970 гг.) / Л. М. Михневич. – Мн. : Наука и техника, 1973. – 224 с.
2. **Потребительская** кооперация Белорусской ССР / Г. З. Грищенко [и др.]. – Мн. : Ураджай, 1989. – 144 с.
3. **Аксёнов, А. Н.** Потребительские кооперативы Беларуси: зарождение и развитие / А. Н. Аксёнов // Потребительская кооперация. – 2016. – № 4. – С. 3–7.

4. **Аксёнов, А. Н.** Белкоопсоюз: становление и годы испытаний (1917–1921 годы) / А. Н. Аксёнов // Потребительская кооперация. – 2017. – № 1 (56). – С. 3–12.
5. **Басов, В. Н.** История потребительской кооперации Беларуси: события, факты, комментарии 1869–1941 гг. / В. Н. Басов. – Мн. : ГИВЦ Минсельхозпрода, 2010.
6. **Белкоопсоюз: 100 лет заботы о людях = Belcoopsoyuz: 100 years of caring service** / сост. В. В. Андриевич, В. Ф. Николайчук; авт. текста В. Ф. Николайчук; ред. совет: В. Н. Иванов, В. В. Андриевич, А. Н. Аксёнов [и др.]. – Мн. : Бел. энцикл. імя Петруся Броўкі, 2017. – 240 с.
7. **Сахарова, Д. Б.** История и теория кооперативного движения : учеб. пособие / Д. Б. Сахарова, И. С. Котов. – 2-е изд., испр. – Мн. : Новое знание, 2009.
8. **Сахарова, Д. Б.** Генезис и особенности развития потребительской кооперации Беларуси (вторая половина XIX века – 1917 год) / Д. Б. Сахарова // Потребительская кооперация. – 2012. – № 2 (37). – С. 16–21.
9. **Аксёнов, А. Н.** Становление и развитие белорусской потребкооперации: методологические аспекты и особенности исторических исследований / А. Н. Аксёнов // Эффективность сферы товарного обращения и труда : сб. науч. ст. IX Писаренков. чтений, г. Гомель, 26 окт. 2023 г. / редкол.: С. Н. Лебедева [и др.] ; под науч. ред. канд. экон. наук, доцента Т. В. Гасановой, канд. экон. наук, доцента А. З. Коробкина. – Гомель : Бел. торгово-экон. ун-т потреб. кооп., 2023. – С. 6–9. – 1 CD-ROM.
10. **Ковальчук, В. В.** Страницы истории потребительской кооперации Гомельской области / В. В. Ковальчук // Потребительская кооперация. – 2025. – № 3 (90). – С. 48–58.